ИНСТИТУТ ЭКОЛОГИИ РАСТЕНИЙ И ЖИВОТНЫХ
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

INSTITUTE OF PLANT AND ANIMAL ECOLOGY
OF THE URAL DIVISION OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»

INDEPENDET NONCOMMERCIAL ASSOCICIATION
«INSTITUTE FOR ARCHEOLOGY OF THE NORTH»

SERIES "MATERIALS AND RESEARCH RELATING TO THE HISTORY OF THE NORTH OF WESTERN SIBERIA"

G. P. Vizgalov, O. V. Kardash, P. A. Kosintsev, T. V. Lobanova

Historical ecology of the population of the north of Western Siberia

Nefteyugansk
Institute for archeology of the North

Yekaterinburg
AMB Publishing

2013

СЕРИЯ «МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ»

Г. П. Визгалов, О. В. Кардаш, П. А. Косинцев, Т. В. Лобанова

Историческая экология населения севера Западной Сибири

Нефтеюганск
Институт археологии Севера

Екатеринбург
Издательство АМБ

2013

УДК [572.02:572.951.6]:502.05(571.1)
ББК 28.708(253.3)
И90

Серия основана в 2002 году

Авторы: Г. П. Визгалов, О. В. Кардаш, П. А. Косинцев, Т. В. Лобанова
Под общей редакцией канд. биол. наук П. А. Косинцева
Научные редакторы: канд. ист. наук Б. Б. Овчинникова, канд. биол. наук О. П. Бачура
Руководитель издательского проекта М. Б. Горбунова

Фотографии животных Е. Уваровой и Е. Дударева (Екатеринбургский зоопарк),
а также с сайтов www.nationalgeographic.ru, www.nationalgeographic.com
Рисунки рыб В. Д. Богданова, рисунки птиц В. К. Рябицева

Монография была рассмотрена на заседании ученого совета Института экологии растений и животных УрО РАН, протокол № 7 от 28 декабря 2012 г. и рекомендована к изданию.

Рецензенты: д-р биол. наук А. В. Бородин, д-р биол. наук Р. М. Хантемиров

Издание подготовлено АНО «Институт археологии Севера» на собственные средства и средства организаций-учредителей, выпущено на средства ООО «НПО «Северная археология».

Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований УрО РАН, проект № 12-4-7-035 «Арктика».

И90 **Историческая экология населения севера Западной Сибири** / Г. П. Визгалов [и др.] ; под общ. ред. П. А. Косинцева. — Нефтеюганск : Институт археологии севера ; Екатеринбург : Издательство АМБ, 2013. — 376 с. : ил. — (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири ; вып. 4).

ISBN 978-5-8057-0859-7

В книге представлены фрагменты опубликованных фольклорных и письменных источников (включая изобразительные) русских и иностранных авторов XIII — начала XX в., а также данные комплексных исследований археологических памятников севера Западной Сибири с эпохи неолита (6-е тыс. до н. э.) до XIX в. включительно, содержащие информацию по исторической экологии населения региона. Представлены результаты археозоологических, археоботанических, палинологических и дендрохронологических исследований и радиоуглеродного датирования археологических памятников. Издание может служить источником для реконструкций истории расселения, хозяйства и адаптации к условиям среды населения севера Западной Сибири в древности и Средневековье.

Книга рассчитана на широкий круг специалистов, занимающихся проблемами истории взаимодействия человека и природы, истории, культуры и экологии народов Крайнего Севера.

УДК [572.02:572.951.6]:502.05(571.1)
ББК 28.708(253.3)

ISBN 978-5-8057-0859-7

© АНО «Институт археологии севера», 2013
© Оформление. Издательство АМБ, 2013

ВВЕДЕНИЕ

Историческая экология человека — это комплексная дисциплина, которая изучает весь спектр жизнедеятельности человеческих коллективов прошлого, связанных с системой жизнеобеспечения, включая изучение ряда характеристик самого человека и осваиваемые ими участки природной среды.

Историческая экология человека рассматривает экологию хозяйственных коллективов в конкретной локальной точке географического пространства в течение какого-то исторического отрезка времени. Эксплуатируемая территория — это участок территории, относительно регулярно посещаемый членами хозяйственного коллектива для ведения производственной деятельности. Площадь его определяется типом и структурой хозяйства, существующего у конкретного коллектива. Прежде всего отметим, что эксплуатируемая территория — это не абстрактная часть пространства, а конкретная территория с соответствующим климатом, ландшафтом, фауной и флорой. Все это в совокупности обусловливает определенную биологическую продуктивность территории, от величины которой зависит сама возможность проживания на ней человека, а также продолжительность и сезонность ее хозяйственного освоения. Любая эксплуатируемая территория располагается в конкретной природной зоне.

Рассматриваемая в работе территория полностью охватывает тундровую и лесотундровую зоны и подзону северной тайги таежной зоны, находящихся в пределах Западно-Сибирской равнины, с климатом от умеренно континентального до континентального (Западная Сибирь). По территориально-административному делению она включает всю территорию Ямало-Ненецкого автономного округа, северные районы Ханты-Мансийского автономного округа и приенисейскую территорию Красноярского края. В орографическом плане она занимает северную часть Западно-Сибирской равнины, а также восточные склоны гор Полярного Урала. Равнинная территория округа имеет вид плоской, наклонной, открытой к северу поверхности, с несколько приподнятыми краями в Предуралье и вдоль Енисея [Атлас Ямало-Ненецкого автономного округа]. Территория весьма заболоченная из-за очень слабого дренажа. Здесь представлены разные типы ландшафтов. Каждый из них характеризуется главным образом сочетанием определенных типов рельефа и растительности. Так, можно выделить следующие основные ландшафты: *открытого типа* (горы и тундра) — древесная растительность в них отсутствует; *полуоткрытого типа* (лесотундра), в которых крупные участки леса перемежаются большими безлесными участками; и *закрытого типа* (тайга), в которых почти всю территорию покрывает лес. По сочетанию особых природных комплексов выделяются специфические ландшафты, например морские побережья, долины крупных рек и др. Соответственно, каждый ландшафт включает определенный набор видов растений и животных с определенной численностью каждого вида, что обусловливает биологическую продуктивность конкретного типа ландшафта. А она, в свою очередь, влияет на число людей (количество и численность хозяйственных коллективов), которое может прокормиться в данном ландшафте за счет биологических ресурсов при присваивающем типе экономики (демографическую емкость ландшафта). Тип ландшафта определяет не только численность населения, но и характер расселения, типы жилищ, способы и средства передвижения и многое другое. При присваивающей экономике ландшафт определяет весь жизненный уклад населения.

На территории собственно Урала представлены горные ландшафты, с очень низкой биологической продуктивностью и не пригодные для сколько-нибудь длительного проживания человека. Предгорные ландшафты распространены вдоль Уральских гор (рис. 1 и 2), и их биологическая продуктивность достаточна для обеспечения сезонного проживания небольших коллективов людей. Самый север региона занимают открытые тундровые ландшафты (рис. 7, 8), которые могут обеспечить также только сезонное проживание небольших человеческих коллективов. К югу от тундр расположены полуоткрытые лесотундровые ландшафты (рис. 5, 6, 9), их биологическая продуктивность достаточно высока, и они подходят для круглогодичного проживания небольших коллективов. Подобной биологической продуктивностью обладают и закрытые ландшафты северной тайги (рис. 10, 12), занимающие южную часть территории региона. В пределах территории выделяются своеобразные ландшафты долин крупных рек (рис. 3, 4, 11, 12), биологическая продуктивность

которых максимальна среди всех типов ландшафтов, представленных в регионе. Такие ландшафты пригодны для круглогодичного проживания достаточно больших человеческих коллективов.

Историческая экология населения региона отражена в целом ряде источников. Характер их связан со временем жизни изучаемых человеческих коллективов. Как и все виды исторических источников, они могут быть разделены на источники дописьменного и письменного периодов. Источники дописьменного периода представляют собой археологические памятники, исследованные археологическими и палеоэкологическими методами. Начало археологического изучения севера Западной Сибири было положено в 20–30-х годах XX столетия В. Н. Чернецовым и А. В. Андриановым [Ямал традиционный], но до конца 1980-х годов изучение это было эпизодическим.

В конце 1980-х годов начинается период интенсивного археологического изучения севера Западной Сибири, что связано как с увеличением хоздоговорных работ в ходе нефтегазового освоения региона, так и с целенаправленной поддержкой археологических исследований администрацией ЯНАО. Это позволило проводить широкомасштабные стационарные исследования ряда крупных археологических памятников (Мангазеи, Надымского, Усть-Полуйского, Усть-Войкарского городищ и др.). В археологических исследованиях активное участие принимают специалисты естественно-научного профиля, применяющие при изучении археологических памятников палеоэкологические методы. Все это привело к накоплению значительных объемов не только археологической, но и историко-экологической информации. В результате к настоящему времени для этого региона сформирован самый крупный для севера Евразии корпус историко-экологических источников из археологических памятников. Для субарктической зоны он практически не имеет аналогов в мире. Результаты этих исследований важны не только для севера Западной Сибири, но и для севера европейской части и севера Восточной Сибири, учитывая тот факт, что из-за отличной ландшафтно-климатической ситуации подобных археологических объектов там нет.

На рассматриваемой территории известны и исследованы археологические памятники начиная с эпохи мезолита до исторического (этнографического) времени [История Ямала]. Информацию для изучения исторической экологии человека содержат далеко не все исследованные памятники. В силу физико-химических свойств почво-грунтов, вмещающих культурные слои памятников, она практически отсутствует для периодов с эпохи мезолита до раннего железного века. Памятники средневековья и этнографического времени содержат наибольший объем информации по исторической экологии населения региона, полученной археологическими и палеоэкологическими методами. Часть этих данных была опубликована ранее [Косинцев, 2005].

С началом освоения севера Западной Сибири русским населением появляются не только письменные источники, которые значительно увеличили объем информации по исторической экологии населения региона, но и новые археологические памятники, оставленные этим населением. С этого времени археологические памятники условно можно разделить на две группы — аборигенного населения и русского населения. Но следует отметить особенность культурных слоев русских поселений. Дело в том, что практически на всех русских поселениях, как в прошлом, так и в настоящем, проживало некоторое количество аборигенного населения. Кроме того, русское население широко использовало в хозяйстве орудия и предметы аборигенного производства или сделанные по их образцу. Поэтому культурный слой русских поселений всегда содержит «примесь» артефактов, принадлежавших аборигенному населению [Белов, Овсяников, Старков, 1980; Визгалов, Пархимович, 2008]. Изучению хозяйства русского населения севера Западной Сибири посвящено относительно немного работ [Абрамов, 1993; Буцинский, 1999а, б; Вилков, 1967; Миненко, 1975; Туров, 2006, 2007].

Наряду с историко-экологическими данными из археологических памятников для севера Западной Сибири имеется значительный объем письменных источников, содержащих историко-экологическую информацию. Эти источники охватывают исторический период с начала освоения территории русским населением и характеризуют историческую экологию как аборигенного, так и пришлого населения.

Хозяйство и быт аборигенного населения севера Западной Сибири XVII–XIX веков описан в очень большом количестве работ. Обусловлено это политическими и экономическими причинами. Указанный период стал переломным в жизни аборигенного населения: шел процесс его включения в административную и экономическую структуру Российского государства, с чем были связаны значительные изменения в этническом и родоплеменном составе, образе жизни и хозяйстве коренного населения. Эти изменения уже неоднократно описывались и анализировались. Наибольшее внимание уделялось изменениям в общественной сфере — административной, правовой, социальной, этнической [Васильев, 1979; Главацкая, 2005; Долгих, 1960; 1970; Конев, 1995; Миненко, 1975; Перевалова, 2004; Бахрушин, 1955а; Соколова, 1983; Зибарев, 1990; Мартынова, 1998; Огрызко, 1941]. Изменениям, произошедшим в хозяйстве, посвящено значительно меньше работ [Головнев, 1993; Крупник, 1989; Лукина, 1985; Федорова, 2000].

К этому периоду относится ряд коренных изменений в хозяйстве аборигенного населения. Во-первых, завершается формирование крупностадного оленеводства у ненцев. Во-вторых, объясачивание населения способствует все большему распространению охоты на пушные виды. В-третьих, в значительных количествах появляются промышленные товары (изделия из металла, ткани), в связи с чем меняется структура домашних производств. В-четвертых, появляются сети, и формируется сетевое рыболовство на крупных реках. В-пятых, в регион завозится значительное количество продуктов, ранее здесь отсутствовавших (мука, сахар, чай, водка и т. д.), что вызвало изменение рациона питания. В-шестых, в регион завозят новые виды домашних животных (крупный рогатый скот, свинья, лошадь), разведением которых начинает заниматься и коренное население. Все эти новшества привели к изменениям структуры хозяйственного цикла и соотношения разных направлений хозяйственной деятельности, появлению ее новых видов, а в итоге существенно изменили ряд экологических характеристик коренного населения.

Таким образом, имеется достаточно полный корпус источников по исторической экологии населения севера Западной Сибири для большого исторического периода, что позволяет проводить комплексные реконструкции исторической экологии населения не только письменного, но и дописьменного периода.

Одним из основных препятствий для проведения таких реконструкций является неполная публикация историко-экологических источников или публикация многих из них в малодоступных изданиях. По этой причине авторы видят основную задачу данной работы во введении в научный оборот широкого круга источников по исторической экологии человека на севере Западной Сибири.

Обсуждение проблем изучения хозяйственной деятельности и — шире — экологии русского и аборигенного населения севера Западной Сибири со специалистами: историками, этнографами и археологами — показало, что для их решения необходим комплексный анализ данных разных источников. Необходимо знание о предшествующем состоянии хозяйства и о его изменении в разные периоды вплоть до современности. В связи с этим встал вопрос об объеме корпуса источников по истории хозяйства, о принципах извлечения из них информации и о сведении вместе данных различных источников.

Авторы исходят из того, что хозяйство является функциональным проявлением экологии человека. Проблемы истории хозяйства входят в круг проблем исторической экологии человека. Корпус источников, характеризующих историческую экологию человека на территории Западной Сибири, достаточно разнообразен. Его основу составляют источники, связанные с историей хозяйства, главным образом промысловой деятельности. В него также входят источники, содержащие демографические, санитарно-гигиенические, эпидемиологические данные и данные о хозяйственно-бытовой деятельности населения, связанные с его системой жизнеобеспечения. Для интерпретации этих источников и, главным образом, для выполнения обоснованных исторических реконструкций необходимо привлечение большого объема данных по этноэкологии населения и природной среде региона.

Число таких источников весьма велико, привести в одной работе их все практически невозможно, поэтому в данном издании приведены часть письменных источников и все доступные историко-экологические источники из археологических памятников. Из последних наибольший объем и полноту имеют археозоологические материалы, отражающие промысловую деятельность населения севера Западной Сибири от древности до этнографического времени. Основой для их содержательной интерпретации являются данные по биологии промысловых видов и в целом по промысловым ресурсам региона — они также приводятся. Историко-экологические источники из археологических памятников, имеющиеся на сегодняшний день для севера Западной Сибири, приведены с исчерпывающей полнотой. Данные по промысловым ресурсам достаточны для реконструкций промысловой деятельности в масштабах крупных районов.

По мнению авторов, собранные вместе, историко-экологические источники облегчат работу исследователям, изучающим историческую экологию населения севера Западной Сибири в древности и Средневековье; позволят сделать достаточно обоснованными реконструкции расселения, промысловой и хозяйственной деятельности и путей адаптации аборигенного и русского населения к природным условиям региона.

Авторы надеются, что они в значительной мере выполнили поставленную задачу.

Введение и заключение данной коллективной монографии подготовлены П. А. Косинцевым и О. В. Кардашем; главы 1, 2 — П. А. Косинцевым; глава 3 подготовлена Г. П. Визгаловым, О. В. Кардашем, П. А. Косинцевым и Т. В. Лобановой.

Созданием настоящей работы авторы обязаны кандидату исторических наук А. Н. Алексашенко, кандидату биологических наук О. П. Бачуре, Н. Е. Бобковской, А. Г. Брусницыной, А. А. Воробьеву, члену-корреспонденту РАН А. В. Головневу, кандидатам биологических наук В. М. Горячеву и М. А. Гурской, А. В. Гусеву, Е. А. Жирных, кандидату исторических наук А. П. Зыкову, О. М. Короне, кандидату исторических наук Л. Л. Косинской, Е. А. Кочегову, кандидату исторических наук Е. А. Курлаеву, А. В. Лобановой, О. В. Малоземовой, кандидату биологических наук Н. В. Мартыновичу, кандидату исторических наук В. М. Морозову, А. Е. Некрасову, К. А. Ощепкову, кандидату биологических наук Н. К. Пановой, А. В. Пантелееву, С. Г. Пархимовичу, кандидатам исторических наук Д. О. Плахуте и Д. И. Ражеву, А. В. Соколкову, Д. О. Стародумову, В. И. Стефанову, кандидатам исторических наук Е. Г. Федоровой и Н. В. Федоровой, доктору антропологии В. В. Фицхью, доктору биологических наук Р. М. Хантемирову. Особую благодарность авторы выражают С. Е. Алексееву, директору ГКУ Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики» (г. Салехард).

Рис. 1. Ландшафт предгорий и гор Полярного Урала. Ямало-Ненецкий автономный округ, Приуральский район. Гора Большой Минисей, хребет Ниргала-хой, река Нярма-яха

Рис. 2. Ландшафт предгорий и гор Полярного Урала. Ямало-Ненецкий автономный округ, Приуральский район. Хребет Оченырд, гора Нгэтенапэ, гора Гнетьюиз, река Кара

Рис. 3. Ландшафтная зона речных долин. Ямало-Ненецкий автономный округ, Ямальский район. Нижнее течение реки Оби

Рис. 4. Ландшафтная зона речных долин. Ямало-Ненецкий автономный округ, Ямальский район. Нижнее течение реки Оби, река Надым

Рис. 5. Лесотундровый ландшафт. Ямало-Ненецкий автономный округ, Надымский район. Южное побережье Обской губы

Рис. 6. Лесотундровый ландшафт. Ямало-Ненецкий автономный округ, Приуральский район

Рис. 7. Тундровый ландшафт. Ямало-Ненецкий автономный округ, Приуральский район. Побережье Байдарацкой губы

Рис. 8. Тундровый ландшафт. Ямало-Ненецкий автономный округ, Ямальский район. Восточное побережье полуострова Ямал

Рис. 9. Лесотундровый ландшафт. Ямало-Ненецкий автономный округ, Надымский район

Рис. 10. Северотаежный ландшафт. Ямало-Ненецкий автономный округ, Шурышкарский район

Рис. 11. Северотаежный ландшафт. Ямало-Ненецкий автономный округ, Шурышкарский район

Рис. 12. Таежный ландшафт. Ямало-Ненецкий автономный округ. Река Большой Юган

ГЛАВА 1

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ В ПИСЬМЕННЫХ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ

Изучение экологии традиционных этносов исторического времени имеет две цели. С одной стороны, это самостоятельное направление исследований классической этнографии, со своими целями и задачами. Такого рода исследования широко проводятся на территории Западной Сибири [Адаев, 2007; Василенко, 1997; Головнев, 1993; Гололобов, 2009; Ёсида, 1997; Козьмин, 2003; Перевалова, 2004; Туров, 2007; Федорова, 2000; Хаснулин, Вильгельм, Скосырева, Поворознюк, 1999]. С другой стороны, данные по экологии традиционных этносов, прежде всего с присваивающим типом экономики, могут быть использованы при реконструкциях хозяйства древних и средневековых обществ. В настоящее время произошли существенные, а в ряде случаев коренные изменения в системе жизнеобеспечения большинства традиционных этносов, в связи с чем данные по их современной экологии не могут быть использованы для исторических реконструкций. Для этих целей возможно использовать данные по экологии этнографических этносов, то есть традиционных этносов доиндустриального периода. В настоящее время такие данные могут быть получены из нескольких видов источников, среди основных — письменные (документальные, литературные, фольклорные), изобразительные и картографические.

1.1. ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Письменные источники — наиболее многочисленный и достоверный вид источников — можно разделить на две категории. Первая, источники донаучного периода, включает работы компилятивного плана, различные летописи, делопроизводственные документы, таможенные и ясачные книги, опросные листы. Эти источники содержат информацию по исторической экологии в неявном виде. Здесь выделяются две группы — русские и иностранные источники. Русские представлены главным образом разного рода деловыми документами с конкретными данными, анализ которых позволяет получить важные сведения по исторической экологии. Иностранные работы содержат информацию описательного плана и могут быть использованы для обобщенной характеристики экологии этнографических этносов.

Вторая категория включает источники, отражающие научное изучение региона. Это не только специальные исследования, но и путевые дневники, которые ученые вели во время путешествия по региону, а также мемуары людей, долгое время живших здесь. Ко второй категории письменных источников также относятся материалы переписи населения и другие статистические данные.

Авторы выбирали из письменных источников тексты, которые содержат информацию о различных аспектах жизнедеятельности коренного населения: хозяйственный цикл, места расселения и миграции; пища (запасание, приготовление, потребление); гигиена и болезни; рыболовство; охота; оленеводство; животноводство; собаководство. В некоторых больших текстах [Северо-Западная Сибирь ... ; Шренк, 2009; Дунин-Горкавич, 1910, 1911, 1995а] цитаты сгруппированы по этим темам, названия которых выделены цветным шрифтом.

Письменные источники представлены только опубликованными материалами. Тексты источников публикуются в хронологическом порядке описываемых в них событий (время событий указано после названия цитируемого источника) либо в соответствии со временем формирования и получения информации (этнографические источники). Верхняя хронологическая граница описываемых событий — 1930–1950 годы, период активного развития советского типа хозяйства на севере Западной Сибири. До указанного времени коренное население здесь еще сохраняло в основном традиционный образ жизни.

Следует отметить, что в ссылках приведено больше работ, чем процитировано нами для данного исследования. Таким образом читателю предоставляется возможность получить более полное представление о существующих (в рамках предлагаемой темы) типах и видах источников.

В цитируемых текстах сохранены особенности орфографии и пунктуации источников, однако ссылки, используемые цитируемыми авторами, не приводятся.

1.1.1. Сведения иностранных авторов XIII–XVII веков

Данный раздел включает ранние иностранные письменные источники, в которых содержатся некоторые сведения о хозяйстве коренного населения. Эти источники (их авторы обобщили сведения других исследователей, поскольку не располагали собственными наблюдениями) представляют собой компилятивные работы о России или Сибири и относятся к периоду с XIII по XVII век, то есть к периоду, в целом характеризующемуся небольшим количеством письменных источников. Первым путешественником, который лично посетил этот регион, был француз Пьер Мартин де ля Мартиньер[1]; он опубликовал свои записки в 1671 году.

Все описания нами приводятся в хронологическом порядке в виде цитат, выдержек из записок и трудов, опубликованных в работах отечественных историков [Встречь солнцу ... ; Алексеев, 1941; Эйрие, 1839].

Рихард. О существовании Великой Венгрии, обнаруженной братом Рихардом во время господина папы Григория IX. 1237–1238 гг.

Со слов монаха Юлиана, путешествовавшего в 1237–1238 гг. записано: «Когда мы были еще в Баскардии, пришел некий посол из страны Сибур, которая окружена Северным морем. Страна эта обильна съестным, но зима там жесточайшая до такой степени, что из-за чрезвычайного количества снега зимой почти никакие животные не могут ходить там, кроме собак той страны: четыре большие собаки тащат сани, в которых может сидеть один человек с необходимой едой и одеждой…» [Мошинская, 1953].

Плано-Карпини. История монгалов. 1246 г.

Подвинувшись оттуда далее, они пришли к Самогедам; а эти люди, как говорят, живут только охотами; палатки и платье их также сделаны только из шкур зверей [Алексеев, 1941, с. 8].

Матвей Меховский. О двух сарматиях. 1517 г.

Те, которые живут близ Северного океана, как-то: югры и корелы, ловят рыбу и китов, либо морских коров и собак [тюленей], которых [жир] они называют ворвань (vor vol); из кожи их они делают кнуты, мешки и одежды (redas, bursas et caletas), а жир сохраняют и продают.

В Югре и Кореле есть горы незначительной величины, без высочайших подъемов, как думали и писали некоторые. На приокеанские горы, которые невысоки и тянутся по всему северу вдоль океана, взбираются из моря рыбы, называемые морж (mors), упираясь клыками в склон горы, подталкиваясь и так продвигая свое восхождение; когда же они достигают верхушки горы, то в продвижении к дальнейшим местам, скатываясь, достигают другой стороны гор. Названные племена ловят их и собирают эти клыки, довольно большие, широкие и белые и очень тяжелые по весу, и платят ими дань и продают москвитянам [Алексеев, 1941, с. 80–81].

Павел Иовий. Книга о посольстве. 1525 г.

В Устюг жители Пермии, Печоры (Pecerri), Югрии (Jnugri), Вогулии (Vgulici), Пинежане (Pinnagi) и другие более отдаленные народы привозят драгоценные меха куниц, соболей, волков, рысей (seruariorum) и черных и белых лисиц и обменивают их на разного рода товары. Наиболее превосходны собольи меха с гладкой шерстью и легкой проседью, они служат ныне для подкладки царского одеяния и для защиты нежных шей знатных женщин, воспроизводя собой как бы облик живого зверька. Такие меха доставляются жителями Перми и Печоры, но они сами получают их, передавая из рук в руки, от еще более отдаленных народов, живущих у океана [Алексеев, 1941, с. 94].

[1] В различных источниках встречается вариативное написание имени путешественника: Пьер-Мартин (Пьер Мартин) де ля (ла) Мартиньер, де-Ламартиньер, де Ламартиньер.

Севастьян Мунстер. Космография. 1545 г.

Севастьян Мунстер 1545 года, автор «Космографии», напечатанной в Безеле, говорит, что Югры платили дань моржовыми клыками, которые у Новгородцев назывались «рыбью костью», и что многие из них промышляли ловлею моржей и тюленей в Обской губе и даже пускались на льдах к Новой Земле и к Вайгачу [Бушен, 1855, с. 171].

Ричард Джонсон. О некоторых странах самоедов, живущих по реке Оби и по морским берегам за этой рекой, переведенные слово в слово с русского языка. Страны эти были посещены одним русским, родом из Холмогор (Colmogro), по имени Федором Товтыгиным (Pheother Towtigin), который, как говорят, был убит в свою вторую поездку в одной из названных стран. 1558 г.

В восточной стране, за югорскою землею, река Обь составляет ее самую западную часть. По берегу моря живут самоеды и страна их называется Молгомзей (Molgomsay). Они питаются мясом оленей и рыб, а иногда и едят друг друга. Если к ним заезжают купцы, они убивают одного из своих детей, чтобы угостить их им. И если купец умрет у них, они не хоронят его, но съедают его. Они едят также и своих умерших. Они некрасивы на вид, имеют маленькие носы, но проворны, очень хорошо стреляют, ездят на оленях и собаках и одеваются в собольи и оленьи шкуры.

В той же местности, за этим народом живет на берегу моря другое племя самоедов, говорящих на другом языке. Один месяц в году они проводят на море и в течение всего этого месяца не возвращаются на сушу.

Далее, на берегу моря имеется еще одно племя самоедов. Они питаются мясом и рыбой и торгуют соболями, белыми и черными лисицами (которых русские называют Pselts — песцами) и шкурами оленей и диких коз [Алексеев, 1941, с. 127].

Андрэ Тевэ. Всемирная космография. 1575 г.

По ту сторону Печоры (Petzora) и Щугора (Stzuchogora) по направлению к горам «Каменный пояс» (Camenipoiaz) как на берегу моря, так и на близлежащих островах живут различные народы, которых русские, однако, зовут одним общим именем самоеды, что значит люди, себя пожирающие (Samoged, qui signifie se mangeant soy mesme), по той причине, что эти народы весьма неизобильны чем бы то ни было и тем не менее они имеют много всякой птицы, различных пород и цветов, и зверей с красивым мехом, как, напр., соболей, куниц, бобров, горностаев, бурых медведей, волков и диких лошадей, а также большое количество зайцев. Среди водящихся у них зверей находится один, которого они зовут росомаха (Rossomaka), величиной с восьмимесячного теленка и столь же коварный, как львы или тигры африканских пустынь. Случается нередко, что, поймав оленя или другую какую-нибудь дичь, росомаха так обжирается ею, что бывает принуждена для того, чтобы освободить и прочистить свое брюхо, поместиться между двумя деревьями, по возможности близко растущими друг от друга; протискиваясь между ними она так бывает сдавлена ими, что выбрасывает на землю пищу, не переварив ее, в том виде, в каком она поглотила ее и пожрала. Там водятся также рыбы-амфибии, логовища которых находятся на земле, в море, озерах и реках; они имеют чудовищный вид и чрезвычайно опасны; самый же опасный их род тот, который тамошние люди называют Colkeof; величиною они с английского дога и столь же хорошо вооружены зубами. В этом самом море находится такое большое изобилие других рыб, что это прямо кажется чудесным; притом они так безобразны, что подобных им не водится больше где бы то ни было в другом месте на земле [Алексеев, 1941, с. 144–145].

Генрих Штаден. Из описания правления и страны московитов. 1578 г.

У самоедов (Samaeden) нет государей; люди они дикие, питаются рыбой, птицей и мясом оленей. Они же стреляют и ловят в своей стране соболей, приносят их на продажу русским и выменивают их на сукно, котлы, сало, масло, панцыри и толокно [Алексеев, 1941, с. 161].

Мунгазея также не имеет государей; люди здесь ловят соболей и другое [Там же].

Вильям Уарнер. Albion's England. 1586 г.

Нет не легко проплыть на Обь, и путь туда далек,
Но смелый Берро там бывал, трудами пренебрег,
Через холодные моря в Лапландию проплыл,
Весьма опасный путь на Обь для Англии открыл.
Что видел он среди вайгат и самоедов там?

— Их чумы, идолов, и как рыбак по берегам
Таскает лодку на спине, рыбача целый день,
Как возит на себе людей послушный им олень,
Как мертвецов они едят, едят своих детей,
Как привлекают всех они богатством соболей;
Про их мороз и снег я рассказать вам рад.
[Алексеев, 1941, с. 168–169]

Джильс Флетчер. О государстве русском. 1591 г.

Только в области Обдорской, со стороны моря, близ устья большой реки Оби (Obba), есть скала, которая от природы (впрочем отчасти с помощью воображения) имеет вид женщины в лохмотьях с ребенком на руках (так точно, как скала близ Нордкапа представляет собой монаха). На этом месте обыкновенно собираются обдорские самоеды, по причине его удобства для рыбной ловли, и, действительно, иногда (по своему обычаю) колдуют и гадают о хорошем или дурном успехе своих путешествий, рыбной ловле, охоте и т. п. Они одеваются в оленьи шкуры, спускающиеся до самых колен, шерстью вверх, с такими же штанами и обувью как мужчины, так и женщины. Все они черноволосые и от природы нет у них бороды, так что трудно различить мужчину от женщины, кроме того, что последние носят клок волос; опущенный на уши. Они ведут дикий образ жизни, переходя с места на место и не имея ни домов, ни земли, которые принадлежали бы кому-либо из них в отдельности. В каждом отряде начальники или правители у них попы или жрецы (Papa or Priest) [Алексеев, 1941, с. 204].

Исаак Масса. Описание страны самоедов в Тартарии. 1612 г.

Проехав различные пустынные местности и большие реки, достигли они, наконец, реки Оби, где свели знакомство и дружбу с самоедами и узнали, что здесь меха можно купить по очень низкой цене и что из страны легко можно извлечь большие богатства; они заметили также, что этот народ вовсе не имеет городов, но живет мирно общинами и управляется старейшинами из своей среды, что он питается отвратительной пищей — мясом зверей, добытых на охоте, ничего не зная ни о землепашестве, ни о хлебе; замечено было также, что все они хитрые и ловкие стрелки из луков, что свои луки они делают из мягкого или гибкого дерева, а к концу стрелы прикрепляют они заостренные камни или рыбьи кости, употребляемые также вместо иголок, и что их нитки сделаны из сухожилий различных мелких животных; так сшивают они вместе различные меха, которые служат им одеждой, причем летом носят они шкуры ворсом наружу, зимою же внутрь, обращая их к телу. Свои жилища покрывают они шкурами оленей или других животных, меха которых у них мало ценятся. Словом посланцы Аники с любопытством заметили все, что им встретилось и возвратились назад к своему покровителю, сильно нагруженные богатыми мехами. <…>[1]С великим удивлением смотрели здесь на привезенных самоедов, заставляли их показывать свое искусство в стрельбе из луков, что они и исполнили, проявляя прямо невероятную ловкость, так как они прикрепляли к ветке дерева монету, меньшую чем голландский стюйвер, затем отходили на такое расстояние, что ее едва можно было различить, и всякий раз в нее попадали. Зрители этому не мало удивлялись [Алексеев, 1941, с. 257–261].

Иероним Мегизер. О земле самоедов, лежащей около пролива Вайгач, против острова «Новая Земля» и нравах ее обитателей. 1613 г.

Едят они только сырое или вяленое на воздухе мясо диких зверей, от которого они имеют очень противный запах. Однако они очень понятливы и толковы: делают челны или лодки, на которых ездят по реке и ловят рыбу.

Между прочим умеют они также ловить китов, делают же это следующим образом: человек 20 или 24 самоедов садятся в челн, имея канат длиною в двести или триста саженей, на конце которого укреплен крюк, с замечательной ловкостью бросают они его в кита, когда подойдут к нему достаточно близко, а затем быстро гребут к берегу. Кит же, почувствовав, что он смертельно ранен, позволяет себя вести, следует за канатом и таким образом добровольно позволяет себя вытащить на берег; когда море отступит, они бьют его и стреляют в него до тех пор, пока он не издохнет и разрезают его на части; когда же вновь набегает волна, укрепляют они оставшиеся части другими канатами, чтобы вместе с волной они не уплыли в море; таким образом добывают они много китового жира, которым наполняют кожи других животных, и торгуют им с московитами [Алексеев, 1941, с. 280–281].

[1] Здесь и далее пропуски в цитируемом тексте в угловых скобках обозначены авторами настоящей работы.

Адам Олеарий. О качествах северных народов и о народах, называемых самоедами. 1647 г.

Русские сообщают и другие свидетели согласно утверждают — пожалуй, заимствовав один у другого, — что те страны, вследствие сурового воздуха, долгой зимы и короткого лета, совершенно бесплодны и особенно неудобны для земледелия (как для хлеба, так и для плодовых деревьев), что жители их ничего не знают о хлебе, но вследствие изобилия в обширных диких местах, в реках и озерах дичи и рыбы, питаются этими последними, одеваются в звериные шкуры и ими же платят великому князю свои подати и налоги. Говорят, что прекраснейшие соболя, куницы, а также шкуры белых медведей, которые вельможами в Москве накидываются сзади на сани, рысей и иные меха весьма часто получаются оттуда и поступают в продажу в Москве и иных местах [Алексеев, 1941, с. 293].

Джон Мильтон. О стране самоедов в Сибири и о других странах, лежащих к северо-востоку и подвластных москвитянам. 1649–1652 гг.

К северо-востоку от России, при реке Оби, лежит страна самоедов; открыл ее один русский по имени Аника (Oneka), который первый завел с самоедами торговлю и, добывая от них богатые меха, нажил большое богатство и узнал их страну, а впоследствии, дав знать о своем открытии Борису, правителю Федора, указал, сколь полезно будет для государства приобрести эту страну. Борис отправил к самоедам пышное посольство и миролюбивыми средствами достиг того, что они отдались в подданство России, с обязанностью ежегодной поголовной дани, состоящей из двух богатейших собольих шкур. Гонцы Борисовы, проехав двести миль к востоку за Обь, донесли, что там красивая страна, изобилующая лесами и источниками, и что жители ездят верхом на оленях и лосях, другие же в санях, запряженных оленями, а иные еще на собаках, столь же прытких, как и олени. Самоеды, приехавшие с этими гонцами, на возвратном пути их в Москву, удивлялись красоте этого города и возбуждали равное удивление своею стрельбою, попадая без промаха в цель величиною в деньгу, на таком расстоянии, что ее едва можно различить [Алексеев, 1941, с. 305].

Самоеды не имеют городов или постоянных мест пребывания, но кочуют там, где найдут мох для своих оленей. Они живут обществами миролюбиво и управляются несколькими из старейших между ними; впрочем, они идолопоклонники. Они стреляют удивительно искусно; острие их стрел делается из заостренных камней или рыбьих костей; рыбьи кости употребляются также для иголок, а вместо ниток употребляют жилы некоторых маленьких животных, и жилами этими сшивают меха, в которые одеваются: летом они носят шкуры мехом наружу, зимой — мехом внутрь. Они имеют по нескольку жен, а дочерей своих продают тому, кто их купит дороже. Если жена не понравится, то муж возвращает ее родным, возвращая только отцу издержки на свадебный пир. При родах мужья помогают своим женам, которые встают на другой день после родин. Самоеды не обрабатывают земли, но питаются мясом диких зверей, за которыми охотятся. Они являются единственными проводниками для тех, которые зимою путешествуют по Югории, Сибири и какой-либо другой из этих северо-восточных стран. Путешествия эти совершаются на санях, везомых оленями, которые мчатся днем и ночью, если только ночь лунная. Живут самоеды на снегу, под навесами из оленьих шкур, останавливаясь в тех местах, где довольно белого моха для корма упряжных оленей, которые, будучи пущены на свободу, сами отрывают его из-под глубокого снега. Кто-нибудь из самоедов приносит из ближнего леса дров, чтобы развести огонь, кругом которого остальные располагаются со своими шатрами, имеющими сверху отверстие для прохода дыма; таким образом, шатры эти столь же жарки, как печка в России. Запас мяса путешественники возят с собой, пользуясь также птицами и дичью, которые могут быть убиты их проводником-самоедом на пути; пьют они только снег. Два оленя, впряженные в сани, при скорой езде, в сутки, не отдыхая, везут двести миль, с поклажей провезут тридцать миль в двенадцать часов [Алексеев, 1941, с. 306–307].

Пьер Мартин (де ля) Мартиньер. Путешествие в Северные страны, в котором описаны нравы, образ жизни и суеверия норвежцев, лапландцев, килопов, борандайцев, сибиряков, самоедов, новоземельцев и исландцев. 1653 г.

Мы перевалили горы, которые разделяют Борандай от Сибири, — путь очень тяжелый и трудный по причине безлюдности этих мест, которые и не могут быть обитаемы как по своей бесплодности и множеству снега, так и по чрезмерному количеству белых медведей и волков [Алексеев, 1941, с. 315].

И вот, после больших затруднений, с которыми должны были справляться олени при перевале через хребет, на что мы употребили 10 или 12 часов, мы спустились в одну сибирскую деревушку, обитатели которой были одеты в медвежьи шкуры, шерстью вверх, но носили белье и сапоги с подковами, из чего мы заключили, что они более образованы, чем те которых мы только что оставили. Они и приняли нас более учтиво и расспрашивали: кто мы, откуда и куда едем? Мы выпили и закусили с ними тем, что имели, а они нам принесли своего угощения, которое состояло из соленого волчьего и медвежьего мяса, пряников и водки; мы скупили у них на деньги меха, за исключением соболей, потом, отдохнув часов пять на медвежьих шкурах в одной из хижин, построенной на лапландский манер, мы выпили на каждого по глотку водки, сели в сани и продолжали наш путь к Папинову городку, куда и прибыли часов через 20 с отдыхом для кормежки наших оленей [Алексеев, 1941, с. 317].

Самюэль Коллинз. О Сибири и ее жителях. 1669 г.

Северная Сибирь называется землею самоедов (Samogeda or Tsamoeida), что значит земля каннибалов или людоедов, потому что тамошние жители съедают своих пленных, которых берут на войне. Однако же они большей частью питаются рыбой. Богатство их состоит в оленях, которых они имеют большие стада. Они столь ручны, что по свисту человека приближаются к его руке; их запрягают в сани попарно, и они несутся быстрее ветра по восьмидесяти миль в день. Когда они охотятся на нового оленя, то советуются прежде со жрецом, и он, после многих обрядов и заклинаний, говорит им, куда нужно итти, что большею частью и сбывается. У них нет различия между мужскими и женскими одеждами, которые всегда делаются из оленьей шкуры и надеваются шерстью наружу: они знают по опыту, что так теплее [Алексеев, 1941, с. 376].

Жилища их представляют собою круглые палатки, сделанные из оленьих шкур и рогож; посреди этих палаток они разводят огонь, оставляя в потолке отверстие для дыма и ложась около этого огня, греются. Летом они отправляются к рекам за рыбою, которую сушат и сберегают на зиму. Рыбу они убивают стрелами и обыкновенно едят сырую. Они едят также молодых щенят и считают их лакомым блюдом. <…> Продавая иноплеменникам (Strangers) оленя, они всегда выговаривают себе внутренности и съедают их, слегка выдавив нечистоты [Там же, с. 377–378].

Альбрехт Доббин. Описание Сибири. 1673 г.

Вслед за татарами, на реке Оби живут так называемые остяки (Astacken), очень некультурный народ, одевающийся в рыбьи кожи; питается рыболовством, не знает ни письма, ни книг, молится чорту; при этом они разделяются на три различных племени, из которых одно почти не в состоянии понять другое. Все эти люди, как вышеупомянутые, так и называемые ниже, ввиду того, что они находятся под русским господством и властью, должны каждый год приносить значительную дань, состоящую из соболей, если и не ими самими застреленных, то хотя бы купленных. <…>

Вниз по реке Оби, в сторону моря, живут самоеды (Samojedzen), народ, похожий на лапландцев и так же [как они] одетый; ездят они зимой на оленях, молятся чорту, как и остяки [Алексеев, 1941, с. 393–394].

Иоганн Арнольд Бранд. Приложение к предшествующему описанию Сибири, касающееся ловли соболей. 1673 г.

Нижеследующее описание сообщено мне г. Альбрехтом Доббином, из Ростока, некогда капитаном шведской службы, который приехал в Москву и был отправлен царем в Сибирь, где он пробыл семнадцать лет.

<…> Соболей, которые несколько напоминают больших черных блестящих кошек, с тою только разницей, что волос их длиннее и шелковистее, ловят по возможности в ноябре и декабре, вплоть до 18 января; однако в два предшествующих месяца они гораздо лучше и дороже, чем те, которых ловят в последнем, так как в январе снова начинает показываться и пригревать солнце, что производит то, что волос начинает у них тогда выпадать и делает мех негодным. Соболей выслеживают с помощью специально для этого натасканных собак. Когда зверьки, по их обыкновению и способу, прячутся в кустарник, в колоды или бревна, на них набрасывается сетка; таким образом их ловят и убивают дубинами; если же они вырываются из сетки и удирают, взбираясь на стоящие поблизости деревья, то их всегда облаивают стоящие внизу собаки, и охотники достигают до них дубинками, притупленными с одного конца, самострелами и луками. Затем, при помощи приученных к этому собак, с них тотчас же сдирается шкура и приносится охотнику. <…> Они умеют также очень искусно ловить соболей кладущимися в определенных местах кусочками [отравленного] хлеба, от которых они должны погибать. В Сибири ловят теперь соболей не в таком большом количестве, как некогда, но их еще много в другом месте и у других народов, которые называются монголами [Алексеев, 1941, с. 402–404].

Избрант Идес. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695)

Самоеды, живущие в Сибири вдоль побережья Ледовитого океана… едят всяческую мертвечину, как-то: павших лошадей, ослов, собак, кошек и т. д., также китов, морских коров, моржей, которых льды выбрасывают на берег. Им также безразлично: глотать их сырыми или вареными [Встречь солнцу. История отечества в романах, повестях, документах, с. 481–529].

Isbrant Ides. Voyage de Moscou a la Chine par Mr Everard Isbrants Ides, Arnbassadeur de Moscovie

Самоеды, которые обитают на побережье моря, не имеют в себе ничего человеческого, разве что обликом напоминают людей. Они начисто лишены разума и по природе своей почти такие же звери, как волки или собаки. Они пожирают всякую падаль: дохлых лошадей, ослов, кошек и собак; но обычное их пропитание составляет мясо китов, морских коров и еще одного вида рыб, именуемых нарвалами, которых льдом прибивает к берегу уже мертвыми. Для них нет большой разницы, есть мясо жареным или сырым: и то и другое они поглощают с одинаковой жадностью. Им не хватает только крыльев, чтобы во всем походить на хищных птиц, называемых Мальмукками, которые, равно как и белые медведи, рыщут в поисках мертвых китов на просторах Гренландии [Шренк, 2009, с. 414–415].

1.1.2. Русские делопроизводственные документы XVII–XVIII веков

Самые ранние из известных русских документов, в которых говорится о севере Западной Сибири, относятся к XII–XIII векам, но большинство из них не содержит информации по интересующим нас проблемам. Наиболее ранние русские письменные источники, в которых есть небольшое количество сведений по экологии населения, — это летописи как общерусского [Повесть временных лет], так и сибирского [Сибирские летописи] летописных сводов. Это в основном сведения о промысловых видах, входивших в состав дани. К этой же категории источников условно могут быть отнесены сказания «О человецех незнаемых в Восточной стране», которые были обнаружены в XVIII веке и датируются не ранее XIII–XIV веками [Плигузов, 1993].

Основную массу документов составляют *делопроизводственные документы* — отписки воевод, челобитные аборигенного и русского населения, царские указы из Москвы и т. д., появившиеся в конце XVI — начале XVII века. Анализ содержания этих документов позволяет установить основные хозяйственные занятия коренного населения, направления сезонных и иных миграций, относительное количество домашних оленей, видовой состав промыслов, качественный состав основных продуктов питания и некоторые другие данные по экологии.

Ясачные книги содержат большое количество данных о видовом составе и количестве сданных в ясак промысловых видах млекопитающих. Их анализ за разные периоды позволяет реконструировать структуру пушного промысла, его динамику во времени и пространстве и, соответственно, изменения характера промысловой деятельности — способов, приемов, орудий промысла, направлений и характера промысловых миграций. Данные из ясачных книг частично опубликованы [Бахрушин, 1955в; Долгих, 1970; Кириков, 1960, 1966; Павлов, 1972; Скалон, 1951]. В ясачных книгах приводятся также данные о численности ясачных людей, анализ которых позволяет оценить численность коренного населения и ее изменения [Васильев, 1979; Долгих, 1960; 1970].

Таможенные книги содержат информацию о ввозимых и вывозимых товарах, в частности о вывозимых из Западной Сибири мехах и ввозимых орудиях промысла. Ряд таможенных книг XVII века опубликован [Яковлев, 1950; 1951].

Опросные листы — ответы на списки вопросов, рассылавшихся государственными органами или официальными лицами на места для сбора различной информации, в том числе и экологической. К наиболее известным и информативным в рассматриваемом плане относятся анкеты Г. Ф. Миллера, включавшего многочисленные вопросы о хозяйстве и быте коренного населения Сибири [Элерт, 1990]. В ответах, полученных из Березовской и Мангазейской воеводских канцелярий, содержится информация об отдельных сторонах хозяйства коренного населения этих территорий. Часть этих сведений опубликована в обобщенном виде [Элерт, 1999]. Полностью опубликованы ответы только на один опросный лист [Андреев, 1947].

В настоящем издании использованы только опубликованные материалы [Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков … ; Обдорский край и Мангазея в XVII веке; Описание Тобольского наместничества; Русская историческая библиотека … ; Сословно-правовое положение … ; Миллер, 1999; 2000; Оглоблин, 1900; Титов, 1890]. Мы приводим как выдержки из исторических документов, так и аналитические материалы исследователей, построенные на основе различных делопроизводственных документов, поскольку не всегда исследователи, работавшие с ними, приводили точные ссылки на них [Бахрушин, 1955; Долгих, 1960, и др.].

Сказания «О человецех незнаемых в Восточней стране». 2-я ред., не позднее нач. XVI в.

На Восточней стране за Югорьскою землею над морем живуть люди самоедь, зовомы молгонзеи. А ядь их мясо оленье да рыба, да межи собою друг друга ядят. <…>

<…> Сия же люди невелики възрастом, плосковиды, носы малы, но резвы велми и стрелцы скоры и горазди. А яздят на оленех и на собаках. А платие носят соболие и оленье. А товар их соболи. <…>

<…> В той же стране есть иная самоядь: по пуп люди мохнаты до долу, а от пупа вверх яко же и прочий человеци. А ядь их рыбы и мясо. А торг их соболи и песцы, и пыжи, и олений кожи. <…>

<…> В той же стране вверху Оби реки великия есть земля, Баид именуется. Леса на ней нет, а люди — как и прочий человеци, живут в земли. А едят мясо соболие. А иного у них никоторого зверя нет, опроче соболи. А носят платье все соболие, и рукавицы и ногавицы. А иного платья у них нет, ни товару никоторого. А соболи же у них… черны велми и велики: шерьсть живого соболи по земли ся волочит. <…>

<…> В Восточней же стране есть… иная самоедь — каменская. Облежит около Югорьские земли, а живут по горам высокым. А ездят на оленех и на собаках. А платье носят соболие и оление. А ядят мясо оленье да и собачину, и бобровину сыру ядят. А кровь пьют человечю и всякую [Плигузов, 1993, с. 83–97].

Делопроизводственные документы Сибирского приказа

Челобитная пелымских ясачных вогулов… 1598 г., не позднее января 7

И вели, государь, нам торговым людям топоры и ножи и пешни продавать [Миллер, 2000, *7*[1], с. 180].

Грамота царя Бориса Федоровича в Верхотурье воеводе князю Ивану Вяземскому об ясаке с лялинских вогулов. 1599 г. апреля 28

…А всех деи их Лялинских вагулечь 30 человек, а которые де они лошади для своих нуж ести, и они те лошади держат у себя летом, а как осень придет, и они те лошади бьют для запасу; а которые де Верхотурского ж уезда наши ясачные вогуличи живут на реке на Сосьве, и на Лозве, и на Удоли, и на Вишере, и на Печоре, и на Ульсыи, и те де вагуличи лошадей не держат [Миллер, 1999, *30*, с. 372].

Наказ Мангазейским воеводам князю Василию Масальскому и Савлуку Пушкину. 1601 г. апреля-мая

А мука держати в житницах и давать на кормовой расход самоядцам и остяком, которые учнут приходить и государю служить и прямить [Миллер, 1999, *45*, с. 396].

Отписка приказного человека Туруханского зимовья Ивана… 1631 г., не ранее октября 7

В нынешнем во 140-м году октября 7 день пришел в Туруханское зимовье с Тунгусского песку промышленный человек Васька Аргунов и сказал мне в съежей избе, что будто на Тунгусском песке и по Турухану реке розных родов туруханской ясачной самояди померли больше 20-ти человек оспою. А которыне живут на Есее вверху ясачные люди, про тех вести нет и государева ясаку по книгам взять не на ком против прошлых лет [Миллер, 2000, *289*, с. 442–443].

Отписка приказного человека Туруханского зимовья Ивана Патрикеева… 1631 г., не ранее декабря 20

В нынешнем во 140 году декабря в 20 день писал ко мне из Ынбацкого ясашного зимовья служивый человек березовский казак Якунка Зубов, что ясачных людей остяков в Инбацком больши 20-ти человек живых не осталось, а иные все примерли оспою; а которые невеликие люди на промыслах, и про тех вести нет, и в том государеву ясаку будет недобор великий [Миллер, 2000, *296*, с. 450].

[1] В ссылках на труд Миллера курсивом обозначен номер источника в приложении к работе, по которой производится цитирование.

Отписка приказного человека Туруханского зимовья Ивана… 1631 г., не ранее декабря 30

В нынешнем во 140 году декабря в 30 день писали ко мне ис Хантайского зимовья служилые люди Устинко Степанов с товарыщи, что хантайские самоеди пропало 46 человека про тундраную самоядь и вести нет, и в том чают государеву ясаку великую поруху [Миллер, 2000, *297*, с. 451].

Отписка тобольского воеводы князя Андрея Голицына мангазейскому воеводе Григорию Орлову о производстве сыска о причинах большого недобора ясака в Мангазейском уезде в 140-м году. 1633 г., не ранее августа 15

…Не добрано де государева ясаку Мангазейского уезду с ясачных людей и на прошлой на 140-й год против прошлого 139-го года; в Ынбацком зимовье с ынбацких остяков десяти сороков штинатцати соболей да государевых поминочных десять соболей; верх Нижней Тунгуски на усть Непы реки с шамагирев дву сороков 38 соболей, дву шуб собольих тунгусских, шубенка боброваго да пяти бобров; в верхней Подкаменной Тунгуске на усть Чюнки реки сорока двадцати дву соболей; на усть Тетерьи реки 13-ти сороков 11-ти соболей; на Енисее в Хантайском зимовье трех сороков 24 соболя, бобра, черевеси бобровыец. А в распросе де им Василью и Дмитрию мангазейские ясачные зборщики Инбацкого да Хантайсково двух зимовей Якунка Зубов, да Первушка Сычов, да толмач Ивашко Волынкин, Устинко Степанов, Пятунка Савастьянов и целовальники сказывали, что не добран де государев ясак с тех двух зимовьев на прошлой на 140-й год потому: многие де иноземцы, которые платили государев ясак наперед сего в тех дву зимовьях, в прошлом во 140-м году померли, а иные, которые остались живы, боясь смерти ж, сошли кочевать неведомо куды [Миллер, 2000, *313*, с. 469–470].

Отписка в Москву мангазейского воеводы Б. И. Пушкина об убийстве самоедами гонцов, направлявшихся из Мангазеи в Обдорск. 1636 г., не ранее февраля 23

…А с Обдору до Пустоозера едут обдорские остяки на оленях же и на собаках, а из Пустоозера подводы. А в Тобольской гонцу гнать до Березова и до Тобольска на оленях же и на собаках с теми ж обдорскими и березовскими остяками [Обдорский край и Мангазея в XVII веке, с. 18].

Челобитные остяков Березовского уезда с просьбой об отсрочке в уплате ясака. 1643 г., не позднее августа 2

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу …принесли челобитные Березовского уезду Казымские да Обдорские, да Куноватцкие, да Сосвинские волостей ясачные остяки за своими знамяны.

<…>

С прошлого, государь… и по нынешний по 151-й год пришла на нас, сирот твоих, нужа… от больших вод рыбново промыслу не стало, терпим нужу и голод по вся годы великой, и многие казымские остяки з женами и з детьми з голоду померли, а иные, государь, наша братья, остяки, жены и дети свои для голоду продавали в работу. И твоим государевым ясаком промышлять для голоду стало нечем. А в прежних, государь, годех, которого году летом больши рыбы добывали, и на ту сухую рыбу и на жир рыбей покупали у тундряной самояди мяхкую рухлядь и тоей свою нужу исполняли, и тою мяхкою рухлядью платили твой государев ясак по вся годы. И в нынешнем, государь, во 151-м году с тундры в Казымскую волость к нам самоядь с торгом не приезжала, и у ково, государь, у нас были… и оленишка, и тех оленей было продать на мяхкую рухлядь некому. А соболиново, государь, у нас промыслу в Казымской волости нет, а наперед сего до прошлого 149-го году была в Казымской волости в лесах белка, и мы, сироты твои, на промыслах белку ловили и белкою твой государев ясак и выплачивали. А в прошлом, государь, в… году из Березовского уезду белка… неведомо куды…

С прошлого, государь, со 139-го года и по нынешней по 151-й год пришла на нас нужа великая: от больших вод рыбново [промы]слу у нас не стало, терпим нужу… по вся годы великой. И многие обдорские остяки [з же]нами и з детьми з голоду померли, а иные, государь, наша братья, остяки, жены и дети свои для голоду продавали в работу. И твоим государевым ясаком промышлять для голоду стало нечем. А в прежних, государь, годех, которого году летом больши рыбы добывали, и на ту сухую рыбу и на жир рыбей покупали у тундряные самояди мяхкую рухлядь и платили твой государев ясак по вся годы. И в нынешних, государь, во годех с тундры в Обдорскую волость к нам самоядь с торгом не приезжает. И у ково, государь, у нас есть и оленишка, и продать на мяхкую рухлядь некому. А лешево, государь, у нас промыслу в Обдорской волости

нет, потому што у нас места тундряные и болотные, блиско к морю большему студеному. И ныне, государь, мы, сироты твои государевы, с тое… голоду з женишками и детишками помираем голодною смертью, и государев ясак платить нечем, обнищали и обдолжали, наги и боси, и в конец погибли.

С прошлого, государь, со 139-го года и по нынешней по 151-й год пришла на нас нужа великая: от больших вод рыбново промыслу у нас не стало, терпим нужу и голод по вся годы великой. И многие Куноватцкой волости остяки з женами и з детьми з голоду померли, а иные, государь, наша братья, остяки, жены и дети свои для голоду продавали в работу. И твоим государевым ясаком промышлять для голоду стало нечем. А в прежних годех, которого году летом больши рыбы добывали, и на ту сухую рыбу и на жир рыбей покупали у казымские у кунные самояди мяхкую рухлядь тем свою нужу исполняли и тою мяхкою рухлядью платили твой государев ясак по вся годы. Да сами, государь, мы, сироты твои, белку промышливали. А со 142-го году промыслов у нас своих не стало, што белка неведомо куды сошла. А во 149-м и во… годех покупали мы, сироты твои, у казымские самояди на оленишки мяхкую рухлядь, у которых были олени… и тем твой государев ясак платили. А в нынешнем, государь, во 151-м году кунная казымская самоядь в Казымскую и к нам в Куноватцкую волости не приезжали, для того: в нынешнем же, государь, во 151-м году бились они с карачейскою самоядью и на лешие промыслы не ходили. А которые, государь, самоядь, немногие люди, в Казымскую волость и приезжали и те без мяхкие рухляди, с великою нужею и за себя твой государев ясак платили.

С прошлого, государь, со 139-го года и по нынешней по 151-й год пришла на нас, сирот твоих, нужа великая: от больших вод рыбново промыслу у нас в волостех во всех не стало, терпим нужу и голод по вся годы великой. И многие Сосвинские и Естыльские волости остяки з женами и з детьми з голоду померли, а иные, государь, наша братья, остяки, жены и дети свои для голоду продавали в работу. И твоим государевым ясаком промышлять для голоду стало нечем. А в прежних, государь, годех сами мы, сироты твои, белку промышливали и твой государев ясак выплачивали. А со 149-го году промыслов у нас своих не стало, потому што белка неведомо куды сошла, а иных зверей в наших угодьях мало ж. И от нужи великие мы, сироты твои, обнищали и обдолжали, з женишками и з детишками и з голоду в конец погибли [Обдорский край и Мангазея в XVII веке, с. 25–28].

Отписка березовского воеводы С. А. Малова о разбитом в Обской губе коче и посылке казаков в Надым. 1656 г., не ранее декабря 26 — 1657 г., не позднее февраля 10

А в зимнее, государи, время тое карачейские самояди сыскать немочно. Потому что они, самоядь, люди кочевные, в зимнее время живут, переходя на оленях с места на место, от Березовского уезду в дальных местех к морю и по сухим речкам и по тундрам. А естли вы, государи, изволите для сыску тое самояди служилых людей послать, и тое самоядь в летнее время сыскать будет мочно, потому что та самоядь в летех выезжает для рыбных ловлей край моря и живет по островам [Там же, с. 46].

Описания и выводы исследователей составленные на основе анализа делопроизводственных документов XVII века

Хронологический обзор достопамятных событий в Березовском крае Тобольской губернии (1032–1910 гг.)

1607 г. Последовали жалобы 30 ляпинских вогулов на земскую гоньбу. У них было 320 лошадей, на которых они возили ясачную почту, воевод и служилых людей до Соликамска, Тюмени и Пелыма. В течение года они лишились 123 лошадей, узд и седел [Шемановский, 2005, с. 130].

1631 г. В Мангазейском уезде вблизи Туруханского зимовья впервые появляется оспа [Шемановский, 2005, с. 136].

Б. О. Долгих. Очерки по этнической истории ненцев и энцев

О Тайшиных, возглавлявших до революции Обдорскую хантыйскую волость и управлявших в силу каких-то древних традиций также обдорскими ненцами, например, известно, что они уже были оленеводами и имели при своих оленях пастухов-ненцев еще в первой половине XVII в. [Долгих, 1970, с. 84]

Отдававшаяся в ясачный платеж пушнина в 1695 г. [Долгих, 1970, с. 98]

Название родов	Ясачных людей		Ими отдано в ясачный платеж								
	численность	явилось	песцов	олен. шкур	горностаев	росомах	лисиц	выдр	бобров	соболей	белок
А. Обдорские											
Карачея	391	246	784	10	110	1	1	–	1	1	290
Яры	45	34	71	1	8	–	–	–	–	–	–
Сигуней	50	39	79	5	18	–	–	–	–	–	20
Адеры	91	55	97	2	82	–	–	1	–	–	120
Анну-карачей	43	40	11	1	3	–	–	–	–	–	855
Сабе и Яптики	146	105	262	6	16	–	–	–	–	–	70
Югучейской	16	11	11	4	24	–	–	–	–	–	100
Вынги	3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Айвасида	62	43	65	–	40	–	–	–	–	–	60
Парабы	12	12	11	1	24	–	–	–	–	–	70
«Сопли и Яптики»	15	7	5	–	12	–	–	–	–	–	10
Пяки	8	1	2	–	–	–	–	–	–	–	–
Оюдорской	14	9	22	2	–	–	–	–	–	–	20
Лодокуйской	22	15	37	3	–	–	–	–	–	–	–
Ванюты	188	110	304	6	62	–	–	–	–	–	170
Луца-Ванюта	27	22	47	–	–	–	–	–	–	–	10
Соль-Ванюта	30	19	34	2	2	–	–	–	–	–	
Асида	25	4	2	3	–	–	–	–	–	–	–
Пяки	8	1	2	–	–	–	–	–	–	–	–
Пучей	5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Хатанзеи	6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Тысына	103	15	12	4	2	–	–	–	–	2	10
Лохейской	44	26	29	4	–	–	–	–	–	–	30
Б. Войкарские											
«Синевская»	53	44	2	8	8	–	–	–	–	33	390
«Ляпинская»	19	18	4	–	5	–	–	–	–	29	25
Ванюты	20	17	6	10	–	–	–	–	–	–	110
«Обдорская» и «Пустозерская»	24	25	28	11	–	–	–	–	–	–	30
Валей	4	4	–	3	–	–	–	–	–	–	10
В. Казымские											
Айвасида	20	20	2	–	7	–	–	4	–	30	760
Пяки	172	156	17	–	73	4	1	46	2	39	9 081

Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке

Все, что мы знаем о хозяйстве березовских остяков в XVII в., заставляет видеть в них таких же рыболовов и в меньшей степени охотников, какими они оставались и позже. Но уже в XVII в. остяки в северной части Березовского уезда занимались оленеводством в таких значительных размерах, что самоеды выменивали у них оленей на пушнину. Южная часть приобских хантов, в частности кодские, имела лошадей и коров. <…>

<…> Судя по кочевникам населения между Тазом и Енисеем в недавнем прошлом, те роды предков энцев, которые подкочевывали на зиму к Тазу в район между Мангазеей и р. Русской, летом должны были кочевать в верховья Соленой, по Яре и Танаму. На основании всего изложенного мы провели западный

предел распространения хантайских самоедов и самоедов Леденкина шара от устья р. Русской на Тазу на севере по водоразделу между Тазовской и Обской губой с запада и Енисеем и Енисейским заливом с востока [Долгих, 1960, с. 6–55].

С. В. Бахрушин. Самоеды в XVII веке

«Люди кочевые», они «живут по тундрам и на Камени (на Урале), переезжая на оленях, а не в одном месте», потому что, по выражению их соседей хантов, «они, самояды — люди дикие, вольные». «А се, государь, — говорят сами про себя самоеды, — мы, сироты твои, — люди дикие, кочевые, на одном месте нам жить невозможно». Ареной для кочевок служило все беспредельное пространство северных тундр, от Канина полуострова до низовьев Енисея и далее на восток до Хатанги. Как общее правило, березовские самоеды ежегодно ходили в Мангазейский уезд (на р. Таз) промышлять государев ясак. Приобретя у своих мангазейских сородичей пушнину, они партиями в несколько сот человек переправлялись через Уральские горы для торговли в Пустозерск, а оттуда ехали иногда бесконечными «аргишами» в несколько десятков запряженных оленями саней дальше — на Мезень и даже на Канин, где с местными самоедами у них существовали близкие и не всегда мирные отношения. Периодический характер носят ежегодные кочевки на север, в устья Оби, когда «самоядь» «выезжает для рыбных ловель край моря и живет по островам». Но помимо этих более или менее регулярных передвижений, вызывавшихся экономическими причинами, самоеды вообще легко меняли места своих стойбищ и необычайно быстро перебрасывались с одного конца тундр к другому. Малейший повод — и они снимаются с места, как стая птиц, спугнутая человеком. Попробовала березовская администрация захватить несколько самоедов в аманаты, и тотчас «которые были в Карачее самоеди, кочевные людишка, разбрелись врознь в Мангазею и на Енисей и в Пясиду и в иные сторонные реки». Вся тундра от Пясиды до Пустозерска представляла собой одну большую дорогу для самоедских кочевий, жила одной общей кочевой жизнью. Тесная связь между березовской «самоядью» и мангазейской, с одной стороны, и пустозерской — с другой, проявлялась очень наглядно. Какое-нибудь событие, затронувшее самоедскую семью где-нибудь на крайнем востоке, неизбежно и быстро находило себе отражение на Оби и даже за Уралом. Зимою 1662/63 г. Пустозерск был сожжен восставшими пустозерскими самоедами; почти одновременно обдорские и те же пустозерские самоеды съезжаются к хантскому князцу Ермаку Мамрукову на Обдорь, чтобы сговориться о нападении на Березов, а в отдаленной Мангазее самоеды избивают сборщиков ясака и русских промышленников на промыслах [Бахрушин, 1955б, с. 5–6].

Березовские самоеды в течение лета имели пребывание «близко моря на островах» для рыбной ловли. По-видимому под русским влиянием они восприняли русские приемы рыбной ловли, упоминаются на реках «езы самоядские», «мережи самоядские»; последние приобретались у русских. <…>

Ханты выменивали мягкую рухлядь на рыбные запасы и на живых оленей у самоедов, приезжавших на Обдорь. Русские служилые люди покупали у них соболей — на муку, а также на оленей. <…>

«Худые людишки», которые кочевали по берегам Тазовской губы, в значительной мере питались тем, что выбрасывало море, и кормились «разбойным хлебом», т. е. хлебом с разбитых непогодою русских судов [Там же, с. 7].

С. В. Бахрушин. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв.

Излишек рыбы шел на торговый обмен. «Казымские остяки», например, «которого году летом больши рыбы добывали, и на ту сухую рыбу и на жир рыбей покупали у тундряной самояди мягкую рухлядь и тем свои нужи исполняли». Точно так же обдорские ханты меняли самоедам сухую рыбу на меха. <…>

Рыбу ловили «в запорах и в курьях» посредством снасти, которую источники называют «кылыданами». Рыбные ловли и «чердашные места» находились в групповом владении и в конце XVII в. бывали предметом продажи.

Рыболовство как основное занятие хантов отразилось на всем быту и способствовало сохранению среди них полукочевого образа жизни, так как, по выражению Палласа, «для рыбьих промыслов остяки принуждены летом кочевать с места на место, смотря по местам, рыбой изобильным; однако везде и при сих местах имеют они зимовья... в коих прежде живали и в коих в таких случаях обитают». Этим объясняются переходы в зависимости от времени года «из вешних юрт» в расположенные нередко на большом от них расстоянии «зимние» юрты и обратно.

Звериные промыслы играли в хозяйстве приобских хантов менее важную роль, чем рыбная ловля. В тундрах, облегающих низовья Оби, пушной зверь не водился. «А лешего промыслу в Обдорской волости нет,

потому что у нас места тундряные и болотные, близко к морю большому студеному», — заявляли обдорские ханты в 1642 г. Для ясака они поэтому и покупали мягкую рухлядь у самоедов, привозивших ее из Мангазеи. Точно так же «негде» было промышлять белку и всякого зверя кодским хантам: «живем по край Оби реки,— жаловались они в 1650 г., — кормимся рыбою, а отхожих, государь, промыслов и речек нет, и вверх идучи Обью рекою, все прошли болота и тундры... и нам, государь, промышлять негде». В Казымской волости «в осень» били белку. «Соболиного, государь, у нас промыслу нет, — говорится в челобитной казымских хантов 1642 г., — а наперед сего до прошлого 149 года была в Казымской волости в лесах белка, и мы, сироты твои, на промыслах белку ловили и белкой твой государев ясак и выплачивали, а в прошлом, государь, во 149-м году из Березовского уезду белка сошла неведомо куды». <…>

Обдорские ханты, жившие в тундрах, прилегающих к Обской губе, разводили оленей, и «мощнейшие» из них, особенно князцы, содержали значительные табуны, которые паслись под наблюдением наемных пастухов, преимущественно ненцев. Олени, в частности, служили обдорским хантам средством обмена на мягкую рухлядь самоедов. Занимались оленеводством и ляпинские манси...

Самоеды, по словам одной ясачной книги, приезжают в Казымскую и Обдорскую волость для торгу в одно время, по первому зимнему пути, покупают у остяков рыбные запасы и, быв в Казымской и Обдорской волости, отъезжают в тундры. Войкарский городок на Обдори служил местом оживленной ярмарки, куда «по первому зимнему пути березовская и пустозерская самоядь к ясачным остякам приезжают». Ханты продавали ненцам сухую рыбу и жир рыбий, а также живых оленей, и в обмен получали от них пушнину.

Как березовские, так и сургутские ханты покупали у русских торговцев «для промыслов топоры и котлы и платьишко», а также запасы. В обмен шли меха, в частности, пупки и хвосты собольи и лапы лисьи. Кроме того, единицами обмена служили среди березовских хантов, как у гомеровских греков, рабыни, панцыри и лошади; среди сургутских — скот и материи. <…>

Голодовки среди них были обычным явлением. «А мы люди бедные и голодные, и собаки голодны и худы... — жаловались сургутские остяки. — ...Да у нас же... прежние зверовые угодья, которые были вблизи леса, выгорели и запустели, и зверя никакого нет. А когда мы, сироты твои, для твоего государева ясаку на лес промышляли в дальные места недель по 10 и наги и босы и беззапасны, и от зимние великие стужи и от голоду в лесах многие, сироты твои, помираем». Голод великий был, например, в Сургутском уезде зимою 1625/26 г.; «ели человечину, и собаки и детишки у многих померли, и собаки все примерли... и от того великого голоду многие ясачные люди, пометав женишек и детишка, разбрелись безвестно... не истерпя голоду, собаки переели». Были случаи и людоедства: «Вас-Юганской волости ясачный хант Пыктайко пошел промышлять ясак на лес и с промыслу не бывал, и вести про него не было», а его жена без него, «не истерпя голоду, двоих детей своих съела» [Бахрушин, 1955а, с. 91–96].

С. В. Бахрушин. Ясак в Сибири в XVII веке

В числе государева жалованья, наряду с товарами, выдавалась также мука. …В Пелымском еще в XVIII в. за ясак давалось «из казны хлебом».

<…> Крижанич в своей «Истории Сибири», написанной по-латыни, пишет, что служилые люди, посылаемые для сбора податей, «дают старшинам селений (deca nis vellarum) крупу для еды» и что для них эта пища «является яством сибаритов». <…>

В ясачные зимовья, где платили ясак даже давно замиренные сибирские народы, «корм» посылался из года в год. Так, на корм ясачным людям в 1667 г. послано из Мангазеи в зимовья 206 пуд. муки, 2 п. 12 грив. масла коровьего и 1,5 пуда жиру рыбьего.

<…> Для нерусских гостей пекли хлебы и готовили «бурдук» из муки, варили пиво, и «из того пива даван погреб» как ясачным людям, так и служилым. Кроме того, «всегды иноземцев как государев ясак платят, государевым питьем, вином поят, и на те расходы из Тобольска вино присылаетца» [Бахрушин, 1955в, с. 72–73].

П. Н. Буцинский. Мангазея и Мангазейский уезд (1601–1645 гг.)

Сам по себе полуостров Ямал не представлял для новгородцев особенного интереса, и ради него они не могли предпринимать такого отдаленного плавания. На этом полуострове в период навигации, т. е. летом, новгородцы могли встретить только самую незначительную часть самоедов, так как последние имели обыкновение, или скорее нужду, ранней весною оставлять свои тундры и перекочевывать в более южные местности. По крайней мере в XVII веке, как видно из документов, ямальские самоеды целое лето жили по рекам

Соби и даже Войкару. Здесь они кормили своих оленей, ловили рыбу, птиц и «съестнаго зверя», заготовляли из этого «юколу» и «порсу» — зимний корм для собак и самих себя. А как только начнет падать снег и является нужда во мхе, они собирают свои чумы и переселяются в тундры. Отсюда произошла известная басня о замирании на зиму людей Лукоморья. <…>

…Распоряжение оказалось особенно тяжелым для торговых и промышленных людей: они посылают в Москву одну челобитную за другой, в которой пишут, что им на промыслах «без зайцев и меду никак пробыть нельзя», потому что «цынжают»…

…В Мангазее теперь собирается пошлина только с юколы, «с собачьяго костья», с рыбы и с зайцев, да и то небольшая [Буцинский, 1999б, с. 126–129].

А. И. Пика. Биологические ресурсы сосьвинского Приобья и их использование аборигенным населением в XVIII–XIX вв.

Использование ресурсов промысловых охотничьих животных аборигенным населением бассейна р. Сев. Сосьвы в XVII в. [Пика, 1981]

Промысловый вид	Использование в XVII в.	
	Ясак, шт.	Вн. употребл. %
Соболь	500–600	До 60
Лисица	100–150	–
Горностай	250–300	–
Песец	100–150	–
Белка	15 000	До 50
Лось	–	До 100

1.1.3. Материалы российских и иностранных исследователей XVIII — начала XX века

В этой группе русские письменные источники представлены несколькими основными типами.

1. *Материалы переписей населения*. В материалах ревизий (ревизские сказки) и Всероссийской переписи 1897 года имеются сведения о численности коренного населения. Часть этих данных опубликована [Патканов, 1911; Соколова, 1983; Якобий, 1895; 1900].

Материалы Приполярной похозяйственной переписи 1926–1927 годов содержат большой объем информации по хозяйству, численности и путям миграций коренного населения севера Западной Сибири. Они опубликованы в обобщенном виде [Похозяйственная перепись … ; Материалы приполярной переписи 1926–1927 гг. в Сибирском крае; Туруханская экспедиция Приполярной переписи …] и практически полностью для Ямала [Книга отцов …]. К этому типу источников можно отнести данные по бюджетам хозяйств коренного населения бассейна реки Пур [Митусова, 1925]. Обширные материалы по оленеводству, охотничьему промыслу, морскому зверобойному промыслу, маршрутам и срокам кочевий, районам выпаса стад оленей, собранные экспедицией Уральского областного земельного управления под руководством В. П. Евладова в 1928–1929 годах, не опубликованы.

2. *Статистические данные*. В некоторых публикациях приводятся разного рода статистические данные, содержащие информацию о численности и/или территории проживания, направлении миграций, отдельных аспектах хозяйства, оленеводства, охоты, рыболовства коренного населения [Дунин-Горкавич, 1904; 1910; 1918; Ядринцев, 1891; Оленеводство; Оленеводство Тобольского севера в цифрах].

3. *Авторские публикации* — наиболее многочисленная категория источников. Она очень разнообразна по своему составу, объему и характеру приводимых данных по экологии коренного населения. Это публикации экспедиционных материалов и собственно путевых дневников путешественников, как непосредственно побывавших на севере Западной Сибири [Алешков, 1929; Анучин, 1906; 1916; Белявский, 2004; Бушевич, 1914; Гондатти, 1888; Городков, 1926; 1929; Гофман, 1856; Дмитриев-Садовников, 1917; Дунин-Горкавич, 1897; 1904; 1910; 1911; Евладов, 1930; 1992; Житков, 1913; Зуев, 1947 ; Кольс, 1930; Костров, 1857; Кузнецов, 1888; Курилович, 1934; Кушелевский, 1868; Миддендорф, 2006; Мордвинов, 1860; Новицкий, 1989; Поляков, 2002; Руденко, 1914; Третьяков, 1871; Хондажевский, 1880; Шавров, 1871; Шухов, 1913; 1914; 1916; Юданов, 1928;

Источники по этнографии Западной Сибири … ; Сибирь XVIII века …], так и включивших в свои работы сообщения других исследователей или очевидцев [Георги, 1799; Паллас, 1788; Sthralenberg, 1730].

Данные по экологии имеются также в работах, написанных людьми, долгое время прожившими на севере Западной Сибири [Абрамов, 1857; Бартенев, 1998; Шемановский, 2005], и в путевых очерках людей, с разными целями посетивших этот регион [Носилов, 1903; 1904; 1937; Скалозубов, 1907].

Русские письменные источники, главным образом авторские, частично приведены в данной главе, частично — в главе 2 «Промысловые и домашние животные».

Начиная с XVIII века появляются записки иностранных путешественников, лично посетивших север Западной Сибири. Одними из первых иностранцев, кто побывал здесь и написал об этом, были пленные: поляк Л. Сеницкий, живший в Сибири с 1707 по 1722 год и выпустивший в свет свои мемуары в 1754 году; француз А. Белькур, который опубликовал в 1776 году описание своего проживания в Тобольске с 1770 по 1773 год; и немец Людвиг Вагнер, который издал в 1789 году повествование о своей жизни в Сибири с 1759 по 1763 год.

В публикации Л. Сеницкого сведений по экологии коренного населения севера Западной Сибири не содержится, а в мемуарах А. Белькура и Л. Вагнера они приводятся [Зиннер, 1968; Титова, 1978]. В 1740 году город Березов посетила экспедиция Ж.-Н. Делиля. Спутник Делиля, Т. Кенигфельс, вел дневник, включающий также сведения о хозяйстве местного населения. Но полностью дневник был опубликован значительно позднее [Материалы экспедиции Ж.-Н. Делиля …].

Начиная с середины XIX века этот регион привлекает внимание зарубежных ученых, прежде всего лингвистов Финляндии и Венгрии. Здесь работали М. А. Кастрен (1841–1844), А. Регули (1843–1845), А. Алквист (1858, 1863, 1883). В это же время низовья реки Оби и Полярный Урал посещают немецкие ученые О. Финш и А. Брем (1876), в начале 1880-х годов низовья Оби посетил итальянец С. Соммье, а низовья рек Пур и Таз — фон Доббелер (1884). В начале XX века в бассейне Таза работал К. Доннер. Все они в том или ином виде опубликовали материалы своих путешествий. В интересующем нас плане наиболее значимы работы М. А. Кастрена [1999], А. Алквиста [1999], О. Финша и А. Брема [Путешествие в Западную Сибирь …], фон Доббелера [Dobbeler von de, 1886a, b], С. Соммье [Sommier, 1885; 1887] и К. Доннера [Donner, 1926].

Мы приводим соответствующие цитаты только из работ, переведенных на русский язык [Алквист, 1999; Доннер, 2007; Кастрен, 1999; Путешествие в Западную Сибирь …].

Г. И. Новицкий. Краткое описание о народе остяцком. 1715 г.

Не толико же сей народ писмен не имея, яко же прежде вспомянутом, но ниже коего хитростнаго рукоделие употребляют. Обще всим едино рукоделие, стрелянием звера (убивают), ловление птиц, риб, ими же себе препитать может. Сих убо хитростей и чада своя изучает и от младых ногтей принравляют я к стрелянию из лука убивати звера, к ловлению птиц, рыбы (обучают их); ничим бо иным чрез все жытие свое не упражняеться, яко сим единым промыслом, и таково хитростно в своем рукоделии изученны, яко всяк в младости своей изучися лук себе из древа и стрелы сам делает и найкрепчайшых зверев: медведя, лосей, еленя убивать, тожде дражайшых соболей, лисиц, белку, птиц всяких, не толико на воде плавающих, но по воздуху летающих, в самом летании стрелами улучают, и се обще всих едино рукоделие: не желают таковых хитростей изучитися, сим бо доволны, им же могут препитати житие, но вящие же полагаются в ловлении риб, оных бо множеством здешняя Палестина свободнейшее и скорейшее жителем своим дает пропитание.

Паче всего повседневная их пища от риб; зане скорае сие имети могут, и всегдашним ея употреблением питаются. Летним убо временем жителствуют при водах, наипаче при великой реки Оби, яже своим пространным разширением множество различных родов риб содержыт, не толико жителей своих Остяков, но и сию Палестину доволством израдных рыб питает; облежащии же ю бреги преславный суть доволством звера на сих бо частый лес, ретко равныя местца, но частый ровы, долины, самородныя, аки рукою человеческою ископаны. Темнота убо сих мест питает множество зверей, и весма всем доволством сия преславная река питателница есть Остяцкому роду. Приседят же сии чрез все лето упражняющеся ловлением рыб, и якоже нецыи в хлебородных местах собирают плоды земныя, прыуготовляя на зимнее время сими питатися, тако и бедствующий Остяк в пустых безплодных сих местах рыбы на всю зиму собирает и своим обыкновением рыбу изрядную, муксун названную, и прочая, без соли тако усушуют, что чрез всю зиму содержатися можешь. Нарыцают же сушеную позёмы. Егда же хотят себе сладклястием насытить, тогда употребляют жиру рыбиего, еже в большых сосудех берестяных держат, сего же вземше омачивают позёмы своя в сытость сию и сими приятными себе сластми доволны бывают. Иногда довольно жыром

самым напаяют себе, особнейшее себе почитают избраннейшее ястие, еже варку нарицают. И толико сие в началнейших приуготовляються во время пирования страннаго их, се же сице утворяют: вземше потрохи от разных рыб, не очищая, оныя со гноем в сосуд каковый полагают, таможде довольно жиру вливши, на огне смажит, даже очернеет. Тогда снемше услаждаються сими сластьми и мнят, яко таковаго сладокластия нигде обрести не могут. Аще самой смрад ястия сего далече от себе всякаго обращает, обаче им обыкшым сладко, приятно есть. Се же за обычай им есть живу рыбу вземше от воды ясти, наипаче же мнят полезнейшее здравию сыро с кровию ясти, неже уваренная, или печеная; зимою же разния рыбы паче всего прыятны вкушают.

Скудость в пищи и недостаточество воспомогает до вольно множество (водных) птиц: лебедей, гусей, казарки и разных родов птицы. Великия бо зде воды и блатные места, угодная же умножению их: производиться многоплодно, яко довольно скудному народу сему питатися мощно. Упражняют же ся ловлением оных птиц летняго времене, наипаче же в последних числах июня. Зде бо в то время птица лишается перия, к летанию же немощна, в довольное Остяку попадает пропитание. В сие бо удобное время скорае старыя с птенцы уловлять могут осенным же сим временем тожде ловлению птиц прысидят, и тогда довольный промысл в ловлении их имеют, зане в то время переметы или сетьми, на то устроенными, множество птицы уловляют; зимним же временем пищу и промысл держать звера убивать, еже и обычным оружыем из лука всякаго звера убивают; мяса же всякаго звера: медведя, лисицы и прочая ядят.

<…>

Яко же бо всих сия великая река Об препитанием и пищею воспомогает Остяков, тако и жажду их утолить доволна есть, зане иного пития не имеют, обскою толико удоволяють себе водою. Паче же всего употребляю табаку китайскаго, его же нарыцают шар. Сего над вся дражайшый и нуждейшый, здравию же своему мнят быти полезнейшый. Употребляют же сего необычно: мало воды в уста вземше, чрез воду дым в себе глотает, ни мало от уст испущая, и тако оным поражаеться, яко весь трепеща трасеться, бледнеет; иногда падает аки неистовством и черною поражен немощию, донелиже прийде к себе. Обаче же за искуснейшее и полезнейшее себе содержит врачевание. Употребляют же сего все обще мужы и жены, и чадом своим младым сего же уделяюсь врачевания, издетска понравляют сему, зане сие употребление табаки есть им сею помощию что мокроту природную, умножающуюся от повседневнаго ястия риб и жиру рыбьяго, истягает тот табак и высушает мокроту сию.

<…>

Умножение скота и воскормление овец, коров лошадей не обретается в них, ниже о сем попечение каково имеют, но весма крайней прилежать скудости; инии же мощнейшыи множество еленей содержать, аки домашний скот, их же употребляют вместо лошадей, наипаче скудость в сем и нужду еленми удоволяют, и во вся путь шествия своя еленми отправляються. Камо же путь свой похощет имети, еленя заложа в сани идет ноним, на то особныя устроряют, юже нарты нарыцают. Обще же все не толико еленей, но псов употребляют в путешествие и по пяти, и по шти, и дванадесят до единых нарт закладает псов; нарты же сии в долготу тры аршина, в широту пол'аршина, зело легки. Полагают же на сии толикую тяжесть, яко не возможно верити, чтобы тяжесть сию подняти мощно, и так скоростию в пути поспешити псами, могут бо в день пятьдесять и вящше ускорити верст. Не толико же тамошние жители, но и всяк преходящий пришлец еленьями и псами путь свой зде отправляет: инако бо ради многих и высочайшых снегов невозможно, зане лошадь в тех снегах тако погразнет, что ниже изыйти возможе, елен же и пес легкости ради своея не пограизают [Новицкий, 1989, с. 101–104]

В. Н. Татищев. Введение к гисторическому и географическому описанию Великороссийской империи. 1724–1739

Свиней у русских людей повсюду довольно, а из иноверцев у калмык, у черемис, у вотяков, у мордвы и у сибирских тунгузов и остяков в довольном числе имеется, а лутчие и болшие из них называются чюцкие. <…>

<…> Алень, по латыне рангифер нем. Рентир. Сих во Угории и в других местах довольно диких есть. В северных странах самояды, остяки и тунгусы имеют их, яко скот или вместо коней [Татищев, 1950, с. 164].

<…> Собаки разных пород имеются, в Березове, а более у остяков особливо собачей род находиться, которых они в зимнее время для езды употребляют, запрягая их в чеманы по 6 и по 8 и в сутки верст по 80 и по сто на них проезжают. Их кормят обыкновенно рыбою и на чюман кладут от 15 до 20 пуд [Там же, с. 168].

Г. Ф. Миллер. Описание реки Сосьвы от устья вверх против течения до истока. Собрано в Березове из устных известий различных русских, остяков и вогулов. 1740 г.

Луликарские вогули с р. Сосьвы обычно ходят ради рыбной ловли вверх по этой Малой Сосьве на расстояние двух дней пути или приблизительно на 40 верст [Сибирь XVIII века … , с. 238].

От этой речки Ese живущие на Малой Сосьве вогулы получили название Естелская волость. Es-Tel, или Es-Tellech, означает как по-остяцки, так и по-вогульски исток Ese. Они, возможно, прежде могли там жить. Сейчас они охотятся в тамошних местах и приходят от истока Talti-ja до истока Ese за один день пути с нартами. Оттуда они продолжают свое охотничье путешествие до истока маленькой реки // Tapsui, которая с севера впадает в Большую Сосьву, как об этом последует в соответствующем месте, не пересекая на этом пути истока Малой Сосьвы, поскольку он находится к северу от пути. А расстояние между истоком Ese и истоком Tapsui составляет 2 дня пути. <…>

Аниевские юрты, по-вогульски Ani-ja-paul, на северном берегу, в 13 верстах от предыдущей. Является летней деревней; относящиеся к ней зимние жилища расположены в паре верст в сторону от реки. <…>

Schensch-Kun-ja, с южной стороны, в 4 верстах от предыдущей; возникает на расстоянии 6 дней пути. Между этой и следующей речками находится так называемый переплав лосей и оленей, где их весной, когда они из лесистых местностей из-за комаров отправляются в чистую тундру и стадами переправляются через Сосьву, убивают в воде. <…>

Олти-тумбинские юрты, по-вогульски Olt-tumb-paul, на обоих берегах, в 3 верстах от предыдущей речки. Между этой и следующей деревнями имеется точно такой же переплав лосей и оленей через Сосьву…

Sorting-ja, с северной стороны, в 3 верстах от погоста; возникает на расстоянии 3–4 дней пути. Между этой и следующей речками вновь находится обычный переплав лосей и оленей через Сосьву... [Там же, с. 239–240].

Ляпинские юрты, прежде Ляпинский городок, по-вогульски Loping- или Lopüng-ûsch, на маленькой речке Ляпиной, недалеко от устья и в 31½ версты от Шоминских юрт по прямой дороге. Здесь в давние времена была та старая вогульская крепость, или укрепление, о которой упомянуто выше, и, вероятно, она имела целью преимущественно обеспечение безопасности от Печерских самоедов, поскольку и сейчас еще они иногда докучают ляпинским вогулам. <…>

Юильские юрты, прежде Юильский городок, по вогульски Wol-Küötl-paul, то есть Середи плеса юрты, на северном берегу, в 8½ от предыдущей и в 26½ версты от Мункаских юрт. Здесь в давние времена было вогульское укрепление против самоедов, которое по-вогульски называется Sek-téllech-ûsch, то есть на Сигвинской вершине городок, несмотря на то, что исток р. Сыгвы находится еще очень далеко отсюда, и, вероятно, по той причине, что это было самым верхним вогульским укреплением на р. Сыгве, как и сейчас еще далее вверх по Сыгве нет больше никаких вогульских жилищ. <…>

Man-ja, с запада, в 10 верстах от предыдущей; возникает на расстоянии 6 дней пути из тех же гор. Вверх по Сыгве ляпинские вогулы доходят, по их словам, обычно лишь до этого места. [Там же, с. 241–242].

Chulim-ja, с западной стороны, в 1 версте от предыдущей деревни; течет через многие озера. Название Chilim означает, что в этой местности имеется хорошая рыбная ловля. <…>

Искарские юрты, по-вогульски Padít-paul, на южном берегу, в 5 верстах от предыдущей речки и в 11 верстах от Вонсеровых юрт по прямой дороге. Русское название возникло от старого вогульского укрепления, которое будет упомянуто ниже, где, вероятно, раньше проживали жители. Далее вверх по Сосьве нет больше жилищ… Местности выше Искарских юрт посещаются только для охоты, и поэтому остальные расстояния между пунктами я могу описывать не иначе как в днях пути, когда зимой кочуют с нартами [Там же, с. 244–245].

Г. Ф. Миллер. Описание низовий Оби и впадающих в Обь рек от места ее разделения на Большую Обь и Малую Обь (о котором упомянуто в описании путешествия в Березов) вниз по течению. Из устных известий. 1740 г.

От этой упомянутой сейчас деревни Большой Атлым остяки обычно ходят для охоты в район истоков Амьи. От них дорога лежит прямо на восток, при этом они после 2 дней пути с нартами минуют истоки речек Moiing-jugan и Ljält-jugan, первая из которых впадает в Атлым, а вторая в Назым, а оттуда за 2 дня достигают Лыхмы, по которой они следуют вверх один день до истока, откуда еще один малый день пути до истока Амьи [Сибирь XVIII века … , с. 250].

Logai-jugan, с правой стороны, в 15 верстах от Кужевацкого погоста; шириной в 5 саженей. Название означает «мутить», а именно: поскольку речка имеет свежую ключевую воду, у которой зимой, когда вода в Оби гнилая, часто скапливается рыба, то остяки около устья речки делают заграждение (запор), в котором остается несколько отверстий, в которых они устанавливают верши. Когда же они мутят воду в речке, тогда рыба идет назад и попадает в верши.

Рч. Перевесная, по-остяцки Pilting-lar-jugan, с правой стороны, в 8 верстах от предыдущей. Протекает через озеро, или сор, которое остяки называют Pilting-lar, так как здесь они обычно имеют утиную ловлю поставленными сетями (по-остяцки Pil). Отсюда точно так же возникло и русское название речки, поскольку такие утиные сети по-русски называются перевесы [Сибирь XVIII века … , с. 256].

Паравацкие летние юрты, на левом берегу, напротив предыдущего мыса. Являются летними жилищами остяков, которые зимой живут в Шуришкарре на Малой Оби… [Там же, с. 257].

Г. Ф. Миллер. Известия о якутах и их шаманах, о юкагирах, остяках, тунгузах, самоедах, камасинцах, тайгинцах, качинцах, татарах и об обычаях разных сих народов [фрагменты]; Описание сибирских народов [фрагменты]. 1742–1746 гг.

Хозяйственный цикл, миграции, расселение

Летние юрты располагаются по берегам рек из-за рыбной ловли. Зимние юрты иногда отдалены от берегов на несколько верст, так что в зимнее время им вместо воды служит растопленный снег.

В летних юртах посередине находится **очаг** (по-остяцки *Rat),* над которым они сушат и коптят рыбу… [Северо-Западная Сибирь … , с. 318].

Остяки переселяются в свои зимние юрты в октябре. Когда вода освобождается ото льда, они покидают их и идут на соры. В июле они переходят на большие реки и остаются здесь до осени.

<…> Их летние и зимние юрты иногда также обиты в чуланах соломенными ковриками, [изготовленными][1] в их манере.

Они имеют деревянные посудины, как то: корыта и чашки, из которых они едят, а также разнообразную берестяную посуду для хранения своих запасов.

<…> Перед летними юртами находятся большие стеллажи, на которых летом они сушат свою рыбу. Порсу они не делают. Позем — это сушеная рыба, из которой вынуты кости. Юкола — когда кости остаются в рыбе. Кости они сушат отдельно. Они служат частично им самим в качестве пищи зимой, когда не хватает рыбы, частично они кормят ими собак. Рыбью чешую они сушат и сохраняют также для собак. Варка вываривается из внутренностей осетров, стерлядей и другой жирной рыбы в течение 3 или 4 часов при постоянном помешивании лопаткой, пока это не станет коричневым [Там же, с. 327–328].

О жилищах народов

У остяков летние юрты из составленных вместе шестов, покрытых берестой, как у тунгусов.

Зимние юрты состоят из досок и засыпаются землей. Сначала они выкапывают в земле углубление в половину человеческого роста, а в это углубление кругом устанавливают доски. Направление дверей не совсем строго определенное, но по большей части они ориентированы на восток или юго-восток. […]

Самоедские юрты, или чумы, состоят, как и тунгусские, из составленных вместе шестов… Юраки и прочие самоеды, живущие в тундре, эти шесты постоянно возят с собой. Остальные, живущие в лесистых местностях, вырубают каждый раз новые.

<…> Летние юрты самоедов и остяков, покрытые берестой.

<…> Туруханские самоеды летом употребляют бересту, зимой — двойные одиндри.

Домашняя утварь народов

<…> Самоедские полотенца описаны в «Staat von Sibirien», а именно, что вместо полотенец они употребляют соскобленную древесную кору. Это делается у всех народов, и они запасают кору главным образом для женщин: когда у них месячные, то они набивают этой древесной корой штаны, чтобы не слишком сильно их запачкать. Прочее применение или использование этих лоскутков коры является уже второстепенным. […]

[1] В цитируемых фрагментах «Известий…» и «Описания…» восстановленный текст (в квадратных скобках) и обозначение пропусков текста ([…]), а также все текстовые выделения принадлежат А. Х. Элерту, подготовившему издание «Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера» 2006 г.

Самоеды делают из бересты посудины, в которых держат свои запасы, и называют их *Teheri.* Русские называют их чуманы. У них также имеются выдолбленные деревянные корыта, которые они называют *Suriki;* из них они едят, а также хранят в них свои запасы.

Такие чуманы есть также у остяков. Остяки на Кети называют их *Kam.* Есть у них и корыта, которые они называют *Chdtu.* […]

Постель остяков представляет собой бересту, которую они подкладывают, чтобы только не лежать прямо на песке [Северо-Западная Сибирь … , с. 357–359].

О путешествиях народов

<…> Остяцкие зимние юрты стоят постоянно на одном месте. А с летней юртой они кочуют вокруг в зависимости от обстоятельств их рыбной ловли. Они перевозят юрты в лодках. Когда остяки идут зимой на охоту, они не берут с собой юрты. Они ночуют со всем своим семейством под открытым небом, зарываются глубоко в снег, раскладывают большой костер и пользуются его теплом. Мужчины, женщины, дети — все тянут нарты. К женщинам и девушкам подпрягаются собаки. Мужчины одни идут впереди и прокладывают дорогу, поэтому их нарты не так сильно нагружены. […]

Русские в Мангазейском уезде применяют на своих нартах паруса.

<…> Остяки на Оби ездят на санях с собаками. <…>

<…> У самоедов нет иных лодок, кроме веток… Ветки делаются из кедра и осинника — выдалбливаются из одного дерева. <…> Самое большее, в них могут сидеть 3 человека. А это требуется для того, чтобы в лодке мог разместиться человек с сетью в **100** саженей, так как они используют лодки для рыбной ловли, а также для охоты на оленей [Там же, с. 363–365].

О рождении и питании детей

<…> Детей у всех народов кормят сами матери. Никаких кормилиц не существует. И я не слышал, чтобы когда-либо у роженицы пропадало молоко, так, чтобы она из-за этого была вынуждена отдавать чужим людям кормить ребенка. Да самоедка и ни за что ни на мгновение не доверит своего ребенка другой кормящей женщине. Дети поэтому так привыкают, что если впоследствии их даже насильно прикладывать к груди другой женщины, они все равно никогда не станут ее сосать, примеры чему я сам видел в Мангазее. Кормление продолжается 2, 3, 4 года, пока у матери есть молоко.

Самоеды, которым неизвестно, что оленей можно доить, делают детям мучную кашу, а на второй год уже дают им олений жир и мягкую мелко нарезанную рыбу, чтобы со временем приучить их к своей сырой еде. А остяки, у которых нет ни скота, ни оленей, сразу начинают кормить своих детей теми же кушаньями, какие они едят сами [Там же, с. 387].

Пища (запасание, приготовление, потребление)

Китов самоеды не добывают, но иногда их мертвыми выбрасывает на берег, и тогда они вываривают жир и едят его [Северо-Западная Сибирь … , с. 333].

<…> Самоеды пьют ужасно много воды. Варят они мало, едят большей частью сырым как мясо, так и рыбу, особенно зимой, когда это мерзлое. Оленьи головы они никогда не варят, а едят их всегда сырыми.

<…> Морских животных едят, даже белуг, несмотря на то, что они очень пахнут. Даже если среди оленей заразная болезнь, они едят павших животных. Выкидыши едят, последы — нет. Последы закапывают или вешают на деревья, чтобы их не ели олени, так от этого они, говорят, становятся бесплодными. Земляных грибов никогда не едят. Говорят, их очень любят поедать олени. Остяки также едят древесную кору, но лишь при нужде.

<…> Табак самоеды курят так же, как остяки, через воду, которую они держат во рту.

Обдорские остяки едят мухоморы, самоеды — нет [Там же, с. 337–338].

О питании народов

Остяки на реке Кети говорят, что до крещения они не ели только горностаев и колонков, или хорьков, а также крыс и мышей. Из птиц не ели воронов, ворон, сорок, галок, чаек и гагар. Орлов иные ели, иные нет. Теперь, по их словам, они берут пример с русских: если они согрешат, то предоставляют попу дать им благословение. Поэтому попы ежегодно подробно их расспрашивают, и им приходится клясться перед иконами, так как некоторые не хотят признаваться.

Остяки на Енисее — точно так же. Но среди них будто бы многие не ели еще и лисиц. […]

Туруханские самоеды едят всех животных, в том числе и горностаев, крыс **(гнус)**. Едят также своих собак и тюленей, но белугу (морского зверя) не едят. Из птиц они не едят воронов, чаек, морских чаек, которых

русские здесь называют томки, и орлов. Последних, однако, только из почтения и по религиозным соображениям. Белого медведя они также едят и предпочитают по вкусу бурому. Ибо он всегда бывает очень жирным, бурый же — только летом и поздней осенью. Забивают оленей. Едят выкидыши, но последы не едят. Не едят ершей и рыбу пизда, а всех остальных рыб едят. Они боятся зазубренных плавников у ершей и рогов у рыбы пизда. Они едят также песцов, лисиц, волков и росомах. Некоторые самоеды, говорят, едят молодых орлов, старых же стреляют только ради перьев и затем выбрасывают. Некоторые, говорят, едят и чаек, и только томки у всех в таком презрении, что их никто не ест. Они едят также зародыши, вырезанные у убитых беременных диких животных или домашних, павших беременными. Они считают это большим лакомством и едят в сыром виде. […]

Самоеды едят корень, который у них называется *Badui.* Тамошние русские называют его сладкой корень. Он будто бы сладкий как репа, растет в земле многими стеблями, каждый из которых имеет толщину большого пальца или меньшую, а длину до ½ аршина. Растение этого корня будто бы вырастает на ½ аршина в высоту, состоит из многих стеблей, имеющих мелкие узкие листья и много крупных фиолетовых цветков. Где растет сарана, они едят и ее. Едят также щавель в супе. Едят всяческие ягоды — морошку, голубицу, брусницу, кислицу, ягоду *Ssicha* (черная ягода вроде черной смородины, но другая). Иных ягод в Туруханском уезде нет.

Черемша по-остяцки на реке Кети называется *Chdrba.* Они едят ее в свежем виде. Русские ее засаливают, едят в свежем виде и в щах почти по всей Сибири. Остяки на Енисее помимо черемши едят еще и борщ. […]

Пучки снитковые и **борщ** самоеды научились есть от русских и называют оба растения *Pdlla.* О **черемше** им ничего не известно, так как она у них не растет. […]

В Средней и Северной Сибири сосновая кора или, за ее отсутствием, кора лиственничная также относится к числу средств пропитания народов. Весной, когда у деревьев начинается сокодвижение и кора отделяется, они обдирают деревья совсем догола, берут кору и соскабливают с нее красный внутренний слой, или заболонь. Они сушат его, толкут в муку и примешивают вместо настоящей муки в кушанья. Это — наиболее важный запас, какой делают на зиму северные народы, такие как остяки, тунгусы, самоеды, якуты, юкагиры и так далее. […]

Остяки на реке Кети едят сосновую и пихтовую кору только во время голода. Не делают обычных ее запасов. Кору лиственниц они не едят никогда: они говорят, что она слишком жесткая и не переваривается. Эти остяки называют кору *Pol.* Остяки на Енисее говорят *Fo'ihi.* Они большей частью едят пихту и говорят, что она лучше сосны. […]

О приготовлении кушаний

Остяки на Енисее, когда они ловят небольших рыб — сигов, язей, окуней и так далее, — откусывают у них, как есть, живых и свежих, головы и съедают их сырыми как лакомство. Во время нашего мангазейского путешествия остяки часто приносили нам на суда таких безголовых рыб.

Самоеды, когда они находятся далеко от своих юрт и семейств, едят все в сыром виде. Они не берут с собой на охоту котлов. Дома они варят кушанья по большей части так же, как и другие народы, — до полуготовности, а иногда и дома едят кушанья сырыми.

Самоеды берут желудок оленей, которых забивают или добывают, вместе с калом, которого они не выбрасывают, а еще и примешивают к нему оленью кровь, затем закрывают желудок деревянной щепкой и коптят вверху в юрте. Они говорят, что от дыма он становится готовым к употреблению и сладким. Они затем и не варят его, а едят сырым. Но все же когда они съедают внутреннюю начинку из желудка, то сам желудок варят и затем едят его. Они называют это блюдо *Kedero-te,* то есть олений желудок.

Другое блюдо они называют *Sa,* а русские называют его варка. Они берут рыбьи брюшки, варят их в небольшом количестве воды, сливают жир и сохраняют его особо в рыбьих пузырях, а вываренные куски брюшек они сохраняют также отдельно, точно так же в рыбьих пузырях — это и есть варка. Она считается большим деликатесом. Ее едят также и русские. […]

Варка самоедов называется на их языке *posa-ju.* Она варится из рыбьих брюшек и сохраняется в пузырях.

Tjeo — самоедское блюдо, которое изготовляется из желудка оленя, который коптится со всеми нечистотами и поедается в сыром виде. […]

Уликта изготовляется весной и летом, когда у них бывает лишнее мясо. Зимой они сохраняют мясо на холоде. Мясо для уликты предварительно или немного варится, или слегка поджаривается над огнем, затем режется на мелкие куски и сушится в юрте над очагом или же на солнце. [...]

Остяки не делают уликту, потому что летом они питаются только рыбой. [...]

Уликта по-самоедски называется *Jui*, на языке мангазейских [самоедов] — *Dui.* Самоеды варят только толстое филейное мясо, прежде чем делать из него уликту; тонкое реберное мясо они не варят, а сушат в сыром виде. [...]

Рыба сушится различными способами и таким образом точно так же сохраняется.

Порса — слово, перешедшее из татарского языка в русский и означающее мелко толченую рыбу, которая предварительно поджарена или, вернее, высушена на палочках у огня. Для этого берется только самая мелкая рыба.

Более крупная рыба распластывается повдоль, сушится на воздухе и на солнце и таким образом сохраняется. Такая сушеная рыба называется по-русски татарским словом юкола. […]

Порса по-самоедски *Pbdsja,* юкола — *Pochi* или *Pdchy.* По-пумпокольски порса — *hdddung,* юкола — *Sachdting.* На языке енисейских остяков порса — *Dour,* юкола — *Itten.* […]

У самоедов юкола делается как обычно, а именно: рыба распластывается повдоль, кости вынимаются, затем зачастую рыба надрезается и сушится на воздухе. Самоеды не используют костей, а дарят или продают их русским на корм собакам. Поэтому они очень бережно вынимают кости, так что на них не остается мяса. Напротив, русские и те народы, которые держат собак, обращаются с костями не так бережно. Самоеды кормят своих маленьких собак той же пищей, какую едят сами.

Юкола делается из муксунов, чиров, омулей, пеляди, осетров, стерлядей, щук.

Кроме обыкновенной юколы, которая сушится на ветру, у самоедов есть еще и другая ее разновидность, которая долго коптится вверху в юрте над очагом, пока не станет снаружи совершенно черной, внутри же мясо красное. Тамошние русские называют этот вид копченой рыбы «павленая рыба», сами же самоеды называют ее *Siggori-pdchy,* то есть юкола, жареная или копченая над огнем.

Порса у самоедов делается, как и у других народов, то есть рыба сначала сушится над огнем на лабазе, затем мелко истирается или измельчается топором **(обухом)**.

Порсу здесь делают из всякой рыбы, из которой делается и юкола, исключая осетров и стерлядей, поскольку они слишком жирны и их трудно истолочь.

Налим не используется ни для юколы, ни для порсы, потому что в самых нижних местностях он очень невкусен.

Порса сохраняется в мешках из рыбьей кожи. Мешки из обычной кожи для этого неудобны, так как от рыбьего жира они быстро портятся. […]

Остяки делают порсу только из мелкой рыбы, такой как ельцы, тугуны, окуни, караси и так далее. Из крупной рыбы делается юкола. […]

Остяки не делают запасов сараны, а едят ее только в свежем виде [Северо-Западная Сибирь … , с. 365–369].

Гигиена и болезни

У многих остяков головы с паршой. Стригут переднюю часть головы [Там же, с. 317].

Цинга появляется лишь у тех самоедов и остяков, которые к весне испытывают недостаток в съестных припасах и терпят голод. Средством против нее является то, что они мажут все свое тело оленьей кровью. Русские также пытались мазать себя кровью, однако им это не помогало [Там же, с. 320].

Моржовой жир хорош для ран. Самоеды используют его. Его применяют и русские в Березове, особенно для лечения ран у лошадей.

При обморожении членов остяки и самоеды мажутся растопленным рыбьим клеем. Действие его состоит в следующем. Если этого не делать, то из-под кожи вытекают водянистые выделения, которые называются **осока**, после чего это место становится очень болезненным. Нанесенный клей, напротив, препятствует тому, чтобы выделения вытекали, и они должны высохнуть под кожей. Вскоре после этого нарастает новая кожа, и никакой боли в дальнейшем не чувствуется.

Остяки для изгнания болей из членов делают фигуры прокалыванием и втиранием угля в кожу. Самоеды этого не делают. Оба народа имеют **ядня,** или моксы, из чаги. Действие мокс, как и остяцких фигурных прокалываний и втираний при болях, состоит в том, что это место нарывает, и гной выходит. Чем больше выходит гноя, тем скорее следует улучшение, поэтому заживление нарыва намеренно затягивают. Вероятно, именно такое же действие происходит и при тунгусских вышиваниях [кожи] [Там же].

Мокса употребляется у всех языческих народов Сибири таким же образом, как у китайцев и японцев... Мокса по-самоедски *Siggoreterra,* по-юракски *Tudobsi.* Трут по-самоедски *bewo,* по-юракски *pema.* Трут, как

и тунгусский, из губки. Для мокс они берут самые жесткие из губок, непригодные в качестве трута, или из тех больших жестких березовых губок, которые по-русски называются чаги... На языке остяков на реке Кети мокса называется *Zining.* Они употребляют для трута обыкновенные древесные губки и делают из них также и моксы.

Мокса на языке остяков по реке Енисею — *Bolba.* Делается из больших березовых губок (чаги), которые у них называются *Otpol. Bolba* — родовое название и обозначает всякую губку.

Енисейские остяки, когда они обожглись моксой, кладут в рану кусочек печени от зверя или скота, чтобы она скорее загнила, и благодаря этому рана долго оставалась открытой, как источник. Они говорят, что польза мокс заключается в том, что через рану от ожога из тела выводится большое количество нечистой влаги, вызывающей боль в членах. При глазных болезнях они прикладывают моксы к верхним частям висков. Остяцкая мокса — маленькая, русские же на реке Енисее делают ее вдвое больше.

<…> Самоеды на реке Енисее, как и тамошние русские, также переняли у тунгусов лечение посредством татуировки больного места, и такое лечение, говорят, многим помогает.

<…> Самоеды сжигают с оленьей шкуры волос и кладут обожженной стороной на рану, чем унимают кровь, как русские в Сибири — жженым войлоком. Для лечения ран они применяют сало от бурых медведей. Сало белого медведя слишком жидко. Раны они перевязывают тонкими оленьими шкурами, прикладывая их на рану внутренней стороной. Среди них нет профессиональных врачей. Почти каждый это умеет. Они также вправляют вывихнутые конечности.

Пумпокольские остяки унимают кровь тем, что накладывают на рану лоскут трута и перевязывают ее. Иных лекарственных средств они [не] знают. […]

Самоеды берут зубы щуки, жгут их, превращают в порошок и сыплют этот порошок в раны. Или они берут листья **брусницы** *(jesire),* сушат их и делают порошок для той же цели. Обмороженные члены они смазывают рыбьим жиром. […]

<…> У остяков на Енисее распространенным средством для излечения ран служит язык медведя или лося. Его высушивают до твердого состояния и растирают в порошок, или от него немного соскабливается ножом и насыпается на рану. Они сушат багульник, растирают его, варят в горшке или котле и пьют эту воду при коликах в животе и «когда сердце давит». В этом же случае они также принимают в мясном или рыбьем бульоне мелко наскобленную лиственничную губку. Говорят, что если принять ее слишком много, то она вызывает рвоту, но не понос. Отвар багульника будто бы не одурманивает голову… [Северо-Западная Сибирь … , с. 348–349].

Животноводство

Лошади у остяков имеются по Оби до Полновацкого погоста и юрт Чалкиных. Далее вниз их больше нет. Богатые люди имеют до 10 лошадей. В Кодских волостях, по-видимому, лошади имеются с древних времен. Помимо указаний на это преданий, об этом можно сделать вывод еще и из того, что у остяков имеются древние песни, в которых часто упоминаются лошади. Они не умеют кастрировать лошадей, это делают для них русские из соседних мест.

По всей Оби прекрасные покосы [Там же, с. 329].

Тема: Оленеводство

Олени у самоедов, говорят, на спине имеют слой сала толщиной более чем в ладонь, в особенности — домашние. Брюшного жира у них немного.

<…> Обычными болезнями оленей, от которых многие умирают, являются следующие. 1. Понос. 2. Рвота. 3. То, что копыта расщепляются, от чего ноги распухают [Там же, с. 319].

Домашние олени имеют большие рога, чем дикие; они также несколько крупнее телом и с лучшими пропорциями, так что знаток может хорошо их различать. Летом олени едят также молодую траву и березовую листву; их настоящей пищей, в особенности зимой, является **мох**.

<…> Оленей кастрируют на 2-й год. Остяки и некоторые самоеды аккуратно разрезают яички. Некоторые самоеды кусают и жуют яички до тех пор, пока все не измельчает; после истечения влаги все высыхает.

Самые богатые самоеды имеют до 1000 оленей; обдорские остяки имеют до 300 оленей; самые богатые остяки по Казыму — до 50–60 оленей; остяки по Сосьве и Сыгве — до 20–30 оленей.

<…> **Неезжалые** олени называются по-самоедски *Chdida,* по-остяцки *Norutle.*

<…> Белых оленей много в тундре, а также по Казыму и Сосьве. В тундре имеются также пегие олени.

Уроды у всех народов считаются несчастливым предзнаменованием. Олени иногда приносят двойню, что самоеды и остяки не воспринимают за злое предзнаменование, а наоборот, еще и радуются этому. Оленей не доят. Годовалая телушка иногда приносит телка в тот же год, а именно весной она рождается, осенью спаривается и следующей весной телится.

Олени доживают до 15 лет. Домашним оленям большой ущерб наносят волки.

Дети все свое достояние имеют в оленях. Сын — олениху-корову и быка для разведения и езды, дочь — только быка для езды [Северо-Западная Сибирь … , с. 329–330].

Сани самоедов в тундре столь широки, что люди помещаются в них с подогнутыми под себя ногами. В лесистых местностях они у́же. Фасон их такой же, как в районе Туруханска.

Запрягают по 1–2, самое большее 3 оленя. При запряжке одного оленя используют один **поводок,** по-самоедски *Sa,* или *So,* длиной в 1½ сажени. Вокруг груди надевается **лямка** (по-самоедски *Poder),* снизу к ней прикрепляется поводок, таким образом, что он проходит между ногами оленя. Два оленя припрягаются к одному **поводку** длиной в 3 сажени таким образом, что этот **поводок** разделяется на две части и почти посередине привязывается к саням. Только та часть, к которой припрягается олень по левую сторону, должна быть несколько длиннее, таким образом, чтобы от левого поводка мог быть привязан ремень к рогам правого оленя, с той целью, чтобы олени не шли слишком далеко друг от друга. Вокруг рогов левого оленя прикрепляется вожжа. Вожжа расположена по левую сторону этого оленя, однако возчик держит ее в правой руке, и с ее помощью он управляет этим оленем, а следовательно, и другим. В левой руке возчик держит *Gore,* или шест, чтобы подгонять оленей. Иногда на тот конец шеста, который находится в руках возчика, насажен большой нож, используемый на охоте.

Три оленя запрягаются следующим образом, а именно: средний олень соединен ремнем, обвязанным вокруг его рогов, с поводком левого оленя и от этих рогов до рогов правого оленя имеется еще один ремень.

С двумя или тремя хорошими оленями зимой за один день можно преодолеть до 60 и более верст. Для кормежки не требуется останавливаться надолго, олени могут долго обходиться одной кормежкой.

<…> Остяки, которые держат оленей, ездят на них таким же образом, что и самоеды.

Езда верхом на оленях или перевозка грузов на их спинах не используются ни у самоедов, ни у остяков.

Один хороший олень может везти около 6 **пудов** груза.

Обдорские остяки, имеющие много оленей, кочуют с ними так же, как самоеды, и имеют такие же чумы. Остальные остяки используют оленей лишь для езды.

<…> Самоеды умеют помогать оленям при тяжелых отелах. А именно, когда теленок находится в неправильном положении, то они засовывают руку, предварительно смазанную жиром, в матку и поворачивают плод. Если они чувствуют, что плод лежит так неправильно, что его нельзя повернуть или привести в правильное положение, то берут в помощь маленький нож, который можно поместить в голой руке, засовывают руку с ножом внутрь, расчленяют теленка и вытаскивают его наружу кусок за куском [Там же, с. 331–333].

Забой оленей осуществляют мужчины. Они спереди наносят удар по голове и перерезают им горло. Когда это сделано, они отрезают все 4 ноги по верхним суставам и дают их женщинам в юрты, которые снимают с ног камасы. Все остальное делают мужчины [Северо-Западная Сибирь … , с. 337].

Об оленях

<…> Конечно, нет сомнений в том, что домашние олени первоначально произошли от диких. Но нет сведений о том, чтобы в настоящее время эти народы приручали диких оленей. Более того, они утверждают, что это невозможно, так как если даже поймать их совсем молодыми и воспитывать вместе с домашними, они все равно после того, как вырастут, убегут к диким. Говорят, что многие неоднократно это пробовали, но напрасно.

Поэтому у народов существуют совершенно различные названия для домашних и диких оленей, как если бы это были два совершенно различных вида животных. Например: дикий олень по-самоедски *Kedere,* домашний олень — *Ty a.* […]

Из всех сибирских народов богаче всех оленями юракские самоеды в Березовском и Мангазейском уездах и чукчи на крайней северо-восточной оконечности Сибири. Это примечательно потому, что эти народы не подчиняются русским. […]

У некоторых юраков будто бы бывает до 2000–3000 оленей. Сразу после них по богатству оленями следуют самоеды-тавги. Между ними также есть такие, кто имеет до 1000 оленей; обычное их число — 50–100 и больше.

Они подвешивают самцу в табуне колокольчик и слышат таким образом, если табун затерялся вдалеке, где именно он находится. Те, кто не может купить у русских железные или из желтой меди колокольчики, подвешивают вместо них деревянные погремушки. […]

Самоеды ездят на оленях и зимой, и летом, запрягая их в сани. …Хотя летом езда на санях довольно затруднительна, но они не хотят поступать иначе, потому что так привыкли. Они называют сани *Choddb.* Эти сани — короткие и высокие, как у юкагиров. Кроме них они имеют еще сани иного рода, длиной в ½ сажени. Их они называют *Irrega.* Русские нарты они называют тем же именем, потому что находят с ними сходство в длине. Однако самоедские *Irrega* несколько выше, чем нарты. Они используют сани *Irrega,* чтобы перевозить на них шесты для своих юрт; кроме того, они перевозят на них и нюки для юрт. […]

Те народы, у которых большой избыток оленей, как юраки и чукчи, употребляют их также в пищу и забивают так же, как и рогатый скот. Они забивают тех, на которых не ездят (неежалые олени, или каргины). Остальные самоеды, даже если они также богаты оленями, не забивают их, кроме случаев крайнего голода.

Самоеды в Березовском уезде забивают своих домашних оленей. Но те, у которых всего лишь по 10–20 оленей, никогда их не забивают, разве только в случае крайнего голода, когда уже не могут прокормиться ничем иным.

У этих последних все олени обучены или для езды, или для перевозки грузов. У первых же имеется ровно столько обученных оленей, сколько им требуется для путешествий. […]

Оленей держат некоторые остяки в Сургутском уезде, живущие по рекам Тором-юган, Аган и Пим, и большая часть остяков, живущих в Березовском уезде, равно как и вогулы на Сосьве и Сыгве, а в особенности казымские остяки, и почти все обдорские остяки. […]

<…> Олени — как дикие, так и домашние, в лесистых местностях крупнее, чем в тундре. Первые также гораздо темнее по окраске. Белые олени — в тундре. В Мангазейском уезде дикие олени будто бы несколько крупнее домашних.

Новорожденный олененок **(пыжик)** по-самоедски называется *Nddoku;* следующей осенью — *Tdgu;* следующим летом, или на второй год: самец — *Korraku,* самка —*Sirriku;* на третий год становится взрослым оленем — *Tja.* Олень-самец имеет у самоедов особое название — *Kdtte;* олениха — *djohadde* [Северо-Западная Сибирь … , с. 361–362].

Туруханские самоеды ездят на санях только зимой (тавги и юраки также и летом). Когда они переселяются, то мужчины с легким грузом на санях едут для промысла впереди, а женщины вместе со всем обозом медленно следуют сзади. Они редко запрягают в сани более одного оленя. В первые сани, которые должны прокладывать дорогу, запрягаются два оленя (юраки и тавги и в прочие сани запрягают по 2–3 оленя).

<…> Самоеды ездят на санях как летом, так и зимой, для чего запрягают 2–3 оленя друг подле друга. Они накладывают оленю вокруг головы под рогами налобную повязку, которая состоит из костяной пластины шириной в полтора пальца, и к ней по обеим сторонам головы прикрепляются вожжи. Вокруг шеи надевается лямка из медвежьей шкуры или оленьих камасов; в эту лямку их запрягают [Там же, с. 363–365].

Собаководство

Собак остяки держат частично ради охоты, частично для езды. Богатые остяки имеют по 6–7 собак. Зимой их кормят костями, остающимися от юколы, а также рыбьей чешуей, которые, однако, предварительно необходимо варить.

Самоеды редко держат более двух собак. Они не используют их ни для охоты, ни для езды, а используют частично на **опушку** на своей одежде, а именно длинношерстных, частично для охраны, для чего их держат и остяки.

Остяки имеют собак, натасканных на всякую дичь, другие собаки идут только на лисиц, третьи — на соболей, четвертые — на белок и горностаев.

Самоедские длинношерстные собаки не бдительны и мало лают, даже если слышат шорохи. Тем лучше лают остяцкие собаки.

Большинство самоедских собак белые, и их предпочитают ради **опушки** на одежде. Черных собак они также имеют, и шкуры от них используются у самоедов для отделки шапок.

Собак не едят ни остяки, ни самоеды, преимущественно из-за чувствительности и уважения, а не потому, что они считают их нечистыми или невкусными.

Собаки у остяков и русских по Оби тянут нарты. Эти нарты такие же, как у промышленных, только **копылья** несколько выше. Дуга спереди нарт называется **баран**; к барану прикрепляется основной ремень

(алашник), к которому припрягаются собаки. Их впрягают попарно. Когда остяк идет на промысел, то использует на худой конец лишь двух собак, которые тянут его припасы и охотничьи принадлежности, а сам он идет пешком. Во время *путешествия* требуется по меньшей мере 4 собаки на одни сани, также и до 8 собак. …8 собак тянут груз весом в 12 пудов помимо возчика и запаса для поддержания его самого и собак.

Алашник при 8 собаках имеет длину в 5 саженей. **Поводец** — это веревка, прикрепляемая к алашнику, на котором тянет собака. **Алык** — это упряжь, в которой тянет собака; **алык** прикрепляется к **поводцу.** Один **поводец** рассчитан на двух собак: в середине он привязан к алашнику, а на его обоих концах — алыки. Первый **поводец** находится на расстоянии лишь в ½ аршина от барана. Длина одного **поводца** по обе стороны от алашника составляет приблизительно 1 аршин. Один **поводец** удален от другого на 1 сажень, а передний — несколько дальше вперед.

Обе передние собаки **(передовщики)** обучены. Иногда также имеется и один **передовщик,** который поэтому запрягается **поводцом** к алашнику спереди посередине.

С восемью хорошими собаками налегке по насту можно в день проделывать путь до 100 верст.

Алык проходит не вокруг груди собаки, как **лямка** [собачьей упряжки] в Якутском уезде, а припрягается собаке около задних ног. Это обыкновение имеет исключение у инбацких остяков в Туруханском уезде, которые, как и в Якутском уезде, запрягают собак в **лямки.** Несмотря на то, что второй способ признается, пожалуй, лучшим, первый все же еще сохраняется. Он был вначале привнесен обским остякам, а так как Мангазея была заселена через Березов, то и здесь была введена эта привычка.

Возчик держит в руках один или два **посоха,** частично для того, чтобы подавать ими знак **передовщикам,** в какую сторону они должны повернуть, частично, чтобы упираться ими с обеих сторон в землю в случае, когда собаки хотят бежать.

На баране имеется еще одна часть, свободная от алашника, за которую возчик сам помогает *тянуть* тогда, когда дорога идет в гору.

Алык состоит из сырой собачьей кожи, с тем, чтобы он был мягче. Он круглый, проходит через спину, а внизу под животом к нему привязан **поводок,** проходящий между ногами [Северо-Западная Сибирь … , с. 330–331].

О собаках

Собаки в Сибири похожи на наших обыкновенных крестьянских и пастушеских собак, но только они редко достигают такой величины.

<…> У самоедов имеется порода не очень крупных мохнатых, большей частью белых собак, которых они держат лишь для того, что забивают их и едят, а шкуры используют на оторочку (опушка) своей одежды. У них нет охотничьих собак, как не принята и езда на собаках.

Русские в Мангазейском уезде все ездят на собаках, как и в Жиганах. 4 сильные собаки могут везти до 15 пудов груза вместе с возницей.

Остяки на Кети держат от 2–3 до 4 собак. Они используют их для того, чтобы они тянули нарты, а главным образом для охоты [Там же, с. 362–363].

Охота

А главная причина, по которой остяки с Оби и Ваха обычно идут на Пур, заключается в том, что на нем и на впадающих в него речках имеется богатая бобровая охота, и как и р. *Köler* по этой причине часто посещается [Там же, с. 51].

Кискан, по-остяцки *Keskan,* — это птичья сеть на гусей, которую раскладывают на земле. При этом используются чучела гусей — **манщики** (по-остяцки *Imyt),* устанавливаемые на земле возле сети. Помимо этого, спрятавшийся за кустарником промышленный держит во рту листик бересты, с помощью которого он может имитировать голос гуся. Как только промышленный видит пролетающих мимо гусей, он начинает свистеть, и тогда гуси садятся к манщикам и их накрывают сетью. С такой сетью управляется один человек, так как он может тянуть ее за разные нити [Северо-Западная Сибирь … , с. 325].

При охоте на белого медведя имеется следующее преимущество. Если медведь нападает, то лишь немного отпрыгивают в сторону и бросают перед медведем на землю шапку или что-нибудь другое. Когда же медведь бросается на это, не реагируя больше на человека (так как белые медведи не могут проворно поворачиваться), у охотника имеется достаточно времени, чтобы нанести удар рогатиной в брюхо зверя, от которого он должен сдохнуть.

Самоеды не имеют собственных лодок, а когда они им требуются, покупают их у остяков, особенно, когда они живут у рек и занимаются рыбной ловлей или охотой на оленей. Некоторые также возят по **тундре** на санях маленькие **обласы,** с тем чтобы, когда они прибывают на озера, могли там ловить линных гусей и лебедей.

<…> **Свистуны** используются здесь лишь для охоты на пернатую дичь. Птицы внимательно прислушиваются к свисту и не взлетают от него, но, напротив, свист побуждает их сидеть на месте, пока они не будут поражены.

Лучшими для оперения являются орлиные перья, так как они не намокают, однако в случае необходимости используют также перья гусиные, лебяжьи и т. д.

<…> Между тем есть некоторые самоеды, которые не совестятся ради перьев стрелять орлов, чего остяк никогда не сделает.

<…> **Рогатина** у остяков и самоедов — единственное режущее охотничье оружие. Самоеды и остяки, держащие оленей, имеют **рогатины** и *Core,* соединенные в одно целое. Самоеды имеют **рогатины** большего размера, которыми они колют **моржей.**

<…> **Моржовой промысл** имеется на Ледовитом море между Обской губой и вокруг **Камня**, и далее к **Печере.** Восточнее Оби и в губе моржей никогда не видели. Они закалывают моржей, когда те спят на берегу или на льду. Часто получали увечья от них. Самоеды имеют также род гарпуна **(острога)**, который они называют так же, как **рогатины** — *Nare.* Им они колют моржей, и когда морж уходит в море, то на гарпуне закреплен длинный ремень, за который держатся 6 или более мужчин.

Белуг самоеды убивают лишь обычными рогатинами. Они подстерегают их на мелких местах и в заливах, чтобы здесь их заколоть. Они едят как мясо белуг, так и жир, несмотря на то, что это очень неприятно пахнет.

Жир **моржа,** говорят, имеет хороший вкус и не пахнет дурно. Моржовые шкуры толщиной в 2–3 пальца. Их режут на ремни и делают из них **поводки**, с помощью которых запрягают оленей. **Белужья кожа** толщиной со спинку большого ножа. Также используется на ремни.

Tinsjani, арканы, которыми ловят оленей, сплетаются из тонких белужьих ремней, а также из оленьей кожи.

Петли, которые делают на рога обученным оленям, чтобы с их помощью ловить других оленей, делаются из оленьих жил.

Морские зайцы убиваются так же, как и **моржи**, **рогатинами** на берегу. Они едят их и используют также шкуры. **Нерп** не промышляют.

<…> Обученные олени-быки у самоедов, с **петлями** из оленьих жил на рогах, отпускаются в стада диких оленей и там начинают бодаться с быками диких оленей и с помощью **петель**, в которых те запутываются, им легко одолеть их и повалить на землю. Иногда обученный олень-бык справляется с диким в одиночку, иногда на помощь к нему приходит охотник.

<…> Белых медведей колют рогатинами, а также убивают стрелами. Зимой белый медведь делает себе яму в снегу и лежит в ней всю зиму, как черный медведь в **берлоге**. Белый медведь лучше всего в ноябре месяце. Упромышленные раньше этого срока не так богаты мехом, и волос у них короче. К весне же белые медведи, как и другие звери, линяют.

На песцов самоеды ставят **черканы** у выходов из нор, в которых живут эти звери. Когда песцы хотят выбраться наружу, то неизбежно попадаются в ловушки: величина их такова, что они занимают все отверстие. Они также выставляют на песцов **кулемы** вдоль берегов озер и на речках, а также в тех местах, где, как они знают, обычно ходят песцы. Песцов также стреляют из луков.

На одном острове возле реки Собь, недалеко от Камня, самоеды копают красную глину. Они смешивают ее с кровью и эту смесь заворачивают в мясо или рыбу. Эту землю они называют *A pit,* что означает **отрава**. Она действует столь же сильно, как сулема и рвотный орех **(кичилибуха)**. Если волк умрет от этой отравы, а другие волки сожрут его, то от этого все они подыхают.

Самоеды очень дорого покупают росомах для отделки шапок, особенно женских. За хорошую росомаху они дают до 10–15 песцов. [Росомахи] встречаются там редко.

Лоси встречаются до реки Куноват, далее вниз их нет. <…>

<…> Промысел лосей осуществляется **по насту**.

Сети из ремней и жил ставят на оленей лишь в лесистых местностях, отчасти потому, что их закрепляют на деревьях, отчасти для того, чтобы животные не видели сетей издалека. Настоящий промысел — с [птичьими] **крыльями**. Обычно на каждой стороне используется около 30 крыльев, и крыло от крыла расположено в 20 саженях или ближе, таким образом, что ряд составляет до 1 версты. На дальних концах ряды отстоят друг от друга на расстояние до ½ версты, а на других концах ряды близко сходятся. Сюда и загоняют табуны. Недалеко от крыльев за снежными кучами располагаются стрелки, один наискосок напротив другого. Как и у других народов, посредством этих крыльевых рядов они также загоняют оленей в воду.

Обдорские остяки устанавливают **пасти** на **песцов**. Самоеды этого не делают.

Манщики по-остяцки и по-самоедски называются *Tona.* Для этого выбирают таких оленей, которые легко управляются и не тугоузды. Обычно это **важенки** с телятами, с тем чтобы дикие олени меньше пугались их. Это животное охотник отпускает идти в нескольких саженях впереди себя, но держит его на ремне, с помощью которого он управляет им. А вокруг самого охотника находятся еще 3–4–5 других обычных оленей, привязанных к поясу, между которыми он идет, согнувшись и прячась. Таким образом он доходит до середины табуна диких оленей. Охотник выстреливает 3–4 стрелы, прежде чем животные определят, откуда это берется. Если одно животное поранено несильно, то оно от этого начинает бодаться и драться с другими, так как полагает, что ранено ими. Они разбегаются только тогда, когда погибнет несколько животных, и они увидят много крови. За это время хороший стрелок уже убивает до 4 или 5 оленей. Один хороший стрелок способен за один день сходить в 2 табуна и убить до 10 животных [Северо-Западная Сибирь … , с. 333–337].

Об охоте

<…> Самоеды на реке Оби и в окрестных местностях также не берут женщин с собой на охоту. Но они не выкалывают у дичи глаза, а прячут головы от женщин целыми […]

Когда обдорские самоеды, будь то зимой или летом, возвращаются домой с охоты на оленей, они складывают головы всех добытых оленей особо на сани, а именно на те, на которых находится их идол, и перевозят их особой дорогой к месту поблизости от своих юрт. Если даже они едут без оленьих голов, то идольские сани все равно должны ехать особой дорогой и не могут следовать по тому пути, по которому идет весь обоз. Они говорят, что ради почета у этих саней должна быть особая дорога, если даже она удалена от следа всего обоза на какие-нибудь несколько саженей. Женщины не должны подходить к оленьим головам и не могут ничего есть от них. Головы варят мужчины и при этом убивают еще годовалого теленка оленя **(пешик)**, которого съедают вместе с оленьими головами. Все рога складываются в одну кучу и остаются так лежать. В тундре можно часто видеть такие кучи. После того как это произойдет, данное место покидается, и они со всем имуществом уходят куда-либо в другое место, чтобы женщины и девушки и впоследствии не ходили по тому месту, где были съедены головы, и не подходили к рогам. Ибо они боятся, что если бы это произошло, то эти животные были бы осквернены этим нечистым полом, и тогда им уже больше не будет удачи на охоте.

Летом олени переплывают через реки, поспешно направляясь из безлесных торфяных местностей в леса, так как там их меньше мучают комары. В это время охотник подстерегает их по берегам рек с маленьким челном... А так как у оленей есть определенные места на реках, где они переправляются весной, когда идут в леса, и другие места, в которых они переплывают реки осенью, возвращаясь обратно на торфяники, расположенные вдоль побережья океана, то эти места уже известны из опыта достаточно хорошо, и охотник никогда не упустит добычи, если только будет находиться в этих местах в должное время. Олени ходят большими стадами. Нередко встречаются до 50–100 оленей в одном стаде. Когда они плывут через реку, охотник в маленькой ветке или обласке может легко настичь их и без труда заколоть в реке это хотя и пугливое, но не свирепое животное большим охотничьим ножом (пальмой). Затем он вытаскивает убитое животное на берег и, если охота хорошая, то мясо, которое он не может съесть, высушивает в запас на зиму на солнце или в юрте над очагом. […]

Самоеды в самом начале зимы, пока снег еще не глубок, ходят на оленью охоту с манщиками. Это продолжается примерно до Рождества. После этого до тех пор, пока снег совсем не сойдет, они применяют следующий способ. Наискосок в снег они ставят палки высотой в половину человеческого роста и навешивают на них гусиные крылья от серых гусей или другой дичи, только не белой. Эти палки отстоят одна от другой на 10 саженей и образуют два расходящихся ряда. Между этими крыльями, там, где они дальше всего расходятся, они и стараются загнать оленей, а так как они пугаются развешенных крыльев, то бегут все время вперед, где они видят свободный путь. А там, где проход начинает сужаться и оба ряда крыльев отстоят друг от друга приблизительно лишь на 5 или 6 саженей, самоедами набросано много небольших снежных куч высотою в половину человеческого роста, за которыми лежат стрелки с натянутыми луками. И как только олени окажутся достаточно близко, они выскакивают и стреляют по ним. Указанные снежные кучи делаются не прямо одна напротив другой, а наискосок, чтобы охотники не мешали один другому при стрельбе, так что попеременно то с одной, то с другой стороны стоят снежные кучи со стрелками. Для этой охоты собираются

сообщества численностью от 20–30 до 50 человек, из которых лишь один или двое гонят оленей, остальные сидят за снежными кучами и поджидают. Иногда на такой охоте убивают до 50–100 оленей, так что каждый охотник или стрелок убивает по меньшей мере двух животных.

В феврале начинается охота с сетями, которая во всем сходна с юкагирским способом такой охоты, только в ней не принимают участия женщины, так как они, как упомянуто выше, у самоедов подобно лапландцам считаются приносящими неудачу. Эта охота также продолжается до схода снега.

Летом на оленей охотятся на реках. Но, помимо этого, они умеют еще и хитростью загонять оленей к рекам и озерам. Они ставят, как и зимой, два ряда палок с навешенными на них крыльями, расходящиеся под углом, причем там, где они сближаются, их подводят к реке или озеру в таком месте, где крутой и обрывистый берег. И точно так же, как зимой крылья, чтобы выделяться на снегу, должны быть черноватыми или темно-серыми, так летом они берут белые крылья от куропаток. А там, где ряды сближаются, еще устанавливаются антропоморфные болваны изо мха, чтобы от этого олени еще больше пугались. Те, кто загоняет оленей в этот проход, все время преследуют их сзади, и олени наконец пугаются в такой мере, что не раздумывая бросаются к воде и стремятся переплыть. Но там их ожидают охотники в маленьких ветках со своими обычными рогатинами и убивают их без труда.

Олени-манщики по-самоедски *Mineo.* У туруханских самоедов каждый, как бы он ни был беден, имеет по меньшей мере одного манщика, так как без них они не могут жить. Богатые люди у юраков и тавгов имеют по 3–4 и до 5 манщиков. …Зимой охотник одевается во все белое, чтобы его труднее было увидеть на снегу, а летом одежда должна быть темно-серого цвета. Самоед идет с одним или двумя манщиками, держа их на поводу одной рукой, а другой он держит лук и несколько стрел.

У кого есть два манщика, тот всегда ходит с обоими зараз. Помимо этого у него вокруг, по обеим сторонам и позади, находятся еще два-три обыкновенных оленя, привязанных поводами или вожжами к поясу охотника. Сам охотник идет, или крадется, к дичи непосредственно за манщиками. Если он хочет, чтобы они стояли, то он подергивает за повод, если же хочет, чтобы они опять шли вперед, то трясет повод. Иногда они подходят к диким оленям на расстояние в 2–3 сажени, и часто один охотник убивает до 3 диких оленей.

У инбацких остяков на Енисее есть маленькие свистки, которые изготавливаются из бедренной кости соболя. Они свистят в них весной на куропаток и рябчиков, прилетающих на этот свист, и убивают их стрелами. Они берут для этих свистков соболиные кости из-за их прочности и твердости и обычно носят их на ремне, которым завязывают свои кажаны под шеей.

На соболей эти остяки охотятся точно так же, как и русские. Они расставляют кулемы, черканы и сети. С собаками не охотятся. Стреляют соболей также и томарами.

Русские в Мангазейском уезде также расставляют черканы на соболей. Вообще же они употребляются в этих местностях преимущественно на горностаев. Но в этом случае их делают меньшими, чем на соболей.

Плашки (на белок) в Мангазейском уезде не употребляются. Их всегда стреляют томарами. Впрочем, белки попадаются также в кулемы и черканы, которые на них расставляют в основном русские [Северо-Западная Сибирь … , с. 371–379].

Рыболовство

О рыбной ловле

В Туруханском уезде у самоедов на реке Енисее и у некоторых юраков имеются неводы (общее наименование по-самоедски *Puga)* из конопли, для чего нитки они покупают у русских. Они называют их *Koresseo-puga.* У юраков есть также сети из ивового лыка, которые ставятся в реках для ловли осетров; ячеи у них делаются соответственно размеру осетров. В них также ловят больших щук, чиров, тайменей и белорыбицу. Русские называют эти сети попланы, юраки же — *Bauudsche-pugd.*

У тавгов имеется другой род сетей, которые вяжутся из очень тонко нарезанных ремней. Они используют для этого сырую оленью кожу, предварительно соскоблив с нее шерсть. Они ее сильно замораживают и затем режут на ремни, которые так же тонки, как конопляные нитки. Такие сети они называют *Onne-puga,* то есть наши сети. Русские называют их общим названием пущальницы. Пущальницы чаще употребляются в озерах.

Переметы по-самоедски *Njuwo,* морда — *Koie.*

Пущальница по-самоедски *Djatsuk puga,* то есть тонкая сеть. […]

<…> Остяки на Енисее ловят рыбу неводами, сетями, острогами, переметами, мордами.

Тестики, по-остяцки *aifheng,* — это сети с совсем узкими ячеями, которыми ловят совсем мелкую рыбу.

Неводы, по-остяцки *Tschdngifeng,* — настоящие большие рыболовные сети.

Сети по-остяцки *Unfeng.* Все эти три вида плетутся из конопли и из крапивы.

Переметы по-остяцки *Dub,* морда — *bok,* острога — *idle.*

Остяки ловят рыбу и на удочки, как русские, при помощи изготовленных из кости или из олова мелких рыбок, которых зимой опускают в воду через пролуби. […]

Кривда — род **пущальниц** в Мангазее. Устанавливается в озерах и у берегов рек, где нет быстрого течения. Сеть устанавливается в длину параллельно берегу. Рыба, которая хочет пройти от берега обратно в реку, запутывается в этой сети. […]

Самоеды также пользуются таким типом сетей и называют их русским названием.

Острога не употребляется в Мангазейском уезде ни русскими, ни самоедами [Северо-Западная Сибирь … , с. 379–381].

Ж.-Н. Делиль. Материалы экспедиции Ж.-Н. Делиля в Березов в 1740 г.

3 апреля около десяти часов вечера мы прибыли в Лиуш (Liusch). Там мы увидели одного остяка с женой, которые курили табак самым занятным способом. Мужчину рвало, он, казалось, был без сознания, а женщина едва могла говорить. Вот отчего это происходило. Мужчины сначала наполняют рот водой, затем затягиваются дымом и сглатывают, что тут же вызывает рвоту. Такой дым служит им как рвотное средство, чтобы освобождать желудок от слизи и непереваренной рыбы. Их квадратные трубки выточены из камня, к ним прикреплен деревянный мундштук длиною в фут, он обмотан ремнем. Они такие любители табака, что, как мы могли заметить, когда табак кончается, они отвязывают мундштук, разматывают ремень, выскребают его и затем набивают трубку тем, что им удалось наскрести. Трубка же так мала, что вмещает лишь то количество зелья, которого достаточно, чтобы наполнить рот дымом. [Материалы экспедиции Ж.-Н. Делиля … , с. 226–227]

В плохой год, как, например, это было летом 1737 г., когда вода стоит слишком долго, вся трава бывает испорчена, потому что стебли ее перемешаны с почвой, и скот дохнет, забивая себе кишки глиной и песком. Несчастные жители этих мест слишком часто переживали подобное, что сделало их изобретательными поневоле, и, чтобы не потерять весь свой скот, они примешивают кору деревьев к камышу, которым кормят животных.

<…> …Видел на Сосьве весьма своеобразный способ управления челноком остяков: они садятся по двое в свои челноки, которые так малы (не более двух футов в ширину и семь в длину), что вдвоем они могут переносить их с места на место. С ними две собаки, которые тянут челнок по суше до юрты или если они хотят перейти на другую реку. Следовательно, собаки нужны им не только зимой, но и летом. Можно сказать, что в этой округе собаки у остяков являются чем-то вроде рабов. Они похожи на европейских волков как размером, так и цветом шерсти, хотя много среди них и черных, которые, как я заметил, ужасно воют по ночам, потому что они не такие выносливые, как серые. [Там же, с. 232–233]

Собаки остяков хорошо умеют их выслеживать, но бобры животные столь сметливые, что при малейшей опасности они сразу убегают и бросаются в воду, если рядом есть река, и таким образом спасаются от собак. [Там же, с. 239]

…Большой медведь и песец (Pestzis) — это что-то вроде лисицы <…>

…Остяки легко и дешево добывают дичь сетями, натягивая их среди кустов и поперек ручьев, и если охота удачна, то за один раз могут добыть 80, 100 или даже 150 этих птиц. Я несколько раз видел и рассматривал такие сети. [Там же, с. 249]

…В этот момент мы находились точно в 170 верстах от Березова. В половине одиннадцатого вечера мы прошли зимние Курмусугарские Юрты, а так как ночь стояла светлая, то и видно их было отлично. Зимой некоторые из наших купили там у остяков короткие лыжи, луки и стрелы; сейчас же эти юрты были пусты: до возвращения зимних дней их обитатели живут по западным берегам Оби в летних юртах (так им удобнее охотиться и рыбачить) [Там же, с. 252].

Н. Витсен. Северная и Восточная Татария, XVIII в.

Поскольку мы заговорили о соболях, скажем и кое-что о соболином промысле, о чем еще очень мало писали, сколько я сам узнал и слышал. Соболя, похожие на черные блестящие кошки с тем лишь отличием, что их волос длиннее и мягче, лучше всего ловятся в ноябре или декабре до 18 мая; пойманные в первые два месяца прочнее и лучше намного, чем пойманные в последний месяц. Ибо в мае (Louw-maend) солнце становится уже теплее и приближается, что приводит к тому, что волосы выпадают и соболий мех становится

негодным. Их разыскивают особо прирученными собаками. Когда соболи, как привыкли, прячутся в кустах, в порослях, за скрытые чурбаны или бревна, вокруг них натягивают сети, а, словив, убивают дубинами. Если соболю удалось удрать из сети и подняться на деревья или убежать, стоящие рядом собаки лают на них, и охотники убивают их деревянными тупыми стрелами и палочками, собаки приносят мертвых соболей охотникам [Зиннер, 1968, с. 27–28]

Д. Пери. Положение России под нынешним царем, XVIII в.

Здесь я должен вернуться к тому, чтобы дать некоторый отчет о тех людях, которые населяют полосу земли, примыкающую к Новой Земле и простирающуюся от границ Архангельска до Татарского моря. Русские оскорбительно называют их самоедами (или людьми, которые друг друга едят), но причина сему очень несправедлива, ибо они живут мирно и в добрососедских отношениях, как и все другие люди, хотя в Архангельске и известно, что по причине своей необходимости они едят иногда внутренности зверей, приобретенные у мясников, и самую дурную пищу. Они торгуют с Архангельском пушниной, шкурами и деревянными изделиями, которые поставляют для торгового флота... Это люди с крупными смуглыми лицами, широкими скулами и коротким носом, похожие на некоторых восточных татар и, как меня информировали во время написания этих сообщений, они похожи на людей, живущих на северной стороне у северо-восточного прохода. Они не пашут и не сеют, ибо страна слишком студена для прорастания каких-либо злаков, а также никогда не имеют достаточно корма и травы для скота. Живут они в основном охотой на оленей и медведей и других диких зверей, добывают птиц, едят сушеные коренья вместо хлеба; немногие из них, живущие вблизи границ Архангельска, покупают немного зерна у русских, которые научили их есть хлеб [Зиннер, 1968, с. 37–38].

Упомянутые олени используются туземцами также для одежды и являются для них обычной пищей. Шкуры представляют из себя густой и теплый мех, в который туземцы одеваются, предохраняя себя от суровости зимы. Их рубашки сделаны из шкур молодых оленей, будучи надеты на тело, они мягки и теплее полотна. Верхняя одежда и шапки (шерстью внутрь и наружу) сделаны целиком из одного куска, так что стужа и ветер не дует им в шею, и приделан клапан (покрывало), снизу пристегиваемый и спускающийся при необходимости на лицо, с отверстием для глаз и носа, чтобы дышать и видеть, когда погода жестока. Обувь или башмаки также сделаны из двойного меха, сшитого со стороны мездры, чтобы лучше защищала от мороза, который длится девять или десять месяцев в году, а в самых северных частях вовсе два или три месяца не появляется солнце. Однако эти люди довольны своей жизнью; многие из них, побывавшие в России и приглашенные там оставаться, редко не желают возвращаться, живут и умирают там, где родились. Так бог каждой нации назначил быть довольной своим жребием.

Суровой зимой живут они в хижинах или пещерах, вырытых в земле, где малый огонь дает им тепло. Способ постройки таких хижин, практикуемый и русскими, когда им случается перезимовать или останавливаться в пути на месте, где нет домов, заключается в следующем: выбирают сухую насыпь или возвышенное место, где выкапывают яму порядочной глубины, обкладывают стены и перекрывают верх различными расщепленными брусьями или бревнами, что попадается под руки, а затем утрамбовывают стены и перекрывают верх землей изрядной толщины, делают скамейки и настилы по бокам для спанья людей и в середине разводят хороший огонь. В отверстие в крыше выходит дым, когда приходится разводить костер, а когда огонь выгорает, закрывают отдушину или дымоход, и эти пещеры или хижины долгое время держат тепло [Там же, с. 38–39].

Ф. И. Табберт. Письмо Курту фон Вреху. XVIII в.

В остальном эти люди [обские остяки[1]] устроены, как и все остальные, но все они краснолицые и со слезящимися глазами, и темные в лице, что происходит от дыма в их хижинах. Их одежда сделана из рыбьих шкурок и сшита жилами стерляди, деликатнейшей рыбы. Нет у них ни рубашек, ни шапок на голове, а только венок из беличьих хвостов вокруг головы, летом они ходят босиком. Зимой — в сапогах из лосиной шкуры. Во время нашего путешествия по Оби они часто приходили к нам, обычно голые, приносили нам разную рыбу, диких гусей и птиц, имеющихся здесь летом в невероятном количестве. Они забивают уток и гусей дубинками, пока они линяют и еще не способны летать. От нас они получают шар, старые рубашки и всякие тряпки. У кого есть старая шуба или простыни, может поменять все это на соболя. Крупную дичь они стреляют стрелами из лука, приучены они к этому с молодости, летом живут они на берегах рек, из-за рыболовства, зимой — в лесах. Хлеба и соли у них не найдешь, но они это едят, когда только могут получить, вместо хлеба они едят особые сушеные корни; мы взяли их немного и ели, они были сладкие и приятные. Те, которые селятся у Нарыма, живут немного лучше, да и лучше одеты, там земля лучше. Зимой они ездят на собаках в город Самаров и Сургут и другие ямы (andere Iammen) или почтовые станции. Когда путешественники туда прибывают, собаки это сразу замечают, начиная во всей деревне вой и крик, так как знают, что это их касается и их запрягут. Забей их хоть до смерти, но дальше того места, где их смена, они не пойдут.

Имеются у этих людей и лошади, но из-за глубокого снега, куда они проваливаются своим тяжелым туловищем, зимой их невозможно использовать [Зиннер, 1968, с. 76].

[1] Примечания в квадратных скобках внутри цитат, если не оговорено иного, принадлежат авторам настоящего издания.

Аноним. Наиновейшее государство Сибири, о большой и ранее мало известной Московитской провинции в Азии, раскрывающая не только бывшее и настоящее устройство страны по ее правлению, плодородию и неплодородию ее земли, горам, зверям, рекам, городам и т.п., но и нравы и обычаи самоедов, вогулов, калмыков, остяков, тунгусов, бурятов, монголов и других татарских народов, наряду с историческим известием о странных происшествиях содержащихся в этой стране в плену шведов, о школе в Тобольске и об удивительном начале обращения неверных. XVIII в.

Как русские, так и остяки, отправляясь на ловлю бобров, поступают таким образом, что никогда не опустошают все гнездо, а оставляют всегда пару, именно самца и самку, чтобы на следующий год снова иметь добычу.

<…> Ловля их [тюленей и моржей] происходит таким образом: по льдине, где они водятся, с громким криком бегут на них, от чего они на половину остолбевают, но из любопытства прислушиваются, поднимают нос, вытягивают шею, как гончая, и кричат. Напугав их таким образом, их бьют палками по носу, отчего они падают замертво, но вскоре снова встают. Другие сопротивляются и кусаются и бегут за людьми и могут бегать так быстро, как человек, их хромота им не мешает, так как скользят наподобие угрю [Зиннер, 1968, с. 117].

И. Л. Вагнер. …Собственные описания с 1759 по 1763 год, содержащие сообщения и наблюдения о Сибири…

Наш груз был так распределен, что на каждую собаку приходилось по 10 пудов, а так как пуд составляет 40 фунтов, вес каждых саней должен был составлять немного более 1200 фунтов.

Прежде чем продолжать свой рассказ, я должен более подробно описать сани и как на них ездят. Полозья из березы изготовляют не так, как у нас. Их отдирают от берез летом, рубят по длине и на такой высоте, как это необходимо, отдирают кусок толщиной примерно в полдюйма от ствола, обрезают и прислоняют концом к стене здания таким образом, что он получает необходимую кривизну. Из таких кусков и делают полозья саней. Когда они простояли все лето, их обрабатывают и делают толщиной в полдюйма, шириной в 10 дюймов, длиной в 16 футов, откуда примерно два с половиной фута уходит на кривизну. Остов состоит из легких планок, связанных крепкими веревками... Садятся в сани спинами к боковым стенкам, так что сидящие друг против друга должны переплести свои ноги. Позади лежат взятые с собой вещи. Ни с каким-либо другим транспортным средством по замерзшему Енисею не проедешь. Сани очень легки, а широкие и тонкие полозья проходят по самому глубокому снегу. Еще здесь имеется поперечина с отверстием, чтобы в случае необходимости поставить шест с парусом.

<…> Собаки, используемые для такой езды, не больше наших обычных крестьянских собак, но выше в ногах. Им надевают чулки из меха ног северных оленей, прикрепляя их спереди и сзади широкими мягкими ремнями через туловище. Веревки, при помощи которых они тянут сани, покрыты лосиной кожей, мехом снаружи, но со стороны, которой прилегают они к телу собаки, они выдублены, чтобы избегать трения. Эта обшитая веревка лежит в виде колбасы вдоль спины, а постромки идут между задними ногами к саням. Таким образом собака тянет не грудью, а спиной, где они, как представляется мне, имеют особую силу.

Передняя собака всегда обучена и ведет себя в зависимости от ударов плети возчика. Если он справа ударит по снегу, вожак идет вправо, ударит он с левой руки, то и собака туда направляется; если заблудились, возчик предоставляет собак самим себе. В последнем случае собака верно идет к тому месту, где она чует дым, и ошибется только тогда, если ветер отогнал дым в другую сторону. Задние собаки сами следуют за вожаком. Идут они без принуждения, почти всегда рысью, но если снег оттаял и снова замерз, никоим образом не заставишь идти их иначе, как шагом [Зиннер, 1968, с. 212–213].

Гусей сохраняют для употребления без соли, так как у этих людей в ней большой недостаток. Когда приезжают казаки для сбора дани, у них покупают взамен пушнины, наряду с мукой и крупой, и немного соли, но ее ненадолго хватает, так что они вынуждены есть некоторые блюда несолеными. Они в земле выкапывают большие ямы, окладывают их деревом. Сюда складывают очищенных гусей, закрывают ямы деревом, сверху набрасывают землю и хорошо ее утрамбовывают. Когда наступают сильные морозы, вынимают верхний слой гусей, вешают их в дым, — другая половина гусей остается в земле до весны, и едят их свежими. Казаки уверяли меня, что они еще до своего отъезда весной ели такую дичь, и нашли ее свежей, как будто ее только что забили [Зиннер, 1968, с. 224].

И. Л. Вагнер …Собственные описания с 1759 по 1763 год, содержащие сообщения и наблюдения о Сибири…

Мы пришли в область самоедов, которые являются злейшими врагами тунгусов. Самоеды имеют некоторое сходство с калмыками. Лица их круглые, нос плоский. Кожа лица темно-коричневая. Роста они маленького, приземисты. Глаза у них серые и открытые… <…>

Когда олень убит, у него отрезают уши и бросают как жертву для будущей хорошей охоты. Из жил самоеды делают нитки для шитья одежды; из рогов и крови приготовляют клей, рога также употребляют на лопаты и другие инструменты. Затем сдирают шкуру, вынимают из ног кости и костный мозг, который едят сырым. Остальное мясо варится. Несколько семей часто варят мясо вместе в общем котле, но каждая съедает его в собственной юрте. <…>

По его сообщению, ненцы ловили рыбу в заливах и озерах, употребляя для этого «плетеные из ивовой коры сети», а необходимые для этого веревки плели из ивовых прутьев. Занимались ненцы и охотой на птиц. Их ловили петлями и убивали из лука [Титова, 1978].

П. С. Паллас. Путешествие по разным местам Российского государства. 1770 г.

Живут они обыкновенно по лесам семьями или роднею вместе [вогулы], и каждая семья присвоивает своему владению столько земли, сколько окрестные соседи за ловлею объезжать им позволяют. Не имея кроме охоты другаго упражнения, принуждены они по необходимости разсеиваться сколь можно одна семья от другой далее, и не жить деревнями, ибо в таковом случае не было бы для их прокомления довольно пищи [Паллас, 1786, с. 326]

…Лошадей не держат и потому, что в сих непроходимых и болотистых лесах выгоднее ходить пешим, и потому что нет довольнаго числа пастьбищ, да и медведей столь много, что не возможно охранить лошадей от их гонения. Богатые держат не сколько коров, кои с женами их всегда остаются в юртах; и вот весь их домашний скот ибо редко кто и собак имеет. <…>

<…> Каждая Вогульская семья в округе своего владения заняла на выгодном месте изгородку, простирающуюся в лес иногда до двенатцати и более верст, и состоящую либо из одного токмо плетня, либо из молодых сосен и елей между засек насажденных. Они крепко стерегут чтоб сии изгородки были безопасны и наблюдают прилежно, чтобы в тех местах, где оные поставлены, ни кто ни сена не косил, ни дерева не рубил, ни селился, ниже своровал бы уловленной дичи. В некотором разстоянии пущены отверстия и по оным или разставлены напряженныя творила или покопаны, ловчия ямы для поимки проходящих зверей. Случается, что в такия ямы впадает лосица с детьми. Попадаются тудаж не редко и бегоолени [Rangifer]. Большею частию употребляют к сему Вогульцы разставленные напряженные луки Гмелином исправно описанные. <…>

<…> Мясо, естьли свежаго не поедят, режут полосами и вялят на воздухе или коптят в дыму без соли, и оно либо вареное, либо сухое составляет обыкновенную их пищу. Естьли же по нещастию долгое время не поимают они зверя, а наличных не станет, то брошенныя тогда кости толкут, в кипятке варят и питаются сею ухою; но таковая нужда случается им очень редко: ибо кроме ловли зверей стреляют они из луков и ружей, будучи все почти оными снабдены разных птиц; а буде близко есть рыболовныя реки, то сетьми и городьбою ловят рыбу, и для того держат челны Российские из выдолбленнаго дерева, или свои из березовой коры, которую они лосинными жилами сшивают и смолою пахтают. Кроме мяса, кедровых орехов и растущих по болоту ягод не употребляют они никакой пищи, однакож, в средине болота в холодном и лесном климате здоровы и не страдают скорбутом; даже и употребления других домашних съестных припасов не знают. Может быть неупотребление соли, коей они ни в какую не кладут пищу и привычка к климату споспешествует немало их здоровью: но за всем тем не доживают они до поздней старости [Паллас, 1786, с. 327–328].

Все почти Вогульцы ростом малы, нежны и лицом, выключая белизну несколько на калмыков похожи. Лица у них по большей части круглы, и у женскаго полу к любви склоннаго, не неприятны. Волосы обыкновенно долгие и черные, либо темнорусые; у редких же борода и несколько рыжевата, волосы светлы. Все они носят небольшую бороду, которая нескоро и поздно выростает [Там же, с. 329].

П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Часть третия, половина первая 1772 и 1773 годов

Некоторые только из них [обитателей Обдорска] имеют по дворам овец и свиней, также и кур, однако всех надо запирать и стеречь хорошенько от собак, коих здесь содержат великое множество для езды зимою и на поездки для дворовых надобностей. Сей скот немного требует кошшу и обиходу, по тому что от рыб и птиц довольно чего остается, при том в случае нужды сам промышляет зверей и крошов для пищи, коих при Оби великое множество [Паллас, 1788, с. 22].

Русские в оном [Обдорском городке] живут зиму и лето, и из Остяков, кои для рыболовства все лето в кочевых юртах пребывают, на зиму многие сезжаются к Обдорску, где они имеют для жития подземельные юрты [Там же, с. 25].

…От Урала к северу отошедшим горам, дорога была неровная и для оленей не без трудности, так что некоторые от устатку и упадать начинали, и Самоедское кровопущание, которое оне в подобных случаях в хвосте чинят обыкновенно, уже не всегда успех имело [Там же, с. 31].

В верху по Оби носят некоторые [остяки] платье для дождя из рыбьих кож, кои во время голода скинув варят в котлах и едят [Там же, с. 51].

Так как Остяцкие бабы сие имеют общее с Тунгусами и некоторыми Американскими народами, так в других особливых и смешанных обыкновениях сходственны с Камчадалами. Т. е. оне имеют безпрестанно во чреве, как скалку, ссученной из таловых мягких стружек (отлеп) свиток, которой засовывают внутрь сколько можно, и когда мочиться захочет, то вынимает, или когда на рубашке имеет. То для чистоты часто переменять обязана. Но поелику таковая начинка при всяком движении может вываливаться, естьли поддержана ничем не будет, то выдумали себе Остяки для сего один пояс (вороп), которой почти подобен той чистоохранительной опояске от ревнивых полуденных Европейцов изобретенной: т. е. от поясу пропущается одна покромь промеж ног, которая помощию особливо нарочно сделанной берестины к покроме пришитой Остяцкия луны закрывает. Оное изобретение бывает им весьма полезно во время женского месячнаго испражнения, потому что оне за неимением штанов всеб прочее перемарать должны были [Там же, 1788, с. 54].

В таковых юртах или зимовьях живут многие семьи вместе, и по тому внутренность оных разделена по стене на столько конурок, сколько семей находиться; каковаб узка ни была сия конурка за множеством народу, однако в ней должны уместиться мать с детьми и со всем домовым припасом и при своем собственном огне работать.

Из сего можно уже заключить, как что лежит в сих казармах и каков должен быть порядок? Обыкновенно три, четыре и шесть семей живут в одном доме; но ниже Березова есть юрты, где до тридцати таких хозяев живут вместе. Матери сами сидят в таковой норе, а перед норою висит люлька с ребенком, которую оне делают из бересты и наполняют внутрь мелко истолченным гнилым деревом и для мягкости и для подстилки, чтоб испускаемую мокроту в себя вбирало, сверху же покрывают ребят шубным лоскутом, к краям люльки пришитым. Подростков сыпят на полу подложа немного сена и оленью кожу; сверху того в зимовьях под нарами делают конуры для лучших промышленных собак, как и для щенных. Простые санныя собаки всегда спят во дворе, однако, когда ехать, то впущают их для корму в избу. Посредь юрты держат общий огонь. На котором каждой, когда захочешь (ибо у них обедов и ужинов не знают), варит себе есть, а рыбьи кости на нем обжаривают для собак. От всегдашнего копчения потолок весь покрывается копотью и сажею, которая большими кистями висит к низу. На том же огне сушат и остальную рыбу, которую зимой поимают. При всех сих нечистотах от людей и собак причиняемых. Малые ребята также из Юрт для натуральных нужд никогда не выходят, и по совершении никто не вычищает; какому же быть должно духу, чаду и сырости? Всяк сам в себе разсудить может [Там же, с. 56–57].

Мытье рук у них неизвестное дело: бабы моют только тогда свои пальцы, когда или рыбу чистят, или когда вареную из котла вынимают, и тогда обмокшие тотчас опять вытирают своей шубой. Чашек никогда не полощут, хотяб собаки с людьми вместе ели. Когда их под сволокшимися волосами разплодившиеся малые животинки беспокоят, то они в скверности своей наизверообразнейшее действие представляют: бабы сидя подле своих мужиков в праздные часы маленькие сии пресмыкающиеся из головы таскают и как свежевину пожирают.

<…> Причиною их неопрятности иное что кажется быть не может, как что бабы их вообще как хозяйки в доме, но как невольницы служат: ибо когда муж с охоты или с рыбной ловли домой приедет, то ее дело рыбу вычистить, приправить, все сберечь и упрятать; мущина же сверх своих промыслов и к тому потребных вещей о сем ни о чем не думает [Паллас, 1788, с. 58–59].

Самоедцы имеют почти вид настоящего Тунгуса; круглое, плоское, широкое лицо, которое у молодых женщин весьма приятно, толстыя заворотившияся губы, широкой нос отворенныя ноздри, маленькая борода и жесткие волосы. Росту более малаго, нежели средняго, но телом лучше сделаны, плотнее и мускуловатее, нежели Остяки; напротив того гораздо дичее, безразсуднее и безпокойнее в их открытых и отдаленных степях, нежели последние, которые через частое обхождение с русскими уже сделались разсудительнее и совершенно покоренные.

<…> Мужеское Самоедцов платье от Остяцкаго не много чем разнствует, инные стригут себе голову всю наголо, инные часть только, а инные совсем ничего. Также и бороды, кои однако натурально не очень волосисты, инные оставляют только один небольшой клочок по середине, другие по обе стороны по нескольку.

Женской напротив того наряд много имеет свойственнаго. Остяцкие поясы или воропы им вовсе не известны.

…Внизу носят замшевыя или по тамошнему ровдужныя штаны, и смешнова Остяцкаго бабья обычая заканапачивать не знают. Во оном платье пребывают Самоедки денно и нощно, а мущины дома спят нагие в одних только штанах [Там же, с. 91–92].

Главнейшее Самоедцов упражнение, так как и Тунгусов и других некоторых Американских народов, есть звериная ловля, особливо диких оленей, коих они ловят различными образами, как ниже показано будет. От такого промыслу имеют они все, что им ни надобно, пищу, крышку, платье, нитки к шитью и на другия потребы, клей, лопатки, кои они из рогов делают, и прочее тому подобное. Когда они подле моря кочуют, то довольное имеют пропитание от белых медведей, кои на берег выходят, также от выброшенных морем белух (зверь) и других зверей, коих они без различия едят и не гнушаясь. Случаем упражняются они также при морских заливах и озерах рыболовством, и для того вяжут они из таловой коры сети, а веревки прядут из таловаго прутья. Осенью наиболее ловят песцов, для коих не только мужики ловушки становят и просто гоняют но и бабы и ребята из нор выкапывают и убивают. Несколько богатых Самоедцов находят удовольствие в рыболовстве, и для того построили себе для лета при Оби всегдашнее жилище, а стада поручили пасти или пастухам или детям. Но когда лучшее время для звериного промыслу настанет, то они сего не упущают и с тех мест подымаются. Когда Самоедин убьет оленя, то от онаго ничему не даст пропасть напрасно. Первейше на том месте где убил, отрезывает ему уши и кидает как в жертву, чтоб впредь ему промысел щастливее удавался. По том тотчас вынимает из ног кости и разколов мозг сырцом поедает, равным образом за любезнейший кусок имеют сесть сырой и теплой еще мозг. Глаза выняв закапывают в укромном месте, где ни бабы, ни взрослыя девки проходить не могли: ибо думают, что чрез то их промысел нещастным сделается. Весною, когда у оленей новые рога выростают, кои тогда хрящом и шерстью покрыты, то опалив только шерсть их едят сырые; из таких же, также и из уже окреплых, кои разбивают и варят, как и из оленьей крови делают они презнатной клей. Остальное мясо варят. Хотя много семей стоит в одном месте и обще в одном котле варят пищу, однако едят в своем шелаше каждой свою долю порознь. Бабы с мужиками есть не смеют, а довольствуются остатками [Там же, с. 93–94].

В. Ф. Зуев. Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771–1772)

Обитание народов

<…> Березовском уезде два рода почитаются, то есть остяки и самоедцы, но первые живут далее от берегу Северного моря и, расположась далеко вверх по берегам реки Оби… Оные хотя и имеют отчасти кочевное свое жилище, но от р. Оби мало отделяются, разве отходят в летнее время по другим речкам за промыслом рыбы, а в зимнее время в тундру за дикими зверьми. Однако все своего первого жилища не оставляют, где у их построены и избы деревянные на зиму, а летом живут в шалашах, по-тамошнему чумах. Напротив того, последние, ближайшие к северу самоедцы, коли можно назвать дикими зверьми, то в сходственности едва ошибиться можно, не имеют у себя узаконенного им жилища, к которому б по времени съезжались, как первые, но почти ежедневно на оленях перекочевывают с места на место, сколько для звериного промыслу и своего пропитания, столь зимою и для оленного своего скота на равные места переезжают, как о том ниже явствовать будет [Зуев, 1947, с. 21].

О их житии и экономии

<…> В самых их жилищах нет никакой чистоты и порядку, нет никакой опрятности и, кажется, нет нималого к тому рачения, ибо и хорошие уже ребята редко из юрты на двор выходят, а большие по крайней мере около юрты нужду свою и оправлять должны, будто бы так надо по ихному закону.

<…> Изба имеет совсем особливое строение и строится по большей части четвероугольно, за неимением толстого лесу и из тонкого складывается как надо, без перекладывания между бревнами моху, а некоторые такие ж юрты имеют в земле как выходы, в коих пространство разделено на столько семей, сколько живут в юрте, и хотя за множеством не широко место достается, однако каждая остятка со всем своим екипажем и детьми должна в узком том отделенном месте жаться, при своем огне сидеть и работать.

Из сего видно, что у их нет никакого убору и опрятности, но где что как положено, на том и валяются. В таких избах бывает семей три, четыре и пять семей вместе и естьли случатся младенцы, то каждая в своей норе пред собою имеет зыбку, в коей насыпано для мягкости. Под младенца истолченного гнилого дерева, на которое кладут и, одев малою шубою, увязывают крепко и качают, а другие ребята спят с отцом и с матерью рядом. Посреди всей избы имеется огнище, над которым варят себе пищу, кто когда захочет, как для себя, так и для собак, кои со щенятами в тех же юртах гнезда свои имеют под их спальными лавами. Добрые собаки никогда из юрт не выпускаются, а езжалые на дворе всегда около юрты пребывают, но когда остяку куда ехать понадобится, то всех сгоняет в избу и, тут накормя, запрягши, выезжает. Впрочем, и все собаки обыкновенно в юртах трескают, а из некоторых я спят тут же и кастят без всякого после очищения, чего ради во всех оных юртах такой дух мерзкой, что долго сидеть верно никто не согласится, ибо тут же сушат и рыбу, которую зимой напромышляют, и ежели думают, что для собак летнего корму недостанет, то кости тут и поземы жарят, отчего вся юрта вверху так закоптела, что на потолке и тенетах сажа висит сосульками.

Во всех юртах обыкновенно такая чистота бывает, что от мочи и сору никогда не очищается, разве в жаркие дни сама высохнет.

<…> Некоторые из богатых остяков имеют у себя мыло, коим моются и хотя за хорошее для выедания грязи признать можно, однако российское почитают за знатной гостинец. Ихное мыло весьма едкое и совершенно их рукам сродное, потому давняя грязь в тело так въелась, что и ядовитыми зельями в бане едва отмыть можно, и хотя оне не каждой день тем моются, однако новую грязь скоро отъедает. Они делают из золы и жиру таким образом: перво в котел положат золы немалое количество, к которому прибавляют несколько жиру, так, чтоб не жидко было, и варят по тех пор, пока сгустеет и на дно сядет, как кисель, которой, разрезав частицами, завертывают в тряпички; а когда мыться надо, то, помоча немного клубок с зольным мылом, сок из его выжимает, коим трется, и хотя на первой случай оно марается, однако напоследок грязь так отъедает, что сие остяцкое изобретение должно почесть между лучшими вещами в их экономии. Но сие только богатые имеют или их князцы, а у которых немного жиру или, лучше сказать, которой не знает чистоту различить с нечистотою, тот истинно мало думает не только о мыле, но и о умывании рук не помышляет [Зуев, 1947, с. 28–32].

О их промыслах

…[Остяки] естьли посмотреть на ез, через какую-нибудь реку сделанной, то нельзя видеть, чтоб когда-нибудь тут старики с важанами сидели, кроме малых ребят, а большие сами плавают по рекам или с неводами, или с кылыданами и переметами, где уж малого, или не в силах, или не разумеет, посадить нельзя.

Во все лето остяки рыбу промышляют разными средствами и никуда не отлучаются, которую на весь год как про себя, так и для собак запасают довольно. Запас их состоит в обыкновенной всем пище. Поземы, варка, поре, ютта, рыбьи кости и проч., из которых последние запасают для корму собак. Но весь свой запас сырьем никогда не оставляют и чтоб не загнил, то оной или на ветру сушат или на огне поджаривают, как, например, поземы поджаренные едят во всю зиму, вместо хорошего кушанья с варкою, тем же гостей потчуют и все летнее время, когда остяк сыт, хотя и не столь к оному лаком, однако, напротив того, зимою и русские охотно вместо даров от их принимают. Летом же остяки потому сего зимнего запасу гнушаются, что видит сам себя уже довольна, и действительно каждой из их тогда как будто переменится, потому что русские беспрестанно тогда к им приезжают за рыбою, и вместо торгу или на вино, или на что иное меняют, того ради нередко и пьяны бывают, а при промыслах почтя ежечасно едят сырую рыбу, еще лишь только из воды вытащенную, трепещущуюся с кровью трескают, отчего в тогдашнее время едва с им заговориться можно, ибо рыбей сырой дух, как из роту, так и от его самого принуждает в разговорах от его или стоять далее или и совсем отворотиться.

В то же самое время семейные мужики [остяки] отходят иногда в тундру за диким оленем вместо гулянки, но сие, правда, редко случается, а особливо естьли рыбы привал бывает хорошей, а по большей части все отходят за разным зверем осенью, по первому насту, гонят лосей и оленей, от коих промыслу осень также провождают без малейшей скуки, ибо когда убьют оленя или сохатого, тотчас пойдут вести от промышленников о множестве или недовольстве того зверя, однако хотя один зверь попадается промышленному, то он со всею роднею тотчас сделает праздник. Разнявши его, в юртах едят перво внутренные его части: почки, легкое и тому подобное, сырые в теплую кровь обмакивая, потом остальное или варят или завяливает на зиму и в дыму закапчивает, дарит своим приятелям сию новость, и сам ест с великим удовольствием, не редко и при жертвоприношения, о чем показано будет ниже. В зимнее же время хотя рыбной промысел из-подо льду и не оставляет, но о зверях тогда более думают, ибо рыбная ловля по большей части тогда бывает мордами, то сие осматривать могут и малые ребята, а большие и старики здоровые уходят иногда столь далеко в тундру на лыжах, что до самой глубокой зимы не возвращаются. По рекам промышляют соболей и белок, в чистых тундрах песцов и лисиц, и что ему попадется, но больших зверей тогда хотя и не упускает, но целого вести с собою тяжестно, то, сняв с его кожу, мясо закапывает в глубокой снег, за которым после на оленях приезжает.

Горестно сие кажется состояние приводит иногда в сожаление; и в большее удивление, когда, начав смотреть на такого промышленника; на котором платье чуть трепещется, на голых ногах чажи с пимами, идет на лыжах по снегу в сильную погоду, тянет за собой с добычей или пустую с запасом нарточку, ничего при себе не имеет, кроме кремня и огнива; лук, стрелы, табак курить и нюхать — суть настоящие его дорожные припасы, и без коих ему обойтись не можно, а особливо та на котором вся его лежит надежда. Однако никогда еще не слыхано, чтоб кто-нибудь из их замерзал и в сильные зимние морозы, разве познобит что на лице, то хотя и неудивительно, потому что ходят всегда лицем открытым, но и оное приключается разве тому, которой, вышед первой раз на промысел, морозу испужался и начал лице кутать, тому его и испортил. И хотя совершенно признаться можно, что такому дорожному, всегда на стуже и лишней одежды не имеющему сумнительно, чтоб огонь так много под деревом сидящему остяку мог подать помощи, и хотя они все случаи изыскивают к разгорячению своей крови, много курят в себя табаку, много нюхают и после ноздри отлепом затыкают, но при всей свирепости тамошнего климата сие всяк сочтет за маловажное, а верно сказать могу, что они в самой крови имеют большую особливость, как сырое и притом парное, зимою мерзлое, в довольствии хотя каждой час употребляемое вместо лакомства, кушанье докажет, а притом ихные труды и суета наибольшим тому служат средством, как выше показано, что и самые богачи лености вовсе не ненавидят.

Всегдашнее упражнение делает их во всем проворными, но крови в их, за верное полагаю, немногое количество, так что ни сухость тела в крепком сложении, ни бессилие, но скрытые силы тому свидетели, и редкие в их век болезни, кроме подагры, с цингою смешанной, и расслабления от прелестной охотки — ясные суть доказатели. Мне самому случилось пробовать их пульсы, которые под рукою столь сильно бились, что естьли б положить на напрягшуюся жилу нечувствительную тяжесть хлопчатой бумаги, то б легко то глазом приметить можно было, несмотря на то, сколь их кожа в самом существе толстая и жесткая.

И хотя оне нимало не стараются о применении своего гнусного жития и беспокойствия, однако самою натурою в здравии больше пребывают, нежели российские служивые.

При таковых зимних и летних упражнениях обские сии идолопоклонники не думают много о большем запасе, но сколько ему в год изловить чего удастся, на большее не негодует, ибо знает, что ему в голодное время не привыкать есть всякого зверя, не выключая и падины, когда им и случится оное, то он не почитает впредь наукою, чтоб лучше исправлялся, но думает, что в его жизни ето в последний раз случилось, несмотря на то, что у русских много задолжает, а платить чем, на будущее уповает. Правда, им всегда удается заплатить долг чисто, ежеля только ему хочется, потому что рыбы летом так много промышляют, что больших налимов около юрт валяются ужасные кучи, на которых сытые собаки и не смотрят, но гниет сия рыба около юрт, видно, для одного им приятного благовония.

С начала первой весны прилетает туда великое множество разной птицы, которую они днем и ночью промышляют кысканами и перевесами, из коих в щастливой год хорошей промышленник однех уток тысеч до двух напромышляет, выключая других гусей и лебедей и проч.

<…> Самоедцы, на голых тундрах живущие, как хищные звери, дивно уже ни о чем не думают, как только о своих промыслах зверевых, коих там более находится, нежели рыбы, ибо, переезжая с места на место, или диких оленей ловят и стреляют, или где кляпцы для песцов настонавливает, или около речек некогда и рыбу промышляет, а в летнее время и ленную птицу или неводами, или с собакой промышляют, которое все служит ему пищею без запасения на дальнее время, но на сколько дней ему с фамилиею достанет, без скупости довольствуется, ибо ему кажется, что надежда его не обманет, да и правда, что каждодневные равъезды не оголаживают и тех, кои на пустом месте около самого окианского берегу случатся, потому что всегда на берегу находит какую-нибудь падину, из моря выкинутую, а притом находят и белых медведей и прочих зверей, коих никогда бить не оставляют. Самые богатые самоедцы некогда стоят на одном месте и считают за спокойствие, что несколько времени проведет в рыбных промыслах, а стада оленей и зверевые промыслы препоручит сыновьям, в довольное же зверями время не только сам выходит, но и баб и малых ребят песцов из нор выкапывать заставляет… [Зуев, 1947, с. 32–36].

О пищи и питании

Уже сил моих недостает к уверению читателя порочить вовсе гнусное сих диких народов состояние, которое не в одном их житии состоит, но и в самой пище, от которой вся жизнь человеческая зависит; мне нельзя того изобразить довольно, здорова ли им употребляемая, обыкновенная их пища, или последовать той пословице, что «привычка рождает новую натуру». Привычка хотя и сделала их совсем особливым людей родом, однако редкие между ими болезни доказывают, что их пища им здорова, разве сия грубость другими самой натуры предохранительными средствами награждается, как то всегдашнее упражнении труды, разные движения и притом всегдашней открытой воздух, их к каким здравия переменам не допущает.

Всю их пищу можно видеть из нижеследующего описания, которая сколь ни груба, однако не только у остяков и самоедцов, но и у дорожных русских в знатном употреблении. Состоит по большей части рыбы, которая на разные манеры приуготовляется и разные от того имяна получает, во-первых: поземы делаются из боков рыбьих, не захватывая брюшка и спинки, срезываются кожи с телом без костей, кои после рассекаются поперег на рубешки и потом на шестах вывешивают и сушат, а когда высохнут, то поджаривают на огне, чтоб не сгнили и не заплесневали, и, наконец, связывают в связки, называемые беремя, в каких до двадцати десятков поземов обыкновенно бывает. Сие есть то же самое, что камчадалы и по реке Енисею называют юколою. Брюшка же и спинки рыбьи, в коих больше жиру имеется, по отделении от костей немного на ветру подсушивают и притом, чтоб призакисли, потом прячут в котлах, размешивая лопаткой, покудова закраснеет, и как испряжется, то простудя складывают в берестяные лукошка или оленьи брюшины, и сие называется варка.

Делают также поземы и из мелких рыбок таким же образом, как и первые, но их толкут в нарочно сошитые из осетровых кож кули, что и называется ютта.

Порсу делают из чебаков и мелких сорог, коих распластывают совсем на-двое и высуша толкут с костями так мелко, как муку. От первых же припасов кости равным образом не без употребления остаются, но их также сушат и зажаривают, как и поземы, для себя и для собак.

Из прочих же внутренних частей рыбьих, как из кишек всякой белой рыбы, варят остяки жир таким образом: перво, вынув из все черева, кладут в котел, водою наполненный, которой непокрытой стоит у их в чуму до тех пор, пока кишки протухнув жир из себя выпустят, которой поверх воды и плавает, а кишки на дне остаются, после снимают на воде плавающей жир кеулем или мелким уполовником и кладут в другой котел, потом варят на огне до тех пор, пока начнет хлопать и стрелять, что значит поспело. Около Тобольска так хорошо жир варить не умеют от незнания времени, когда ему поспеть надо, потому всегда бывает горек.

Из красной же рыбы везигу хотя и достают, однако варят редко, которая также стрельбою своею поспелою узнается, но по большей части едят сырую, не касаясь до ее ножем, инача худой промысел той рыбы по своему суеверию заключают. Головной хрящ не за последнее кушанье у их почитается, варят его и сырой едят, только при всяком разнимании прямо ножем по голове не разрезывают, но накось; иначе нещастливой промысел заключают.

Клей из осетров варят карлуками в котле до тех пор, пока всплывет наверх, а после горячей в холодной воде закаливают, оной уже совсем за готовой почитается и им все легкое клеить можно; но другой есть такой, которой по вынятии распяливают и на ветру сушат которой, в случае надобности, еще варить должно. Напротив того, самоедцы, кроме сего клею, еще делают из рогов оленьих, кои растолча кладут в котел и наливают воды не полон, которой кипит до тех пор, что останется только одна гуща, на которую еще наливают, что выкипело, и так до трех и четырех раз варят так, что останется на дне один густой кисель, наподобие крахмалу, коим и клеят по сказкам еще крепче, нежели осетровым клеем.

Во время недостатка прочих клеев варят также и из оленьей крови, которая, кипев долгое время, загустеет.

Теперь осталось изъяснить, из каких рыб поземы и варка бывают, то всякая крупная белая рыба на поземы и варку употребляются, но самые лучшие из муксунов бывают. Поземы часто едят одне охотно, но для гостей вместе с варкою поставляют, потому что первые сухие — вместо хлеба, последняя же, жирная, вместо масла

употребляется, а в случае недостатка в поземах и ютта случается. Порсу едят просто — сухую. Горячего употребляют мало, а рыбу свежую варят иногда летом и зимою, и то для приезжих, где остатки уже достаются хозяевам, между тем не редко оне употребляют бурдук, которой состоит из одной воды, к коей прикладывают для навары варки немного или костей рыбьих, и как начнет кипеть, то подмешивают муки и хлебают большими ложками, или по-тамошнему кеулями.

Напротив того, большее их употребление сырой рыбы едва дозволяет лишние изготовлять кушанья, да и правда, что их состояние не требует учиться ни варить, ни стряпать, ибо летом и зимою, коли есть рыба, то едят с удивительною жадностью, летом трепещущую, обрезывая до костей большими ремнями, обмачивая в кровь, взяв один конец в зубы, а ножем из-под низу отрезывают наотмашь подле губ самых, зимою ж мерзлу стружат ломтями и так трескают с великим аппетитом. А когда им рыб сварить случится, то оную откладывают на особливой лоток, где, разведши немного рассолу, берут руками и, обмочив кусок с рукою в рассол, ест и облизывает пальцы, и сие можно почесть у их за каждодневное умывание, потому что в горячем рассоле грязь от рук скорей отопревает, и он языком обтирает.

Уху же хлебают теми большими кеулями или уполовниками, столь крепко прижимая зубами, что такие толстые ложки едва им достают на год, ибо каждой ложку свою так скоблет, что от употребления у новой через неделю морщины появятся.

Когда бьют оленей, то ни одна часть сего зверя даром не пропадает ибо самые рога, весною мохнатые, у оленя отбивают и, ободрав с их кожу, опалив на огне шерсть, едят сырую вместо студени. Кости ножные разламывают тут же, и мозг теплой достают с приятностию. Напротив того, и на прочих костях самой тонкой перепонки не оставляют, голову же никогда не варят, а всегда мозг сырой едят. Прочие части мясные варят в котлах, и хотя из одного котла наливают в ночовки, однако все не едят вместе, а каждая семья на особливой, и притом жена с мужем никогда вместе есть не смеет, а всегда после что останется.

Кроме сего, едят также охотно и всякого зверя, не выключая падину звереву и птичью, не только свежую, но в голодное время и у червей отнимают. Медведей, волков, лисиц, песцов, белок и проч. никогда не отметают, почему совершенно их можно почесть жадными, ибо и самые богатые, у коих есть что есть, однако сию редкую диковинку вместо лакомства употребляют.

Питья иного, кроме воды, не знают, но удивления достойно, что оне, разъезжая по тундрам, пьют всякую, где б какая не случилась, воду без брезгливости и без всякой в здравии перемены.

Но часто случается и то, что оне, стоя зимою на безводных местах для оленного корму, тают снег для питья и пищи, которой, однако, с равною же пользою употребляют [Зуев, 1947, с. 36–38].

О их болезнях

Сие, общее у обоях народов, пищи употребление, уже более мне не дозволяет касаться ихным разностям, но какие б от таковой пищи болезни происходили, можно верить, что молодые у их люди никогда почти не немогут, а разве под старость приключается расслабление во всем теле, то можно почесть от лишних его в молодости трудов, а не от пищи, и потому кажется, что в сем случае каждой остяк избегает болезни; в противном случае, от малой немощи, естьли он оставит труды и телодвижение и дастся постели, то наитягчайшие приключаются припадки, которые обыкновенно во гроб их вгоняют. Я не слыхивал, чтоб между сими народами кто умер без долговременной немощи, а о скоропостижной смерти, которая больше между березовскими жителями бывает, и не ведают. Обыкновенные у их болезни всем известны: в молодых детях оспа с горячкою, которая хотя и редко случается, однако когда попадет к им в юрты, то по неосторожности редко и старики от оной освобождаются, но многие есть такие, которые до смерти сей болезни не знают. Лихорадке, равным образом, более малые ребята подвержены, нежели пожилые. Старикам и ленивцам досталось расслабление, коей сопричастны подагра и цинготная. Напротив того, и французская болезнь им нередко бывает знакома и хотя ото всех болезней они никаких средств к излечению не ведают и не изыскивают, однако те, кои сею последнею щегольскою любуются, по довольном уже страдании издыхают спокойно с тем больше удивлением, что от их к другим она не переходит, хотя и без всякой осторожности с такими здоровые поступают.

Впрочем, и все болезни или, прервав жизнь болящего, оканчиваются или сами собою отстают. Сему можно поверить, что остяки и самоедцы, презирающие мысли болезненные, более спасаются, нежели русские, которые о всякой болезни с опасностию много думать привыкли.

Одно у них есть мучительное лекарство или от лому или от некоторой напухлой инфляммации — прижигать болящее место чагою или березовою накипью, которую, зажегши, кладут на здоровое тело (по-остяцки называется вошь). Она везде там кладется, пережженная в золу, в табак для крепости, но через то табак полу-

чает дух не очень приятной, но поелику начало или корень, как сказать, той болезни горящею чагою не скоро найти можно, то иное изыскивают таким образом: кладут оной уголь на больное место и естьли жжет, то не в том месте и начало, от которого болезнь происходит. Таким образом перекладывают с места на место до тех пор, покудова найдут, где телу жару сильного не будет слышно, тут оставляют уголь на теле долгое время и, хотя ему чувствительно, однако, терпит, а чага горит на том месте до тех пор, покудова прожжет кожу и, догорев до здорового мяса, отпрыгнет, тогда больной получает здравие.

Напоследок во всяких опасных случаях от обжорства чилибухою невзначай или и от случайного запору пьют жир рыбей ковшами, отчего у их служит в оба конца вместо рвотного и проносного.

Но сие лекарство более бывает между русскими березовскими жителями, где лекаря совсем нету, в прочих же болезнях остяки слушают наставления также и от русских баб, которые сама на утре не помнят, что вчера предписывали [Зуев, 1947, с. 38–39].

О рыболовстве

Рыболовство — первое у остяков и самоедцов пропитание — заключает в себе большую часть их жития и экономии, потому что он, сызмала уже привыкнув к сим промыслам, под старость и отстать не хочет и совершенно, что великое множество зверей, хотя в их жилищах, шатающееся, так их не оголодит и не приведет в нужду, как один недостаток рыбы. Оленные мужики, которые стадам своим не знают щету, равным образом жалуются на голод во время недостатку рыбы, как и бедные, кои и рады бы убить оленя, да нету. А богатой сносит тот же голод, претерпевает нужду, жалуется на недостаток, а оленей своих бить жалеет. Богатые там те и называются, у коих оленей множество. Они совершенно особливого рода, потому что в их обитает особливой род скупости. И так экономию их можно разделить так, что рыболовство их пропитание, а олени богатство заключают.

Начало оного рыболовства происходит в июне месяце; как река Обь вскроется, тогда всякая рыба идет вверх по Оби из морских губ и заливов и заходит во всякие речки, уже в Оби впадающие и совершенно, что я полую воду; когда Обь великое пространство понимает, нельзя на ей промышлять никакими образами, кроме малых речек, проток и озер, но где таковых способных мест нету, там выдумали остяки особливое средство, т. е. под осень выбрав такое место, где на прок рыбу ловить можно, хотя бы оно было и каменистое, но лишь бы высокое, то накосо между лежащими на понятых берегах каменьями вколачивают гладкие небольшие колья, чтоб тащущаяся по дну сеть за каменья не задевала, а по кольям катилася; таким образом вытаскивают сеть в целости с рыбою.

Летом же и зимою рыболовство производят по всем рыбным рекам, как по Оби, Сосве (над которою стоит город Березов), Казенне, Сыгве, Полую (над коим стоит Обдорский острог), Собе, Щучьей, Хайе, Надыму, Тазу, Пуру, Войкарской и прочим малым речкам и озерам разными, издревле употребляемыми к тому хитростями.

Рыба, какая в той стране имеется, значит ниже: осетр, стерлядь, муксун, щокур, пыжьян, сырок, таймень, хариюз, омыль, кунжа, чир, селдь, нельма, налим, щука, язь, сорага, ерш, окунь, карась.

Вся выше помянутая рыба всходит вверх очень далеко, кроме сих трех: омуля, чира и кунжи, кои при море в реках и озерах остаются. Плавают обыкновенно стадами; подымаясь вверх, приплывают в Березов в июне, а в сентябре назад сверху возвращаются в те ж морские губы и заливы, покудова некоторые из помянутых рек замирать не станут. Причины, отчего реки замирают, из тамошних жителей еще никто не разумеет; только известие, что замирают по большей части такие, кои не каменистые, как и самая река Обь, которая с около лежащими; реками замарает с половины генваря месяца, а Полуй, Надым, Таз и Пур в ноябре. Прочие же — Собь, Щучья и Хайя не замирают, потому что, я сам известен, реки каменные, из которых в Хайе вода столь светла, что в омутах, думаю, сажень около двух малых рыбок можно видеть, как оне гуляют. В Щучьей же, напротив того, вода очень мутна, но среди самого лета столь холодна, что человеку четверти часа посидеть в ей не можно.

В первых, то есть в Оби с около лежащими реками вода мертва бывает по тех пор, покудова весною с гор не будет стекать свежая, в какое время вся стая рыбы, которая на низ уйтить не успела, пребывает у самых берегов и устьев малых речек и ключей, кои живостью из гор наполнены. В таковых местах тогда удивительное рыбы множество бывает, так что на малой воде друг дружку давит, а рыболовы ничем иным, как сетками, будто готовую, загребают. Чтож касается до икры помянутых рыб, то примечено, что щуки выметывают оную в мае и июня в начале, выбрав за способные места в небыстрых реках, озерах и заливах; щокур и пыжьян осенью, в ноябре, в способнейших для себя местах рек, довольной камень имеющих. Икра же небезызвестно, что в осетре и стерляди бывает черная, в щокуре и налиме — желтая, в пыжьяне, язе и щуке — красная.

Теперь не неприлично, кажется, объявить и самую величину тамошних рыб, как осетры бывают от трех до десяти четвертей, стерляди в три четверти и менее, налим от одной до пяти, муксун от двух до трех, щокур также, пыжьян от одной до двух, щука и налим от одной до пяти, омыль от трех вершков до трех четвертей, кунжа от двух до четырех четвертей, чир от двух до трех четвертей, сырок от двух до восьми вершков, язь также, ерш от одного до пяти вершков.

Всю оную рыбу здешний народ с пользою употребляет, в пищу изготовляя; русские как самую рыбу, так и икру солением, а везигу сушением, зимою же сырую едят охотно, так, как и летом. А ясашные народы, остяки и самоедцы, по неимению соли, следуют застарелому своему обычаю: из тела рыбьего, снятого с боков, делают поземы, из спинок и брюшков варят варку, кости же сушат, а напоследок изтолкши, в случае голода сами, а не то вареные со щербой дают есть собакам.

Налимы, напротив того, на нязу в таком множестве ловятся, что народы их за презренную рыбу считают, того ради никак их не заготовляют, а берут только из их одну максу для варения жиру, а прочее кидают собакам, да и собаки их не едят. Я видел налимов превеликие кучи, около юрт набросанные, которые в жаркие дни гнили, отчего далеко от юрт воздух смрадом наполнили.

Клей вынимают из осетра и стерляди. Распоров брюхо и ополоскав его в воде, немного подсушив, снимают сверху жирную перепонку, а после варят в котле до тех пор, покудова наверх сплывет, что значит поспелей, и закаливают в холодной воде, а потом сушат карлукамя лепешками, но самой лучшей бывает осетровой, а из других рыб не вынимают.

Что же касается до жиру, то у здешних обывателей можно почесть за самую нужнейшую вещь по всей стране к северу, ибо не только употреблением его в пищу довольствуются, но и в варении мыла очень пригоден, в делании из лосиных и оленьих кож юфтей, замши и белой ровдуги, да и в домах, за неимением свеч и сала, для свету пользуются оным. Вынимается из осетровых и стерляжьих брюшков и молок, налимьей максы, из муксуновых, щокуровых, сырковых, нелемчих, язевых, омылевых и чировых кишок, но самой лучшей бывает налимий и всем прочим предпочитается.

…Теперь приступаю я к самому рыболовству, как какую рыбу, каким образом и какими притом средствами промышляют, из коих первой обыкновенной и всем известной невод у всех почти остяков и самоедей в употреблении, от июня до сентября ходит беспрерывно, как и кылыдан — сеть, сделанная наподобие мешка, шириною сажени в полторы, более и менее, длиною же в сажень, у которой нижнее основание жердь, к коей отверстие сети пришито, и для тяжести на половине жерди привязан камень, чтоб жердь шла по дну; к камню привязана веревка и продета сквозь кольцо, у верхней половины отверстия имеющееся, коею (веревкою) он, едучи в лодке, всю сеть за собою тянет. Вверху у сети, на четверть от кольца, привязывается другая тоненькая веревочка, которую он в руке держит меж пальцев на слабке, чтоб все ему было чувствительно и так, когда рыба, взошед в кылыдан, торнется в сеть, то промышленник, помощию маленькой веревочки почувствует, что в сеть взошла рыба, тотчас опущает из рук оную, а к жерди привязанную толстую веревку вытаскивает из воды с сетью, чего ради опусченная тоненькая веревочка не препядствует сети тяжестью воды опуститься кольцом по толстой веревке до самой жерди, чем сеть сверху рыбу прикрывает и не пущает вон выйти. И так сими двуми средствами промышляют осетров, нелем, налимоз, муксунов и щокуров.

Летние бережники делаются обыкновенно запором; когда рыба вверх идет, от берегу сажени на три и более, у коего на стороне в глубь привязана морда, отверстием своим вниз реки стоящая, от оной морды вниз по реке делаются небольшие прясла, коих при конце стоит другая морда, и так, естьли рыба, идучи вверх, в запор упрется, то по стег сходит на глубь реки и ежели не попадет в первую морду, то обошед, в другую неотменно попасть должна, в той надежде, что тут пройти можно. Промышляют летними бережниками в июле, августе и сентябре, а зимними, таким же образом сделанными, от октября чрез всю зиму даже до апреля месяца.

Когда же рыба зайдет в соры или протоки для своей пищи, то делают запоры, у коих хозяин сколько хочет делает воротец, куда проходить рыбе, но в самых воротах становит или морду или важан для осетров сети так называемые, сделанные мешком таким же образом как кылын дан, только с тою разностию, что с оным сидит на одном месте, которое он заране изготовляет над воротцами, чтоб ему сидя ловить было ловчее, а прочее совсем на то похожее, ибо основание важана также на палке, к коей к средине привязан для тяжести камень, к той же палке к средине привязана другая, которую промышленник держит в руках, уперши нижним концом в землю, чтоб важан не снесло водою, а верхняя половина важана к сему колу привязана веревочкой, а нить, по которой взошедшую рыбу узнать бы было можно, привязана к пупику важана; и так лишь только взойдет рыба, то нить зашевелится, и рыболов помошию шеста вытаскивает нить с рыбой. Сие

происходит, когда рыба из соров назад возвращается, т. е. в августе, сентябре и октябре месяцах. В таких же запорах у воротец становят также пуши, такие же, как морды, у коих жерло очень широко, а там что дале, то уже, и длиною бывает иногда сажен около двух печатных. И так, зашедши рыба в воротцы, водою уже забивается в узкой рукав, которой концом привязан к воткнутому большому колу, коим после и вытаскивается. Оныма по большей части в полую воду промышляют.

Бары называются запоры, которые городятся чрез всю реку, чтоб рыбе нигде проходу не было, кроме одного окна на запоре, к коему привязывается также морда или помянутый пуш.

Обской ез делается чрез всю реку стоячим лесом, какой делают на заливах и других реках. Оной хозяин также насколько хочет, настолько разделяет прясел. И так всякая рыба, не имея проходу, пойдет по оному искать места, где б пройти ей было можно; однако, пришед обратно к пряслу, видя, что вода туда протекает свободно, проходит и она в ворота, и напоследок в морду попадает, откуда рыбак уже вытаскивает чрез нарочно сделанное на боку окошечко. Оное бывает от октября до генваря месяца. Земляные, напротив того, запоры делаются с самого начала весны таким же образом и стоят с полою водою, которою запирают в поле и выпускают в октябре и ноябре месяцах.

Переметами промышляют однех только осетров в июле, в августе и сентябре месяцах, хотя, правда, и налимы и большие нельмы попадаются. Сие не дивно, что всякая рыба во всякие снасти за своим множество попадает, хотя бы были и осетровые, но часто и малой муксун за тое ж уду хватает. Простая сия снасть перемет остякам столь много приносит прибыли, что можно почесть лучше всех промыслов прочих мог бы остяк обогатиться, естьли б оная рыба по настоящей цене там продавалась. В сорок копеек и менее пуд осетрины продается, уже от русских березовских жителей, которые от остяков целыми осетрами или за долг, или за несколько листков табаку, или за несколько чарок вина получают. Из сего всяк заключить может, сколь велико в Оби рыбы множество и что тамошние народы в довольное время самым лучшим кусом гнушаются, а в голодное время и костей не покидают.

Гладкое бревешко, к коему навязаны друг подле дружки на долгиньких веревочках удочки, коих и по 12 бывает, а каждую удочку наживляют для приманки из мелких рыбок маленькими кусочками, за которые осетр, схвати, на уду попадает, а промышленник переметы раза по четыре и по пяти осматривает, и для того инде осетров снимает, инде наживу иль новую накладывает, иль стару оправляет. Нередко случается, что на каждой уде по осетру вынимают, но редко, что пуст возвращается. Язевые и стерляжьи бывают переметы, только те с начала весны стоят вплоть до осени.

В реках около Березсва, Сосве, Казенне, Сыгве и по другим местам осенью, в сентябре месяце, ездит по одному и по два человека в небольших и легких лодках и важигают бересту на долгих шестах, которые держат перед носом тоя лодки. Рыба тогда к берегам обыкновенно на мелких местах между каменщиком становится, то по светлости того огня колют острогами налимов, щокуров и пыжьянов.

Сосва река такая, в кой красной рыбы не бывает или, по крайней мере, редко заходит и в самую водополь, хотя она также в Обь впадает. Того ради по всей оной реке простыми средствами промышляют и легкими, как например, маленькими запорами, в коих также становят морды; но поелику тут по большей части бывает белая рыба, то летом более сетьми и добывают; но во время мертвой в реках воды, когда рыба у свежунов, с гор текущих прибавляется, как выше показано, то делают досченые запоры два ряда против свежуна, меж коими насыпают земли и крепко утаптывают, а по сторонам привязывают морды, куда рыба попадает. Сие случается в марте, по большей части в то самое время, когда уже вода начнет освежевываться и рыба от берегов в реку отходить станет.

По рекам же, речкам и озерам ниже Обдорска и около моря, как в реках Войкарской, Щучьей и Хайе, по укреплении льдов делают небольшие шалаши над пролубками, в кои опусчают нарочно сделанные для приманы деревянные рыбки, маленькие на тоненьких веревочках с камешками и, как к оным манщикам подойдет рыба, то колют острогами щук и прочее. А у небольших запоров опускают на дно с каменьем белые доски, и кои на те доски всплывут, тех колют острогами ж.

Самоедцы в летнее время в реках Тазу и Пуру также и в около лежащих при море озерах и других малых речках промышляют неводами; и у кого нет сетей конопляных, то делают из талового лыка, а веревки плетут из мелкого колотаго талу и таким образом ловят в сентябре и октябре. Они называются ячеицы, длиною сажен по 40, и становят их на небольших речках и озерах, около моря в тундреных местах лежащих: в полую воду и по подледъю ловят пыжьянов и кунжей, так, как ниже Мангазеи пущальницами.

Прочие остяцкие рыбные промыслы самоедцам, думаю, не неизвестны. Того ради они в случае нужды, или вместо забавы тем подобными ловить также рыбу не стараются [Зуев, 1947, с. 68–74].

О звероловстве

<…> Медведей ловят скрадом, стреляют из луков стрелами и из винтовок пулями. Когда же найдут его в берлоге, то вход оных закладывают лесом и засовывают на двух деревьях железные костыли, кои за верхние концы держат, чтобы его не выпустить на волю, а между тем сверху той же берлоги прорубывают большую дыру, чрез которую колют его копьями; также на тропах ставят настороженные луки, от коих проведут по тропе тонкую нитку, за которую задев, медведь передними ногами получает себе стрелу в самую грудь навстречу; когда же давит рогатого скота, то над падежом строют лабазы, с коих в его стреляют.

Впрочем, все сии средства не тамошних народов, а такие, кои в России употребляют, да и медведей ниже Березова, где русских нет, мало видают.

Волков отравляют заквашенною чилибухою в мясе или рыбе. Промышляют настороженными капканами, коих к нитке привязывают мяса или рыбы, так что лишь только волк дотянет за нитку, то захватывает его капканом либо за лоб, либо за нос. Ловят так же, как и медведей становя луки на тропах со стрелами, потом ловят кляпцами, кои более становят на тех местах, где волки бьют оленей.

Лосей промышляют зимою, гоняя по толстому снегу, а весною по насту собаками; и как он, утомясь, останавливаться станет, то человек близко к ему подходит и стреляет из лука. Весною же и осенью зарубают засеки и становят настороженные луки.

Рысей промышляют луками над падежом.

Россомахи в тамошнем уезде бывают черные и с белыми боками, коих ловят так, как волков, одинаково <…>

<…> Промышленники ходят зимою искать оных [бобров] с собаками, которые, нашед по духу его жилище, промышленник делает со всех сторон в воде запоры, чтоб ему никуда уйтить было неможно. Притом устье норы загораживает кольем, а сверху разрубает помянутую норку топорами и пешнями и, разрубив, привязывает собаку за задние ноги и пущает в нору, которая, задавив бобра в норе, хозяин тащит ее за ноги, а она тащит бобра из норы; в противном же случае, естьли собака бобра в норе не застанет, то промышленник у запору делает пролубь, в которую бобр для воздуху принужден бывает выскочить, и он тут его хватает крюком. Еще ж их ловят в полую воду по рекам во время утренней и вечерней зори, плавая в лодках и, нашед его на берегу, стреляют из луков фальшивыми стрелами, к коим привязано слабо на долгой веревочке с зазуброю копейцо, которое, попав в его, с дерева спускается, и он с им уходит в воду, а деревцо плавает на веревочке; и так промышленник, приплыв к плавающей на верху стрелке от ее по веревочке находит и бобра, куда он скрылся.

Выдры большие и малые, шерстью карие и рыжие, находятся по малым речкам, где больше полых мест и ржавцов, где оне на берега выходят; тут на следах промышленники становят настороженные луки, когда же от воды далеко отойдет, то достигают собаками и на лыжах и бьют палками.

Соболей промышляют по тонкому снегу собаками, на дереве стрельбою из луков, в норах и в дуплах обметывают сеть; также из дуплей выкуривают дымом.

Лисицы находятся седые, чернобурые, красные и белодушки, коих промышляют; сделав из снегу бугорок, приманивает, сперва разбросав в разные стороны рыбьих костей, и как лисенок повадится к тому месту, то он впредь закапывает кости в самой бугорок и примечает, как он есть их станет, стоя или лежа; таким образом на боку от того бугорка выкопает ямку и становит самострельной лук, которой после опять заваливает снегом, чтоб не видно было.

Весною же, когда лисицы щенятся в норах, то промышленники те норы разрывают и берут малых щенят, коих кормят у себя дома, покудова хорошая шерсть выростет. Сверх того ловят также кляпцами, капканами, слобцами, луками на тропах и отравою.

Песцы бывают двоякие: одне голубые, другие летом бурые, а зимой белые; водятся в тундреных и поморских местах, около ручьев на небольших бугриках, в норах, множество отнорков имеющих, кои, нашед, промышленник слушает перво, есть ли в ей зверь или нету; когда же не приметит, то деревом или рукою тотчас поскребет над норою, сие песец, услыхавши, думая, что другой зверь лезет в его нору, тотчас подаст голос, что промышленной услыша становит тут черкан, в которой песец при выходе из норы попадает. Летом же мужики и бабы копают норы из оленьих рогов нарочно сделанными лопатками и, докопавшись до зверя, берут за хвост и бьют головою о землю, напоследок промышляют так же, как волков или лисиц.

Белок осенью по тонкому снегу следят собаками, и когда собака найдет на дереве, то стреляют тупыми стрелами или тамарами и из винтовок пульками; также промышляют плашками с наживою мясною или рыбьею.

Бурундуки серые с черно-желтыми полосками бывают длиною не более трех вершков; промышляют так, как и белку.

Оленей промышляют разными образами: 1) Гоняют по толстому снегу в лесах на лыжах и стреляют из луков и винтовок. 2) В тундряных местах увидя самоедцы довольно диких оленей, выбирают на высоких горах плоские холмики, на которых становят своих езжалых оленей на ветреную сторону, а от оных оленей начинает ставить к шестам нарочно привязанные на долгиньких веревочках гусиные крылья, по-ихнему лапки называемые, кои на ветреной стороне расстанавливают друг от дружки сажени по четыре и по пяти, а далее и по десяти и до тех пор устанавливает, покудова увидит, что олени по ветру дух человеческой обонять могут; потом с другую сторону против ветреную сторону становит такие же лапки от саней, уступя сажен на пятьдесят, до тех пор, пока уже против самых оленей поровняется, ибо тогда он не боится, что ветр нанесет человечей дух на оленей, а олени, собирая мох, того и не видят, да и правда, что олени менее глазами видят, нежели как духом обоняют. И так постановя лапки с одну сторону, ложатся несколько человек в снежные шанцы не в очень дальнем расстоянии от сайков, а по другую сторону скрываются стрельцы с луками и винтовками, кои и называются у них особливым именем — варданы. Между тем, несколько человек заезжают в даль, чтоб оттуда погнать оленей к санкам прямо между расстановленных лапок. И так олени бегут тою проталиною, видя с обеих сторон страх от лапок, ветром веющих наносимой. Бегут прямо на санки к неезжалым оленям, а скрывшиеся в шанцах люди встают и чем попало машут, кричат и всячески пужают, чтоб с своей стороны отогнать на другую к варданам, которые приблизившихся оленей сколько можно стреляют и побивают. 3) Еще ж бывает, что оне, приметя стадо оленей, выбирают какую-нибудь горную сопку, которую обстанавливают кругом своим обозом и на шестах вывешивают платье и все, чем бы олень мог пугаться. А между тем, сделав пространной проход на гору, с обеих сторон опять расстанавливают лапки и несколько человек сзади заганивают оленей в оной проход на гору и, когда вбегут оне, то оной проход задергивают еще санми, чтоб назад нигде не могли выбежать. И так олени, видя себе отовсюду страх от развешенного платья и веющего крылья, бегут вкруг холма той сопки, а стрельцы между тем в их стреляют, так что редко случается, чтоб хотя один из их выбежал, но всех побивают, сколько б захвачено ни было. 4) Летом, когда бывает сильной комар и пауты, то олени выбирают прохладные ключи, где б им ложиться было можно, и тут стрельцы стреляют скрадом из луков и ружей. 5) В сентябре и октябре месяцах промышленник, увидя стада диких оленей, берет с собою из своих нарочно к тому обученных оленей пяток, при коих находятся также и телята двухгодовые и годовые; из тех пяти оленей одного пущает наперед на долгой веревке сажен в 20, а конец привязывает за пояс, других ведет он по сторонам также на веревке, по два оленя на стороне, за пояс же привязанные, которые один за другим идут порядочно; и правда, оне столь привычны, что ежели, мало разрознившись, не так пойдут, то не допущая до того, чтоб он еще веревкой поправил, но только лишь взглянет, то олень, догадавшись, что не так идет, как хозяину надобно, сам поправляется, а промышленник идет, наклонясь между ими даже до самого табуна диких оленей и, приблизившись к оным, стреляет из луков и ружей. Осенью, когда олени гонятся, то промышленники по одному и по два человека ездят на оной промысел диких оленей, выбрав с собою крепкого и сильного кормового хара или некладенного оленя и, наехав табун, оставляет санки, а хару, зазязав петлю на рога, укрепя подле самого рогов корня и расправя по рогам, где надо привязав худенькими ниточками, чтоб после порвались, а петля б прежде времени не спустилась. И так подводит своего оленя к табуну, и он, увидав стадо, побежит к оному, а оттуда выбегает такой же хар, и они, сразившись, начнут бостися и до тех пор бодутся, пока один другова не осилит; однако дикой олень во время борьбы срывает петлю с кормового на свои рога, и когда побежден вздумает бежать, то кормовой хар тотчас свои рога утыкает в землю и его сдерживает и не пускает, а между тем промышленник, набежав, убивает дикого.

В стадах, по тамошним тундрам, диких оленей бывает от десяти до двух сот, но прежде сего незадолго видали такой табун, в коем более трехсот положить надо.

<…> Средства, какими зверей ловят, суть разные, из коих первые, слобцы… Оным ловят зайцов, лисиц и тетерь.

Куронсес делается на столбиках, в землю врытых, вышиною от земли на пол-аршина, чтоб во время погоды его не занесло снегом. <…> Попадается в куронсес всякой пушной зверь, как: волки, лисицы, россомахи и песцы.

Плашки или пасть, известное средство, коим в России мышей промышляют, но та только разность, что здесь на белок и соболей становят таковые.

<…> Засека делается, как городьба из кольев, а между ими оставляется проход, в коем становятся либо луки, либо утверждает вверху кольев петлю и оную расширяет, а как зверь в оной проход пойдет, то либо

в петлю попадает, либо, задев за спинку, натянутой лук спусчает и стрелу прямо себе в грудь получает. В таковые засеки заходят олени, лоси и медведи.

Около Мангазеи и Туруханского монастыря, что на Енисее, такое их [белых медведей] множество, что в ином месте столько не сыщется черных, сколько там по рекам и по тундрам, от моря отдаленным, их промышляют; там оне очень смирны и с коровами так, как дворовый скот, вместе ходит.

<…> На сухом пути по его [белого медведя] неповоротливости легко промышляют иногда скрадом из ружей и из луков стрелами.

<…> Когда его [моржа] найдут таким образом спящего, то промышленники подкрадываются с носками, на долгих ремнях привязанными, коих другой конец привязывает к пню или колу, в землю утвержденному; и когда носок в моржа воткнут, то он, испужавшись, совсем пустится в море и, дошедши до глубины какого места, обессиливает, откуда его опять на берег вытаскивают и добивают.

Зайцы морские, нерпы или тюлени разных родов находятся, из которых большие самые не более двух аршин бывают. Шерсть малая, пестрая и серая, стреляют у приглубых и гористых мест около моря, морских губ и рек, подкравшись, из луков стрелами, а иных и так находят, погодою из моря выкинутых. Зимою же, когда реки льдом покроются, то оные звери проделывают пролубки, из коих на вольной воздух выходят, а промышленники подле оной пролубки кладут небольшую доску, а с другой стороны сами в сне[г] неподалеку от оной зарываются; и когда тюлень выйдет из продуби, то оне доскою на долгом ремне задерживают пролубь и тут его бьют палкой или ножем колют.

Оную [белуху], когда увидят зашедшую в залив, по большей части в июле месяце, то самоедцы, собравшись от 50 до 100 человек, выезжают на устье того залива и гонят оную до самого тупика на мелкие места, где колют ее копьями. [Зуев, 1947, с. 74–80]

О птицеловстве

Пти[ц]еловство начинает быть в начале самой вешней оттепели, когда снег растаивать начинает по водопольным местам, где к скорейшему растаеванию снега сыплют также и золу; и лишь только вода на таких озерках окажется, то и птица прилетает всякая. Подле такого озерка делают нарочно снежной шанец или станок, у которого на все стороны имеются окошечки, из коих стрельцы стреляют из винтовок пулями, с которую бы сторону птица ни прилетела. К большему приману птицы имеют оные промышленники запасенные уже чучелы, кои становят на воды и к коим птица больше скопляется. Удивительно, что птица, гуси или лебеди, лишь только сядут подле таких манщиков, то тотчас начинают с ими драться. И естьли ей однажды спастись от сего обману случилось, то впредь разве в другие средства попадется, а к сим манщикам никогда уже близко не подойдет. Наиболее стреляют на таких местах крупную птицу — гусей и лебедей, а прочих разве по нужде.

И так покудова оттепели бывают, охотники промышляют только сим вышеписанным образом, но когда воды уже гораздо больше располятся, то и птица, покудова не улетит на гнезда, водится на одном месте до самой глубокой весны, пользуясь озерною водою, перелетая с одного озера на другое. В таком случае охотники от одного до другого озера вырубают лес пространно перспективою, коею бы утки и проч[ие] с озер[а] на озеро способнее перелетали; таким образом, налету в сумерках разстонавливают сеть… Таковые сети называются перевесы…

<…> Другое средство, во всем сему подобное, называется кыскан — такая же сеть, но с тою только разностию, что оного и в ясные дни промышлять можно, как и ниже сего явствует, ибо вся сеть лежит на земли на кольцах раздернутая, и когда птица полетит, то он, со стороны видя, что уже близко находится, того ради вздергивает кыскан; и птица, не успев так скоро вверх подняться, вся в его попадается. Между тем, лишь только еще торнется, то кыскан весь по кольца сбегает в кучу; того ради и во время множества попавшихся птиц не могут так скоро кыскан прорвать и вон вылететь, но когда же случится, что все пролетят поверх кыскана, то в запас неподалеку становят чучелы, и в таком случае остяки столь искусны в бересту кликать по-гусиному, что никоим образом распознать нельзя. Того ради лишь только пролетят, то он и начнет в бересту кликать, а гуси, услыхавши гусиной голос, опушаются ниже к манщикам, как к товарищам, и, плавая издалека, опять в кыскан попадают.

<…> Прав[да], что хотя из крупных птиц гусей, и лебедей не столь много засолить случится, потому, что в одно только начало весны и промышляют, однако уток столько много на каждого достается, что и на другой год вон выкинуть останется.

<…> Из всех родов бывают, выключая гусей и лебедей, казарки, чагвои, турпаны, сынги, чернеди, соксуны, полухи, гоголи, свищи, савки, чирки двух родов селезни, крохали, лутки и прочие, в пищу употребляемые птицы.

Прочие: сукалены, турухтаны, стерки, журавли, а гагары разве невзначай попадутся, а нарочного старания к промыслам таких птиц никто не прилагает [Зуев, 1947, с. 81–82].

Из домашних же одне коровы, кои в Обдорске живут до пяти лет немногие, а лошади ниже Березова отнюдь быть не могут. Были охотники, что на [с]удах в Обдорск лошадей завозить пробовали, но и году не пользовались своим вымыслом. Свиней и овец березовские богатые некоторые содержат по малому числу, да и то не надолго, ибо оне там плодятся худо; корму для их мало, потому что и хозяева довольствуются привозным запасом с купли; притом же должно их всегда содержать взаперте, иначе через час и костей не найдешь, как собаки растащут с своею игрою.

Петухов и куриц для яиц содержат, некоторые только с великою от собак осторожностию. Тараканов и сверчков во всем Березовском уезде нету, а начинаются оные от Самаровского яму, что больше 400 верст выше от Березова. Клопов у русских довольно, блох мало, а у остяков много, также и вшей. У самоедцов, напротив того, блох нету, а вшей со излишеством [Там же, с. 82–84].

А. Андреев. Описания о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясачных иноверцах. 1782 г.

I. Описание о жизни и упражднении обитающих в Туруханской округе разного рода ясачных иноверцов, учиненное ноября 15 дня 1782 года.

<…> *Всегдашние ли те их жилища или переменяют и переходят с места на место и имеют ли какие в протчем обзаводства: скот и протчее?* [При цитировании данного источника вопросы выделены нами. — *Авт.*].

Всегдашних жилищ, кроме якутов, никто из ыноверцев не имеет, а переходят с места на место, туда, где им можно промыслить рыбы и зверя. Остяки для перевоски своих чумов и домоваго екипажа имеют собак, а тунгусы и самоеди оленей, якуты для езды на промысел имеют оленей.

Кочующие есашные народы при каких местах более имеют свое кочевье в разные времена года?

Есашные народы весной пребывание имеют при реках, речках и озерах для промысла рыбы, кою сушат, делают из оной порсу, юту, юкалу и варку, набивши в патакую…

В какое время ходят на промысел звериный и далеко ли для онаго от своего жилища или кочевья отходят?

На промыслы отходят зимой, запасшись довольно сушоным из рыбы кормом, в тундры, а летом, также, ловя при озерах оленей, сушат из мяса уликту и приготовят оную; осенью ищут по рекам плаву диким оленям через реки, где их караулят и во время плавежу колют на воде рогатинами; а зимой ходят остяки для промыслу соболей по рекам Верхней и Нижней Тунгускам в леса, где и тунгусы промышляют; а самоеды ловят песцов и оленей. Обыкновенных же для промыслу зверя мест не имеют, а ходят в те места, где узнают больше зверя, и нередко самоеды и тунгусы доходят до самого моря, а иногда бывают для промыслов и в ведомстве якутском.

Когда в свои жилища возвращаются?

Естли с осени бывает хорош когда промысел и справившись есаком, то в генваре и феврале збираютца к есашным сугланным местам по повесткам посылаемых для сбору есака казаков; а когда нет есака, то уходят в отдаленные места искать зверя и возвращаютца к есашному весною; а когда совсем не бывает иным годом промыслу, то многие не выходят за отдаленностью и неимением оленей; почему и есак на них остаетца доимкой в другой год.

Одни ли возмужалые во время промыслов от кочевья своего отлучаются или всю семью берут с собой и чем остаются дома, как то: престарелые и женщины в отсудствии мужей своих прокормляются и в чем упражднятца?

На промысел ходят со всем своим семейством. Женщины во время пути везут аргиши, ставят чумы, приготовляют дрова; а мужья их за то уже не принимаютца, а только, изловя оленей, запрягают аргиши. А дорогою ездят на запреженных в санки оленях, ищут табаны диких оленей.

Какие орудии и инструменты употребляют для ловли зверей?

Для ловли зверей употребляют есашные разные орудии, как то: клепцы, черканы, лопастник и кулиомник, в лесных местах из дерева, а в тундрах, где нет лесу, зимой снежной, а летом земляной с камнями ставят, и петли. Оленей стреляют тунгусы из ружей и луков, а протчие из одних луков, заганивают летом в озера, где колют рогатинами, а осенью плывущих чрез реки табунами, ездя на ветках, колют же и заганивают в невод, связанной из ремней оленьи кожи, который утвержден бывает на кольях; при входе, куда их заганивают, разнесены крылья того невода весьма широко, и от оных поставляютца по сторонам в равном расстоянии на небольших тычках из гусиных крыльев махалки, а между ними в снегу лежат с луками люди; а другие,

ездивши на запряженных в санках оленях по тундре и найдя диких оленей, заганивают к неводу ближе. Когда же подбежит табун к махалкам, то лежащие в снегу между махалками люди стреляют по ним из луков. А как вбегут близь крыльев невода, то вскоча, лежащие люди бегут за оленями… крыча, гонят дальше в невод, а как запутаютца в неводу, то колют рогатинами и стреляют из лука. Еще едеваютца иноверцы с ног до головы в оленье платье шерстью вверх и подле ручного оленя очень близко идут к диким оленям в табун, ступая в один раз с оленем, а подкравшись блиско, стреляют из лука. Промышляют же оленей и таким образом: пускают в табун к диким выученного ручного оленя, надев искусно на рога ево петлю, которую ручной олень, сошедшись с дикими и начав бостись надевает на рога дикому оленю и, упершись своими рогами в землю, держит дикова, а в то время подбегает промышленник ближе, колет или стреляет дикова оленя.

Имеет ли каждая волость свое известное место или дистанцию, в которой звериную ловлю производит, или повсюду, докуда токмо дойтти может, и какие права признают на такие места: по древнему ли обычаю или по другим каким законным обязательствам?

Каждаю волость свое известное место имеет по названию сугланных мест, куда збираютца к платежу есака, а для ловли зверей ходят повсюду и где только одного узнают. И сие право почитают по древнему обычаю, а других законных обстоятельств об утверждении сих мест не имеют.

Употребляются ли какие звериные приманки и прикормки и какие имянно для какого роду зверя?

Для волков, розсомаг и лисиц употребляют отраву, смешанную щилибуху со свежей рыбой или оленьим мясом, а для протчих зверей к ловушкам кладут для приману зверя свежую рыбу или мясо без отравы.

Какова роду зверя ловятся в каком количестве?

В Туруханском округе звери ловятся: медведи чорныя и белыя, крестовки, сиводушки, а изретка и чорнобурыя, соболи, волки, песцы голубыя и белыя, но сии последния переменяют цвет и пышность шерсти по временам лета и называются: норники, крестоватики, синяки, недопески и рослыя, то есть белыя, розсомаги, рыси, выдры, колонки, бурундуки, горностали, белки обыкновенныя и летяги, зайцы, кроты земляные, медветки, морские звери: белуги, моржи и нерпы. Лов же этому зверю бывает не ровен (по) годом; когда много оного на земле и голоден то промысел живет велик; а когда и много бывает на земле зверя, но сыт, тогда к приманкам, положенным в ловушки, не идет, посему и промысел очень худ; а инова году и совсем зверя не бывает…

<…>

Не бывает ли годами во оных [зверях] недостатка, а другими бегу стадами из единого краю в другой, через сколько лет по примечаниям таковой звериной бег бывает и в которую сторону: на восток или на запад и протчее, или не постоянно как время бегу, так и стремление оного?

Нередко во оном бывает недостаток, как и ныне же третий год зверя по всей здешней округе местами весьма мало, а в других и совсем нет. Бег же оному бывает по примечанию через 10 лет, а стремление оного не постоянно.

Чем питаются ясашные на промыслах и как добычею свою сохраняют по окончании времени ловли, или нарочно всякой день или неделю для того в дом возвращаютца?

На промыслах ясашные питаютца запасной с лета рыбою ютаю, юкалою, варкой и из оленьяго мяса же уликтою и покупаемою летом у приплывающих на судах разного звания людей и живущих около Енисея в зимовьях мукою. Добычу же свою хранят в чумах, как оне бывает на промыслах со всем домом. Во время же недостатка запасного с лета корму едят и промышленных оленей и других зверей всякого роду мясо. А когда и никакого зверя в добыче нет, то по необходимосте, спасая себя от голоду, колют своих езжалых оленей и тем питаютца. А зайдя в отдаленные и места и когда приедут своих оленей, то и остаютца… на тех местах до тех пор, покуда исправятца, покупая у протчих на разной живот оленей, и, обзаведясь оными, выходят, а другие, по неимению на што скупить оленей, остаютца до исправы оленями в других ордах в работах.

Какими припасами при отходе на промысел запасаютца и в каком количестве с собой берут?

Запасают с весны сушоную рубью юту, юкалу, варку, порсу и из оленьего мяса уликту столько, штоб наполнить свои патакуи, сколько у них оных есть. И покупают пуд по 10-ти у приплывающих из Енисейска на судах разного звания людей и у живущих в зимовьях муку… [Андреев, 1947, с. 87–89].

Женщины имеют ли какие рукоделия или искуствы по домашней надобности ли ради украшения своего?

Женщины рукоделие имеют в шитье как для себя, так и для мужа и детей обуви, чего мущины не умеют. Во время их переходов ставят чум и приготавливают дрова, за что мужья никогда не принимаются. А у остяков ходят для высмотра ловушек пособляют ловить рыбу.

Какую пищу обыкновенно употребляют есашные народы?

Обыкновенная их пища сырая рыба и всякого рода зверей сырое ж мясо. <…>

Где, в какие времена и у ково покупают или выменивают хлебные припасы, какова рода и по какой цене обыкновенно?

В летнее время у приплывающих из Енисейска разного звания людей выменивают, а ржаную муку на оленьи кожи-камасы, полагая оные в цену песца, каждый пут по песцу, а в случае и по два, в отдаленных же местах за тундрою, когда поколки зверям не бывает, то по 3 и по 4 песца за пуд. А осенью на наличный живот и в долги покупают у живущих в здешном уезде, на низу Енисея, для торгу и промыслов звериных енисейских купцов и мещан, не почитая дороговизну себе за убыток, но отдаленность есашного зимовья, в кое доставляетца им по той же цене, по какой идет в казну, но щитают больше за тягость, дабы не мучить в переезде оленей, а притом зная и то, што в долг казенной муки не дают, почему с осени к ясашному за оной и не приходят, а разбирают оную муку в то время, когда приходят к платежу есака, но и то иногда не весь, так как к лету им бывает корм не так нужен, почему и остается в другой год [Андреев, 1947, с. 93].

II. Вопросы о ясачных и других разного звания иноверцах Березовской округи

<…> Жилища имеют при реках и речках, а некоторые зимние по горам в лесах. А водою довольствуются, растаивая снег.

Жилища имеют разные: зимние, вешние, летние и осенние, в которые и переезжают по означенным временам, но и те жилища всегдашними почесть… не можно, потому что иногда прежние оставляют, в вновь строят в тех местах, где кому способнее признаетца какой промысел. Скотоводство некоторые остяки имеют, по небольшому количеству лошадей, другие остяки ж и кочующие самоядцы оленей по разному количеству, достаточные по тысяче по две, по три и по четыре; а иные остяки лошадей и оленей не имеют, а только собак, на коих и ездят, куда их позовет надобность; а рогатова и другова скота и никакого протчаго обзаводства не имеют.

Кочующие есашные народы кочуют и переходят с места на место весь год: самоядцы Обдорской Каменной стороны с Камню по левую сторону реки Оби к границе Вологотского наместничества, к Мезенской; Низовой стороны по правую сторону реки Оби, около Северного Ледовитого моря, Томской области к Туруханской, Кызымской в лесных местах к Сургутской, Ляпинской к Туринским округам, Куноватской к Обдорской волости… Каменной стороны с самоядцами. А к платежу ясака приходят в свои волости в ноябре и декабре, а Казымской в генваре месяцах, и по положении ясака отходят в те же места. Некоторые и с Каменной стороны приходят к реке Обе для промыслу рыбнаго, а оленей оставляют в пристойных для пазбы местах, а в августе и отходят.

Начинается промысел звериной в октябре. Которые имеют оленей, ходят не в ближнее разстояние; а неимеющие оленей, те пешком по своим местам. А сколько разстоянием верст, те народы не знают. А в феврале имеющие паки оленей отходят, а неимеющие оленей то ж производят промысел и во всю зиму, ежели есть звери. А сверх того зверинаго промыслу остяки всех волостей из рек выплывают со всем семейством в июне месяца для рыбного помыслу на реке Обь, а в сентябре возвращаютца в свои жилища; а в реках остаютца только для пазбы оленей.

В свои жилища возвращаются в декабре, в марте и в апреле месяце.

Которые имеют довольно оленей, те ездят со всем своим семейством и с кочевною избою и называют чумом. А которые не имеют оленей, то поблизости и в самых тех местах имеют юрты, в которых оставляют престарелых и женщин. А пропитание имеют запасную сухою рыбою; а когда того недостаточно, то с сушеными рыбными костями. И упражняютца престарелые и женщины в помянутых рыбных промыслах и в шитье для себя и мужей платья, плетут из травы узинкие покромки, и оные сшивают подобно коврам, и постилают их на те места, где имеют постели; скоблят деревья, и то сушат и называют вотлепом и употребляют вместо платов, утирают лица, руки и посуду; некоторые собирают кропиву и делают из нее конопленое, прядут и вяжут мережи для неводов и ткут холсты, шьют однорядки и рубашки, и оные рубашки вышивают для красы, также воишими, разных цветов шерстями, а достаточные шелком… [Там же, с. 94–96].

Орудия и инструменты имеют: луки, стрелы, капканы, клепци, и ставят деревянные пасти, плашки, черканы и петли, некоторые и ружья.

Не токмо каждая волость, но и каждое селение свое известное место или дистанцию имеют по древнему обычаю.

Употребляют звериные приманки и прикормки: мясо, рыбные кости для лисиц, волков и россомак и ко оному ставят, настораживая, луки и делают отравы с сулемою и с чилябухою…

Звери ловятся в лесах: лисицы сиводушки, белодушки, частью черные и седые, соболи, волки, рассамаки, медведи по лесам, бобры, выдры разных доброт, в лесах же горностали, белка, олени, лоси, подле моря лисицы того же сорту, песцы голубые, белыя олени, морския белыя медведи, моржи, нерпы или тюлени, белуги и морския ж зайцы, годом довольно, а других недостаточно.

Годом более лову зверя в начале зимы, а другим весною, а иным годом и по всю зиму бывает.

Годом зверя бывает недостаточно и не по один год, а другим иного зверя почти и совсем не бывает. По примечаниям, бег бывает годом на восток или на полдень или ж в другую которую сторону, а другим годом, как время бега, так и стремление оного бывает непостоянно; а иногда белка и горностай пропадают. <…>

Питаютца ясашные на промыслах: некрещеные сушеною рыбой и всяким зверей мясом, которых упромыслять могут, только окромя одного горносталя; крещеные инные подобны некрещеным, а другия сушеною рыбою, оленьим или лосиным мясом, ежели упромыслят в добычу свою. Имеющие довольно оленей, как выше сказано, ходят со своим семеством, привозят каждый день в свою избу или чум; а неимеющие оленей ходят пешком, иногда убьют больших зверей, то есть оленей, лосей, оставляют, зарывши в снег, на тех местах, где трафится убить, а после из жилищ своих ездят на оное, а с мелких шкуры снимают и таскают с собой на малинких нартах. А нищие и в кузовках за плечми в домы возвращаютца чрез месяц и менее, как кому промысел и разстояние места дозволит, потом и опять отходят.

При отходе на промысел берут с собою сушеную рыбу, называют оную поземами, варку з жиром и аржаную муку столко, сколко требует разстояние мест промыслов, а особливо, смотря по достатку, у ково сколько оного запасу; а когда у кого недостаточно, то и с одной сушеною рыбой или поземом прохаживает дни с четыре…

<…>

Выменивают и по неимению в улове зверя в долг берут в Обдорском остроге самоедцы и тамошние остеки в ноябре и в декабре, малая часть самоядцев и остяков по недостатку пищи и в апреле у табольских жителей и того острога у священника и причетников… В Казымской самоядцы выменивают в Казымской крепости один раз в год, в генваре, по малости людей самое малое количество, притом же видно, что ко оному не весьма привычны… Сосвинской и Ляпинской волостей остяки, когда идут с рыбнаго промыслу в сентябре месяце в свои жилища, в городе Березове на наличную мяхкую рухлядь по состоящей цене в семнатцать копеек, а в долги по три белки пуд, достаточные покупают и для продажи. А протчих ближних волостей для покупки приезжают в разные времена.

…А платят [ясак] остяки рыбою, поземами, варкою, для корму собак косьем и протчими мелочами [Андреев, 1947, с. 98–99].

III. В какой области какой обитает народ, просвящен крещением или в язычестве пребывающей, какие сей последний имеет предания в разсуждении своей древности, нравов, обычаев, богослужения и житейских обрядов, и не можно ль зделать оному список, разделя оных на разные происхождении?

Хотя и почитаетца имя самоядцы, что значит с татарского и русского языка якобы человекоядцы, людей поядают но довольно известно, …их вид человеческой, токмо они всякую стерву, зверей не токмо изловленных… ими, но и морем изверженных, гнилых, без разбору ядят и сырую жрут.

<…>

Економия их состоит более в содержании оленей, коих у себя имеют немалыя стаи. Кто более у них имеет, того более и почитают. А денег у себя нисколько не имеют [Там же, с. 100].

<…>

У самоядцев кочующих, которые переходят с места на место, избы становят малые, круглые, накрытые оленьей шкурой и сведены кверху уско, в посередке, где дыму идти, оставляют полое место, и против того в средину раскладывают огонь, у коего греютца и есть варят. А у остяков берестенныя и деревянныя, четвероуголны, точно вверху для дыму окна; и у тех остяков в разных местах зимою, летом, весною и осенью особые избы.

Склонность имеют менять рыбу, птицу и разные звери русским на хлеб, платье, и другие потребные к содержанию своему вещи.

Как самоядцы, так и остеки коней, коров и других скотов не имеют, а содержат оленей… на которых на промысла ездят и на пищу употребляют. А запрегают их в санки по два и по три; собак же подпрегают по шести, по восми и по двенатцати, и на оных скоро ездят. Корм же их состоит олений мох белой, а собакам заготовляют сухие рыбьи кости [Там же, с. 101].

Опись берегов Северного океана от Канина носа до Обдорска, Штурманов Иванова и Бережных. 1826–1828 г. (в «Записках Гидрографического департамента Морского министерства», 1847. Т. V.)

Из записок штурмана И. Н. Иванова (1827/28 гг.)

[1827 г.] В Белужей губе, в августе месяце, самоеды промышляют белуг следующим образом: в тихую погоду, когда белуги заберутся в губу, ловцы выезжают на множестве лодок, и заступив в устье, начинают реветь и стучать и загоняют пленников на мелкое место; там без труда колют их спицами. <…>

<…> 13-го августа, подъезжая к мысу Вэн-Ган (Собачьи сани), увидели моржа, вылезшего на отмель, приманили его еще далее на сухой берег, и застрелили с трех выстрелов. Шкура его нам пригодилась на ремни для упряжи, а мясо и сало разделили между собой самоеды. <…>

[1828 г.] <…> 26-го апреля я предпринял поездку на остров [Белый] для удостоверения, действительно ли там нет оленьего корма, в чем нас уверяли самоеды. В самом деле, мы нигде не нашли мха; только изредка попадалась иссохшая трава, а далее к северу берег песчаный, и все снижается. <…>

<…> 29-го августа доехали с описью до мыса Сюней, на котором нашли три самоедских чума, а неподалеку еще двенадцать таких же. Здесь самоеды занимались рыбными промыслами…

<…> 3-го сентября приехали на мыс Хаманьол, где нашли восемь чумов самоедов, промышляющих рыбной ловлей. <…>

<…> 28-го сентября приехали к Юндырским остякским юртам, на западном берегу реки Оби. Здесь и выше по реке остяки ловят осетров крючками и до заморозков свозят в озера, откуда потом их вынимают, солят и замораживают [Житков, 1913, с. 121–129.]

Ж. Б.-Б. Эйрие. Живописное путешествие по Азии. 1839 г.

Они… постоянно являются за рыбой около половины июня, занимая тогда всю ширину реки верст на пять в протяжении. Они поднимаются до Куневатска, на двести шестьдесят верст от моря. Даже осетры бояться погони — и не удивительно, потому что эти чуда от трех до четырех сажень в длину. Испуганная рыба ускоряет ход свой и тем легче попадается в расставленные сети. Дельфины идут обратно к морю в сентябре… Одни остяки, приготовляющие из кожа этих чудовищ ремни для сбрую, умеют бить их и в море и в пресной воде [Эйрие, 1839. С. 83–84].

А. И. Шренк. Путешествие к северо-востоку Европейской России

Хозяйственный цикл, места расселения и миграции

Те из самоедов и остяков, которые кочуют около Северного Урала, переселяются на все лето на обильные пастбищами равнины, находящиеся около западной подошвы хребта, а осенью снова переправляются через горы, чтобы провести зиму на богатой лесами восточной полосе Уральского хребта [Шренк, 2009, с. 296].

В этой части Урала [Полярного] нам известно четыре таких прохода; из них два важнейших были известны уже в XVI столетии, потому что посредством их сообщались с Сибирью; по ним же каждую зиму переходят Урал жители Пустозерска, усть-цильмцы и ижемские зыряне, которые ежегодно посещают устраиваемую в Обдорске ярмарку, чтобы запастись здесь мукой, так как количества хлеба, привозимого чердынскими купцами из внутренних губерний, далеко не хватает для продовольствия северных жителей. Даже самоеды, зимующие по сю сторону Урала, теми же путями отправляются на эту ярмарку для закупки хлеба, а также разной медной и чугунной посуды, сукна для одежды и т. п., между тем как сибирские самоеды и остяки каждое лето перебираются на эту сторону, с целью доставить оленям своим лучшие пастбища. Важнейший из этих двух южных проходов есть тот, который у русских известен под именем **Большого перехода;** самоеды называют его **Гарка-Матулова**. В этом месте приток Узы сближается на каких-нибудь две версты с источниками **Соби** (у самоедов **Падьяга**), пробивающей себе дорогу к Оби. Самоедское название этой реки, как нам говорили проводники наши, напоминает будто бы остяков из рода Пад, имевших свои юрты при впадении ее в Обь.

<…> Другие два горные прохода, о которых я получил сведения, лежат к северу от первых, близ северной оконечности горной цепи, и служат более для перехода номадов с одной стороны Уральского хребта на другой. Первый из них, известный у самоедов под именем **Пырите-Матулова**, а у русских под именем **Щучьего перехода**, возвышается к северу и к югу от **Анорги** и разделяется на две ветви, представляющие собственно два отдельных перехода, под одним и тем же именем. Среди нагорной возвышенности находится довольно длинное озеро, называемое Пыриягандо, которое дает начало двум рекам, текущим по совершенно различным направлениям: притоку Кары, изливающемуся по узкой долине в западном направлении, и **Пырияге**,

т. е. Щучьей реке, пробивающей себе дорогу на восток, к Оби; эта Пырияга названа так по обилию рыб, особливо щук, которые ловятся около ее устья безоленными самоедами. К югу от озера Пырияганго лежит другое горное озеро, известное под именем Тыедо, т. е. Узкого озера, которое, подобно первому, дает начало двум в противоположные стороны текущим рекам: на западе — **Пырияге** (которую не должно смешивать с упомянутою нами сибирскою рекою того же имени), которая в горах еще соединяется с приведенным нами притоком Кары, а на востоке — **Тыедояге**, которая на равнинах, лежащих по ту сторону Урала, вливается в сибирскую Пыриягу. Летом по обеим ветвям этого горного прохода почти нельзя переходить, потому что дорога здесь на всем пространстве усеяна камнями: зимой же русские из Пустозерска и зыряне обыкновенно по этому тракту отправляются в Обдорск, для закупки осетров, которых они потом продают на ярмарках в Пинеге и около Вашки.

Что касается, наконец, до второго северного прохода, то по нему весьма редко ездят, потому что он лежит очень недалеко от северного конца Уральского хребта и всякий предпочитает лучше обогнуть этот конец около северной подошвы Хорамаги, нежели подвергаться неизвестности. Проход этот называется **Хута-Матулова;** в нем речка **Хутаяга,** к югу от Хорамаги, направляет свое течение к Оби, сближаясь своими источниками в горах с речкой Нармеягой, впадающей в Кару [Шренк, 2009, с. 309–312].

Зыряне и русские, со своими бесчисленными стадами, всегда кочуют врозь, а самоеды обыкновенно странствуют несколькими семействами, потому что, с одной стороны, для незначительных стад их не нужно слишком больших пастбищ, а с другой, и самое имущество их через то лучше сберегается; поэтому-то на одном месте нередко можно встретить две, три и даже пять самоедских палаток. При этом стада их пасутся вместе, рыбная ловля производится общими силами, и если приходится закалывать оленя, то бедные семейства собираются к зажиточному, который тогда играет роль хозяина и угощает всех живущих вместе с ним единоплеменников, так что беднейшие более или менее живут за счет зажиточных [Там же, с. 337].

Первые опыты подобных предприятий [походов в Мангазею] были произведены, вероятно, в начале XVI века, потому что *Josias Logan* рассказывает нам, будто он говорил с одним русским, который хвалился тем, что он первый совершил путешествие в Мангазею по описанному нами пути. Статьи, которые отвозились туда для торговли с самоедами, были: ржаная и овсяная мука, соль, масло, несколько выделанной кожи, сукна и т. п., взамен чего получались преимущественно собольи и другие меха, а также окаменелая слоновая кость [Там же, с. 406].

Очень хорошо известно, что у них ни теперь, ни прежде не было больших дорогих сетей, необходимых для произведения рыбной ловли в большом размере, и что только самые бедные безоленные самоеды принуждены заниматься этим промыслом, тогда как прочие всегда предпочитают этому занятию счастливую кочевую жизнь, связанную с разведением оленей [Шренк, 2009, с. 412].

От этого географического разделения совершенно независимо этнографическое, по которому не только все европейские самоеды, но и сибирские их единоплеменники до Обского бассейна разделяются на три главных племени: *лага, ванонта* и *харици* или *харуци,* которые, по всей вероятности, считали друг друга за разные народы, потому что слово *танз,* означающее племя, выражает также понятие *народа,* и самоеды прибавляют его не только к названиям своих собственных племен, но и к названиям других народов; так, например, они говорят *лутса-танз,* называя русских, *хабий-танз,* называя остяков, между тем как свои собственные племена они также не иначе величают как *лага-танз, ванойта-танз, харуци-танз.*

Каждый из этих танзов, или главных племен, в прежние времена имели может быть свои особенные кочевья, которые в настоящее время сохранились только у самоедов племени харуци, так как эти последние, будучи уединены своим географическим положением, занимают полуостров Ялмал между Карским морем и Обскою Губою, или Карчейскую Землю: самоеды же других двух племен, без различия, занимают все пространство земли от Мезени до Оби и с давних времен (еще до знакомства их с русскими) живут мирно и согласно, составляя как бы один народ. Но с третьим племенем они долго враждовали, потому что нападения его на европейских самоедов не прекращались даже в половине прошедшего столетия. И до сих пор еще миролюбивые европейские самоеды изображают своих сибирских единоплеменников многочисленным, диким и необузданным народом. В стране их находится множество мамонтовых костей, но зато нет ни лесу, ни даже кустарников, почему обитатели ее разводят огонь оленьим волосом и черным ягелем, между тем как серый, которого у них очень немного, сберегается для корма оленям [Шренк, 2009, с. 416–417].

Так как самоеды племени харуци известны нам очень мало, и то только по преданиям, то мы ограничимся известиями насчет двух других племен. Каждый из этих последних подразделяется на отрасли и роды (иеркарь). <…>

I. Племя *лагай* разделяется на следующие роды:

<…> *Нохо* (песцы) кочуют около Урала, где в особенности много песцов.

II. Племя *ванойта* разделяется на следующие роды:

1) *Гуучи,* многочисленный род, разделяющийся на две отрасли: *Лаптандер* и *Ламдуй,* из которых первая обитает Малоземельную равнину (лапту), а последняя только часть Большой Земли и Сибири, около северной оконечности Уральского хребта.

2) *Валей* странствует вместе с зырянами, по северным тундрам; но попадаются также в Канинской и Малой Землях.

3) *Пыриркы,* род, кочующий по берегам реки Кары.

4) *Худе,* состоящий из сибирских самоедов. Следующие четыре рода также состоят из сибирских самоедов, кочующих по ту сторону Урала:

5) *Хороло.*

6) *Сарадата.*

7) *Гокдата.*

8) *Яптик…*

<…> Кроме этих поколений, есть еще два рода, происхождения которых я не мог доискаться, а именно: *Мендлово,* кочующий на сибирской стороне вместе с самоедами из рода *Гыйвай, и Ягаггасовой* (речные самоеды), кочующие на правом берегу реки Оби, ближе к морю.

О происхождении некоторых из приведенных нами родов у самоедов сохранились разные предания, которые часто напоминают позднейшим потомкам различные частные обстоятельства жизни их родоначальников.

<…> Родоначальник *Сарадаты* был владельцем белых оленей (от *сар* — белый и *та* — олень); род *Гокдата* обязан своим происхождением богатому владельцу многих северных оленей (от *гок* — много и *та* — северный олень). Начальник *Вонакана,* побочной отрасли рода *Тысый,* приехал из земли остяков, где он ездил в санях, везомых собаками (от *вонеко* — собака и *хан* — сани)… [Шренк, 2009, с. 417–419].

Оленеводство

Что касается до времени, проводимого кочующими пастухами тундры на одном месте, то оно бывает очень различно, смотря по качеству пастбищ, более или менее покрытых ягелем, а также по величине стад. Обыкновенно они меняют свои места каждые два дня или даже каждый день; случается, однако же, что они держатся на одном месте по 3 и по 4 дня и даже гораздо дольше, особливо зимою, когда они располагаются в лесах, где олени должны довольствоваться малым кормом, отрывая его себе из-под снега [Там же, с. 205–207].

Если стадо велико, то поимка оленей, потребных для запряжки, не представляет больших затруднений: несколько человек становятся среди стада, образуя довольно пространный круг, и начинают монотонный зов, произносимый протяжными звуками: гой, той, гой; на этот зов животные, привыкшие к запряжке, тотчас же отделяются от прочего стада и собираются в круг, составленный людьми; затем веревка, лежащая на земле, поднимается всеми вдруг, и стадо окружено; чрез постепенное укорачивание веревки круг становится уже, и тогда из сжатого стада выбираются животные, необходимые для запряжки, и привязываются вдоль веревки. Собрав таким образом достаточное число оленей, круг растворяется, и лишние животные присоединяются к общему стаду. Если олени приучены и притом находятся близ палатки, то операция эта не представляет никакого труда; при маленьком же стаде, особливо если олени еще молоды и непривычны и если нет) вблизи палатки, которой стадо обыкновенно придерживается, поимка оленей для запряжки сопряжена с большими хлопотами, потому что маленькое стадо иногда рассеивается и тогда уже его никаким образом не загонишь в круг [Шренк, 2009, с. 220–221].

…Он теперь занят отделением своего многочисленного стада от другого столь же многочисленного, с которым оно соединилось от неусмотрения пастухов. В таком случае нет другого средства разъединить стада, как, загнав их в круг, перевязать ноги всем оленям одного хозяина, которые тогда поневоле остаются на месте, а стадо другого хозяина угнать. При многочисленных стадах занятие это может длиться целые сутки и даже более [Там же, с. 288].

В этих пустынях блуждало несколько диких северных оленей, которые, не боясь здесь никаких преследований, преспокойно паслись на берегах ручьев; в настоящее время горные пропасти представляют единственные убежища, в которых северные олени могут еще встречаться в диком состоянии; на равнинах же Большеземельной тундры они попадаются только ручными, т. е. в стадах [Там же, с. 303].

Охота

Теперь нам вместо деревьев попадалось множество диких гусей, из которых некоторые, находясь уже в периоде линяния, лишились правильных перьев и потому не могли летать. <…>

Охота за этими гусями есть, может быть, самая занимательная из всех известных нам охот; она производится по Колве и некоторым другим маленьким рекам и продолжается обыкновенно с 1 до 20 июля, т. е. во весь период линяния гусей. По большей части ею занимаются зыряне и самоеды, живущие близ реки Колвы, и хотя влечет сюда и отдаленных жителей, однако же добыча всегда достается только весьма немногим. Охоту эту мне описывали несколько раз, и потому я передаю читателям слышанное мною слово в слово.

Три или четыре охотника, в сопровождении собак, садятся на одну или две лодки и подымаются вверх по реке до самого устья ее, где занятие начинается. Гуси во время линяния, чтобы легче отыскивать себе пищу, со всех окрестностей выбираются к близлежащей реке, где они, на краю берега, образуют небольшие группы, из которых каждая состоит из 5–12 штук; при виде же людей они быстро взбираются на высоту берега или уходят в воду. Охотничья лодка, в которой остается один или два человека, медленно подвигается вниз по реке, между тем как остальные охотники, находясь вместе с собаками по обоим берегам в небольшом расстоянии от лодки, загоняют всех встречающихся им на пути гусей в воду; тогда эти последние, полагая, что они уже вне опасности, спокойно плывут вперед; между тем стая беспрестанно увеличивается и держится все одного направления — вниз по реке, потому что сзади плывет лодка, а по берегам находятся охотники, неусыпно занимающиеся своим делом, и собаки, бдительно следящие за каждым движением гусей. Если охотникам на пути встретится побочная река, на которой также можно ожидать добычи, то и по ней спускается лодка с одним или двумя охотниками и несколькими собаками, которые весьма хорошо дрессированы и вообще оказывают большую услугу в этой охоте; другие же охотники, оставшиеся на берегу, опять-таки загоняют всех находящихся около берега гусей в реку, так что вся стая, образовавшаяся на этой побочной реке, приближается постепенно к устью ее и здесь уже с криком присоединяется к стае, плывущей по главной реке. Таким образом занятие продолжается при постепенно увеличивающейся стае гусей, беззаботно плывущих вперед. Но так как гуси от продолжительного плавания могут устать, а следовательно, сделаться тощими, то для этого придумано на определенных станциях давать им и отдых, и пищу; опытные охотники знакомы с приспособленными для этой цели низменными травянистыми берегами, находящимися в известном расстоянии друг от друга; не доезжая несколько этих станций, преследования прекращаются, и гуси, не видя более ни лодки, ни охотников, ни собак, выходят на определенный берег и, мучимые голодом и усталостию, вбирают в себя пищу, после чего все вместе предаются покою. Обыкновенно приноравливают так, чтобы подобные отдыхи приходились к ночи, потому что измучившимся в продолжение дня охотникам также нужен покой. Рано утром гусей снова загоняют в воду, и бедные животные, видя те же преследования, какие были накануне, в том же порядке пускаются вплавь вниз по реке, пока им вечером опять не дадут отдохнуть; само собою разумеется, что с каждым новым ночлегом гуси значительно увеличиваются в своем числе. Таким образом, охота эта продолжается несколько дней сряду; наконец охотники, видя, что устье реки уже близко и что нет большей надежды на увеличение стаи, приступают к ловле своих жертв. Для этой цели еще до начатия охоты выбирают удобное место, т. е. такое, где берег образует перпендикулярный скат, от подошвы которого непосредственно тянется низменная плоская часть берегового края, так, чтобы гуси, выходя из воды на этот низменный край, не могли бы взобраться на высоту берега, где они очень легко могут рассеяться и уничтожить все труды. Один из участников охоты, с намерением оставленный в этом месте, занимается на показанном берегу приготовлением засады для загоняемых сюда гусей. Засада эта делается следующим образом. На низменном краю берега вбивается несколько кольев, которые, будучи обтянуты сетями, образуют довольно просторный круг, называемый чумом и служащий для вмещения пойманных гусей. Этот чум открыт только сверху, но кроме того, на высоте двух или трех футов от земли есть еще одно отверстие, называемое дверью и обращенное к источнику реки. К отверстию этому ведет несколько наклонно положенных досок, засыпанных землею и клочками травы, дабы придать следу более естественный вид. Вдоль отверстия, по которому ведет этот искусственный путь, настилаются гибкие ивовые прутья, подающиеся при малейшем давлении внутрь чума. Два сетчатые крыла, натянутые поперек берега, с одной стороны соединяют чум с высоким береговым скатом, а с другой тянутся на некоторое пространство поперек реки. Приготовив таким образом засаду, оставшийся здесь охотник поджидает загоняемых гусей, приближение которых он слышит уже издалека, потому что они всегда плывут с криком, и лишь только завидев их, тотчас спускается несколько ниже того места, где приготовлена засада, и, скрываясь так, чтобы его самого не было видно, осторожно высовывает свою руку и уже издали грозит им длинной хворостиной, как бы предостерегая их плыть по этому направлению. Трусливая стая, видя перед собою угрожающую хворостину, а сзади лодку и собак, не может плыть ни взад ни вперед, значит, ей остается один путь — выйти на какой-нибудь берег; но так как на одном из них ее неутомимо преследуют собаки и охотники, то они невольно должны избрать другой, т. е. тот, на котором приготовлена засада. Здесь же она, с одной стороны, не может взобраться на высокую крутизну берега, а с другой — не дерзает опять пуститься в воду, где охотничья лодка с собаками напирает на нее более и более, и ей не остается другого спасения, как идти вдоль низменного берега; но так как здесь путь ей совершенно заграждается сетями, то она с пронзительным криком теснится к засаде. При этом некоторые гуси уже вследствие сильного напора непременно направят путь свой к двери, где, вступая на гибкие ивовые прутья, тяжестию своею заставляют их податься и таким образом Друг за другом падают в чум. Примеру первых гусей следует уже вся стая, которая потому подвергается той же участи, хотя, конечно, некоторые при этом спасаются другими путями. После того охотникам ничего более не остается делать, как свернуть пойманным гусям шеи; но при этом занятии охотники лишаются некоторых гусей самым странным образом: притворяясь на время мертвыми, они ускользают [от] внимания охотников и потом при случае задают тягу. Число гусей, попадающих в чум, при счастливой охоте простирается от 1500 до 2000 штук. Надо, однако же, заметить, что охота эта требует знания местности, навыка и в особенности осторожности, без которой могут пропасть все труды, потому что стая, чуть неосторожно преследуемая, рассеивается по всем направлениям [Шренк, 2009, с. 192–196].

Собаководство

Самоедская собака, которую взяли с собой мои люди, оказывала нам при этом большие услуги; вообще эти животные так хорошо приучены к охоте, что они сами отыскивают по берегам притаившихся гусей, преследуют их, загрызают и оставляют на месте, чтобы пуститься в погоню за другими бегущими гусями; значит, охотнику остается только наблюдать за собакой, следовать по стопам ее и подбирать добычу, оставляемую ею.

Впрочем, охота [на гусей] может быть производима и без помощи собаки: охотник сам преследует гусей и убивает их дубинами, причем добычи, конечно, бывает гораздо меньше. Я невольно удивлялся терпению моих людей во время самой охоты: увлеченные непреодолимою страстью, они, как сумасшедшие, блуждали по равнинам [Там же, с. 201–202].

Они встречают самых жестоких врагов в собаках, которые, почуя вблизи пеструшечью нору, немедленно отрывают ее и загрызают всех находящихся в ней животных; впрочем, они не пожирают их, потому что они у хозяев своих всегда имеют достаточное количество пищи [Там же, с. 228–229].

Пища (запасание, приготовление, потребление)

Морошка, которая нам попадалась здесь во множестве и которую так охотно едят номады, особливо зыряне, — потому что самоеды не находят особенного вкуса в растительной пище [Там же, с. 355].

Сегодня вечером я имел случай присутствовать при пирушке самоедов, для которой был приведен северный олень. Один из самоедов преспокойно повалил свою жертву наземь, хватил ее спинкою топора два раза в лоб и, пронзив ее ножом в самое сердце, убил ее в одно мгновение без малейшей потери крови. После того и другие самоеды окружили убитое животное, содрали с него шкуру и, разрезав ему брюхо, вынули оттуда все кишки, которые были брошены как вещи ненужные; затем была перерезана большая артерия, отчего брюшная полость вся наполнилась кровью. Когда эта операция кончилась, самоеды с жадностью присоседились к приготовленному ими блюду; каждый отрезывал себе кусок теплого еще мяса и жиру, причем всякий старался отыскать себе печенку и почки как особенно вкусные части, обмакивая отрезанный себе кусок в кровь и стиснув его зубами, искусно перерезывал его коротеньким ножом (который каждый самоед носит при себе) около самых губ и пожирал с большим аппетитом. Жен не было за этой пирушкой, а была одна маленькая девочка, которая, впрочем, также не отставала от других самоедов: она отломила себе кончики рогов, которые в это время мягки, как хрящ, и, опалив предварительно находившиеся на нем волоски, начала глотать их с жадностию. По окончании трапезы, когда, как это всякий себе может представить, остались одни кости, появилось нечто вроде общественной салфетки, представлявшей клубок из тонко обструганного дерева; этой-то салфеткой каждый обтирал себе кровь, которая текла по подбородку и по рукам, передавая ее потом своему соседу; обошед таким образом всю честную компанию, салфетка была брошена в угол палатки, где она должна покоиться до следующей пирушки [Шренк, 2009, с. 213–214].

Около огня стояла заботливая хозяйка, которая, держа в руках дочиста обгложенный череп молодого оленя, по временам совала рога его в огонь, чтобы опалить находившиеся на них волосы; после того она начала отскабливать приставший к ним уголь и по окончании этой операции бросила приготовленный таким образом череп двум краснощеким мальчуганам, которые, будучи укутаны в маленькие малицы и сидя позади своей родной матушки, терпеливо ожидали ужина. Они с жадностию бросились на череп, и каждый из них, схватив по одному рогу, начал грызть его с большим напряжением; однако же зубы их не могли разгрызть твердой кожицы, а потому мать, заметив тщетные усилия детей, отняла у них череп и сделала продольный разрез на каждом роге, отчего плотно прилегающая к нему кожа отстала сама собою и представила два длинных рубца. Конец одного из них мать дала в зубы младшему дитяти и, натянув рубец, отрезала от него кусок около самых губ ребенка; этот последний вынул отрезанный кусок изо рта и положил его в руку, между тем как мать дала ему в зубы следующий конец. Операция эта продолжалась до тех пор, пока не был изрезан весь рубец, и малютка, собрав все кусочки его, начал поедать их с большим аппетитом. Точно так же был удовлетворен и другой ребенок.

В пищу самоеды употребляют большею частию оленье мясо, которое они всего охотнее едят в сыром виде, обмакивая отрезанные куски его в кровь или запивая каждый кусок теплою кровью, как мы это уже имели случай сообщить читателю. Остающееся после такой трапезы мясо впоследствии съедается вареное, а иногда оно сперва коптится на огне, а потом уже варится. Во время господствующих между оленями болезней, когда большее число животных падает, нежели сколько может быть употреблено, мясо зарывают в мерзлую землю, где оно, как в погребе, сохраняется для постепенного употребления; изредка делаются также запасы сушеного и соленого мяса. В странах, имеющих большой недостаток в горючем материале, а именно около Югрского пролива, в Карачейской Земле, на Вайгаче и на полуострове Ялмале, почти всегда едят сырую пищу, какого бы рода она ни была; едва один раз в неделю здесь можно видеть стряпню на огне, который разводится оленьими волосами и особенным родом черного ягеля *(Evernia divergens Fr.).* Бедные самоеды, особливо те, которые не имеют оленей, поселяются около озер и заливов, где они главнейшим образом питаются рыбою, которая идет в пищу сырая, вареная и только изредка соленая. Летом, в продолжение 6 недель, линяющие дикие гуси составляют почти исключительную пищу всего народонаселения тундры. Оленья кровь, которая не употребляется в сыром виде, выливается на кипящее в котле мясо или смешивается с мукой, отчего получается довольно вкусная и питательная похлебка. Самоеды не отказываются и от рогов, пока эти последние имеют хрящеватую конструкцию, но потом, когда рога превратились уже в костяную массу, они едят только покрывающую их тонкую и нежную кожицу, причем, как мы видели, предварительно обжигают находящиеся на ней волосы. Наконец, самые бедные употребляют даже кости убитого оленя, из которых они варят себе похлебку.

Самоеды охотно едят мясо медведя несмотря на то, что они питают к этому животному какую-то таинственную боязнь; впрочем, женщины, как существа нечистые, не смеют вкушать мясо этого священного животного. За неимением другого мяса самоеды нередко едят мясо собаки, песца, тюленя или другого нечистого животного, не чувствуя при этом никакого отвращения. Мы уже имели случай заметить, что сыны северных тундр употребляют в пищу даже мясо палых и хищными зверями растерзанных оленей; остается только прибавить, что это обыкновение не только в частных случаях, но даже при повальных болезнях между северными оленями бывает причиною одновременного явления эпидемии между самоедами, питающимися дохлой скотиной. В выборе пищи самоеды не знают никакого отвращения: в Малой Земле мне удалось однажды видеть, как самоед холостил одного беспокойного оленя и при этом с аппетитом проглотил половину вырезанной части полового органа, а другую отдал своему товарищу, который не замедлил последовать его примеру. Зимой, когда самоеды кочуют около Архангельска, они охотно раскидывают свои палатки близ бойни, чтобы иметь возможность пользоваться кишками и другими негодными частями заколотых животных. Также мне случалось видеть, как они наполняли кровью желудок заколотого оленя, в котором находилась непереварившаяся жидкая кашица зеленого цвета, похожая на помет животного, подвергали смесь эту влиянию мороза и, разрубив ее на кусочки, по мере надобности опускали в котел, где варилось кушанье. Другие оставляют эту смесь коптиться на огне в продолжение восьми дней, прибавляют к ней потом несколько муки и, наконец, варят. Если заметить самоеду нечистоту этой пищи, то он пренаивно отвечает, что «олень ведь ничего больше не ел, кроме чистого ягеля», и он в этом отношении совершенно прав, потому что чем, например, кал кулика, употребляемый европейскими гастрономами, чище помета гиперборейского оленя?.. *Suum cuique.* Из этого можно заключить, сколько есть других отношений, в которых утонченный вкус расточительного европейца, отстраняя всякое предубеждение, снова возвращается к первобытной трапезе грубого питомца природы. *Les extremes se touchent.*

Из растительной пищи самоеды употребляют почти только муку, которую они иногда закупают в русских городах и местечках и которая идет в приправу или реже на пресные хлебы, сберегаемые большею частию для русских гостей; гораздо реже они употребляют масло и молоко от русских коров (потому что самоеды не доят своих оленей), и статьи эти появляются на столе только по какому-нибудь особенному случаю и притом у тех только самоедов, которые кочуют близ русских селений; но тогда уже подаются и другие предметы роскоши, также русские произведения, как то: пряники, кедровые орехи и т. д., не говоря уже о чае и водке, без которых не может обойтись ни одно торжество. Употребления грибов, этого лакомого блюда архангельских русских, самоеды вовсе не знают; они иногда примешивают к хлебу *Allium sckcenoprasum,* чтобы придать ему пряный вкус. Из *Arctostaphylos alpina* (по-самоедски малогоде) при случае варится жидкая кашица, которую самоеды едят довольно охотно; кроме того, тундры производят еще следующие снедомые плоды: водяницу *(Empetrum nigrum,* по-самоедски *тосале),* бруснику *(Vaccinitum vitis idaea,* у самоедов *иензидей),* голубица *(Vacc. uliginosum,* по-самоедски *лизирте)* и преимущественно морошку *(Rubus chamaemorus,* по-самоедски *марагга).* Впрочем, самоеды не очень большие охотники до всех этих плодов [Шренк, 2009, с. 361–364].

Гигиена и болезни

…Меховое платье их, надеваемое на голое тело, всегда бывает наполнено бесчисленным множеством насекомых, от которых не может уберечься ни один путешественник, ночующий у них в палатке [Там же, с. 325].

Главный хозяин этих палаток, зажиточный самоед, находился в жалком состоянии, потому что застарелая сифилитическая болезнь совершенно изнурила его… Это был уже третий самоед, которого я видел здесь в этой болезни… и самоеды уверяют, что болезнь эта у них вовсе не заразительна, даже во время соития, а что ее распространяют между ними русские из Пустозерска и Обдорска. Известно, что на севере болезнь эта или прямо начинается вторичною степенью, без поражения половых частей, или сперва обнаруживается на половых органах и потом, вследствие малейшей простуды, тотчас же переходит во второй период. Она называется здесь *вавоко Меро,* т. е. злокачественной чесоткой, и вообще редко появляется в архангельских тундрах; других болезней, одолевающих самоедов, также немного. Натуральная оспа появляется у них довольно часто и, подобно обыкновенной чесотке и всем другим накожным болезням, называется у них меро; сюда же относится и детская корь, которая, впрочем, как мне кажется, здесь вовсе не бывает. Кашель у самоедов называется *хо* или *хбдамби* и есть болезнь весьма обыкновенная в тундрах, точно так, как и простудные ревматизмы, под которыми разумеют лом в членах и в костях. Цинготная болезнь бывает здесь довольно редко и поражает большею частию тех, которые при сырой и холодной погоде охотятся на озерах за гусями. Средства, употребляемые против этой болезни с большим успехом и известные уже всем самоедам, суть: ложечная трава *(Cochlea-rid),* морошка, как некоторые утверждают, и в особенности свежая, еще не остывшая кровь северного оленя. Самоеды называют эту болезнь *сигга,* откуда бесспорно произошло русское название «цинга», потому что русские познакомились с этою болезнью только здесь, во время посещения ими берегов Ледовитого моря, а это нам служит новым доказательством, что знакомство с народами, обитающими морские берега, предшествовало охоте за морскими животными. Наконец, самая обыкновенная у самоедов болезнь состоит в воспалении глазных век, которым в особенности часто страждут старые люди и которое у них принимает хронический характер, между тем как у других оно обыкновенно обнаруживается только в виде острой болезни. В исходе весны, после того как глаз в продолжение всей зимы подвергался действию сильного блеска снега и едкого дыму от огня, разводимого в палатках, болезнь эта часто является в виде эпидемии, но продолжается обыкновенно очень недолго. Кроме этих болезней, самоеды, вероятно, знают еще очень немногие, потому что в языке их не имеется названий даже для самых обыкновенных наших болезней, как, например, лихорадки, горячки и т. д.; а может быть, это происходит и оттого, что они не умеют различать их. У отдельных лиц, особливо у женщин, бывает особенная болезненная раздражительность нервов, род истерических припадков, которые обнаруживаются пугливостию, доходящею до бешенства, как это описал уже Паллас, говоря о сибирских самоедах. Впрочем, во время путешествия нашего по тундрам мы не встречали других больных, кроме упомянутых самоедов, страдавших сифилисом, и некоторых стариков с хроническим воспалением глазных век. Это доказывает, что простой образ жизни, какую ведет питомец природы, не знает всех тех разнородных болезней, которые большею частию суть следствия противных природе обычаев [Шренк, 2009, с. 366–368].

А. Регули. Перевод письма к… Академику П. И. Кеппену, от 21 Января 1847 года

…Начиная от истоков южной Сосвы и до вод Сыгвы[1], я обозначил также шатры оленных кочевых народов, и показал имена их владельцев, каждого в том округе, в котором он кочует в продолжении лета… От вод Сыгвы, далее к северу, такие указания не нужны, потому что там нет такого недостатка в населении. Вообще о населении можно сказать, что оно становится тем значительнее, чем далее проникаем на север. <…>

О границах скотоводства. Разведение лошадей неболее сорока лет тому назад стало распространяться между остяками от Самарова, на устье Иртыша, вниз по Оби, и простирается в настоящее время уже до деревни Кушеватской, следовательно более нежели 600 верст от Самарова.

<…> Прежде все торговые сношения Березова с Самаровым производились на собаках… Причиною столь быстрых успехов в разведении лошадей, а вместе с тем и рогатого скота (и именно коров), служат частые сношения, установившиеся в этих местах в последние 40 лет. Прежде, для огромного количества рыбы, налавливаемой ежегодно, не знали лучшего употребления, как кормить собак, и не редко при одном хозяйстве было до 20 этих животных, большая часть которых употреблялась для извоза. Но потом, когда русские рыбаки стали спускаться на дощаниках своих к устью Оби, избыток рыбы, закупаемый русскими весьма охотно, получил немаловажную цену, и тогда остяки нашли более выгодным не только уменьшить число собак, но даже постепенно вовсе заменили их животными травоядными, которых прокормить несравненно легче. Таким образом, на Оби, где богатство трав на берегах и островах ее устраняет всякие затруднения к прокормлению лошадей, стали заниматься разведением этих животных, между тем как в местах, лежащих ближе к [Северной] Сосьве и Сыгве, разведение оленей сделалось занятием всеобщим, так что разве самый бедный из тамошних жителей имеет по крайней мере двух оленей, которых во время зимы он употребляет для езды, а летом вверяет попечению пастухов, пасущих их на горах.

<…> Только при истоках малой Сосьвы есть еще несколько юрт, где нет ни оленей, ни рогатого скота, и где собаки остаются единственным животным, употребляемым для езды. Но таких юрт всего только три [Перевод письма … , с. 161].

М. А. Кастрен. Путешествие в Сибирь. 1845–1849 гг.

Небольшой запас муки и сушеной рыбы вышел прежде времени, и часто приходилось им питаться мясом волков и других хищных зверей [Кастрен, 1999б, с. 152].

В северной части Енисейского округа рыболовство — главный промысел. К северу от города Енисейска земледелием занимаются весьма мало. Во всей Анциферовской волости, которая простирается от устья Кеми на юге до Низеровского зимовья на севере, т. е. верст на 600 в длину, распахивается никак не более 1000 десятин. К северу от Назимовой рожь уже не сеется, и Ворогова — последняя деревня, в которой сеют ячмень. Разведение картофеля простирается до Имбатска, репа же, редька и капуста родятся даже и в Туруханске. Главным препятствием для успехов земледелия, кроме суровости климата, полагается бесплодие земли по правой стороне Енисея и низменное, подверженное наводнениям положение левой стороны. Кроме того, говорят, что левая сторона болотиста и во многих местах совершенно бесплодна, так что селянину часто приходится сеять хлеб в 40 или 60 верстах от берега реки [Там же, с. 154].

За исключением некоторых тунгусских семейств, главный промысел всех туземцев, посещающих в летнее время Туруханскую и другие ярмарки по Енисею, — рыболовство, хотя отчасти они занимаются также и звероловством, и скотоводством. Они — остяки и самоеды, но обыкновенно называются все остяками. Оба эти народа живут преимущественно по левой стороне Енисея, потому что благодаря тихому течению и судоходности рек ее она для рыболовства гораздо удобнее правой, реки которой быстры, мелководны и почти совершенно не судоходны. Но зато правая, гористая, сторона богаче соболями, лисицами, дикими оленями и проч. и потому занята по преимуществу тунгусами, главный промысел которых — звероловство. Самоедские же племена, занимающиеся оленеводством, кочуют вместе с некоторыми из тунгусских и якутских племен по обильным мхом тундрам берегов Ледовитого моря.

В экономическом отношении из трех названных народов наибольшим благосостоянием пользуются самоеды-оленеводы. За ними следуют тунгусы-звероловы, хуже всех живут так называемые остяки. Нищета их произошла, вероятно, от того, что они жили в близком соседстве с колонистами, которые, конечно, не упускали случая пользоваться их простотой и добросердечием. Но это соседство было, однако ж, тем полезно, что благодаря ему остяки далеко опередили в образовании как тунгусов, так и самоедское население тундры.

[1] Сыгва — сегодня река называется Ляпин, является левым притоком реки Северной Сосьвы (бассейн реки Оби).

Как вообще все рыболовы, енисейские остяки-самоеды страшно неопрятны, вялы и ленивы, отличаются, однако ж, от прочих туземцев более кроткими нравами.

На правой стороне Енисея остяки-самоеды встречаются только по Курейке, по Нижней Тунгуске и по некоторым меньшим речкам. На левой же стороне они рассеяны по Туруханy, Баихе, Елогую, Дубчесу, Сыму, Тазу и по множеству их притоков. За исключением тазовских и баихинских, почти все остальные остяцкие и самоедские племена занимаются рыболовством вдоль левого берега Енисея от начала лета до августа, в августе же — в поименованных притоках его.

Юраки, хантайские, каразинские и подгорные енисейские самоеды, авамские и хатангские самоеды [Кастрен, 1999б, с. 160–161].

С 20 июля (2 авг.), а по русскому счислению с Ильина дня… Туземцы, занимающиеся в течение лета рыболовством в Енисее, возвращаются в леса или на тундры… [Там же, с. 162].

Мы целое лето жили на тундрах, ловили рыбу, диких оленей, лисиц и пр., а так как теперь настала зима и мы не можем переносить страшного холода на морском берегу, то и идем в лес, который защитит по крайней мере от вьюг и метелей. Наши летние юрты мы разбиваем, — продолжал князь, — на Пясинских тундрах, по реке Туре, а зимой живем поблизости Лузина зимовья, куда относим и наши подати. Нас три рода, или орды: хантайская (Самату), карасинская (Мунганжи или Могаджи) и приписанная к городу, или подгородная (Баи). Из этих родов Пясинские тундры посещаются в значительном числе только карасинскими самоедами. Вся орда Баи и большая часть хантайских самоедов — рыбаки, живущие и лето, и зиму по Енисею [Там же, с. 166–167].

Толстый Нос был поворотным пунктом моего путешествия к северу вдоль берегов Енисея. Дальше мне незачем было ехать, потому что там в зимнее время не встретишь уже ни одного туземца, попадаются только кое-где поселенцы. Даже близ самого Толстого Носа из туземцев, или так называемых здесь азиатов, живет только один юракский род, называющий себя Ламбай и известный у русских под именем береговых юраков.

Русское название, принятое и в науке, основано на том, что юраки в течение лета занимаются рыболовством *по берегам* Енисея. Осенью, по общему обычаю самоедов, они кочуют по тундрам и ловят песцов, диких оленей и др., а зимой живут по Хети и Соленой под защитой редкого лиственного леса, который еще растет по этим рекам [Там же, с. 187–188].

…Скорбут свирепствует по всей Северной Сибири повально. Русские и туземцы предохраняют себя от него употреблением сырой рыбы [Там же, с. 185].

Лошадей к северу от Туруханска нет, коров я также не видал уже несколько месяцев, а об овцах и говорить нечего: они нигде не уживаются с упряжными собаками. Коснувшись домашних животных, я должен еще упомянуть, что петух кричит здесь, в Дунинке, довольно прилежно, но есть ли при нем куры — этого я не знаю. Вот все, что на этот раз могу сообщить по статистической части [Там же, с. 187].

М. А. Кастрен. Путешествия Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири в 1845–1849 гг.

По образу жизни обдорские остяки распадаются на два рода: на рыбаков и оленеводов. Первые держатся по рекам, преимущественно по Оби и Нарыму, последние кочуют, по крайней мере некоторую часть года, по тундрам и находятся тут в постоянных сношениях с самоедами. Число остяков, занимающихся оленеводством, сравнительно весьма невелико и уменьшается ежегодно вследствие смешения с многочисленным самоедским племенем. Влияние последнего так сильно, что остяки-оленеводы не только усвоили уже себе религию, нравы и образ жизни своих соседей, но даже и на языке их говорят свободнее, чем на родном. Поэтому желающий изучить особенности остяцкого быта должен обратиться к остякам-рыболовам. Но и эти живут не одинаким образом: одни занимаются только рыболовством, другие — и рыболовством, и оленеводством. Последние должны, по крайней мере летом, разделяться по этим двум хозяйствам: одни остаются близ рек, другие же следуют за оленями в их странствованиях. Инстинкт северного оленя влечет его в теплое время года к морским берегам, потому что по густой своей шерсти он нуждается в прохладнейшей атмосфере, да сверх того и менее здесь страждет от комаров, убийственных для него во время линяния. Кочуя с своими оленями по берегу Ледовитого моря, остяк, подобно русским и самоедам, ловит рыбу, бьет тюленей, моржей, белых медведей и т. д. Но до самого моря из остяков доходят весьма немногие. Большая часть их останавливается летом на самых северных тундрах, и как только воздух сделается попрохладнее и комары пропадут, они отправляются на ловлю лисиц в лесные местности, на восток от Урала. С первыми предвестниками зимы и кочующие по морским берегам остяки, и самоеды переходят также в леса и преимущественно

для защищения себя и своих стад от ужасных бурь. Эти переходы совершаются очень спокойно, в день уходят очень немного, днюют по суткам и даже по двое и прилежно занимаются звероловством. Каждый род идет, не расходясь слишком, предводительствуемый князем или старшиной.

<…> С ярмарки туземцы уходят опять в леса и продолжают заниматься звероловством всю зиму. Самоеды и остяки, занимающиеся исключительно одним только оленеводством, отправляются к морским берегам ранней весной; те же, которые оставляют часть своего семейства на берегах рек, не спешат, потому что не доходят до отдаленных морских берегов. Во время пребывания в лесах они живут в постоянных жилищах, так называемых юртах, которых у самоедов и постоянно кочующих остяков не бывает.

Понятно, что остяки, живущие ежегодно подолгу на одних и тех же местах, не могут держать больших оленьих стад, ибо последние требуют обширных пастбищ и перемены мест. Впрочем, как ни малы эти стада, они почитаются большим богатством, ибо северный олень не только доставляет остяку пищу и одежду, но и необходим для звероловческих и других разъездов. Остяки, не имеющие оленей, ездят на собаках, которые, не доставляя хозяину пищи, обходятся ему дороже оленя и к тому же невыгодны для перевоза тяжестей. Для этих остяков рыболовство почти единственное средство существования. Почти повсеместный в полярных странах факт, что племена, занимающиеся исключительно рыболовством, не достигают благосостояния, но живут обыкновенно в большой бедности, нередко соединяющейся с леностью, пьянством и нравственной порчей.

Существеннейшую потребность, без которой, по крайней мере в настоящее время, остяк не может уже обойтись, составляет хлеб, привозимый купцами [Кастрен, 1999а, с. 226–228].

Неопрятство, в котором обвиняет их Паллас, — свойство всех рыболовных народов, оно не меньшее и на норвежских берегах. Многие занятия рыболова нечистоплотны сами по себе: на промыслах он живет во временном тесном жилище, в котором негде даже поместить и всех изорванных, полусопревших одежд, без которых не может обойтись в своем многотрудном занятии. Дым увеличивает еще более нечистоту внутри, а снаружи скопляются внутренности выпотрошенных рыб, не только отвратительные на взгляд, но и заражающие воздух своим гниением. Рыбак часто работает без отдыха дни и ночи, где ж тут время заботиться и о чистоте своего тела, не только что о чистоте жилища, и неопрятность мало-помалу переходит в привычку. Но врожденною назвать ее нельзя, ибо ею отличаются только рыбаки, но не кочевые оленеводы. К преимуществам кочевой жизни в полярных странах принадлежит и то, что она не сопряжена ни с каким неопрятным занятием. Беспрестанные переходы с одного места на другое имеют, между прочим, ту выгоду, что не дают завестись большой грязи ни внутри, ни вне жилья [Там же, с. 231].

Э. К. Гофман. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. Исследования экспедиции Русского географического общества в 1847, 1848 и 1850 гг.

1847 г.

[15 сентября]

<…> К обеду прибыли на берег Сукер-Я, напротив большой остяцкой деревни Ляпины. <…>

Обитатели деревни не воротились еще с летней рыбной ловли по Оби или на море, а оленные пастухи также [Гофман, 1856, с. 104].

[19 сентября]

На эту пору охота ловушками на все роды тетеревей была в полном ходу и шла очень успешно, как это мы могли заключить по множеству дичи, виденной нами в каждой избе [Там же, с. 108].

1848 г.

[8 июня]

Берега Оби или, лучше сказать западного рукава, по которому мы плыли вниз, плоски и болотисты; местами совершенно безлесны, местами покрыты молодыми ивами, между которыми в большом отдалении одна от другой стоят остяцкие деревушки, или просто отдельные рыбачьи шалаши, к которым рыбаки, проводящие зиму в отдаленных деревнях, начинали уже возвращаться [Там же, с. 123].

В раннюю пору года они [ненцы] переселяются на ближайшую к морю тундру, потому что дующий на равнину морской ветер разгоняет комаров и не позволяет жару усиливаться, но зимуют они в местах лесистых, и только по временам выезжают оттуда в тундру, чтобы наведаться к своим западням. <…>

<…> Ребенок у Самоедов после рождения постоянно завертывается в пеленки из волосистой шкуры молодого оленя. Таких меховых пеленок держат обыкновенно только две, из которых попеременно одну употребляют, а другую просушивают. Ребенок очищается и обсушивается только кое-как; его никогда не моют;

о купании уже и не говорю. Лежа в грязи и преданный в жертву насекомым, которые заводятся в оленьей шкуре, исхудалый и больной, он представляет жалкое зрелище, и большая часть детей умирает в первом году от недостатка присмотра. <…>

<…> Дети Самоедов обжорливы, как молодые утки; я никогда не видел самоедского ребенка сытым. В последнее мое путешествие в 1850 году, в сопровождавшем меня самоедском семействе был четырехлетний мальчик. Люди мои, забавляясь его аппетитом, отделяли на его долю страшные куски хлеба и мяса. Он никогда не оставлял после себя ничего, напротив жрал так усердно, что, стоя позади него, можно было видеть выдувшийся на обе стороны его живот [Гофман, 1856, с. 143–144].

1850 г.

<…> По воспоминаниям о прежних своих кочевьях на берегах Оби, они [ханты] склонны к рыболовству, которым они преимущественно занимаются. Для этого они из своих юрт, построенных по берегам горных речек, спускаются до Оби и далее до самого моря, и только не задолго до наступления зимы возвращаются в свои хижины, которые остаются пустыми в продолжении всего лета.

<…> Другое их главное и любимое занятие, разведение оленей, переняли они [ханты] вероятно от Самоедов, с которыми они с давних времен находились в частых соотношениях. Оленные пастухи на лето уходят в горы или не северную тундру, где и предаются dolce far niente. <…>

<…> При такой деятельности, Остяки нередко достигают значительного благосостояния. Мы встречали даже таких, которые имели стада оленей в 5 и до 8 тысяч голов.

<…> В дурную погоду — и это бывает нередко — Самоед остается спокойно в своем чуме, не заботясь о предоставленном собственному произволу стаду. Поэтому часто на оленей нападают волки и разгоняют их во все стороны. Таким образом многие олени погибают или перебегают в другие стада, где их тот час убивают и съедают [Там же, с. 205–206].

Н. А. Абрамов. Описание Березового края. 1857 г.

Хлебы они [остяки] употребляют гораздо менее русских: делают из муки раствор и пекут в чувалах, в золе, пресныя тонкия лепешки, варят «салым», жидкую похлебку из ржаной муки, которую заправляют рыбьим жиром [Абрамов, 1857, с. 333].

Хлеба самоеды очень мало употребляют, но питаются рыбою и оленьим мясом. Время, в которое убивают оленя, для семейства самоеда, равно как и для остяка, составляет как бы праздник [Там же, с. 353].

Обдорская волость. Все неизмеренное пространство этой волости лежит по течению реки Оби, начиная от Аспухольских юрт (выше 150 верст Обдорска) вниз до самаго Ледовитаго моря… Эта полоса состоит из каменистых и тундряных мест, которыя доставляют хорошия пастбища для оленей. Здешний мелкий лес изобилует зверями: лисицами, песцами, волками, розсомахами, горностаями, белками и дикими оленями… Жители здешней волости занимаются ловлею пушных зверей, равно и морских моржей и тюленей и добыванием из морских и речных берегов мамонтовой кости. Летом промышляют рыбу, как для собственного продовольствия, так и на продажу русским судовщикам. Великое множество перелетных птиц доставляет жителям пищу, а пух, и перо немаловажную отрасль торговли. Содержание оленей составляет главный элемент их хозяйства. <…>

Куноватская волость. Она занимает гораздо меньшее пространство, чем Обдорская, от города Березова вниз по течению реки Оби и впадающими в нее речками Сынь и Куновату… Эта полоса покрыта, большею частию, болотами и тундрами; лес кедровый, сосновый и еловый, в котором водятся пушные звери, какие и в Обдорской волости, кроме того, что здесь появляются и соболи… Инородцы этой волости занимаются звериною, рыбною и птичьею ловлями, и промышленность их посредственна. Главный предмет их хозяйства — содержание оленей, коих считается в Обдорском отделении до 125 000 голов [Там же, с. 388–391].

Подгорная. Начинаясь от Березова, волость эта простирается по Вогулке на 150-верстное расстояние… Угодья состоят в лесе, где водятся, не в большом количестве, разные звери. Есть сенокосные луга. Рыбопромышленныя места скудны и потому промышленность в самом посредственном состоянии. <…>

Казымская. Неизмеренное пространство, занимаемое Казымской волостью, лежит самою большею частию при реке Оби, а более по Казыму и впадающим в нее речками… Эта очень обширная полоса земли покрыта, большею частию, тундрою, на которой пасутся стада оленей; в лесах водятся лисицы, волки, розсомахи, белки, горностаи, медведи, в реках выдры и, редко, бобры… Промышленность жителей: собирание ягоды брусники, кедровых орехов, ловля птицы, рыбы и, преимущественно, зверей. Содержание многочисленных стад оленей составляет главнейшую заботливость и богатство казымских обывателей…

Сосвинская. Очень обширная и неизмеренная полоса, занимаемая Сосвинской волостью, простирается по течению рек Сосвы и Тапсуя, на юго-запад от города Березова… Здешние урманы изобилуют лисицами, соболями, горностаями, белками, медведями, дикими оленями и лосями. Тундры способствуют содержанию оленей… Главнейшее занятие здешних обитателей ловля пушных зверей и диких оленей и лосей. Содержание оленей составляет немаловажную отрасль хозяйства…

Ляпинская. Инородцы Ляпинской волости кочуют по рекам Сыгве (Ляпину), Щокурьей и другим речкам, впадающим в Сосву с левой стороны… Урманы питают пушных зверей; тундры дают корм оленям. Рыболовныя места скудны… Ловля рыбы и птицы для продовольствия составляет обыкновенное занятие жителей Ляпинской волости; но самая главная их промышленность звероловство и содержание оленей, коих многочисленныя стада пасутся по тундрам [Абрамов, 1857, с. 395–397].

При покорении Сибири лошадей в Березовском крае вовсе не было, но езда отправлялась на оленях и собаках. С водворением русских постепенно вводилось и содержание лошадей, особенно с того времени, когда переселены в Березовский край крестьяне из внутренних русских губерний, под именем ямщиков. Впоследствии лошади разведены до самаго Березова. Отсюда до Обдорска остяки их не имеют… Южнее Березова и в Сургутском Отделении у русских водятся овцы; есть они и в Березове и даже с особенным попечением стараются развести, и разводят их в Обдорске <…>

Свиней, как и овец, держат только русские, в городе и русских селах, особенно при берегах Оби. Летом они питаются рыбными кишками. К зиме свиней убивают и оставляют только для приплода, потому что содержание их здесь зимою, за неимением хлебопашества, стоит значительнаго расхода. Число свиней к осени бывает до 200.

<…> Домашнюю птицу здесь «не водят», кроме обыкновенных кур, имеемых только в русских селениях. Гусей и уток не предстоит здесь надобности содержать, тем более, что их здесь кормить нечем и, сверх того, множество разных перелетных птиц доставляют жителям яйца, перо, пух и пищу. <…>

К домашним животным Березовского края принадлежат собаки (canis sibiricus). Они употребляются как для звериных и птичьих промыслов, так и для езды, в осеннее время, до выпадения снега, по гололедице, когда неподкованныя лошади падают, и весною по мягкому снегу, когда они «проступаются». Всех собак в крае до 15 000. <…>

<…> По вскрытии реки Оби, в конце мая, рыба выходит из Обской губы и, каждая своим руном, следует вверх по этой реке. Сначала идет сырок, за ним, сутки чрез двои или трои, нельма, в пятые сутки муксун и осетр, затем следуют щокур, пыжьян, сельдь и налим. К Березову проходят сырок, нельма и осетр чрез две недели, щокур и пыжьян поворачивают в реки Щокурью и Сыню Обдорскаго Отделения, и бывают только в тех реках, а муксун гораздо ниже Березова расходится по ссорам, где и питается находящеюся на дне их травою, называемою муксутурником, показывается в Березове не ранее 20 июля. <…> Сельдь приходит в Березов вскоре после муксуна, в конце июля, а налим в августе. <…> Лучший лов рыбы обыкновенно начинается с июля, когда начнут спадать воды, и продолжается до глубокой осени [Там же, с. 405–409].

С отплытием иногородных судов и других лодок, с половины сентября, остяки перегораживают Обь жердями, в промежутки которых, бывающие в пол-аршина, спускают важаны, род сетей, длиной 10, шириною 4 сажени. Посредством их добывают осетров и другую рыбу, плывущую обратно в море. Этот промысел продолжается до заморозов; добытую таким образом рыбу сажают в садки. За тем, когда станет на реках лед, то на Оби устраиваются новыя городьбы, подле которых ставят, чрез всю реку, гимги, длинно 4, вышиною и шириною 2 и более аршина, разстоянием одной гимги от другой на 1½ и 2 сажени. Сим способом до января ловят осетров, нельму и муксунов [Там же, с. 411–412].

ОБЪЯСНЕНИЕ СЛОВ, УПОТРЕБЛЯЕМЫХ РУССКИМИ ЖИТЕЛЯМИ СОБСТВЕННО В БЕРЕЗОВСКОМ КРАЕ

<…>

ВАРКА. Особый род пищи. Рыбныя кишки и брюшки, до-густа уваренныя, составляют лакомство, не только остяков и самоедов, но и коренных русских жителей Березовскаго края.

ВАР. Сл. ост. Перегородка устья реки, или сора, из тонких кольев. В средине ея оставляется несколько полых мест, в которыя вставляются гимги, для захода в них рыбы.

<…>

ГИМГА. Сл. остяц. Конусообразная морда, вышиною от 3 до 4 арш. Делается из тонких тростинок, наколотых из лиственницы, или из кедровых и сосновых корней, называющихся саргою. Употребляется для ловли рыбы.

<…>

ЗАПОРЫ. Перегородки чрез всю ширину реки, поставленныя в нескольких местах, параллельно одна другой, на пространстве, по длине реки, от одной до двух верст. В каждой перегородке оставляется по 7 и более ворот, в которую ставятся важаны, для лова рыбы. <…>

<…>

КАЛЫДАННЫЙ КАМЕНЬ. Камень-серовик, обточенный треугольником; длиною 6, шириною с одной стороны 2½ вершка, а с другой островат.

КАЛЫДАН. Рыболовная сеть, на подобие мешка, длиною 1, шириною 1½ сажени. К низу ея прикрепляется тонкий шестик, а к нему, по средине, калыданный камень, чтобы калыдан лежал на дне реки; в верхней части находится деревянное кольцо с протянутой в него веревкою, за которую промышленник, плывя в челноке, тащит калыдан по дну реки. К отверстию калыдана привязывается тонкая веревочка, которую промышленник держит между пальцами, и когда по ней узнает, что в сети зашла рыба, то, продетою чрез кольцо веревкою, затягивает устье и вытаскивает калыдан в лодку.

<…>

КЫСКАН. Сл. ост. То же, что «перевес» с тою лишь розницей, что кыскан (сеть) лежит на земле. Когда подлетают птицы, ловец вдруг поднимает кыскан на блоке к верху и, мгновенно опустив, закрывает птицу.

<…>

МАКСА. Сл. остяцк. Печень всякой рыбы, которую едят сырую, как лакомство, особенно печень щуки и налима.

<…>

ПЕРЕВЕС. Длинная и широкая сеть, поднятая на блоке, в просеке леса, на длинных шестах. Ночью, в мае, птица, не видя сети, летит прямо по просеке к реке или сору; лишь только она подлетит к перевесу, промышленник, держа в руках веревку, мгновенно ее опускает, сеть падает и птица в ней запутывается.

<…>

ПОЗЕМ. Сл. ост. Сушеная рыба. Позем приготовляется таким образом: берут нельму, муксуна или щуку, разрезают вдоль по спине, вынимают внутренность и все кости, отрезывают голову и хвост, на толстых местах делают ножем надрези и потом, на несколько дней, развешивают на шесты, чтобы рыба прожарилась на солнце.

<…>

ЮРОК. Сл. ост. Мелкая сушеная рыба; для этого, вынув внутренности и кости и обрезав брюшки и головки, сушат рыбу на солнце [Абрамов, 1857, с. 444–448].

А. Алквист. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки. 1858–1877 гг.

Вогул никогда не солит рыбу, часто потому, что ему трудно купить столько соли, сколько для этого потребовалось бы. То, что он вместе с семьей и собаками не съест на месте — а это немало, — сушится к зиме на солнце или коптится на помосте у костра. <…>

…Орехи… растут в кедровых шишках и собирание [их] является важным побочным доходом для бедных вогулов Сибири [Алквист, 1999, с. 32].

Вместо лошадей березовские вогулы держат оленей, а у некоторых — по несколько десятков. Один вогул в верхнем течении Тапсуя владеет примерно двумя сотнями оленей, и считается в этих местах очень богатым человеком.

<…> Немногочисленные жилища по своему виду так же неприглядны, как и селяне, или паули вогулов. Они всегда расположены на высоком месте у реки или у слияния двух рек, так как рыба у устья реки намного лучше; кроме того, как зимой, так и летом легче ехать по реке, чем по лесу. Селения стоят в большом отдалении друг от друга (один или два дня пути), с тем чтобы каждое имело достаточно территории для охоты и рыболовства. В них обычно имеется две или три юрты. Пять юрт образуют уже значительное селение; а самое большое селение, которое я встречал на своем пути — Этимье-пауль, — состоит из семи юрт.

<…> Когда в юрту заходит высокочтимый гость, то на этой скамье для него расстилают множество оленьих шкур; но как бы заманчиво ни выглядели эти белые и мягкие шкуры, однако, не рекомендуется садиться на них, ибо они полны блох; чужому лучше сесть на маленький низенький стул, который используется как стол, ибо он изолирован от соприкосновения со скамейками и таким образом можно почти избежать блох [Алквист, 1999, с. 33–35].

В пище вогул не избалован и не разборчив. Его единственная пища летом и зимой состоит из лесных птиц и рыбы, с той разницей, что летом они свежие, а зимой сушеные. Оленье и лосиное мясо встречается редко и только у зажиточных. У южных вогул потребностью стали хлеб и соль, а жители Сосьвы считают их предметами роскоши, которые привозят детям в качестве подарка из поездки в город. <…>

<…> В целом вогул может долго голодать, и нередко в лесу из-за отсутствия кухонной посуды он неделями живет на сырой рыбе или сыром мясе тетерки, не подвергая их ни малейшей обработке. Но приступая к еде, он восполняет ее недостаток; и не удивительно, что вогул за одну трапезу управляется с четырьмя-пятью тетерками, выхлебывает бульон, в котором они варились, и к тому же еще ест сухую рыбу в качестве хлеба. Единственным предметом роскоши является табак, курение которого среди пелымских вогулов так общепринято, что даже женщины и девушки принимают в этом участие и обычно имеют трубку; сосьвинские вогулы не курят, зато они крепкие нюхальщики [Алквист, 1999, с. 37].

<…> Город Березово.

[1858 г.] <…> Загатовка сена на берегах рек при обычных условиях бывает довольно богатой, в связи с чем в этих местах можно держать довольно большое количество скота и лошадей. Но иногда, как это было три года назад, Обь поднимается так высоко, что заготовка сена становится невозможной, и тогда жители вынуждены забивать свой скот и лошадей или пытаться их продать… [Там же, с. 44].

Город Березово. Занятия.

[1877 г.] <…> В районе Березова начинается и такая отрасль, как оленеводство, ближней границей которого можно считать Сосьву, хотя на деле оно вблизи Урала простирается намного дальше на юг. Эта отрасль в последние годы сильно пострадала из-за болезней оленей. В прежние времена и жители города держали оленей стадами в несколько сот голов; сейчас всего два-три человека имеют несколько дюжин этих животных. На их счет они содержатся нанятыми пастухами, которые к лету гонят животных на Урал, а зимой те пасутся вблизи города [Там же, с. 78].

В Обдорске зимой, во время самых коротких дней устраивается широко известная на всем самоедском севере ярмарка. <…>

<…> К товарам, которые сбывают на этой ярмарке русские, относится печеный ржаной хлеб, который покупают как лакомство и берут с собой домой те аборигены, которые сами его печь не могут. Хотя испеченный для этой цели хлеб, как говорят, худшего качества, но все-таки сбыт в этом случае бывает до 70 тысяч пудов [Алквист, 1999, с. 107].

Сосьва далеко не так богата рыбой, как Обь; лучшие виды, характерные для Оби, такие как нельма, муксун, осетр, даже не заходят в Сосьву. Единственная, встречающаяся здесь в большом количестве рыба — это вид Coregonus, по-русски сельга или сельдь; и все-таки, кроме обычных сортов рыбы — щуки, окуня, плотвы, — встречаются еще и другие виды — Coregonus lavaretus, C. Vimba.

Вместо рыболовства в этих местах господствует оленеводство, и жители Сосьвы имеют богатую добычу пушнины в лесной глуши восточных склонов среднего Урала. В Западной Сибири это единственная местность, где соболя еще довольно много, местность на севере еще черезвычайно богата белкой, а так же часто встречается горностай и лиса. Лося беспрепятственно убивают во все времена года, но лучше всего зимой, часто из ружья или из лука, который становится настороженным в таких местах, где обычно бродит или держится лось. Его мясо считается у жителей важной добавкой к питанию, но шкура имеет сравнительно небольшую ценность. Тем выше в цене шкура медведя, который в этих местах встречается еще часто и нередко наносит большой вред немногочисленной скотине, которую разводят русские, а в последнее время все больше и больше держат вогулы [Там же, с. 111–112].

Ю. И. Кушелевский. Северный полюс и земля Ялмал. Путевые записки». 1863 г.

Экспедиция I

<…> Путь наш пролегал почти по самому полярному кругу. От В. к О. продвигаясь вперед, мы переходили, или, лучше сказать, пересекали речки: Ваксарку, Надым, Шуву, тундру Еловый остров, Сандибей, Ныду. Тобьюгань, Пур и вышли к часовне Василия убиенного на р. Таз. <…>

<…> Живого ни в лесах, ни в тундрах ничего нет. Во все время пути мы видели всего только одного ворона и нашли кусок оленьего кала. Последнему обстоятельству мы очень обрадовались, потому что полагали где-нибудь близко кочевье, — оказалось же, что кочевья не было и кал был дикого, случайно забредшего сюда оленя. <…>

<…> Всего пройдено было нами, по наглядному исчислению, более 800 верст, и по дороге учреждено 26 станций, где и оставлен провиант для возвратного пути. Можно, кажется, утвердительно сказать, что проложенный мною путь — совершенно новый, на котором едва ли была нога человеческая. Доказательством этого может служить то, что на всем пространстве пройденной мной тундры нигде не было видно срубленных деревьев, затесов на них и следов истребления леса, между тем там, где только бывает человек, всегда заметно опустошение. Наконец это доказывается и тем, что только по вновь проложенной мной дороге коренные жители Березовского севера, инородцы, решались впредь ездить для рыбной ловли, вместо Надыма, на реку Пур, на которой прежде никогда не бывали… [Кушелевский, 1868, с. 4–6].

Экспедиция II

<…> Во время плавания моего с туруханскими инородцами я узнал от них, что весною 1863 г. у них был голод. Они принуждены были питаться березовой губой и мхом, что из роду хулиных. <…>

<…> Одна только продолжительная холодная весна заставляет их голодать и даже умирать с голоду. <…>

Рыбные промыслы по р. Таз и в особенности в устье этой реки так богаты, что я нигде не встречал им подобных. Так, мои рабочие закидывали свой маленький невод и вытаскивали за раз по 90 нельм икряных, весом каждая не менее 15 футов. О муксунах же, чирах и щуках удивительной величины и говорить нечего. Между тем тамошние инородцы не в силах завести себе невод. Нужда заставляет их делать невод из тальпикова лыка, и, не смотря на это столь неудобное и неприменительное средство, они налавливают рыбы и на дневное пропитание и в запас [Там же, с. 27].

Р. Таз имеет особенное свойство, — вода в ней, как говорится в полярной стране, не замерзает зимою и потому рыба держится всю зиму [Там же, с. 28].

Рассчитывая на отдых, я ошибся: проклятая цинга вычернила мне ноги до колен и мучила три месяца. Вылечил я себя средствами, которые едва ли известны докторам, потому и считаю нужным упомянуть об них. Ел сырую свежую рыбу и такое же оленье мясо, а ноги натирал tinc. arnica, и болезнь миновала. Некоторые в Обдорске употребляют вместо арники, по совету инородцев, кислый рыбий жир, или кислую ворвань, а во время опухоли — припарки из конского кала с примесью оленьего мха, и получают облегчение. Употребление вина в этой болезни северной стороны чрезвычайно вредно и производит пагубные последствия. При развитии цинги во рту, здесь пьют обыкновенно по два стакана в день теплой оленьей крови и едят сырую рыбу. Это средство самое целебное, не подлежащее почти никакому сомнению [Там же, с. 35].

Экспедиция III

<…> Обдорские самоеды по настоящее время ведут жизнь бродячую, занимают своими кочевьями весь северный берег Ледовитого и Карского Моря, от р. Кары до р. Енисея. Во время кочевьев распределяют временем так: летом бродят вблизи моря, на возвышенностях Уральских гор и их покатостях, называемых Пайхой, на полуострове Ямале, между Карским морем, Байдарацкою губою и Обскою губою, на полуострове между Обскою и Тазовскою губою от устья р. Еловой и р. Пура, и на полуострове между Обскою и Тазовскою губою от устья р. Мяцо к вершинам ее и р. Енисея и Енисейскою губою. С приближением осени, в сентябре месяце, самоеды подходят со своими стадами к южным частям Обской, Тазовской губы и р. Оби. Тут у берегов этих вод дожидаются замерзания их и, как только станет лед в сентябре, тотчас переходят на противоположный берег, где уже находятся небольшие перелески, и чем сильнее делается мороз, тем скорее стараются попасть в густые леса и среди их и находящихся между ними тундр распространяют свои кочевья все южнее и южнее от вершин рр. Табъюгана, Ныды, Полуя, Казыма, до пределов Сургутского участка. При перекочевке из пустых тундр в лесные места самоеды отделяют от своих больших стад часть оленей, почти самых быков. Из них формируют небольшое стадо и с легким чумом (без обоза) подкочевывают в декабре к с. Обдорску для положения ясака, для продажи своего товара и покупки хлеба, муки и разных принадлежностей на обдорской ярмарке. По окончании ярмарки, в январе возвращаются к большим своим стадам, где остаются всю зиму до приближения весны к апрелю месяцу. Во время зимних месяцев занимаются в лесах охотой на диких оленей, лисиц, белок, заготовляют себе все деревянные принадлежности [Там же, с. 64].

С наступлением весны самоеды возвращаются опять в свои летние кочевья и по этому, раз заведенному, порядку бродят от незапамятных времен до настоящего времени. Самоеды разделяются на роды и каждый род имеет свой путь кочевой жизни. От передвижений этих образовались в некоторых местах, по тундрам, переходные, тертые дороги, очень заметные, которые называются анасными дорогами [Там же, с. 65].

Бродячая жизнь самоедов вызвана необходимостью, вследствие климатических условий самой природы, и не может быть изменена без потери настоящего материального их пастушеского быта. Холодная зима заставляет самоеда для изобилия дров находится в лесах, ибо в их чумах зимою, в сильные морозы, огонь поддер-

живается почти суточно; кроме того в лесах есть небольшие моховые тундры, в которых олень может быть защищен от вьюг и непогод. Только в зимнее время шкуры зверей имеют настоящее достоинство, и дорогой зверь водится более в лесах. Пищу же для самоеда в зимнее время преимущественно составляет оленье мясо, которое тогда бывает жирное, сочистое и несвищеватое. С приближением весны олени начинают телиться; в лесах оленеводы не могут иметь бдительного надзора за телящимися оленями: в лесах родившихся телят часто убивают вороны, а новотельные самки часто бросают телят от торопливости, чтобы не отстать от стада во время каслания. Притом родовые потуги новотельных самок бывают часто столь трудны, что самка, отелившись, от боли бросает своего теленка; тогда ее ловят, привязывают и заставляют привыкать к своему теленку. Для наблюдения за всем этим, для тех, у которых есть большие стада, необходимы открытее места. С приближением лета, тучи комаров, мошек и Паутов (слепни) не дозволяют уже оленям оставаться в лесах. От нападения насекомых они худеют, свищи одолевают их до изнурения, так что некоторые подыхают. Тогда самоед не ест оленьего мяса и принужден для себя искать другой пищи, и для того он с оленем бежит из лесов на голые тундры, которые чем ближе к северу, тем открытее, а на высоких местах холоднее. Кроме мха и разных трав и карликоватого тальника и березки, там нет никаких древесных растений. На таких-то тундрах олень, свободный от комара, нежится, поправляет свою худобу и к осени разжиреет до того, что на спине и груди у него бывает на вершок сала. Самоеду тоже предстоят новые занятия: он добывает по озерам, рекам и возле моря весеннюю птицу, рыбу, морского зверя, заготовляет к зиме сушеную рыбу, известную под названием юрока и поземов, приготовляют варку из ожирелых частей рыбы, которые жарит в котлах и вместе с жиром вышкварки складывает в оленьи брюшины и кожи, сорванные с гусей, уток и лебедей. А чтобы жир не загорек во время летних жаров, то самоеды вырывают в земле ямки, и складывают варку туда до зимы. Варка сохраняется очень хорошо и составляет лакомую пищу с русским хлебом или ржаною мукою, разболтанной в кипятке; это блюдо называется саламатою. Кроме того большую рыбу — осетров, нельм они пускают в озера и, с наступлением уже морозов, выловив их оттуда, привозят на продажу русским во время ярмарки, и лакомятся сами, зимою съедая ее мерзлою. Это кушанье русские называют строганиной; с солью и перцем она очень вкусна и заключает в себе испытанное гигиеническое средство против цинги. Оленья свежая кровь имеет то же свойство, а потому русские, посещая северное самоедское царство, за обязанность считают привыкать к употреблению в пищу строганины, и тем спасаются от цинги.

Вникнув в обстоятельства, заставляющие самоеда вести бродячую жизнь, каждый из благомыслящих людей пожелает ему, как человеку, улучшения его материального быта, захочет сделать его оседлым, или, по крайней мере, кочующим; но тогда нужно было бы разлучить его с большими стадами оленей, между тем как существование в необозримых тундрах без оленя даже немыслимо. Из многочисленных примеров замечено, что самоед, когда лишится своего стада, что бывает с ними нередко от падежа оленей, тогда он делается кочевым или оседлым, но в это время он испытывает нужду во всем. В непродолжительное лето пропитывает себя заработками у русских, с наступлением 8-ми месячной зимы голодает со своим семейством, и нередко умирает с голоду. Но едва приобретет немного оленей, тотчас начнет вести свою бродячую жизнь, и обстоятельства его улучшаются. С оленями он имеет везде доступ к промыслам, богатеет и считает себя счастливейшим человеком в мире. Разъезжая по самоедским тундрам, часто случалось мне встречать каслающих самоедов, имеющих по несколько оленей. Телят запрягают в нарты, сами им помогают тащить их, лишь бы не сидеть на одном месте. Правда, привычка к бродячей жизни много действует на самоеда, но сама природа его страны заставила его быть таким, ибо она у себя так все распределила, что в одном месте много птицы, в другом рыбы и зверя: в одном месте возможно только жить летом, а в другом — зимою, и все эти места находятся на дальнем расстоянии друг от друга. В летнее время передвижения еще возможны водою на лодках, но все же не ко всем местам; зимою же без оленя они невозможны, и потому олень есть единственная для самоеда необходимость, спокойствие, богатство, утешение и самая жизнь. Справедливость моих убеждений можно еще доказать и тем, что зыряне и пустозеры, соседи самоедов, ведя жизни оседлую по р. Печоре и притокам ее, были в нищите, и когда заметили, что оленеводство их обогащает и служит им средством, весьма важным к поддержанию жизни, то стали разводить стада и вести жизнь бродячую, и скоро разбогатели, стали улучшать свои морские промыслы. Когда же пустозеры лишились от сибирской язвы стад оленьих и размноженные стада зырян истребили пищу оленям на их тундрах, то обеднели и ведут одну оседлую уже жизнь, довольно бедную.

Самоеды, когда собираются каслать, то с самого начала пастухи объедут на легких нартах в два оленя весь чугор и сгоняют оленей поближе к чуму; в этом им помогают небольшие долгошерстные собаки, которые так отлично приучены сгонять оленей, что куда бы они ни отлучились — разыщут и пригонят к чуму. Собака,

гоняясь за оленями, изнуряется до того, что в изнеможении, прибежав в чум, падает в непробудный сон, и ее как дохлую бросают с места на место. Олени приучаются к лаю собак: едва заслышат его, тотчас сами бегут опрометью к чуму. Созывают оленей еще и голосом, повторяя протяжно слова: «ого, го, ого, го»! К голосу они привыкают еще и потому, что всегда слышат таковой во время нападения на них волков. Бывали довольно частые случаи, что волк, подпалзывая к оленю, вдруг перепугает все стадо, которое, не видя волка, светрит его приближение. Самоеды, заметив этот испуг оленей, тотчас начнут созывать их к чуму; олени, собираясь со всех сторон, окружают волка, а от испуга станут бегать вокруг него один за другим, тесниться, и тогда затопчут волка до смерти. Самоеды, когда лишатся собаки-загоняйки, то сами, объезжая кругом стадо, авкают наподобие собак [Кушелевский, 1868, с. 67–70].

В то время, когда мужчины едят вареное мясо, женщины, взяв каждая по одной оленьей ляжке, вырезывают из них жилки, из которых делают нитки, вытягивают их зубами, а обрезанное мясо съедают сами сырым. Очищенные мозговые кости составляют у них особенное лакомство: жены очень наивно разбив кость, мозгом из этой кости потчуют своих мужей, по кусочку дают его и детям; если случится гость, то и ему подносят тоже косточку с мозгом — полакомиться. Если ночует у них гость, то женщины за гостем ухаживают как за своим родным, а в знак гостеприимства постелют чистую новую оленью кожу, на ноги принесут надеть новые пимы, новую ягушку, накормят самыми лакомыми кусочками: оленьим языком, сердцем, грудинкой, салом; если есть свежая рыба, то и ее нарежут сырой и подчуют; также подчуют варкой, русским хлебом, одним словом, что у них есть лучшего, все предлагают гостю. <…> Эта последняя услуга очень мне не нравилась, ибо из подобной ягушки всегда выползет бесчисленное множество вшей, и свежего человека искусают до нестерпимости. Самоедские жены хотя и вылавливают их из одежды своей и этой охотой не женируясь занимаются при всех, кто бы в их чумах ни был, но у них разводится их такое множество, что они не успевают всех истреблять; пойманного вша они давят зубами и съедают. Когда я спросил, какой вкус имеет вошь? то на это женщины отвечали мне, что длинные вши сладки и противного вкуса к ним не испытывают. Противно смотреть, как женщины, выждав время, когда улягутся мужчины спать, обступят очаг и при очаге распахнув свою ягушку и набросив ее на себя внакидку, охотятся на вшей нагими [Там же, с. 73].

Самоедки не носят рубах, а только замшевые штаны, которые, раз надевши, не снимают до тех пор, пока они сами не свалятся с тела; от подобной продолжительной носки они бывают не совсем чистоплотны, да сверх того штаны заступают у них место носового платка, салфетки; женщины всегда вытирают о штаны руки, нож, которым режут мясо, рыбу и проч. Женщины тщательно осматривают в своих штанах приплод. Операцию эту они делают согнувшись к огню, и неприятный вид еще усиливается от повисших грудей их, которые похожи на длинные мешочки; тело у них прегрязное-грязное и издает противный горький запах; они кроме лица никогда не моют своего тела, но считают себя чистейшими. <…>

Случается, что если кто из них обрежется ножом, то рану высасывает до тех пор, пока не перестанет бежать кровь. После этого завяжет рану тоненькой замшей. Между ними очень свирепствует короста и они лечатся от нее рыбьим жиром, намазывая им пораженные места на теле [Там же, с. 75].

Некоторые оленеводы, т. е. верховские остяки, кочующие по берегам р. Оби и ее притокам, возле Березова, имея небольшие стада оленей, на лето оставляют их в лесах.

Для спасения их от комаров и вообще насекомых, строят большие шалаши, в которых разводят постоянное курево и, загоняя туда оленей, этим защищают их от комаров. Олени выходят для корму из этих шалашей, когда бывают холодные утренники или северные холодные ветры. Но когда стадо увеличится, то остяки тоже переходят в бродячую жизнь, или отдают своих оленей для пастьбы в стадо знакомых остяков [Там же, с. 76].

Самоеды доказывают: чем драгоценнее шкура лисицы, тем ее хитрее добыть и мясо таковой вкуснее. Следовательно, черная и чернобурая лисица составляют самоедскую драгоценность и лакомство [Там же, с. 79].

Затем следует добыча голубого песца и росомахи, волка, песца, горностая, белки. Добыча черных медведей составляет их верование и их шкуру в продажу русским не пускают, а употребляют на лямки для упряжи оленей, что составляет у них щегольство. Шкура белого медведя хотя употребляется на тот же предмет, но она в глазах самоеда маловажнее. С промыслом белого медведя он не соединяет своего верования и шкуру продает русским охотно [Там же, с. 80–81].

С востока белка темная с черным хвостом, чем ближе подвигается в западу, тем делается рыжее, а потому не так ценна. Но мясо западной белки жирное и потому остяки им лакомятся с величайшею приятностью и не негодуют, что шкура не так ценна [Там же, с. 82].

Самоеды, когда гоняются на оленях за песцами, стараются выгонять их на лед, где убивают палками. <…>

Росомах самоеды по большей части добывают гоньбой на оленях с собаками [Кушелевский, 1868, с. 85].

Р. Обь и система ее везде имеют удобные места для рыбопромышленности, и чем ближе к Обской губе, тем больше ощущается изобилие рыбы. Обская же и Тозовская губы — представляют садок рыбный — такое ее там множество, и чем ближе к морю, тем рыбы больше, но она мельче. Река Обь зимою, как говорят, замирает, то есть вода в ней смешивается с ржавчиной и делается красно-бурою и потому рыба зимою в р. Оби не держится, уходит к взморью, где и зимует. Едва весенние воды станут освежать р. Обь и от напора ломать лед, который бывает толщиною в сажень, рыба из моря начинает свое шествие табунами вверх по р. Оби и ее притокам. Сначала появляются налимы и сырки, после нельмы, осетры и стерляди и наконец моксуны, сельди, а с ними все роды и виды рыб: кориши, недомоксунки, щекуры, пыжьяны и проч. Пока вода не согреется лучами солнца, рыба выбирает для своего путешествия глубокие места, и плывет все дальше и дальше, не останавливаясь, но лишь вода потеплеет, тогда она вся, кроме осетра, стерляди и нельмы, заходит для корму в сор (сором называют неглубокие речные Обские заливы, которые наводняются во время полных весенних вод и занимают обширные пространства по лугам и лесам). В ссорах, где рыба найдет для себя много корму, остается до тех пор, пока вода в них не тронется на убыль. Заметив это, рыбаки тотчас загородят соровое устье, способом, известным под названием запор, и тогда возле запора маленьким неводком вылавливают ее. Если удачно, т.е. во время поставят запор, то в ссорах такое множество задержат рыбы, а особенно пыжьянов и сырков, что иногда запор не выдерживает напора ее и опрокидывается. Муксуны и нельмы редко задерживаются в ссорах и потому их промышляют сетями, во время полных вод [Там же, с. 92–93].

Сельди небольшой величины, на подобие голландских, появляются в обской и Тазовской губах в первых числах июля месяца и доходят по р. Оби до р. Щучьей в таком множестве, что трудно определить их количество, бывают очень жирны, но их не ловят, разве для корму собак. Сельди целое лето табун за табуном входят в р. Щучью и плывут по ней до горных вершин ее. Осенью возвращаются назад в море, но уже бывают тощи и икряны; тогда их ловят для икры, а мясо выбрасывают вон. На встречу сельдям к взморью подходят киты, которые, гоняясь за сельдями, во время лунных приливов, которые при северном ветре поднимают воды до очень значительной высоты, заходят далеко к берегам моря и там нередко при отливе омеливаются.

Осетр придерживается глубоких мест и останавливается на песчаных местах возле подрезов берега, образовавшихся от битья волн о берега. Подрезы во время половодья бывают под водою, возле них осетр вынеживается, и в подобных только местах бывает его изобильная добыча.

Перед рассветом на утренней заре рыба засыпает и нередко всплывает на поверхность реки, тогда ее хватают руками. Мне самому случилось поймать 30 ф. нельму. При первом прикосновении рук она не просыпалась, но по вынутии из воды тотчас обнаружила жизнь, стала метаться и так сильно, что я едва удержал ее.

Вообще вся рыба из моря по р. Оби и ее притокам плывет табунами и доходит до р. Томи и дальше; чем ближе достигает вершин р. Оби, тем она делается жирнее и крупнее. К осени возвращается обратно в море; тогда в мелких местах на р. Оби и ее притоках перегораживают р. Обь и тем замедляют ей путешествие и вылавливают разными способами, придуманными остяками и самоедами.

В озерах, которые имеют сообщение с морем посредством речек, вытекающих из них, напр. в Ерубейских, рыба содержится круглый год; в такие озера заходят и морские звери, а особенно белухи, и нередко остаются в этих озерах до замерзания и делаются жертвою самоедов, по следующим причинам: белухи гоняясь за рыбой, входят в озера, которые довольно велики — от 3 до 5 верст в длину и ширину. Преследования белухи рыбных табунов завлекут ее на дальнее расстояние от вершины той речки, по которой вошла в озеро, и таким образом, потеряв выход, она мечется во все стороны тем больше, если еще ветер дует со смежной стороны вершины речки; попавши в безвыходное положение, белухи при замерзании озера замерзают и самоеды без всякого труда вырубают их из льда и вытапливают из них жир, которого бывает из одной белухи от 8 до 15 пуд. Таким же образом поступают самоеды и с обмелевшимися китами в Карском море близ берегов Байдорацкой губы. Примета самоедов о появлении китов близ берегов — та, что чем больше северные ветры нанесут льдов к берегам, тем появление китов несомненнее [Там же, с. 93–95].

Русские скупают еще у остяков и самоедов сушеную рыбу, известную под именем поземов и юрока (самоедский и остяцкий балык). …Но ее может есть тот, кто не видал ее приготовления.

Самоеды и остяки прегрязные, сидя на земле на коленях, держат прегрязную доску, на которую кладут пойманную рыбу; ножом очень искусно срезывают мясо с костей, делают на нем насечки и вывешивают на солнце. Если нож замарается кровью, то они облизывают его, если замарается в рыбий кал, то они вытирают его о свои штанишки, которые прегрязные никогда не моются и носятся до тех пор, пока от ветхости не развалятся — чего на них нет [Там же, с. 96].

А. Ф. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири. 1869–1878 гг.

В популярных сочинениях и журналах в последнее время слишком сентиментально стали восхвалять достоинства сев. оленя. Указывают на его привязанность к хозяину, на его верность и т. д. К сожалению всего этого в них вовсе не видно. По-видимому животное едва в состоянии отличать своего хозяина от других. Притом оно привязано к человеку только потому, что страстно любит лакомиться его испражнением и боится волка. Сев. олень не столько доверчив к человеку, сколько смирен, даже назойлив, нагл. Но при этом он покорен, податлив, чрезвычайно терпелив и все спокойно переносит. Одним словом, вследствие множества пассивных качеств удобнаго и полезнаго рода он для человека дорогое животное, но за то активных, приятных душевных качеств в нем решительно нет никаких. Не мудрено, что кочевник с этим животным, о котором он вообще заботится, часто обходится очень грубо, потому что оно переносит все безропотно. <…>

<…> Сев. оленя нельзя очень нагружать, но он отличается тем, что умет пробираться по глубокому снегу, равно как по болоту, лучше всякаго другаго животнаго. Правда, что при этом безпрестанно раздается понукание «кс» или «кш», правда, что ямщик вместо стягания кнутом грозно размахивает своим копьем и по временам, противуположным закругленным концем копья въезжает животному в ляшки. Кнутом вовсе бы нельзя было пробрать его по густому, толстому меху [Миддендорф, 2006, с. 492–493].

В глуши собака в значительном количестве может водиться только на берегу моря и при самых рыбных реках, снабжаемых рыбою из моря, потому что это хищное животное требует слишком больших запасов животной пищи. Но где последняя имеется, там собака принадлежит к любимейшим упряжным животным. Собака и сев. олень взаимно дополняют друг друга. На все поездки в такия местности, в которых нет корма для сев. оленей, можно употреблять одну только собаку. Уже вследствие того, что упряжных собак может прокармливать только оседлый рыбак, собака, в качестве упряжнаго животнаго, не принадлежность юрта, не спутница кочеваго пастуха. Где собаку хотят употреблять в упряжь, там человеку необходимо устроить себе оседлое жилище. Таким образом собака принуждает человека к оседлости, равно как к заблаговременному заготовлению зимних припасов для домашняго животнаго.

<…> В Западной Сибири вас неприятно поражает способ упряжи. Собаки тянут там сани не грудью, как на восток от Лены, а тазом, т. е. перед подвздошного костью через спину протянуть мягкий в виде хомута пояс, который идет через подвздохи и на животе смыкается в хомутное кольцо, а между задними ногами проходить бичевка, которая в этом месте обматывается чем-нибудь мягким, чтобы не растирать ног. Этот способ упряжи требует кастрации, которой кочевники впрочем и по другим, обусловливаемым выгодою, причинам подвергают даже собак, предназначенных исключительно для охоты. С самой верхней части упомянутаго хомутнаго пояса, протянута веревка чрез поясницу к бичевой для того, чтобы последний не съезжал под ноги [Там же, с. 520–522].

Так как сибирским собакам приходится самим добывать добрую долю своего летняго корма, то не мудрено, что везде, где преобладают упряжныя собаки, не могут укорениться ни овцы, ни домашния птицы. Даже телятам эти хищныя домашния животныя становятся опасны. Этому нечего удивляться; разсказывают же нам английския экспедиции, что эскимосския собаки, одичав, соединяются в большия своры и охотятся на сев. оленей. Хотя перед прожорливостью их не устоят ни шуба, ни ремень, ни испражнение, но все-таки оне питают отвращение к некоторым предметам. Так напр. оне заедают песца, но не съедают его; гнушаются оне также свежаго мяса белаго медведя и волка. Очевидно это дело обоняния. От мерзлаго мяса того и другаго они не отказываются.

<…> Тем-же первобытным, но еще менее культивированным и более малорослым, шпицом является маленькое, лисоподобное, длинноволосое, совершенно белое (реже черное) животное, которое Самойдския женщины возят с собою и держат в чуме на привязи. Не смотря на сошалашничество с человеком, эти собаки были чрезвычайно пугливы. Их держат ради шерсти, из которой Самоедки делают нижнюю бахрому своего подшубка и шапки — потому что это так следует и красиво. Кочевники держат таких собак у себя подобно тому, как поселенцы держат у себя молодых лисиц, особенно черных, для того чтобы потом продать шкуру вполне выросших животных [Там же, с. 530–532].

В это время, благодаря ежедневным опытам, успели убедиться в том, что лошадь вполне способна подчиниться климатическим условиям глубокаго севера. Не смотря на то, что уже Витсен собрал сведения о том, что в его время в Зыряне держали лошадей, Паллас все-таки повторил, что лошади не в состоянии водиться на соседней Оби в Березове, а под полярным округом в Обдорске даже дохнут, не переживая года. Правда, что в Обдорске до сих пор еще не водворилась лошадь, но это очевидно происходит от условий сообщения, и нисколько не зависит от климата [Там же, с. 535].

13 собак ежедневно съедает от 60 до 80 и даже 100 сельдей [Миддендорф, 2006, с. 554].

…Превосходство собак перед всеми другими упряжными животными: чрезвычайная их плодовитость, при весьма раннем созревании. Если не пострадавшия местности [от собачьего сапа — *Авт.*] сами, то по крайней мере окрестности их, в состоянии покрыть убыль уже на следующий год. В урожайные годы жители Севера топят большую часть сук, вслед за их рождением.

При этом случай будет кстати упомянуть о совершенно еще загадочном явлении, что на глубоком севере не бывает бешенства собак. Все разспросы мои по этому предмету были безуспешны. Если бы мы захотели приписать это обстоятельство стуже или тому, что на севере большую часть собак холостят, то этому противоречит редкость бешенства и в тропических первобытных странах, к которым неприменимы обе предложенные причины [Там же, с. 555].

В тундре успел установиться обычай в известное время не охотиться на песцов. Поэтому одна из главных жалоб европейских Самоедов на вторгающихся в их землю Зырян заключалась в том, что последние выкуривают песцов из нор. Когда я попытался сделать то же самое в Таймырской тундре, то друзья мои очень внушительно упрекнули меня в этом, говоря, что вследствие этого нора на будущий год останется незанятою [Там же, с. 595].

На сколько Тунгус отважно вступает в бой с медведем, на столько боятся этого животнаго обитатели тундр. Русские, Самоеды, Якуты, к которым оно забирается лишь изредка. Они привыкли охотиться не на медведей, а на сев. оленей [Там же, с. 602].

Песец столь же неосторожен, как его землячки на глубоком севере, белыя альпийския куропатки, которых на открытой тундре Самоед один загоняет в сеть. Последняя состоит большою частью из 5 крыльев, каждое длиною в 5 шагов. Ячейки величиною в 4 квадр. дюйма, стенка, вышиною всего в 1½ фута, выпукло ниспадает на землю между туго натянутыми на палки бичевками. Такую сетку разставляет Самоед, когда находит стаю белых куропаток; затем заходит к ним с тыла, преспокойно гонит их к сетке, и, нагибаясь, прокрадывается то туда, то сюда, чтобы дать птицам необходимое направление. Догнавши их до самой сетки, он с криком выскакивает, куропатки взлетают и запутываются в ячейках сети [Там же, с. 603].

Н. К. Хондажевский. Зимнее исследование нагорного берега Иртыша от Тобольска до Самарова и северных тундр между Обской губой и Сургутом. 1879

Казымские юрты, стоящие на верхнем течении реки Казыма и в старину называвшиеся Казымским или Юильским городком, составляют главный центр в тундрах, куда прокладываются зимой оленьи пути от Обской губы, реки Таз, Сургута, Селиярского, Полноватского, Обдорска и проч. Самое удобное сообщение с Казымскими юртами из Березова: на Полноватское и вдоль левого, нагорного берега р. Казыма… [Хондажевский, 1880, с. 4].

…Самоеды, встретившиеся мне в Самарове и в Карымкарских юртах. Они прикочевали за 1000 верст с р. Таз, из-под Туруханска, выступив оттуда еще осенью и направляясь частью на р. Пур, холмистую возвышенность Сатты, р. Торум-Юган, озеро Сызын-Лар, с. Селияровское и Самарово, частью к Казымским юртам на ярмарку, потом на Полноватсякое и в Карымкарские юрты. На пути ими производился пушной промысел, вследствие чего они продвигались вперед не торопясь [Там же, с. 5].

Некоторые из жителей Мужей и Березова, почему-то предположившие будто я еду к Надыму отводить земли под оседлое поселение, заявляли мне о своем желании водвориться там, объясняя, что на Надыме заметно теплее, чем в Мужах или в Обдорске; для построек имеется много лесу; на низинах подле реки и на островах столько травы, что можно держать коров и лошадей; попадаются и кедровые рощи для орехового промысла; сверх того есть превосходные рыболовные угодья, а охота прибыльна, как на пушных зверей, так и на перелетную птицу. Одним словом, Надым слыл благодатным краем между русскими обитателями северных стран [Там же, с. 7–8].

Что касается лета, то в продолжении его ездят на лодках по рекам и в середину тундры не проникают, потому что инородческое население частью уходит из них для рыболовных промыслов на Обь и к устьям больших рек, частью откочевывает с оленьими стадами на Уральский хребет или на северные полуострова, к морю [Там же, с. 10].

Отсюда очевидно, что слышанные мной в Березове и Мужах заявления об удобстве основать русское оседлое поселение у Надыма были справедливы. В самом деле, на нем есть строевые леса, кедровые рощи, луга, рыболовные угодья и может производиться охотничий промысел, как на пушных зверей, так и на птицу. Проездом по Полую, я совсем не видел птиц; напротив, на низменных островах Надыма стаями летали белые

куропатки, на которых охотились инородцы… вокруг Надыма живут 22 остяцких семейства, попавших в работники к рыбопромышленникам, и летом приходят ловить рыбу несколько самоедских ватаг [Хондажевский, 1880, с. 15].

…Самоеды большей частью ходят на медведя в одиночку, особняком, а остяки охотятся за ним по нескольку человек вместе [Там же, с. 17].

В болезнях инородцы лечатся у шаманов. Наиболее они страдают от оспы и сифилиса. Между самоедами встречается много рябых. Напротив, сифилис не был заметен и, кажется, еще не успел распространиться на крайнем севере, в такой степени, как у остяков на Оби и ее притоках. Медицинские пособия в дымном чуме, при грубой пище и неминуемой нечистоплотности, едва ли могут сопровождаться успехом. При всем том, по уверению инородцев и по свидетельству моего проводника, неизлечимые больные не покидаются своими семьями на произвол судьбы. Из лекарственных веществ инородцы охотно приобретают только бобровую струю, для того, чтобы окуриваться ею, ради очищения от грехов. Лепешек из черемуховых ягод, толокна из белой рыбы сушенных кореньев я у них не видел, хотя слышал, что упомянутыми предметами пополняется продовольствие инородцев в южных тундрах. Давно уже свыкнувшись с печеным хлебом, самоеды относятся к нему как к существенному подспорью в своем пропитании и предпочитают покупать готовые караваи, нежели забирать в казенных магазинах муку… Соли они потребляют не много. Водку пьют все без изъятия. <…>

<…> Когда пушные звери убиваются на охоте, то с них спешат снять шкурки, прежде чем они окоченеют и сушат мех за пазухой [Там же, с. 20–21].

Затем я достиг до перевала, отделяющего Надым, Пур и другие реки, текущие по северному склону тундры, от Торум-югана и его притоков, направляющимися на юг, к Оби, а так же от р. Казыма. Упомянутый водораздел едва заметно возвышается над тундрами, тянется к северо-западу, полосою не шире 25 верст. Он покрыт кедрами, елью и в значительной части сосною, имеющей более ¼ аршина, в отрубе. По-видимому в нем нет обширных болот, хотя, по слухам, есть небольшие безрыбные озера. Где его начало и где конец — спутники мои не знали. На снегу виделось множество следов оленей. Вскоре показались и сами их стада. Это были дикие олени, с виду очень похожие на ручных, с той разницей, что между ними не было белых. Я не предпринимал охоты на них, так как для этого потребовалось бы затратить целый день. По рассказам инородцев, для охоты за дикими оленями на водоразделе [Надым-Пуровском], остяки приходят на него и в летнюю пору из окрестностей с. Полноватского, пробираясь по Казымской горе [Там же, с. 25].

О. Финш, А. Брэм. Путешествие в Западную Сибирь. 1882 г.

На Оби

<…> Напротив того роскошные луга Сосьвы, в настоящую минуту залитые водою и образовавшие необозримое море, доставляют громадное количество сена, вследствие чего здесь, при небольшом числе лошадей, держат значительное количество крупного рогатого скота, много овец, коз и даже свиней. Но самая важная домашняя животная для Березовцев — северные олени и собаки, служащие для езды и перевозки тяжестей [Путешествие в Западную Сибирь … , с. 331].

Через тундры

<…> Величайшими лакомствами считаются у них глотка, ушная раковина, подколенный жир, кожа с зева и губ и в особенности мозговые кости. Последние ставят на огонь, не для поджаривания, а для того, чтобы кости растрескались; тогда мозг проглатывается так же, как и мясо. Печень, сердце, почки и прочие внутренности, за исключением селезенки и легких, считаются также особенно вкусными; ребрами и другим мясом тоже не пренебрегают и едят его с сырым жиром; очень ценятся также сырые, еще кровянистые рога, куски которых иногда отрезаются еще у живого оленя и тотчас же съедаются, а концы тщательно перевязываются. Часто также приходилось мне видеть, как съедали сырой мозг. Как Лапландцы съедают наполненный кровью желудок, точно кровяную колбасу, так Самоеды употребляют желудок замороженный со всеми внутренностями, потом сваренный и смешанный с мукою [Там же, с. 383].

По уверениям наших людей, Зыряне и Самоеды нередко воспитывают и так приручают волков, что они вместе с собаками караулят стада. Это сказка, которой они сами не верят, так как, по тщательным исследованиям, оказалось, что никто из них не видал такого ручного волка [Путешествие в Западную Сибирь … , с. 421].

Утренний туалет состоит в причесывании длинных волос, которые мужчины заплетают в две косы; редко впрочем употребляют при этом гребень. А между тем это было бы необходимо, как для семейства Занды, так

и для наших людей. Не раз видал я, как отец Занда искал в голове молодого Занды, а невестка в голове матери, и т. д. Тут царствовала похвальная готовность служить друг другу; только маленькая Занда должна была сама чистить свою голову, потому что супруг ее был нелюбезен и в этом отношении. Но маленькая женщина умывалась по крайней мере аккуратно каждый день и как следует — водой, а не на манер богатой жены Дзеингии, которая набирала в рот воды и выливала ее на руки. Что полотенца у этих людей излишни, разумеется само собою, по крайней мере полотенца, как мы их понимаем. Но у них есть свои утиральники, и очень практичные, хотя не тканые. Посредством особого рода струга (по остяцки Волдаб), состоящего из куска дерева, выдолбленного в длину с поперечным расщепом, куда вставляется лезвие ножа, как железко в струг, они скоблят лиственничное и ивовое дерево. Образующиеся от этого стружки представляют тонкую, эластичную, мягкую массу, впитывающую воду, подобно губке. Этот материал (по самоедски Піо-ворро, по остяцки Вотлеб) женщины всегда имеют при себе в своих рабочих мешках или в вышеупомянутых рабочих ящиках. Они служат для вытирания лица, рук, посуды и для других целей. Так мужчины, набив нос нюхательным табаком, затыкают ноздри как пробкой, наскобленным деревом, чтобы продлить это высочайшее наслаждение, женщины же затыкают… но я ограничусь одним этим примером, потому что невозможно назвать все способы его применения [Путешествие в Западную Сибирь … , с. 421–422].

Сидоров, в сочинении своем, говорит об этих рыбках следующее: «мелкая порода сельдей, похожая на северных, появляется в Обской и Чешской губе в первых числах июля и поднимается вверх по Оби до Щучьей в громадном количестве; она очень жирна, но ее не ловят, и употребляется она лишь для корма собакам. Целое лето стаями поднимается она по Щучьей до самого ее истока в горах. Осенью она возвращается в море, но тогда она худа».

Эта сельдь ничто иное, как вид родственный ряпушке (Coregonus albula), а именно: Coregonus Merkii, Günth… Она составляет один из главных предметов рыболовства и не служит «пищей собакам», но, также как на Усе, самим жителям, так как Джунши готовил из нее весь свой зимний запас. Кроме того, она служит наживкой при ловле щук и налимов, главном промысле на Щучьей. Нельма, моксун, чокур и пушьян попадаются здесь редко [Там же, с. 432–433].

Остяки и самоеды

<…> Домашняя жизнь и внутренняя обстановка дома или чума, хотя и бедна, однако в общем мы нашли ее лучшею, чем ожидали по описаниям путешественников. Зуев описывает Остяков настолько нечистоплотными, что они будто никогда не моются; Кон идет еще дальше Зуева, а Поляков уверяет, что Остяка слышно издали по невыносимому зловонию! Такое мнение мне кажется чересчур преувеличенным и основанным на исключениях. Хотя нельзя отрицать, что в рыболовных местностях, именно перед окончанием промыслов, пахнет не особенно аппетитно, но это зловоние происходит от известных обстоятельств. Что деревянные избы, также как и чумы Остяков, имеют приличный, чистый вид, я упоминал не раз. Самый образ жизни предохраняет от скопления нечистоты, так как летом рыбный промысел приводит в беспрестанное соприкосновение с водой, что зимою может быть уже весьма редко. Но против сибирского холода грязь служит самою лучшею защитою и этого нельзя не принять во внимание.

Что чувствительное обоняние неприятно поражается присутствием Остяка, это весьма возможно, но запах этот впитывается в одежду, подобно саже в одежде трубочиста. Меховое платье, к сожалению, стирать нельзя, а потому в нем разводится множество насекомых, которыми прародители наши были также богаты, как Остяки и Самоеды, и которые перевелись, или по крайней уменьшились, вследствие «стирки». Очень практичны против этих мучителей выделанные из выгнутого оленьего рога скребки для спины. Надо однако сознаться, что в дело пускались иногда и зубы, но это подражание обезьянам можно извинить недостатком орудий истребления.

Способ питания так же прост, как и домашняя обстановка. Кроме рыбы, различные способы приготовления и сушения которой подробно описывает Зуев, главной пищей служит им оленье мясо и различная дичь. Некоторые виды животных, в известных местностях, считаются нечистыми, напр. гагара. Лакомым кусочком, по словам Полякова, считается желудок белки, наполненный кедровыми орехами и, вероятно, совершенно основательно. Печеный хлеб составляет необходимую пищу Остяков и Самоедов; едят его, как рассказывает Поляков, с рыбьей икрой и кровью. Овощи, за исключением разных ягод, которые едят с жиром, играют очень незначительную роль в их хозяйстве. Женщины, как лакомство, жуют березовую смолу. Если туземцы не сеют хлеба, то это происходит чисто от климатических условий, а потому Кон совершенно неосновательно ставит им это в укор; он должен был бы знать, что и русские на Печоре покупают хлеб в более южных местностях.

«Питье Остяка — водка», говорит Поляков, но забывает прибавить: «в торжественных случаях»; в обыкновенное же время Остяк довольствуется водою. Насколько Остяки и Самоеды любят табак, я уже упоминал: они такие же страстные курильщики, как и нюхальщики. Ими самими растираемые листья нюхательного табаку они смешивают с золой березового трута. Нередко приводилось мне видеть, как они, взяв здоровую порцию табаку из своего табачного рожка, клали его в рот и жевали. По словам Полякова, они также примешивают нюхательный табак в водку, чтобы придать ей еще более опьяняющие свойства. Высшая степень опьянения известна у них под названием «Корейта-унда». <…>

<…> Главные промыслы этих народов мы уже знаем, — они заключаются в рыболовстве. Рыболовством занимаются преимущественно Остяки, живущие на Оби, между тем как Самоеды занимаются более оленеводством. Впрочем, никто не занимается исключительно одним промыслом: каждый рыболов, смотря по времени года, расставляет западни, разводит оленей, по крайней мере насколько позволяет тундра, так как без последних он обойтись не может. Относительно рыболовства, я уже сказал все главное [Путешествие в Западную Сибирь … , с. 464–466].

Миддендорф упоминает о другом [остяке], в целую зиму убившем лишь 20 белок и умиравшем с голоду. Из вышесказанного следует заключить, что в иные годы добыча охоты может быть очень скудной, так как вообще дичи здесь далеко не так много, как обыкновенно полагают. К этому могу еще прибавить, что мы встречали многих туземцев, которые ни разу в своей жизни не только не убили ни одного медведя, но и не видали его [Там же, с. 467].

…Особенный кушак (самоед. Таши-пиме, ост. — Вороб), сделанный из одной полосы оленьей кожи, который Остячки и Самоедки носят под штанами вместе с компрессом из стружек ивы [Там же, с. 472].

Как трудно при здешних климатических условиях воспитывать детей в самом нежном возрасте, подробно описывает Миддендорф, по собственным наблюдениям. Само собою разумеется, что множество детей погибает. Но уцелевшие обладают зато крепким телосложением. Действительно, я не видал там ни одного калеки, и все Остяки и Самоеды, закаленные суровым образом жизни (Паллас говорит: «неестественной пищей»), обладают хорошим здоровьем и доживают до глубокой старости. По крайней мере, старики встречаются очень часто, хотя никто из них не знает в точности своих лет. Чаще всего туземцы подвергаются глазным болезням, именно воспалению глаз, чему причиной дым, комары, блеск снежной поверхности и постоянное сидение против огня. Миддендорф однако совершенно справедливо удивляется крепости их зрения: «Если старик жалуется на слабость зрения, то это значит, что он видит еще много лучше, чем наши старики». У туземцев, в виде предохранительного средства, имеется множество различных очков. Одни из них, называемые Остяками Семкарти, какие я привез с собою, состоят из куска простого стекла, весьма крепко вделанного в меховую шкурку; эти очки носят они против резкого ветра. Еще очень практичную вещь представляет повязка, которую носят на лбу, (Сем-лобес, т.е. глазная защита); делается она из лисьей шкурки, длинные волосы которой свешиваются на глаза и весной защищают глаза от ослепительного блеска снега. Впрочем, мы много раз встречали слепых с бельмами. Они пользовались участием своих соплеменников, но также работали, например, помогали грести. Сифилис, ужасные признаки которого сперва неприятно поразили нас, по нижнему течению реки встречается реже; в тундре же его совсем нет. У Шренка, который подробно описывает главные болезни сифилис занимает второстепенное место, и, по уверениям туземцев, он у них не заразителен, доказательство чему приводит и Гмелин [Там же, с. 473].

Обратный путь

<…> Уверения Зуева, что коровы живут здесь не более 5 лет, а лошади только один год, совершенно неверны, потому что эти животные постепенно здесь распространяются, несмотря на то, что при продолжительных и суровых зимах не может быть и речи о скотоводстве. Действительно, во всем Обдорском округе в 1876 было только 110 лошадей, 142 штуки крупного рогатого скота (очень хорошего), 12 свиней и 18 овец; последних держали более ради редкости, как у нас держат оленей и косуль. Домашним же животным этих стран остается опять-таки олень, и меня удивляет, что в здешнем округе, по уверениям заседателя, насчитывают только 50 000 оленей. По Крапоткину, в Тобольской губернии насчитывают до 231 312 оленей, а чтобы дополнить прежние сведения, прибавлю, что, по Шванебаху, в Архангельской губернии держат до 340 000 оленей.

После оленя в домашнем хозяйстве здешних жителей главную роль играет собака. Но настоящих сильных, хорошо сложенных волкообразных собак встречается очень мало. Привлекаемые рыбным промыслом Русские, живущие летом по всему побережью Оби, привозят с собою всевозможных дворняжек, начиная с ублюдков бульдогов до ублюдков пуделей, — и этим совсем испортили здешнюю прекрасную породу [Там же, с. 514].

Н. И. Кузнецов. Природа и жители восточного склона Северного Урала (предварительное сообщение). 1888 г.

Такая то зимняя юрта стоит обыкновенно в лесу, на высоком берегу в некотором удалении от реки; на Лозьве вогулы живут по одиночке и никогда не группируются в поселки, но на Сосьве, как я уже говорил, попадаются довольно крупные поселки: так Искарские Юрты или Яны-Пауль представляет группу, состоящую из 16 юрт. В этом поселке есть некоторые претензия на улицу, хотя сами юрты расположены беспорядочно и фасадами обращены во все стороны. Дикий и печальный вид представляла летом эта вогульская деревня. Летом вогулы редко живут в своих зимних хоромах; они или переселяются в летние юрты, построенные на самом берегу реки, или отправляются кочевать [Кузнецов, 1888, с. 741].

Такая летняя юрта с 2–3 семьями, расположенная на самом берегу реки, есть почти у всякого вогула. Но и эти летние юрты среди лета очень часто пустуют. Вогул не любит, да и не может жить летом у своего домашнего очага. Голод заставляет его искать пропитания, а для этого ему надо или охотиться, или заниматься рыболовством, или, наконец, искать каких-нибудь заработков среди русского населения. Наконец, те из вогулов, которые имеют оленей, должны отправляться на самый Урал, в альпийскую область, куда привлекают его, с одной стороны хорошие пастбища, с другой же, отсутствие жары и комаров, так вредно действующих на оленя.

Оленеводов среди вогулов мало. У них, с одной стороны, есть опасные конкуренты — зыряне, которые постоянно с ними на Урале ссорятся и затевают тяжбы; с другой же стороны, пристрастие к водке и доверчивость разорили не одного богатого вогула-оленевода. Тем не менее еще некоторые из них имеют несколько сотен оленей, и это стадо достаточно, чтобы накормить обыкновенно немногочисленную семью вогула.

С наступлением весны вогул со своими оленями, со всем семейством и имуществом покидает свое зимнее убежище и на нартах отправляется на Урал. Здесь он в несколько часов сооружает свое летнее жилище, которое он с собой же привез, на своем легком и первобытном экипаже. Это так называемый чум, т. е. конусовидный берестяной шалаш [Там же, с. 742–743].

Большинство вогулов — не оленеводов летом занимаются рыболовством и с этой целью отправляются на легких челноках, выдолбленных из осины или кедра в нижние части реки, где много рыбы; там ловят они ее сетями или острогой и, наловив большой запас, сушат и везут в Березов [Там же, с. 744].

В лесу мне попадался главным образом знак, изображающий ногу лося. Это и понятно, так как лось для вогула составляет главный предмет пищи и если лозьвинскому вогулу случиться убить лося, то это составляет для него большую радость, целое событие, которое он и увековечивает известным знаком на дереве.

Но еще большую радость доставляет вогулу удачная охота на медведя. Медведь гораздо реже попадается на Урале, чем лось, да и охота на него опаснее [Там же, с. 746].

М. Н. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. 1875 г.

Остяки Березовского округа. Статистические сведения за 1875 год

Инородные управы	Зимних юрт-изб	Летних	Всего	Лошадей	Рогатого скота	Мелкого скота	Всего
Котская	413	413	826	830	647	100	1.577
Инородческие юрты между Самаровым и Березовым 19 селений	двор. 316	–	–	747	552	100	1.399
Управа Подгородная 8 юрт или селений	двор. 49	49	чумов 8	59	46	115	220
Козымская 10 селений	98	97	60	–	–	–	–
Сосвинская самоядская	изб. 230	130	улусов 56	26	15	3180	3.221
Русских селений	1	домов 7	483	45	43	овец 2	оленей 3.200
Ляпинская: русских	7	–	–	–	–	–	–
Инородческих	изб. 247	80	улус. 50 / чум. 64	оленей 6.080	собак 570	всего 6.650	–
Кунаватская	зимн. 230	летн. 74	чум. 28	оленей 5.400 лошадей 36	собак 67	всего 5.503	–

Обдорский участок Управы	Изб	Юрт	Чумов	Всего	Оленей	Собак	Всего
Обдорская самоядская	–	–	819	819	24.420	1.653	26.073
Обдорская инородческая управа остяцкая	376	–	62	437	11.069	1.430	12.490

…Кунаватская; зимой пасут оленей, а летом рыболовствуют.

Всего по обоим управам Березовского округа …скота: лошадей 996, рогатого 818, оленей 53 455, мелкого 102, всего 55 379 штук. <…>

<…> Город Березов 180 домов, жителей 982 мужского пола, 906 женского пола, всего 1 888 душ; лошадей 210, рогатого 225, оленей 306, всего 773; собак 365 штук [Ядринцев, 1891, с. 283–285].

В. В. Бартенев. На крайнем северо-западе Сибири. Очерки Обдорского края. 1890–1894 гг.

Значительная часть жителей держит скот: коров и лошадей. Скот этот привозной и ничем особенно не отличается от своих более южных сородичей, кроме разве большей мохнатости. Летом скотина пасется без пастуха по тундре и сама, обыкновенно, возвращается домой в свое время. Пастуха и трудно было бы держать, так как при редкости пастбищ скот разбредается по большому пространству. Охранять его нечего: волки близ села не встречаются, особенно летом, они все ходят в тундре за оленьими стадами, а людей, которые воровали бы скот, в Обдорске нет, да и некуда угнать: село одно во всем краю. Лошади употребляются только зимой, когда на них возят воду (преимущественно).

<…> Кое-кто из русских побогаче обзаводились оленями. Начало русского оленеводства обыкновенно совпадало с какой-нибудь эпидемией среди самоедов. Когда тиф или оспа произведут свое опустошительное действие по чумам кочевников, то нередко остаются бесхозные стада оленей, которые расхищаются иногда самоедами же, а часто и русскими, и зырянами. Роль эпидемии иногда выполнял голод, дороговизна предметов, необходимых для самоедов; тогда можно скупать оленей за бесценок. Русские заводили оленей исключительно подобными способами. При этом никогда ни один русский сам оленей в тундре не пас, а нанимал пастуха-самоеда, а сам жил в Обдорске и получал доходы [Бартенев, 1998, с. 131–132].

Инородцы страдают преимущественно следующими болезнями: возвратный тиф, дифтерит, оспа, глазные болезни, сифилис, чесотка, иногда цинга. Всего губительнее действуют тиф и оспа. Тиф неоднократно производил страшные опустошения: после одной эпидемии, лет семь тому назад, инородческое население заметно поредело, и врач часто, заходя в чум, находил там одни трупы. Точно так же много народу губила и оспа. Инородцы только с недавнего времени начинают обращаться к врачу за прививкой и вообще за помощью. Но обыкновенно они лечатся у своих шаманов [Там же, с. 154–155].

Часто встречаются глазные болезни вследствие нечистоты и дымной атмосферы в жилищах, а также яркого света весной при почве, сплошь покрытой снегом. От нечистоты тоже весьма часто развивается чесотка и другие накожные болезни. Цинга встречается сравнительно редко. Что касается сифилиса, то распространено мнение о страшном развитии этого бича на наших северных окраинах. Мнение это до известной степени преувеличено. Количество лиц, обезображенных этою болезнью, не много больше, чем у нас по деревням. Недавно прибывший в Обдорск доктор Нейберт отрицал сифилитическое происхождение язв во многих случаях, где таковое признавалось раньше, и объяснял эти язвы волчанкой или же разными накожными болезнями вследствие нечистоплотности. Инородцы почти вовсе не страдают чахоткой, зубной болью, глистами. Простудные и гастрические заболевания довольно редки.

Случаи психических расстройств тоже довольно редки. Точно так же вовсе не встречается омеряченье, о котором так часто приходится слышать в Восточной Сибири среди якутов. Иногда у остяков бывают галлюцинации: они видят чертей. Черт обыкновенно является в пустынном месте в виде человека, одетого как и все, с красными глазами, внезапно появится, захохочет и исчезнет [Там же, с. 155–156].

Обдорские инородцы разделяются на кочевников и рыболовов. Большинство кочевников — самоеды, большинство рыболовов — остяки. Кочевники живут гораздо лучше рыболовов: кроме оленеводства, которое само по себе дает значительные выгоды, они занимаются еще охотой на пушного зверя. Только в том случае, если самоед разорится и потеряет своих оленей, он переходит к рыболовству, которое, таким образом, является вторичной формой экономической культуры, своего рода прибежищем инородческого пролетариата. Самоеды кочуют с оленями по одному и тому же определенному направлению: весной они идут на север, к берегам Ледовитого океана, где летом прохладнее и олени менее страдают от комаров, мошек и паутов (оводов). Осенью стада оленей сами поворачивают на юг к Обдорску и дальше на юго-восток

к верховьям р. Полуя в смешанную полосу тундры и лесов. Здесь кочевник и его олени не так страдают от морозов и буранов, да и больше топлива.

<…> И так всю жизнь проводят самоеды, кочуя по тундре. В начале ноября, как только станут реки, самоеды подходят к Обдорску и идут в лесистую местность верховьев р. Полуя на зимовку. <…>

<…> Самоеды довольно опрятны: приехав на место стоянки и разбив чум, они на ночь одевают другую одежду, а старую выколачивают на морозе, чтобы избавиться от насекомых. Оттого у самоедов их гораздо меньше, чем у остяков, которые спят в том же платье, что и днем носят, и буквально обсыпаны вшами; на иного остяка противно смотреть, особенно когда он занят охотой на этих насекомых, разгрызая их зубами и даже съедая.

<…> Пища самоедов тоже хороша: сырое мясо и рыба очень полезны для здоровья и вкусны. Оленья кровь, которую пьют самоеды, рекомендуется как средство от чахотки. <…>

<…> Вообще, если самоед живет обеспеченно, т. е. имеет достаточно оленей да порядочный промысел пушного зверя, то он всегда здоров, как бык, и не имеет ни малейших признаков вырождения или вымирания.

Самоеды и остяки все большие любители водки. Непьющих между ними нет. Пьют и женщины, и даже дети. …Многие из остяков и самоедов курят, но большинство «кладут за губу табак, смешанный с чагой» [Бартенев, 1998, с. 156–159].

Остяки преимущественно рыболовы, но кое-кто из них занимается оленеводством. Больших стад остяки не держат и употребляют своих оленей преимущественно для земской гоньбы. Юрты остяков расположены по берегам Оби и бывают двух родов: зимние и летние. В зимних юртах остяки живут зимой и здесь держат гоньбу и отчасти ловят сквозь проруби рыбу до января или начала февраля.

После этого времени рыба в Оби пропадает от замора воды. Замором воды называют местные жители какое-то изменение ее, в силу чего она приобретает неприятный вкус и делается негодной для питья; рыба в ней дохнет. <…>

<…> Летом остяки переселяются поближе к Оби и ставят чумы, а иногда и юрты у рыболовных мест и ловят рыбу [Там же, с. 160–161].

Остяки готовят себе пищу: варят рыбу, которую потом сваливают в маленькие корытца такого вида, как употребляемые у нас для стирки белья, только меньше. Из этих корытцев они и едят. Сами поедят, а остатки дают собакам, которые едят из того же корытца, причем вылизывают его дочиста, так что и мыть не надо посуды, что, конечно, представляет своего рода удобство, но мало понятное европейским хозяйкам. На том же чувале остяки кипятят чай и варят бурдюк. Для приготовления бурдюка в кипяток кладут муку, мясо, жир. Тут же пекут лепешки из ржаной муки, втыкая их на палочках в землю у самого огня. Кроме того, конечно, едят мясо и рыбу в сыром виде.

Остяки живут очень грязно: в юрте постоянно воняет рыбным жиром, дымом и еще чем-то кислым. Грязь повсюду. Неприглядную картину представляет юрта, когда вы в нее войдете: по нарам сидят и лежат какие-то грязные, всклокоченные фигуры, прикрытые прокопченными, запачканными и ободранными шкурами. <…>

<…> Остяцкие станции (станки) расположены на расстоянии в 20–30–50 верст. Разложишь на берегу костер и в остяцком котле, начисто вылизанном собакой, сваришь себе рыбы… [Там же, с. 161–162].

Н. Андреев, А. А. Сыромятников. Поездка на Северный Урал летом 1892 года

По берегам Войкара растет ель, лиственница, береза, местами встречается редкий лес — пастбище для оленей; попадаются следы пребывания людей морды и ловушки для рыбы, но самих людей не видно; в это время года войкарские остяки обыкновенно отправляются на Обь для рыбной ловли [Андреев, Сыромятников, 1892, с. 70–71].

По словам зырян, гагар едят только самоеды, остяки же считают их нечистыми птицами и не только не употребляют их в пищу, но даже, если гагара запутывается в сеть, отрезают то место сети, в котором она запуталась [Там же, с. 72].

Сравнение с остяками и самоедами, видимо, не понравилось моим спутникам.

— Остяк? Собака — остяк, а самоед — совсем как животное. Зыряне хоть и пьют, да живут не по-скотски.

— Отчего же самоед животное?

— Грязен очень, и худая болезнь у него. Мы гнушаемся самоедов, из одной посуды с ними есть не станем, потому как раз заразишься? Ведь почти каждый самоед болен худой болезнью [Там же, с. 83].

9 июня Кольштедт прибыл в последние остяцкие юрты под Уралом, Азяговские, напротив устья р. Нельки [Там же, с. 116].

[Август, р. Лыж, впадающая в р. Сыня] …Птицы крайне мало, а каких-либо диких животных и следов нет… К нашему несчастию уже давно не видали никаких птиц. 6 августа… [Там же, с. 145].

Зыряне вообще грибов не употребляют в пищу, как и остяки. Бывшие с нами зыряне тоже сначала не ели их, но потом последовали нашему примеру и нашли грибы очень вкусными [Там же, с. 151].

Сегодня [11 августа] убили куропатку, которую сварили и съели с громадным удовольствием, так как давно не убивали ничего [Там же, с. 159].

…Р. Обь 21 августа… Остановились ночевать около юрт Азовских, в это время не обитаемых. По следам на земле видно, что здесь держали коров [Там же, с. 172].

…Доехали до юрт Колотиловских (по ост. Худатекурт). Следы коров, народу нет [Там же, с. 173].

…Остяки выше Березова сравнительно мало заражены сифилисом, чего нельзя сказать об остяках обдорских [Там же, с. 182].

К. Д. Носилов. У вогулов. Очерки и наброски. 1883–1884

Из жизни вогулов.

Шома-Пауль [здесь и далее в цитируемом тексте курсив наш. — *Авт.*].

Это было в 1883 году… [Носилов, 1904, с. 18].

…Перед нами появилась свежая закуска из мороженой рыбы, икра язей, сушеная, вяленая рыба…

…Ел ужин вогулов из варенных белок… [Там же, с. 22–23]

На северном Урале.

Мои проводники-вогулы давно мне говорят, что около горы «Елбын-нер» «стоит чумом» вогул Пакин [Там же, с. 36].

С площадки чума открывался замечательный вид на горы, остроги Урала и широкую низменность с лесом сибирской настоящей тайги. На противоположном скате горы видно, как паслось тихо стадо. В нем до шестисот оленей. Четыреста из них принадлежат Пакину. <…>

<…> Остальные олени принадлежат другим вогулам той реки, где живет постоянно Пакин, и паслось у него за цену… <…>

<…> Четыреста оленей дают ему приплоду ежегодно около 250 штук оленей; из этого числа пропадает, затаптывается оленями, пугающимися всякого шума, и заедается волками до пятидесяти; остальные идут на колотье и для приплода. Его семья исключительно питается мясом, потому что вогулы хлеб еще знают мало. Семья Пакина состоит из 6 человек, для стада они держат еще работника, и они каждый Божий день съедают, не больше не меньше, как одного оленя в два с половиной и даже три пуда. Такая кровожадность будет понятна только тогда, когда читатель сам посмотрит, как ест вогул.

<…> Таким образом, весь приплод, за исключением, быть может тридцати, много пятидесяти оленей, пускаемых в стадо вместо тех, которые за старостью и негодностью тоже съедаются, как и молодые, идет целиком на пищу его семьи. Шкурки животных тоже расходятся на одежду, чум, и только часть идет на обмен на те припасы, как-то: чай, сахар, калачи, которые так любит вогул, масло, которое он ест кусками за чаем, закладывая и так прямо в рот и спуская в чашки с чаем, и на многие надобности обихода [Там же, с. 42–43].

Самка была старой, сильная, сдаваться не хотела даром и, порядочно повозив ухватившихся вогулов, наконец была сбита с ног, пала на бок и на нее навалились три вогула. <…> …Четвертый вогул, подбежавший с деревянной чашкой в руках, припал к вымя, намял его, так как самка не хотела дать молока, и стал доить. <…>

<…> В чашку надоили стакан густого, жирного молока… Молоко оказалось, как сливки, на мой вкус очень вкусное, хотя и отдает мхом [Там же, с. 45].

У других пали все до одного олени… <…>

Это бывает не часто, но почти каждые десять лет. Некоторые вогулы после этого превращаются в рыболовов, в оседлых жителей, нищенствуют, попадают в батраки; некоторые снова обзаводятся оленями, прося одолжить для приплода; а так как между вогулами взаимопомощь развита и к тому же еще есть своего рода банки у шайтанов, где можно брать деньги в долг даже без процентов, то оленеводство этим поддерживается, хотя и падает заметно.

В такие годы бедность [т. е. бедные вогулы] приходит партиями на Урал, на места пастбищ, режет павших оленей, сдирает и сушит для себя шкурки и вялят мясо про запас, нисколько не опасаясь умереть от язвы, хотя и бывают случаи [Там же, с. 50].

Вогул Савва.

…Я подъехал на лодке с проводником в 1883 году к вогульскому селу Щекурья, под самым Уралом [Носилов, 1904, с. 56].

…Его старуха куда-то провалилась к шайтанам, не то ушла собирать в лес грибы… [Там же, с. 58].

У меня каждый год сушенное мясо есть, добавил он уже хвастаясь такой запасливостью: — как только олени будут дохнуть на Урале у оленеводов, так я и иду с бабой сушить мясо в Камень… [Там же, с. 70].

У Шайтана.

<…> Лосиныя грибы считаются у вогулов за первое лакомство в свете… [Там же, с. 72].

Через десять лет.

…Мне привелось снова заехать на реку Северную Сосьву и побывать у вогулов… Я был на ней еще в 1883 году… [Там же, с. 142].

Пароходство, наплыв русских, зырян, бойкая торговля, масса нового для вогула, соблазн — вызвали в дикаре только жажду к жизни, а не к деятельности. Ситец вместо своего холста из волокна крапивы, сукно вместо налимьей кожи, оленины, разнообразных шкур; сапоги, бродни вместо оленьих пимов и сапоги из той же оленьей шкуры; чай, вино, белый хлеб, когда прежде обходились почти вовсе без хлеба, употребляя мясо и рыбу [Там же, с. 151–152].

По следам князя Курбскаго.

…Это было в 1884 году… только что наступило лето [Там же, с. 212].

Этот путь, — говорили они, — начинается ниже верст на 80 Саран-пауля-Ляпина, от так называемых юрт Хурум-пауль. Оттуда идет старинная тропа в горы Урала; этой тропой каждую осень спускаются вогулы с гор со своими стадами оленей и каждой весной снова поднимаются туда, из лесной области в область голых каменистых, студеных гор. <…>

<…> В Хурум-пауле — добавили они, — я всегда найду охотников-проводников, потому что это самые бойкие вогульские юрты, и в то время, когда из других юрт все отправляются летом, весною на рыбные промыслы вниз по реке, хурум-паульские вогулы всегда остаются в своих юртах, благодаря счастливым рыбным местным угодьям [Там же, с. 218].

Это племя не привыкло к пешехождению, привыкши сидеть в лодке и на оленьих санках; несколько верст пути по болоту — и его легкая обувь уже промочена и тяжела, и он двигается еще только, пока он движется, а рассидись он — ему уже трудно подниматься [Там же, с. 225].

На рассвете, промучившись ночью, мы буквально бежали вперед с этой ужасной ночевки от насекомых, даже не думая напиться чаю; мой пес вышел из кустов с кровавыми пятнами около глаз и весь в комарах и мошках, словно он где в них, как в муравьях, вывалился; но пара белых псов вогулов так и не вышла из места своей ночевки: они ослепли в одну ночь от укусов мошки кругом глаз, и когда мы воротились к ним, чтобы вызвать и посмотреть, что с ними сделалось, то страшно было на них смотреть, потому что они буквально были покрыты кровью. И в редкой шерсти их стояло столько насекомых, словно уже они начали разлагаться. Это было ужасное, новое еще для меня зрелище; я на самом деле видел ослабевших перед собой собак, и сердце разрывалось при виде того, как они лизали наши руки, прося помощи, но мы сами были искусаны до безумия и так и оставили их на произвол судьбы, почти бегом убегая от этой ужасной картины [Там же, с. 228].

…Это самое обыкновенное явление в это время в ихней местности, и они уже видали много на своем веку получше сцен, когда вот также слепли и оставались на месте олени, когда вот также ложился и умирал и другой зверь.

Сибирский овод недаром считается бичем человека, и здесь не только страдает от него человек, но и сплошь и рядом ревет медведь, прячется рогатый лось в воду, заходит туда же стадом олень, а остальные животные уже неизвестно куда скрываются, вероятно, скорее прячась куда-нибудь в глубокие норы.

Случается, здесь гибнет от насекомых и сам человек, и среди вогулов, зырян, даже у меня в партии бывали случаи, когда заблудившаяся женщина делается жертвой комаров, а дети те просто съедаются чуть не живьем насекомыми, которые первым долгом ослепляют человека, а потом уже укусами и щекотанием доводят до обморока, из которого уже нет возврата [Там же, с. 229].

К. Д. Носилов. На Новой Земле. Очерки и наброски. 1887–1891 гг.

Два дня в полярной тундре (Из дневника путешествия по полуострову Ямалу)

…Гонит его добывать себе мышей-пеструшек, которыми обычно кормится самоедская собака. Мы бросаем псу сухарь хлеба, но он не хочет его трогать, он никогда не ел хлеба [Носилов, 1903, с. 253].

Омуль, кунжа, нельма, хариус, таймень — тут обычная рыба, она юром проходит к самому берегу, и ловкий самоед часто охотится на нее с одним ножом, привязывая его на конец своего длинного шеста, которым он правит оленей при еде, и закалывая рыбу, когда она вяло бродит под берегом на сыром песке [Носилов, 1903, с. 256].

…Самоед оживает при первых воспоминаниях об удачной охоте. Он рассказывает нам, как он в эту весну охотился на моржей на льду Карского моря, как он подползал к ним. <…>

<…> После этого он с пренебрежением говорит, как об ничего не стоящей, об охоте на тюленей, — бить сонную нерпу это уже пустяки, хотя он подползает к ней еще с большими затруднениями, и прежде, чем убить ее, он перекричит горло, заставляя этим ее больше слушать и смотреть в отдушине, откуда она вылезла, чем на поверхность льда, где он перед ней тоже выделывает фокусы и ногами и руками.

Он рассказывает, как бродят весной по льдам и берегу моря белые медведи, ему случалось их перебивать, когда он был поудалее и моложе, по десятку в весну… <…>

<…> Он продолжает рассказывать, как осенью он душит песцов капканами, как гоняется и скрадывает диких оленей, как ловит простодушных куропаток весной, когда те стадами перебегают от зарослей ивняка к другой, ощипывая почку… стоит только выставить на их пути чучело самца этой курочки и спрятаться в кустах наблюдателем. Ревнивые самцы стада, увидев незнакомого соперника, который так высоко при этом забрался на палочку и вызывающе смотрит в их сторону, немедленно принимают вызов и с криком налетают драться, не замечая даже открыто разложенных кругом того сетей… месте битвы крик, общая свалка, где участвуют порой полсотни самцов, горячие соперники не чувствуют, что запутались [Там же, с. 271–273].

Водяки-вотчиники

Это было весной, ранней весной, в апреле прошлого года.

Мой караван оленей только что подошел к реке Щучьей… [Там же, с. 308].

…Зверь всякий есть: и песец, и лисица белодукша, и заяц, и волк белый. <…>

<…> Ловушками ловим, капканы ставим, слопцы; когда загоняем собаками, когда на оленях… Больше ловушками ловим осенью и зимой… <…>

…Волка где много словишь, он хитрый, все сторонится, прячется, сытый, его и не заманишь; лисица, та попадается, росомаха — тоже, песец когда бывает годом, а больше зайцев переводим. Их страсть сколько здесь водится; посмотри когда зимой ночами, как они при луне скачут: подумаешь чудо какое, бегают, скачут друг через друга перепрыгивают, встают на дыбы, лапками бьют друг друга, просто лежишь и хохочешь, холодно, а лежишь и смотришь… Сотнями собираются они на сугробы…

— Как же вы их ловите?

— А силочками и ловим; расставим силочки, мережки по ивнякам и пугаем из них; он дурной, побежит и влетит прямо в сетки… Другие капканами их душат, кто опять стрелой. Вот мой племянник — указал он на подростка, который с вниманием прислушивался к русскому разговору, — он столько их за зиму луком перестреляет. Подкрадется в кустах, присядет, посвистит, тот присядет, пустит в него стрелу и бежит ловить, чтобы тот стрелу не переломил и не убежал с ней далеко.

— И убивает?

— Сотнями добывает их…

…Гуся бьем леннаго и солим, утку всякую — тоже, куропать ловим силками.

— Много добываете куропатки?

— Годом: когда ее много народиться за лето — тысячами, когда мало и сотню только добудешь… [Там же, с. 311–312].

Наши людоеды

…Когда запрет реку [Таз] льдом с губы, вода поднимается высоко, рыба разойдется по низким местам, а потом прорвет плотину, вода схлынет, ее и нагрудит по берегам валами; где лед останется валом на берегу, тут и рыба… Раз, вы не поверите мне, мы такой вал нашли рыбы, что ходили по нему, налимов было столько на берегу, что шесть оленей втыкали в них самоеды, и они стояли [Там же, с. 321].

…Статья «Очерки Туруханского Края» г. Крутовского, помещенная в «Сибирской Жизни» за 1897 год, в которой было напечатано следующее со слов автора, который имел достаточные сведения о людоедстве Тазовского края.

Вот что пишет г. Крутовский:

«Теперь большинство инородцев тазовского участка и тымско-каранской остяцкой управы сидят только у запоров речек в ямах или убогих чумах, совершенно голые и голодные, питаясь только одной скудной

рыбой. Под влиянием такой убогой жизни, в этой орде чаще и чаще стали повторяться случаи съедания друг друга, так что даже инородцы других орд опасаются близко подходить к стойбищам тазовских остяков» [Носилов, 1903, с. 326–327].

К. Д. Носилов. В Собских юртах. 1901 г.

Несколько лет тому назад мне привелось провести масленицу в Обдорске. <…>

…Пригласил нас в свою юрту. …Пошли за ним в его черные сени, пролезли в квадратные маленькие двери и очутились в просторной избе.

На первый раз нам показалось в ней отвратительно: чем-то пахло таким, от чего дамы невольно закрыли муфтами лицо; всюду была такая грязь, что нельзя было прикоснуться; пол, стены, крыша, заменявшая собой потолок, все было прокопчено так, как в черной бане, и запах дыма, рыбьего жира и человеческого жилья так бил в нос со свежего воздуха.

Но это продолжалось недолго: по мере того, как разгорался чувал — камин в углу, запах уносило, воздух освежался; теплые лучи ярко пылающего костра согрели этот воздух, сырость пропала, и дышать стало легче. <…>

<…> У нашего Василия Ивановича оказывается полдюжины ребятишек. <…>

…«Чем же ты их кормишь?..»

«…Сырой рыбой кормлю». …Вытаскивает нам напоказ к огню мешок из оленьих шкур, полный мелкой рыбы, которую он только что привез сегодня на собаках с реки. Мы смотрим и видим тут маленьких нельмушек, сырков, щук, окуней, ершей и налимов [Носилов, 1937, с. 118–119].

Юрты оказались маленькими — семей семь, все рыболовы, и только один из них — завзятый охотник, промышленник белок, который постоянно поэтому ест мясо [Там же, с. 123].

И. С. Шемановский. В дебрях крайнего северо-запада Сибири. 1899 г.

Толмач подошел к низкой, едва заметной входной двери, открыл ее, и нас обдало специфическим остяцким юрточным запахом, от которого у многих, впервые посещающих юрты, появляются головокружение и тошнота. Но мы все были люди привычные к остяцким жилищам со всеми их одушевленными и неодушевленными атрибутами, издающими резкую тошнотворную вонь — дыма, падали, испорченной оленины и проч. [Шемановский, 2005, с. 40].

…Мне пришлось побывать в долине реки Надым летом… Мы внимательно слушали старца о неулове в это лето рыбы, — признаке возможного голода, если надолго затянется осень [Там же, с. 66–73].

А. А. Дунин-Горкавич. Тобольский Север. 1901–1911 гг.

Природные ресурсы

Колебание уровня массы вод, заключенных в Обской долине, имеет важное значение для здешнего населения. Человек здесь не может заранее рассчитывать на осуществление своих предположений, так как они зависят не от его старания и воли, а от стихийной силы, именно от большего или меньшего поднятия весенних вод, каковое ни предвидеть, ни предотвратить он не в силах. В годы высокого поднятия весенних вод рыболовный сезон сокращается, сенокошение наступает позже нормального времени, когда трава уже в полузасохшем состоянии; к тому же и самая площадь покосов уменьшается. Если при этом поднятие вод наступило поздно и вода — застойная, т. е. медленно сбывающая, то таковой год является бедственным, так как время производства рыбного промысла сокращается еще больше, а время сбора кедрового ореха совпадает со временем начала сенокошения [Дунин-Горкавич, 1995а, с. 5].

В такие годы стихийных бедствий остяки, не имея возможности запастись сеном и сберечь скот до весны, бьют даже лошадей для потребления в пищу. Олень не требует заготовки для него корма, но, за недостатком пищевых продуктов, остяку приходится бить и его. В виду того важного значения, которое имеет в быту остяка олень и лошадь, уменьшение скота не преминет вызвать свои последствия, в смысле ослабления материального благосостояния населения [Там же, с. 6].

Заяц, водящийся за полярным кругом, называется северным — мездра его толще, шерсть пушистее, отчего он и ценится дороже. Замечено, что заяц, водящийся южнее, делает периодические перекочевки на север. Так, лет 20 назад, Юганские остяки привозили в Сургут заячьи шкуры возами, и зайцы водились даже на окраинах города Сургута. В последующее затем время зайцев добывали в незначительном количестве; в настоящее

же время количество их снова увеличилось. Много их гибнет во время разлива вод. Зайцев промышляют в течение всей зимы капканами, сторожевыми луками и слопцами (пастью), для чего кладут приманку — веники из тонких прутьев тальника, березы или осины. Шкура зайца продается без лап, ценится не ниже 10 копеек и до 15 [Дунин-Горкавич, 1995а, с. 148].

Устье реки Куноватской…

Лесной птицы, глухарей и тетеревов добывают здесь от 200 до 500 штук на хозяйство. …Белки в этой местности добывается в хорошие годы до 7000 штук.

Из ягод встречается черника, голубица и морошка.

По реке Куноватской рыбного промысла нет. Весной инородцы спускаются к устью реки для промысла рыбы в Куноватском сору. Сор городится выше запора купца Плотникова и промышляют важами муксуна, сырка, язя.

…Речка Лангивожская…

Осенью в речке добывается незначительное количество щуки.

Речка Харт-Гошт-Юган…

В этой речке зимой промысла рыбы нет [Дунин-Горкавич, 1910, с. 210].

Речка Пал-Реп — правый приток реки Казыма... Рыбного промысла в ней нет, так как рыбы в ней не бывает.

Речка Лыхн — левый приток реки Казыма… Летом ее городят рыболовными запорами. Первый запор находится в 20 верстах от устья, при летних юртах Мазьянских, второй — выше первого на 70 верст, по прямой линии, приблизительно против юрт Ержакарских на Большой Оби… Последний, третий запор городится в вершине р. Лыхн. Здесь стоит одна юрта Амнинского остяка, и здесь же в реку Лыхн впадает справа приток Перец-Хот-Юган. Добытая летом рыба сохраняется в дровяных садах и вылавливается из них после рекостава…

Речка Выргинская — левый проток реки Казыма… Рыбного промысла по ней не производится. На всем протяжении р. Выргинской, по обеим ее сторонам, лежит материк, покрытый молодняком: ели, лиственницы, сосны, березы и осины, до 4 вершков толщиной. Здесь вырвинские остяки промышляют зверя.

Речка Амня — левый приток р. Казыма. Речка Амня мелка и не судоходна; рыбы в ней нет [Там же, с. 233–234].

Речка Таром-Погот-Еган — левый приток р. Амни… Рыбного промысла по ней не производится, так как рыба в ней не водится… [Там же, с. 235].

Река Сурим — правый приток р. Казыма… Около вершины этой речки лежит озеро… в нем добывают зимой сетями до 150 пуд сурка, а летом промышляют неводами…

Речка Помыть — левый приток р. Казыма. …Из рыбы в ней водится язь и щука…

Речка Кильси-Еган — левый приток р. Казыма Летом рыбного промысла по речке нет; лишь в начале зимы в ней добывают мордами налима и язя.

Речка Вож-еган — левый приток р. Казыма. Летом рыбного промысла в реке нет, лишь в начале зимы добывают мордами налима и язя…

Речка Кур-Ях — правый приток реки Казыма… Эта речка принимает слева приток, вытекающий из того же озера. В озерах ловится сырок, летом лом производится неводом, а зимой — сетями. Кроме того, в соседних сорах добывается щука и окунь [Там же, с. 236–237].

…Вторым, не менее важным промыслом для населения края считается звероловство.

Здесь водятся и служат предметом добычи белка, дикий олень, лось, соболь, горностай, лисица, медведь и россомаха. Из них россомаха встречается редко, горностай хотя повсеместно, но в незначительном количестве, лисица водится, главным образом, в районе нижнего течения р. Сосвы, а в прочих местах края весьма редко, соболь водится вблизи Урала, по Ляпину, по Тапсую, в верховьях рек Пелыма и Конды; остальные виды перечисленных зверей встречаются по всему бассейну реки Сосвы [Там же, с. 263–264].

Хозяйственный цикл, места расселения и миграции

Хотя остяки, юридически, признаются кочевым племенем, но, по сравнению с самоедами, их можно считать оседлыми. Степень их оседлости характеризуется способом их расселения в зависимости от местных условий. Одни из них расселены по р. Оби и ее притокам в юртах, сгруппированных в небольшие поселки, имеющие раз установившееся определенное название. Это остяки, большею частью, лошадные, которых здесь считают оседлыми. Другие же расселены по обским притокам в юртах, разбросанных по одной-по две

на громадном протяжении этих рек и их притоков. Такие населенные пункты не всегда имеют определенное установившееся название, а известны по фамилиям проживающих в них остяков, причем наблюдается, что пункты эти неустойчивы и нередко меняются их хозяевами, в зависимости от удобства промысла и времени года [Дунин-Горкавич, 1995а, с. 86–88].

<…> Для лошадных остяков, обитающих по берегам Оби на протяжении 1,350 верст, основным источником существования служит рыболовный промысел. Остяки этой группы, проживающие по притокам, имеют свои рыболовные угодья все-таки на р. Оби и ее рукавах. Звероловство же для них является вспомогательным промыслом. <…>

Хотя для второй группы остяков средством передвижения служит один олень, но условия их жизни настолько различны, что они смело могут быть в свою очередь подразделены на следующие четыре подгруппы:

1) Остяки, обитающие ниже Березова, — рыболовы, оленеводы. Оленеводство с избытком обеспечивает им средства передвижения, пищу, одежду и кров.

2) Остяки, обитающие в бассейне рек: Пима, Тром-Югана, Агана, Назыма и Казыма, а также вогулы, — звероловы, рыболовы, оленеводы. Оленеводство лишь в обрез обеспечивает им средства передвижения, пищу и одежду. Как те, так и другие, одеваются в оленьи шкуры.

3) Остяки, обитающие в бассейне р. Ваха. Страна их обделена природою. Единственный объект их деятельности — белка. Народ бедный. Их оленеводство даже не обеспечивает средств передвижения. Одеваются они хотя и в оленьи шкуры, но покупные; поэтому одежда их шьется с расчетом на экономию.

4) Остяки, обитающие в бассейне р. Югана, хотя имеют оленей менее, чем Ваховские, но они, сравнительно с Ваховскими, народ богатый. Они, кроме белки, промышляют соболя, оленя и лося. Одежда их приближается к типу одежды лошадных остяков, хотя встречается и меховая.

Кроме того, к особой группе должно отнести остяков — пешеходов, звероловов, живущих по р. Малой Сосьве и не имеющих ни лошадей, ни оленей. Там сообщение производится на лыжах.

Хотя обыкновенно запрягаются в нарту несколько собак, но, тем не менее, остяк, двигаясь на лыжах со специальным посохом в руках, тянет лямку нарт и таким образом в равной степени с собаками участвует в работе по передвижению.

Нужно заметить, что собачьи нарты Мало-Сосвинских остяков отличаются от обыкновенных по величине и устройству. Они гораздо длиннее, и полозья у них значительно шире, так что на них без особой обременительности можно перевозить довольно значительный груз [Там же, с. 89–90].

Главные промыслы вогул — рыболовство и звероловство. В области рыболовства немаловажную роль играет так называемая сосвинская сельдь (Coregonus tugun Pall по определению Н. А. Варпаховского), составляющая один из важнейших пищевых продуктов. Обыкновенно каждая семья насушивает на зиму не менее 5–6 пуд. ее [Там же, с. 100].

Кочевья Каменных самоедов простираются от вершины р. Соби вдоль по Уральскому хребту до Карского моря; здесь они сходятся с Пустозерскими самоедами Архангельской губернии; на восток же простираются до Обской губы. Кочевья Низовых самоедов находятся между Обскою и Тазовскою губами и на восток граничат с Юракскими самоедами Енисейской губернии.

Каменные самоеды летом кочуют на полуостров Ямал, а зимою — в смешанной области тундр и лесов, причем южнее 64° сев. шир. не переходят [Там же, с. 106].

Низовые самоеды как летом, так и зимой, кочуют от р. Ныды до рр. Пура и Таза и на полуострове, заключенном между Обскою и Тазовскою губой, а некоторая часть их кочует зимою, как и Каменные самоеды, в смешанной области тундр и лесов.

Ныдские самоеды главным образом — рыболовы. Звериных промышленников между ними почти нет вовсе. Оленеводство у них — небогатое, и только у двух самоедов (Ламбу-Солинтер и Иколи-Ятни) есть по 100 оленей, а у остальных, большею частью от 20 до 40 штук.

По р. Ныд с устья на 30 верст, т. е. до зимних становищ, лесов нет, далее идет лес: ель, пихта, береза и осина; зверь: волк, медведь, песец, лисица; белки нет.

Самоеды в числе 30 чумов летом проживают на левом берегу р. Ныды [Там же, с. 108].

Самоеды тазовой губы (Нял-пай, Ям-хазово) проживают главным образом по левую сторону губы (живут и по правую) в числе до 75 чумов.

Самоеды эти — оленеводы, рыболовы, звероловы [Там же, с. 112].

Самоеды низовьев р. Пура (Пураям-хазово) проживают в низовьях названной реки. Самоеды эти — оленеводы, звероловы [Там же, с. 114].

Самоеды р. Таза (Тазу-ям-хазово) проживают по реке Тазу выше устья. Эти самоеды — рыболовы, оленеводы; звериный промысел развит слабо [Дунин-Горкавич, 1995а, с. 115].

Самыми богатыми считаются степные Енисейские самоеды, проживающие между Тазовой губой и р. Енисеем. <…>

Самоеды эти — оленеводы, звероловы; промышляют главным образом песца. Здесь полное отсутствие леса, и топливо приходится возить с собой [Там же, с. 116].

Кроме Каменных и Низовых самоедов, в ведении Казымской инородной управы состоят еще так называемые «бродячие самоеды» (лесные самоеды, «Пянъ-хазово») всего 6 ватаг: Този, Нянкчу, Уб, Халь, Лянкпе и Нечу. Первые три из них считаются «дальнею самоядью», так как они кочуют даже до Туруханска. Остальные три называются «Мозымскою самоядью». Они кочуют по р. Назыму, который самоеды называют Мозымом, и в вершинах и притоках рек: Казыма, Лямина, Тром-Югана, Агана, Надыма, Пура и Таза [Там же, с. 117].

По отсутствию земледелия в крае единственным средством к существованию населения являются промыслы. Привожу ниже в последовательном порядке перечень промыслов, с указанием периода времени, в течение которого производится тот или иной промысел, причем за начало промыслового года принято время вскрытия рек. Рыболовный промысел наступает по вскрытии реки, т. е. в мае, и длится до замора воды, т. е. до декабря-января месяца. После этого и почти до вскрытия рек промысел рыбы производится только у живунов (места выхода ключей). В тех местностях, где рыболовный промысел имеет первенствующее значение, население еще до вскрытия рек переезжает из мест своего зимнего проживания в летние жилища, расположенные обыкновенно на берегу реки, у самой воды. Жилища эти, если они постоянного характера, состоят из бревенчатых изб, жилища же временного характера представляют из себя берестяные шалаши. Осенью, в сентябре, инородцы возвращаются обратно в зимние жилища. Инородцы некоторых местностей имеют по трое юрт: весенняя, летняя и осенняя, сообразно местам их промыслов.

Звероловный промысел наступает с замерзанием рек, в октябре, и длится до апреля месяца.

Промысел водяной птицы длится три-четыре недели, начинаясь со времени прилета, наступающего недели за две до вскрытия реки, так что промысел этот производится главным образом в мае. Промысел линяющей утки наблюдается в июле; а промысел лесной птицы наступает со второй половины августа и продолжается до выпадения снега.

Кедровый промысел начинается со второй половины августа.

Время сенокошения находится в зависимости от раннего или позднего спада вод и наступает: раннее — в первой половине июля и позднее — во второй половине августа.

Заготовка дров редко наступает в декабре; обыкновенно их начинают готовить с января месяца [Там же, с. 143].

Значение промыслов громадно для экономии края, так как, за отсутствием обрабатывающей промышленности, все благосостояние населения зиждется на промысловой охоте и рыболовстве.

Первенствующую роль играет рыба и рыболовный промысел, служащий основным источником существования большей части обитателей этого края.

Затем следует оленеводство; олень является главным источником существования обитателей полярного севера — Каменных самоедов и, отчасти, Низовых [Там же, с. 147].

Место летних кочевий Каменных самоедов — полуостровъ Ялмал, откуда они со своими оленьими стадами к концу сентября перекочевывают к берегам Оби и вслед затем по рекоставу (конец октября) переваливают Обь, главным образом между Пуйкон мысомъ Жертв. Из числа их переходят Обь средним числом: у «Хе» — 35 оленьих стад, или 57 чумов с населением в 280 душ, выше Хе на 40 в., в местности «Кетоп-Юган», — от 20 и до 50 оленьих стад и ниже Хе на 25 в., у мыса Жертв, — до 30 оленьих стад. Бывают случаи, что часть оленьих стад остается на зимовку и по ту сторону Оби.

Перевалив эту реку, они кочуют между реками Надымом, Полуем и Обью, направляясь преимущественно к вершине Полуя.

С марта месяца начинается обратное движение самоедов к местам летних кочевок; в период с конца марта и до половины апреля они снова переваливают Обь.

Кочуя в этой смешанной области тундр и лесов в течение 4-х месяцев (ноябрь, декабрь, январь и февраль), самоеды занимаются звероловством, а также, пользуясь обилием леса, заготовляют необходимые в их обиходе предметы [Там же, с. 165].

Каменные самоеды оленеводы — звероловы; в озерах и речках Ялмала они ловят рыбу сетями и маленькими неводками, но только для своего пропитания. Товар их главным образом оленьи шкуры, а также шкуры белого медведя, песца, тюленя, моржа; привозят они и мамонтовую кость.

Низовые самоеды более оседлы, чем их соседи Каменные, и им не приходится делать таких больших переходов в места зимних кочевий оленьих стад. Иногда они кочуют также и в Надымской вотчине остяков; в свою очередь, на их земли заходят остяки-оленеводы. Кочевья самоедов, более или менее постоянного характера, расположены главным образом у Обской и Тазовской губы, а также по рекам и речкам; свои оленьи стада на лето они отгоняют к морю под присмотром пастухов, остальные свободные члены семьи занимаются в это время рыболовством.

Низовые самоеды — оленеводы, рыболовы и звероловы — снимаются со своих мест в ноябре, направляясь одни, преимущественно с рыбой и пушниной, на Сургут, а другие, исключительно с одной пушниной, — на Обдорск; последние, по пересечении на своем пути реки Надыма, оставляют здесь свои оленьи стада, а с товарами отправляются в Обдорск для положения ясака в январе месяце, откуда в двадцатых числах января отправляются обратно к стадам и, перевалив Надым, пасут там оленей в течение февраля, промышляя в то же время зверя. С марта же месяца начинается обратная их перекочевка к своим местам [Дунин-Горкавич, 1995а, с. 166].

На восточном берегу озера [Нум-то], а также по речкам летом живут самоеды, имеющие там около 30 чумов; самоедами построены здесь бревенчатые лабазы-амбары. Весной они ловят в речке рыбу мордами при помощи сплошных заграждений, а летом промышляют ее неводами и мордами в озере. Добывают они язя, щуку и сырка. Вся эта рыба сушится и идет в запас для собственного употребления, за исключением сырка, который продается. После того, как озеро замерзнет, производится подледный лов сетями, причем добывается исключительно сырок, которого в иные годы приходится по две нарты, то есть до 20 пуд [Дунин-Горкавич, 1910, с. 229].

Казымские остяки низовьев реки Казыма лошадные и имеют даже коров. <…>

Инородцы трех упомянутых юрт имеют лошадей и коров. Летом они занимаются рыбным промыслом; осенью добывают слопцами лесную птицу; зимой по мелкому снегу промышляют луками, капканами и черканам лисицу, зайца и горностая, а также медведя и белку. Оставшиеся дома женщины и старики ловят небольшими мордами мелкую щуку [Там же, с. 237].

Инородцы ю. Полноватских имеют и лошадей и коров. Летом они промышляют рыбу, преимущественно сырка, язя и щуку, неводами и сетями; производя лов вместе с рыбопромышленником Новицким; для этого они городят запорами протоки и Казымских сор. Зимою они загораживают самостоятелъно, без участия Новицкого, Большую Обь и промышляют гимгами и мордами осетра, нельму, муксуна и налима.

По окончании зимнего рыбного промысла, некоторые инородцы уходят в леса на промысел белки. Медведя никто из них не промышляет; по весьма странному, хотя и общему соглашению полноватских остяков, они решили не охотиться на медведя в лесах своей вотчины до тех пор, пока кого-нибудь из них не «задерет» медведь.

Поселения остяков-оленеводов рассеяны в борах, расположенных по левую сторону р. Казъма. Они живут преимущественно отдельными семьями, в небольших 6–7-аршинных бревенчатых юртах; в одном населенном пункте редко можно встретить нескольких хозяев [Там же, с. 238].

Казымцы возвращаются домой с р. Оби в течение всего сентября. По возвращении они ставят слопцы на лесную птицу, а женщины собирают бруснику. По окончании промысла на птицу, с начала ноября начинается звероловный промысел в ближних лесах. Там, где имеются подходящие рыболовные угодья, добывают и рыбу. Между юртами Мазьянскими и Выргинскими расположено 10 небольших озер. Эти озера окружены хвойным лесом (сосна, с примесью кедра, березы и осины). Мазьянские остяки от замерзания реки до Николина дня промышляют в некоторых из этих озер сырка сетями, подо льдом; добывают они от 10 до 20 пуд. на семейство. На звероловный промысел казымцы уходят на 2–10 дней. К 20 декабря промысел прекращается [Там же, с. 239].

…До половины февраля, проживают дома, а после этого отправляются уже в дальние леса со всем семейством промышлять зверя. Некоторые отправляются на р. Моим для промысла рыбы, белки и дикого оленя. У ю. Амнинских казымские остяки, проживающие ниже этих юрт, переходят на р. Моимъ. Амнинские остяки промышляют дикого оленя между реками Казымом и Куноватъю. Перед наступлением распутицы они возвращаются домой в апреле.

Некоторые остаются в течение весны на Моиме, откуда вместе с другими, по вскрытии реки, спускаются вниз по Оби для рыбного промысла.

С прилетом водяной птицы начинается промысел на уток, которых ловят перевесом в плохах и пленками на озерах. Птицы добывают всего от 200 до 500 шт. на семейство.

В половине мая, после того как река совершенно очистится ото льда, до начала июня они промышляют рыбу сетями и небольшими неводами, преимущественно язя; последнего они сушат.

Олени летом пасутся по р. Казыму, преимущественно на чистых местах, под присмотром пастухов. <…>

Остяки ю. Хулъ-Лорских, Ильбигорских и Вершинских более звероловы, чем рыболовы. Нужно заметить, между прочим, что на занимаемой ими территории, по Казыму зимний промысел сырка не производится.

Все они занимаются рыболовством и звероловством, добывая весною дикого оленя, преимущественно по р. Назыму. Большая часть их весною спускается на Обь к своему колыданному песку и сору промышлять рыбу для зимнего запаса, а некоторые уходят в тундру с оленями. Каждый из остяков перечисленных юрт имеет от 10 до 400 шт. оленей. В работу нанимаются редкие из них.

Остяки ю. Хулъ-Лорских зимою промышляют рыбу в сорах по р. Суриму сетями и, между прочим, добывают мерного сырка от 10 до 20 пуд. на семейство. <…>

Остяки ю. Ильбигорских рыбным промыслом по р. Казыму не занимаются и поэтому они, вслед за проходом льда, в ноябре месяце отправляются на низ, до своего Казымскаго сора, где и промышляют в течение всего лета. Большую часть добытого сырка, именно мелкого, они сушат для себя, а крупного продают русским промышленникам….Промысел лесной птицы дает им от 200 до 1000 шт. на семью [Дунин-Горкавич, 1910, с. 241].

Из остяков Юильского городка в работу никто не нанимается. Они уезжают на низ промышлять рыбу, а некоторые веснуют по р. Назыму и в более удобных для пастьбы оленей местах, где и промышляют во время лета рыбу себе про запас и охотятся за диким оленем, мясо которого и сушат для зимы. …Главной добычей звероловства является белка, изредка лисица и весьма редко медведь. <…>

Утку инородцы промышляют весной в плохах перевесом; плохи они устраивают на речных мысах.

Юильские остяки ходят промышлять белку на расстоянии 2 дней пути от своих жилищ [Там же, с. 241–242].

Весною Сынские инородцы спускаются к устью реки и далее на М. Обь для промысла рыбы. Муксуна добывают колыданами, *щокура* и сырка — сетями, а остальную рыбу, — *пыжьяна,* щуку и язя, — неводом. К 20 августа возвращаются к устью Сыни остальные промышленники, т. е. те, которые спускались на низ по М. Оби; тогда начинается усиленный промысел сырка, пыжьяна и икряного щокура. <…>

Осенью, по возвращении с Оби, они промышляют щокура острогой ночью на перекатах. По замерзании реки рыбу промышляют мордами при помощи сплошных заграждений. <…>

По отсутствию лесов в бассейне р. Сыни ни птицы, ни зверя там почти нет, исключая волка. Белки вывозят оттуда только до 2 тысячи штук в год.

Сынские остяки в работу не нанимаются, — они имеют от 10 до 400 оленей на хозяина. Некоторые с оленями на лето уходят на Урал. <…>

В реке Войкар ежегодно добывается рыбы приблизительно следующее количество: налима 2000 пуд.; пыжьяна, щокура, сырка, щуки и ерша до 2000 пудов.

С левой стороны Оби, на протяжении от юрт Войкарских до Шурышкарских и немного ниже Шурышкарских в начале зимы перед заморозом (от рекостава до половины января), производится лов осетровой молоди, карыша. Ловятъ его при помощи частичных заграждений (бережники) и добывают свыше тысячи пудов [Там же, с. 256–257].

Инородцы юрт Игрюмских, Люликалъских, Резимовских, Чуинельских, Малеевских и Шайтанских держат коров, лошадей и собак; занимаются они рыболовством, звероловством, птицеловством, рубкою и сплавом леса и дров в гор. Березов. Промысел оленя и лося при помощи загородей среди этих инородцев не практикуется. <…>

Население г. Березова составляют русские и частью зыряне. Первенствующее значение для населения имеет здесь рыбный промысел, из которого немаловажную роль играет промысел сельди. Для ловли этой рыбы в Березове имеется до 30 неводов величиною от 30 до 50 сажен. Развито здесь и птицеловство, — весной водяной, а осенью — лесной птицы. Жители г. Березова имеют достаточное количество лошадей и коров и небольшое число овец; некоторые из них имеют оленей и собак, а также домашних птиц — кур и голубей [Там же, с. 280].

Большинство самоедов отзываются, что они кочуют по притокам р. Пура, а на Пуре не бываю[т] [Дунин-Горкавич, 1910, с. 349].

Статистические сведения об остяках, населяющих берега реки Куновати по данным 1900 г.
[Дунин-Горкавич, 1910, с. 35]

Наименование населенных пунктов	Число юрт	Число хозяев	Число дельных работников	Число оленей	Число собак
Ю. Хул-еган-Горт	1	1	2	5	2
Ю. Степанковы	1	1	2	–	5
Ю. Пошта-Горт	3	3	5	17	10
Ю. Азяба горт	3	3	5	15	7
Ю. Сонгомы-Горт	2	2	3	15	5
Ю. Ай-Еган-Горт	1	1	2	10	3
Ю. Ай-Еген-Горт	1	1	2	10	4
Ю. Питта-Горт	2	2	3	10	4
Ю. Вершининские	3	3	5	50	10
Ю. Руа-Горт	3	3	4	10	4
Ю. Егом-Горт	1	1	4	–	4
Ю. Логос-Горт	2	2	2	4	3
Ю. Сорим-Логос-Горт	1	1	2	–	2
Ю. Серим-Соим-Горт	1	1	4	20	6
Ю. Выли-Горт	8	8	14	60	17
Всего	33	33	59	226	86

Статистические сведения об остяках, населяющих берега реки Сыни по данным 1900 г.
[Дунин-Горкавич, 1910, с. 41]

Наименование населенных пунктов	Число юрт	Число хозяев	Число дельных работников	Число оленей	Число собак
Ю. Ям-Горт	7	7	20	500	30
Ю. Хор-Ер-Горт	4	4	6	20	7
Ю. Ова-Горт	2	2	5	35	3
Ю. Нес-Еган-Горт	3	3	6	30	13
Ю. Пады-Горт	1	1	2	10	3
Ю. Ун-Вож-Горт	5	5	6	100	12
Ю. Ай-Вож-Горт	5	5	8	40	10
Ю. Овалин-Горт	10	10	18	400	10
Ю. Лорово-Горт	6	6	10	100	12
Ю. Хорпун-горт	10	10	11	60	10
Ю. Тыльдым-Горт	8	8	13	50	20
Ю. Муа-Горт	4	4	7	50	10
Ю. Еврей-Горт	9	9	18	80	20
Ю. Самоедские	1	1	2	–	–
Всего	75	75	132	1475	160

Пища (запасание, приготовление, потребление)

Сельдь составляет в жизни инородцев бассейна р. Сосвы один из важнейших пищевых продуктов: обыкновенно каждая семья насушивает на зиму не менее 5–6 пуд. сельди. Самый способ приготовления сушеной сельди довольно прост. Рыбку распарывают по спине, вынимают внутренности и, нанизав через отверстие в хвосте на палочку приблизительно около ста штук, вешают их над очагом. Приготовляемая таким образом сельдь известна среди инородцев под именем «юколы»; ее едят за чаем [Дунин-Горкавич, 1910, с. 262].

Основными продуктами пищи инородца служат — мука, рыба и чай. Из соединения этих трех пищевых продуктов остяк получает большую часть своих незатейливых блюд. Из муки остяки пекут кислый хлеб, а кто не знаком с его приготовлением, те пекут пресные лепешки. Последние приготовляются так: густое тесто месят на воде и катают лепешки, величиною уже 1/2 листа писчей бумаги и толщиною приблизительно в два пальца. Приготовленные таким образом лепешки зарывают в горячую золу. По истечении некоторого времени, лепешки вынимаются из золы и ниткой разрезываются вдоль по толщине. В каждую половину лепешки вдевается лучинка, конец которой втыкается в золу; таким образом, лепешка в вертикальном положении подсушивается в чувале пламенем костра.

Кроме того, инородцы пекут лепешки, замешанные на рыбьей икре или на крови животного. Эти же лепешки иногда разрезают на куски, величиною в 1/2 квадратн. вершка, и варят в кипятке или рыбном или в мясном отваре.

Инородцы соленой рыбы не употребляют. Свежая рыба съедается по преимуществу в вареном виде. Летом только что добытую рыбу едят сырою («саграмка») или испеченною на лучинах («подовушка»). Зимою сырая рыба употребляется в пищу в мороженом виде («патом-ку»). Кроме того, рыба употребляется еще и в сухом виде; в последнем случае она служит закуской к чаю. Мелкая рыба сушится целиком и толчется, отчего получается нечто в роде муки («порс»). Порс служить главным пищевым продуктом, которым остяк

запасается, отправляясь на зимний промысел. Из порса варится похлебка; кроме того, порс служит закуской к чаю, и иногда его едят прямо горстями. Рыбий жир употребляется вместе с хлебом, причем последний обыкновенно обмакивается в жир. Из тешки, пузыря, икры и чистой части кишок приготовляется так называемая, «варка»; для этого упомянутые части рыбы варятся до тех пор, пока смесь эта не потемнеет и не станет гуще жира. Варка употребляется вместе с сухой рыбой; она служит одним из лакомств остякам, в особенности когда они едят ее вместе с поземом. Другим лакомством служит «тюляпса», которая приготовляется из обращенных в муку ягод черемухи и рыбьего жира; из этой муки и жира месится густое тесто, из которого приготовляются большие лепешки, величиною в $^1/_2$ листа писчей бумаги и толщиною в два пальца. Лепешки кладутся на железный лист или доску и сушатся на солнце или на лемезах, над костром. Рыбьи кости, иногда с головой, сушатся и употребляются на корм собакам.

Из животных и зверей остяки не употребляют в пищу горностая, колонка (по причине неприятного запаха их мяса), собаку, волка и мышь. Мясо животных они едят в вареном виде. Сырое мясо и кровь они употребляют обыкновенно только парными при убое животных. Это считается у них лакомством. Мясо лося и оленя употребляется вареное, сырое (мерзлое) и вяленое. Самыми вкусными частями мяса животных считаются жирные части туши, и, кроме того, желудок — у белки и сердце и вымя — у крупных животных.

Из водяных птиц остяки не употребляют чаек и мартышек. Мясо птиц они едят всегда в вареном виде, а яйца птиц — круто сварены. Лесную птицу, как то глухаря, тетерева, куропатку, рябчика они употребляют в вареном виде. Кроме этих птиц остяки едят еще ронжу.

Кроме соли, никаких других приправ к пище они не употребляют; самую соль остяки употребляют только при печении хлеба, — мясо и рыба варятся без соли. Первое едят совершенно без соли, а рыбу макают в соляной раствор, для чего в чашку кладут горсть соли и наливают немного ухи.

Кто держит коров, употребляет молочные продукты: молоко, творог, сметану; масла остяки не выделывают.

Овощи у них не в употреблении; только корень «кас» в вареном виде заменяет остякам наш картофель. Кас представляет из себя вертикально растущий корень; попадается он на дне некоторых озер; снаружи он темно-серого цвета, внутри — белого; длина корня — 10–15 сант.; в сыром виде толщина его в мизинец. Перед употреблением кас предварительно сушат на солнце, а затем в течение продолжительного времени варят.

Все ягоды, за исключением черемухи, употребляются инородцами в пищу в сыром виде.

Вместо чая остяки иногда употребляют отвар растения, известного под именем «полевого чая», а также отвар березового чая. Обыкновенно часть омертвелой березовой древесины, которая узнается по ее темно-коричневому цвету, пропитывается березовым соком. Такое омертвение образуется на экземплярах с сердцевинною гнилью, имеющих наружное обнажение. В этом обнажении скопляется сок, который пропитывает окружающую часть древесины, отчего она темнеет; когда она засыхает, то принимает вид слоистых кусков разной величины. Эти куски и завариваются вместо чая.

Табак употребляется преимущественно листовой. Курят его сравнительно мало, более кладут за губу. В последнем случае табак приготовляется так: листовой табак сушится, затем крошится посредством ножа и смешивается с небольшим количеством таловой золы, с которой его толкут в ступе, затем эту смесь опрыскивают водой, чтобы придать ей некоторую волглость, и насыпают ее в табакерку. Такой табак остяк все время (даже ночью во время сна) держит за нижней губой, переменяя его на новый лишь в том случае, когда положенный за губу табак потеряет свою крепость. Обыкновенно приходится его переменять 4–5 раз в течение суток. Некоторые остяки нюхают, но таких встречается мало.

Приготовление и потребление пищи у самоедов в общем таково же, как и у остяков. Главным пищевым продуктом, кроме указанных выше, т. е. муки, рыбы и чая, служит для низовых самоедов еще оленье мясо. У каменных самоедов рыбы нет.

Хлеба самоеды не пекут, из муки они приготовляют одни только лепешки. Последние делаются так: катают круглый хлеб и ставят его к огню; когда одна сторона подсохнет, ее срезают на толщину в палец, надевают срезанную часть на лучину и опять сушат; с остальною частью хлеба делают тоже. Кроме этого, самоеды приготовляют лепешки, замешанные на оленьей крови.

Из рыбы они делают подовушку; порса не готовят. Из муксуна и щокура делают позем, а из недомерков, а также из сырка и пыжьяна — юрок.

Корень кас и березовый чай самоедами в пищу не употребляется. Вместо чая самоеды иногда употребляют отвар из листьев морошки или княжники: собранные листья сушатся и затем обливаются густым отваром

чая, после чего они сушатся вторично; приготовленные таким образом листья завариваются как чай; получается напиток, который имеет цвет чая, но вкусом превосходит последний.

Во всем остальном приготовление и потребление пищи у самоедов и у остяков одинаковы [Дунин-Горкавич, 1911, с. 85–88].

Гигиена и болезни

Хронологического перечня эпидемий составить невозможно по отсутствии данных; можно указать на эпидемические заболевания 60-х годов, 1883-го, 1885 гг. Десятилетие 1883–1893 гг. вообще было временем эпидемических и других заболеваний среди инородцев; в конце 80-х годов свирепствовал тиф. Из эпидемических и других заболеваний среди инородцев особенно распространены: тиф, оспа, дифтерит, горячка, сифилис, чесотка, глазные болезни, иногда цынга. Наиболее страшны, по тем опустошениям какие они производят, тиф и оспа. Чахоткой, зубной болью, глистами инородцы почти вовсе не страдают [Дунин-Горкавич, 1995а, с. 139].

Рыболовство

По р. Сосве, начиная от юрт Искарских и ниже, до юрт Оурвинских включительно, вогулы, по вскрытии реки, спускаются по Сосьве вниз для рыбного промысла, откуда возвращаются в августе и сентябре. Выезжают, за малым исключением, почти все и промышляют преимущественно сельдь. По возвращении с низу, промышляют неводом нельм, язя, щокура и тайменя. Если стоит теплая погода, добытую рыбу солят; если погода холодная, то оставляют ее до заморозков в болотах во мху; по заморозку же рыбу переморажи-вают. Между юртами Чукрей-пауль и устьем р. Лепли осенью пред заморозками хорошо ловится нельма; ее добывают на ямах неводом, ночью с огнем, причем раскладывают костры на берегу; рыба идет на свет. По р. Лепле рыбный промысел не производится. Близ юрт Гоудым-Сос случается осенью добывать острогой хариусов, 6–10 шт. Со времени рекостава и до нового года производится подледный промысел рыбы гимгами (большими мордами), при помощи сплошных заграждений. По Сосьве крючковой снастью рыбы не добывают.

По р. Ляпину и ее притокам, Щекур и Мань, рыбный промысел производится только осенью, в течение сентября, октября и ноября месяцев, до замерзания рек, неводами и сетями, а по замерзании — гимгами при помощи сплошных заграждений, устраиваемых из расколотых на плашки жердей в 2–3 вершк. ширины, 2,5–3 саж. длины. Между устьем р. Ляпина и Ляпинскою пристанью наблюдается до 30 сплошных заграждений, портящих фарватер реки, да и вредно отзывающихся на самом рыболовстве.

Летом по Ляпину нет рыбного промысла, исключая низовья, где при самом устье находится песок «Саксунт» (Ляпинское устье), на котором, главным образом, добывается сельдь, да в небольших сорах, расположенных выше устья, между юртами Рахтынинскими н Межипаульскими, добывают речную рыбу. По вскрытии реки большая часть Ляпинских вогул спускается на р. Сосьву, где останавливается для рыбного промысла, арендуя места у Игрюмских, Люликарских и других, а также спускается на Обь (каюков до 10-ти), где промышляют рыбу колданами и сетями.

По Ляпину добывается следующая рыба: сырок, щокур, случайно нельма, язь, налим, щука, ерш, чебак, окунь и сосвинская сельдь.

С появлением снеговой воды, еще до вскрытия, рыба движется вниз по реке; в это время ее добывают важанами подо льдом, но весьма мало. Местная рыба (сырок, щокур, нельма и часть язя) уходит в Обь и прилегающие сора, остальная же рыба остается в низовьях Сосьвы, в сорах. Часть сырка сплывает на низ по Оби до встречи с морской рыбой, после чего возвращается обратно. Отъевшаяся в приобских сорах рыба появляется в р. Ляпине в начале сентября; с того времени и начинается там ее лов. Обратный ход сырка вверх начинается с половины июля. Сырок и щокур, выметав икру в вершинах речек, что происходит в октябре-ноябре месяце, становятся затем на ямах в декабре.

Сосьвинская сельдь зимует в верховьях рр. Ляпина и Сосьвы, откуда по вскрытии реки спускается вниз до устья Сосьвы и даже заходит в обские сора. Как только вода начинает убывать, сельдь движется вверх обратно; с этого времени — начало промысла на песках, но, во всяком случае, не ранее начала июля. Зимний промысел сельди производится единственно Щекурьинскими вогулами по р. Ляпину, близ устья р. Щекурьи, мордами в запорах. Добывают до 200 пуд. [Дунин-Горкавич, 1995а, с. 100–102].

…Самоеды вслед за льдом в течение одного месяца промышляют в губе самоловами осетра; в то же время на салмах (отмелях) ловят неводом всякую рыбу, но последняя добывается в незначительном количестве,

20–30 муксунов; по прошествии вышеуказанного месяца, во время хода дельфина, в течение недели промысел бывает весьма обильный, так что годами русские не успевают засаливать принимаемую рыбу; после этого промышляют по р. Ныд, в сорах и заливах, а также и в губе, на салмах.

Зимою самоеды проживают выше устья на 30 верст. Тут р. Ныда шириною до 200 саж., а глубина ее местами от 7 до 10 саж.; река — в ярах. Чумы разбросаны вверх по реке, в расстоянии 2–4 верст друг от друга.

По наступлении рекостава, в течение одного месяца, производится подледный промысел сетями, исключительно пыжьяна. Сетей имеют от 4 до 10; их ставят каждый отдельно против своего становища. Годами добывают очень хорошо, некоторые до 20 нарт. Сеть обыкновенная, 15 саж. длины, без наплавов, имеет 6 кибасов, прикрепляется к земле кольями по краям и по средине. Высота сети — две сажени [Дунин-Горкавич, 1995а, с. 110].

Кроме неводного, производится и самоловный промысел рыбы. Промысел этот начинается по вскрытии реки и продолжается до ее замерзания, а по замерзании может длиться да января месяца, но за отъездом русских промышленников и самоедов заканчивается, обыкновенно в середине ноября. Удачный лов бывает с начала промысла, то есть в июле, и длится 2–3 недели. В это время осетр поднимается несметными массами и, случается, настолько густо, что его перья задевают идущего вместе с ним налима и наносят последнему царапины. <…>

Кроме того, удачный лов бывает еще подледный, во время обратного хода осетра в море по рекоставу, как укрепится лед, но продолжается он недолго — с неделю (в 1901 году Александров добыл в три высмотра на 85 самоловов 164 головы: 34+54+76).

Самоеды имеют по 5, 8, редко по 10 самоловов на хозяина, но сами делать их не умеют, а покупают у проезжающих там русских [Там же, с. 113–117].

…По Казыму рыбного промысла нет совершенно. Осенью от спада вод до рекостава и после него они устраивают на р. Казым частичные заграждения с одной мордой поперек реки. В этих заграждениях они промышляют до мороза и добывают язя, налима и щуку в количестве, едва достаточном для собственного пропитания.

Некоторая часть казымских остяков указанных выше ю. Мазьянских, Выргинскихъ и Амнинских в начале июня спускается вниз в казымский сор и на реку Обь до своего колыданного песка и сора. Одни из них поступают на неводную работу к рыбопромышленникам, с платою за лето, сроком от вскрытия реки до 10 сентября, в 25–40 рублей при готовом содержании и одежде; другие — промышляют самостоятельно красную рыбу: осетра, нельму, муксуна и сырка на арендованных по Оби рыбопромышленниками, главным образом Е. Т. Новицким, колыданных песках. Добываемую рыбу они сдают по следующим ценам: осетра и нельму (с внутренностями) по 2 р. за пуд, муксуна поротого, мерного от 10 до 15 к. за штуку; муксунов приходится за лето голов по 100 на ловца. Из сырка инородцы приготовляют позем на зиму, для собственного употребления. В Казымском сору все лето они промышляют сетями и важанами, преимущественно сырка, из которого также приготовляют позем для себя в зимний запас, последнего они добывают от 5 до 10 пуд. на семейство. <…>

Оставшиеся дома пасут оленей и промышляют рыбу в р. Казым, сорах и озерах, а также в речках, где попадаются: язь, карась, щука, окунь и отчасти сырок.

<…> Старики, которые уже не могут ходить в леса, промышляют в озерах сырка сетями и окуня — неводами. Промысел этот в первой половине декабря прекращается, так как рыба ложится в глубокие ямы, откуда достать ее невозможно. Рыбы казымцы добывают на семью в следующем количестве: сырка 10–20 пудов, окуня до 5 пуд. По возвращении из Березова, в начале января они опять уходят в леса числа до 15–20 января. [Дунин-Горкавич, 1910, с. 239–240].

Из остяков Юильского городка в работу никто не нанимается. Они уезжают на низ промышлять рыбу, а некоторые веснуют по р. Назыму и в более удобных для пастьбы оленей местах, где и промышляют во время лета рыбу себе про запас и охотятся за диким оленем, мясо которого и сушат для зимы. Местный промысел рыбы ничтожен. В Казыме летом они добывают небольшими неводами в 20 саж., исключительно щуку и окуня. В реках Кельси-еган и Вож-еган рыбного промысла нет, — только в начале зимы ловят мордами налима. Зимою остяки ежегодно ездят на р. Назым за рыбой и, кстати, в село Мало-Атлымское за хлебом. Остальную часть зимы они промышляют дома. Из рыбы они привозят с Назыма они привозят исключительно чебака зимней добычи, приобретая его путем мены на товары оленеводства (постели, кисы и т. п.); за постель из оленьих шкур дают чебака столько, сколько уложится на нарту, именно 5–6 пуд. [Там же, с. 241–242].

Летний промысел рыбы производится только в низовьях реки, на протяжении 30 верст. На это время инородцы отдают рыбные угодья в аренду русским. Добывают здесь муксуна, сырка, пыжьяна и щокура. Зимою инородцы ловят рыбу сами по всей реке запорами. Добывают они налима, ерша, немного сырка и щокура… [Дунин-Горкавич, 1910, с. 257].

Главным промыслом для населения этого края является рыболовство.

В бассейне р. Сосвы водятся следующие виды рыб: сельдь, сырок, щокур, пыжьян, нельма, таймень, хариус, язь, щука, налим, окунь, ерш, сорога и чебак.

В виду того громадного экономического значения, какое имеет сосвинская сельдь в быту населения края и даже для населения г. Березова, я считаю необходимым сказать о ней более подробно. <…>

<…> Как только вода начинает убывать, сельдь движется обратно вверх. С этого времени начинается промысел на песках, где ее ловят небольшими частыми неводами. Сезон лова сельди длится приблизительно до 6 недель, причем раннее его начало наступает во второй половине июня и позднее — в начале июля; конец лова бывает 1–15 августа. Хотя эта рыба и заходит в сора, но ее там не промышляют. <…>

<…> В нижнюю часть р. Сосвы заходит морская и обская рыба, хотя эту рыбу здесь добывают только случайно. Промысел же сосвинской сельди в нижней части реки производится лишь по левому берегу, где вода не обская. По Сосве сельдь ловится почти на всем протяжении, начиная от устья этой реки до впадения в нее р. Лобсиньи (на 7 вер., выше сосвинской пристани Сибирякова).

По Ляпину сельди ловятъ мало: только летом, с устья до юр. Межипугольских, на протяжении 50 верст; зимой сельдь поднимается далеко, — до устья р. Щекурьи. Щекурьинские вогулы добывают ее в это время мордами.

По р. Вогулке сельдь промышляют на протяжении до 30 верст вверх от устья [Там же, с. 262].

Озеро Глазковское (Пякон-То). <…>

В озере водится рыба: пыжьян, щокур, сырок, щука, налим, язь, окунь и сорога. Добывается преимущественно пыжьян. В озеро впадают четыре речки. Первая речка западнее избы Земцова на 3 вер. Рыбы в этой речке нет. Вторая речка впадает западнее первой на 2 вер. <…>

Весной по окончании ледохода в этой речке ловится щука, а в остальное время рыбы не бывает. Третья речка впадает в западный отросток озера, в 8 вер. от второй речки. <…>

Глазковское озеро находится во владении лесных самоедов, братьев Пяк (Вэта, Алева и наследники третьего брата Лопса. У Вэта Пяк 4 сына: Хыля, Кузелима, Пинека и Ламти).

Вотчинники летом промышляют рыбу в Глазковском озере 50 саженным неводом; добывают пыжьяна и мелкого сырка. Затем они запирают (городят) 3-ю речку, впадающую с западной стороны в Глазковское озеро, а в этом запоре мордами добывают в незначительном количестве пыжьяна, сырка и щуку.

По замерзании рек и наступлении зимнего пути они уезжают на р. Надым, где в низовьях ее притока р. Эды-Яга промышляют подо льдом рыбу сетями, которых у них от 4 до 6 на промышленника; добывают они 30–50 пудов пыжьяна, — изредка попадается сырок. Промысел этот длится не более 2 недель [Там же, с. 350–352].

Весною, со времени очищения от льда проток (пока река еще не вскрылась) и до появления прибылой воды рыба добывается в протоках при помощи сплошных заграждений (пол, запор) малыми неводами и путем плетеных орудий (рукава). Во время половодья лов рыбы производится без заграждений, в заводях, сетными орудиями (кривдой).

Летом, до начала спада вод, рыбу промышляют в сорах путем сетных орудий (сетей и режевок). Затем устраиваются в сорах варовые заграждения, в которых, с наступлением спада вод добывают рыбу при помощи неводов и плетеных орудий (гимог); в то же время производятся заграждения в озерах и речках; последние делаются из жильника (сосновых дранок); выневаживание рыбы из заграждений производится по замерзании рек. С половины июля, когда вода сбудет настолько, что обнаружатся пески, начинается неводной промысел, который длится до рекостава. Кроме того, в течение всего лета производится промысел плавными сетными орудиями (колыданами).

Осенью, с августа месяца, начинается промысел плавными сетями; промысел этот длится с месяц. Тогда же промышляют рыбу при помощи заграждений, важанами и саибами, составляющими как бы переход от плавных сетей к ставным. Кроме этого, рыбу добывают особым родом заграждений — котцами; последний способ лова одинаково применяется как летом, так и зимой.

Зимой промысел рыбы производится при помощи сплошных и частичных заграждений разнообразными плетеными орудиями (мордами, гимгами и др.) и ставными сетными орудиями — сетями и чердаком; этим

последним орудием рыбу промышляют главным образом по Иртышу; неводной лов производится в это время преимущественно в озерах. Что касается крючковых орудий (самоловов, переметов и др.), то промысел ими производится как летом, так и зимою.

С началом замора воды зимний промысел рыбы сосредоточивается исключительно у живунов. С наступлением полного замора, приблизительно в феврале, Обь становится совсем безжизненною и до самого весеннего вскрытия рек никакого рыболовного промысла на ней не производится [Дунин-Горкавич, 1911, с. 95–96].

Оленеводство

Вогулы — оленеводы. Олени у них пасутся как летом, так и зимою, на одних и тех же определенных местах; поэтому случается, что олени в конце зимы уходят одни на Урал в те места, где паслись в минувшем году. Каждый вогул со стадом останавливается на месте прошлогодней стоянки. В умеренное лето место пастьбы меняется 2–3 раза, а в жаркое — и более [Дунин-Горкавич, 1995а, с. 104].

Остяцкое оленеводство, как сказано выше, развито здесь в малой степени; однако оно возрастает постепенно по мере движения на север: так, ниже Березова нет уже вовсе лошадей, если не считать нескольких десятков, содержимых русскими в селах — Мужах, Кушеват и Обдорск. Земская гоньба от Березова до Обдорска производится на оленях.

Оленьи стада местных березовских приобских остяков зиму и лето пасутся в своих вотчинах, за малыми исключениями, когда стада эти отгоняются на лето к Уралу между Обдорском и Байдарацкой губою.

Сосьвинские и Ляпинские остяки и вогулы летом пасут свои оленьи стада по восточному склону Урала, вне лесов, в полосе кормовых трав и мхов.

Кроме местных оленеводов, кочуют здесь и пришлые Ижемские зыряне и в незначительном количестве Колвинские и Пустозерские самоеды. Район кочевок зырян обнимает собою пространство с запада на восток от Урала до Оби и даже за Обью, между рр. Полуем и Куноватью, причем нередко они переходят и Полуй до р. Надыма и даже переваливают Надым, направляясь с торгом навстречу Низовым самоедам [Там же, с. 166–167].

По р. Назыму с притоками нет безоленных остяков; там в 13 населенных пунктах 42 домохозяина имеют 296 оленей, что составляет на хозяина по 7 оленей.

По р. Казыму оленеводство удовлетворительно; там замечатьльно крупный скот.

По р. Куновати нет безоленных остяков; там в 15 населенных пунктах 33 домохозяина имеют 226 оленей, что составляет, в среднем, почти по 7 оленей на хозяина.

По р. Сыне также нет безоленных остяков; там в 14 населенных пунктах 75 хозяев имеют 1 475 оленей, что составляет, в среднем, по 20 оленей на хозяина.

В низовьх Северной Сосвы, где существует коневодство, от устья и до с. Сартыньиского включительно, оленей держат только в 4-х населенных пунктах. Выше с. Сартыньинского, по Сосве, в 19 населенных пунктах у 57 хозяев, из числа 71, имеется 1 112 оленей, что составляет, в среднем, почти по 20 оленей на хозяина. Безоленных хозяев здесь — 14, т. е. 20 % населения.

По р. Вогулке нет безоленных остяков; там в 5 населенных пунктах у 20 хозяев имеется 146 оленей, что составляет до 7 оленей на хозяина.

По р. Ляпину — в 7 вогульских населенных пунктах 49 хозяев, из числа 82-х, имеют 1 160 оленей, что составляет почти по 23 оленя на хозяина. Число безоленных хозяев 33, т. е. 40 % населения.

По р. Тапсую, в 6 населенных пунктах у 18 хозяев, из числа 21, имеется 283 оленя, что составляет, в среднем, почти по 16 оленей на хозяина. Безоленных хозяев 3, т. е. 14 % населения [Там же, с. 168].

Довольно трудно сказать, развивается ли оно здесь или падает, так как сколько-нибудь удовлетворительной регистрации оленей не существовало и не существует. Все статистические данные, какие исправники прилагают при своих годовых отчетах, не дают представления о действительном положении оленеводства в том или другом районе края, так как инородные управы, вместо того чтобы опрашивать население, просто из года в год переписывают старые сведения, варьируя цифры, — то повышая, то понижая их.

<…> Число оленей на хозяина в среднем не превышает 23, число же безоленных хозяев достигает местами 40 % населения.

Подавляющее большинство оленей принадлежит обитателям тундры — самоедам. Каким именно количеством оленей владеют последние, неизвестно; неизвестно и самое количество самоедов. Если представляется

затруднительным произвести точный учет самоедам, то тем более трудно привести в известность количество принадлежащих им оленей.

Вот официальные данные из обзоров за период времени с 1898 по 1903 г. включительно:

Года	Число оленей	
	В Березовском уезде:	**В Сургутском уезде:**
За 1898 г. к 1899 г.	164.463	2.203
в 1898 г.	116.135	2.343
За 1899 г. к 1899 г.	116.135	2.343
В 1899 г.	124.990	2.865
За 1900 г.	в обзоре за 1900 год никаких данных о скотоводстве не имеется	
За 1901 г. к 1902 г.	458.168	4.373
За 1902 г. к 1903 г.	456.794	5.734
За 1903 г. к 1904 г.	458.152	5.956
За 1904 г. к 1905 г.	448.151	5.870

Что в вышеприведенном обзоре занесены цифры, не соответствующие действительности, ясно видно из сопоставления числа оленей в Березовском уезде за время с 1899 по 1901 г. Совершенно невозможно допустить, чтобы прирост оленей в течение этих двух лет мог достигнут цифры свыше 300 тысяч голов. Отсюда приходится сделать вывод, что регистрация оленей не ведется и цифрам этим доверять нельзя.

В «Памятной книжке» Тобольской губернии за 1884 г. …приводится, что в 1840 годах в Березовском и Сургутском округах считалось оленей 150.000 голов; в 1884 году, вследствие бескормицы и болезней, существовавших в период с 1870 по 1880 г., число их не превышало 126.000 голов. Данные эти подтверждаются статистическими сведениями и из других источников: в 1848 году пало более 20.000 голов оленей; в 1863 году между р. Войкаром и Карским морем пало более 50.000 голов, так что многие самоеды не явились в этот год на ярмарку; в 1872 году пало 23.135 гол.

По официальным данным, в 1903 году в низовьях р. Оби в местностях: «Надым», «Хаманелъ», «Шуга» и др. пало от свирепствовавшей тогда эпизоотии 12.730 оленей; людей умерло от употребления в пищу мяса больных оленей 13 человек. Как оказалось по собранным мною осенью 1903 г. сведениям, по правую сторону Оби, на протяжении около 350 верст с запада на восток, от Обдорска до р. Ныды, олени пали поголовно, в количестве около 3.500 голов (в Оксарках, Ярцынгах, Шуге, Надыме, Линзите и Ныде). По левую сторону Оби — в Ямбуре, Пуйко, Юбе, Хаманеле и Ямсале, всего на протяжении около 150 верст, пало около 10.000 голов оленей.

В следующем 1904 году по официальным данным значится, что в июле месяце в водоразделе рек Таза и Енисея на стадах оленей, принадлежащих проживающим там Обдорским самоедам, свирепствовала эпизоотия, от которой в сравнительно короткое время пало до 40.000 оленей [Дунин-Горкавич, 1911, с. 108–109].

Теленок в возрасте 3–4 месяцев дает тушу, весом около 1 пуд. 15 фун. Туша взрослого оленя весит от 3 до 6 пудов.

Здесь должно отметить то странное явление, что, хотя все благосостояние самоедов находится в тесной зависимости от оленя, тем не менее эти исконные оленеводы до настоящего времени не выработали сколько-нибудь рациональных способов ведения оленьего хозяйства и не сумели самое оленеводство сделать продуктивным. Несостоятельность самоедов как оленеводов особенно ярко подчеркивается при сравнении их в этом отношении с инородцами, обитающими по западную сторону Урала, — с лопарями, архангельскими самоедами и зырянами-ижемцами, в особенности с последними [Там же, с. 111–112].

Сравнивая способы и приемы ведения оленеводства зырянами и Тобольскими самоедами, мы должны согласиться, что первые сумели значительно развить эту отрасль хозяйства и сделать ее производительной.

Тобольский самоед требует от оленя только одного, — чтобы он давал ему самое необходимое для его неприхотливой жизни, т. е. пищу и одежду; он нисколько не заботится об увеличении числа оленей и извлечении из своего стада денежных выгод; зырянин, наоборот, стараясь увеличить число принадлежащих ему оленей, извлекает из них возможные выгоды и разумно пользуется как оленями, так и продуктами, получаемыми от этих полезных животных.

Зыряне и находящиеся под их ближайшим влиянием архангельские самоеды бьют оленя преимущественно на первом году его жизни, именно в таком возрасте, когда шкура его представляет наибольшую цен-

ность; тобольские же самоеды бьют оленя, когда он достигнет зрелого возраста, т. е. тогда, когда он дает более всего мяса, но шкура его (постель) ценится очень низко. Правда, тоболъские самоеды в июне и июле месяцах бьют и телят, от которых получают ценный неплюй, но убой оленей в таком раннем возрасте производится в весьма незначительных размерах и существенного значения в деле поднятия продуктивности оленеводства не получает.

Самое разведение оленей имеет у зырян определенную цель: одни из них разводят оленей для получения продуктов оленеводства, т. е. шкур, мяса и т. п.; другие же, занимаются извозом, разводят специально возовых оленей. Поэтому первые держат больше важенок, вторые же — бычков.

Зыряне больших стад не держат. По свидетельству Энгельгардта, в 1892 году у зырян стад в 1–2 тысячи голов было очень немного, а стадом в 4 тысячи голов владело только одно семейство. Нормальным у зырян является стадо в 500 голов, за которым может досмотреть один пастух. С большим стадом, требующим за собой значительного надзора, кочевать очень трудно: для пего не везде найдется в одном месте достаточное количество корма; кроме того, в случае эпизоотии соответственно величине стада увеличиваются и потери. Поэтому среди зырян установилось обыкновение большие стада делить на меньшие. По исследованиям Снегирева оказывается, что на одной квадратной версте среднего качества тундрового пространства в течение одного года могут прокормиться от 4 до 5 оленей, причем почва не истощается [Дунин-Горкавич, 1911, с. 113–114].

Оленей держат повсеместно, за исключением района Оби от Нарымской границы до г. Березова. Домашний олень питается зимою мхом, а летом — большею частью травой и древесными листьями. Олени меняют место пастбища соответственно времени года; вместе с ними должны перекочевывать и инородцы. Приучение оленей к езде начинается преимущественно с двухлетнего возраста, ездят же на них — с трехлетнего [Там же, с. 117].

Животноводство

Из домашних животных вогулы держат лошадей главным образом в нижнем течении р. Сосвы; коров — в нижнем и среднем течении Сосвы; оленей хотя повсеместно, но менее всего по нижнему и среднему течению р. Сосвы и р. Тапсуя; собак — повсеместно. Во всем Сосвинско-Ляпинском крае было зарегистрировано в 1903 году г. Ушаровым лошадей 101, коров 145, оленей 4 040 и собак 1 183 шт. По районам рек распределяются эти животные следующим образом:

РАЙОНЫ	Хозяйств	Лошадей	Рогатого скота	Оленей	Собак
Ниж. Сосва (до Ан-Яп)	43	77	74	61	141
Сред. Сосва (до Ляпина)	35	4	31	262	118
Вер. Сосва (до верхов.)	97	8	15	1 643	399
Ляпин	112	12	25	1 856	406
Тапсуй	26	–	–	218	119
Всего	313	101	145	4 040	1 183

[Дунин-Горкавич, 1910, с. 264]

Из домашних животных у инородцев встречаются в большем или меньшем количестве — собака, лошадь, корова, овца и олень [Дунин-Горкавич, 1911, с. 116].

Существующая порода инородческих лошадей хотя и мелка, но выносliва, и вполне приспособлена к местному суровому климату. Зимою лошади помещаются в загородях без крыш, под открытым небом. Летом лошади не работают. Еще с ранней весны, перед самым вскрытием рек, по льду их уводят в сора, где они остаются для пастьбы в течение весны и лета до рекостава, кочуя из сора в сор. По замерзании реки их собирают и приводят домой.

Коров держат только лошадные остяки, но и то не везде. Скот у них мелкий, с посредственной молочностью.

Овцы среди инородцев встречаются весьма редко. Их держат только те лошадные остяки, которые имеют возможность завести в своем хозяйстве коров [Там же, с. 117].

Охота

Промысел лося и оленя сторожевыми луками развит в широких размерах. У редкого вогула нет загородей, в которых он ставит от 50 до 300 луков. О размерах промысла можно судить по тому, что с Сосьвы и Ляпина ежегодно вывозится одних лосиных шкур до 1 000 штук.

Сосвинские вогулы добывают также в озерах пленками утку в большом количестве [Дунин-Горкавич, 1995а, с. 104].

В это же время в опушке р. Эды-Яга они промышляют белку, которой добывают 40–60 штук на промысленника. Весной в вершине р. Надыма они промышляют диких оленей, по 5–6 шт. на охотника. Выдры добывают по 1–2 штуки. Лисиц они не промышляют, а весной вынимают из гнезд лисят и выкармливают их.

Медведя добывают случайно, не более одного в год [Дунин-Горкавич, 1910, с. 352].

Собаководство

Инородец блюдет собаку и в сильную стужу пускает ее в юрту. В рабочее время, т. е. зимою, собак кормят похлебкой из рыбьих костей, для чего летом, во время рыбьего промысла, при приготовлении сухой рыбы — позема, весь остов рыбы с головой отделяется цельным и тщательно высушивается в запас для зимнего корма собакам. В Лумпокольской волости, Сургутского края, в 36-ти населенных пунктах у инородцев имеется свыше 500 собак [Дунин-Горкавич, 1995а, с. 173].

Собака имеет повсеместно большое значение для инородцев: для оленевода — это пастух оленьих стад, для зверолова — необходимый спутник в промысле и как ищейка и как рабочее животное, тащущее за ним нарту с провизией; в домашнем хозяйстве — это рабочая сила, которою инородец пользуется, когда возит на ней воду, дрова, сено, кладь и проч. Вследствие этого инородцы относятся к собаке заботливо, среди остяков выработались точные понятия о признаках, определяющих достоинства собаки.

По понятиям кондинских остяков, каждая собака ходит за каким-нибудь одним определенным родом зверя. Это передается собаке по природе, от своей матери. Собака, которая могла бы ходить за разными зверями, составляет исключительную редкость. Такая собака ценится остяком и о существовании у себя такой собаки инородец тщательно скрывает. Такие редкостные собаки обыкновенно приносят не более 1 или 2 щенят.

Из родившихся щенят инородец выбирает только хороших, которых он и вскармливает; прочих он убивает, чтобы избавить себя от излишних непроизводительных трат на корм и чтобы сохранить силы матери, которую излишние щенки стали бы высасывать.

Путем практики и наблюдения кондинские остяки выработали особые приметы, по каким они определяют, что данный щенок хорош. Приметы эти следующие: 1) если между ушей, на голове, посредине выдается кверху острая кость; 2) если на нёбе у щенка насчитывается 9 полных зарубок (нёбо у хорошей собаки обязательно должно быть черным); 3) если поднять хорошего щенка за хвост, то он не станет визжать, а будет стараться схватить руку поднявшего; 4) если между ребер щенка свободно проходит палец (признак легкости на бегу); 5) на второй день после рождения щенят выносят на снег и кладут всех вместе: хорошей собакой обещает быть тот щенок, который от холода не будетъ жаться к другимъ, а поползет молча или с легким визгом по какому-нибудь определенному направлению; 6) лучшими щенятами признаются те, которые родятся в марте месяце.

<…> Молодых собак кондинские остяки водят в лес в первую же осень, по возможности хотя с одной старой собакой; за неимением старой собаки щенят водят в лес и одних [Там же, с. 116–117].

На собаках инородцы ездят очень мало, так как в этом не представляется надобности; ими пользуются только для возки тяжестей в домашнем быту — дров, воды и т. п.; затем на собаках перевозят те предметы, которые инородец берет с собой, отправляясь на звероловный промысел. Хотя в нарту обыкновенно впрягается по несколько собак, тем не менее инородец, двигаясь на лыжах с особым посохом в руках, тянет лямку нарт и таким образом наравне с собаками участвует в работе по перевозке. Собачья нарта делается длиною от 3 до 4 и более аршин, о трех-четырех копыльях. Полозья у нарты бывают по преимуществу березовые, шириною в 2, а толщиною в $^3/_8$ вершка, с пологим загибом. Ширина нарты внизу между копыльями — 11–12 вершков, а высота нарты — 10 вершков [Там же, с. 117–118].

К. Р. Доннер. К Оби через пустынную тундру. 1911–1914 гг.

На следующее утро [15 февраля] наш караван отправился в дорогу. Три из одиннадцати нарт оказались загруженными рыбой и другим продовольствием, одна — вещами, на пяти нартах расположились мои спутники с семьями, еще одна нарта была занята чумом и одна нарта предназначалась для меня. В общей сложности у нас было двадцать два оленя и множество телят, которых мы намеревались съесть в дороге, и одна собака.

В первый же день пути мы покинули Таз. По тундре мы направлялись на юго-запад. Вскоре мы увидели спешившего навстречу человека. Бедняга вот уже несколько дней ничего не ел, сильный холод разогнал всех птиц и рыб.

<…> На другой день в нашем караване заметно прибыло. Теперь он уже состоял из шестнадцати нарт, запряженных тридцатью двумя оленями, у нас уже было два чума. Среди нас теперь было семеро маленьких детей, три женщины, четверо мужчин и множество собак [Доннер, 2007, с. 140–141].

Мужчины, чтобы окончательно проснуться, выкуривают утреннюю трубку. Почесав во всех приличных и не очень приличных местах, самоеды начинают умываться. Из-за высокой ценности воды это своеобразный процесс. Сначала набирают воду в рот, полощут горло, затем эту же воду выплевывают на руки и умывают лицо. Таким образом, одного глотка воды аборигенам достаточно для мытья рук и лица. Забавно наблюдать, как женщины, держа под мышкой своих малышей, ловко выбрызгивают в их мордашки струю воды. Вообще-то умываться в жилище самоедов бесполезно, все равно через пять минут снова покроешься сажей и станешь таким же черным, как был. …Вытираются аборигены гигиеничными полотенцами из свежей, мягкой и душистой березовой стружки, которую женщины каждый вечер готовят из полена [Там же, с. 141].

За это они вытаскивают у меня из волос самых крупных и заметных вшей. Обычно они делают это только для своих мужей. Вскоре несколько сотен вкусненьких насекомых оказываются пойманными. Самых жирных из них аборигены с нескрываемым удовольствием отправляют в рот и лакомятся ими, как мы конфетами. Но всех кровожадных извергов выловить невозможно [Там же, с. 143].

Женщины готовили ужин. Несмотря на голод, у меня напрочь пропал аппетит, и я решил, что впредь никогда более не стану смотреть, как это делается. Из семерых детей кто-нибудь обязательно справляет нужду прямо на земле. Мать, занимающаяся приготовлением пищи, хватает «преступника», вытирает его, затем пол и, не моя рук, продолжает готовить. Между делом она то и дело почесывает голову или живот, поправляет свою обувь. Когда еда готова, женщина достает стол и чашки, которые она моет своей слюной, размазывая ее пальцами по посуде. Можно быть уверенным, что в таких условиях все обитатели чума заражаются друг от друга, и, если у кого-то сегодня болит желудок, назавтра он будет болеть у всех. К счастью, в тундре относительно чистая земля, поэтому последствия не столь плачевны, как могли бы быть [Там же, с. 145].

Мои спутники кормят своих грудных детей сырой замороженной рыбой и всем тем, что едят сами. Однако при этом даже двенадцатилетним детям матери дают грудь. Старшие дети ходят полураздетыми, младших выносят на снег в одних рубашках — таким образом их закаляют [Там же, с. 145].

Вместо этого мы принялись за мясо погибшего оленя, которого мы нашли в тундре и прихватили с собой на случай крайней необходимости. Мясо, разумеется, горчило и пахло явно неаппетитно… [Там же, с. 146].

Следующие два дня мы пытались добыть хоть что-нибудь, но охота была неудачной. Никто не мог поделиться с нами едой, все голодали [Там же, с. 149].

Тринадцатого марта мы подъехали к селению Sar-mor, где во второй раз встретились с остяками. Они голодали так же как и мы [Там же, с. 150].

Б. М. Житков. Полуостров Ямал. 1913 г.

Д. П. Филатов и В. Н. Введенский употребили в это время два дня (21 и 22 марта) на экскурсию в верховья Соби (или, как называют ее в Обдорске «Собской реки») к проходам через Урал, отправившись туда через Собские юрты. В юртах застали они промысел щуки и известных собских ершей, лов которых уже кончался. Щуки ловились преимущественно 5–10-футовые. <…>

<…> На второй день пути пересекли Собь, которая течет в каменистом ложе. На реке есть рыболовные заборы, — кроме ерша и щуки ловят также налимов… [Житков, 1913, с. 22–23].

Около устья Щучьей встретили мы безоленных самоедов (таких много стоит по нижней Оби и губе, нанимаясь летом на промыслы), перекочевавших на другое место. Все имущество вместе с маленьким чумом погружено было на двух нартах, которые тащили самоед, самоедка и две собаки [Там же, с. 25].

Области, пройденные нами, заняты главным образом кочевьями малооленных самоедов, держащихся неподалеку от Обской губы и богатых рыбой больших озер Ярро-то, из которых вытекает Юрюбей. Между Щучьей и Хадыте лежат кочевья Варвацких оленных остяков, число которых определить очень трудно, так как они часто меняют места кочевий в зависимости от хода рыбного промысла. Приблизительно хозяев здесь человек 20, число оленей у хозяина от 20 до 50. Между Хадыте и бассейном Тоборок и частью ближе к губе и озерам Ярро-то кочуют малооленные самоеды из рода Пуйко. Некоторые из них владеют песками по Обской губе. Между Тоботаркой и Ядой есть самоеды из рода Вануйта, между Ядой и Ярро-то — из рода Теймя. Большинство малооленных самоедов отдают своих оленей пасти в отдельные чумы (так что олени соединятся в большие стада под присмотром одного чума), а сами работают летом на рыбных промыслах русских или самостоятельно промышляют рыбу.

Промысла на Оби и Ярро-то привлекают временно и самоедов из других родов, так что границы между кочевьями и права на владения водами здесь гораздо менее определены, чем далее к северу, за Ярро-то и Юрюбеем [Житков, 1913, с. 28].

Скоро перешли большое озеро Менган-то (Омутное), богатое, по словам самоедов, рыбой [Там же, с. 33].

Перешли по льду большое озеро Ерво-то, иначе Тэттан-то… Большинство из встреченных здесь озер рыбные, т. е. зимою не промерзают до дна, и самоеды летом промышляют на них. Самоедские промыслы весной по льду происходят также на Обской губе у Находки и ниже — близь устья Поюте и, местами, до Каменного мыса. Здесь ловится, между прочим, и осетр (главным образом мелкий, так наз. карышь и лобарь — от трех до десяти футов) [Там же, с. 34].

В озере Сяо-то самоеды ловят нельму (которой здесь в противоположность большинству озер много), муксуна, сырка, щокура, пыжьяна, налимов и щук. Мне рассказывали также, что изредка заходят в озеро тюлени [Там же, с. 35].

…6 мая пересекли Венуй… и …реку Сабетту. <…> На губу в этой широте самоеды весной выходят редко. Больших озер в тундре нет. Промышляют главным образом песцов и птицу. Дикий олень редко заходит из северных частей полуострова южнее Тамбея — до Венуя. Белого медведя на губе никогда не бывает. Изредка в тундре встречается россомаха. По словам самоедов (насколько можно было разобраться в их счислении по лунам), губу в этой широте взламывает не ранее конца июня, причем открытая вода стоит около трех месяцев, и в течение этого времени льду с севера не приносит. Зимой губу переезжают, если нужно, на оленях, — иногда промышляют тюленей у противоположного ея берега [Там же, с. 44].

Течение Тамбея является приблизительной границей распространения на юг дикого оленя, а широта его устья — распространения в губе тюленя в большом количестве. У Тамбея на губу самоеды выезжают промышлять тюленя и рыбу яун-гале (омуля). Ловлей омуля и ограничивается здесь рыбный промысел, так как больших рыбных озер нет в тундре. <…>

<…> Вотчины рода Тузида тянутся к северу от Тамбея до речки Хабей-яга. Старшина имеет около 3000 оленей… Места кочевок рода Тузида граничат с вотчинами самоедов Уэнога; места последнего рода тянутся до пролива Малыгина. Некоторые из принадлежащих этому роду самоедов имеют значительные стада оленей, но все усердно промышляют дикого оленя и белого медведя. С побережья именно пролива Малыгина и с Дровяного берега приходит на Обдорскую ярмарку небольшой процент медвежьих шкур [Там же, с. 45–46].

[8 мая] Тёроку Уэнога, один из богатых оленщиков, промышляющих по побережью восточной части пролива Малыгина и на устье Обской губы, стоял с «мелким скотом» (т. е. важенками, приплодом прошлого года и пешками) в верховьях рек Холе-яга и Яптик-яга, на низкой тундре, местами только богатой ягелем. Севернее, ближе к проливу Малыгина, ягеля нет или почти нет, и оленей там подкармливают травой на проталинах. Поэтому промышленники приходят для промыслов к побережью обыкновенно с первым наступлением весны. Во время нашего приезда брат Тероку стоял ближе к проливу со стадом «быков» (кастрированных ездовых оленей) и оттуда выезжал на лед промышлять.

<…> Незадолго до нас убили последнего медведя, шкура которого сушилась около чума. Но в последнее время из устья губы лед окончательно вынесло, зверя на море не было, и ездили изредка промышлять только оленей, которых на восточной стороне побережья Малыгина, впрочем меньше, чем на западной. Оленя, как и тюленя на льду, промышляют, подползая к зверю с доской, поставленной на два маленьких, оббитых оленьей шкурой, полоза. Поставленная на ребро доска, которую ползущий охотник двигает перед собой рукой, закрывает стрелка, который, приблизившись на выстрел, просовывает дуло винтовки в прорезь доски. Медведя преследуют по льду на выезженных для этой цели оленях и стреляют с нарт. [Там же, с. 47–48].

Наш хозяин, как и некоторые другие самоеды из Уэногов и Ямалов, охотящихся на западной стороне пролива, не откочевывал зимой на юг и провел весь год на Малыгине. Остаются здесь самоеды главным образом для того, чтобы промышлять медведя, охота которого начинается, как только окончиться ночь. В нынешнем году медведя промышляли удачно, — по всему побережью Малыгина убили 9–10 зверей. На вопрос мой, не страдают ли зимой самоеды от цинги, все отвечали отрицательно. Цинги здесь не знают, и благополучие зимовок правильно объясняют обилием свежего мяса и особенно крови («цинга крови боится»). <…>

<…> Оленеводство, соединенное с выгодным морским промыслом на медведя и ластоногих, с избытком обеспечивает жизненные потребности обитателей северных частей Ямальской тундры. Только рыбы и гусей

промышляют здесь очень мало. Рыбных озер близь Малыгина нет; ловят в небольшом количестве только омулей в устьях речек. Птиц в этих местах вообще мало.

Стада Уэногов сравнительно со стадами некоторых богатых оленеводов, которых встречали мы ранее в глубине тундры, невелики. Так, у Тероку было около 1 000 оленей, у Уэррено вместе с двумя братьями — не более 500 голов. Немного южнее чумов Уэногов стояло несколько самоедов из рода Тузида также с небольшими стадами [Житков, 1913, с. 55–56].

Как и ранее, тундра пустынна. На двух последних больших переходах видел я только несколько штук снежных подорожников и застрелил одинокую тундровую куропатку, одну из трех или четырех, встреченных за все время длинного пути от Тамбея до Морды. Два или три раза видели дорогой диких оленей (стайками по 3–6 голов); подход или подъезд к ним на совершенно гладкой снежной поверхности тундры был невозможен: олени сильно преследуются здесь самоедами и чрезвычайно осторожны. Самоеды говорили мне, что птиц здесь очень мало и летом [Там же, с. 57].

Стоянки оленеводов зимою лежат на моховых пастбищах ближе к центральным областям полуострова. С появлением проталин отдельные промышленники на быках подходят к берегам Карского моря, где нет или почти нет ягеля, чтобы промышлять морского зверя [Там же, с. 61].

Проводники наши, иногда зимующие в районе между Паинте и Моготтой, сообщили мне, что и зимою твердый припай тянется на расстояние 10–15 верст от берега. Дальше и в зимние месяцы лед часто относит, и море подолгу стоит открытое. Окончательно очищаются берега в июле, и море обыкновенно открыто до поздней осени. Изредка только летом наносит лед. Тюлени (нерпы) многочисленны всюду по этому побережью. Редко бьют зайцев, еще реже — моржей и медведей. Олени в большом числе держаться только между проливом и Паинте, и более редки южнее, попадаясь, однако, и до Пясидай. Вновь большими стадами появляются они в пустынных областях побережья на широте Шараповых кошек [Там же, с. 63].

На Пясидай старшина стоял налегке. Большая часть его стада с имуществом в зимних нартах оставалась ближе к хребту. Сыновья его выезжали промышлять на припай. Нерп, по их словам, бывает здесь много. Зайцев, моржей и медведей удается бить редко [Там же, с. 66].

Близь устья Харасовай стояли два промысловых чума с небольшим числом оленей и почти без запасов. <…> По берегу вдоль Шараповых кошек до устья Морды чумов не было. О том, есть ли где-нибудь чумы «в горе», по правой стороне долины Морды, самоеды ничего не знали. Южнее Морды по берегу самоеды промышляли несомненно [Там же, с. 71].

На этих низменностях, почти лишенных ягеля, домашних оленей не пасут.

Шараповы кошки, далеко отгородившая море, делают неудобным и промысел на тюленей. Большое пространство тундры кругом всегда пустынно, и дикие олени пасутся здесь на свободе.

<…> Прокормление самоедов и теперь и позже облегчалось еще тем, что они вполне охотно едят полярных сов, канюков и поморников, вообще все, кроме чаек (халеу), которых не употребляют в пищу из каких-то религиозных соображений [Там же, с. 73].

…Чум южнее места нашей стоянки, вблизи устья небольшой речки Моготты, впадающей в море там, где морской берег делает небольшой крутой выступ к западу. Самоед Сейлома Окотэтта стоял верстах в 5 от моря с быками на промыслах. Здесь промышляли тюленей, гусей и ловили силками гаг [Там же, с. 78–79].

[7 июня] В обширных и глубоких озерах Ясавай промышляли сырка, щокура, пыжьяна, налимов и щук. В чумах вялили гусей (которых в это время ловят капканами на гнездах) и заготовляли рыбий жир и гусиное сало [Там же, с. 85].

Охота приносила нам в достаточном количестве гусей, гаг и авлеек. Но запасы рыбьего жира, который был взят для самоедов, истощились, масла осталось мало, а самоеды с трудом обходятся без таких запасов, даже имея достаточно мяса [Там же, с. 98].

Широкое морское устье Ясавай и Юрюбея на большей части своего протяжения мелководно… Самоеды промышляют на устье тюленей, морских зайцев и омулей. Тюлени часто заходят в Юрюбей верст на 30 от устья [Там же, с. 103].

Несколько чумов самоедов разных родов, промышлявших рыбу, стояло на озере. Чумы стоят также в различных местах по течению Юрюбея. И река и оба озера богаты рыбой. Из чумов, в которые посылал я за рыбой, после нескольких часов ловли привезли нам больше 10 пудов крупных сигов разных пород. Среди них были и муксуны. По словам самоедов, нельма и таймень также попадаются в озере… [Там же, с. 105].

Распределение отдельных родов по территории Ямала видно из приложенной карточки. Само собой разумеется, что распределение это и места стоянок отдельных чумов не абсолютно постоянны. Случается, что

в силу тех или иных причин чум вовсе переменит место своей летней стоянки, передвинувшись даже в пределы чужого рода. Но в общем самоеды, подобно владельцам рыболовных угодий в дельте Оби и нижнеобским остякам, считают себя вотчинниками, и каждый хозяин чума укажет точно (по урочищам) границы своих пастбищ, а равно и границы владений своего рода. В пределах своих пастбищ чум мало передвигается весною и летом, — только чтобы перегонять оленей на свежие ягельные места. В черте своих владений самоед ловит рыбу в озерах, гоняет линных гусей и считает своей неотъемлемой собственностью песцовые норы, вблизи которых ставит слопцы и капканы. В течение года самоеды Ямала делают две большие перекочевки: в начале зимы со своими стадами спускаются они в пределы лесов до Надыма и Обдорска… При приближении весны, в течение марта и апреля, самоеды идут обратно на свои пастбища. От широты Обдорска до средних и северных областей Ямала идут около двух месяцев. Таким образом в общем четыре месяца в году чум находится в движении, проходя большой путь с юга на север или наоборот; остальные 8 месяцев он стоит на месте, передвигаясь лишь очень немного, — или в лесах и криволесье по бассейну низовий Оби или в тундрах Ямала. С ноября по март Ямал пустеет; остаются иногда лишь немногие чумы вблизи пролива Малыгина и у берега Карского моря, чтобы ранней весной промышлять медведей. Нельзя отрицать, впрочем, что и на Обдорской губе или больших озерах кое-где сидят самоеды, имеющие так мало оленей, что не имеют никакой возможности пуститься в далекий путь и годами не выходят из тундры. Часто, однако, такие присоединяются для перекочевки к сильным чумам.

Большая дорога с юга на север и обратно пролегает центральными частями полуострова и главным образом по восточную сторону перевала, так как «хребет» вообще, и в особенности с восточной стороны, относительно более богат ягельными пастбищами. Берег Обской губы местами беден ягелем, на Карском море во многих частях побережья ягеля нет вовсе. Поэтому весной по снегу чумы стоят в верховьях рек. С появлением же проталин и зеленого корма некоторое количество чумов подходит к берегам Карского моря для промысла тюленей. Очень часто сюда подходят только с небольшим количеством ездовых быков, между тем как остальной скот стоит дальше от берега на более богатых пастбищах. По берегу Карского моря чумы стоят от Паинте до Харасовай; южнее, приблизительно до Морды или Моготты, побережье пустынно. Далее к югу до Падараты снова кое-где стоят летом промысловые чумы. С наступлением весны некоторые чумы изменяют также места своих стоянок, подходя к рекам или большим озерам для ловли рыбы.

Каждый самоед в тундре знает места стоянок ближайших к нему чумов, а способность обитателей тундры ориентироваться в гладкой тундре, выследить, даже во время буранов, проехавшего человека, определить время, когда — и направление, по которому «каслал» чум, — приближается к способностям зверя [Житков, 1913, с. 206–209].

Стада отдельных хозяев достигают 5 000 голов. Самоед с двумя-тремя сотнями оленей считается уже малооленным. Вблизи промыслов Обской губы ютятся, впрочем, самоеды с очень малым количеством оленей (которых для пастьбы соединяют в сборные стада, между тем как хозяева нанимаются на рыбные промыслы), иногда вовсе безоленные и часто сильно опустившиеся. Но чем дальше в глубину тундры, тем заметнее достаток, и тем симпатичнее характер кочевников.

<…> Питание их обильно и разнообразно. Кроме оленьего мяса и свежей рыбы запасают они также вяленую рыбу, варку (рыбий жир) и вяленое гусиное мясо. В Обдорске закупают муку, ржаные сухари, печеный ржаной и белый хлеб, сушку (крендель), коровье масло, кирпичный чай (который пьют и любят все) и табак, а более богатые также сахар и крупичатую муку. Водку запасают в зависимости от достатка и любят ее сильно. Однако спиться в расстоянии 600–800 верст от винного склада трудно, и пьяных на Ямале мне почти не приходилось видеть. В нужном случае покупают и в тундре водку у запасливых, уплачивая оленя (т. е. 10 руб.) за четверть. Есть самоеды большие мастера, и ни один русский в этом за ними не угоняется. Они с трудом обходятся без жира и сырого оленьего мяса. Рыбу всего охотнее едят также сырую, только что пойманную. В таком же виде едят, впрочем, рыбу и русские рабочие и рыбопромышленники на промыслах по нижней Оби. Чай в самоедских чумах кипятят обыкновенно в чайниках и подают в чайных чашках. Весной самоеды собирают на еду много гусиных яиц. Птиц едят, не исключая гагар, поморников и хищных. Не едят чаек, которые считаются в числе священных птиц [Там же, с. 209–210].

Главное занятие самоедов — оленеводство, о котором я буду говорить особо.

<…> Промышленники, стоящие на Малыгине и по северо-западному берегу полуострова (Уэнога, Ямалы, Яптики), промышляют некоторое количество белых медведей. Охотятся за ними обыкновенно на припае, на оленьих нартах. Оленей для этого употребляют одних и тех же, по возможности приученных к охоте. Нужны нестомчивые олени, чтобы можно было при случае возможно далеко по льду преследовать зверя.

В тех районах, где держатся северные олени, ведут правильный промысел и за ними. Дикие олени очень сторожки, и для подхода к ним употребляют особое приспособление в виде доски фута в 1½ вышиною и фута в 4 длиною, которая поставлена на ребро на 2 маленьких полоза, обтянутые оленьей шкурой. Иногда и доску обтягивают белой шкурой или коленкором. Подойдя к пасущимся оленям из-за натурального прикрытия (берега оврага, холма), насколько это возможно, самоед ложится на землю и ползет к зверю, двигая перед собою доску, сзади которой, на особых колышках, лежит винтовка. Приблизившись на выстрел, промышленник снимает винтовку и просовывает ствол ее в четырехугольное отверстие, прорезанное в доске. С этой же доской на льду подходят к тюленям. Нерпа от постоянного преследования также сторожка и лежит обыкновенно строго у самого продуха. Слух ее хорош, и достаточно задеть доской за торос или зашуршать снегом, чтобы она ушла. Поэтому охотятся обыкновенно вдвоем, и пока один охотник ползет, другой, стоя на большом расстоянии, но на виду, отвлекает внимание нерпы, распевая песни. Прислушиваясь к голосу человека и следя за фигурой, стоящей открыто, нерпа легче позволяет приблизиться ползущему с доской промышленнику. Так же подходят к морскому зайцу. Морж же, по словам самоедов, мало сторожек, иногда крепко спит на берегу и дает подойти на несколько шагов. Промысел на морского зверя ведется почти исключительно на прибрежном льду; только очень немногие самоеды имеют на Карском море небольшие карбаса.

Летом самоеды промышляют — в небольшом количестве — ружьями (очень редко дробовыми, чаще винтовками) лебедей, гусей и гагар. …Главную массу водяной птицы промышляют линной, употребляя иногда — в особенности для уток — сети. Линных гусей выгоняют из озер на колыданных лодках и бьют на берегу палками и травят собаками. Гаг и уток ловят также пленками (петлями), а гнездящихся гусей, белых сов, канюков и поморников железными капканами, которые ставят на гнезда.

<…> Волка, лисицу, горностая и росомаху в тундрах промышляют редко. Но зимой, во время пребывания в лесах, промышляют иногда и лисиц и горностаев, а также белок. <…>

<…> Рыбу самоеды промышляют небольшими неводами (сажень в 50 длиною), обыкновенно в заводях больших озер. Рыбу внутри полуострова, на Карском море и на Обской губе севернее русских промыслов — добывают исключительно или почти исключительно для своих потребностей, — разве продают иногда в небольшом количестве другим самоедам [Житков, 1913, с. 211–213].

По движущейся цели приходится им стрелять изредка только при очень оригинальном способе охоты на диких оленей. Если олени встречены в совершенно гладкой тундре, где подход невозможен, самоед, если едет на свежих и быстрых оленях, выпускает свою нарту к зверям или наперерез им. Когда дичь начинает уходить, он пускает своих оленей карьером, изменяя несколько направление и как бы заскакивая то справа, то слева. Дикие олени также меняют направление и обыкновенно начинают метаться, т. е. бегут по ломанной линии с малыми углами; преследователь же едет по ломанной же линии, но вытянутой, с большими углами, и этим выигрывает расстояние. При этом способе преследования, если олени быстро не прорвутся и не пойдут прямо и полным бегом, удается иногда подскакать на 100–150 шагов [Там же, с. 214–215].

Семьи самоедов немногочисленны, но о каком-либо «вымирании» населения тундр Ямала пока не может быть речи. Народ этот в общем здоровый и закаленный. Один только раз за все время пути в тундре видел я лицо со следами сифилиса. Самоеды отличаются выносливостью по отношению к простуде и способностью долго не есть (в противоположность обычной своей прожорливости), долго не спать, без конца ехать, сидя на нарте. Но к тяжелой физической работе мало способны и не имеют сильной мускулатуры. Болеют редко. Цингу знают больше понаслышке, — свежий воздух чумов и питание свежим мясом и рыбой от нее спасают. Что-то похожее на «имеряченье» бывает и у самоедок и у остячек, но редко. С точки зрения достатка, здоровья, пристрастия к водке, гораздо худшую картину дает самоедское население юга полуострова, жизнь которого теснее связана с обскими рыбными промыслами [Там же, с. 219].

С. И. Руденко. Инородцы нижней Оби (этнографический очерк). 1914 г.

С наступлением весны оленеводы [вогулы] соединяют своих оленей в большие стада и отправляют с пастухами на Урал, в пояс альпийских лугов, и далее на север по направлению к Карскому морю.

<…> Все остальное население по вскрытии рек покидает зимние жилища и расселяется по своей реке на местах, удобных для рыболовства, причем значительная часть спускается в низовья Сосьвы и даже на Обь, распространяясь верст на 120–150 севернее Березова по так называемой Куноватской Оби. Я уже упоминал, что в низовьях Сосьвы вогулы приходят в близкое соприкосновение с обскими остяками, миграция при

этом идет обычно со стороны вогулов. По р. Сосьве, даже в ее низовьях, мне не приходилось встречать остяков, между тем как на прилежащей Малой Оби, в Пукшам-пауле, — Нярэхумит-пауле, Аргин-пауле, Лохпоспауле, Ильбигорт-пауле, — вогульский элемент если и не преобладает, то очень значителен, по крайней мере, вогульский язык здесь следует считать господствующим. Таким образом, здесь на востоке провести резкую границу между остяками и вогулами затруднительно. Некоторое влияние на миграцию вогулов в низовья Сосьвы и на Обь имеет, по-видимому, обычай спускаться вниз по реке для рыбного промысла навстречу вонзявой (идущей с моря метать икру) рыбы. Так, по крайней мере, образовались Игрим-пауль. Ялыуз-пауль и друг. из переселенцев с р. Сыгвы (Ляпина) и вершин Сосьвы в низовья. С наступлением осени вогулы возвращаются к своим зимним жилищам, а с первым снегом начинается зверовой промысел.

Долина р. Оби и ее притоки (Казым, Полуй, Сынь, Вогулка и друг.) населены остяками, только на севере соприкасающимися с самоедами. Большинство остяков, живущее на р. Оби, скорее чем все прочие могут быть названы оседлыми; зимой они все занимаются промыслом пушного зверя, преимущественно белки, на вполне определенной территории, прилежащей к их зимним жилищам (горт); некоторые и зимою промышляют рыбу. Лето они проводят приблизительно на тех же местах, где имеют зимние жилища, занимаясь рыболовством. Только начиная от Ишвар-горта к северу встречаются остяки оленеводы, особенно богатые в низовьях Оби. Образ жизни остяков, живущих по притокам, совершенно аналогичен таковому северных вогулов, т. е. летом часть спускается на Обь, часть промышляет рыбу на своей реке, стада оленеводов уходят на Урал и к северу; зимой занимаются звероловством. Отличаются от своих единоплеменников по образу жизни, как и во многом другом, только остяки живущие по р. Казыму. Летом казымцы расселяются по р. Оби вверх и вниз от устьев Кязыма и сравнительно немногие остаются на своей реке. Казымцев можно встретить от с. Кондинского и выше до устьев Оби и даже в самой губе мне приходилось встречать семьи казымцев до р. Вануйто.

<…> Если не все, то значительное большинство казымцев имеет оленей, но смотрит на них только как на средство передвижения; они охотники, больших стад не разводят. Я знал только одного казымца, у которого было немного более ста оленей; обычно они держат 10–30 оленей на семью. Характерно для них и то, что с оленями на север они не откочевывают, а пасут их все лето на специально огороженных пастбищах, у себя дома [Руденко, 1914, с. 3–4].

Казымцы не имеют поселков, а живут отдельными семейными группами, разбросанными везде в лесах по бассейну Казыма по одной, по две избушки — редко более. Сюда они собираются поздней осенью и живут в избушках только часть зимы; пройдет период больших морозов, и казымцы отправляются на нартах с семьями кочевать по лесам в погоне за дичью.

Провести сколько-нибудь резкую границу между остяками низовьев Оби и самоедами очень трудно, так как обе эти народности на севере смешиваются между собою. Границей принято считать р. Оксарку, впадающую в Обь верстах в ста ниже с. Обдорска. Такое разграничение основано на том, что ниже Оксарки рыболовные угодья (пески) принадлежать уже самоедам. Но это не точно потому, что не мало остяков можно встретить летом в губе, а самоедов (в особенности при перекрестных браках) выше Оксарки; зимою остяки и каменные самоеды кочуют в одной и той же области.

Если остяки и вогулы являются преимущественно охотниками и рыболовами, а оленеводство служит для них лишь побочным средством существования, то самоеды, напротив, типичные оленеводы и весь склад их жизни в значительной степени зависит от потребностей этого животного. Оседлых или полуоседлых самоедов в сев.-западной Сибири мы совсем не знаем; все они кочуют со своими стадами оленей. Бедные, не имеющие достаточного для перевозки чума количество оленей, соединяются по два, по три семейства, живущих в одном чуме; в крайнем случае, они кочуют с богатыми сородичами, исполняя обязанности пастухов.

<…> Только часть самоедов, да и то беднейшая, проводить лето в низовьях Оби и Обской губе, занимаясь рыбной ловлей в качестве полуневодчиков — вотчинников (вотчинниками называются владельцы промысловых угодий — «песков»; попуневодчиками — самоеды (часто вотчинники), которые получают от арендатора «песка» невода и обязуются представлять ему рыбу за цену заранее условленную) или рабочих у русских и зырян рыбопромышленников.

Своих оленей они на это время соединяют в большие стада и отправляют с пастухами на север. Значительное большинство самоедов, имеющее достаточное количество оленей, кочует и летом, причем каменные — отправляются в северную часть Урала и хребет Пай-Хой к Карскому морю, большинство на Ямал и далее до острова Белого, где или на тундровых озерах, или на берегу моря занимаются рыболовством, на крайнем севере промышляют, кроме того, белого медведя и моржа. Низовские — проводят лето на Тазовском

полуострове. На местах своих летних кочевок осенью самоеды занимаются звероловством, ставят слопцы и друг. ловушки, промышляют песцов и лисиц. С наступлением холодов они постепенно подвигаются на юг и направляются со своими стадами — каменные и часть низовских — мимо с. Обдорска в леса, в вершину р. Полуя; другая часть низовских по направленно к г. Сургуту. Здесь в лесах они промышляют белку и другого зверя. При переходе через Обскую губу к ним присоединяются рыболовы; вся область за полярным кругом на некоторое время совершенно пустеет. Передовые самоедские чумы подходят к Обдорску в начали декабря, («остяцкие» — недели на три раньше, при обратном движении они на столько же запаздывают); в начале февраля проходят последние самоеды, в марте происходить обратное движение на север [Руденко, 1914, с. 4–5].

Относительно того, какие звери, птицы и рыбы употребляются в пищу нужно сказать, что съедается все: и чайки, и совы, и белки, медведи, росомахи и другие хищники и всевозможные рыбы. Не едят тех животных, которые являются для данного рода табу — будь то остяки, или вогулы. При этом принимаются во внимание чисто религиозные мотивы и то животное, которое нельзя употреблять в пищу, обычно нельзя убивать и ловить. Вместе с тем остяк или вогул одного рода не будет убивать или есть ту птицу или рыбу, которую ест одноплеменник из другого рода, и наоборот. Так местами не едят — щуку, налима, чайку, гагару, некоторые виды уток, орла, гуся, лося и других животных [Там же, с. 6].

Как я уже упоминал, часть северных вогулов, низовые остяки и все самоеды являются оленеводами; для последних олени служат не только средством передвижения, но и средством существования. В большинстве это типичные кочевники, не имеющие даже временного оседлого жилища. Борьба за существование выработала у северного оленя, как и у многих других животных, инстинктивную, сезонную миграцию и оленеводу, дорожа благосостоянием своих стад, приходится подчиняться этому требованию природы и совершать со своими стадами те же передвижения, нередко в то же время и по тем же путям, по которым мигрируют дикие северные олени.

Много хлопот доставляют олени своим хозяевам, особенно летом. Зимой оленевод к ночи подгонит стадо поближе к чуму и спокоен; на утро он, по следам, скоро отыщет своих оленей, если только, на несчастье, их не разгонит волк. Другое дело летом — и следов нет таких заметных, как зимой, и олени менее спокойны, а главное комары и мошки сильно беспокоят оленей и немалого труда стоит пастухам согнать стадо, чтобы оно не разбрелось и не потерять какого-нибудь оленя. Зато олени вполне обеспечивают существование: шкуры их дают оленеводу одежду и жилище, мясо — пищу; кость, рог, шкура, все утилизируется для хозяйственных надобностей [Там же, с. 7].

Можно смело утверждать, что природа в достаточной степени наделяет пищей население сев.-зап. Сибири, и при его достаточно ограниченных потребностях о голоде не может быть и речи; однако нужно заметить, что пища исключительно животная — растительной нет абсолютно никакой. Правда, в полосе древесной растительности много ягод — клюквы, брусники, голубицы, различных сортов смородины и друг., а тундра, поскольку мне ее приходилось видеть, почти сплошь покрыта ягодами: среди торфяников — голубица и клюква, на более высоких местах черника и брусника, в сырых местах, по ручьям, в изобилии встречается морошка, повсюду вороница, на южных склонах и в долинах рек княженика и даже малина встречается на Оби севернее с. Обдорска. Несмотря на такое изобилие ягод, их никто там не собирает, не собирают и грибов, которых там удивительное разнообразие. Только остяки — казымцы да вогулы — местами собирают и делают на зиму запасы клюквы, изредка брусники. Потребление хлеба стало в настоящее время для коренного населения Березовского уезда не только привычкой, но и потребностью. У остяков и вогулов повсеместно есть мука, из которой они пекут в золе лепешки, или в специальных печах — плохие хлебы; самоеды и остяки-оленеводы муки покупают сравнительно мало, предпочитая запасаться печеным хлебом и сухими кренделями. Не останавливаясь на способах приготовления пищи и на заготовке запасов, так как это отвлекло бы меня слишком далеко в сторону, замечу только, что на сев.-западе Сибири кулинарное искусство не играет сколько-нибудь значительной роли, так как мясо в больших количествах потребляется в сыром виде — летом свежее, обыкновенно только что добытую рыбу или убитого оленя, — зимою замороженное [Там же, с. 7–8].

В. И. Анучин. В стране черных дней и белых ночей. 1916 г.

Скотоводство в Туруханском крае развито очень слабо.

Русское население держит лошадей и коров, но в очень ограниченном количестве по причине полного отсутствия места для пастьбы, что заставляет делать крупные запасы корма. То же самое отсутствие подножного корма служит причиною того, что в Туруханском крае совершенно не занимаются овцеводством.

Не имеется здесь и свиней, которые, как утверждают местные люди, не выдерживают морозов. Короче говоря, кроме лошадей и коров, туруханцы не имеют других животных, а потому продукты животноводства служат предметом ввоза, из них главным образом масло.

<…> Мясо и молоко оленя служит основной частью пищи для населения [Туруханского края] [Анучин, 1916, с. 29].

Кормят собак главным образом рыбою, и за ними нет никакого ухода. От лютых морозов собаки зарываются в снег, а летом в комариную пору они имеют свое место в чуме, около двери.

По породе — это наши южные крупные дворняжки, но туруханская собака имеет явное отличие, она редко лает, держится солидно, не ищет ласки, слегка угрюма. <…>

<…> Говоря о домашних животных, можно упомянуть еще о том, что кошка если и встречается в Туруханском крае, то в очень немногих домах.

Из домашних птиц русское население держит в незначительном количестве одних только кур.

Голуби, несмотря на многие попытки развести их, не выдерживают климата и вымерзают; да оно и понятно, если даже ворона для края является перелетной птицей [Там же, с. 31].

С. М. Чугунов. От Тобольска до Обдорска летом 1915 года

Считаю нелишним прибавить, что и виденныя мной в Обдорске собаки-лайки (Canis familiaris domesticus borealis Br) были белаго с желтоватым оттенком цвета, с необыкновенно пушистым хвостом и длинными волосами, чем резко отличались от виденных мною лаек в Сургутском уезде [Чугунов, 1917, с. 17].

Г. М. Дмитриев-Садовников. Река Надым. 1917 г.

Животный мир Надыма довольно разнообразен; здесь встречаются и представители тундры — волк, песец, и представители леса — медведь, белка.

Медведь в низовья заходит лишь изредка, чаще встречается в среднем районе и верхнем. Дикий олень здешней местности представляет переход от кочевого оленя тундры к оседлому, лесному. В то время, когда даже домашния стада оленей уходят в низовья тундры, чтобы избежать оводов, он остается на зимних местах, спасаясь или на материковых увалах, или на песках реки. Его удерживает здесь обилие корма и родина. Начинает встречаться в районе средняго течения реки, в верховьях реки — обилен. Лисица распространена по всему району Надыма. По берегам приходилось встречать много ея следов. Более — белодушка, в низовьях; в районе средняго течения — сиводушка; черная — редко. Выдра в низовьях реки редка, а в верховьях — распространена. Привозится на продажу самоедами и пян хазово. Соболь встречается в верховьях. Росомаха встречается по всему району. Зайцев много; как особенность, нужно отметить довольно пышный мех. Горностай встречается по всему району. Бурундука видеть не приходилось, но говорят, что встречается. Белка значительно распространена по всему району. Волки заходят с низовых тундр, следуя за оленьими стадами. К весне возвращаются обратно, лишь изредка оставаясь и на лето. Песец здесь проходной и, по-видимому, бывает лишь зимою, и то годами. Распространен по всему району, но более — в низовьях. Мышь здесь живет. Привезен один спиртовый препарат; животное поймано близ Иовеля.

Птицы здешния — местныя и перелетныя. Куропатка распространена по всему району, в иные годы почти исчезает, переселяясь в другия места, но через несколько лет опять появляется в значительном количестве… Глухари встречаются осенью по материкам, борам и гривам; так же и пестрыя тетерьки, зимами исчезающая. Косачи появляются с осени и держатся до ледохода. Рябчики распространены по всему району. Приходилось встречать — выше первых избушек — и в тальниках, и в березняках… Филины нескольких пород распространены по хвойным лесам… Встречаются и совы. Ястреб-тетеревятник довольно распространен. <…> Ворон обычен осенью и зимою. <…> Ронжа распространена… Дятел красно-пестрый встречается... <…> Кукша иногда встречается… Чечетки попадались по всему району. По всему же району распространен и орел белохвостый, значительных размеров. Птица эта перелетная, но покидает как-то незаметно Надым на короткое время: в феврале появляется вновь… Встречается и копчик. Мышелов большеголовый встречался нам нередко, не удалось добыть сведения, является ли он местным жителем или — перелетная птица. Ворона встречается близ жилья, держится по пескам и немного выше Иовеля, крайне боится человека, улетает с наступлением холодов после замерзания рек, возвращается в начале апреля. Снегирь замечается раннею весною, с первыми проталинами, и осенью, с первым снегом. Дрозды распространены… Стрижи часто встречались в береговых ярах… Ласточка синичка — обычна. Кукушка встречается… Не редки и малиновки.

Водоплавающия птицы прилетают в долину Надыма ранее, чем в район Обдорска; повидимому, оне двигаются с верховий Надыма, вскрывающихся ранее низовий. С первых чисел июля табуны самцов слетаются в низовья и начинают «линять»; линяющих птиц можно встретить даже в конце июня… Отлетают птицы в начале сентября.

Лебеди здесь довольно многочисленны. Подъезжая к Хорова, мы встретили их штук 10, плавающих в конце плеса противоположнаго берега реки. У Иовеля видели несколько экземпляров большого размера. Прилетают лебеди рано — в средних числах апреля или конце его, как только вскроются живцы. Гусей много в низовьях. Встречаются: гуменник трех пород, речник тоже трех пород, три же породы и казарки, чигвой и черный гусь. Первыми прилетают тяжелые гуменник и речник; за ними, когда начнут выскакивать речные осенцы, — казарка и последним, когда вода разольется по сорам, — чигвой. Гуменники и ручники остаются гнездиться здесь, особенно в рямовых сорах устья Ередея, казарка же улетает в низовья тундры; чигвой, по разсказам самоедов, гнездится по краю моря. <…>

Крохаль краснопестрый встречался нам на пути в Паули. Гагары распространены по всему району… Гоголей в низовьях мало: нет дуплистых деревьев для гнезд; чем выше по реке, начиная от Иовеля, тем гоголь распространен более. <…> Чернедь распространена по озерам и курьям. <…> Луток обитает по травянисто-хвощевым озерам. <…> Головня (турпан) попадалась по реке, выше Иовеля. Самки держатся значительными по количеству табунами. Любимое местопребывание птицы — яровыя заводи. <…> Савку мы находили в низовьи реки. Кладется она по чистым болотам, по краям речных омутов. По обилию серой крякковой птицы низовье Надыма можно назвать богатым местом. Но и в низовьи встретить ее в значительном количестве можно лишь весною, в мае, и здешнею осенью, в августе; в остальное время птица или линяет, или, приготовляясь к линянью, собирается в глухия места. Выше по реке этой птицы мало. Востроxвост распространен тоже в низовьях. <…> Свиязь замечается по курьям и хвощевым озерам. <…> Чирок держится по краю речек и по курьям. <…> Соксун попадается по водянистым травянистым озерам; его не много… Речной [халей] встречается довольно значительнаго размера: размах крыльев одного экземпляра оказался 5 фут. 2,5 дюйма. Крачка (водяная ласточка) встречалась по всему району. Ее можно видеть или парящей над чистыми песками, на которые в небольшая углубления она кладет яйца, или ловящей рыбу, или дремлющей на речных карчах. <…>

Из луговых — весною встречаются табуны турухтанов, среди которых выделяются бело-пестрые, красно-пестрые и черные, а также тундряной хохлатый кулик-петушок. Он с тревожно-тоскливым свистом встречает и провожает человека, то останавливаясь на торфяниковых возвышенностях, то быстро пробираясь в низинах. Кулички нескольких пород распространены по пескам реки. <…> Бекасов попадалось немало. Сверх ожидания, встретили — в березово-хвойных гривах — вальдшнепов [Дмитриев-Садовников, 1917, с. 19–23].

А. Ф. Теплоухов. По Ямалу: Путевые заметки. 1922 г.

Самоеды сообщили Лаксбергу, что они собирают яйца болотной птицы следующим образом: садятся на запряженную оленями нарту и ездят по осоке, покрывающей берега соров и лайд (пойм). Как только взлетит гусь, лебедь или утка, тотчас останавливаются и отыскивают гнездо. Если яиц мало, они забирают их в уверенности, что они еще не насижены, если много, то убеждаются в этом, разбивая одно на пробу… [Теплоухов, 1922, с. 120].

Б. Н. Городков. Краткий очерк населения крайнего северо-востока Западной Сибири. 1923 г.

Исследованный край населен следующими народностями: самоедами-юраками, остяками и русскими. Наиболее многочисленны из них самоеды, занимающие территорию окрестностей Тазовской губы вплоть до Енисея, весь бассейн Пура и большую часть обширного Обско-Тазовского водораздела. Они распадаются на три группы: низовых самоедов (хасово), тундровых, или просто тундру (вын-хасово), и лесных, или пян-хасово. Последние особенно отличаются как своим языком, так и образом жизни.

Первые две группы представляют собою типичных жителей тундры. Низовые самоеды (юраки) кочуют в пределах лесотундры, а вын-хасово проводят летнее время в Гыданской тундре и на Обско-Тазовском полуострове, а зимой кочуют частью между Тазовской губой и Обдорском по пути к последнему пункту, частью направляются к Енисею. В Обдорске они прежде сдавали ясак и закупали все необходимое во время январской ярмарки. Впрочем, в последние годы перед революцией тундровые самоеды часто не доходили до Обдорска, посылая туда с ясаком старшин, сами же останавливались в Ныде, Норе (при устье Надыма) и в Хэ, куда

выезжали с товарами купцы (в последние годы гыданские самоеды стали направляться, главным образом, на Енисей, где они получают товары по более дешевым ценам, чем в Тазовских факториях Облгосрыбпрома и куда им ближе, чем в Обдорск). Путь зимнего кочевания самоедов Обско-Тазовского полуострова проходит через Обскую губу на Хэ и Обдорск, а гыданские самоеды идут через Тазовскую губу у Ямбура и низовья Таза и Пура частью на Сургут, частью на Обдорск. Раньше они ходили в Сургут, пока в Обдорске была запрещена торговля вином. Дороги на Сургут пролегают вначале вдоль низовьев Пура. До р. Танловой, притоку Надыма, в пределах лесотундры самоеды движутся различными путями, далее же придерживаются одной дороги, так как приходится пользоваться издавна существующими просеками в лесах. Этот путь, которым ходят и жители низовьев Пура и Таза, является лишь зимней дорогой, прокладываемой преимущественно по безлесным болотам и по озерам. На лесистых участках она имеет вид узких просек. В 1922 г. «тундра» совсем не ходила в Обдорск, а оставалась в низовьях Пура и Таза, так как к западу от этих рек свирепствовала оспа. Иногда обычный путь кочеваний изменялся и по менее серьезным причинам. Во время нашего пребывания в низовьях Пура зимой 1923 г. прошел среди гыданских самоедов слух, что в Хальмер-седе (Тазовская контора Обь-Иртышского Облгосрыбпрома) самоедов мобилизуют для подавления восстания на юге. Кочевники, дойдя до Тазовской губы у Ямбура, остановились и не решались двинуться дальше, пока не выяснилась ложность этой молвы, возникшей в результате празднования Октябрьской революции в Хальмер-седе с торжественными процессиями и салютом из ружей.

По рассказам, некоторые самоедские семьи остаются и на зиму на побережье Ледовитого моря. Сначала они отправляются вместе со всеми к югу, но, пройдя немного, часть чумов возвращается обратно. Это делается для того, чтобы освободиться от волков, идущих за стадами. Зимующие на побережье пользуются для топлива плавником. Кочующие к югу имущество обыкновенно везут с собой, опасаясь покраж, и прячут. Рыбу сохраняют от зверей в ямах.

Главное занятие тундровых самоедов — оленеводство и пушной промысел, в незначительной степени они занимаются также рыбной ловлей. Среди них имеются владельцы крупных стад, достигающих 5000–7000 голов. Однако, падежи последних лет, особенно 1922 г., сильно уменьшили это число. В зависимости от условий пастьбы тундровые олени отличаются от пуровских. Первые никогда не бывают упитанными а, значит, и хорошими ездовыми. Это зависит от того, что в Гыданской тундре нет богатых пастбищ, каковые обыкновенно южнее. Желая приобрести хороших ездовых оленей, тундровые самоеды иногда обменивают своих оленей на пуровских [Городков, 1926, с. 51–52].

Область кочевий низовых самоедов Пура и Таза принадлежит лесотундре между названными реками и ближайшим окрестностям к востоку от них. Здесь они пасут своих оленей в летнее время. К западу от Пура кочуют уже самоеды из Ху, с низовьев Надыма, Обско-Тазовского полуострова и др. Ранее в этом районе кочевали и пуровские самоеды, но в последние годы оставили по той причине, что пастбища сильно выбиты и выгорели. Возникновение пожаров приписывают молнии, но вернее, огонь распространялся от зажженных пастухами болот. Это делается для получения дыма, в котором олени спасаются от комаров. В сухое время пожар легко распространяется по лишайниковому ковру и при недосмотре выжигает большие пространства.

Близ реки оседают и тундровые самоеды, когда падеж лишит их оленей, и они не в состоянии снова оправиться, не имея пушнины или других средств для покупки нового стада. Вероятно, самоедское население на Пуре и Тазе в значительной мере и образовалось из этих бедняков, которые кормятся от русских. До прихода последних самоеды, потерявшие оленей, оставались при стадах имущих в качестве работников. Им поручалась пастьба стада и промысла, за что они пользовались средствами передвижения, пищей, подержанной одеждой и частью пушнины. Таких работников много и в настоящее время.

Граница кочевий самоедов проходит вверх по Пуру лишь немного южнее р. Таута-яга, далее значительное пространство отделяет их от пян-хасово. Низовья р. Таза самоеды населяют до часовни, ниже ее километров на 60 они живут совместно с тазовскими остяками. На водоразделе Таза и Пура самоеды летом кочуют также недалеко, в бассейне правых притоков Пура — Нады-сале-хадыте, Хотта-хадыте, двух Яр-яга и левых притоков Таза — Нуны-яга, Сямботта, Хай-яга. В комарное время (июль) оленей держат в приречных лесах, где они легче спасаются от насекомых, обтираясь в густых кустарниках. Когда комаров и слепней становится меньше, стада выходят на водораздельные болота и тундры, богатые пастбищами. Здесь оленей уже приходится пасти, так как они легко разбегаются, спасаясь от комаров или поедая грибы, во множестве растущие повсюду.

Низовые самоеды могут быть разделены на две группы по характеру своего быта. Одна из них, менее значительная, занимается преимущественно оленеводством и охотой. Это — наиболее богатые хозяева,

кочующие самостоятельно со своими оленями и промышляющие песца и в меньшей степени лисицу и белку. Рыбным промыслом они занимаются мало, предпочитая покупать рыбу. Число оленей, принадлежащих им, невелико; среди них нет таких богачей, как в тундре; можно насчитать всего 4 человек, которые имеют стада от 1 500 до 500 голов. Большинство насчитывает меньшее количество, едва доходящее до сотни. Другая группа более прикреплена к рекам — Пуру или Тазу, так как в нее входят безоленные и владельцы маленьких стад в несколько десятков оленей, не могущих прокормить своих хозяев. Их основное занятие — рыбная ловля. Весной они соединяются группами в несколько человек (до 10), нанимают пастуха также из малооленных самоедов и поручают ему свои стада, которые тот и пасет в течение лета в северной части водораздела Пур — Таз, переходя с ними с места на место по мере истребления корма. Таких пастухов на Пуре насчитывается всего 7–8 человек. За пастьбу пастух получает незначительную плату юрком и другой рыбой. Русские обыкновенно уплачивают по 1 р. с головы скота. К началу ноября пастух пригоняет оленей к Пуру, где их разбирают хозяева и пасут поблизости от реки. Затем часть владельцев отправляется в Сургут или Обдорск. Охота на пушных зверей имеет меньшее значение для мало- и безоленных самоедов; они добывают капканами и ружьем лишь немного песца (не более 10 штук, чаще штук 5), лисицы, белки, горностая, росомахи и другого зверя. Белка промышляется во время переезда в Сургут и обратно. В иные годы она появляется и в лесах и кустарниках лесотундры вплоть до Тазовской губы. Зато куропатки и зайцы, которых множество в тундре, составляют чуть ли не главную пищу самоедов-бедняков с января до весны.

<…> Большое значение для самоедов имеет охота на дикого (отчасти и одичавшего) оленя, в погоне за которым пастухи с каждым годом продвигаются со своими стадами все далее и далее к югу на водоразделе Таз — Пур по мере того, как выбивают его. В течение сезона один охотник добывает обыкновенно от 2 до 10 оленей [Городков, 1926, с. 54–56].

Охотой с ружьем на птицу и вообще промыслом на гусей и уток в большом масштабе занимаются лишь тазовские самоеды. Они употребляют для этой цели невода, сгоняя в озерки с помощью собак линяющую летом птицу. Изредка и на Пуре ловят таким образом гуся, чаще же его бьют из лука, иногда ставят капканы.

Вскрытие низовьев Пура и Таза происходит около середины июня. Замор начинается раньше, как только начнут вливаться в реку свежие, талые воды. В это же время река начинает оживать: первой появляется щука, затем сырок и щокур. При раннем подъеме воды рыба идет еще подо льдом. По сходе льда начинается общий «вонзь», т. е. продвижение рыбы из Тазовской губы в реки, причем последним появляется осетр. Осенью, перед началом замора, наблюдается обратная последовательность в скате рыбы. Прежде всех уходит наиболее чувствительный к порче воды осетр, затем сплывают щокур, муксун, нельма, а под конец пыжьян, еситай (какая-то морфа пыжьяна), хонка (морфа щокура) и остальная рыба (щука, налим, ерш). С окончанием замора, еще при льде, в устьях разлившихся речек ставят сети. К этому времени малооленные самоеды подходят к реке. Пески в низовьях еще залиты водой, за исключением немногих, поэтому вонзевой промысел неводом сосредоточивается преимущественно выше избы Шеймина, между ней и устьем небольшой долинной речки Сампорки. Выше не промышляют. Для неводьбы образуются артели в 4–5 человек. Вонзевой промысел в прежнее время в низовьях Таза давал около 100 пуд. соленой и сухой рыбы на артель, теперь же (в 1922–1923 гг.) добыча редко превышает 50–60 п. за недостатком орудий лова. По мере спада воды, что продолжается нормально до середины, конца июля, обнажаются пески в низовьях Пура и Таза. Неводчики (артели) спускаются ниже по реке устьев и Тазовской губы и начинают промышлять неводами на песках. …Летом ставят также сети в озерных устьях, загораживают деревянными запорами речки и около них неводят. Это — наиболее важный период промысла. В устьях Таза он прежде давал до 200 п. всякой рыбы на артель неводчиков, в 1923 г. добывалось всего 50–60 п. На р. Таз осенью, перед заморозом, ставят «падалы» — сети, укрепленные поперек реки на кольях, вбитых в дно. На Пуре падалы почти не дают добычи, почему и употребляются лишь отдельными лицами (русский Торончин). Для ловли осетра иногда ставят самоловы, которые особенно употреблялись русскими в прежнее время. В середине октября Пур и Таз покрываются льдом. Тотчас же начинается лов рыбы подледными способами, что продолжается до самого замора, т. е. до конца ноября. Для этой цели во льду пробиваются луны поперек течения реки, в них ставятся жерди с натянутыми между ними сетями, которые могут выбираться через луны. Рыба, добытая подледными сетями, замораживается и употребляется в свежем виде [Городков, 1926, с. 57–58].

Заветная мечта каждого малооленного самоеда — увеличить свое стадо настолько, чтобы не нуждаться в трудной рыбной ловле. Однако многие причины мешают нормальному приращению стад. Наиболее

губительны дли них падежи («валеж») от эпидемических болезней, уничтожающие оленей тысячами и превращающие в несколько дней богача в бедняка. Особенно большие падежи случились в 1902 и 1922 гг. в тундре к с.-в. от Таза. Кроме того, почти ежегодно то тот, то другой оленевод лишается части своих оленей. Падежи особенно вредны для оленей, пасущихся в тундре под наблюдением пастухов в стадах зиму и лето. Меньший вред они причиняют в лесотундре нижнего Пура и Таза, где нет больших стад. В лесах среднего и верхнего Пура повальные падежи неизвестны, несмотря на то, что у некоторых пян-хасово и остяков имеются большие стада. Причина этого лежит не только в особенностях страны, но и в том, что жители верхнего Пура отпускают летом оленей пастись на свободе. Большую дань платят оленеводы также волкам. В крупных стадах в некоторые годы волки режут по нескольку сот голов. Любопытно, что самоеды почти не истребляют волков, считая это грехом. Многие уверены даже, что нападение волка «к счастью». Лишь изредка ставят капканы или добывают зверя из нор в молодом состоянии. Некоторые русские в прежнее время, когда легко было достать стрихнин, травили волков в довольно значительном количестве. Иногда осенью, после выпадения снега, случается дождь, от которого образуется гололедица на пастбищах. Олени не могут разбить копытами корку льда из промокшего снега и массами гибнут от голода [Городков, 1926, с. 58–59].

Пян-хасово населяют обширное пространство верховьев Надыма, р. Лямин, Назым, северные притоки Агана — Каван и Вар-яун, р. Часальку (приток Таза) и, главным образом, систему р. Пура. Малодоступная для исследования и почти никем не посещавшаяся до 1923 г. их страна способствовала тому, что до последнего времени мы имели о них ничтожные сведения. Русское население, с которым пян-хасово сталкивались в Сургуте, мало отличало их от других самоедов, под этим же именем они числятся и официально. Не в пример остяцкому и самоедскому языкам, язык пян-хасово был известен лишь двум-трем торговцам в Сургуте, имевшим с ними дела. Даже живущие поблизости от них туземцы его не знают, так как немногочисленные по количеству душ пян-хасово предпочитают при своих сношениях пользоваться более распространенными остяцким или самоедским языками. По рассказам, некоторые из них знакомы и с русским языком, но нам таких встречать не приходилось. Возможно, что это и скрывалось от нас… Изоляции пян-хасово от юраков способствует то, что они кочуют преимущественно на болотах лесной зоны, тогда как стада юраков пасутся в лесотундре на севере водораздела Таз — Пур, не углубляясь далеко к югу. Пян-хасово, живущие близко к низовьям Пура (р. Ево-яга), обыкновенно в начале зимы приезжают к юракам и русским за покупкой муки, табаку, варки, юрка и прочих продуктов. <…>

<…> В прежние годы эти ближайшие пян-хасово приезжали для рыбной ловли на р. Тап-яга, но в последнее время они перестали являться, опасаясь оспы, распространившейся среди юраков. Реку Таз пян-хасово посещают только при своих кочевках для торговли в Янов стан на Турухане и на становище Седельникова. Пян-хасово Кавана и Вар-яун, повидимому, пришли с Нура, так как аганские остяки до сих пор считают, что названные реки относятся к их вотчинам. Остяки также мало сообщаются с пян-хасово, хотя среди них имеется один (А. Сартаков), который живет на Вар-яун и прекрасно говорит на языке пян-хасово. Изолированность и разбросанность пян-хасово спасает их до известной степени от широкого распространения эпидемических болезней и тем самым от вымирания. Однако на Верхнем Пуре, близ р. Таай-яга, все-таки мы наткнулись в 1923 г. на больных оспой из рода Выла. Живущие выше по реке пян-хасово избегали сношений с ними, опасаясь заразы. О других очагах эпидемических болезней мы ничего не слыхали, вероятно, их и не было. <…>

<…> Пян-хасово, подобно юракам Пура, полукочевой народ, но постоянное пребывание в лесу наложило свой отпечаток на их быт. Лето застает пян-хасово Верхнего Пура и притоков Агана близ реки, куда они выходят для ловли рыбы. При устьях рек и стариц устраивают запоры из жердей с отверстиями для морд. Особенно много запоров ставят пян-хасово Кавана. Когда же обнажатся от воды берегов пески, начинается неводьба. Невода небольшие, не превышающие 50 саж. Место для неводьбы выбирается обыкновенно близ выхода старицы, где кормится обыкновенно много рыбы. Поэтому летние и осенние стойбища находятся поблизости от таких мест, где можно или ставить запор, или неводить рыбу, или делать и то и другое. Кроме того, стойбища должны быть удобны для пастьбы оленей и не заливаться полыми водами. Такие места выбрать нелегко, почему стойбища имеют постоянный характер. Если близ реки нет удобных пастбищ, часть семьи живет с оленями на болотах, а другие ставит чумы прямо на берегу и занимаются неводьбой. Это особенно распространено на среднем течении Пура, где долина широка, а материк редко подходит к реке. Впрочем, и на таких небольших реках, как Капля, пян-хасово часто имеют, кроме чумов при оленях, еще отдельные чумы на неводных песках. Летние стойбища располагаются на незаливаемом водой краю коренного берега долины (материк), чаще всего в некотором удалении от реки (1½–2 км) поблизости от удобной для промысла речки, старицы или протоки. Чтобы избавиться от комаров, лес кругом вырубается на некотором протяжении, остаются только отдельные деревья. Земля всегда сильно выбита оленями, повсюду голый песок, взвеваемый ветром, выступает наружу. Пян-хасово Кавана и верховьев Пура обыкновенно ставят на своих летних (вернее, осенних) стойбищах два-три амбара на столбах. Постройка одинакова с остяцкой, только сделана она менее тщательно. В амбарах хранятся мука, пушнина, сухая рыба и прочие запасы. Под амбарами помещаются нарты и различные хозяйственные вещи. Нарты рядами стоят и поблизости от амбаров. На своих стойбищах пян-хасово живут в берестяных чумах. Скрывающие их куски бересты (киска) делаются гораздо тщательнее, чем у остяков, которые живут летом в избах и не нуждаются в прочных покрышках. Остяки делают киски в один слой бересты, пян-хасово сшивают два, а юраки даже три и четыре слоя проваренной в воде бересты, отчего такая киска крепка и не ломка. В отличие от юраков, нуждающихся в дереве, пян-хасово не перевозят с места на место жерди основы чума, но обыкновенно оставляют их на стойбищах. На одном стойбище часто ставят несколько чумов (2–4), принадлежащих разным семьям. Вокруг чумов привязаны собаки, бродят олени. Тут же устраиваются вешала для сушки рыбы, огороженные от скота жердями. Костры с таганами, на которых висят котлы, дополняют картину. В чумах почти пусто, так как различный скарб хранится в амбарах. Внутри чума постланы ветви в оленьи шкуры для сиденья и спанья. Тут же прикреплены свернутые днем полога от комаров лежит различная посуда и другие вещи. Впрочем у многих пян-хасово пологов нет из-за дороговизны материи. Посреди чума в огороженном небольшими досками пространстве горит огонь. Он поддерживается для дыма от комаров и для приготовления пищи в дождливое время. В ветреную погоду насекомых почти нет на стойбищах, благодаря открытому месту. Зимних жилищ южных пян-хасово нам видеть не приходилось. На севере они ставят зимой чумы, крытые оленьими нюгами, т. е. ничем не отличаются в этом отношении от остальных самоедов.

Главную пищу в летние время составляет рыба, которая употребляется как в сыром, так и в вареном виде. Про запас и для продажи в Сургут рыба (щука, язь) сушится на воздухе, а из внутренностей вытапливается жир. Для дневного потребления и для пропитания в дороге летом часто ловится щука на деревянные крючки, вырезанные из ветки с сучком. Они привязываются к веревке, сплетенной из корня тальника или корней кедра; на другой конец прикрепляется большой деревянный поплавок кеглеобразной формы. Сквозь спину маленькой рыбки-приманки продевается эта веревка с крючком, который прячется внутри. В расщеп палки, воткнутой наклонно где-нибудь близ берега старицы, веревка вставляется так, чтобы рыба с крючком держалась в отвесном положении. Щука, проглотившая приманку, срывает веревку с расщепа, но поплавок мешает ей далеко уйти и помогает найти добычу рыболову. Аганские остяки также ловят этим способом щуку, но юраки низовьев Пура, пренебрегающие щукой, благодаря обилию более хорошей рыбы, его не знают. Мясо домашних оленей потребляется в большом количестве лишь более зажиточными оленеводами. Его едят преимущественно в сыром виде, но часть всегда варится. Там, где водится много диких оленей, их усердно промышляют. Добыча достигает иногда значительной цифры 30–40 штук в год. Зимой мясо хранится в мороженом виде до весны, когда остатки вялят его на воздухе. Довольно важный пищевой продукт, кроме рыбного и оленьего мяса, составляет хлеб. Муку покупают преимущественно в Сургуте, причем не выезжающие на ярмарку малооленные хозяева приобретают ее, как и другие товары, втридорога у своих более зажиточных соотечественников. Из муки делают пресные лепешки, которые поджаривают непосредственно на жару костра или на рыбьем жире в котлах. Трудность добывания муки в годы гражданской войны сильно сократила и так небольшое ее потребление. То же следует сказать и относительно кирпичного чая. Соль почти не употребляется; наши спутники пян-хасово в 1923 г. брали ее у нас изредка, чтобы солить чай. В летнее время важным дополнением к столу служат ягоды, главным образом морошка. Собирают также голубицу, чернику и бруснику. Ягоды едят как сырыми, так и вареными. Еще большее значение, чем мука, для пян-хасово имеет табак. Они мало курят его, но кладут за нижнюю губу, затыкая сверху тонкими древесными стружками. Для этой цели листовой табак сушится, толчется в мелкий порошок, смачивается водой и смешивается с золой трутовика (плодовые тела различных деревянистых Poleporus). Полученная черная масса сохраняется в табакерках.

На Верхнем Пуре (Пегл) мы встречаем множество стариц, богатых рыбой, почему стойбища туземцев близ реки весьма обычны. На среднем течении Пура таких удобных мест меньше, реже встречаются и пян-хасово на берегах. На большом протяжении средний Пур пустынен, мало даже следов человеческого жилья близ него. Изредка попадается несколько чумов на береговом песке. Большинство ничтожного

населения находится в стороне, занимаясь пастьбой оленей на материковых болотах. Для рыбной ловли оно выходит на реку лишь частично. В 1923 г. из-за плохого промысла было особенно мало народа на Пуре. Кроме того, вообще пян-хасово среднего течения по преимуществу оленеводы и охотники и менее занимаются рыболовством. Обширные безлесные болота служат им пастбищами. Летние (осенние) стойбища оленеводов не имеют такого постоянного характера, как это мы видели у пян-хасово Верхнего Пура: у них нет амбаров, но имущество оставляется или упакованным на нартах, или в больших берестяных коробах на подставках. Во многом пян-хасово среднего Пура сходны с юраками, между тем как обитатели верховьев этой реки и притоков Агана по своему быту приближаются уже к остякам, типичным жителям леса. Отличия между теми и другими пян-хасово хорошо выступают еще в способе летней пастьбы оленей. Верховые пян-хасово предоставляют летом оленям большую свободу, занимаясь сами рыболовством. Олени бродят повсюду в окрестностях летнего стойбища. Долинные леса и кустарники в верховьях Пура настолько вытоптаны многочисленными оленями Пяков, что напоминают деревенские поскотины где-нибудь близ Тольска. Множество оленьих троп пересекает и сосновые боры материка. Плывя по реке, мы повсюду встречали оленей, которые убегали, завидя нас. Ниже, по Верхнему Пуру, они попадались на берегах реже. На среднем же Пуре мы встречали только диких оленей, так как здесь стада уже пасутся под присмотром на болотах и редко выходят на берег. В комарное время, впрочем, и здесь малооленные хозяева надевают на ноги оленям особые деревянные колодки, как и более южные туземцы, чтобы скот далеко не уходил.

Осенью начинается охотничий промысел, к которому в полной мере приступают по окончании подледной рыбной ловли сетями с наступлением замора. Наиболее важный промысловый зверь пян-хасово — белка, в меньшем количестве добывают горностая, лисицу и дикого оленя, еще реже медведя, росомаху, выдру. Попадается и песец, особенно на севере. Лисица давится слопцами, поставленными на ножках для предохранения от заваливания снегом. Лисиц также часто выкапывают из нор и воспитывают на цепи или в особых деревянных садках. Белку стреляют из ружья, обыкновенно кремневого. Из птиц наибольшее значение имеют глухарь и тетерев, на которых по Верхнему Пуру осенью настораживают в борах множество слопцов. Ниже по Пуру, где лесная птица исчезает, занимаются промыслом куропатки. Водяная птица (утка, гусь, лебедь) промышляется луком преимущественно в период линьки. <…>

<…> Живя в лесах и имея постоянные летние (осенние) стойбища близь реки, пян-хасово при своих кочевках часто принуждены пользоваться определенными дорогами, особенно в долине Пура, заросшей густой чащей. Эти дороги хорошо заметны в сосновых борах в виде троп, выбитых оленями и наезженных полозьями нарт, в долинных лесах они представляют узкие просеки. Раз пришлось даже видеть на дороге от стойбища к месту неводьбы небольшой мостик из жердей через речку. Для езды одинаково зимой и летом употребляют оленей, запрягая их по 2–4 в нарту обычным самоедским способом [Городков, 1926, с. 63–68].

Б. Н. Городков. Полярный Урал в верховьях рек Войкара, Сыни и Ляпина. 1929 г.

Сыня населена остяками, селения (юрты) которых разбросаны по берегу реки до того места, где она становится несудоходной для больших лодок. Эти зимние селения невелики; они состоят обыкновенно из двух-трех семей, покидающих свои жилища на летнее время. Частично населенными остаются лишь некоторые юрты в низовьях реки. <…> Занятие остяков — оленеводство, рыбная ловля и охота. Они не имеют больших стад (редко 100–150 голов); летом пасут их на западном склоне Урала и по водораздельным высотам в верховьях Сыни, причем малые стада соединяются вместе под присмотром пастухов. К зиме оленеводы спускаются на равнину и постепенно стягиваются к Сыне, куда прибывает и остальное население, весной ушедшее на рыбные промыслы на Обь. Отдельные остяки иногда пасут свои стада и летом на равнинных болотах поблизости от своих зимних жилищ. В сентябре берега Сыни повсюду оживлены лодками и чумами остяков, задерживающихся в низовьях для рыбной ловли. Сюда же приезжают на промысла и некоторые зыряне [Городков, 1929, с. 13].

Кочевое население оленеводов бывает в Малом Урале лишь проездом весной и осенью, пересекая его по долине р. Лопты (остяки Сыни) или близ р. Тумбуловой (остяки и зыряне Войкара и с. Мужи). Оленьих дорог довольно много и в северной половине Малого Урала, в бассейне Войкара; в верховьях же Сыни, и особенно Ляпина, они редки и мало наезжены. В зимнее время некоторые охотники, промышляющие белку, заходят в лесистые горы и долины [Там же, с. 18].

Сведения из документальных источников

Судьбы народов Обь-Иртышского Севера. 1915 г.
Док. № 12

Сведения о ненецких родах и ватагах, численности ясачных душ по Обдорской инородной управе на 1 января 1915 г. [1]

Название родов	Название ватаг	Число ясачных душ	Место кочевки зимних и летних
Каменные самоеды			
Вануйта	Хайва (Ляля)	20	Зимой за Обдорском, летом на Ямале, по р. Пауте и далее на правой стороне хребта
	Одми	9	Там же
	Мензеда	20	Там же
	Яунгат, Старшина Нуи	20	Зимой на Уральской стороне, летом на полуострове Ямал
	Серпио	24	Там же
	Муйпода	26	Зимой между Обдорском и Надымом, летом на полуострове Ямал, у р. Се-яга (Зеленая)
	Ванынга, Старшина Сомдер	88	Там же
	Падеран Хазово Старшина Хатти	14	Зимой около Обдорска, летом по берегам р. Оби и по р. Щучьей
Езынги	Лянзи	30	Зимой около Обдорска, летом часть под Уралом, часть по берегам Оби, около р. Юрюбея
Ломду	Хазавоко	14	Зимой около Обдорска, летом часть промышляет рыбу, часть кочует у р. Падарата
	Пизери	12	Там же
Няруй	Гырна	33	Зимой между Обдорском и Надымом, летом часть кочует под Уралом, а большая часть промышляет рыбу на Оби
Наречи	Ханомье	4	Зимой на Хаманельском побережье, летом промышляет рыбу на Хаманельской Оби
Окатэтто	Сузой, Старшина Епс	66	Зимою между Обдорском, Полуем и Надымом, летом в Тазу с низовыми самоедами и часть на Ямале у Наду-яга и Хоросовой
	Мыйчи	86	Зимой между Полуем и Надымом, летом на Ямале, около вершины г. Хоросовой
	Лякучи (Выдачеда)	56	Зимою там же, летом на Ямале около р. Себето-ягя за Вонуй
	Тар	16	На Ямале по р. Талабей и далее на север
Пуйко	Хатти папа	26	Зимой между Полуем и Надымом, летом часть на Ямале у озера Яротто
Сэротэтто	Хамби	68	Зимою там же, летом на Ямале у Юрюбея
Таймя	Муйла	4	Зимою около Надыма, летом на островке по Оби
Тузида	Нанди		Зимой между Полуем и Надымом, летом на Ямале у р. Тамбея и далее на север
Худи	Танао (Халуди)	96	Зимою по Надыму, летом на конце Урала
	Пульдю	1	Зимой между Полуем и Надымом, летом за Уралом
	Ханзико	58	Там же
Хороля	Сэро (и Мурзи)	50	Зимою там же, летом на Ямале у р. Морды, озера Найте и часть на севере
Хуненда	Хатти	8	Зимою на Ходатте, летом не реке в Ямбуре
Яптик	Суэ	26	Зимою большая часть по р. Щучьей, летом у р. Пясядай на Ямале
	Макои	31	Зимою по р. Полую, летом на рыбных промыслах, а часть на севере Ямала у р. Хале-яга
	Сялу	16	Там же по р. Полую, летом на Ямале у р. Хале-яга

[1] «Сведения…» впервые опубликованы: *Дунин-Горкавич А. А.* Сведения о самоедах Тобольского Севера. Тобольск, 1918. 12 с. Цит. по: [Судьбы народов…, 1994].

Сведения о ненецких родах и ватагах... (окончание)

Название родов	Название ватаг	Число ясачных душ	Место кочевки зимних и летних
Ян-Хазово		5	Черонорабочие
Югомпелик	Маби	26	Зимою в тундре, летом на Оби в Ярцынгах, Котоп-Югане, Воркуте и Ваданги
	Нялы	32	Там же
		1038	
Низовые самоеды			
Адер	Отте	37	Зимою между Надымом и Тазом, летом между Тазом и Енисеем
	Ярю	26	Там же
Лапсуй	Вапс	57	Там же
Теседа	Лапсуй, Старшина Лебе	29	Зимою между Тазом и Енисеем, летом около Енисея
Ненянг	Тольме	29	По р. Пуру
	Вора, Старшина Метта	17	Там же
	Няч, Старшина Менда	15	Там же
Пяся	Тэмга	9	Зимою между Тазом и Енисеем, летом около Енисея
Сягой	Вангази	22	По рекам Пуру и Тазу
Тасангоручи	Хазико	8	По р. Тазу
Тогой	Ямру	25	По рекам Тазу и Пуру
Янду	Метче	20	Зимою между Надымом и Тазом, летом около Енисея
Янди	Ялико	65	Зимою между Надымом и Тазом, летом около границы Енисейской губернии
Яптунэ	Ебода	18	Зимою около Надыма, летом около Енисея
	Хазоби	53	Там же
Яр	Ваузе	32	Зимою около Надыма, летом около Енисея
	Хензеда	29	Там же
		491	

Касум-Ёх. Материалы для обоснования проекта этнической статусной территории. Начало XX века.

Численность, основные занятия и районы расположения стад коренного населения среднего и верхнего течения р. Казым в начале XX века [Касум-Ёх, с. 48–53]

№№	Состав семьи	Оленей всего	Основное занятие	Расположение стад
Полноватский тузсовет Мазямское юртовое объединение				
1	4	24	рыбак	р. Атам-еган
2	9	8	рыбак	р. Атам-еган
3	3	10	рыбак	р. Атам-еган
4	9	14	рыбак	р. Атам-еган
5	4	9	рыбак	р. Атам-еган
6	5	4	рыбак	Мазямы
7	4	8	рыбак	Мазямы
8	2	13	рыбак	Мазямы
9	4	8	рыбак	Мазямы
10	4	9	рыбак	Мазямы
11	6	10	рыбак	Мазямы
12	5	5	рыбак	Мазямы
13	9	5	рыбак	Мазямы
14	4	10	рыбак	Мазямы
15	4	5	рыбак	Мазямы
16	2	13	рыбак	Мазямы
17	2	7	рыбак	Мазямы
18	6	2	рыбак	Лыхы
19	3	23	рыбак	Лыхы
20	4	10	рыбак	Лыхы
21	3	20	рыбак	Лыхы
22	9	3	рыбак	Лыхы
23	3	4	рыбак	юр. Егана-курт
24	5	40	рыбак	юр. Вында-еган
25	3	10	рыбак	р. Патреп-еган
26	1	5	рыбак	юр. Няурем-курт
27	3	8	рыбак	р. Лыхы
28	7	10	рыбак	р. Лыхы

Численность, основные занятия и районы расположения стад... (продолжение)

№№	Состав семьи	Оленей всего	Основное занятие	Расположение стад
29	5	9	рыбак	р. Лыхы
30	5	10	рыбак	р. Лыхы
Казымский тузсовет Выргымское юртовое объединение				
1	3	12	охота	р. Лыхы
2	5	20	рыбак	р. Лыхы
3	9	25	рыбак	р. Ун-вош-еган
4	8	3	рыбак	р. Амня
5	7	15	рыбак	р. Ун-вош-еган
6	11	14	охота	р. Ун-вош-еган
7	3	10	рыбак	р. Ун-вош-еган
8	5	8	охота	р. Табор-еган
9	8	32	охота	р. Табор-еган
10	7	20	охота	р. Табор-еган
11	6	15	охота	р. Табор-еган
12	3	10	рыбак	р. Табор-еган
13	2	–	рыбак	юр. Кейслорские
14	3	3	рыбак	юр. Кейслорские
15	1	–	рыбак	юр. Кейслорские
16	3	10	охота	юр. Амнинское
17	6	37	охота	юр. Амнинское
18	2	2	рыбак	р. Унь-ош-еган
19	2	2	рыбак	р. Унь-ош-еган
20	3	1	рыбак	р. Унь-ош-еган
21	5	выбыл в Мазямы		
22	5	–	рыбак	р. Унь-ош-еган
23	5	20	рыбак	Амнинское об.
24	4	28	рыбак	р. Амня
25	6	–	рыбак	юр. Выргымское
26	9	выбыл в Мазямы		
27	5	11	рыбак	р. Амня
28	7	–	рыбак	юр. Выргымское
29	3	–	рыбак	
30	4	23	охота	р. Амня
31	4	22	рыбак	Амнинское об.
32	2	–	рыбак	юр. Кислорские
33	2	12	рыбак	р. Амня
34	5	20	рыбак	юр. Ляртсаимкурт
35	6	37	охота	юр. Ляртсаимкурт
36	3	10	охота	юр. Ляртсаимкурт
37	4	22	рыбак	юр. Амегокурт
Амнинское юртовое объединение				
1	6	20	охота	юр. Лярт-соим-курт
2	9	26	рыбак	юр. Ай-иш-еган
3	3	10	охота	юр. Хаар-курт
4	7	168	оленевод	юр. Хаар-курт
5	5	41	охота	юр. Поусанго-курт
6	8	16	охота	юр. Поусанго-курт
7	5	10	охота	юр. Иш-еган-курт
8	7	162	рыбак	юр. Иш-еган-курт
9	5	15	рыбак	юр. Иш-еган-курт
10	6	26	охота	юр. Пыдынгалы-курт
11	15	61	охота	юр. Вырсымаган-курт
12	9	10	охота	юр. Подсангом-курт
13	4	15	охота	юр. Подсангом-курт
14	7	5	охота	юр. Харкурт
15	6	15	охота	юр. Торпундегун
16	4	67	оленевод	юр. Тутегомкурт
17	4	23	оленевод	юр. Тутегомкурт
18	8	33	рыбак	юр. Торпундегун
19	3	30	охота	юр. Подсангом-курт
20	5	24	охота	юр. Пидымголыкурт
21	8	128	оленевод	юр. Пидымголыкурт
22	7	39	охота	юр. Вельеганкурт
23	6	–	охота	юр. Подсенгумкурт
24	4	7	рыбак	юр. Пидымголыкурт
25	3	–	рыбак	юр. Пидымголыкурт
26	5	26	рыбак	юр. Вошкелтыйкур
27	8	10	охота	юр. Васегомкурт
28	6	19	рыбак	р. Нюромеган
29	7	44	охота	юр. Рябегомкурт
30	1	7	охота	не учтен
31	5	9	охота	не учтен
32	9	31	охота	юр. Амтольчкурт
33	2	31	охота	юр. Подсамгомкурт
34	4	20	охота	не учтен
35	1	10	рыбак	не учтен
36	4	4	рыбак	не учтен
37	5	210	оленевод	не учтен
38	6	200	оленевод	Юильское об-ие
39	8	6	рыбак	юр. Вошнелтыйкурт
40	5	11	охота	юр. Ишеганкурт
41	8	18	охота	юр. Торгундегомкурт
42	3	38	охота	юр. Подсангомкурт
43	7	16	рыбак	юр. Пидымгалыкурт
Хуллорское объединение				
1	7	30	рыбак	юр. Шамжан-егом
2	2	24	охота	юр. Шамжан-егом
3	4	13	рыбак	ю. Постыйкурт
4	8	35	рыбак	ю. Постыйкурт
5	5	26	рыбак	ю. Мевлускурт
6	7	21	охота	ю. Соромегомкурт
7	2	18	охота	ю. Егомеган
8	5	28	охота	ю. Хижинкурт
9	9	63	рыбак	ю. Вачхарегомкурт
10	6	56	охота	ю. Егомеган

Численность, основные занятия и районы расположения стад... (окончание)

№№	Состав семьи	Оленей всего	Основное занятие	Расположение стад
11	10	110	оленевод	ю. Егомеган
12	4	8	рыбак	ю. Лосткурт
13	17	32	рыбак	ю. Лосткурт
14	1	12	рыбак	ю. Лосткурт
15	3	13	рыбак	ю. Лосткурт
16	4	7	рыбак	ю. Лосткурт
17	5	10	охота	ю. Постыйкурт
18	7	3	охота	ю. Посткурт
19	5	25	рыбак	ю. Посткурт
20	4	17	охота	ю. Посткурт
21	3	14	рыбак	ю. Посткурт
22	5	13	охота	ю. Постыйкурт
23	2	11	охота	ю. Постыйкурт
24	5	52	охота	ю. Нерасеган
25	7	19	рыбак	ю. Нерасеган
26	4	170	оленевод	ю. Сортомтор
27	7	8	рыбак	ю. Постыйкурт
Ильбигорское юртовое объединение				
1	5	21	охота	ю. Осоден-курт
2	14	66	рыбак	Юильское об-ие
3	4	8	охота	ю. Осоден-курт
4	1	7	рыбак	ю. Осоден-курт
5	6	9	рыбак	ю. Осоден-курт
6	3	12	рыбак	ю. Осоден-курт
7	8	11	охота	Юильское об-ие
8	2	4	рыбак	Юильское об-ие
9	5	20	охота	ю. Асаденкурт
10	8	56	рыбак	ю. Асаденкурт
11	6	15	охота	ю. Асаденкурт
12	6	16	рыбак	ю. Асаденкурт
13	7	17	охота	не учтен
14	8	10	рыбак	не учтен
15	4	14	рыбак	ю. Лаим-вурый
16	3	43	рыбак	ю. Юрын-тавтсан
17	1	8	рыбак	ю. Юрын-тавтсан
18	5	150	охота	ю. Юрын-тавтсан
19	6	30	оленевод	ю. Сус-курт-еган
20	8	64	охота	ю. Сус-курт-еган
21	3	18	рыбак	ю. Ай-хор-сан
22	5	73	охота	р. Помыт
23	2	44	оленевод	р. Помыт
24	3	–	охота	р. Помыт
25	7	65	рыбак	р. Помыт
26	5	–	охота	р. Помыт
27	5	70	охота	р. Помыт
28	6	30	охота	р. Помыт
29	7	19	охота	р. Ай-хор-сан-гом
30	11	25	рыбак	р. Ай-хор-сан-гом

№№	Состав семьи	Оленей всего	Основное занятие	Расположение стад
31	7	50	рыбак	р. Ай-хор-сан-гом
32	3	28	рыбак	ю. Малиегом
33	6	40	рыбак	ю. Товгуртсангом
34	7	7	оленевод	ю. Хаар-дор-санго
35	6	20	охота	не учтен
36	4	65	охота	ю. Хижинегом
37	4	10	рыбак	ю. Мали-егом
38	6	24	рыбак	ю. Хорзыркурт
39	7	34	рыбак	ю. Ундынкурт
Юильское юртовое объединение				
1	5	16	рыбак	не учтен
2	3	26	рыбак	ю. Ай-курех-кур
3	5	60	оленевод	ю. Уготеган
4	15	150	оленевод	ю. Ай-курех-кур
5	4	19	охота	ю. Ай-вош-еган
6	6	30	охота	ю. Ай-вош-еган
7	4	30	охота	ю. Ай-вош-еган
8	8	16	рыбак	ю. Хундывурый
9	6	2	рыбак	ю. Хундывурый
10	2	35	рыбак	ю. Ай-вош-еган
11	6	36	охота	ю. Мадынвурый
12	5	7	охота	ю. Ай-вош-еган
13	8	20	охота	ю. Ай-вош-еган
14	4	–	охота	ю. Юрынвошкурт
15	3	11	охота	не учтен
16	7	81	охота	ю. Ун-вош-еган
17	3	60	оленевод	ю. Ай-вош-еган
18	5	27	охота	ю. Ай-вош-еган
19	1	14	охота	ю. Мукэвурый
20	1	12	рыбак	ю. Ай-вош-еган
21	11	203	охота	ю. Урья-еган-курт
22	12	30	оленевод	ю. Мадэнвурый
23	5	150	рыбак	ю. Мадэнвурый
24	5	100	оленевод	ю. Мадэнвурый
25	5	52	оленевод	ю. Мадэнвурый
26	3	30	оленевод	ю. Синьеганкурт
27	3	20	охота	не учтен
28	5	6	охота	ю. Оуспаленкурт
29	2	52	охота	ю. Оуспаленкурт
30	10	25	оленевод	не учтен
31	1	5	рыбак	не учтен
32	6	45	охота	не учтен
33	5	20	рыбак	ю. Урья-еган
34	3	70	оленевод	ю. Урья-еган
35	2	–	охота	ю. Урья-еган
36	6	50	рыбак	ю. Урья-еган
37	10	40	рыбак	ю. Урья-еган
38	7	40	рыбак	ю. Урья-еган

Книга отцов. Материалы Приполярной переписи 1926–1927 гг.

Настоящая «Книга» составлена по материалам таких сводных таблиц по территории полуострова Ямал, которые чудом сохранились от Похозяйственной переписи Приполярного Севера СССР 1926/1927 года. <…>

<…> На специальных бланках Приполярной переписи переписчики отмечали размеры личных стад оленей и ежегодные маршруты кочевников, типы жилых построек и промыслового инвентаря, продукцию оленеводства, рыболовства и других промыслов, закупку продуктов и сдачу местными жителями своей продукции и т. п.

<…> У «Книги» есть и некоторые другие ограничения. Поскольку официальное название основной таблицы — «Список кочевых хозяйств полуострова Ямал», в ней указаны только семьи кочующих оленеводов в пределах приблизительно территорий современного Ямальского района, но без полуоседлых и оседлых обитателей рыболовецких песков вдоль ямальского берега Надымской Оби и Обской губы. Эти люди: ненцы, ханты и в небольшом числе коми и русские (около 60 семей, 300 человек) — не попали в таблицы и оказались в других первичных материалах Приполярной переписи. <…>

<…> Наконец, при любой даже самой хорошо организованной современной переписи населения всегда бывают люди, неохваченные, пропущенные или уклонившиеся от регистрации. Можно представить, что таковых было немало в условиях кочевой жизни 1926 года. Русские переписчики двигались на нартах по стойбищам оленеводов — без хороших карт, без предварительных списков населения, зачастую без надежных проводников и переводчиков. В главном сводном томе материалов Приполярной переписи 1926 года (Москва, 1929) вся территория полуострова Ямал показана как «частично охваченная переписью». Это — явное признание организаторов переписи в больших пропусках в учете населения на Ямале.

Владимир Евладов в своем отчете об экспедиции 1928 года (он также хранится в окружном архиве в Салехарде) утверждал, что Приполярная перепись учла на Ямале только примерно половину всех кочевых хозяйств, а на самом севере полуострова — лишь около трети. Но эта оценка мне кажется очень заниженной. Реальнее видимо считать, что Приполярная перепись не учла в среднем 20–30 % жителей Ямала, причем этот показатель в отдельных районах мог быть как больше, так и меньше этой средней цифры. <…>

…В основной таблице содержится следующая информация:

«Население обоего пола» — речь идет о количестве членов семьи или, скорее всего, — числе жильцов в чуме на момент переписи. К сожалению, здесь дана только общая цифра, без разделения членов семьи по полу и возрасту и без указания их имен.

«Район летнего стойбища» — как правило, в переписи указано название реки или озера, где располагалась летняя семейная стоянка оленеводов, без более точного местоположения… Семьи, проводившие лето в бассейне одной реки или вблизи одного озера, объединены в «участки» или «территориальные группы». …Территориальные группы из 2–4 (до 5) семей скорее всего представляли собой отдельные стойбища. Группы из 15, 20 и более семей были объединениями из нескольких соседних стойбищ, стоявших в бассейне одной реки.

«Основные пункты следования с летнего стойбища на зимние» — как и в случае с летними стоянками, перепись дает лишь краткое перечисление рек и озер (в последовательности с севера на юг), которые данная семья пересекала в течение своего годового кочевания. По этому списку, а также данным из колонок 6 («Название фактории») и 7 («Район зимнего стойбища») можно составить самое общее представление о маршруте семейного кочевья. Все же этих данных вполне достаточно, чтобы понять, какие семьи проводили зиму в пределах полуострова Ямал и в какой его части, а кто переходил на зиму Обь и Обскую губу на пастбища современного Надымского и Приуральского районов.

Очень интересно сопоставить сведения в столбцах 4 и 5 [т. е. «Район летнего стойбища» и «Основные пункты следования с летнего стойбища на зимнее»]. Если несколько семей имеют общее место летней стоянки и общий маршрут годового кочевания, то скорее всего, речь идет об одном стойбище или об очень сплоченной группе хозяйств, кочующих вместе в течение всего года. Например, …указаны 9 семей, проводящих лето возле озера Ясавэйто. Из них 5 семей, принадлежащих к роду Худя, имеют общий маршрут кочевания в течение всего года, две семьи Сэротэта — свой особый маршрут, а еще две семьи (Сэротэта Хасаваи и Саляндер Вальчикуй) имеют отдельную зимнюю стоянку. С высокой долей вероятности можно предположить, что эта группа состоит из трех самостоятельных стойбищ, соответственно из 5,2 и 2 семей.

«Название фактории, на которую хозяйство выходит» — речь здесь идет о главном — зимнем ежегодном посещении фактории оленеводами для сдачи пушнины и закупки продуктов. Надо только помнить,

что в 1926 году в районе кочевий ямальских оленеводов действовали только 8 факторий: Щучья, Хадыта, Яр-Сале, Ныда, Хэ, Кутопь-юган, Ер-сале, Новый Порт и Обдорская ярмарка (Обдорск) на месте нынешнего города Салехарда. Семьи, посещавшие Обдорскую ярмарку и фактории Хэ, Ныда, Кутопь-юган и Ер-сале, переходили на зиму на правую восточную (или «низовую») сторону реки Оби и Обской губы. Те же, кто выходил на фактории Щучья, Новый Порт, Яр-Сале и Хадыта, скорее всего оставались на зиму на левой («уральской» или «каменной») стороне, т. е. к северу и западу от реки Оби или даже в пределах полуострова Ямал.

«Район зимнего стойбища» — указан по такому же принципу, как и место летней стоянки… но иногда с указанием продолжительности пребывания на зимних пастбищах.

«Оленей своих в наличии» — размер семейного стада (поголовье личных оленей). К этим цифрам надо относиться с известной осторожностью: сами ямальские оленеводы своих оленей предпочитали не считать и уж тем более — не сообщать точных цифр приезжим переписчикам. У переписчиков же не было никакой возможности самим проводить подсчет ненецких стад. По дневникам и отчетам экспедиции Евладова 1928 года хорошо видно, что размер стада в таком случае определялся по желанию самого оленевода. Поэтому количество семейных оленей, указанных в таблице, часто занижено. Перепись зарегистрировала десятки хозяйств с крошечными стадами в 20–40 (до 50) оленей, которые были совершенно недостаточны для самостоятельного кочевания. Одновременно в таблице отмечено всего 16 семей с личным стадом свыше 1000 голов. Из многих источников начала века известно, что на Ямале до коллективизации было много «крепких» хозяйств с очень большими (нередко, многотысячными) личными стадами.

«Продукция пушного промысла (песцов)» — число песцов, добытых семьей и сданных на факторию. Эти цифры, вероятно, более точные, поскольку учет песцовых шкурок велся с достаточной аккуратностью. Всего по данным переписи 1926 года ямальские оленеводы добыли около 12 тыс. песцов. Эта цифра близка к показателям пушных заготовок в хороший год за последующие десятилетия. Добычу других пушных зверей сводная таблица не указывает.

«Добыто за год птицы (штук)» — эти сведения очень приблизительны и явно получены по оценкам самих оленеводов. Основную часть здесь составляли линные гуси и утки, добытые летом в ходе облавной охоты. По этой колонке можно в целом судить, насколько активно семья занималась охотой на птицу. Всего в 1926 году 340 семей оленеводов Ямала (по которым в переписи имеются сведения) добыли 17 тыс. гусей, 5 тыс. уток, около 5 тыс. куропаток и 2 тыс. шт. прочей водоплавающей птицы.

«Добыто за год рыбы (пудов) / Занимается ли морским промыслом: да +; нет – » — цифры в этой колонке показывают, что многие семьи оленеводов добывали по 40–50 и более пудов рыбы в год, т. е. до 1 000 и более килограммов. К сожалению, найденный нами архивный экземпляр таблицы не имеет сведений о добыче морского зверя по семьям. Мы имеем только сводные данные по тем 68 кочевым хозяйствам, которые занимались морским промыслом. В 1925/26 году они добыли 15 моржей, 380 тюленей, 76 морских зайцев и 25 белых медведей.

Таким образом, при всех своих возможных пропусках, Приполярная перепись 1926 года дает вполне полный образ «семейной экономики» для около 600 семей кочевников Ямала… [Книга отцов … , с. 3–8].

В таблице ниже приведены обобщенные данные о группах хозяйств, кочевавших летом в одних районах. Она составлена по данным основной таблицы «Книги отцов». Однако в основной таблице «Книги отцов» содержатся данные по каждому хозяйству: номер хозяйственной карточки; фамилия (прозвище) главы хозяйства; население обоего пола; район летнего стойбища; основные пункты следования с летнего стойбища на зимние; название фактории, на которую хозяйство выходит; район зимнего стойбища; количество своих оленей; количество добытых за год песцов; количество добытых за год птиц; количество добытой за год рыбы; занимаются ли морским промыслом и номер листа (в архиве). В целях получения обобщенной характеристики хозяйства разных территориальных групп населения часть данных, не имеющих к этому прямого отношения, была исключена: номера карточек и листов, фамилии, пункты следования с летних на зимние стойбища и названия факторий. Эти показатели у каждой семьи год от года меняются. Поэтому, чтобы получить устойчивую характеристику хозяйства разных групп населения, они были генерализованы. Было проведено объединение данных по семьям, имевшим один район летнего кочевания. Данные объединялись для территориальных групп, включавших пять и более хозяйств, что соответствует как минимум одному или более стойбищам. Это характеристика хозяйства населения достаточно большой территории и позволяет оценить ее географическую изменчивость.

Обобщенные данные о группах хозяйств, кочевавших летом в одних районах

Район летнего кочевания группы	Количество семей	Миним. и макс. численность семей в группе; общая численность всех семей и средняя численность одной семьи в группе	Район расположения зимних стойбищ[1]	Миним. и макс. численность оленей в семьях группы; общая численность всех оленей и среднее количество оленей, приходящихся на одну семью[2]	Миним. и макс. численность добытых птиц в семьях группы; общая численность всех добытых птиц и приходящихся на одну семью[3]	Миним. и макс. численность добытых песцов в семьях группы; общая численность всех добытых песцов и приходящихся на одну семью[3]	Миним. и макс. численность добытой рыбы в семьях группы; общая численность всей добытой рыбы и приходящейся на одну семью[3]	Количество семей, занимающихся морским промыслом
1	2	3	4	5	7	6	8	9
оз. Пеонто	14	32–11; 78–6	р. Хадытаяха, Танловаяха, низовья р. Надым	15–1 120; 3 933–281	0–80; 160–53	0–15; 70–8	0–10; 60–9	0
Новый Порт	26	2–8; 117–5	р. Яхадыяха (Югиная), Шута, Хэ, низовья р. Надым	5–116; 1 457–56	0–150; 360–60	0–25; 210–8	0–141; 1 520–69	0
р. Сабыяха	26	2–9; 125–5	р. Хадытаяха, Яр-Сая, Шута	2–280; 2 299–88	0–100; 750–50	2–55; 421–16	0–146; 1 525–61	0
р. Яхадыяха	12	1–8; 22–4	р. Хадытаяха, х. Харута, низовья р. Надым, р. Яхадыяха	0–600; 1 275–116;	0–110; 230–58	0–45; 161–16	0–150; 638–71	0
р. Сэряха, Венуйеуе	14	3–9; 85–6	р. Хадытаяха, Яр-Сале, Шута, Кутой-Юган	33–690; 3 247–232	0–100; 570–57	10–70; 338–24	0–50; 461–35	0
оз. Сяото	7	3–15; 47–7	р. Сармик Яха, низовья р. Надым	81–990; 2 791–399	0–40; 70–35	2–20; 53–8	18–100; 398–57	1
оз. Хэято	7	4–11; 48–7	р. Щучья, Енэоряха, низовья р. Надым	47–121; 630–90	0–100; 249–50	8–45; 152–22	10–90; 324–46	0
р. Яхадыяха (северная)	12	1–10; 65–5	р. Танловаяха, Тарчеда, Хадытаяха	18–604 3 385–282	0–200 570–71	3–70 318–27	0–100 182–20	1
р. Тамбей	17	2–12; 102–6	р. Яхадыяха, Яр-Сале, Танловаяха (1 – р. Полуй)	46–936; 4 297–253	0–200; 570–71	2–40; 276–16	0–100; 182–20	1
р. Сабеттаяха	6	2–7; 28–5	р. Хадытаяха, Яхадыяха	60–602; 1 617–270	0–120; 200–67	10–17; 87–15	10–30; 120–20	0
устье р. Венуйеуе	21	2–9; 120–6	Вершина р. Хадытаяха, ср. течение р. Яхадыяха (1 – р. Ныда)	17–700; 5 773–275	0–360; 1 313–94	2–43; 305–15	0–130; 492–31	1

Обобщенные данные о группах хозяйств, кочевавших летом в одних районах (окончание)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
от ср. до верх. течения р. Венуйеуе	15	1–10; 73–5	р. Хадытаяха, Яхадыяха, Тарчеда (1 – р. Надем)	0–822; 3798–292	0–70; 242–20	0–350; 930–85	0–50; 215–27	0
р. Еркутаяха	9	2–7; 45–5	р. Харасеттаяха, Хэ, низовья р. Надым, р. Еркутаяха	19–61; 395–44	0–52; 139–20	0–60; 290–41	0–72; 306–38	0
р. Нурмаяха	31	1–15; 182–6	р. Ярцынги, низовья р. Надым, р. Шуга, Ламбуна	17–1730; 779–251	0–150; 1213–42	0–150; 795–57	0–110; 1641–57	10
р. Сёяха	15	2–14; 77–5	р. Вануйта, низовья р. Надым, р. Полуй	22–1050; 2369–158	0–100; 265–19	0–120; 662–55	0–60; 345–29	1
р. Харасавэй	13	2–9; 74–6	р. Хадытаяха, Тарчеда, низовья р. Надым	17–570; 2971–229	0–47; 22–20	0–130; 500–56	7–50; 351–27	2
р. Хабейяха, Хабей-сале	13	1–11; 62–5	р. Хадытаяха, Тарчеда, Хабейяха	10–1350; 4413–339	0–100; 451–38	0–130; 340–49	0–68; 253–32	2
р. Мордыяха, ср. и ниж. течения	45	1–19; 260–6	р. Хадытаяха, Щучья, Тарчедо, Полуй, низовья р. Надым	21–1120 9885–220	0–110 996–24	0–540 5010–143	0–160 1282–35	8
Нейтинские озера	17	1–11; 92–5	р. Хадытаяха, Шуга, Сармикяха, окрестности р. Яр-Саля	12–1310; 3686–217	0–80; 324–20	0–70; 270–45	0–100; 531–33	2
р. Ярыяха	5	3–8; 22–4	р. Щучья, низовья р. Надым, устье р. Обь	23–323; 860–174	3–50; 118–24	0–180; 180–180	0–40; 116–29	1
оз. Ясавэйто	9	1–10; 44–5	р. Яхадыяха, Вануйта, Сармикяха	0–1880; 3362–560	0–23; 53–11	0–230; 470–118	0–30; 95–19	1
р. Мордыяха, верховье	10	3–10 57–6	р. Хадытаяха, Танловаяха (1 — р. Кутопьюган, 1 — низовья р. Надым)	18–320; 1291–130	0–44; 122–15	0–120; 310–44	4–50; 229–23	0
р. Тиутейяха	30	1–13; 150–5	р. Танловаяха, Яхадыяха, Хадытаяха	2–1520; 7597–253	0–110; 701–25	0–230; 1371–69	0–604 580–24	8
р. Юрибей, среднее течение	15	3–10; 92–6	р. Венейеуе, низовья р. Надым, р. Хадытаяха	39–1018; 2391–159	1–100; 165–11	0–180; 835–64	0–65; 497–38	0

1	2	3	4	5	6	7	8	9
р. Юрибей, нижнее течение	12	3–11; 71–6	р. Надым, Хадытаяха	0–22; 1500–136	3–35; 192–16	0–250; 810–90	0–58; 408–41	1
р. Хутта	17	1–8; 68–4	р. Хадытаяха Тарчеда, Кутоп-Юган (1 – р. Сармикяха) (1 – низовья р. Надым)	8–800; 2334–137	0–12; 77–6	0–140; 400–57	0–70; 250–19	0
мыс Моррасале	16	1–8; 71–4	р. Щучья, Полуй, низовья р. Надым	15–790; 4730–296	0–65; 374–27	0–170; 265–53	0–100; 303–30	6
оз. Яррото	34	1–9; 177–5	р. Яр-Сале, Хадытаяха, Шуга, Кутопюган, низовья р. Надым	10–190; 2279–67	2–43; 397–12	0–200; 529–41	0–174; 1647–51	0
Халмерто	10	2–10; 49–5	р. Хадытаяха, Танловаяха, иногда Урал, р. Сармикяха	32–309; 1250–125	2–31; 182–18	0–120; 433–54	10–110; 371–37	1
р. Надуйяха	21	2–14; 125–6	Вершинка р. Хадытаяха, р. Танловаяха, Полуй, низовья р. Надым	3–740; 2871–137	1–60; 321–15	0–300; 1992–100	0–50; 597–30	0
оз. Ямбуто	7	3–8; 38–5	р. Яхадыяха, Танловаяха	17–780; 1821–260	5–160; 196–28	0–160; 380–95	10–50; 210–30	0
р. Пясьда	9	1–10; 49–5	р. Тарчеда, Хадытаяха, Танловаяха, Тарчеда	30–236; 1015–113	0–45; 168–21	0–100; 205–41	0–50; 119–20	6
оз. Соонто	6	2–5; 24–4	р. Тарчеда, Танловаяха, низовья р. Надым	20–150; 450–75	0–22; 77–15	0–290; 690–138	5–66; 198–33	0
р. Севсияха	5	3–7; 23–5	низовья р. Надым, р. Еркутаяха	14–382; 779–156	3–15; 62–12	0–90; 152–51	0–80; 107–36	
Ямал[4)]	11	1–11; 62–6	Ямал	68–1932; 4545–413	0–30; 194–19	0–130; 320–64	0–35; 125–18	3
Прочие[5)]	42	2–14 219–5		21–4140; 13755–335	0–150; 950–25	0–1050; 3188–133	0–513; 1855–58	4

Примечания к таблице.

1) В скобках указаны места остановок только 1–2 семей.

2) Подсчитано только для семей, имеющих оленей.

3) Подсчитано только для семей, занимавшихся указанным промыслом.

4) В этой строке объединены данные по хозяйствам, круглый год кочевавшим в тундре, в районе летних мест кочевания; зимой они ходят до фактории.

5) Объединены данные по 16 участкам летних кочеваний: реки Янтикяха, Вэбэркасаля, Юибаяха, Со-Я, Турмаяха, Юняяха, Хартю, Салетаяха, Маретаяха, Пясядайяха, Матюйяха, вершина реки Юрибей, Нензета, Пензоряха, Тобато, Нейзота.

Е. А. Волжанина. Население и оленеводство Ямала в материалах переписи 1932–1933 гг.

Количество оленей в хозяйствах коренного населения Ямальского района по национальным советам по данным посемейно-хозяйственных бланков переписи 1932–1933 гг.

Наименование национального совета*	Всего хозяйств	Хозяйств с оленями	Социальная группа					Национальность			Всего оленей	Средний размер стада, число голов
			Батраки, бедняки	Середняки	Кулаки	Шаманы	Не указана	Ненцы	Ханты	Зыряне		
Ярсалинский	205	91	102	115	–	–	4 811	4 167	773	88**	5 028	55
Южно-Ямальский	272	272	18 148	11 231	6 115	50	279	32 873	2 950	–	35 823	132
Тамбейский	122	117	10 112	8 720	5 890	490	1 457	26 669	–	–	26 669	228
Теутейский	49	49	4 442	1 477	2 950	–	492	9 361	–	–	9 361	191
Нейтенский	52	52	2 593	2 548	1 415	44	770	7 375	–	–	7 375	142
По всему району	702	581	35 402	24 091	16 370	584	7 809	80 445	3 723	88	84 256	145

Примечание. Источник: ГАЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 51–56.
* Два хозяйства Ханского национального совета — безоленные.
** На два русских хозяйства приходилось 7 оленей.
[Волжанина, 2011, с. 225]

Распределение хозяйств коренного населения по размеру оленьего стада по данным посемейно-хозяйственных бланков 1932—1933 гг. (число хозяйств)

Наименование совета	Всего хозяйств народов Севера	Без оленей	Число оленей										
			До 25	26–50	51–75	76–100	101–150	151–200	201–300	301–400	401–600	601–800	801–1000
Ярсалинский	141*	50	35	33	9	6	2	1	2	2	1	–	–
Южно-Ямальский	272	–	10	56	50	38	46	24	29	7	7	4	1
Тамбейский	117	–	2	10	13	11	18	15	19	12	10	5	2
Теутейский	49	–	1	3	10	6	8	10	4	3	1	2	1
Нейтенский	52	–	3	10	8	8	9	3	7	–	3	–	1
Итого	631	50	51	112	90	69	83	53	61	24	22	11	5

Примечание. Рассчитано по: [ГАЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 51–56].
* В том числе 2 хозяйства русских.
[Волжанина, 2011, с. 226]

Оценка оленеобеспеченности хозяйств коренных народов Севера, %

Наименование совета	Число оленей в хозяйстве			
	До 100	101–200	201–400	401 и более
Ярсалинский	94,3	2,1	2,9	0,7
Южно-Ямальский	56,6	25,8	13,2	4,4
Тамбейский	30,8	28,2	26,5	14,5
Теутейский	40,8	36,7	14,3	8,2
Нейтенский	55,8	23,0	13,5	7,7
Итого	58,9	21,6	13,5	6

[Волжанина, 2011, с. 227]

1.1.4. Фольклорные источники

Фольклор начал собираться и записываться этнографами лишь в XX веке и может содержать информацию за несколько сотен лет, включая современность, и поэтому практически невозможно разделить ее хронологически. В фольклоре любого народа находят отражение разные стороны его хозяйственно-бытовой деятельности, в том числе и некоторые аспекты промысловой деятельности. Однако информация по экологии в фольклоре имеет свою специфику. Чаще всего ее бывает сложно использовать напрямую, без предварительного анализа.

Следует сразу отметить, что ненецкие, хантыйские, мансийские, селькупские и энецкие фольклорные тексты опубликованы в очень большом объеме как на русском, так и на иностранных (немецком, венгерском, финском, английском) языках [обзоры: Мифы, предания, сказки хантов и манси; Мифы, сказки, предания манси (вогулов); Фольклор ненцев]. В силу обширности материала сколько-нибудь полное представление здесь фольклорных текстов невозможно. Ниже приведено несколько отрывков, содержащих, по нашему мнению, сведения об экологии. При подборе текстов стояла задача на нескольких примерах показать, какого рода экологическая информация может содержаться в фольклорных источниках. Подробная интерпретация этой информации является самостоятельной задачей, которая выходит за рамки данной работы.

Сирота Пяся

Лето наступило. Птенцы стали попадаться, их едим. Время шло, и птенцы поднялись на крыло. Мы мышей едим. Осень наступила. Теперь мышей не поймать… [Головнев, 2004, с. 151].

Четверо Ныйвай

Три месяца еду, никого не встречаю. Сомнения пришли. Я уже ем мышей и птиц. Уже зима наступает, птицы улетели, мышей не видно. Есть хочется... [Там же, с. 161].

Два старика Мандо

Живут у Тальниковой реки два старика, у них тридцать оленей. Ловят рыбу плетеными ловушками. У Старшего Мандо есть маленькая дочь, у Младшего — сын, еще младше. На Тальниковой реке летом живут, а в остальное время — на берегу находящегося неподалеку большого заболоченного озера. Осенью, когда рыбы много, они ловят рыбу в реке и озере. Три года так живут, только чум с места на место переставляют. К зиме рыба уходит. Они делают деревянные слопцы для охоты. Оленям надевают *лонгали,* чтобы далеко не уходили. Осенью, когда приходит темнота, так делают. Олени у них едят рыбу: как почуют запах рыбы — сами через реку к чуму переплывают. Зима настает. Они ставят деревянные слопцы на песцов, зайцев и куропаток. Мясо зайцев и куропаток едят. Иногда старики диких оленей добывают. Так еще три года живут. Осенью оленей они потеряли, когда темнота пришла. Не оказалось их на том месте, где они обычно были. И на запах рыбы олени не приходят. Рыба уже кончается, и приманить оленей нечем… [Там же, с. 222].

Тридцать Хаби

Живут тридцать Хаби. Оленей у них нет, промышляют лисиц, белок. Едят мясо оленей, лосей, зайцев [Там же, с. 267].

Старик Ненянг

Там живут бедные люди Пандо, летом и зимой они ловят рыбу, зайца и куропатку, заготавливают юрок, варку, рыбий жир. Наречи не уедет, пока у них все не заберет. У них там не чумы, а землянки, не стойбища, а селение. Сверху землянка укрыта сеном или дерном, снизу — землей или снегом, чтобы ветер не задувал. Двери у них на петлях... [Там же, с. 274].

Вэнго Хобде. Приказание Нума Вэсоко

Пришли к сетям, в них семь куропаток попалось. Старуха говорит старику: «Видишь, какая я везучая. А когда ты один ходишь на охоту, то мало приносишь дичи». Затем они стали проверять силки на куропаток. Опять семь куропаток попалось [Мифы и предания ненцев Ямала, с. 165].

Хороля Отто. Праздник

Старик со старухой вдвоем жили. Муж говорит жене: «Сегодня вроде праздник, твой день рождения. Надо гостей звать. Чем будешь угощать? Еды у нас совсем нет. У тебя вроде в запасе была крупа, старуха». Старуха отвечает: «Да, есть немного. Можно сварить кашу»… [Мифы и предания ненцев Ямала, с. 167].

Хороля Отто. Пани Того

Того на это твердо ответил: «Не буду этим заниматься. В моей жизни триста оленей хватит» [Там же, с. 209].

Пани сидел на своей ездовой нарте и считал глазами своих оленей. Придумал: «Всю жизнь мы пасем оленей. У нас 300 оленей. И за это время не увеличилось их поголовье. Почему не увеличивается наше стадо? Почему из года в год носим одни и те же малицы? Малицы у детей плохие. Богатые люди целый год едят мясо. Почему мы так живем? У богатых по тысяче оленей. Десять мужчин из рода Того очень плохо живут».

<…> Наступила весна. Месяц орла идет. Стали они каслать в сторону Ямала. В далекие земли каслают. Река Лар осталась позади. Переехали большую реку. Эти земли Пани Того очень хорошо знает… [Там же, с. 213].

Вануйто Хобко. Сын старика Мандо

Как-то сын Мандо посмотрел на речку и видит, что там что-то плещется. Спросил он у отца. Отец ему объясняет: «Это рыба плещется в реке. Мы когда-то со стариком Ваем ловили эту рыбу. Она нам помогла выжить в голодные годы». Сын спрашивает: «А чем вы ловили эту рыбу?». Старик Мандо отвечает: «У меня была когда-то сеть. Надо посмотреть, может, ее нужно будет починить. Сеть надо ставить через речку, чтоб рыба в нее заплывала. Как поставишь, так рыба сама будет попадать в нее и прилипать». Сын Мандо сделал сеть и поставил в речку, как сказал отец. Много выловил рыбы. Заготовили они рыбу впрок. Так жили они все лето. Нужды не знали. Вот сын и сказал отцу: «Надо было давно уехать с того места. Зачем мы так мучились там? Я бы охотился здесь на диких оленей, рыбачил в этой речке. Еды у нас хватило бы впрок. Все есть. Мяса и рыбы здесь много» [Там же, с. 221].

«…Меня зовут старик Лар. Перед тобой течет Лар-яха. Мой сын в тундре пасет оленей. Здесь летом мы запасаемся на зиму рыбой…» [Там же, с. 222].

Хороля Отто. Два сильных Вэнго

Жили два сильных Вэнго. У них было семьдесят оленей. Старший Вэнго был женат. Младший ходил холостым. Когда старший Вэнго уходил охотиться, то запрягал в упряжку двух синеватых оленей. Говорит однажды старший Вэнго младшему брату: «Надо перекаслать на новое место, где пасется много диких оленей. Утром будем переезжать».

Утром сняли чум и поехали. По пути их каслания им встретились дикие олени. Остановились возле лесной зоны. Раскинули свое стойбище…

<…> Возле стойбища показался человек на лыжах.

<…> Тунго встал и пригласил к столу старшего Вэнго: «Я начальник рода Тунго. Наконец-то мы нашли друг друга — два богатыря. У меня нет места для охоты. Пришел на твои земли охотиться. На твоей земле много диких оленей и всякой дичи. Нам нужно объединиться и охотиться вместе».

<…> Мужчины стойбищ охотились, занимались хозяйственными делами. Как-то старший Тунго говорит Вэнго: «Что-то стало мало в этих местах дикого оленя. В семи верстах отсюда земли Москвы. Там есть у меня давние места охоты. Нам надо каслать в те места, там много диких оленей». Старший Вэнго согласился с Тунго: «Ладно, пусть будет по-твоему. Ты знаешь эти места». Тунго стал объяснять: «В той лесной Москве на оленях не ездят. Пойдем на лыжах». Снарядились и пошли на охоту… [Там же, с. 257].

Как Яв-Мал великанов одолел

Старуха со своим Дитятей живут совсем одни. Живут они возле речки, возле узенькой речки. Зима когда бывает, они куропаток ловят вдвоем, зайцев. Ее-Дитя охотится, так они живут вдвоем. В летнюю погоду рыбой питаются, так и живут они вдвоем. После того, как их встретило Лаханако, прожили они [еще] три года. У Мальчика не было имени, поэтому он звался Ребенком-Старухи. Третий год лед [на реке]

замерзает. Ребенок-Старухи рыбу пошел ловить. Поставил сети для подледного лова. На другой день сети для подледного лова пошел проверить. Когда подошел к сети, продолбил лунку. Продолбив лед, он увидел, что воды-то в лунке нет. Подо льдом — пусто, когда-то вода, видно, была, ведь в сетях — много рыбы. Однако [сейчас] подо льдом воды нет ни капли… [Фольклор ненцев, с. 109].

Женщина, сирота-женщина

На этом бревне три года плаваю. Дерево трижды инеем покрылось, и трижды он таял. На сучья птички садятся. Этих птичек я ловлю и ем [Там же, с. 281].

В сказке «Padawь hapto» описывается поселение враждебного ненцам племени.

…Однажды пришел к берегу моря.
В море выдались три мыса;
Три мыса от одного хребта пошли.
На трех мысах триста жилищ оседлых [Чернецов, 1935, с. 126].

Наконец в сказке «Nahar-yan-tetta» («Три земляных хозяина») упоминается промысел морского зверя.

Три брата,
Три земляных хозяина,
Три брата на трех мысах живут.
Братья морского зверя,
Китов, моржей, тюленей промышляют…

Братья не имеют оленей, нор у них живет жених их сестры taana, то есть чужак, пришелец. Он оленевод. Но оленевод более примитивного вида, чем современные ненцы.

Taana без чума за оленями пешком ходил.
С осени до весны ходил,
А с весны до осени.
На оленях никогда не ездил.
Весной и осенью к мысам подходил... [Там же].

1.1.5. Этнографические источники XX века

В начале XX века появляются исследования профессиональных историков и этнологов, в числе которых научные работы, написанные авторами по своим полевым материалам [Вербов, 1936; Митусова, 1929; Прокофьев, 1928], и изложение полевых материалов других исследователей [Тоболяков, 1930а; 1930б].

Среди авторских публикаций выделяются работы, написанные с широким привлечением архивных материалов или компиляций из большого количества других авторских работ. Содержащаяся в них экологическая информация иногда приведена без ссылок на конкретный архивный документ или публикацию. Эти работы фактически сами являются первоисточниками [Старцев, 1930; Долгих, 1970]. К группе авторских публикаций относятся работы справочного и энциклопедического характера, а также работы, в которых приведены в виде цитат или в уже обобщенном и сгруппированном виде данные по хозяйству и другим аспектам экологии коренного населения [Вершинин, 2001; Головнев, 1993; Миненко, 1975; Мыглан, Ваганов, 2005; Перевалова, 2004; Пика, 1981; Туров, 2007; Северная Сосьва …].

Л. Н. Доброва-Ядринцева. Туземцы Туруханского края. 1925 г.

В отношении хандеяр у нас не имеется подобных сведений об их быте. Они кочуют по р. Пуру, занимаясь промыслом белки в его верховьях и рыболовством по нижнему его течению. Самое слово хандеяры — лесные самоеды — дает указание на то, что быт их должен несколько разниться от быта юраков, кочующих в области тундры [Доброва-Ядринцева, 1925, с. 72].

Б. О. Долгих. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. 1926–1927 гг.

Продукция рыболовства и охоты на 1 семью по данным 1926/27 гг.

Название группы	Рыбы (пуд)	Продукция охоты (штук)								
		Песец		горностай	заяц	белка	дикий олень	гусь	утка	куропатка
		белый	синий							
Хантайские энцы	48	6,3	16,6	0,3	6	–	4,3	21	1	45
Карасинские энцы	57	8,7	10,8	0,8	18	4,0	3,5	51	10	96
Береговые «ненцы»	93	14,3	31,5	0,5	36	1,3	0,7	36	4	109
Тазовские «ненцы» в Дунинской вол.	81	11,6	6,8	2,5	51	0,8	0,6	43	13	173
Тазовские «ненцы» в Тазовской вол.	142	1,1	–	0,9	0,6	30	21	17	70	–
Оседлые береговые ненцы	60	6,3	10,2	1,0	14	5,5	–	28	3	21

У хантайских энцев семья рода Буналя имела 3 470 оленей, а из рода Саду — 992 оленя. У ненцев энецкого происхождения семья рода Ламбай имела 343 оленя, а из рода Маръик — 313 оленей. Ненцы участка № 33 имели 1 075 оленей (в том числе в роде Яр 2 семьи — 279 оленей, а из рода Ябтонгэ 1 семья — 123 оленя). Последняя как раз одна из тех двух ненецких семей в этой группе, которые перешли на энецкий язык. В участке № 34 две семьи ненцев рода Ябтонгэ имели лишь четырех оленей, а 13 семей эвенков — 368 оленей.

В группировке участка № 31 71 семья ненцев имела 2 893 оленя, в том числе одна семья рода Тэсяда — 480 и другая из рода Яр — 260 голов. В группировке участка № 6 на Тазу 26 семей ненцев имели 1 248 оленей, в том числе одна семья рода Харючи 170, другая из рода Яр — 121, одна из рода Саляндер — 118, а остальные имели меньше [Долгих, 1970, с. 131].

Группировка энецких семей по наличию оленей [Там же, с. 132]

Территориальные и этнографические группы	Показатели	Всего учтено	Группировка семей по числу оленей								
			0	1–10	11–25	26–50	51–100	101–250	251–500	501–1 000	Более 1 000
Территориальная группа уч. № 33											
Хантайские энцы	семей	42	3	5	10	9	7	4	2	1	1
	оленей	6 660	–	21	169	326	429	502	751	992	3 470
Карасинские энцы рода Бай	семей	14	–	2	1	4	–	2	1	1	3
	оленей	7 124	–	8	20	138	–	403	302	595	5 658
Карасинские энцы рода Муггади	семей	12	1	–	–	3	2	2	302	2	2
	оленей	8 481	–	–	–	110	144	352	302	1 605	6 270
Территориальная группа уч. № 34											
Карасинские энцы	семей	24	2	2	7	11	2	–	–	–	–
	оленей	702	–	12	131	398	161	–	–	–	–
Ненцы энцкого происхождения	семей	19	7	2	3	6	1	–	–	–	–
	оленей	315	–	17	58	187	53	–	–	–	–
Территориальная группа уч. № 31											
Ненцы энцкого происхождения	семей	57	18	8	15	12	1	1	1	–	–
	оленей	1 004	–	52	282	452	67	108	343	–	–
Территориальная группа уч. № 32											
Ненцы энцкого происхождения	семей	39	2	16	11	3	4	2	1	–	–
	оленей	1 308	–	100	209	128	265	293	313	–	–

Следовательно, в лесотундре у энцев и ненцев не было тех огромных стад, которые были у тундровых энцев. Но у тундровых ненцев, кочевавших по левому берегу нижнего Енисея и Енисейского залива в местности Лапто-сале (территориальная группировка участка № 30), тоже имелись огромные табуны. Это подтверждает нижеследующая таблица.

Группировка семей лаптосалянских ненцев по числу оленей [Долгих, 1970, с. 133]

Показатели	Всего учтено	Группировка семей по числу оленей								
		0	1–10	11–25	26–50	51–100	101–250	251–500	501–1 000	Более 1 000
Семей	89	7	10	24	19	18	8	1	–	2
Оленей	10 817	–	78	409	681	1 353	1 364	169	–	6 563

Из двух семей, имевших более 1 тыс. оленей, 4 980 оленей имела семья рода Яр и 1 583 оленя — семья рода Ябтонгэ.

Таким образом, социально-экономические различия между тундровыми и лесными энцами к 1926–1927 гг. определялись теми общими факторами, которые приводили к тому, что в тундровой зоне в период после прихода русских складывалось более мощное оленеводческое хозяйство, сопровождавшееся резкой дифференциацией семей по числу имевшихся у них оленей. Наоборот, в лесотундре размеры оленеводства были более скромны. Надо сказать, что те немногие хозяйства, которые в лесотундре имели более или менее значительное число оленей, зачастую тоже отправляли их на летний выпас в тундру.

Возникает вопрос, была ли такая разница в числе оленей на семью между тундровыми и лесотундровыми энцами и в период до включения их в состав Русского государства. Точных данных у нас нет, но создается впечатление, что и для жителей тундры — энцев в то время олень играл главным образом роль транспортного средства, а источником существования, дававшим пищу и шкуры на одежду и жилище, была охота на диких оленей. <…>

Всего, следовательно, в этом году [1691] хантайскими энцами было отдано в ясачный платеж не менее 635 оленьих шкур натурой и в изделиях, т. е. по 8,4 шкуры. Исходя из сказанного, у нас есть основание считать, что главным образом это были шкуры диких оленей. Домашних оленей у энцев в XVII в. было мало. В 1695 г., когда ясачным сборщикам Тазовского зимовья (находившегося тогда в оставленном уже воеводской администрацией старом Мангазейском городе) понадобилось ехать в ненецкие чумы за Боярское озеро, энцы родов Аседа и Салярта смогли дать 9 стрельцам лишь 9 оленей. Возможно потому, что тогда энцы запрягали лишь по одному оленю в санки, тогда как сейчас энцы, ненцы и нганасаны никогда не запрягают в санки или нарты менее двух оленей. При этом несомненно, что каждый стрелец в 1695 г. ехал на отдельных санках. Позже, в начале XX в., пассажирской подводой считались одни санки, запряженные двумя оленями. На такой подводе ехал лишь один пассажир.

Поэтому кажется весьма правдоподобным предположение, что сложившееся к началу XX в. крупнотабунное оленеводство энцев — явление сравнительно позднее. Возможно, что такое оленеводство появилось лишь в XVIII и развивалось в XIX в., в частности, может быть, в связи с начавшимся откочевыванием ряда семей родов Муггади и Бай на лето в зону тундры [Долгих, 1970, с. 131–135].

…Нам приходилось упоминать об охотниках-моррэдэ. Посмотрим, что мы знаем о них. Сперва приведем несколько высказываний [энцев] на эту тему.

«Моррэдэ — это такие люди были. Олени у них есть-то есть, но сами они пешком ходили промышлять. Только убитых диких оленей привозили они на санках. Мы тоже так раньше делали».

«Моррэдэ — это те, кто ходил из тундры в лес и обратно. Они были сомату. Они всегда возвращались (для охоты на диких оленей) на одно место и никому не подчинялись и свои (охотничьи) участки никому не отдавали. Придут на хороший промысел, займутся им и потом обратно идут на летовье. Промышляли они главным образом с порозом, у которого надета петля на рогах. Наши предки тоже так промышляли, это я еще сам видел. На лыжах раньше не ходили».

«Лодоседа и Пара» (т. е. Соваловы) — это моррэдэ, а сомату (т. е. род Масодай, «мундуки») имели оленей».

«Моррэдэ — это люди из преданий (дюречу), промышлявшие диких оленей. Этим только они жили. Моррэдэ промышляли диких оленей неводом и били их на поколках».

«Моррэдэ — это были сомату, род их неизвестен, но они были хантайские. Они кочевали по одной земле, далеко не ходили, имели оленей. По-нганасански их называли моричэ».

«Старые охотники-моррэдэ промышляли с оленем-порозом (мор)... Во время гона (случного периода диких оленей) они промышляли... Этому порозу на рога надевалась петля. А конец петли привязан к рогу у его комля. Эта петля сделана из ножных сухожилий дикого оленя. Из трех прядей свита она руками. Он ходит промышлять диких оленей осенью, в ноябре, в «месяц дикого оленя». Он из племени сомату, этот моррэдэ. Лука он не имеет. Имеет рогатину».

«Сомату промышлял пешком, с ученым порозом (манщиком)». Само слово моррэдэ нам объяснили так: «охотник на диких оленей, промышляющий, переходя с места на место, на небольшой определенной территории». <…>

…Моррэдэ обитают в лесотундре или тундре, занимаются охотой на диких оленей. По-видимому, они долго остаются на одном месте, так как головы диких оленей навалены так высоко, что защищают чум от ветра. Домашних оленей у моррэдэ обычно мало — или один манщик, или помимо манщика еще пара оленей для подвозки добытых туш дикого оленя к чуму. Иногда упоминаются и небольшие стада оленей…

В общем предания и мифы о моррэдэ имеют очень архаичный характер, хотя иногда перекликаются и с более поздними ситуациями. Они явно относятся к предкам сомату, которых изображают охотниками на диких оленей, имеющими немного домашних оленей.

Наряду с охотой при помощи манщика, моррэдэ и их окружение («безголовые люди», «тунгусы», «нгилико» и т. д.), судя по рассказам энцев, охотились на поколках, устраивали облавы, а также загоняли диких оленей в кожаный невод. Упоминание невода, впрочем, отражает, может быть, уже более поздний быт самодийцев-оленеводов.

Вероятно, использование прирученного оленя-манщика возникло раньше собственно оленеводства. Этот прием промысла допускал известную индивидуализацию охоты на диких оленей, так же как и охота на них с помощью лука и стрел путем скрадывания. Но главным видом промысла до начала XX века продолжали оставаться коллективные поколки.

<…> Что касается этнической принадлежности фольклорных моррэдэ, то в них, очевидно, слились черты и аборигенов Севера, знавших только манщика, но не знавших собственно оленеводства, и образы первых самодийцев-оленеводов, проникших на Север, в зону лесотундры и тундры. Представление о моррэдэ свойственно не только энцам, но и нганасанам, поскольку две их фратрии из пяти основных тоже, по всей вероятности, являются потомками таких же ранних самодийцев, смешавшихся с аборигенами. Хотя прямых указаний на это у нас нет, но можно предполагать, что прототипами фольклорных моррэдэ были именно те самодийцы, которые пришли на Север в качестве носителей неоднократно упоминавшихся нами выше тотемических эмблем и которые включили в свой состав аборигенные элементы.

Переход от хозяйства охотников и ранних оленеводов-моррэдэ к позднейшему комплексному хозяйству северных самодийцев, сочетавшему в себе охоту (как на диких копытных и птицу, так и пушную), оленеводство и рыболовство, произошел уже здесь, на Севере. Возможно, что в XVII в. еще сохранялось хозяйство типа моррэдэ, поскольку оленеводство тогда в общем еще было незначительно, а охота на диких оленей сохраняла свое значение. Фольклорные моррэдэ — это, конечно, общий этап развития хозяйства зоны тундры и лесотундры Северо-Западной Сибири. Он был пройден (в стороне от больших рыбных рек и мест промысла морского зверя) не только предками тундровых энцев и западной части нганасан, но, вероятно, и предками лесных энцев и части ненцев. Последние вместе с северными хантами ранее других стали развивать крупное тундровое оленеводство, ставшее потом типичным для северных самодийцев. Признаком того, что моррэдэ были и в западных тундрах, может быть, является тот факт, что в преданиях о них встречаются изредка и санэры («печорцы»), персонажи, несомненно, западного происхождения не только по названию, но и по присваиваемым им культурно-бытовым чертам [Долгих, 1970, с. 260–263].

Г. Н. Прокофьев. Остяко-самоеды туруханского края. 1928 г.

По типу своего быта как остяко-самоеды, так и енисейцы-кеты должны быть причислены к охотникам-рыболовам. В то же время значительное большинство остяко-самоедов имеют оленей и тем самым являются также оленеводами. То же мы наблюдаем у енисейцев. Остяко-самоедский олень (как и олень енисейцев) — крупной породы и сразу может быть отличен от оленя северного, более мелкого. По типу перевозки и езды это оленеводство санное; по форме саней и упряжки оно приближается к оленеводству прочих самоедов. Однако наряду с этим санным оленеводством мы неожиданно сталкиваемся среди баишинских остяко-самоедов с оленеводством верхового типа. Правда, этот тип не имеет широкого распространения, являясь скорее исключением. Тем не менее факт существования верхового оленя у самоедского племени является в высокой степени любопытным.

Что касается приемов пастьбы, то остяко-самоедское оленеводство в этом отношении существенно отличается от оленеводства северных самоедских племен. Здесь прежде всего приходится отметить, что оленное хозяйство остяко-самоедов не знает пастушечьей собаки. На лето оленей отпускают в лес без всякой охраны; осенью, по первому снегу, их собирают. Само собой разумеется, что при таком способе пастьбы степень приученности остяко-самоедского оленя является очень низкой и значительно уступает степени приученности, наблюдаемой у оленя юрацкого, привычного к пастьбе с помощью собаки. <…>

<…> Все эти подробности свидетельствуют о чрезвычайной первобытности остяко-самоедского оленеводства. Здесь оленное стадо является в полном смысле полудиким, а остяко-самоед оленевод нередко превращается из хозяина своего оленя в охотника-зверолова, отыскивающего по оставленной на деревьях кожице с рогов свою полуприрученную добычу.

Те же приемы пастьбы мы встречаем также у енисейцев, что и заставляет нас объединить оленеводческую культуру остяко-самоедов и енисейцев-кетов в одно неразрывное целое.

К тому же объединению этих племен я прихожу на основании сопоставления прочих областей культуры как материальной, так и духовной и социальной.

Так, в отношении рыболовства мы наблюдаем полное единообразие в орудиях и приемах рыболовного промысла у рассматриваемых двух народностей. В отличие от юраков и прочих северных самоедов (а также тунгусов), которым ловля рыбы заколами (по-туруханскиx «запорами») не свойственна, мы встречаемся у остяко-самоедов и енисейцев именно с этим первобытным способом ловли рыбы. При этом запор остяко-самоедский ничем не отличается по своему устройству от запора кетов. Так же точно стрельба рыбы (щуки) из лука одинаково характерна для обоих племен и не наблюдается у их соседей [Прокофьев, 1928, с. 99–101].

А. Н. Алешков. Ляпинский край. 1929 г.

Саран-Паул. <…>

<…> Главное занятие жителей — оленеводство, причем некоторые оленеводы имеют до 2 000–2 500 голов. Большая часть жителей владеет небольшим количеством оленей — от 20 до 300, отдавая их для пастьбы пастуху-хозяину за плату по 1 руб. с головы. Крупные оленеводы держат пастухов, выплачивая по 8 голов за год при готовых содержании и одежде для семьи. Нередко такие пастухи, работая от хозяина, имеют собственных 150–200 оленей.

Владельцы мелких стад занимаются рыбным промыслом, организуя артели и сплывая в низовья Ляпина, С. Сосвы и на Обь. Часть жителей занимается земледелием, высевая главным образом ячмень, реже рожь. Картофель разводится всеми. Каждая семья имеет рогатого скота от 1 до 4 голов, лошади имеются у половины. В охотничий сезон большинство занимается охотой на птицу и зверя, главным образом на белку. Некоторым подспорьем к существованию является сбор кедрового ореха в урожайные годы [Алешков, 1929, с. 41].

Район Балбанью — излюбленное место оленеводов, о чем свидетельствует наличие бани вблизи озера, лежащего на высоте около 800 м. В этом году здесь кочевал чум вдовы Игнатия Филиппова, находившийся при втором озере под горой Старухой. Ее стадо вместе с взятыми для пастьбы оленями и оленями, принадлежащими пастухам, составляет около 1 500 голов [Там же, с. 52].

Г. А. Старцев. Самоеды (Ненча). 1930 г.

Кочевая жизнь… не дала возможности выработать Самоедам особых норм и часов для еды: они едят «тогда — по выражению одного Самоеда, — когда голос становится громким», т. е. когда человек захочет есть, он начинает много и часто говорить. <…>

<…> Самоеды питаются почти исключительно мясом и рыбой. Хлеба раньше они не знали, и часто теперь при нужде обходятся без него. <…> Тундра дает Самоедам много грибов и ягод: клюкву, бруснику, водяницу, голубицу. Но запас делают лишь оседлые Самоеды. Из грибов едят «только тех, у которых нога толстая» и питаются лишь в летнее время. Запасов путем посола или сушения не делают. Мясо — главная пища у Самоедов. Церфильев сообщает о Самоедах, живущих на острове Колгуеве, что они с половины августа до мая питаются оленьим мясом. С мая до половины июля — куропатками. С половины июля — линными гусями, турпанами и утками. В сутки один человек съедает мяса от 1 000 до 1 400 граммов, т. е. 1 килограмм или 1 килограмм и 400 граммов, а в праздники — до 2 килограммов мяса.

Мясо также солят, коптят и сушат. Копченое и сушеное мясо съедается сразу, а соленое мясо оставляется на запас в бочках емкостью от 1–3 пудов (до 50 кило). Соль привозная. В литературе имеются указания, что за ее отсутствием мясо или рыбу солили морской водой, а также золой и углем. Однако мои расспросы и наблюдения над этой формой соления не подтвердились. Мясо коптят на огне, а летом сушат на солнечном жару. При копчении кусок мяса от 200 до 500 граммов вешается на крюк, приспособленный для котлов и чайника или на особой палочке, наклоненной к огню и перевертывают. Но почти всегда оленье мясо съедается в сыром виде. Свалившегося оленя от удара обухом топора кладут на разостланную рядом шкуру. Делают надрез у него на шее и быстро связывают жилами большую кровеносную вену. Затем сдирают шкуру наполовину и вырезывают лакомые куски мяса с жиром со спинного хребта. Открыв перевязанную жилу, Самоедки подставляют корыто или чашку под струю теплой крови и, макая сырое мясо в кровь едят, искусно отрезая у своих губ, вровень с носом длинные захваченные зубами и натянутые рукою полоски оленины. Кровь также запивается особо из чашек. Лакомством считается также мерзлое мясо. Убьют, например, оленя, с него снимают шкуру, а тушу на некоторое время, зарывают в снегу. Мясо принимает белый цвет и ломтик такого мяса особенно приятен Самоедам.

Вареное мясо употребляется редко, 1–2 раза в неделю. Причиной к тому отчасти является недостаток дров. Самоедки варят обычно суп из свежего куска или уже копченое полусырое мясо. У более зажиточных к бульону примешивается немного муки. В котел с супом кладут кусочки мерзлой крови или приправляют часто еще дымящейся кровью. Едят большей частью без соли. Мясо съедается отдельно после супа. Оставшийся суп дают собакам, часто в том же котле, из которого сами только что ели. Самоеды считают, что у «собаки язык чистый, только шерсть поганая».

Рыба также отчасти идет впрок. Ее солят, сушат, коптят и изредка парят. Когда приходится Самоедке сушить крупную рыбу, она делает надрез по бокам и по спине рыбы. Рыба вешается на обычные крюки, а мелкую рыбу нанизывают по 20–30 штук на тонкие палочки, один конец которых втыкается в землю. Рыбу вялят и сушат также летом на солнечном жару.

Уже было упомянуто, что Самоеды мало питаются мучными продуктами. Из муки они пекут хлеб и кладут изредка в суп. Способ печения хлеба весьма простой. В котле с водой замешивается мука и густое тесто величиною с кулак (300–400 граммов) пропекается над жаром костра. Комок этот раскладывается на каменой плите или по краям железного листа и называется — amd'uda-nan, т. е. посаженный хлеб. Иногда из теста катают тоненькие пряники и крендельки и пекут при помощи палочек [Старцев, 1930, с. 54–56].

Самоедки Б.З.Т. [Большеземельской тундры], хотя и редко, но пекут формовой хлеб, в виде небольших круглых коврижек весом до 1 кг. Пекут его в котле, предварительно вымазав его стенки изнутри оленьим, гусиным салом, или коровьим маслом. Этот хлеб называется — jed-nan, т. е. котловой хлеб. Котел закрывается деревянной крышкой и ставится среди угольев на железном листе. На Колгуеве котел ставится в особые дерновые печи. В тесто кладут олений жир, кровь. И хлеб имеет тогда красно-бурый цвет; в горячем виде очень вкусный, а в холодном — твердый и несколько жесткий, но также приятный… Самоеды же оленя не доят и оленьего молока не пьют… Однако они некогда доили оленей. Это заключение можно вывести из преданий. Оленя доят изредка и теперь и молоко идет на кормление телят и детей-сирот. В Б.З.Т. делают и так, что, связав оленя, подводят к его сосцам ребенка-сироту и этот сосет. Когда у него появляются зубы, для него доят оленье молоко особо. <…>

<…> Самоедским детям большое удовольствие дают оленьи рога, еще не затвердевшие, представляющие хрящ. Нежная кожица с хряща также съедается после обжигания с нее волосков.

Самоеды могли бы значительно богаче обставить свой стол, употребляя в пищу множество других зверей, птиц и рыб. Но поедают их только при крайней нужде, так как многие из пернатых и зверей считаются запретными. Их не только нельзя употреблять в пищу, но и запретно убивать.

Нельзя употреблять в пищу тюленье и медвежье мясо, моржа, гагару, некоторых пород из уток. Однако теперь все же встречаются Самоеды, употребляющие и тюленье, и медвежье мясо.

Самоеды также могли бы улучшить свое питание, допустив самим себе ловлю рыб из запретных речек, озер и протоков.

Зайца, щуку, камбалу едят также не все Самоеды, а те лишь, которые чаще соприкасались с Русскими и Зырянами…не все самоедские семьи питаются одинаково. Стол зажиточного Самоеда всегда имеет и хлеб, и мясо и др. продукты. Богатым Самоедам не приходится также никогда голодать, тогда как бедные Самоеды, по наблюдениям Шренка, варят даже кости оленя и таким образом получают суп без мяса. Голод заставляет их иногда питаться, по словам этого же исследователя, — мясом собаки, песца, тюленя и также падалью —

олениной. Бедняки варят также суп из ягод и питаются большей частью рыбой — благо лето — и морошкой. Нечего и говорить, что они мало едят хлеба, а по мнению Жилинского, часто совсем не видят его. Они также мало пьют чай или заменяют его листьями брусники или голубицы, а также заваривают почки березы. …В Б.З.Т., судя по сообщению У. Ледковой, употребляется в пищу травка — кислица и дикий лук (чеснок)… [Старцев, 1930, с. 56–57].

Занятие в хозяйстве и промыслы

<…> Накопившаяся литература по оленеводству, которое рассматривалось и освещалось главным образом с производственной точки зрения, дает также картину нехозяйственного отношения Самоедов к этому животному. Поэтому, незначительная волна эпизоотийных болезней (сибирская чума и пр.) наносит значительный ущерб хозяйству. До сих пор Самоеды не приступили к активной борьбе с болезнями и оздоровлению своих стад. А те семьи, у которых в результате разного рода причин осталось меньше двухсот оленей, уже являются бедными. Такое стадо уже минимально обеспечивает семью. В результате незаботливого отношения к этому стаду происходит дальнейшее распыление, и тогда Самоеды часто «или бросают оленеводство и идут на рыбные промыслы в охоту, или же вместе со своим стадом поступают к какому-нибудь богатому оленеводу.

<…> Прежде всего укажем, что Самоеды практикуют санную езду. Верховую езду на оленях они, по-видимому, никогда не применяли. <…>

<…> Промысловые Самоеды на Новой земле вместо оленей запрягают собак от 3 до 6 пар, но езда на собаках — явление последнего столетия. О более раннем использовании собак для езды у Самоедов нет никаких указаний.

Оленьи стада помимо пастухов охраняются и собаками, которых особо приучают, нежели собак охоты. Приручение состоит в том, чтобы собака могла травить и загонять буйного оленя в стадо, а также не допускать волков. Для того чтобы собаки нападали на волков, кормят их волчьим мясом и с ними устраивают облаву на волчьих щенят.

Почти при каждом стаде, независимо от количества в нем оленей, имеется пастушеская собака. Но там, где стадо насчитывается до 1 000 голов, содержат не менее 2 собак и если более 1 000 оленей — 4–5 собак.

Самоеды, кочующие в Западной Сибири и Б.З. тундре, приучают для пастьбы оленей также малых волчат, держа их на цепи. Волчата, по мнению Зырян-оленеводов и Самоедов, оказывают помощь пастуху большую, нежели собаки. Самоеды убеждены, что ручному волку можно доверять стадо на всю ночь, а пастух спокойно может оставаться в чуме; что ручной волк будто бы сговаривается с диким волком и последний не смеет поэтому резать оленей из данного стада. Пастухом при стаде у некоторых Самоедов и Зырян служит еще и медведь. Самоед Тыседа, кочевник по Б.З. тундре, в 1927 г. имел ручного медведя, который избавил его, по его же словам, от простуживания на морозе в продолжение многих холодных суток. Приучение медведя дало скромный опыт и на будущее время. Теперь многие Самоеды уверяют, что при приучении необходимо подразнить медвежонка 1–2 раза, а на третий раз уступить и поддаться ему так, чтобы он непременно повалил человека. Волк же этого не понимая, будет нападать на медведя, никогда не уступая ему, а последний, конечно, рассердится и растерзает волка. <…> Самоеды стремятся также к скрещиванию собаки с волком и многие таких собак-пастухов уже имеют теперь и имели в прошлом. <…> Широкие равнины тундры доступны зимою человеку только благодаря оленям. Летом Самоеды также передвигаются в ту или иную область на оленях. Зимою олень перевозит на санях груз до 5 пудов. Два оленя, запряженных в сани, перевозят груз от 7 до 10 пудов, а летом наполовину меньше. Живо встает одно противоречивое летописное указание о том, что несмотря на незначительную грузоподъемную силу оленя, жители Печоры и на Мезени по распоряжению Петра 1-го вывозили на санях, запряженных оленями, корабельный лес.

<…> Из четырех способов охолащивания быков, применяемых Зырянами, Самоеды практикуют лишь два: 1) режут мошонку и отрывают жилу. На о. Калгуеве по наблюдениям И. Перфильева разрез присыпают солью, 2) яички раздробляются зубами, пялкой или камнем [Старцев, 1930, с. 69–71].

Самоеды промышляют на песцов, лисиц, волков, горностаев, росомах, выдру и медведей. Из морских зверей бьют тюленя, моржа, морского зайца, нерпу и у берегов Новой земли ловится дельфин или белуга. Бьют также и белых медведей. Наиболее выгодный промысел из числа пушных зверей, это — песец, составляющий 30–40 % всей добычи… В сезон при хорошем улове некоторые Самоеды добывают до 100 и свыше пушных зверей на 1 человека. Из птиц-дичи бьют и ловят разными способами гусей, гагар, тетер, уток, глухарей, гаг и других, которые дают также большое подспорье хозяйству.

Остановимся на способах ловли тех или иных зверей и птиц. Морской заяц, тюлени, морж, по мнению Самоедов, весьма восприимчивы к различным звукам, шуму и любят прислушиваться, подплывая в ту сторону, откуда раздается звук или удары. У берегов Новой Земли и Югорского Шара Самоеды, учтя это обстоятельство, бьют указанных зверей при помощи «звуков». Часто Самоед играет на гармонии или ударяют палкой о медный котел, а его жена стреляет на подплывшего зверя. Или наоборот: женщина играет, а мужчина стреляет с лодки. Но моржа, как страшного зверя, Самоеды боятся и, замечая его приближение, выходят стрелять на берег. В зверя стреляют посредством винтовок — Бердана. Ловят также вставными сетями около берегов. <…>

<…> На пушных зверей Самоеды ставят силки, кулемы. В Канинской тундре некоторые самоедские семьи имеют по 100–120 кулемов, настораживаемых при первом снегопаде перед отходом с мест летнего пребывания вглубь материка. Осматриваются кулемы весною.

На всех тундрах широко применяется ловля пушных зверей загонами. Для этой цели Самоеды соединяются в артели по 30–50 человек. Они окружают на санях пространство преимущественно вокруг озера и постепенно суживая этот круг, загнанных зверей бьют пешнями, стреляют в них из ружей. Площадь круга бывает разного обхвата, диаметр ее в зависимости от числа участников бывает от 10 до 30 км и более. В Большеземельной тундре артель в 10 саней совершает 2–3 круга за день. В загоне принимают участие и женщины. Ловля загоном по большей части очень выгодна. На артель берут 30, 50, 100 и более зверей. <…>

<…> Ловля гусей и др. водной птицы также производится загонами в тот период, когда они линяют и не могут летать. Шренк указывает, что на ловлю гусей отправляются с 1-го по 20-е июля (ст. ст.) три или четыре охотника с собаками, в лодках. Они поднимаются до вершины речки. Оттуда плывут вниз, заходя к другим небольшим притокам рек. На ночь гусей загоняют в чум. И в темноте 2–3 человека свертывают шеи гусям. При удачной ловле удается загонять от 500 до 2000 гусей. До революции Самоеды гусей солили и в бочках продавали. <…>

<…> Самоеды, живущие у океана, путем загона ловят гаг, турнанов и загоняют их с моря на берег. Там реже загоняют их в чум; устраивают засаду из 5–10 и более человек, которые набрасываются на птиц с палками и дубинами и только немногим птицам удается вырваться на воду.

Ловлю загонами разных птиц Самоеды практикуют в течение 6 недель, т. е. в течение всего периода, когда эти птицы неспособны к летанию. За летнее время Самоеды питаются также утиными и гусиными яйцами. Нам, однако, неизвестно, поступали ли утиные и гусиные яйца на городской рынок. Летом почти каждая семья поедает до 3 000 яиц. Их запекают в скорлупе, кладут в тесто, но яичницу (по-русски) не делают.

В одиночку Самоеды также много стреляют гусей. <…>

<…> Гусей и других птиц ловят также при помощи капканов, расставленных на гнездах. Куропаток стреляют и также ловят капканами и силками. Весною при спаривании куропаток, тетеревей и косачей, Самоеды делают соответствующее чучело, похожее на этих птиц и ставят его на пенек вышиною ¼ метра. Чучело на пне привязывается, а перед чучелом настораживают капкан. Способ такой ловли особенно интересен для детей и женщин: им представляет большое удовольствие, когда тетерев подходит и начинает трепать чучело, скакать, кричать. Силки-петли (jes) делаются из ниток, оленьих жил и, прикрепленные на палочку, становятся у кустарников. Этим способом ловят куропаток также б. ч. дети и женщины. Мужчины промышляют глав. образ. песцов, лисиц, но дичь стреляют и ловят попутно. <…>

<…> Охота на волков сопряжена с опасностями и она ведется случайно. Попытка убивать волков отравой («привада» русс.) прибыльна с двух сторон и поэтому она практикуется шире. <…>

<…> Рыболовство… В одиночку они [ненцы] ловили при помощи маленьких сетей и «гымги» — морды, снаряда, перенятого у пришельцев. Из других способов можно указать на ловлю пешнями у кромки льда при замерзании рек и озер и ловлю через проруби, ранней весной. Когда в озерах начинает замор рыбы из-за отсутствия воздуха и др. причин, тогда достаточно сделать прорубь, и рыба сама скатывается на лед. Некоторые Самоеды применяют дорожки, удочки с приманкой. Но эти способы проникли к ним, повидимому, через Зырян и Русских.

Самоеды искони являются народом, который занимался оленеводством и боем пушных зверей. Впрочем не легко утверждать, являются ли Самоеды исконными оленеводами. То, о чем нам известно по историческим документам, что они в уже 10–11 веке были оленеводами, это — сравнительно малый отрезок времени для истории целого народа. По нашим же наблюдениям имеется некоторое основание предполагать, что Самоеды в древности были охотниками. Оленеводство же, повидимому, переняли они у других народов Сибири [Старцев, 1930, с. 72–77].

А. Курилович. Гыданский полуостров и его обитатели. 1934 г.

Пути их [ненцев] кочевий пролегают по всему Гыданскому полуострову. Определить место относительной оседлости для отдельных групп туземцев можно только приблизительно, руководствуясь степенью их экономического тяготения к той или иной местности и временем, в течение которого они там пребывают. Соответственно этим признакам и сделаем подразделение населения полуострова на группы:

I. **Явайская группа**. Эта группа ненцев кочует в течение весны, лета и осени с апреля по ноябрь, на п/о Явай, часть доходит до северной оконечности п/о Явай и бывает на о. Шокальского. Основные места летних стоянок в бассейнах рр. Нейто и Мунгу-то, мыс Северо-Восточный (знак Львова), где они добьвают имеющуюся в изобилии рыбу. Приходят ненцы на п/о Явай в то время, когда еще у берегов держится полоса льда, а море открыто. На льду промышляют нерпу и белого медведя. Размер добычи не превышает 30–40 нерп и десятка медведей на всех. Малооленность толкает явайцев к занятию промыслом морского зверя и более интенсивной охоте на дикого оленя. <…> Зимой на время темной поры уходят р. Ныду (приток р. Оби). Путь лежит через р. Нейто, вершина р. Юрибей, Ярта-Яга, на запад вдоль р. Вангуто, через Тазовскую губу по льду и через Малый Ямал. Путь в одну сторону занимает от 30 до 40 аргишей (дневных переходов). Учитывая необходимые дневки в пути каждая семья тратит на откочевание к югу, к лесу и к факториям и обратно на север около четырех месяцев в году.

II. Юрибейская группа. <…> Основное место обитания большей части этой группы — бассейн р. Юрибей и р. Нинян-се. Только Ептунай ходят летом на п/о Мочуй-Сале. <…> Кочует эта группа ненцев к югу по пути: р. Юрибей, Ярта-Яга (приток р. Танам), вдоль р. Месо, по льду через Тазовскую губу к фактории Ямбург (ненцы ее называют Пякиют), через Малый Ямал на фактории Нори и Хе, расположенные на р. Оби. Возвращаются на север тем же путем.

III. Ныдаямская группа. <…> Главнейшим местом обитания является система озер Хассейн-то, Ямбу-то и др., связанных между собою протокой Хассейнто-се, впадающим в залив Ныдаям. Вся эта местность покрыта массой озер и рек, изобилующих рыбой. Летом здесь ненцы охотятся на линных гусей. Вглубь п/о Мочуй-Сале влечет их охота на дикого оленя. Часть ненцев достигает северной оконечности мыса Минина и даже переправляется на калганках (маленьких лодочках) на о. Олений.

IV. Танамская группа. Район чумовых стоянок этой группы в весеннее, летнее и осеннее время — бассейн р. Танам, р. Ярта, зимой — левые притоки р. Месо. Выходят на Тазовский факторий Хальмер-Седе и Пякиюн, на Обские фактории: Нори, Ныда, Хе; на енисейские фактории Дерябино и Караул выходят только три семьи. Как видно, вся эта группа ненцев держится глубинных тундр Гыданского полуострова.

Явайцы, сравнительно с другими туземцами, малооленны — 15 семей располагают стадом всего в 1630 голов или 109 оленей на семью; Яр — 2 семьи — 300 оленей. Кочующие вместе с ними Салендеры имеют на 10 семей 2600 голов, т. е. 260 на семью.

Оленное стадо [юрибейской группы] состоит из 12,8 тысячи оленей, в среднем 178 оленей на семью. Отдельные хозяйства имеют от 20 и 40 до 600 и 1000 оленей.

Имеют [ныдаямская группа] 4205 оленей, что в среднем составит на семью 168 оленей. Но одно хозяйство имеет 1000 оленей и три по 700 оленей, остальные — беднота, от 30 до 100 голов на семью.

Это — группа [танамская группа] богатых оленеводов, на 30 семей учтено 20560 оленей, 685 оленей на семью в среднем. Из них одно хозяйство имеет — 3000 оленей, три по 2000 оленей, два по 1500 оленей, пять — по 1000 оленей, четыре — по 500 оленей. Остальные — 60–100 оленей — беднота, которая кормится около богатых. <…> Вся эта группа ненцев держится глубинных тундр Гыданского полуострова. Объяснить это можно тем, что в глубине Гыданского полуострова на широте р. Танам простирается кустарниковая тундра, богатая оленьими пастбищами — ягельниками и кустарниками, листьями которых наряду с некоторыми другими растениями и грибами в летнее время питается и нагуливает жир олень; затем, лесотундра р. Месо дает убежище и ягельные пастбища оленям и в зимнее время. Крупный оленевод инстинктивно идет на сокращение пути обычных кочеваний, так как прогон крупного стада на большое расстояние влечет за собою потерю части оленей и большую гибель телят во время отела маток. Богатые оленеводы-кулаки кроме того предпочитают держаться подальше в тундре, в местах мало доступных для контроля власти. Тундры, занятые стадами Танамской группы ненцев, лежат между 69,5° и 70,5° северной широты. Комар, являющийся бичем оленей в летнее время и заставляющий ненцев угонять свои стада далеко на север, имеется в указанных тундрах в огромном количестве. Но оленеводам удается удержать в «комар-пору» своих оленей в стаде. Достигается это с помощью собак, которыми «кружат» оленей. Заметив, что комар сгустился, олени перестают пастись и начинают беспокойно бегать, ненец запрягает оленей, ездит вокруг стада и с помощью собак

не дает ни одному оленю отбиться в сторону. Олени скучиваются в плотную группу, образуется сплошной лес рогов, пошевеливая которыми олени отгоняют комаров. «Комар-пора», к счастью оленеводов, продолжается недолго — 15–30 дней. Все это время пастухи день и ночь стерегут стадо, ездовые быки и собаки сильно выматываются в постоянной работе. После «комар-поры» олени могут пастись спокойно и в то время — в августе и сентябре — нагуливают жир. Все остальное время года олень, питаясь в зимнее время одним ягелем, только поддерживает свое существование, постепенно теряет упитанность и к весне становится совсем тощим.

Песец промышляется [юрибейской группой] с конца ноября по март. В это время ненец «каслает» далеко на юг и обратно, нигде не задерживаясь надолго. Тундра лишена древесной растительности, это обстоятельство заставляет ненца отказаться от промысла песца «пастями» (ловушками), а промышлять капканом. Юрибейская группа имеет 726 капканов и только 378 пастей. Добыча песца определяется в 1 500–2 000 штук в сезон. Больше добывают малооленные ненцы, меньше — многооленные. Бедняка нужда заставляет заниматься промыслом, для богатого же собственный промысел песца не имеет значения, его кормит стадо. Он имеет возможность приобрести песцов путем обмена с бедняком на оленей и одежду [Курилович, 1934, с. 133–135].

Охоте на дикого оленя ненец отдается с большим увлечением. Гоняться за «диким» со всем чумом и стадом нельзя. Ненец оставляет чум и основное свое стадо в тундре, отправляется на побережье налегке, взяв с собой только ездовых быков. Песец промышляется в течение четырех месяцев зимы, по пути кочевий. Оставив аргиш (обоз) на попечение женщин и подростков, ненец уезжает на нарте далеко вперед. Дорогой высматривает песцовые следы и норы. Найдя нору, где, судя по следам, должен быть песец, охотник ставит капкан. Если заметно, что в данной местности много песцов, охотник останавливается с чумом на несколько дней. Расставляет капканы и ставит приманку: рыбу, налимьи печенки или мясо.

«Дикий» [олень] водится далеко на севере, он раньше уходит на север весной и позднее ненецких стад возвращается оттуда.

Охота на птицу не имеет большого значения. Ружейная охота отсутствует, поскольку ненцы, как общее правило, дробовых ружей не имеют. На гуся ставят капкан на проталинах, ленных гусей загоняют в невод и бьют палками.

Морского зверя: нерпу и белого медведя стреляют на льду из ружей — пулей [Там же, с. 137].

Г. Д. Вербов. Лесные ненцы. 1936 г.

Центральной частью территории, заселенной группой лесных ненцев, является район р. Пура. Истоки его лежат в водораздельных болотах между верховьями Агана, северными притоками Ваха и западными — Таза. Длина Пура около 900 км. Верхняя половина реки расположена в лесной зоне, нижняя в тундровой. Пур впадает несколькими рукавами в Тазовскую губу немного западнее устья Таза.

Лесные ненцы заселяют систему верховьев Пура, его среднее и отчасти нижнее течение. Северная граница их кочевий проходит приблизительно на широте левого притока Пура р. Naewa-jaha. Кроме указанной территории лесные ненцы заселяют также и восточный склон Пуро-Тазовского водораздела. Так, напр., несколько чумов лесных ненцев кочуют в вершине р. Часельки, впадающей в р. Таз. Южная граница расселения лесных ненцев захватывает частично бассейн р. Ваха, на северном притоке которого — Колик-Егане. Следуя далее на запад, граница расселения лесных ненцев проходит по северным притокам верхнего и среднего Агана nahan; притоки эти: Wambuta-jaha, Pasata-jaha, Japta-jaha, и Nolma-jaha. От реки Nolma-jaha граница расселения поворачивается на северо-запад и достигает озера Numto. Таким образом, в зону расселения лесных ненцев входит вершина р. Тором-Яун и верхнее течение р. Лямина. Можно, впрочем, заметить, что еще сравнительно недавно лесные ненцы заселяли и среднее течение Лямина. Вверх по реке Лямину они были оттеснены русским населением.

От вершины р. Лямина граница расселения лесных ненцев идет в северо-восточном направлении, захватывая верховья р. Надыма. Отсюда, замыкая круг, граница расселения поворачивает в сторону Пура. <…>

<…> По своему образу жизни лесные ненцы отличаются от тундровых. В тундре основой существования является оленеводство, а рыболовство и охота занимают большей частью второстепенное место. Стадо в несколько сот голов не редкость. Встречались кулацкие хозяйства, имевшие 2–3 тыс. голов и более. Амплитуды сезонных кочевок довольно значительны. Летом оленей перегоняют на возвышенные водораздельные пастбища или на побережье Обской или Тазовской губы. Зимой кочуют к северной границе лесов, где снег, не подвергаясь действию сильных ветров, мягок и позволяет оленям без труда добывать себе корм. В тайге же мы видим другую картину, большинство лесных ненцев владеет лишь мелкими стадами, обычно не превышающими 50–100 голов. В ряде районов эта цифра значительно ниже (10–30 голов). Только отдельные хозяйства, кочующие в бассейне Пура, имеют крупные стада.

Оленеводство лесных ненцев имеет ряд черт, характеризующих оленеводство таежное. Оленей по окончании комарного времени отпускают в тайгу без специального присмотра. Такой же прием практикуется, как известно, другими оленеводческими народностями таежной зоны — ханты, селькупами, кетами.

Амплитуды кочевок невелики. Летом оленей держат на водораздельных болотах, где комаров меньше, чем в тайге. Осенью, собрав стадо, лесные ненцы уходят в бора за белкой. <…>

<…> Следует, впрочем, отметить весьма интересные пережитки оленеводства вьючно-верхового типа (несомненно восходящие к Саянам), сохранившиеся у лесных ненцев. Сюда относится еще не исчезнувшее седло для перевозки на оленях вьюков «pohosow» (по сообщению Т. Лехтисало). По собранным нами сведениям еще с десяток лет назад были живы старики, помнившие верховую езду (на оленях), практиковавшуюся в районе верховьев р. Пура.

<…> Рыбу ловят запорами, которых на одной и той же речке делают несколько. Ловят также небольшими неводами. Предназначенную для продажи из факторий рыбу обычно сушат на земле. Большая часть выловленной рыбы, являющейся основным продуктом питания, расходуется на месте. Шитых лодок лесные ненцы почти не имеют; неводьба обычно производится при помощи обласов.

Промышляют главным образом белку, за которой осенью отправляются в возвышенные бора — «материки». Промышляют также лисицу, горностая, выдру, росомаху и изредка песца. Летом бьют луками водоплавающую птицу: уток, гусей, гагар [Вербов, 1936, с. 62–65].

Л. Хомич. Некоторые особенности хозяйства и культуры лесных ненцев. XVIII в.

Материалы XVIII в. рисуют такую картину… …А приезжают самоядь в Казымскую и Обдорскую волости для торгу в одно время по первому зимнему пути, покупают у остяков рыбные запасы и, быв в Казымской и Обдорской волости, отъезжают в тундры. И год перед годом самоядь приезжает неровно… [Хомич, 1972, с. 200].

А. И. Пика. Хозяйство северных манси в XVII–XX вв.

«Медведя промышляли зимой, а лося и оленя весной, когда бывает снегу глубоко, гоньбой и стреляем из лука, — сообщали в 1739 г. о своих “промыслах” сосьвинские и ляпинские жители Сота Таратов и Харитон Елисин, — волка и росомах промышляем кулемками, а соболей промышляем собаками и сетками, а лисиц собаками и луками, и детей их емлем и держим в домах, белку бьем из лука, а горностая черканами и собаками, а бобра промышляем в речках, в вершинах, а устье запираем лесом, а противу устья копаем землю и колем, а зайца промышляем луками». Кроме весенней охоты «по насту» сосьвинские манси промышляли лося и дикого оленя «по засекам» зимой, а также осенью на переправах «...и везде, где река оленьих и протчих зверей переплав и переход».

Об охоте на птиц местные жители сообщали, что они не «промышляют» воронов, сорок, ронжей, дятлов, а промышляют тетеревов, рябчиков и куропатку слопцами... и емлют детей (птенцов) [орла], а больших орлов не промышляют... а промышляют лебедей с собаками и луками, а перелетных уток весной перевесами... а гагары промышляют на гнездах... [Северная Сосьва … , с. 12].

По наблюдениям Н. Л. Скалозубова, сосьвинские и ляпинские манси различали два вида домашних оленей — «избные» и «тундряные», отгонные. «Избные» олени весь год выпасались вблизи жилищ. Для защиты от кровососущих насекомых на них разводили «дымокур». Такие олени привыкали ко всякой пище — поедали отходы питания человека, рыбу и пр. Основная часть «тундряных» оленей зимой выпасалась в тайге, невдалеке от поселков, и в это время использовалась на охотопромысле и при перевозке грузов. Весной, в первой половине марта, олени сгонялись в крупные стада и сдавались на выпас специально нанимаемым пастухам. При приемке стада пастух составлял специальный «именник». Молодняк метили, при этом, чтобы лучше запомнить оленей, их сравнивали по паре ног — задней и передней, а затем делали надрезы на ушах. Весной и летом олени выпасались на горных пастбищах Урала, а к осени стада возвращались обратно в тайгу [Там же, с. 16].

А. В. Головнев, Е. В. Перевалова. Традиционные хозяйственные комплексы и объединения

Хозяйству северососьвинских манси была свойственна комплексность, которая достигалась за счет сезонного чередования отраслей в годовом цикле жизнеобеспечения. Вместе с тем в зависимости

от конкретного географического местонахождения той или иной группы населения ее связь с рынком и роль в охарактеризованном выше «треугольнике» приобретали своеобразие. Эти особенности не сводились только к доминанте одной из отраслей — охоты, рыболовства или оленеводства, — они состояли в специфическом соподчинении всех видов занятий — хозяйственного комплекса (ХК), и предполагали формирование соответствующих производственных коллективов — хозяйственных объединений (ХО). Для северососьвинских манси характерны две разновидности ХК (и соответственно ХО): 1. таежно-предуральский, представленный охотниками-оленеводами верхнего и среднего течения Сев. Сосьвы и Ляпина; 2. приречно-таежный, свойственный манси нижнего течения Сев. Сосьвы (ниже ю. Оурьинских). Большинство населения рассматриваемой территории относилось к первому типу ХК, однако его связи со вторым ХК были настолько постоянными и значимыми, что без их учета характеристика хозяйства выглядела бы ущербно.

Таежно-предуральский тип. Благодаря богатству и локальному разнообразию биоресурсов Сев. Сосьвы и Ляпина все три главных отраслевых компонента ХК выглядели как специализированные формы занятий и, соответственно, предлагали специализацию отдельных групп населения.

В состав ХО входили различные сезонно-образуемые промыслово-оленеводческие группы. Одна, наиболее многочисленная из них, специализировалась на охоте. В сентябре с завершением летнего рыболовного промысла манси, составлявшие эту группу, переселялись на осенние места стоянок (1–2 избушки), где проводилась индивидуальная охота на лося и дикого оленя загоном с собакой, промысел боровой дичи с помощью слопцов, сбор ягод и кедрового ореха.

<…> До завершения рыболовного сезона практиковали неводьбу и лов сетями по старицам и частично по Сосьве. В верховьях Ляпина рыбный промысел (р. Щекурья, р. Манья) начинался в сентябре и продолжался до половины декабря; осенью проходил нерест сырка и щекура (не случайно сентябрь в календаре манси называется «сукр этпос» — «щекура месяц», «щекур икру мечет»).

В октябре во время гона крупных копытных промысел лося и дикого оленя осуществлялся посредством загородей. Для их установки выбирались места традиционных осенних миграций лося через Урал. Здесь силами 2–3 охотников сооружались длинные (до 100 км) «огороды» с самострелами.

В октябре («мань такус этпос» — «маленькая осень») начинался промысел первой ранней белки и соболя в одиночку с собакой в близлежащих угодьях. Охотники отправлялись на 1–2 ночевки, обходя с ручной нартой (мансель) или волокушей (товль) площадь радиусом в 10–20 км.

В период интенсивной пушной охоты с ноября («яны такус» — «большая осень», «крепко застывает», или в другом варианте: «санк ехопа» — «толстый снег», «собаками ходить не могут») по февраль («ретен юс вой» — «обманчивый орел», «то тепло — то холодно») манси проживали в зимних стационарных поселениях, занимаясь, кроме пушнодобычи, подледным запорным рыболовством. В феврале — марте лов рыбы, как правило, препоручался женщинам, детям и старикам. Нильдинские манси запирали р. Сомырья, старицу за ю. Нильдино с рекой Няхлын-орат. Манси ю. Сангитур частью уходили на р. Волья, к местам своих промысловых «вотчин», где охотились и облавливали зимние запоры (тель арпи), добывая щуку, окуня, сорогу налима. По р. Волья было три зимних запора — «уль па сары пауль» (1–2 семьи), «лозя арпи-нильтан» (избушка Таратовых), «арпи-пауль» (место Вадичуповых). В Сангитуре оставались лишь пожилые люди. При добыче пушного зверя использовали приемы как активной, так и пассивной охоты. На втором этапе пушнодобычи (декабрь — февраль) оленные манси по 2 человека отправлялись на нартах (или лыжах) на одну-две пятидневки в дальние вотчины, проверяя по пути капканы, периодически возвращаясь к зимней стоянке. Высокая продуктивность пушнодобычи обеспечивалась прежде всего достаточным (4–7 голов) количеством транспортных оленей. В промежутках между охотой промышляли по реке и старицам подледным рыболовством.

Из числа оленных манси создавались более крупные объединения охотников (4–6 человек — «юрт махум»), совместно выезжавшие в дальние угодья на 10–15 дней и более. Днем промысловики расходились поодиночке, вечером собирались вновь. С ледоставом часть охотников возвращалась на места зимовий для установки подледных запоров. Вопросы, связанные с передвижением, заготовкой провианта, посещением ярмарки, сменой угодий решались сообща, добыча же пушнины проводилась каждым охотником индивидуально. Главным в таком сообществе охотников был наиболее опытный промысловик.

Охотничьи маршруты зависели от продуктивности угодий. К примеру, ломбовожские манси ходили за белкой в верховья Рахтыньи и Кемпажа, в сторону Оби (Тутлейма, Березова) за горностаем, добывая его с помощью черканов «щенкас» (каждый имел по 20–30 штук), за соболем — на Уральскую сторону и р. Тапсуй, собираясь в группы по 2–3 человека («гоняли» соболя с собакой или промышляли, обметывая сетками (кас) соболиные норы и дупла). Хурумпаульские манси за белкой отправлялись в верховья Сосьвы, опромышляя «свободные» охотничьи угодья.

Остальные виды пушнодобычи: охота на лисицу капканами, самострелами, «обметыванием» нор («ослах хоруп» — мешок из мережи), выкармливание щенков и т. д., на росомаху (капканами, луком), выдру (подо льдом с помощью гимг), горностая (на болотах капканами, ледяными ловушками «янг хусеп») проводились синхронно с охотой на белку с ноября по март и носили индивидуальный характер.

В отличие от пушного промысла охота на лося, дикого оленя и медведя в зимне-весенний период предполагала образование более крупных объединений. Медведя добывали самострелами (патс евыт), но чаще поднимали из берлоги («макол ойка кол» — «охота на медведя в берлоге»). Данный вид промысла требовал участия 3–4 человек («юртом вонха хонтас» — «напарники по охоте»). Старшим в коллективе добытчиков медведя признавался нашедший берлогу охотник, получивший наряду со своей долей добычи еще и шкуру медведя.

Сбор вместе большого числа охотников (5–8 человек) предполагался ранней весной в марте-апреле для гона оленя и лося по насту на лыжах или нартах.

С наступлением весны подледное рыболовство и пушная охота завершались. В начале апреля, отправив оленей для выпаса на Урал, манси переселялись на места весенних (весенне-осенних) стоянок.

<…> С мая («яны пакты этпос» — «ледохода месяц») среднесосьвинские манси «сетковали» по старицам и озерам до спада воды. Имея по 20 сетей на семью, добывали щуку, окуня, сорогу, язя, по озерам — карася. Ляпинские манси по большой воде ставили важанные запоры (ула арпи) во время спуска сырка. Осуществляли городьбу всей деревней — «пусын аквыт варев арпи» — «сообщество для запора реки». Главным считался «тав ойка» или «косят ойка» — наиболее опытный промысловик.

В конце мая — начале июня («лупт этпос» — «листья появляются») по Сосьве и протокам ставили полузапоры («ар пал») с различными ловушками (в ю. Нильдино с мештками-котлами «пут» или береговые запоры (ю. Сангитур). Каждый перегораживал свою реку или протоку. Промышляли таким образом дней десять до спада воды, после чего запоры снимали. Нильдинские манси не только перегораживали все местные протоки («лун лох» — «северной стороны затон» — С. С. Вынгылев, «алы лох» — «южной стороны затон», «пал'я лох» — Е. П., С. П. и К. П. Вынгылевы; у отца С. С. Вынгылева прежде было 5 речек в собственности), но и по спаду воды добывали язя на каменистых местах («хултнэ рось» — «рыбный мыс») важанами («хултнэ хуры»).

В конце мая, за 2–3 недели до вскрытия рек, проходила 10–15-дневная охота на перелетную водоплавающую дичь перевесами («пате кан») или пленками — волосяными петлями («санк ус»). Обычно по старицам и озерам вырубались просеки для устройства перевесов (во время перелета бить птицу ружьем запрещалось). Перевесные места были закреплены за отдельными хозяевами. Охотились в одиночку или по 2–3 человека. Добывали по 30–40 штук за ночь, а на хорошем месте по 200–300 штук. Во второй половине лета проводился промысел линной птицы как загоном, так и посредством огораживания водоемов сетями.

Неводной период начинался со спада воды в июле («вор тур этпос» — «лесных озер месяц», «время закрывать лесные озера») — августе («ой тур этпос» — «нижних озер месяц», «время закрывать озера в низовьях»).

С конца июня («Петра хотл порат») после спада воды и до конца сентября группа нильдинских манси с весенних поселений уходила в низовья р. Ляпин, где у самого устья расположен песок «саксунт» («ляпинское устье»), на котором главным образом добывали селедку. Здесь собиралось до 20 чумов («сас кол»). Рыбачили артелью («ак толпын махум» — «одного невода люди») по 3–4 человека на один невод. Так как в устье Ляпина было три тони (в километре от устья на мысу, на самом устье Ляпина и у деревни через реку), артель облавливала их поочередно. Если промысел рыбы производился совместно, то обработка улова (сушка) индивидуально.

Другая часть нильдинских манси еще до начала хода рыбы («хулехтын порат») отправлялась в низовья Сосьвы к Игриму и на Обь для проведения летнего рыболовного промысла. «По реке Сосьве от юрт Искарских и ниже до Юрт Оурьинских включительно, вогулы по вскрытии рек спускаются по Сосьве вниз для рыболовного промысла... выезжают, за малым исключением, почти все и промышляют преимущественно сельдь». Уходили большими лодками-каюками (по 4–5 семей) на веслах, обратно возвращались в сентябре «бечевой». По договоренности пески арендовали у обских и нижнесосьвинских хантов и манси или непосредственно включались в состав приречно-таежных рыболовных коллективов. К примеру, манси ю. Сангитуроеских

Вадичуповы имели рыболовное место Сал-ларис-пауль по р. Сосьва, ниже Оптатума. Большая часть ляпинских манси спускалась по р. Сосьве, арендуя места летних промыслов у игримских, малеевских промысловиков, некоторые (до 10 каюков) выезжали на Обь. По Оби промышляли рыбу сначала сетями, с началом хода муксуна колыданили («хултнэ пон»), затем неводили. В низовьях Сосьвы неводили бригадой по 5–6 человек («ак толтыл тольейн махум» — «соединенного невода люди»), связывая малые невода в один большой — длиной до 300–400 м. Главным объектом промысла был тугун, каждая семья, помимо продажи рыбы, заготавливала на зиму не менее 5–6 пудов сушеной селедки.

На осенние поселения возвращались лишь в сентябре-октябре. Здесь ловили неводом нельму, язя, щекура и тайменя. Если стояла теплая погода, добытую рыбу солили, если было сыро и холодно, улов оставляли до заморозков в болотах во мху, а затем рыбу переморaживали. Со времени рекостава и до нового года производился последний промысел рыбы гимгами (большими мордами), при помощи сплошных заграждений.

В рамках таежно-предуральского ХК выделяется ломбовожская группа манси. Расположение юрт Ломбовожских в устье р. Ляпин и экваториальная специфика реки (отсутствие замора) предполагали значительную долю рыболовства в их ХК. В целом рыболовный цикл ломбовожских манси выглядел следующим образом: весной с появлением снеговой воды, еще до вскрытия реки, когда начинался спуск рыбы с верховьев р. Ляпина, промышляли подо льдом важанами («пулат»). После ледохода устанавливались по небольшим речушкам малые запоры («арпи») с гимгами. В это же время важанами по мелководью. Со спадом воды запоры снимали. Заход рыбы в мелкие речушки и озера р. Ляпин бывал не каждый год, а только в периоды большой воды.

Когда «высыхали озера» (спад воды в июне), устанавливали береговые запоры длиной 200–300 м с самоловами — «овлам» (рукав с гимгой). На каждом повороте реки в огороженном пространстве ставилась ловушка «по кустам», в запоре располагалось по 5–20 ловушек.

После спада воды (конец июня-июля) ломбовожские манси устанавливали большие летние запоры. Перегораживали устье Кемпажа (0,5 км от деревни). Большой запор («мирен арпи») с ловушками («камками») вовсю ширину реки (100–150 м) сооружали всей деревней. По числу участников промысла устанавливались ловушки. Вары снимались «как рыбы не станет» (август). Коллектив на большом варе назывался «арпи ак вет ватэ махум» — «запор вместе установившие люди». 2–3 человека регулярно следили за запором. Такие же вары ставили по рр. Малый Кемпаж, Пупы-я, Хулим-я. О летнем запорном промысле на протоке Сорах А. А. Дунин-Горкавич писал: «В нижнем устье протоки во время лета инородцы юрт Ломбовожских городят запор; около запора ставят гимги; годами лов бывает удовлетворительный, добывается сырок, язь, сорога, щука, окунь. Мерный сырок и язь засаливаются, прочая рыба сушится. В удачные годы насушивается на человека до 10 пудов; сырка добывают от 100 до 1 000 голов на человека».

В начале августа при подъеме рыбы (когда вся рыба с Оби и Сосьвы идет в Ляпин) неводили по Ляпину. Из 2–3 человек образовывались «аквет толев» — «вместе рыбачат одним неводом», для неводьбы составлялся общий невод длиной 70–80 м. Неводили по пескам (ква рощ, хулам рощ, тувы паул рощ, няры хумт рощ, лун курт рощ, намтал рощ, турас рощ) до заморозков. По Ляпину и его притокам, Щекурье и Манье неводной и сетевой рыбный промысел проводился только осенью, в течение сентября — ноября. Добывали в это время сырка, окуня, пыжьяна.

Осенью вновь закрывали речки и озера. В сентябре при подъеме тугуна прежде городили Хошлогские ямы. По Рахтынье добывали запорами налима. Таким образом, в отличие от верхне- и среднесосьвинских манси, ломбовожские хозяйства, за некоторым исключением, на летний рыболовный сезон не уходили в низовья Сосьвы, а занимались установкой больших запоров, неводьбой и сетевым промыслом в бассейне Ляпина.

В зимнее полугодие на р. Ляпин широко практиковалось запорное рыболовство. Напротив Ломбовожа на перекате («ахтас-ханла» — «каменная коса») в октябре устанавливали большой зимний запор (таловый с гимгами). Сооружали запоры. Гимги («размером с дом») ставили одна к одной, так как рыбы было очень много. Добывали язя, налима, щуку, сырка, иногда нельму. Сюда на время зимнего рыболовного промысла приезжали на собачьих упряжках рахтыньинские и хурумпаульские манси. Запор снимали только в апреле. Между устьем р. Ляпин и Ляпинской пристанью располагалось до 30 сплошных заграждений. Рахтыньинские манси сооружали запоры на охотничьих угодьях. Зимой промысел селедки производился щекурьинскими манси по р. Ляпину, близ устья р. Щекурья. При этом добывали до 200 пудов. Зимой и весной, кроме того, ставили небольшие запоры с гимгами по заберегам.

В рамках таежно-предуральского ХК выделялась группа, специализировавшаяся на оленеводстве. Система отгонного оленеводства представляла собой летнее окарауливание объединенных личных стад на горных

пастбищах; зимой олени использовались главным образом в транспортных целях; летний выпас предполагал формирование сборного стада численностью до 300–400 голов; размеры личного поголовья, как правило, не превышали 100 оленей. Наряду с транспортным значением, оленеводство имело пище-сырьевое направление. В летний период рыболовство этой группы сводилось к эпизодическому промыслу в горных реках и озерах хариуса сетями, островогокрючковой снастью. В зимнее полугодие проводился запорный и неводо-сетевой лов в верховьях рек. Вспомогательное значение имела охота, состоявшая из добычи копытных посредством «огородов» загоном по насту и промысла с собакой, весенне-летнего, промысла водоплавающей дичи, осенней охоты на боровую дичь, зимне-весенней — на куропатку и зайца. Пушнодобыча проводилась оленеводами по пути каслания к зимним стойбищам и на местах зимних стоянок посредством активных и пассивных приемов.

<…> Малооленные хозяева передавали свои стада на выпас оленеводам или объединяли оленей в общее стадо, окарауливание которого препоручалось пастуху. Уход за оленями совпадал по времени с массовым ловом рыбы в летний период и проведением пушного промысла — в зимний; передача оленей на выпас пастушеским хозяйствам давала возможность манси другим группам специализированно заниматься рыболовством и пушнодобычей. Кроме того в самое сложное для оленеводов время — комарный период — удобнее выпасать объединенное, большое стадо.

Хозяйственный цикл оленеводов выглядел следующим образом. В начале апреля («уренко хотя» — «вороний день») с окрестных юрт собирали общее стадо («мир салы») численностью в 300–500 голов (примерно по 10–20 голов с семьи) и препоручалось пастуху («салы урне ойка» или «нер хум»). Чаще всего пастухами оказывались владельцы крупных собственных стад. У сосьвинских манси большие стада от 50 до 100 держали Вынгылевы, Вадичуповы, у ляпинских были стада по 500–600 голов (к примеру, А. Хозумов держал 700 оленей), сартыньинские манси Монины и Леляховы отдавали оленей на выпас ненцам или зырянам.

Сразу после сбора стада оленеводы уходили на Урал, чтобы в короткие сроки дойти до отдаленных мест. Маршрут занимал около 5 дней, в зависимости от глубины снега мог сокращаться или удлиняться. До Урала пастухи двигались объединенным аргишем, в котором состояли 2–3 стада, затем договаривались о распределении летних пастбищ и расходились на места отела.

Первые телята появлялись к концу апреля. С этого периода начиналось самое сложное для оленеводов время — «унтал тал нерен» или «салы унта парат» (отел), во время которого производилось круглосуточное окарауливание (как правило, на лыжах). После того, как телята окрепнут, продвигались к летним стоянкам, расположенным неподалеку от водоемов в горных тундрах, где оленей меньше беспокоили комары и гнусы. В «комарный» период — «лем вой парат» (июль) — для удобства выпаса оленеводы вновь создавали объединенное стадо. В это время малые стада (менее 500 голов) окарауливать сложно, так как олени разбегаются, большое же стадо «кружит» и держится на одном месте, выпасать его значительно легче.

В августе, с появлением грибов (лахас нявлем парат) возникает новая опасность потерь оленей — они разбегаются по горным тундрам в поисках грибов, и их постоянно приходится возвращать в стадо. В сентябре, с Семенова дня (14–15 сентября) начинается гон — «хар овтахты парат» — «хоры гуляют» — и продолжается до Покрова (14 октября). В этот период оленей содержат вместе, разошедшееся за ночь стадо каждое утро собирают.

В летний период оленеводы «сетковали» по озерам. В горных речках добывали хариуса с помощью сырепов (мотня из мережи в виде мешка) или лучением острогой («ов'та») на перекатах. Позднее стали применять для ловли хариуса сетки и крючки. Промысел рыбы по озерам и горным рекам, несмотря на довольно высокую результативность, проводился от случая к случаю для разнообразия пищевого рациона.

В конце октября, сразу после гона, манси-оленеводы начинали движения к местам зимовок. В ноябре по замерзании рек переходили горные реки (иногда раньше, преодолевая водные рубежи вброд). Зимние пастбища кимкьясуйских оленеводов находились в вершинах Кирсим, Сомырь-я, Яны-я (реку переходили вброд в районе Оурьи или верхнего Нильдино). Сангитуроаские манси выпасали стада по Волье и Ялпынье.

Подойдя к юртам, пастухи раздавали оленей хозяевам. Охотники, как правило, брали лишь несколько ездовых оленей на упряжку для проведения охоты в дальних угодьях, оставляя лишних в общем стаде. Безоленным охотникам пастухи давали на упряжку собственных оленей. За выпас скота пастухи-оленеводы получали рыбу, рыбий жир, деньги и т. д.

<…> В зимнее полугодие пастушеские хозяйства проводили запорный и неводно-сетевой лов рыбы на местах зимовок в вершинах рек. Охота на пушного зверя проводилась посредством активных (отстрел белки

и соболя с помощью или без участия собаки) и пассивных (черканами, капканами, слопцами, самострелами, силками) приемов промыслов. Зимой же осуществлялся лов зайца и куропатки.

Таким образом, таежно-предуральское ХО представляло собой совокупность по крайней мере трех сезонно-дислокальных и хозяйственно-специализированных подгрупп: пастухов-оленеводов, охотников-оленеводов и охотников-рыболовов. В летнее полугодие специализация обусловливалась особенностями оленеводства и рыболовства (в сосьвинско-обском или усть-ляпинском ареалах), в зимнее — спецификой охоты и рыболовства.

Приречно-таежный тип. Ведущей отраслью хозяйств данного ХК являлось рыболовство, состоящее из летнего неводного, сетевого, запорного промысла по Сосьве и Оби, осеннего запорно-сетевого по Сосьве и ее притокам, зимнего — запорного подледного промысла и «черпанья» у ключей. Определенную роль в хозяйстве играла охота на крупных копытных, проходившая осенью с помощью собак и посредством засек, в конце зимы — начале весны — пешим загоном по насту. Пушной промысел, включавший в себя осеннюю охоту на белку с ружьем или луком, лов белки, лисицы, горностая, росомахи посредством разнообразных орудий пассивной охоты; при этом преобладающей формой промысла были приемы активной охоты. Значительную роль в пищеобеспечении играла охота на мелкую и пернатую дичь, состоявшая из весенне-осеннего промысла водоплавающей птицы перевесами, отстрела из луков и ружей, загона линной птицы в сети, осеннего лова боровой дичи слопцами, петлями, зимне-весенней охоты теми же средствами на куропатку и зайца. В конце лета — начале осени проводился сбор кедрового ореха и ягод как для внутреннего потребления, так и не продажу. Большое значение имело развитие животноводства, заключавшееся в содержании многими хозяйствами лошадей (1–2), коров и другого домашнего скота. В качестве транспорта использовались как олени (с осени до весны), так и лошади. Оленеводство данной группы населения состояло в содержании отдельными хозяйствами небольших стад (от 5 до 15 голов).

Основой пищевого рациона являлась рыба, дополняемая мясом оленя и лося, мелкой таежной дичью, мучными продуктами. Для изготовления жилищ, средств передвижения, орудий труда, утвари использовалась древесина, береста, металл. Пошив одежды производился из ткани русского происхождения, продукции промыслов, оленеводства и скотоводства. Предметами, приобретавшимися торгово-обменным путем, являлись металлические изделия, ткань, сетевой материал, оружие и боеприпасы, пищевые продукты, домашний скот. Товарный фонд составляла рыба, пушнина, ягоды, кедровый орех.

Немаловажную роль в рыболовстве играл промысел сосьвинской селедки, составлявшей один из важнейших пищевых продуктов. Тугун зимует в верховьях Ляпина и р. Сосьвы; оттуда вслед за вскрытием рек спускается вниз до устья Сосьвы и проходит в Обские сора. С началом спада воды тугун движется обратно, и с этого времени начинается его промысел небольшими частыми неводами на песках. Сезон промысла сосьвинской селедки длится приблизительно 6 недель (ранним сроком его начала считается середина июня, поздним — начало июля, оканчивается 1–15 августа). Тугун ловится почти на всем протяжении Сев. Сосьвы — от устья до впадения в нее р. Лобсыньи. В низовьях реки промысел проводится лишь по левому берегу, где течет «черная» вода (от устья до юрт Чуинельских благодаря обилию проток, соединяющих Сосьву с Обью, у правого ее берега собирается смешанная с песком «обская» вода, а у левого — чистая «черная»). Сразу же после «схода» селедки начинается подъем туводных видов рыбы, щекура и сырка. На основе ихтиорежима строился промысловый цикл.

<…> Мансийское население низовьев Сосьвы еще до вскрытия рек переезжало с мест зимовий в летние юрты, расположенные на берегу реки. Весной, по вскрытии льда, ставили малые запоры с мордами («арпи») по протокам. С подъемом рыбы («таяпе хуп») и до ледостава (с июля до глубокой осени) неводили по Сосьве. Сюда, в низовья реки, с разрешения местных манси-вотчинников съезжались промысловики с верховьев р. Сосьвы и Ляпина. На богатых неводных песках сосредоточивались от 5 до 10 и более хозяйств.

<…> В весенне-летний период среди приречно-таежных хозяйств был широко распространен промысел линной птицы перевесами силами одного-двух охотников. У хозяйств, содержащих скот, часть летнего времени уходила на заготовку сена.

В течение зимнего полугодия хозяйственный цикл приречно-таежного типа в основном совпадал с циклом занятий глубинно-таежных манси, но большее внимание уделялось подледному рыболовству и промыслу боровой дичи. На зиму ставили большие запоры на живунах (конец января — февраль), добывая сырок, ерша, чебака, налима. В зимний период рыболовные артели распадались на группы из 1–2 семей, занимавшиеся охотой на пушного зверя, промыслом рыбы посредством малых запоров [Северная Сосьва … , с. 18–26].

А. В. Головнев. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири

Количественные характеристики рыбопромыслового инвентаря в районах расселения народов Северо-Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. (в среднем на одно хозяйство)
[Головнев, 1993, с. 23]

Район расселения	Невод (длина в метрах)	Сеть (штук)	Запор (кол-во ловушек)
Тундра	30–70	10–15	–
Прибрежная лесотундра	300–500	4–10	–
Прибрежная тайга	60–300	2–3	1–2
Глубинная тайга	40–120	1–2	2–3
Бассейн Пура	50	3	4

Е. В. Вершинин. Обдорские самоеды и экспедиция лейтенанта Д. Л. Овцына. 1734 г.

Экспедиция двинулась вдоль южного побережья Обской губы. Надежды Овцына на превлечение проводников из местного населения не оправдались: «А кочующие подле той губы самоеди и остяков малое число; и таких, кто б знал обстоятельно, где есть глубокая во оной вода, не сыскалось, понеже чрез оную попереги ее за широтою и за военем не ездят». <…>

<…> Дубель-шлюпка пересекла губу и направилась к северу вдоль восточного побережья Ямала. Достигнув широты 68°40′ Овцын заметил на берегу оленьи упряжи самоедов. С большим трудом, «чрез подарки», лейтенант заполучил на судно 2-х самоедов «для уведомления от них о тракте нашем». Овцын отметил, что самоеды «весьма от нас чюжи и о посылаемом судне не ведают и говорят: якобы мы их хотим ловить». Самоеды через переводчика объяснили, что пролива в море из Обской губы не знают, и добавили: «Токмо де ездим на оленях натуральною землею для промыслов на соленую воду через 10 дней». <…>

<…> Овцын 4 сентября 1734 г. вернулся в Обдорск, где и зимовал. В конце ноября в Обдорск приехали 2 ясачных самоеда их рода Мортюков, которых удалось расспросить через толмача. Они рассказали, что незадолго до того сошли к Северному морю для промысла белуг. Где-то на западном берегу Ямала им встретился пустозерец Ефим Хабаров и пустозерские самоеды на оленях. Они, в свою очередь, сообщили, что видели суда Архангельско-Обской экспедиции (2 коча под командованием лейтенанта С. В. Муравьева), перед которой стояла цель — обойти Ямал. В конечном итоге Овцын получил информацию, что кочи Муравьева только немного не дошли до острова, на котором обдорские самоеды ловят диких оленей… [Вершинин, 2001, с. 96–97].

Е. В. Перевалова. Северные ханты: этническая история

Население, живущее в пойменных районах крупных рек и по Оби, занималось рыболовством круглогодично (по А. В. Головневу, приречно-таежный тип хозяйственного комплекса (ХК)... Ранней весной, когда протоки освобождались ото льда, ставили сплошные заграждения *(ноль),* которые облавливали малыми неводами или оснащали рукавами *(пос).* Сетковали по заберегам, а в период половодья — по сорам. На р. Обь и ее многочисленных протоках в течение лета промышляли калыданами *(хульты пун* — «рыболовная ловушка») осетра, нельму, муксуна, налима. …Во второй половине июля и августе, когда вода начинала убывать, на выходах из соров ставили большие запоры-вары (до 900 м). В их сооружении участвовало от 10 до 20 человек *(вар верты ех* — «вар делать народ» или *лор верты ех* — «сор городить народ»). У *варов* неводили; в низовьях Оби запоры оснащались варовыми гимгами. Осенью проводился промысел плавными сетями, тогда же добывали рыбу при помощи различных заграждений, облавливая их важанами, саибами, котцами.

Зимой хозяйства приречно-таежного типа большое внимание уделяли подледному рыболовству. Как только река вставала, «ехали на Обь долбиться». По данным Н. А. Варпаховского, на Нижней Оби (от Березова до Обдорска) сооружали сплошные заграждения, которые в зависимости от ширины реки оснащались 40–100 большими ловушками-гимгами. На шести заграждениях по Бол. Оби лов производился осетровыми гимгами, на семнадцати по Мал. Оби — соровыми. …Кроме того, для добычи рыбы в зимний период употреблялись крючки, переметы, самоловы и др... С началом «загара» («замора») промысел рыбы состоял в «черпанье» у живунов. Малыми речками и живунами обычно владели отдельные семьи или группы семей. В целом для хозяйств приречно-таежного ХК было характерно почти круглогодичное рыболовство с интервалами, приходившимися на время ледостава и вскрытия рек.

Активно занимались запорно-сетевым рыболовством ханты левобережья Нижней Оби — рек Собь, Войкар, Сыня, Вогулка (по А. В. Головневу, таежно-предуральский тип ХК…). Сразу после ледохода рыбу промышляли важанами, в мае-июне — ставными сетями и запорами по сорам, после спада воды и до осени — неводами и калыданами в устьях рек и на Мал. Оби, в августе во время выхода рыбы с соров на нерест — запорами и речными неводами, в сентябре — острогами и важанами. Войкаркие, сынские и собские ханты имели свои рыболовные вотчины на Мал. и Бол. Оби, куда переселялись уже в мае. Например, сынские Лонгортовы стояли в Ляксем горте, Ущ горте и Акань лейме. «Важанили» *(вошты пун* — «важанный мешок» или *ас вошты пун* — «обской важанный мешок») на запорах по обским протокам, «калыданили» на Оби в одиночку или подвое. Неводили группой по 7–6 человек, «собирая большой невод из нескольких малых» (до 500 сажен).

<…> В середине июля (к Петрову дню) часть населения уходила «городить лесные озера». Большие летние запоры-вары (от 70 до 1 000 м) устанавливали сообща, чередуя ловушки пайщиков. Добытую рыбу делили по паям или «на удачу» («что в ловушку попадет»). В августе шиянпугорские и вандиязские ханты перекрывали р. Обь совместно. В сентябре при скате рыбы из озер речки вновь закрывали. На Войкаре по 4–5 человек «обважанивали» сооруженные совместно частичные заграждения. Семьи оленеводов-пастухов в летний период практиковали лов хариуса и щокура в горных речках крючковой снастью и сетевыми ловушками *(пун-хыр),* озерной рыбы — сетями и малыми неводами (25–30 м). Осенью лучили налима и тайменя на больших перекатах с берега или с лодки.

Специфика рыболовства северотаежного Предуралья состояла в отсутствии замора в реках Сыня, Войкар, Собь, поэтому на протяжении всей зимы и начала весны здесь производился запорный и неводно-сетевой подледный лов рыбы. Запоры ставили после спада воды как индивидуально, так и сообща *(поль верты ех* — «запора народ»). Например, хорпынгорские ханты (р. Сыня) имели четыре запора: *Лонт сойм поль* — «Гусиной протоки запор», *Нанк лер поль* — «Лиственничный корень запор», *Сак юш ов поль* — «Дорога на Саран-пауль запор», *Еран ех вили еган ов поль* — «Запор на речке, где война с ненцами была». «Всей деревней городили, так как узких мест по реке не было, одному не перекрыть». Собские ханты также ставили большие зимние запоры на реках Собь и Обь (полностью перекрывая реку), полузапоры — в ямах и на перекатах. На р. Войкар на зиму каждый «закрывал» свою реку или участок реки; на время загара устраивали большой запор на Оби.

<…> Для хозяйств, проживавших в удаленных от р. Обь правобережных глубинно-таежных районах, рыболовство играло менее значительную роль (по А. В. Головневу, глубинно-таежный тип ХК…). Весенний промысел рыбы состоял в применении для лова сетей и малых неводов. В летнее время глубинно-таежное население в связи с хозяйственной целесообразностью разделялось на три подгруппы. Первую составляли пастухи, на которых возлагался уход за оленями, объединивших стада двух-трех семьей. Они практиковали главным образом рыболовство запорного типа. В верхнем течении р. Казым и озерах по рекам Сорум и Курь-ях промышляли малыми неводами сырка. Добытая рыба шла исключительно для личного потребления. Вторую подгруппу составляли выезжающие на обские калыданные и неводные пески промысловики. С наступлением варовой поры (июль – август) выделялась подгруппа рыболовов, уходившая на период установки больших запоров в устье обских притоков — рек Питлор, Куноват, Казым. Кроме того, по сорам все лето промышляли сетями и важанами. Осенью на реках устанавливались частичные заграждения. В первой половине зимы на озерах проводилась добыча рыбы сетями подо льдом… Спецификой рыболовства правобережных глубинно-таежных хозяйств можно считать интенсивный промысел рыбы в заморный период, хотя «замор» наблюдался не на всех правобережных притоках. В декабре-январе хозяйства грубинно-таежного типа устанавливали небольшие запоры и черпали у ключей задыхающуюся рыбу. Число малых зимних запоров зависело от продуктивности рыбоугодий и потребностей семьи. По словам хантов, «на Куноватe вся вершина в живых озерах», поэтому верховские пускали хантов нижнего течения на свои угодья.

У безоленных и малооленных хантыйских хозяйств, круглый год проживавших в низовьях Оби и на побережье Обской и Тазовской губ (по А. В. Головневу, лесотундровый тип ХК…), специализированное летнее рыболовство было главной отраслью. Организация и скупка продукции рыбодобычи производилась русскими предпринимателями. К неводьбе приступали вслед за вскрытием реки, когда пески не были затоплены и талая вода не успевала дойти до низовьев Оби. Самое горячее время — весенний и летний подем рыбы из Обской губы. В этот период рыбу промышляли с помощью больших стрежевых неводов (от 300 до 500 м). В течение лета осуществлялся промысел на салмах полуневодами (30–70 м). Добыча рыбы производилась артельно: для тяги большого невода требовалось 10–14 человек, полуневода — 5… Наряду с неводьбой проходил лов ценных полупроходных пород рыбы сетями и переметами. Весьма продуктивна была двух-трехнедельная добыча рыбы важанами, несмотря на большие затраты на устройство для них заграждений ввиду необходимости доставки леса. Продуктивность в ночь на один важан составляла от 1 до 10 осетров, по Муринской Оби — 150. За сезон на важанах одного заграждения по Муринской Оби добывали до 7 000 осетров… Рыбопромысел малыми неводами и сетями хозяйств лесотундрового типа в осенне-зимний период заметно уступал по масштабам летнему и имел в основном натуральное значение [Перевалова, 2004, с. 252–256].

Издавна у остяков существовал целый свод экологических норм и правил по установке рыболовных ловушек. Во избежание перекрытия основных путей миграции рыбы запрещалось полностью «запирать» (перегораживать) русла крупных рек. Обряды поры (бескровное жертвоприношение) и *йир* (кровавое жертвоприношение) устраивались по случаю установки больших варов и выезда остяцкого населения с притоков на р. Обь для весенне-летнего рыболовного промысла. Повсеместно недопустимым считался перепромысел рыбы. Объем лова рыбы был соразмерен с текущими потребностями. У обских угров существует множество общих запретов по отношению к рыбе. Ее запрещается кидать, небрежно с ней обращаться; ее нельзя чистить ножом, а только специальной косточкой или палочкой; рыбьи кости нельзя бросать в огонь, иначе «рыба ловиться не будет».

Наибольшее число «рыбных» табу северных «рыбоядцев» связано с промыслом и употреблением в пищу осетра, налима и щуки. Практически повсеместно женщины не разделывали осетра *(сух / сох)* и не ели его в сыром виде, а в периоды регул и после родов запрет распространялся на употребление этих видов рыб в вареном виде. По сведениям М. А. Лапиной, при добыче осетра гадали: удачливый рыбак бросал сердце рыбы в воду как камешек; сколько раз оно на воде подпрыгнет, столько осетров будет добыто. Осетровый хрящ вытаскивали целиком, подвешивали для просушки у костра, только затем перерезали и клали в котел с рыбой. Ели хрящ без использования острых и железных предметов. Собские ханты, как мужчины, так и женщины, не употребляли в пищу сырой осетровой икры.

<…> На реках Бол. и Мал. Обь, Сыня, Войкар, Собь, помимо осетра, табуировались щука *(сорт)* и налим *(паннэ).* Войкарцам и шурышкарцам (в летнее время даже мужчинам) запрещалось употреблять в сыром виде всех трех рыб; табу на осетра снималось только после застывания Войкарского и Шурышкарского соров. На реках Мал. Обь, Вогулка и по Тегинской протоке женщины не разделывали осетра и налима, а также язя и карася, являвшихся, по представлениям хантов, пуговицами на поясе богатыря *Тэк ики.* На Казыме женщины могли резать и есть любую рыбу, однако во время выезда на летний рыболовный промысел на р. Обь, придерживались общих запретов… При нарушении табу по отношению к названным рыбам было принято отливать металлические изображения, которые хранились среди домашних святынь. В противном случае, как считали ханты, несчастье могло постигнуть весь род [Там же, с. 260–261].

Однако налима никогда не ставили в качестве угощения духам. В хантыйской мифологии рыбы считаются родственниками друг другу. Осетр и стерлядь приходятся зятьями, нельма — племянником, щокур и муксун — племянницами налиму. Поэтому нельзя варить в одном котле тестя-налима зятя-осетра и зятя-стерлядь. Перед разделкой налима мужчины ударяют по рыбе с двух сторон, приговаривая: «Четырехбородого зятя (осетра) позови, племянницу с длинной и узкой челюстью (нельму) позови, племянниц (щокура и муксуна) позови»… У северных хантов сохранились предания о духе-налиме, обитающем в районе пос. Харсаим.

По сведениям А. М. Сязи, представители северной группы нижнеобских хантов никогда не называют щуку *хул* — «рыба», наименования прочих рыб включают общий компонент *хул.* Высушенные щучьи зубы использовались как лекарственное средство [Там же, с. 262].

…До прихода в низовья Оби рода *Пит лор ех* (Хартаганов, Ругин) в устье Питлярского сора проживал народ *сорт ех* — «щучье племя»… Им же принадлежали и загороди для оленей, построенные на болотах и поблизости от Питлярского сора. Ханты утверждают, что *«сорт ех»* держали оленей еще во времена прадедов.

Во всех случаях речь идет о предшественниках хантов, прямо или косвенно связываемых в преданиях с ненцами *ур ех.* О своих непосредственных предках ханты говорят как о промысловиках-рыболовах, населявших первоначально низкие пойменные берега Оби, о народе *ур ех* — как об охотниках на дикого оленя и оленеводах, занимавших высокие берега соров и рек. Правда, в имеющихся у нас фрагментарных описаниях оленеводства *ур ех* (например загородей, строившихся людьми «щучьего племени») не встречается

характеристик, присущих ненецкому тундровому крупностадному оленеводству. Означает ли это, что в период освоения хантами низовий Оби ненцы *(ур ех)* практиковали оленеводство иного типа, и можно ли считать северных хантов преемниками этого древнего стиля оленеводства?

<…> По одной из легенд, покровительница домашних оленей *Касум най ими* получила «больших оленей» от народа *авус-ях.* «Что это за народ — пока неясно... Современные ханты на русском языке называют его по-разному: коми, тазовские ненцы, чукчи, энцы» [Перевалова, 2004, с. 266–267].

Вероятно, в состав оленеводческого народа *авус ех* входили не только тундровые ненцы, но и самоеды северной тайги Приобья, оказавшиеся в составе северных хантов. С известной долей условности можно допустить, что под именем *авус ех* в легендах хантов фигурировали воинственные потомки тех древних обитателей Северного Приобья, которые в этногенетических преданиях известны под названием *ур ех (ор ех).* Другими словами, на раннем этапе угорско-самодийских контактов, когда угры продвигались на земли самодийцев, последние рисовались в фольклоре как «дикие туземцы» *ур ех,* позднее, когда потомки «диких туземцев» стали совершать частые грабительские набеги на угорские селения, они обрели новое фольклорное имя — северных людей — *авус ех.* Перемена образа во многом была связана с изменениями в культуре самих самоедов, превратившихся из промысловиков в оленеводов.

<…> У восточных хантов сохранилось немало преданий о неоднократных вторжениях в их земли народа *авус ях.* По легендам, они приходили с севера («со стороны северного сияния») или северо-востока: летом спускались по верховьям рек на больших лодках из бересты, или коры, а зимой двигались на оленьих упряжках или лыжах через болота. По описаниям *авус ях* имели другой язык («говорили быстро»), носили железные рубахи-кольчуги, хоронили покойников, в отличие от местных хантов, «на поверхности». Аганские ханты соотносят «северных людей» то с ненцами, то с селькупами, реже с зырянами и тунгусами [Там же, с. 268].

Езда на собаках была известна аборигенному досамодийскому населению Ямала и сохранялась у ненецких родов Яптик и Яун-гад. В то же время в ненецком фольклоре упоминания об упряжном собаководстве связываются с побережьем «большой реки» (низовьями Оби) и соотносятся с «остяками» (в частности с «салинде-рами»). На обском устье живает рыбак Вэннотэтто («Владелец собак»)… Нижнеобской остяк Сибарев увозит девушку *Менк эви* с горы *Паль важ нель* на собачьей упряжке. В легендах северных хантов *Лоон верты ими* — «Жилы сучащая женщина» делает нитки из собачьих сухожилий.

<…> Каждая ездовая собака потребляет в день до 2 кг рыбы, для прокорма упряжки в 5–7 собак требуется 10–14 кг рыбы в день…

<…> В глубинно-таежных районах, где масштабы рыболовства были меньше, ханты держали охотничьих собак, которых запрягали в легкие ручные нарты. На промысле охотник и собака вместе тянули нарты с охотничьим инвентарем, продуктовыми запасами и добычей. На собачьей нарте перевозились дрова, вода, сено. В летний период собак держали на привязи или надевали колодку, чтобы они не убегали в лес и не пугали домашних оленей. На стойбище для собак специально отводилась площадка с *амп коот* («собачьим домом») [Там же, с. 288–289].

В. С. Мыглан, Е. А. Ваганов. Эпидемии и эпизоотии в Сибири в XVII — первой половине XIX века и длительные изменения климата

Год	Заболевание	Территория
Эпидемии		
1627	Н.	Томские и Мангазейские уезды
1628	Н.	Томские и Мангазейские уезды
1630	О.	Западная Сибирь
1631		
1632		
1649	О.	Мангазейский уезд
1654		Мангазейский уезд
1655		Мангазейский уезд
1656		Мангазейский уезд
1664	О.	Западная Сибирь
1685	Н.	Мангазейский уезд
1829	О., Г.	Полуостров Таймыр, Туруханский край и близлежащая территория
1830		
1831		
1832		
1833		
1834		
1835		
1836		
1837	Г., К.	Полуостров Таймыр и близлежащая территория, Туруханский край, Нижне-Колымское ведомство, Северо-Восток Сибири
1838		
1848	Х.	Западная Сибирь

Год	Заболевание	Территория
Эпизоотии		
1797	С. Я.	Тобольская губ.
1798		Тобольская губ.
180	Ч.	Тобольская губ.
1808	С. Я.	Тобольская губ.
1823	Н.	Тобольская губ.
1824		Тобольская губ.
1825		Тобольская губ.
1832	С. Я.	Тобольская губ.
1840	Ч.	Западная Сибирь
1848	Н., Ч.	Мелецкая управа; Березовский и Обюорский округа
1846	С. Я.	Березовский и Тараский округа
1850	Н.	Березовский окр.
1851		Березовский окр.
1852		Березовский окр.

Примечание. О. — оспа, Г. — горячка, К. — «катар», Ч. — чума, С. Я. — сибирская язва, Н. — неидентифицированные заболевания [Мыглан, Ваганов, 2005, с. 138–140].

С. В. Туров. Традиционное скотоводство на крайнем северо-западе Сибири (XVIII — I треть XX вв.)

Даже на юге округа в Шурышкарском районе по данным 1933 г. период стойлового содержания животных составлял 245 дней, а пастбищный только 120. Столь длительный стойловый период сам по себе создавал серьезные трудности для скотоводства, но положение усугублялось специфическими условиями сенозаготовки. Наиболее продуктивные выпаса и покосы находятся на луговом (поемном) берегу Оби. Нагорный (высокий) берег, покрытый лесом (лесной выгон), в кормовом отношении малоценен. Особенно богата лугами обская пойма на юге региона, в пределах Шурышкарского района, по левому берегу. Здесь она изрезана различной ширины рукавами и протоками, идущими в продольном и поперечном направлении. Благодаря этой сети проток вся пойма разделяется на отдельные луговые массивы различной величины — от нескольких десятков до тысяч гектаров. Казалось бы, подобные кормовые запасы способны обеспечить куда более интенсивное скотоводство, нежели имелось в крае в описываемый период. Однако на самом деле все обстояло значительно сложнее. Луговые пространства в пойме в силу климатических условий освобождаются от воды достаточно поздно. И зачастую косцы должны были как бы следовать за медленно убывающими водами, выкашивая участок за участком. Дело в том, что Обь-Иртышская речная система имеет присущую только ей (провинциальную) особенность. Здесь проявляются длительные многоводные циклы — наводнения с высокой водой подряд несколько лет (5–8 лет). В речных системах европейской части страны многоводные циклы также проявляются, но их длительность не превышает 3–4 года. Многоводные циклы в Обь-Иртышской речной системе наносили огромный урон традиционной хозяйственной структуре поемного типа, повергая ее в состояние затяжной депрессии, когда большинство привычных хозяйственных занятий либо были осложнены, либо вовсе невозможны, так как до августа — октября под водой находились наиболее продуктивные рыболовные угодья («пески», «сора»), далеко в тайгу уходил промысловый зверь. Естественно, под водой оказывались пастбища и покосы. Например, в 1-й пол. XIX в. наводнения с высокой водой имели место в 1810–1812, 1818–1820, 1822, 1824, 1835, 1837–1838, 1845–1847, 1850, 1854, 1856–1859, 1861 годах. В многоводные годы, когда вода долго стоит в пойме, производительность луговых покосов падает вдвое. Трава под водой продолжает расти, но качество ее значительно ухудшается. Кроме того, она сильно «пристилается» к земле, заносится илом и покрывается водорослями. Уборка сена в многоводные годы иногда откладывается до сентября — октября. Понятно, что на севере трава частенько попросту уходит под снег. Чтобы этого не допустить, иногда приходилось косить траву под водой с лодок. Кроме воды, сенокошение осложнял кустарник и кочки, покрывающие поемные луга. Таким образом, на самом деле кормовая база северного скотоводства была достаточно неустойчива, а сенокосных участков удобных (высоких и чистых) было не так уж много. Поэтому сенокосы устраивались очень избирательно. Хорошие участки часто находились вне пределов волостных дач и их приходилось «кортомить». Так, по сведениям 1804 г. у березовских жителей «…сенокосные луга хотя в дачах городских и имеются, но по количеству граждан весьма недостаточно …потому принуждены бывают для поставки сена кортомить места у ясашных, живущих поблизости города». Так же приходилось поступать обдорянам… [Туров, 2005, с. 81–84].

С. В. Туров. Описание охоты русских в с. Мужи Шурышкарского района ЯНАО в 1930-е годы. Записано от В. А. Рочева 1928 г. р., с. Мужи, ЯНАО

Лебедей не стреляли вовсе. Боровую дичь добывали при помощи петель. Самой частой добычей была куропатка. Петля на куропатку делалась из конского волоса. 6–10 волос насучивались в один жгут. Сделанная из этого жгута петля привязывалась на крепкую длинную нить. Место для постановки петель на куропатку

выбирали среди тальника, там, где замечали много следов. В этом месте верхушки кустарника с почками заламывались так, чтобы их могли достать птицы, а на снегу расставлялись петли 5–7 штук, в хороших местах — 20–30 штук. Мест постановки петель у каждого охотника было несколько, соответственно складывался маршрут их посещения — тропа. За один осмотр тропы в хороший год можно было взять 15–20 куропаток. Примерно таким же образом настораживались петли на зайца. За один раз с тропы брали 2–3, реже 4 зверька [Туров, 2006, с. 108].

Зимой в тундре охотились на взрослого песца. Аборигены в зимней охоте чаще всего применяли различные ловушки: капканы, чирканы и слопцы. С ружьем и собакой на песца охотились очень редко, только в случае, когда он случайно набегал на охотника [Там же, с. 108].

Зыряне-ижемцы в 10-х гг. XX в. стали применять на Ямале облавную зимнюю охоту на песца. Облава гнала песца на лед какого-либо озера, чаще всего в начале зимы, когда лед еще не покрыт снегом; на открытый мыс у берега моря; на сопки, свободные от растительности; к открытой воде берега моря или широкой еще незамерзшей реке. Кроме того, на местности, выбранной для облавы, не должно было быть много нор, иначе песец мог «понориться». Обычно в облаве участвовало от 20 до 50 нарт с охотниками, которые начинали гнать песца к выбранному месту. <…> При наличии собак в дело пускались и они. <…> Однако еще в конце 20-х гг. XX в. облавный промысел песца был развит только в некоторых местностях южного Ямала. Отчасти это объяснялось тем, что песца в Северо-Западной Сибири было сравнительно меньше, чем например в Северо-Восточной, где облавный способ охоты применялся в это время и позднее (1935 г.) значительно шире [Там же, с. 108–109].

Туров С. В. Природопользование русских старожилов Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX века)

Как следствие наводнения, практически останавливался рыболовный промысел. Весной лов простонапросто был исключен: «В годы высокого стояния воды, когда берега соров затоплены, лов бывает неудачен, так как, во-первых, погода препятствует постановке сетей; во-вторых, рыба широко расходится, и в каждом данном месте ее трудней поймать; в-третьих, течение, быстреть воды не позволяет ставить сети. Поэтому при высоком стоянии воды добывается лишь ничтожное количество рыбы [Туров, 2007, с. 97].

Добавим к этому, что соровой лов был основным и наиболее продуктивным в весенний период. Но не лучше обстояли дела и с летним ловом. Основной составляющей летнего лова являлась неводьба на рыболовных песках. Данный вид угодий во время наводнений затапливался, и неводьба становилась невозможна: «Весенняя рыбная ловля всюду была очень неудачна, а начать ловлю обыкновенным летним способом, т. е. неводами, не было никакой возможности, потому что и к концу июля все берега, способные для этой ловли, находятся еще под водою [наводнение 1845 года]». Затопленную пойму покидали звери и боровая дичь — скрывались далее в дебри. Положение многократно ухудшалось во время многоводного цикла. Судя по приведенным выше данным, многоводные циклы в первой половине XIX века были в 1810–1812, 1818–1824, 1835–1838, 1845–1847, 1856–1863 годах. Во время прохождения многоводного цикла хозяйственная структура региона пойменного типа входила в состояние глубокой депрессии [Там же, с. 105–106].

Специфика «северного собаководства» была в том, что даже те собаки, которые содержались во дворе, по сути, оставались полудикими. Такое положение дел даже вносило определенные коррективы в хозяйство русского населения региона [Там же, с. 146].

Е. М. Главацкая. Население Обдорского района (по материалам переписи 1926–27 гг.)

Этнограф [Р. П. Митусова] писала: «необходимо заметить, что бобровая струя употребляется только для окуривания женщин и вообще очищения — предмет духовной культуры». Бобровой струи не хватало на центральной зимовке села Хальмер Седа и кушеватской фактории акционерного общества «Обтрест». Согласно сообщению регистратора П. Иорданского в довоенное время бобровая струя была в ассортименте товаров фактории, и в 1920-е гг. наблюдался постоянный спрос на нее [Главацкая, 2010, с. 39].

…Привычка кочевников плеваться здорово раздражала регистратора… К моменту заполнения бланка была, правда, проведена только одна беседа фельдшером о гигиене, которая по сути свелась к запрещению плеваться [Там же, с. 42].

Население соблюдало запрет на рыбную ловлю неводами, гымгами и сетями в сорах во время вонза — подъема рыбы на нерест, с июня по июль. Кроме того, по сообщению остяков Елисей-горта, имелись еще «угодья в Саимове Тижин-Корте, где не производится охота на всякого зверя и птицу, исключения бывают — только жертвоприношения» [Там же, с. 44].

1.2. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

К этому типу источников относятся рисунки и фотографии. Многие публикации XVIII — начала XX века содержат рисунки и фотографии, на которых отражены события хозяйственно-бытовой деятельности коренного населения [Алквист, 1999; Анучин, 1916; Белявский, 2004; Городков, 1929; Дмитриев-Садовников, 1917; Дунин-Горкавич, 1904; 1910; 1911; Житков, 1913; Кушелевский, 1868; Носилов, 1903; 1904; Чернецов, 1949; Шухов, 1914; 1916; Sommier, 1885; 1887; Земля Ямал; Источники по этнографии Западной Сибири … ; Путешествие в Западную Сибирь …]. Анализ этих изобразительных материалов позволяет получить дополнительную экологическую информацию. Примером такого рода анализа может служить работа В. Н. Чернецова «Быт хантов и манси по рисункам XIX в.». Эта работа посвящена описанию и интерпретации изображений и сюжетов на рисунках первой половины XIX века сибирского художника Николая Шахова [Чернецов, 1949].

Помимо собственно изобразительных экологическую информацию могут нести источники картографические. Они представлены иностранными и отечественными картами Западной Сибири. В Европе Западная Сибирь в разное время относилась к разным территориально-административным подразделениям, которые имели названия: Тартария, Московия, Сибирь, Россия. Карты могут служить источником для оценки относительной плотности и равномерности распределения коренного населения по территории. В литературе также опубликованы карты кочевания оленеводческих хозяйств, например, в левобережной части Приуральского района в 1933/34 годах [Андреев, Игошина, Лесков, 1935]. В нашей работе этот вид источников не рассматривается.

Изображения шторок Шахова (рис. 13–18) приводятся с описаниями В. Н. Чернецова. Все шторки находятся в коллекции Музея антропологии и этнографии (МАЭ), г. Санкт-Петербург.

Шторка № 1 (рис. 13)

В нижней части шторки изображена Обь, на которой расположен «Князь юрты»[1].

На берегу лежит лодка, по берегу идет человек с веслом в руке. На человеке надета малица — одежда из оленьих шкур мехом внутрь, надеваемая через голову, с пришитым к вороту капюшоном. Малица покрыта красной материей. В левой руке у человека палка с крючком на конце, по всей вероятности, багорок для подхватывания попавшей в сеть рыбы.

Над лодкой растянута для просушки так называемая «калданная сеть». Калдан — рыболовный снаряд вроде драги. Он представляет собой большой мешок из сети, устье которого одной стороной пришито к шесту около двух метров длины. Этот шест помогает держать отверстие калдана широко открытым. К середине шеста привязан камень, служащий грузилом. Ловец плывет на лодке и тянет за собою калдан, опущенный на веревке до дна реки. Из глубины мешка калдана идут сигнальные нити, по содроганию которых ловец узнает о зашедшей в снаряд рыбе. Тогда он быстро поднимает калдан на поверхность и выбирает попавшую в него рыбу. Если попадет крупный осетр, который может опрокинуть маленькую лодочку, его подхватывают специальным багорком и оглушают ударом деревянного молотка. Такой багорок, очевидно, и держит в руке человек, идущий по берегу. Здесь показаны различные моменты лова калданом: ловец плывет на лодке, гребя правой рукой и держа веревку и сигнальную нить левой: момент вытаскивания калдана на поверхность. <…>

Другой рисунок [сюжет[2]] изображает неводьбу. Два человека вытаскивают невод, внутри которого видна рыба. Слева от них у берега стоит челнок, на котором невод завозился в реку. Судя по челноку, невод очень маленький, так как при неводе даже средней величины приходится связывать два челнока для большей грузоподъемности и устойчивости.

Правее на берегу видны вешала для сушки невода и шалаш, в котором живут рыбаки. Слева изображен лов рыбы «сежей»… на небольшой протоке. «Сежа», «вожан» или «чердак», как и калдан, состоит из сетного мешка. Этот мешок устанавливается в воротцах закола, устроенного поперек роки или протоки. Нижний край отверстия сети пришивается к Т-образной перекладине длинного шеста. На концах этой перекладины имеются широкие кольца, скользящие по кольям, образующим воротца. С помощью шеста нижний край отверстия мешка опускается до дна реки, и шест закрепляется в этом положении специальной петлей. Над воротцами устраивается небольшой помост, на котором сидит ловец. Он держит в руках сигнальные нити,

[1] См.: Путешествие в Западную Сибирь… М., 1882. С. 339, 352.

[2] Каждая шторка Н. Шахова содержит несколько изобразительных сюжетов. В. Н. Чернецов в каждом случае рассматривает один из них.

идущие из глубины мешка, и по содроганию этих нитей узнает о рыбе, зашедшей в сеть. Сбрасывая петлю, он освобождает тогда шест с перекладиной, который, всплывая, закрывает отверстие сети. Последнюю затем поднимают на поверхность, чтобы выбрать из нее рыбу[1] [Чернецов, 1949, с. 9–12].

Шторка № 2 (рис. 14)

По материалу и обрамлению подобна первой, отличаясь лишь формой цветов и листьев бордюра. В нижней части рисунка надпись «“Губа Морская” — рисовал Николай Шахов». <…>

Рисунки этой шторки изображают жизнь и летние промысла ненцев и хантов в устье Оби и Обской губе, наиболее северной части территории, представленной на шторках Шахова. <…>

В верхнем левом углу изображен мыс, на котором расположено рыболовное стойбище. Чум крыт, по-видимому, оленьими шкурами. Дверная полость откинута в сторону, так что виден горящий внутри чума огонь и висящий над ним котел. Из дымового отверстия идет густой дым. <…>

Лодка вытащена на берег и перевернута вверх дном. К лодке прислонено типичное для хантов и манси весло с листовидной лопастью. Рядом с лодкой стоят вешала, на которых развешан для просушки невод. Мотня его подперта шестом. Ближе по берегу тоже вешала, но для сушки рыбы. На длинных спицах нанизана распластанная рыба, очищенная от голов и костей.

На берегу стоит мужчина с веслом в руке, подающий связку рыбы женщине. Женщина сидит на корточках и пластает на доске рыбу. Рядом с доской стоит миска или, скорее, чуман (четырехугольная миска из бересты), в которую обычно складывают чищеную рыбу и кишки, предназначаемые на вытопку жира. <…>

Картина стойбища дополняется собакой, ожидающей когда ей что-либо перепадет, и лодками, вытащенными на берег. Вверху посередине изображен мужчина, переплывающий протоку на маленькой лодочке. Он гребет двухлопастным веслом, которое нередко можно встретить в низовьях Оби. На мысу, к которому подплывает лодка, расположено соседнее стойбище, состоящее из чума и жилища из коры. В отличии от предыдущего изображения стойбища невода здесь не видно, и шест, которым подпирают мотню, прислонен к вешалам, очевидно обитатели находятся на рыбном промысле, и их, по всей вероятности, художник изобразил плывущими на лодке, в которой видна сложенная сеть. Оба гребца в цветных «гусях» — одежде покроя малицы, но из сукна, причем у сидящего позади капюшон откинут с головы. <…>

Ниже …изображены три последовательных момента неводьбы на салмах — отмелых пространствах. При далеко тянущихся отмелях и маленьких неводах, последние приходилось заметывать не с берега, а вдали от него, и пританивать к сетке, натянутой между двух кольев. На рис. 4 [сюжете] показано заметывание невода. Крыло его привязано к одному из кольев сетки. Два рыбака на лодке заводят невод, а третий рыбак, стоя в воде с веслом в руке, пугает рыбу, не давая ей выйти из круга. Далее видим, что невод уже выметан. Два рыбака, стоя в воде, подтанивают его к сетке, а третий, поставив лодку на причал, подбирает в нее веревку невода. На нижнем рисунке кольцо невода сомкнуто. Лодка подошла вплотную, и в нее складывают рыбу, выбираемую из невода. <…>

В правом углу изображено еще одно стойбище, также состоящее из чума, жилища из коры и т. д. Одна женщина нарисована за приготовлением пищи у наружного костра, на котором висит котел, другая стоит у лодки, из которой она вынула связку рыбы. <…>

На реке между стойбищами оживленное движение. На маленькой лодочке едет ханты с мальчиком и собакой, плывет каюк, двое мужчин с луками и собакой выехали в лодке на утиную охоту… Поперек устья небольшой протоки укреплена на веревке сеть. В эту сеть охотники и загнали уток. Утки запутались в сети, некоторых же которые могут из нее вырваться, охотники убивают стрелами. Из протоки к сети подплывает другая лодка… в которой сидит один человек, тоже с луком. Его собака уже возвращается к лодке, держа в зубах убитую утку [Там же, с. 12–17].

Шторка № 3 (рис. 15)

По материалу и обрамлению подобна предыдущим, отличаясь лишь формой цветов и листьев бордюра. <…>

Рисунки шторки изображают Сале-Хард и прилегающую к нему местность. <…>

Позади чума, левее от него, изображена поимка оленя арканом в стаде. Петля затянулась на шее животного, которое бьется и упирается. Часть оленей при этом разбегается, но их задерживает собака, забежавшая

[1] См.: *Сабанеев Л. П.* Рыбы России. М., 1875 г. — U. Sirelius. Über die Sperificherei bei den Finnisch-Ugrischen Folkern. Helsingfors, 1906. — *Примеч. В. Н. Чернецова.*

вперед. Она стоит около дерева и лает на важенку (матку), позади которой бежит теленок. Другие олени продолжают спокойно пастись. <…>

Перед чумом изображена женщина, едущая на нарте, запряженной двумя оленями. Уздечки оленей украшены кистями из крашеной замши. Богато орнаментированы и поясные ремни упряжи. Такое украшение из нашитого на них цветного сукна можно встретить нередко на женской и особенно свадебной упряжи. Круг на ремне передового оленя изображает медную бляху, укрепленную на крюке, служащем для поддержания вожжи. Женщина, сидящая на нарте, одета так же как и предыдущая. Хорошо видна поясная бляха, хотя художник и поместил ее ошибочно слишком высоко. В нарте у женщины лежит ребенок, покрытый красным сукном.

Ниже расположено изображение мужчины на оленьем нарте[1]. <…>

В нарте лежит груз, покрытый оленьей шкурой, конец которой свешивается сзади. При этом свешивающаяся часть изображена слишком длинной. Позади нарты бежит олений теленок, из чего следует, что один из оленей, запряженных в нарту, — важенка. У более крупных оленеводов, какими являются ненцы, важенка не служит упряжным животным, и ездят на них лишь в малооленных хозяйствах, какими, в общей массе, и являются хантыйские и мансийские. <…>

В самом основании шторки (рис. 9) изображен ханты, едущий на нарте, запряженной собаками[2]. На нем надета парка, сшитая из темного и белого меха. Подол парки опушен полоской собачьего меха. Нарта резко отличается по конструкции от предыдущих. Оленья нарта, как и все оленеводство хантов и манси, ненецкого типа. Здесь же изображена собачья нарта. Она длиннее, ниже и уже. Копылья не только вдолблены в полоз, но и привязаны к нему специальными оттяжками. Передние концы нащепов также лишь привязываются к головкам полозьев. Такой способ крепления представляет собой пережиток, отражающий весьма архаическую технику, когда при несовершенных каменных и бронзовых инструментах было затруднительным изготовление гнезд и шипов. <…>

В нарту запряжено шесть собак, расположенных попарно на общем потяге. Упряжь состоит из мягкого кольца, так называемого «алыка», которое опирается на подвздошные кости. Этот способ запряжки распространен по Оби и, отчасти, по Енисею среди кетов. Он чрезвычайно несовершенен и его можно рассматривать как очень архаический [Чернецов, 1949, с. 17–20].

Шторка № 4 (рис. 16)

Материал, швы и обрамление тождественны предыдущим номерам. <…>

Изображение этой шторки охватывает территорию, расположенную несколько южнее, именно, верхнее течение реки Казыма. В верхней части шторки имеется надпись «Казымской Городок». <…>

По всей вероятности, хибарки эти представляют собой домики для ездовых собак. Остатки таких домиков, как мне приходилось слышать, существовали в Юильском городке еще недавно, сохранившись с тех времен, когда они были необходимы во время приезда хантов для уплаты ясака.

Собаки были некогда единственным видом упряжных животных среди обских угров, и оленеводство, появившееся около середины II тысячелетия, будучи заимствованным от ненцев, еще долго не могло вытеснить езды на собаках, не исчезнувшей окончательно и теперь.

В правой стороне сверху изображен ханты, стреляющий белку из лука. Форма лука дана Шаховым неверно. Лук у хантов и манси не имеет изгиба в средней части и в натянутом состоянии образует совершенно равномерную дугу. Стрела изображена правильно, тупая, с утолщением на конце. Такие стрелы иногда с дополнительным коротким, коническим острием из кости употреблялись для охоты на белок. Удобство пользования такими стрелами заключалось в том, что, с одной стороны, они не рвали шкурку, а с другой — не вонзались в дерево. Совершенно подобная же фигура охотника, стреляющего белку, повторена немного ниже. Слева от казымского городка, на высоком мысочке изображен остов чума, чамья на высоком столбе и загон для оленей, в котором стоит сарай. Подобные сараи служат в летнее время для оленей убежищем от комаров, для чего внутри раскладывается дымный костер (см. шторку V).

На левом берегу Казыма и слева на рисунке изображена ловчая изгородь, с попавшим в нее оленем. <…>

[1] Фигура эта помечена цифрой 8 на самой шторке, впоследствии этот номер был переправлен карандашом на 9. — *Примеч. В. Н. Чернецова.*

[2] Фигура первоначально была помечена цифрой 9 на самой шторке впоследствии переправлена на 10. — *Примеч. В. Н. Чернецова.*

Загородь изображена художником неточно, так как обычно устраивается или в виде прясла в одну две слеги или засекой. Длина ее бывает различна, достигая иногда 10–15 и более километров, а направление выбирается так, чтобы оно пересекало звериные тропы и переходы. В определенных местах устраиваются воротца, в которых устанавливают самострелы. От спускового приспособления самострела поперек прохода протягивается тонкая нитка. Лось или олень, встретив загородь, направляется вдоль нее, пока не дойдет до прохода. Как только он тронет нить, стрела поражает его с большой силой. Охота на зверя при помощи ловчих загородей, теперь запрещенная, была в прошлом широко распространена и потому неудивительно, что нашла свое отражение в рисунках Шахова.

Правее изображен ханты, едущий на нарте, запряженной оленями. Возможно, что это охотник, отправившийся осмотреть свои самострелы. <…>

Одни ворота закрыты, другие открыты и в них входит мужчина на лыжах, ведущий в поводу оленя. Три оленя и теленок уже находятся в загоне. Один из них привязан к заднему копылу нарты, стоящей на специальной подставке. Последняя состоит из двух параллельных жердей, укрепленных на четырех кольях. Другая нарта стоит рядом на этой же подставке. <…>

С наружной стороны загона изображен ханты, ловящий арканом домашнего оленя. Аркан плетется из четырех тонких сыромятных ремешков и имеет в длину 15–17 маховых сажен. На конце к нему прикреплен костяной блочек, облегчающий затягивание петли.

Далее изображены сцены охоты на дикого оленя. Охотник с луком и посохом в руках идет на лыжах в лес. За спиной у него полный колчан стрел. Разогревшись на ходу, он отбросил с головы капюшон малицы. <…>

Затем охотники уже поразили оленей и готовятся пустить по второй стреле. Художник изобразил их натягивающими лук левой рукой. Сомнительно, чтобы он сделал это преднамеренно, хотя леворукость — частое явление среди хантов и манси. Примечательна также стрела, которую собирается пустить нижний охотник: у нее раздвоенный наконечник, какой обычно не применяется на крупного зверя. По всей вероятности это ошибка, допущенная Шаховым.

На другом рисунке охотник уже поразил оленя и накладывает на лук вторую стрелу, чтобы добить ею упавшее животное.

Рис. 16 (деталь шторки IV) показывает охоту на медведя. Стрела глубоко вонзилась в грудь зверю, поднявшемуся на задние лапы, и охотник готовится в этот момент выстрелить еще раз. Очевидно он застал медведя в тот момент, когда тот задрал корову, которая лежит тут же между охотником и зверем.

Несколько ниже на шторке изображена Обь, с надписью «**Река Обь**», в месте впадения в нее реки Полноватки. На Оби две собаки, запряженные в маленькую нарточку, везут «морду»[1] — ловушку для рыбы, сделанную из тонких дранок, связанных сосновыми корнями. За нартой идет ханты, придерживающий ее за веревку, чтобы нарты не раскатывалась и не перевертывалась… Рядом с «мордой» лежит плетеный черпак на ручке для выбирания сколков льда из проруби и пешня для пробивания льда. Ханты отправился, очевидно, устанавливать ловушку. Две уже поставлены. Одна у устья маленькой речки, впадающей в Полноватку, другая у берега Оби в левой части рисунка. Здесь изображены «заезки». Это загородки из кольев и дранок, которые устраиваются поперек течения. Они называются «езами» или «запорами», если пересекают всю реку, или «заезками», если захватывают лишь часть ее. В загородке оставляются свободные промежутки и в них устанавливают «морды», которые периодически осматриваются [Чернецов, 1949, с. 20–23].

Шторка № 5 (рис. 17)

По материалу, способу сшивания и типу обрамления не отличается от предыдущих. Рисунки на этой шторке, как и на шторке IV, изображают реку Казым и ее обитателей, но уже в весенней обстановке.

Рисунки [сюжеты] в левой верхней части шторки отражают оленеводство казымских хантов. Последние не откочевывают на лето в тундру, а остаются со своими оленями в лесу. В силу этого создалась необходимость защищать оленей в летнее время от «гнуса», т. е. комаров и оводов. Для этого устраиваются специальные сараи, в которых раскладывают костры, в дыму которых олени и находят себе убежище. Такой сарай, с находящимися внутри него двумя оленями, и видим изображенным на пригорке.

Весной рога у оленей начинают отрастать. Они короткие, мягкие, покрыты кожей и имеют округленные концы. Такими и изобразил их художник, за исключением двух оленей, которых он снабдил большими и разветвленными рогами. Очевидно Шахов имел в виду изобразить холощенных быков, у которых смена рогов

[1] «Морда» — иначе верша. У местных русских — гымга, мано, катка. — *Примеч. В. Н. Чернецова.*

нередко очень сильно затягивается. Справа, на высоком берегу Казыма, стоит остов чума и чамья. Это летнее стойбище, пока еще не населенное. По правую сторону Казыма видно озеро, соединенное с Казымом истоком, на котором хантыец в маленькой лодочке скрадывает какую-то водоплавающую дичь.

Слева от Казыма, на берегу Оби, художник изобразил жизнь в рыболовном стойбище. В стойбище юрта — летнее жилище, крытое корой или берестой, две чамьи. Позади юрты, рядом с чамьей, сидит остяк и плетет горловину для «морды», связывая сосновыми корнями тонко нащепленные дранцы. Левее юрты стоит помост, укрепленный на четырех столбах. Верхние концы столбов связаны перекладинами, на которые положены тонкие палочки. На такие палочки нанизывается предназначенная для вяления рыба. К первому переднему столбу привязан флюгер с вымпелом, снятый с мачты каюка. На помосте женщина чистит рыбу. Рядом с помостом изображены еще две женщины, занятые приготовлением пищи. Одна из них помешивает что-то в котле. Несколько левее женщина чистит рыбу и развешивает ее вялиться. На женщинах яркие платья и платки, покрывающие голову и плечи. Левее изображен мужчина, несущий связку рыбы, а рядом на специальных подставках растянуты для просушки невод и калданная сеть… На середине шеста сети виден «калданный камень» — каменное грузило. Подобные же калданные сети изображены правее, рядом с перевернутой лодкой и на самом берегу у воды.

Рис. [сюжет] 21 изображает моменты лова калданной сетью; видно, как ловец гребет левой рукой, держа в правой сигнальные нити. Веревка, которая идет от калданного камня, закреплена в лодке. В сеть попал крупный осетр. Узнав об этом по содроганию нитей, ловец, потянув за веревку, закрыл сеть и поднял ее на поверхность. Осетры являлись главным объектом лова калданной сетью, и один рисунок изображает ханты, несущего на спине большого осетра [Чернецов, 1949, с. 24–25].

Группа рисунков изображает сцену неводьбы. Невод заметан, и его начинают подтягивать к берегу.

Большого внимания заслуживают рисунки, изображающие промысел уток перевесами. Он практикуется весной и осенью, во время прилета и отлета уток.

На зорях, перелетая с озера на озеро или с озера на реку, утки избегают подниматься выше леса, растущего на перешейках, выбирая для перелетов естественные и искусственные прогалины. Охотники, используя это, прорубают на перешейках просеки, в которых на высоких местах или даже вершинах деревьев, укрепляют на блоках тонкую сеть, в эту сеть, почти невидимую в сумерках, и попадают утки.

На рисунке [в сюжете] 22 мы видим поднятую сеть и охотника, сидящего в укрытии, далее уток, попавших в сеть, и охотника, спешащего опустить ее. Другой охотник уже выбирает уток из спущенной сети. Детально на устройстве перевеса мы здесь останавливаться не будем, поскольку все подробности интересующийся может найти в превосходной работе С. И. Руденко, и посвященной этому вопросу[1].

На озере, отделенном перешейком от Оби, художник изобразил охоту на уток при помощи лука и стрел. Охотник сидит в лодке, в которой находится также и собака. Он изображен в тот момент, когда, поразив утку, готовится пустить стрелу в другую. Стрела с типичным для утиной охоты раздвоенным наконечником. Такой наконечник по сравнению с обычным, копьевидным, имеет большую поражающую площадь и, кроме того, в случае промаха, стрела не уходит далеко в воду, обладая большим лобовым сопротивлением.

Правый рисунок изображает ханты, отправляющегося на лодке устанавливать верши в рыболовных заколах, устроенных на протоках и реках. В двух таких заколах верши уже установлены, и рыбак плывет теперь к третьему, где просвет еще открыт [Там же, с. 27–29].

Шторка № 6 (рис. 18)

Материал и обрамление такие же, как и в предыдущих. В верхней части рамки — надпись, поясняющая содержание рисунков шторки «Волость Сосвинска»; под надписью литеры: Р(исовал) Н(иколай) Ш(ахов).

Рис. [сюжет] 25 изображает мужчину манси, стреляющего из лука в белку. Фигура эта мало отличается от охотника на предыдущей шторке. <…>

Ниже видим сцену охоты за диким оленем. Охотник стреляет из ружья в оленя, который, будучи ранен, поднялся на дыбы. Другой олень лежит поодаль, уже убитый. Рядом изображен манси, стреляющий в какого-то зверька, сидящего на дереве. Судя по тому, что художник изобразил его темным, в нем можно предположить соболя. <…>

К шалашу прислонен лук и колчан со стрелами, а несколько правее виден и сам охотник… Он ранил медведя стрелой, глубоко вонзившейся в горло зверя, которого охотник принял теперь на рогатину [Там же, с. 29–31].

[1] *Руденко С. И.* Перевес. Материалы по этнографии. Т. IV. Вып. 2. Л.: Изд. Рус. Музея, 1929. — *Примеч. В. Н. Чернецова.*

Рис. 13. Обдорский князь. Рисунок Н. Шахова. Миткаль. 1-я пол. XIX в.
1315 × 780 мм. Инв. № 5753-1. МАЭ, Санкт-Петербург

Рис. 14. Губа обская. Рисунок Н. Шахова. Миткаль. 1-я пол. XIX в.
1305 × 800 мм. Инв. № 5753-2. МАЭ, Санкт-Петербург

Рис. 15. Обдорская крепость. Рисунок Н. Шахова. Миткаль. 1-я пол. XIX в.
1305 × 740 мм. Инв. № 475.3-3. МАЭ, Санкт-Петербург

Рис. 16. Казымский городок. Рисунок Н. Шахова. Миткаль. 1-я пол. XIX в.
1300 × 805 мм. Инв. № 5753-4. МАЭ, Санкт-Петербург

Рис. 17. Река Обь (близ устья реки Казым). Рисунок Н. Шахова. Миткаль. 1-я пол. XIX в. 1305 × 770 мм. Инв. № 5753-5. МАЭ, Санкт-Петербург

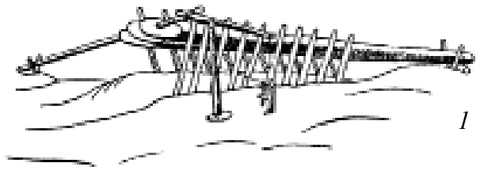
Рис. 18. Волости Сосьвинская и Ляпинская, промыслы. Рисунок Н. Шахова. Миткаль. 1-я пол. XIX в. 1305 × 770 мм. Инв. № 5753-6. МАЭ, Санкт-Петербург

Рис. 19. Остяки реки Обь. Вверху, слева направо: остяк идет на охоту, остячка.
Внизу: в жилище остяков. Копия гравюры И. Г. Георги [Георги, 1799]

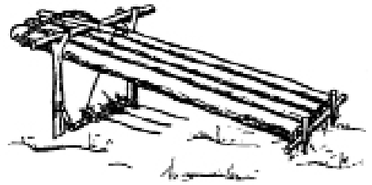
Рис. 20. Остяк идет на промысел горностаев (на заднем плане насторожнный черкан). Копия гравюры И. Г. Георги [Георги, 1799]

Рис. 21. Самоеды. Вверху, слева направо: самоеды на охоте, самоедка. Копия гравюры И. Г. Георги [Георги, 1799]

Рис. 22. Юрак. Копия рисунка из: Густав-Теодор Паули. Этнографическое описание народов России: альбом. 1862 г.

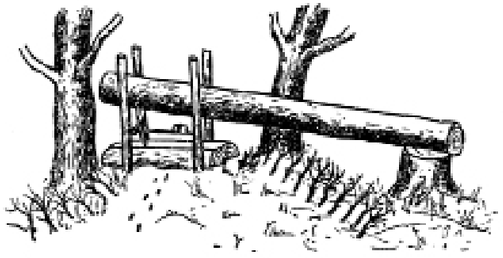


1



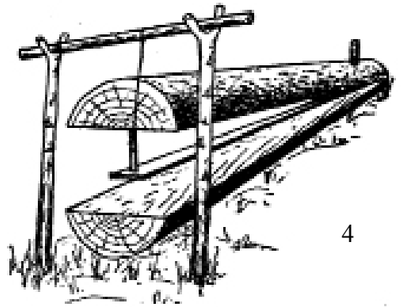
2

6

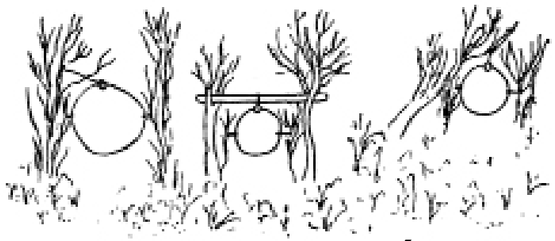


3

7



4

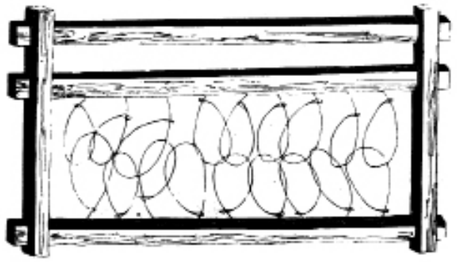


5

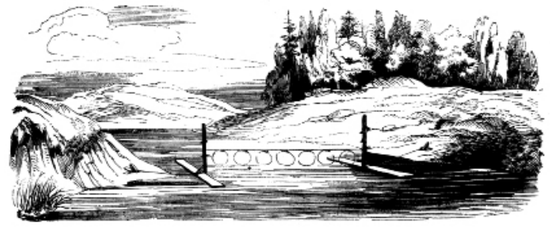
Рис. 23. Ловушки: *1* — тундровая пасть; *2* — заячий слопец; *3* — кулемка на белку; *4* — плашка на горностая; *5* — петли на зайца; *6* — кляпец; *7* — рожок на росомаху. (Публ. по: *Рахманин Г. Е.* Техника добычи промысловых животных самоловами. М.: Гос. из-во технич. и экономич. лит-ры по вопросам заготовок, 1951. 156 с.)

1

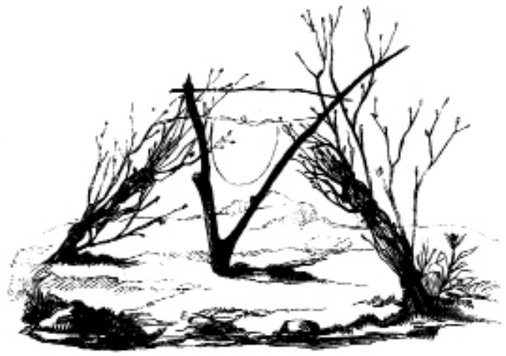
2



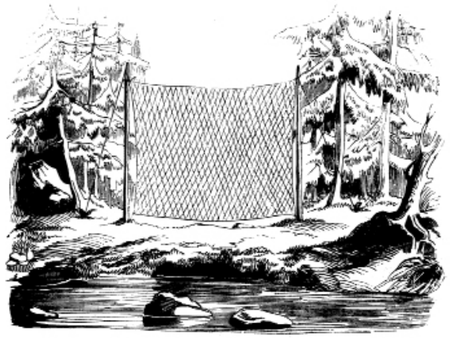
3



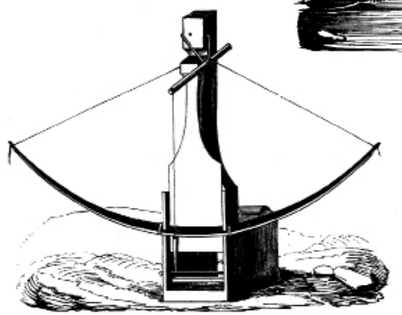
5



4



6



7

Рис. 24. Ловушки: *1* — пасть на росомаху; *2* — слопец на глухаря и куропатку; *3* — петля на горностая; *4* — петля на куропатку; *5* — петли на уток; *6* — перевес на уток; *7* — черкан на горностая. (Публ. по: *Гофман Э.* Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. Исследования экспедиции, снаряженной Императорским Русским географических обществом в 1847, 1848 и 1850 годах. Т. II. СПб., 1856. 376 с.)

ГЛАВА 2

ПРОМЫСЛОВЫЕ И ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ

2.1. ПРОМЫСЛОВЫЕ ЖИВОТНЫЕ

Под промысловыми животными понимаются такие виды животных, которые добываются или могут добываться человеком для удовлетворения индивидуальных или коллективных потребностей. Промысловых животных можно разделить на две категории. К первой относятся дикие виды, регулярно добывающиеся населением. Ко второй — виды, которые добываются в исключительных случаях (например, в период голода) или не добываются вовсе из-за отсутствия соответствующих орудий. При появлении новых типов орудий, позволяющих добывать новые виды, последние переходят из группы потенциальных в группу освоенных ресурсов.

Для населения, которое ведет традиционный образ жизни, одним из основных лимитирующих факторов, связанных с угрозой для жизни, является голод. В случае наступления голода в пищу используется все съедобное. На севере Западной Сибири отсутствуют ядовитые животные, и практически все виды представляют собой потенциальные пищевые продукты, или потенциальные промысловые ресурсы. В нормальных условиях добывается небольшое число видов животных, обитающих в регионе, и реальные промысловые виды составляют небольшую часть потенциальных промысловых видов.

В данной главе охарактеризованы только те промысловые виды, костные остатки которых обнаружены на археологических памятниках, а получаемое от этих видов количество калорий превышает затраты энергии на их добычу. Это виды либо с высокой численностью в природе и небольшой массой тела (заяц, куропатки, водоплавающая и боровая дичь, многие рыбы и т. д.), либо, напротив, с относительно низкой численностью, но с большой массой тела (лось, северный олень, медведь, морж, нерпа и др.). В этой же группе рассматриваются пушные виды — их промысел начиная с эпохи Средневековья имел большое значение. Для каждого вида указаны биологические и экологические характеристики, важные для ведения его промысла, относительная численность в настоящее время; приведены примеры приемов и способов промысла, известные из этнографии.

Данные по биологии, экологии, ареалам и систематике отдельных видов взяты из общих сводок по млекопитающим [Аристов, Барышников, 2001; Гептнер, Насимович, Банников, 1961; Гептнер, Наумов, Юргенсон и др., 1967; Гептнер, Чапский, Арсеньев и др., 1976; Громов, Ербаева, 1995; Лаптев, 1958], птицам [Рябицев, 2001; Рябицев В. К., Рябицев А. В., 2010] и рыбам [Аннотированный каталог … ; Меньшиков, 2011]; данные по количеству добытых на севере Западной Сибири промысловых видов млекопитающих взяты из работ Е. Е. Сыроечковского [1974] и Г. Е. Рахманина [1959].

2.1.1. Млекопитающие

В рассматриваемом регионе обитает 10 видов насекомоядных, 1 вид летучих мышей, 2 вида зайцеобразных, 16 видов грызунов, 14 видов хищных, 2 вида копытных, 4 или 5 видов ластоногих, 2 вида китообразных [См. обзоры: Большаков, Васильев, Шарова, 1996; Гашев, 1996; Гептнер, Наумов, Юргенсон и др., 1967; Корытин, Богданов, Быков и др., 1995]. Их распределение по природным зонам приведено в табл. 1.

Таблица 1

Видовой состав млекопитающих севера Западной Сибири

Виды	Природные зоны						
	Прибрежные воды	Тундра			Лесотундра	Тайга северная	Урал*
		арктическая	типичная	южная			
Насекомоядные							
Крот обыкновенный	–	–	–	–	–	+	–
Бурозубка							
тундряная	–	–	–	+	+	+	+
крошечная	–	–	–	–	–	+	–
малая	–	–	–	–	+	+	+
крупнозубая	–	–	–	–	–	+	+
равнозубая	–	–	–	–	–	+	+
средняя	–	–	–	–	+	+	+
обыкновенная	–	–	–	+	+	+	+
плоскочерепная	–	–	–	–	–	+	+
Кутора	–	–	–	–	–	+	+
Рукокрылые							
Кожанок северный	–	–	–	–	–	+	+
Зайцеобразные							
Заяц-беляк[1]	–	–	–	+	+	+	+
Пищуха северная	–	–	–	–	–	–	+
Грызуны							
Белка-летяга	–	–	–	–	–	+	–
Белка обыкновенная[1]	–	–	–	–	+	+	+
Бурундук	–	–	–	–	–	+	+
Бобр**[1]	–	–	–	–	+	+	–
Мышовка лесная	–	–	–	–	–	+	+
Мышь-малютка	–	–	–	–	+	+	+
Полевка							
красно-серая	–	–	–	–	–	–	+
красная	–	–	–	+	+	+	+
водяная	–	–	–	–	+	+	+
узкочерепная	–	–	+	+	+	–	+
экономка	–	–	–	–	+	+	+
пашенная	–	–	–	+	+	+	+
Миддендорфа	–	–	+	+	+	+	+
Лемминг							
копытный	–	+	+	+	+	–	+
сибирский	–	+	+	+	+	–	–
лесной	–	–	–	–	–	+	–
Хищные							
Волк[1]	–	+	+	+	+	+	+
Песец[1]	–	+	+	+	+	+	+
Лисица[1]	–	–	–	+	+	+	+
Медведь бурый[1]	–	–	–	–	+	+	+

Окончание табл. 1

Виды	Природные зоны						
	Прибрежные воды	Тундра			Лесотундра	Тайга северная	Урал*
		арктическая	типичная	южная			
Медведь белый[1]	–	+	+	+	–	–	–
Соболь[1]	–	–	–	–	–	+	+
Куница[1]	–	–	–	–	–	+	+
Росомаха[1]	–	+	+	+	+	+	+
Горностай[1]	–	+	+	+	+	+	+
Ласка	–	+	+	+	+	+	+
Колонок[1]	–	–	–	–	–	+	+
Выдра[1]	–	–	–	–	+	+	–
Барсук[1]	–	–	–	–	–	+	+
Рысь[1]	–	–	–	–	–	+	+
Ластоногие							
Морж[1]	+	–	–	–	–	–	–
Морской заяц[1]	+	–	–	–	–	–	–
Нерпа кольчатая[1]	+	–	–	–	–	–	–
Хохлач	+	–	–	–	–	–	–
Китообразные							
Белуха[1]	+	–	–	–	–	–	–
Гренландский кит	+	–	–	–	–	–	–
Финвал	+	–	–	–	–	–	–
Парнокопытные							
Лось[1]	–	–	–	–	+	+	+
Северный олень[1]	–	+	+	+	+	+	+

Примечания. * Приполярный и Полярный Урал. ** Вид истреблен в XIX веке.
[1] Промысловые виды.

Заяц-беляк — *Lepus timidus* L., 1758. Заяц имеет длину тела 50–71 см, вес тела — 2,5–4,5 кг [Павлинин, 1997]. Основные места обитания — окраины лесов и заросли кустарников. В тундровой зоне заселяют заросли кустарников; в сплошных лесных массивах малочислен и селится вдоль рек и озер. Наиболее многочислен в редколесье, в лесотундре и кустарниковой тундре. Здесь его численность достигает 3–4 особей на км^2, в северной тайге (Березовский район) его численность бывает до 1,9 особи на км^2 [Корытин, Головатин, 2002], а в типичной тундре (бассейн реки Юрибей, Ямал) — 0,01 особь на км^2 [Павлинин, 1997]. В отдельные годы зайцы образуют осенью и весной стаи до 1 000–1 500 особей и совершают миграции по тундре, например по побережью Байдаратской губы [Макридин, 1956; Павлинин, 1971]. На границе тундровой и лесотундровой зон зайцы почти ежегодно совершают сезонные миграции — осенью в лесотундру, весной — в тундру. Численность зайцев подвержена значительным колебаниям. Она имеет разную периодичность — может за год измениться в два раза и более (табл. 2). Весьма вероятно существование длительных — «вековых», колебаний численности. Линяют зайцы два раза в год. Весной линька начинается со второй половины марта, осенняя линька начинается в августе-сентябре и заканчивается к концу октября [Рахманин, 1959]. Таким образом, наиболее качественный мех бывает у зайцев с ноября по март.

Таблица 2

Динамика заготовок шкурок зайца (шт.) в районах Ямало-Ненецкого автономного округа
[Рахманин, 1959]

Год	Приуральский	Ямальский	Тазовский	Шурышкарский	Надымский	Пуровский	Красноселькупский
1948	2 930	4 002	1 590	296	2 659	918	61
1949	4 551	5 407	4 844	786	3 025	1 192	42
1950	6 832	8 467	5 166	1 836	1 312	1 411	102
1951	5 179	10 401	4 730	2 041	2 269	2 661	115
1952	5 959	10 826	3 363	2 348	1 745	2 644	74
1953	4 989	10 589	1 641	3 034	1 266	1 325	112
1954	3 728	5 145	2 530	2 441	851	1 405	135

Заяц повсеместно является промысловым видом. Добывается он активными и пассивными способами. К активным способам относятся охота с собакой, охота весной на островах среди разлившихся рек и отстрел зайцев на берегу при сплаве по реке. Последний требует пояснения. Летом зайцы, спасаясь от гнуса, часто выходят на берега рек [Павлинин, 1971], где при сплаве по реке их можно легко добыть. Из пассивных способов наиболее эффективен отлов зайцев зимой на тропах с помощью петель. Этим способом промысел зайца могут вести дети. Добывали зайца также с помощью слопцов, канкаров, сторожевых луков [Дунин-Горкавич, 1995б]. Проводилась на зайцев загонная охота зимой на оленьих упряжках. Возможность проведения загонной охоты на зайцев обусловлена двумя аспектами их биологии. Во-первых, на мигрирующие весной и осенью стаи (см. выше); во-вторых, зайцы образуют зимой скопления на возвышенностях, с которых сдут снег, и они собираются здесь на кормежку. Например, такую охоту проводили на Полярном Урале в районе горного массива Наун-Пэ, где за один загон добывали 20–30 зайцев (по неопубл. полевым материалам П. А. Косинцева). Вот как описывает охоту на зайцев В. Я. Яковлев (Богучарский):

Этого повсеместно распространенного зверька водится в описываемой местности необыкновенно много, и трудно пробыть в лесу 2–3 часа, чтобы не спугнуть несколько косых. Поэтому и добыча зайца производится в огромных размерах. Добывают же его, главным образом, из-за шкурок, т. к. в громадном большинстве случаев мясо его в пищу не употребляется. Проезжая из Сургутского в Березовский округ, я узнал, что в одной деревне, где зайцев промышляли т. наз. кулемами, целая артель добыла их в течение одной зимы около 1 000 штук, причем ни один житель деревни не ел заячьего мяса, и, таким образом, вся эта масса тушек была брошена собакам.

<…> Употребляющие же зайцев в пищу бьют их, разумеется, во всякое время года. Главная добыча зайцев производится кулемами, устройство которых почти вполне сходно с устройством слопцов, но отличается от последних тем, что для зайцев не расчищают майданов, а по обеим сторонам механизма и под основным бревном кладут приманку из тальниковых веток. Заяц, полакомившись тальником, подходит по дорожке под предательское бревно и сразу обретает себе смерть. В Сургутском округе такие кулемы называют пастями.

Устраивают на зайцев и загоны, но такие охоты практикуются преимущественно пришлыми людьми. Самым лучшим временем для таких охот считается поздняя осень, перед замерзанием Оби. В это время зайцы, как бы осведомляясь о том, нельзя ли уже перебраться на другую сторону реки, скапливаются массами в окаймляющих берега Оби в виде бордюров тальниковых рощицах. Такие рощицы в Сургуте называют леторосками, и вот в этих-то леторосках и производится охота. Отправляется обыкновенно компания человек в 8–10, все с ружьями, причем половина становится в засаду, а другая начинает «гнать». Загонщикам также необходимо иметь ружья, потому что многие, так сказать, опытные зайцы не идут на засаду, а возвращаются назад и стремятся проскочить между цепью. Иной раз в загоне приходится убить больше зайцев, нежели сидя в засаде. Через каждый загон сидящие в засаде и идущие в загоне меняются местами. При таком способе охоты случалось убивать в течение нескольких часов по 30–35 зайцев.

Бьют зайцев (но это уже главным образом местные жители) и весною, во время водополья. Дело в том, что многие зайцы остаются на островах Оби, которые постепенно затапливаются водою, так что во время полного разлива все они неизбежно должны погибнуть. В это-то время и отправляются жители на острова с ружьями, собаками и сетями, и там происходит такая бойня, которая напоминает истребление младенцев. Зайцы страшно мечутся на оставшемся сухим небольшом пространстве, многие в отчаянии кидаются в воду и даже проплывают более или

менее значительное расстояние, но в конце концов, если не делаются жертвою ружья или собаки или не запутываются в расставленных сетях, то неминуемо гибнут в волнах обской пучины.

<…> Раннею весною, лишь только по лесным полянкам покажется первая зеленая травка, караулят зайцев, приходящих туда по ночам «жировать». Долго питавшийся исключительно тальниковой корой, выбегает косой полакомиться свежей муравкой, но тут же под кустом зорко стережет его охотник [Яковлев (Богучарский), 1998, с. 352–353].

В некоторых группах коренного населения севера Западной Сибири отмечено особое отношение к головам и лапам зайца — их собирали и хранили в жилищах [Ивасько, Лобанова, 2003; неопубл. полевые материалы П. А. Косинцева]. В ряде случаев это могло исказить долю зайца в культурных слоях этих поселений.

На изученных поселениях все или почти все зайцы добыты в период с конца осени до конца весны. Доказательством этого служит состояние эпифизов. Почти на всех найденных костях они приросли. Приращение эпифизов происходит в первый месяц жизни. Рождаются зайцы с июня до середины августа [Павлинин, 1997], следовательно, все эпифизы у всех особей прирастают к середине осени (октябрь). Небольшое количество костей с неприросшими эпифизами указывает, что добыты зайцы с середины осени и до начала лета (до начала появления молодых особей). На протяжении большей части этого времени имеется снежный покров, и в это время наиболее добычливым является промысел петлями на тропах. Вероятно, таким способом добыта подавляющая часть зайцев.

Численность зайцев в лесотундре относительно высокая, и только в отдельные годы может резко снижаться [Павлинин, 1997]. По этой причине, а также по причине легкости промысла заяц был одним из основных промысловых млекопитающих в лесотундровой зоне [Косинцев, 1997а; 2000а; Косинцев, Лобанова, 2003].

Белка обыкновенная — *Sciurus vulgaris* L., 1758. Грызун с длиной тела до 29 см и хвоста — до 22 см. Образ жизни и питания тесно связан с хвойными породами деревьев, поэтому ее ареал совпадает с ареалом хвойной древесной растительности. Наибольшая численность белки — в таежной зоне, к северу она падает. Линяет два раза в год — весной и осенью. Осенняя линька начинается в сентябре и полностью заканчивается к ноябрю, весенняя линька начинается в конце марта — апреля [Гайдук, 1981]. Таким образом, наиболее качественный мех у белки бывает с конца ноября до середины марта. В биологии белки имеется два важных момента — значительные многолетние колебания численности и дальние миграции. Оба эти явления связаны с урожаем или неурожаем семян хвойных деревьев [Кирис, 1947]. Об амплитуде колебания численности можно судить по изменениям количества добывавшихся белок [Сыроечковский, 1974]. Как видно из табл. 3, количество добытых белок в два соседних года может различаться более чем в 20 раз. Такое резкое изменение численности связано с миграцией белок при неурожае семян. О существовании вековой динамики численности белки неизвестно.

Таблица 3

Динамика заготовок шкурок белки (шт.) в районах Ямало-Ненецкого автономного округа
[Рахманин, 1959; Сыроечковский, 1974]

Год	Приуральский	Ямальский	Тазовский	Шурышкарский	Надымский	Пуровский	Красноселькупский
1948	6330	1	212	67365	2802	19648	55768
1949	6981	1161	2794	58776	15399	33656	94502
1950	2989	4	325	67192	4815	39383	85610
1951	4717	51	27	65617	12176	24713	75501
1952	6088	76	25	34553	17514	31651	70951
1953	4537	32	109	13428	16451	19459	63716
1954	3460	416	60	4245	10462	27716	62555

Белка относится к съедобным видам. Это отмечено у манси Северной Сосьвы [Источники по этнографии Западной Сибири …] и хантов Нижней Оби [Белявский, 2004]. Ненцы, по крайней мере в начале XIX века, белок не ели [Белявский, 2004]. Белку употребляли в пищу вареной, а желудок, набитый семенами хвойных, ели сырым или поджаривали. С кишками ханты Нижней Оби пекли хлеб [Поляков, 2002]. Добыча белки ведется активным способом — выслеживанием с использованием собаки, редко самоловными орудиями — плашками, иногда — кулемками. В годы высокой численности один охотник может добыть сотни белок.

Бобр — *Castor fiber* L., 1758. Очень крупный грызун, достигающий 120 см в длину и 25 кг веса. Приспособлен к полуводному образу жизни в зоне замерзающих водоемов [Громов, Ербаева, 1995], вследствие чего имеет своеобразное строение тела. Населяет берега медленно текущих небольших речек и озер, на берегах которых строит жилища — хатки и норы. В прошлом ареал бобра доходил до лесотундровой зоны [Кириков, 1960], но к концу XVIII века бобр был истреблен почти во всей Западной Сибири [Кириков, 1966]. Динамика численности популяции бобра не изучена, но, несомненно, имеет место. Исходя из особенностей биологии бобра можно полагать, что периоды колебаний весьма значительны, вероятно, десятилетия. Как у всех водных видов, линька не выражена и смена волос идет постепенно. Поэтому мех имеет высокое качество круглый год. Бобр на протяжении всего голоцена был одним из основных промысловых видов Западной Сибири [Косинцев, 1988] и всей Северной Евразии. Промысел его возможен круглый год, так как бобровые семьи живут круглый год на одном месте и только молодняк после достижения двухлетнего возраста переселяется на новые места [Огнев, 1947].

Бобр добывался для получения мяса, шкуры и бобровой струи. Последняя, судя по этнографическим материалам, имела особую ценность. Приведем обширную цитату из работы В. Н. Скалона, так как более подробно этот вопрос никто не рассматривал.

За струей признавалось двоякое действие: целебное, помогающее от самых различных недугов, и магическое, очищающее от всякой скверны телесной («нечистота» женщины в известный период) и духовной (наговоры, порча и т. д.). Вместе с другими проявлениями культа, почитание струи существовало не только в Кондо-Сосвинском бобровом очаге, но давало себя знать далеко за его пределами.

Перед изложением того, что выявлено нами по применению бобровой струи в Азии, остановимся вкратце на литературных данных.

Прежде всего, поскольку в русской литературе описаний этого любопытнейшего продукта почти нет, приведем его характеристику, даваемую одной из новейших фармакологических сводок, а именно в немецком руководстве практической фармакологии Г. Фредрихса, Г. Арендса и Х. Цернига, 1938 г. …

«Бобровая струя есть секрет, содержащийся в двух мешочках, связанных с половыми железами самца и самки бобра. Свежее мазеподобное желтоватое содержимое мешочков при высушивании их (в дыму) становится коричневым и твердым как камедь; оно пронизано внутренними пленками. В продаже под именем бобровой струи понимается мешочек с содержимым.

Сибирская бобровая струя (русская, московитская, германская, европейская). Мало уплощенный, гладкий, не морщинистый, почти одноформенный мешочек, 6–12 см длины, 2,5–6,5 см ширины, 2–4 см толщины и 50–250 г веса. Внешняя оболочка легко поддается раскалыванию.

Струя имеет своеобразный ароматический запах и неприятный горький вкус, и оба качества у сибирской сильнее, чем у американской. Свежий мешочек имеет более светлое содержимое и более сильный запах, чем старый. Содержимое мешочка не плавится при 100°. Спиртовая вытяжка (1+10) мутится от примеси воды; раствором хлорного железа изменяется немного.

Составные части. Мало исследованы. До 1 % (у сибирской 2 %) эфирного масла, немного фенола, который возможно присоединяется при дымлении. Из горячеприготовленной спиртовой вытяжки при охлаждении выделяется кристаллическая воскоподобная субстанция — касторин (0,33 %, у сибирской 2,5 %), в то время как камедь, бобровая камедь, кастореумрезиноид (12 %, у сибирской 58 %) остаются в вытяжке. Далее обнаружены: бензойная кислота, салициловая кислота, холестерин (?), кальциумфосфат (1,4 %).

Хранение. Мешочек должен быть заботливо досушен (без применения искусственного жара) при посредстве едкой извести, так как иначе он легко заплесневеет, и хранится в крепко закрываемом стеклянном сосуде. Порошок приготовляется из струи, высушенной при помощи едкой извести или на воздухе при самое большее 25° градусах температуры, с удалением всех пленок, в том числе и внутренних. Порошок хранится в изготовленном виде только в малом количестве и предохраняется от света. Так как при досушивании мешочка наблюдается еще до 40 % усушки, при покупке этого дорогого товара следует принимать во внимание его влажность.

Небезынтересно отметить, что в русской медицине первой половины прошлого столетия бобровая струя имела столь большое значение, что о закупке и заготовке ее заботились даже губернаторы. Например, в июле 1829 г. сургутский отдельный заседатель, отвечая на запрос, отметил, что «бобровой струи в течение сего (1829 г. — В. С.) года в продаже по сургутскому отделению не было и ныне оной в руках ни у кого не имеется; как инородцы, так и русские в промыслах своих сих зверей не добывали…»...

Забота о сохранении струи начинается у охотника с момента убоя зверя. Для этого тушку кладут кверху брюхом, с приподнятой задней частью и в таком виде замораживают. При переноске свежей добычи держат ее всегда головой вниз. В теплое время года железы должны быть вырезаны возможно скорее. По наблюдениям охотников, наиболее полны были секретом мешочки в полнолуние, почему и промысел по возможности приурочивался к этому времени.

Консервировалась струя путем сушки пресносухим способом. До употребления или продажи на сторону продукт хранился в шайтанских сундучках или лабазах, равно божницах. На промысле носили ее запас в сумочке с талисманом, о которой было говорено выше. В числе последних, кроме упоминавшихся когтей рыси и медвежьего зуба, были отмечены у кондинских манси изредка когти медведя и волка, специальный сдобный на масле калачик или сушку, осиновую или ивовую губу, у соболятников, промышляющих обметом, кусочек мережи и т. п.

О высокой стоимости бобровой струи на севере Западной Сибири мы уже говорили выше, а здесь только повторим, что распространение ее почитания было чрезвычайно велико. От Урала до Енисея и от Ямала до Нарыма следы этого культа давали себя чувствовать среди всех народностей. Повсюду же сохранялась и вера в двоякое — магическое и медицинское — свойство продукта.

Форма употребления струи двояка. Как фимиам — очищающего дыма для окуривания, причем струя возжигается, и лекарства в виде настойки или порошка, для приема внутрь. Соответственно разнится и применение. В первом случае доза струи, употребляемая на один раз, представляет из себя кусочек объемом вдвое больше булавочной головки. К ней добавляется нужное количество ивовой губы, реже осиновой, а на р. Конде (по Е. С. Жбанову) черемуховой серы или губы. Смесь зажигается и помещается так, чтобы дымом был охвачен подлежащий очищению предмет. Назначение этой операции — очищение от грехов и всякой нечистоты людей, животных и любых предметов, также (как выяснено Е. С. Жбановым для тапсуйских манси) предохранение богов и людей от покушения злых духов.

Самое важное назначение струи — окуривание женщин после родов и менструаций. В результате их женщина впредь до очищения священным дымом считалась поганой и половое общение с ней для мужчины было невозможным. У истых ортодоксов она не имела даже права возвратиться к домашнему очагу из «манькоал» — родильного места. Понятно, что для устранения такого вопиющего неудобства люди ничего не жалели, чтобы приобрести спасительный фимиам. Таким же образом очищались предметы, опоганенные прикосновением (перешагиванием) женщины, или вообще для нее запретные (например, орудия промысла или некоторые предметы культа), или употребленные ею до очищения. Также очищалось и жилище, необходимость чего возникает обычно в том случае, если женщина поднималась на него выше головы мужчины.

Окуриванием снимается порча и устраняются результаты зловредной ворожбы вообще, а особенно промысловые «уроки», которым придается особенно большое значение (собак, ружья, самого промысла и т. д.).

Техника окуривания в точности неизвестна и, по-видимому, зависела от случая. Так, очищающаяся женщина становилась, раздвинув ноги, над сосудом с куревом так, чтобы дым шел под платье на голое тело. Подлежащий очистке дом, как говорят, обносили курением, «испорченных» собак перегоняли через дым и т. п.

За исключением бобровой струи — компонента обязательного для ритуальной смеси, употребляемой при окуривании, — состав ее был различен и сложен. В нее может входить: ивовая или осиновая, реже черемуховая губа, черемуховая сера, кусочек трута, иногда багульник, пихтовые «крестики», веточка можжевельника, обрезок кожи и специальные талисманы, подобающие случаю, как, например, клок собачьей шерсти, если «изуреченной» или, наоборот, виновницей порчи является собака (например, не может «поставить» лося или «посадить» соболя) и т. п. Смесь зажигается при помощи трута и тлеет, испуская не столько ароматичный, сколько удушливый дымок. Охотник

окуривает этим дымом себя, оружие, одежду и собаку, затем ставит сосуд на порог промысловой избушки, оставаясь с собаками внутри, перегоняет через него собак, переносит вещи, перешагивает сам и процедура считается законченной. На сколько человек действует такая «зарядка», изменяется ли в деталях процесс очищения по видам порчи, осталось невыясненным; равным образом не удалось установить наличия и характера наговоров, засекреченных с особой тщательностью.

Что употребление струи для очищения от всякой скверны свойственно было мансам вообще, видно из указания Н. Л. Гондатти, который говорит по этому поводу: «Если мужчина пройдет как-нибудь нечаянно под какой-нибудь принадлежностью женского костюма или под самой женщиной, сидящей, например, на амбаре, то ему надлежит быть окуренным струей»…

Как особое употребление струи отметим воскуривание ее без примеси, в виде фимиама. По рассказам стариков в старину местные богатеи-аборигены по праздникам позволяли себе роскошь курить в жилище струей. Она смешивалась с ивовой губой и ставилась в жестяночке в божницу. Постепенно тлея, смесь надолго давала себя знать специфическим запахом. Применялось ли это русскими, я не знаю, но отмечу, что бедняки аборигены ранее любили покурить одной ивовой губой, запах тления которой, по их мнению, сильно схож с запахом самой струи. Интересно, что на сходство этих запахов есть указания и в литературе… [Скалон, 1951, с. 155–158].

Мясо бобра коренное население употребляло в пищу в сыром и вареном виде. Так, в «Сказе о Сибирской земле», датируемом XVI веком, сказано: «едят мясо еление да собачатину и бобровину сыру едят» [Цит. по: Скалон, 1951, с. 87–88]. Бобровину употребляла в пищу и часть русского населения Сибири. Шкуры бобра входили в состав ясака.

Подробное описание сортности бобрового меха дает Г. Ф. Миллер (1758): «Лучшие и самые черные бобры поступают с р. Таз через Мангазею и с р. Погоры, которые считаются лучшими в России. Встречаются очень хорошие бобры тут и там по рекам Оби и Иртышу. Но наиболее обычны, как и в других странах, красноватые». Далее сообщает более подробно, что бобры «бывают черные, карие и красноватые, к тому же различаются на “бобры”, т. е. собственно взрослые бобры, “ярые”, т. е. годовалые бобры, и “кошлоки”, т. е. молодые бобры». И «так как промысел бобров происходит осенью, незадолго перед замерзанием рек, то “кошлоками” называются молодые бобры, которые родились предшествующей весной. Эти самые малы ростом, имеют тонкий мех и кроме меха немного волос. Ярцами называются те, которые пойманы на вторую осень, что отмечается частью размерами, частью тем, что выступают длинные волосы “ось” над пухом. Чем более у бобра волос, чем он чернее, и чем больше, тем лучше он считается» [цит. по: Скалон, 1951, с. 88–89].

О снятии шкуры Миллер пишет: «при поимке бобра разделяют на две части, именно спинку и брюшко, равные по величине. Первые идут в торговлю под именем бобра, в то время как другие “черевези бобровые”, т. е. бобровые брюшки. Таковые сортируются по качеству, именно по величине, окраске и волосу» [Там же].

Кроме перечисленных выше способов использования бобра, коренное население широко применяло его таранные кости в качестве подвесок, вероятно, это были амулеты. Иногда нижние челюсти использовали для обработки дерева. При этом резец служил рабочим орудием, которым строгали и скоблили древесину.

Добыча бобра велась различными способами. Описаний этих способов в литературе очень мало. Почти все они, включая оригинальные данные, также приведены в работе В. Н. Скалона.

Что касается Сибири, то мы уже отметили замечание Г. Ф. Миллера о том, что промысел бобра в его время происходил осенью, незадолго перед замерзанием. П. С. Паллас говорит о том, что бобров промышляли зимой в норах при помощи собак. По А. Рудольскому, на Урале в половине прошлого столетия бобров промышляли зимой запорами, усложняя этот способ постановкой капканов в “коцах” — овальных загородках у нор. В Минусинском крае, по сообщению В. А. Ватина, относящемуся к недавнему времени, бобров промышляли в декабре и январе. В Якутии промысел его производился перед ледоставом осенью, когда взматереют бобрята, причем был строго коллективным. К сожалению, о самой технике промысла автор этой интересной заметки не говорит ничего. Автор специальной статьи о первобытной охоте в северной Азии П. Н. Третьяков ничего не сообщает по интересующему нас вопросу, за исключением упоминания об употреблении бобровых подволок (по Г. Ф. Миллеру) и сетей на бобров на Камчатке (по П. Крашенинникову), последнее указание, очевидно, относится к калану.

Подчеркнем еще, что, как видно, время промысла в большинстве падало на зимние месяцы, отчасти на позднюю осень. Так как качество бобровой шкуры мало изменяется от времени года, очевидно, что предпочтение трудоемкого зимнего промысла имело другие основания. Для тех охотников, для которых шкура бобра не была основой промыслового интереса, важно было захватить бобров в момент наибольшего наполнения мешков секретом. Этим временем, как признавали и фармакологи, были январь и февраль.

Несмотря на то, что приведенные данные освещают до некоторой степени технику бобрового промысла прошлых времен, в целом вопрос далеко еще не ясен. К сожалению, нет и надежды на возможность дальнейшего существенного накопления материалов в этом направлении для всей той огромной территории, некогда заселявшейся бобром, так как слишком уже давно она опустела и промысел угас.

Сказанное заставляет нас с тем большим вниманием отнестись к рассмотрению бобрового промысла, осуществлявшегося в наши дни на берегах рек Конды и М. Сосвы.

Прежде всего отметим, что в бассейне этих рек ведение и способы промысла не одинаковы. На р. Конде преобладал летний промысел тормованием, на р. М. Сосве практиковалась добыча только запорами.

Тормование заключается в добыче зверя из ружья, во время проезда по речке в лодке. Время промысла «Вешний Никола» и «Троица-Комарница», в общем период светлых ночей. Частичные выезды производятся и осенью. Едут на промысел вдвоем, в обласке (долбленом челноке). Передний сидит с ружьем в руках, задний подгребает, стараясь не шуметь. Во время тормовки бьют и другого зверя, в основном лося. Бобр может встретиться по пути случайно, но, как правило, его специально отыскивают, для этого примечают по берегам следы деятельности бобра, определяют примерно местонахождение его жилища и, заехав повыше, дожидаются ночи. Ко времени, в которое бобры принимаются за работу, охотники сплывают вниз по течению, соблюдая предельную осторожность, и высматривают на воде или на берегу бобров. Замеченного зверя стреляют, обычно картечью в грудь или в голову с расчетом убить наповал. Убитый зверь быстро тонет, почему его стремятся быстро подхватить особым багром. Если это не удалось, ищут на дне, или приезжают на место охоты через 2–3 суток, когда туша всплывает. При поисках тщательно исследуются берега, коряги, и особенно завалы, и добычу обычно находят. Говорят, что от пребывания в воде до 4 суток шкура не успевает испортиться. Раненый бобр, конечно, теряется для охотника.

В недавнем прошлом, а у тапсуйских манси, видимо, до сего дня, при добыче бобра тормовкою употреблялись ручные луки. У стрел, предназначенных для этой охоты, железко имело оттянутый стержень с колечком, к которому привязывалась крепкая бечевка. Последняя в свою очередь наплотно наматывалась на стреловище, к которому в конце и прикреплялась. При попадании в зверя стреловище отламывалось и, всплывши, указывало охотнику местонахождение добычи; последнюю можно было извлечь при помощи бечевки. Очевидно, что в смысле устранения потерь от подранков и порчи поздно находимой добычи этот способ имеет большие преимущества. Однако освоение огнестрельного оружия полностью вытеснило стрельбу бобра из лука.

Вместо багра для доставания убитого бобра употребляется иногда особое копье. Оно же употреблялось для метания, но это искусство было доступно немногим.

Кроме традиционной тормовки, на р. Конде для ловли бобров, по слухам, употреблялись ставные луки. Это практиковалось тапсуйскими вогулами, приходившими промышлять на чужие речки. Они же, как говорят, добывали бобров и из засады.

За последние 25–30 лет после заселения верховьев р. Конды русскими, появился промысел бобров сетями; практиковался он пришельцами и большого распространения не имел. Сеть применялась шестиперстка 9–10 маховых сажен длиною, 1–1,5 сажени шириной. Ею обкладывался выход из норы с тем расчетом, чтобы бобру был преграждены путь вниз по течению, так как замечено, что, спасаясь из убежища, бобр избирает именно это направление. После обкладки один из охотников караулит у сети, а другой выпугивает зверя из жилища. В этом способе мы видим близкую аналогию с промыслом сетями выдры, который в свое время был описан автором этих строк для Нарымского края; это не безынтересно отметить в связи с вполне вероятным предположением, что некогда этим порядком добывались в Нарымском крае и бобры.

Русскими же делались попытки добычи бобров капканами, которые расставлялись у нор и на тропах. Несмотря на явную простоту и очевидную добычливость, этот вернейший способ почему-то не привился. Данный факт заслуживает быть особо отмеченным хотя бы потому, что добыча бобра капканами считалась истребительным способом еще в древности. Так, от И. Костомарова мы узнаем… что озабоченное сокращением бобрового поголовья Московское правительство еще в 1635 г. запретило ловить бобров капканами. О роли этого промысла в истреблении бобров в Сибири говорят упорные жалобы с мест, о которых мы уже упоминали выше. Наконец, как сообщает И. К. Тарнани, уже в начале текущего столетия капканами были истреблены остатки бобров в Киевской губ. Очевидно, в нашем случае неуспех дела объясняется крайней бестолковостью браконьеров.

Говоря о капканном промысле, нельзя не вернуться к упомянутому указанию А. Рудольского о том, что на реках Ивделе и Лозьве таковой применялся, но только в комбинации с запорами, а именно для установки в «коцах», которыми запирался бобру путь ко спасению. В этом самоограничении нельзя не видеть влияния соображений охот хозяйственного порядка...

Промысел запорами, как он был принят на р. М. Сосве, осуществлялся в зимние месяцы — в декабре, январе. Промысел был строго коллективным. Артель собиралась еще с осени и намечала подлежащие облову речки, в зависимости от результатов летней разведки. Затем в назначенный заранее день охотники направлялись к месту промысла.

Этот промысел обставлялся особым ритуалом, и по прибытии на место открывался магическим действием, долженствующим удержать бобра в норах (согласно поверью о мудрости бобра считается, что он заранее узнает о прибытии людей для его промысла и без такой предосторожности не преминет удалиться). Старший в артели, выступив вперед, обращается к предполагаемому месту нахождения бобров и троекратно повторяет: «Мингху ехцу мой халопт ходэ инем хот ат мана эвэн ипохэ» (т. е. в переводе: коренной земли хантэ ты коренной (обитатель. — В. С.) никуда не ходи, сиди дома, мы в гости к тебе пришли). После этого заклинания бобр «не уйдет» в течение 7 дней. Сказанным (если не производится других, оставшихся неизвестными мне, ритуальных действий) обряд исчерпывается. Собственно к работе приступают только на завтра: заготавливаются плахи, тонкие жерди и ивовые прутья. Затем ориентировочно определяется местонахождение нор, и реки перегораживают выше и ниже их забором из плах, причем как материал обычно употребляется ель, как особо нелюбимая бобром порода. Далее в огороженном промежутке скалывается лед и отыскиваются норы; последнее требует большого навыка. Обнаруженные выходы бобровых жилищ отделяются от остального пространства полукруглыми заборчиками, а из образовавшегося водоема удаляется весь корм. Когда поверхность «котца» покрывается льдом, в нем проделываются отверстия, в которые вставляются «сторожки» из свежих ивовых прутьев. Если окажется, что наутро приманка поедена бобром, значит он «дома» и тогда приступают к добыче; случается, что бобры не выходят из нор по нескольку суток и охота может затянуться, что не особенно беспокоит участников. Установив, что жилище обитаемо, его разрушают и безошибочно овладевают обитателями. Впрочем, и здесь приходится немало повозиться, так как бобры затаиваются в галереях и часто ищут спасения в воде. На этот случай у котца стоят люди с баграми, которыми подцепляют усмотренного зверя. Упромышленные животные замораживаются кверху брюхом, чтобы не могла вытечь драгоценная струя.

При такой ловле, если не допущены по неопытности ошибки в окладе, ни один бобр спастись не может — семейство выбивается целиком. Зато, как утверждали туземцы, будучи проведенным на данной речке, лов на ней не повторяется ранее, чем через 2–3 года, т. е. осуществляется запуск на зверя.

Промысел запором, отнимающий очень много времени, требует огромной затраты труда и вовсе не оправдывается необходимостью. Ведь такой беспомощный зверь как бобр может быть добыт несравненно скорее, проще, легче, притом в теплую пору года. И в то же время этот способ единственно осуществлялся на р. М. Сосве с незапамятных времен и вплоть до организации там заповедника.

Весьма интересно отметить, что в самые последние годы среди местных хантэ отыскался новатор, нарушивший заветы предков и модернизировавший добычу бобра. Именно, некто Александр Езин, не верящий преданиям человек, принялся стрелять бобров картечью, подкарауливая их у гнезд. Свои проделки Александр тщательно скрывал от соплеменников. Неизвестно, долго ли он практиковал эту охоту, установлено только, что он занимался ею в 1928–1930 гг. Когда это открылось, родовичи сурово осудили поступки Александра, а так как он, кстати, скоро умер от чахотки, представился хороший пример для истолкования его смерти как возмездия за попранное поверье [Скалон, 1951, с. 101–104].

Промышляли бобров и осенью. Об этом пишет Г. Ф. Миллер в 1758 году: «промысел бобров происходит осенью, незадолго перед замерзанием рек» [цит. по: Скалон, 1951, с. 88].

В России вели промысел бобра также с использованием собак, вероятно, специально обученных. Вскрыв жилище бобра, пускали собаку в верхний выход, и она вытаскивала его наружу. Кроме того, собаками загоняли бобров в сети, расставленные на берегу, в местах их кормежек [Вавилов, 1873]. Но коренное население севера Западной Сибири вряд ли использовало собак для добычи бобра. Промысел бобра вело все коренное население севера Западной Сибири, включая тундровых жителей — самоядь. Это следует из жалобы самоядского князца Подарейко на злоупотребление мангазейского воеводы князя Ухтомского (1647 г.), который «емлет поклонных добрых соболей с человека по 4 соболя, да по 4 бобра на всякий год добрых со всей самояди и детям своим по соболю да по бобру» [Бахрушин, 1955б, с. 61].

Промысел бобров в Западной Сибири резко увеличился с приходом русского населения, которое не только само начало промышлять бобра, но и собирало его в ясак. В связи с важностью, которую имели бобровые меха, была разработана их детальная сортность. Одними из лучших по качеству меха в России считались бобры с реки Таз.

Следует отметить одну особенность в истории промысла и истребления бобра. Бобры живут семьями (от 3 до 8, в среднем 5–6 особей), которые ведут практически оседлый образ жизни. Численность вида в природе относительно невелика [Дежкин, Дьяков, Сафонов, 1986]. Добыча бобров проста и относительно легка. Ценность шкуры и особенно бобровой струи были очень высоки. За одну охоту можно добыть полностью всю семью. Все это должно было способствовать быстрому истреблению бобра еще до прихода русского населения, однако его истребление завершилось только к середине XIX века, спустя почти 300 лет после начала освоения региона русскими. Очевидно, количество реально добываемых животных было ниже потенциально возможной их добычи. Это, как нам кажется, указывает на то, что, вероятно, имели место ограничения на количество добываемых животных. Судя по всему, у коренного населения существовало своеобразное «бобровое хозяйство», в котором при необходимости добывалось нужное количество бобров. С приходом русского населения это «хозяйство» разрушилось, и бобр был повсеместно истреблен.

Волк — *Canis lupus* L., 1758. Крупный хищник. На севере Евразии самцы имеют среднюю длину тела 122–132 см и вес 39–45 кг; самки соответственно — 117–125 см и 34–38 кг [Соколов, Россолимо, 1985]. Ареал занимает всю континентальную часть севера Западной Сибири. Эпизодически волк заходит на острова в Северном Ледовитом океане. Численность волка в природе напрямую связана с этим же показателем у копытных — основной его пищей. Численность его в тундровой зоне очень небольшая — не более одной особи на 1 тыс. км^2 [Макридин, Железнов, Громов и др., 1985]; в лесотундре численность выше; в северной тайге (Березовский район) составляет 0,2 особи на 1 тыс. км^2 [Корытин, Головатин, 2002]. В целом наибольшая численность волка в лесотундровой зоне, в тундровой и таежной она заметно меньше. Некоторое представление о численности волка в природе дают данные о его добыче (табл. 4).

Таблица 4

Динамика заготовок шкурок волка (шт.) в районах Ямало-Ненецкого автономного округа
[Рахманин, 1959]

Год	Приуральский	Ямальский	Тазовский	Шурышкарский	Надымский	Пуровский	Красноселькупский
1948	17	47	28	3	11	11	–
1949	26	45	50	1	24	11	–
1950	25	51	28	1	6	4	–
1951	19	40	34	3	13	9	–
1952	17	68	42	1	5	11	–
1953	17	25	27	1	3	12	–
1954	12	17	39	3	15	5	–
1955	9	47	33	5	5	8	1
1956	30	45	20	1	10	4	1
1957	49	28	18	16	5	3	1

В прошлом, вероятно, специализированной охоты на волка не было, и добывался он эпизодически. Об этом свидетельствует единичность находок его костей на поселениях позднего голоцена [Косинцев, 1997а; 1997б; Косинцев, Лобанова, 2003; 2006]. Добыча, возможно, велась активными способами. Наиболее эффективные способы добычи — на логове и загон на оленях. Добывался для получения шкуры. Об употреблении волчьего мяса в пищу хантами и ненцами Нижней Оби в XIX веке сообщает И. С. Поляков [2002]. По сообщению В. П. Евладова, ненцы с волком в начале XX века не боролись:

Волк у ненцев священен. По преданию, это «худой человек», наказанный богом. К шкуре волка особое отношение, а жилы применяются как средство для определения вора в тундре: шаман натягивает их на «берестяную руку» и сжигает на костре, по сгибанию пальцев «руки» определяют вора. Считается, что волк не только способен знать все, что совершается на земле вокруг него, он даже знает мысли людей, кто готовится убить его, знает места поставленных капканов, он делает опустошение в стадах своих врагов — людей, готовящих ему смерть. Поэтому оленеводы часто говорят: «Пусть ест наших оленей, ведь ему тоже надо что-нибудь есть. Пусть только не режет по десяткам в одну ночь. А один-два мне не жалко». Но это больше суеверия прошлого. Уже сейчас [в 1928 г.] оленеводы на противоволчью агитацию идут легко и охотно. Некоторые из них уже пробовали стрихнин… [Евладов, 1992, с. 164].

Песец — *Alopex lagopus* L., 1758. Хищник средних размеров. Длина тела 46–73 см, хвоста — 25–42 см, вес 2–8 кг. В ареале выделяется зона норения — территория, где песец выводит потомство. Она включает почти всю территорию тундровой зоны. В этой зоне животное предпочитает холмистый рельеф, высокие берега рек, озер, моря, где роет норы. В старых, сильно разветвленных норах могут жить несколько семей. Всеяден, но основным кормом являются мышевидные грызуны. Совершает далекие кочевки (до 1 тыс. км и более), в которых участвуют преимущественно молодые самцы. Миграции у песца бывают двух типов — сезонные и несезонные. Сезонная миграция начинается в конце сентября — начале октября и продолжается один-полтора месяца, но бывает не каждый год. Мигрирует песец из зон норения главным образом в южном, юго-западном и юго-восточном направлениях и в небольшом количестве на север, на морское побережье. Иногда бывают несезонные — зимние миграции, направление которых то же самое. Основная причина миграций — недостаток корма. Основной район, где концентрируется мигрирующий песец, — лесотундровая зона, но некоторая часть особей уходит дальше — в таежную зону [Корытин, Добринский, Данилов и др., 1995; Рахманин, 1959]. Песец очень плодовитое животное: количество щенков в выводке колеблется от 10–12 до 20–22 особей при обилии пищи и от 5–6 до 8–11 особей при недостатке пищи [Корытин, Добринский, Данилов и др., 1995]. Численность песца подвержена резким колебаниям и за год может уменьшиться в 10–20 раз (табл. 5). В таежных районах численность всегда много меньше, чем в тундровых и лесотундровых (табл. 5, 6). Массовое щенение в районе южных тундр бывает в первой половине мая; в районе северных тундр — во второй половине мая — начале июня [Рахманин, 1957]. Промысел песца начинают в июне, когда добывают щенят (см. ниже). Песец линяет дважды в год: осенью — в августе-сентябре и весной — с конца февраля по июнь. Лучшее качество меха бывает в декабре — феврале [Гептнер, Наумов, Юргенсон и др., 1967]. На севере Западной Сибири песец встречается двух цветовых форм: песец белый и песец голубой. Доля первой формы составляет 99,96 %, а второй — 0,04 % среди добываемых песцов [Рахманин, 1959].

Таблица 5

Динамика заготовок шкурок песца (шт.) в районах Ямало-Ненецкого автономного округа
[Рахманин, 1959; Сыроечковский, 1974]

Год	Приуральский	Ямальский	Тазовский	Шурышкарский	Надымский	Пуровский	Красноселькупский
1935	9 228	13 874	4 885	1 427	4 426	1 223	?
1936	1 594	3 645	2 087	45	474	191	?
1937	8 472	10 597	5 994	936	2 835	837	?
1938	614	2 927	3 120	7	360	135	?
1939	4 500	12 821	3 856	27	1 197	796	?
1946	2 102	9 782	7 363	94	454	622	55
1947	6 426	12 109	7 182	1 658	2 561	1 482	1 152
1948	550	3 905	2 626	22	82	132	–
1949	4 143	7 590	8 722	163	577	965	22

Таблица 6

Динамика заготовок шкурок песца (шт.) в районах Ханты-Мансийского национального округа
[Сыроечковский, 1974]

Год	Березовский	Октябрьский	Ханты-Мансийский	Кондинский	Сургутский	Нижне-Вартовский
1952	31	1	1	3	19	4
1953	15	–	1	1	3	–
1954	228	1	6	–	77	6
1955	688	4	28	3	232	23
1956	79	2	6	–	104	11
1957	40	7	25	2	111	16

Наиболее ранние данные о массовом промысле песца на севере Западной Сибири относятся к XII–XIV векам. В слое этого времени на поселении Тиутей-Сале 1 найдено 1 254 кости как минимум от 71 особи. Здесь было скопление тушек, с которых были сняты шкуры [Федорова, Косинцев, Фицхью, 1998]. Интенсивный промысел песца продолжался и позднее [Косинцев, Лобанова, 2003; 2006]. Его шкуры составляли основу ясака населения тундровой и лесотундровой зон [Кириков, 1960].

Песцовый промысел на Ямале в 1920-е годы подробно описывает В. П. Евладов:

Песцовый промысел — основа товарной экономики: торговли, обмена у ненцев. Промысел этого зверя связан с качеством и состоянием его меха, а смена пушного наряда в течение года следующая. Щенки у песца появляются в конце мая — начале июня. В это время они называются копанцами, затем у копанца прорезываются глаза, и, не меняясь в окраске, он становится больше по величине, теперь его называют норником, цвет его в это время пепельно-дымчатый. Стадии копанца и норника песцы проходят одни быстрее, другие медленнее, в среднем около двух месяцев. К началу августа в основной своей массе молодые песцы уже крестоватики. Крестоватиком песец бывает полтора-два месяца, и с первым снегом, падающим во второй половине сентября, песец обычно уже синяк, эта стадия продолжается месяц. Ненцы, с которыми нам пришлось беседовать (а таких не один и не два десятка), в отношении синяка давали буквально один и тот же ответ: «Синяком песец становится по первому снегу, бывает им месяц...». В отдельные очень редкие годы — а таким был 1928 год — еще в конце июля можно найти слепых щенят в норах, и мы их находили. Смена наряда в такие годы запаздывает на полмесяца и даже на месяц. В обычные нормальные годы песец уже во второй половине октября недопесок, а в начале ноября частично — полный последних сортов. Абсолютно дошлым (1 сорта) песец считается через месяц после того, как стал недопеском, то есть в начале декабря. Такова принятая здесь товарно-промысловая терминология.

Как происходит смена летнего наряда на зимний у молодняка и старых песцов? Молодые эту смену проводят быстрее, чем старые животные, а из старых — скорее самец, чем самка. У запоздалых выводков наоборот — «старики» белеют быстрее.

Промысла песца в прежнем виде, то есть в течение круглого года с перерывами всего в 2–3 месяца, теперь на Ямале нет, это надо отметить как определенное достижение. Крестоватики, закон о запрещении добычи которых введен с 1924 года, уже почти и не добываются в тундре. А что представляла собой эта добыча, видно из цифр: до войны добыча крестоватика составляла в среднем 30 000 шт. ежегодно, в 1922–1923 году было заготовлено 32 394 шт. (очевидно, за счет старых запасов). Охотники, с которыми мне приходилось беседовать, называли (несомненно, преуменьшая) следующие цифры: Вануйто Неся — на летних кочевьях добывал не менее 50 крестоватиков; Мати Ямал назвал «наудачу» цифру 100; Тилянг Окатэтта — «сорок крупных, мелких не трогал»; Лямби Вэненга, Сэру Хороля, Пудынаси, Окатэтта, Хасово Вануйто и др. на этот вопрос ответили: «Сотню и больше добывал». Может быть, промысел этот был исключительно занятием бедноты? Оказывается, нет. Добывали крестоватика и богатые оленеводы, имевшие по 700–1 500 оленей. Особенно вотчинники, «хозяева земли». Они всегда могли встать близ нор в нужное время и ловить без всякой помехи. Другим доставались худшие места.

Весь промысел песца резко делится на две части: летний — промысел крестоватиков и норников на шкурки и для последующего выкармливания до сдачи на факторию, и зимний — промысел полноценного выходного песца. «Кормленков»-крестоватиков ненцы добывают тремя способами: первый — самый распространенный — капканами. Помимо капканов применяют петли, которые устанавливают при выходе из норы. Ловят норников и руками: подкарауливают, когда те отойдут на значительное расстояние от норы.

Лучше всего молодняк добывается при хорошей погоде: из одной норы можно выловить всех зверей в два-три дня. При плохой погоде молодняк не так охотно идет наружу. Капканов у норы ставят 3–5 штук. Свободные от капкана выходы забиваются землей. Всех щенков удается добыть из норы лишь тогда, когда поймана мать, иначе, после того как норники начнут попадать в капканы, мать почует это, выроет нору и уведет семейство.

Зыряне для ловли молодняка применяют еще три способа, против которых категорически протестуют ненцы.

Первый — разрывание нор, способ, не требующий объяснения, применять который не станет ни один ненец, ибо, по их понятиям, разрытие норы равносильно разлому чужой нарты. Вторым способом, недопустимым с точки зрения ненцев, является выкуривание песца из норы дымом. Этот способ ненцы не применяют, потому что в задымленную нору песец не селится очень долго, по словам знатоков — никогда. Третий зырянский способ, наименее вредный, это ловля норников в замаскированные ямы при выходах из норы. Способ малодобычливый и применяется редко.

Летний промысел песца, ранее широко распространенный в тундре, в настоящее время в связи с запретом постепенно угасает. В 1928 году ненцы ловили крестоватиков в очень небольшом количестве для своего личного обихода, а также для вскармливания.

Из способов добычи полноценного песца на первом месте стоит охота слопцами. Охота с ружьем имеет незначительное распространение: исключительно в облавной охоте и при случайных встречах с песцом в тундре. Из самоловов на первом месте стоит капканный промысел.

История капканного промысла, по сообщению ненца М. Худи, такова: «Лет 60 тому назад у нас не знали капканов, ловили песца настороженными луками с доской на конце стрелы, придавливающей песца после того, как он затронет насторожку. Капканов мы не знали, они появились на моей памяти...»

Судя по дополнительным описаниям, эта ловушка представляла собой черкан-щемиху, вроде применяющихся сейчас на горностая, но только большего размера. Такие черканы охотники ставили у песцовых нор.

Капканы бывают с привадой и без привады, наиболее распространенный — без привады при выходе из норы.

У трупа оленя, зарезанного волком или павшего по какой-либо причине, ненец не упустит случая поставить капкан, обычно два — с разных сторон. Иногда привада набрасывается специально — этот способ применяется чаще у Обской губы рыбаками, подолгу стоящими на одном месте на промысле осетра и нельмы. По словам ненцев, охота капканами у привады и с привадой бывает добычливой не каждый год: «Иные годы песец на падаль не идет», — говорят они. Очевидно, это увязывается с наличием живого корма — лемминга. Ненцы заверяют вполне определенно, что в годы, «обильные мышью», к трупам оленей песцы идут плохо.

При капканном промысле большую роль играют олени: чем они лучше, тем большую промысловую территорию сумеет охватить охотник. У крупных оленеводов транспорт лучше, поэтому и промыслы их богаче. Но наиболее зажиточные оленеводы (имеющие более 2 000 оленей) промыслом не интересуются, так как знают, что все необходимое могут выменять на оленей.

Устройство слопца, или «пасти», иное. Количество слопцов на Ямале статпереписью 1926 года было определено в 7 637 шт. Наличие древесины в тундре играет весьма существенную роль, так как на далекое расстояние везти обозы древесины для слопцов никто не желает или не может. По берегу моря имеется много плавникового леса, им ненцы и пользуются для устройства слопцов; поэтому наибольшее количество этих ловушек сосредоточено у берега моря. Вторая причина скученности их у берега заключается в том, что песцы зимой в поисках пищи устремляются в разные стороны, подходят к морю, бегают вдоль берега, заходят на прибрежный лед. Здесь-то песцу на каждой горке бывает приготовлен лакомый кусок... и слопец, под давящей доской которого он и складывает свою голову.

Слопцы — привилегия вотчинников, «коренных владельцев земли». Только они могут применять этот наиболее легкий и добычливый способ промысла. И традиционное «обычное» право на их стороне. Они и нам заявили, что слопцы могут быть только у вотчинников, и остались очень недовольны нашими разъяснениями, что их вотчины с момента Октябрьской революции не существуют.

Как производится промысел слопцами? До 1926 года, когда был еще прием песца-синяка на факториях, насторожка слопцов производилась по первому снегу или немножко раньше, примерно около 15 сентября. Теперь этот срок отодвинулся на полмесяца-месяц, насторожка производится в первой половине или около середины октября.

В качестве привады в слопцы кладут куски оленьего сала, мясо, кровь, внутренности, тюлений жир или рыбьи головы. Наилучшей привадой считается яйцо гусиное или утиное, а также китовое сало (халэ). Китовый жир особенно ценится, ненцы берегут эту приваду. «Века от стариков кладут халэ», — говорил Хасово Окатэтта. Китовый

жир имеет свою определенную цену, довольно высокую. За кусочек толщиной 8 см платят белого песца (40–45 руб.). Если охотник сумеет достать китовый жир, он настораживает слопцы преимущественно им. Жир покупают у тех, кому посчастливилось найти кита, выброшенного на берег. Большая цена, по словам ненцев, оправдывает себя, так как «маленький кусочек, может быть, мне десять песцов добудет». Этот жир хранят в засохшем виде десятками лет. Причем ненцы уверены, что на свежеположенный жир зверь идет не так охотно, как на тот, что уже побывал в пасти песца.

Для того чтобы песец лучше шел на приваду, ненец делает так: пойманному песцу кладут «халэ» в пасть и держат некоторое время, иногда долго, до конца зимы. На следующий сезон, по словам охотников, «любой зверь такое сало берет сразу».

Китовый жир, по словам Ела Сэротэтта, бывает двух сортов: один — «как мох», другой — «гладкий» (песец чувствует жир за попрыск). Кладется жир небольшими кусочками (квадратный вершок 4,45 см, толщиной 1–1,5 см). Насторожкой капкана этот кусок протыкается и так ставится. Яйца, когда замерзают, протыкаются так же.

Слопцовый промысел ведется по-разному: либо с постоянным присмотром, либо без него. Раньше при насторожке по первому снегу до отъезда на фактории ненцы часто объезжали слопцы, вынимали попавших песцов, настораживали ловушки снова и уж потом пускались в дальний путь на юг. Сейчас, с запретом лова синяка, насторожка слопцов отодвинулась на месяц и производится перед самым отъездом на юг. Заряженные слопцы остаются без всякого присмотра всю зиму, пока оленеводы живут в лесной зоне, то есть в течение 5–6 месяцев.

По возвращении ненцы осматривают слопцы и в зависимости от срока приезда и наличия песца либо разряжают их совершенно, либо оставляют еще на некоторое время, чтобы «когда олени начнут телиться», объехать их еще раз и уж тогда разрядить. Помня о слопцах, ненцы поспешают ехать на север, и многие успевают сделать весенний осмотр дважды. В хорошие «песцовые годы», или когда тот или иной чум решает добыть морского зверя, отдельные хозяйства остаются у слопцов все время. Сейчас, особенно в связи с большим количеством росомахи в тундре, портящей слопцы, это бывает часто.

По северу Ямала остается зимовать до 30 чумов. Тут уж слопцы осматриваются регулярно, в среднем — один раз в месяц. Разряжаются слопцы ненцами тщательно, в тундре нет случая, чтобы они остались неразряженными. Если в слопце был китовый жир, то он вынимается и хранится в специальном ящике все лето. При постановке на следующий год он тщательно очищается от приставших оленьих шерстинок и прополаскивается в чистой воде.

Какая продуктивность этих ловушек? По словам ненцев, в хороший год песец побывает почти во всех слопцах. «Сто слопцов поставь — пустыми будут два–три», — говорили мне охотники. В «непесцовые» годы зверь идет, конечно, реже. Труда слопцовый промысел требует очень немного: зарядить, осмотреть один-два раза под весну или еще пару раз за зиму — труд невелик. Но не вся добыча попадает к охотнику. Хорошо, если на сотню слопцов удастся добыть 15–20 песцов. Остальные все пропадут, будучи съедены или попорчены росомахой, волком, другими песцами. Такой высокий процент отхода в тундре — обычное дело. Няю Вэненга и Хаали Яптик так определили мне процент отхода: «...сколько сам возьмешь, столько съест и росомаха». Особенно много пропадает добычи, когда хозяева слопцов уезжают зимой на юг, оставляя ловушки без всякого присмотра. «В таком случае больше трети от числа попавшихся песцов никогда не получишь», — сказал Лямби Вэненга.

Еще одним способом охоты на песца является облавный способ, известен на Ямале недавно — лет 10–15 тому назад. Он заимствован у коми-зырян и больше распространен в южной части полуострова. Правильней было бы назвать его не облавным, а «гоном» по тундре, с загоном песцов на озерный лед. Такие загоны устраивают обычно в начале зимы, когда лед еще не закрыт снегом, выгоняют и на берег моря или незамерзающей реки, в места, где нет растительности. Суть этой охоты заключается в следующем: 20–30, а иногда до 50 нарт из разных чумов выбирают подходящий район, где мало нор, и песец не может «понориться», охватывают его по периферии и начинают гнать песца к определенному месту. Ненцы, прекрасно ориентирующиеся на местности, делают это без всяких затруднений с большой точностью и организованностью. Постепенно круг или полукруг сужается. При загоне на лед, покрытый снегом, песец охотно идет и даже держится на гладком льду достаточно свободно. Круг затем сужается, внутрь входят охотники с ружьями и дробовиками. Начинается собственно охота. При наличии собак, ловящих песца, пускают и их в ход. Такую охоту устраивают обязательно в ясную погоду, когда песец бродит и его видно далеко.

Незначительное распространение имеет охота с ружьем в одиночку и еще меньше — с собакой, хотя ненцы знают такую охоту. «Песец лежит в ямке, собака идет к нему против ветра и хватает его прямо на месте», — рассказывает Някоче Вэненга. Песку Вануйто: «Моя собака идет за песцом по следу без лая и догоняет его. Пойдешь за

собакой, дойдешь до нее — песец готов» (его собака вроде крупной лесной хантыйской лайки). Линг Хороля имеет двух собак, которые идут за песцом по следу и догоняют его. Охотится Линг с собаками вблизи озер: «...на озерах собаки их и ловят». То же рассказывал и Пудынаси Ямал: «Собаки помогают ловить на льду».

И, наконец, последний способ добычи песца — при помощи луков-самострелов, которые настораживаются почти исключительно в пределах лесотундры, отчасти в зоне высокой кустарниковой растительности, где лук удобно замаскировать.

Что дает песцовый промысел ненцам Ямала? Статперепись 1926 года приводит цифры: 7 774 белых песца, 44 голубых, 951 недопесок, 1 543 синяка. Всего — 10 312 шт. На один чум, при 660 учтенных, в среднем приходится по 15 песцов (с колебаниями от 1–3 до 70 шт.). По опросам ненцев, можно вывести среднюю цифру — 10 песцов на чум с колебаниями: 15 — в хороший «песцовый» год, и 5–6 — в плохой. В среднем общее количество песца, добываемого на Ямале, составит 7 500 шт. ежегодно, со снижением этой добычи до 4 500 в годы плохой охоты и повышением до 10–11 тыс. шт. в благоприятные годы...» [Евладов, 1992, с. 179–186].

К сказанному выше следует добавить следующее сообщение В. П. Евладова: «Между прочим, у ненцев имеется крепкое суеверие, что к тем, кто кормит крестоватиков, настоящий “выходной” песец не идет в слопцы. Это в какой-то мере ограничивает разорение нор» [Там же, с. 159]. Количественная характеристика песцового промысла на Ямале на рубеже XIX и XX веков по данным А. В. Головнева [1993] приведена в табл. 7.

Таблица 7

Количественные показатели пушного промысла (песца) коренного населения Северо-Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. (в среднем на одно хозяйство)

Район расселения	Промысловый инвентарь			Среднегодовая добыча (шт.)	Среднегодовая добыча на 1 ловушку (шт.)
	капканы	слопцы	самострелы		
Северная тундра	11	–	–	22	2
Прибрежная тундра	7	3	–	7	0,7
Глубинная тундра	7	5	–	6	0,5
Места кочевий крупных оленеводов	6	16	–	15	0,7
Южная тундра	6	12	–	11	0,5–0,8
Лесотундра	4	4	1	4	0,45

Несомненно, основная причина массовой добычи песца — шкура. В настоящее время коренное население мясо песца в пищу не употребляет. Но еще в 20-е годы XX века часть ненцев ели его мясо в вареном и копченом видах [Источники по этнографии Западной Сибири … ; Тоболяков, 1930], как, например, участники голландской экспедиции В. Баренца, зазимовавшие в 1596 году на Новой Земле. Г. Де-Фер пишет: «В этот день [26 октября] наши застрелили песца; сняв с него шкуру, мы в жареном виде съели его мясо и нашли, что оно по вкусу напоминает кролика» [Де-Фер, 1936, с. 174]. И в источниках XIX века находим: «остяки и самоеды до сих пор считают за большое удовольствие есть мясо песца» [Поляков, 2002, с. 110].

Резюмируя способы промысла песца на севере Западной Сибири, приведем данные А. В. Головнева:

Интенсивная охота на песца начиналась с ноября и завершалась в марте накануне линьки зверька. Основными способами промысла были: лов песца капканами, слопцами (пастями), черканами (которые были вытеснены железными капканами на рубеже XIX–XX вв.), отстрел с помощью ружья (лука) и февральская загонная охота (талара) на оленьих упряжках. Особенность лова капканами или черканами состояла в необходимости частых (еженедельных или, в зависимости от погоды, даже каждодневных) осмотров ловушек. Поэтому применение орудий этого типа в течение всего сезона пушнодобычи предполагало постоянное присутствие охотника в местах промысла, что было возможно лишь при условии проведения зимовки в глубинной тундре. Подобную охоту в южной тундре и лесотундре могли осуществлять главным образом хозяйства, круглый год населявшие данный район, где по традиции только они и имели право ставить капканы или черканы. Прочему населению, в том числе оленеводам,

мигрирующим на зиму с севера, установка ловушек на «чужих» территориях согласно нормам обычного права запрещалась. В связи с этим мигрирующие хозяйства могли вести лишь временный осенний промысел капканами (черканами), тогда как зимняя охота на белого песца осуществлялась посредством слопцов, установленных на длительный период в глубинной тундре. При этом настораживание слопцов производилось осенью в ходе перекочевок на юг, а «сбор» добычи — весной при обратной миграции (иногда дополнительно один-два раза в зиму). Следует отметить, что установка значительного количества (до 30 и более) тяжелых деревянных ловушек типа слопцов была под силу лишь состоятельным оленеводам-мигрантам, которые, с одной стороны, имели доступ к древесному сырью (на северной границе лесов), с другой — достаточное количество грузовых нарт для транспортировки изготовленных орудий в глубинную тундру. Удаленность от лесов затрудняла использование слопцов хозяйствами, проводившими зимовки в тундре. Южно-тундровое население, имея доступ к древесине и правовые «лицензии» на установку в окрестных угодьях ловушек на песца, занималось пушным промыслом на протяжении всего охотничьего сезона, применяя как слопцы (пасти), так и капканы (черканы). При этом у южно-тундровых хозяйств количество слопцов было нередко большим, чем у зажиточных тундровых оленеводов, достигая 20–50. Разумеется, уровень оснащенности населения промысловым инвентарем в значительной мере зависел и от состоятельности их хозяйств. Ненецкие семьи левобережья Енисея имели до полусотни песцовых ловушек, большинство из которых составляли пасти. В лесотундровых районах Западной Сибири применялось небольшое количество слопцов и капканов, тогда как отстрел песца из луков и ружей, использование самострелов были распространены более широко, чем в тундре.

Изложенные данные полевых сборов подтверждаются материалами переписи 1926 года. Количество капканов у хозяйств, зимовавших в северной тундре, превышало число орудий этого типа у населения центральной и южной тундры. Численность слопцов в пересчете на одно хозяйство, напротив, сокращалась по мере удаления от лесотундры к арктической тундре. К примеру, на Гыдане количество капканов у населения побережья Гыданского залива и Явай-сале колебалось в среднем от 10 до 12 на одну семью, в центральной тундре (среднее течение Гыды, Антипаюта) этот показатель равнялся 7–8, в южной тундре (Мессояха, Хадутэ) — 5–7, в лесотундре (Самбурка, Пясидо-надо, Харей-яха) — 2–6. Обратная зависимость прослеживается в распределении деревянных давящих ловушек (слопцов, пастей). В южной тундре (Хадутэ, Адер-яха, Мессояха) данный индекс колебался от 10 до 14 на хозяйство, в центральной тундре (Антипаюта, среднее течение Гыды, Тото-яха) — от 2 до 6, в ряде хозяйств северного побережья тундры (устье Гыды, Явай-сале) орудия этого типа отсутствовали. В лесотундре (Самбурка, Пясидо-надо, Харей-яха) на одну семью в среднем приходилось 3–5 слопцов (пастей) и один самострел. В этой последовательности исключение представляют зажиточные оленеводческие хозяйства глубинно-северных тундр (Юрибей, Монгте), число капканов у которых было невелико (в среднем по 4–6), в то время как показатель наличия деревянных давящих орудий достигал 14–19. Кроме того, снижение последнего индекса прослеживается у населения тундры по мере приближения к побережью Тазовской и Обской губ: в среднем течении Мессояхи он равен 12, в устье — 7; в среднем течении Гыды — 3, в устье — 0; в среднем течении Тото-яхи — 6, у Трехбугорного мыса — 1; в среднем течении Пойлова — 8, в прибрежном районе Поерянг — 2.

Сходная картина прослеживается и на Ямале. Следует, однако, отметить, что результативность пушного промысла зависела не только от числа орудий, но и от качества охотничьих угодий. Наибольшее скопление зимнего песца наблюдается на побережье, в особенности приморских районах Ямала и Гыдана, из чего следует, что эффективность звероловства на единицу промыслового инвентаря в арктической тундре была выше, чем в центральной, в прибрежной — больше, чем в глубинной. Так, на побережье Гыданского залива (устье Гыды) приходилось по 3 выловленных песца на ловушку, в районе Явай-сале и Монглянг — 0,9; в центральной тундре (Юрибей, среднее течение Гыды) — 0,7, в среднем течении Мессояхи — 0,45, в устье — 0,7; в прибрежной части южной тундры и лесотундры — 0,7–0,8, в отдалении от побережья — 0,5. Соответственно, наибольшее среднегодовое количество песцов на 1 хозяйство добывалось в районах северной тундры — 22, несколько меньше — 15 — крупными оленеводами северной глубинной тундры, 11 — жителями южной тундры, 7 — населением прибрежной тундры, 6 — оленеводами глубинной тундры, 4 — лесотундровыми хозяйствами (табл. 7). Следует оговориться, что данные переписи 1926 года о результатах песцового промысла и численности инвентаря могут быть несколько занижены. К примеру, по материалам Б. Н. Городкова, среднегодовая добыча только белого песца составляла 20–30 штук на хозяйство, не считая 50–150 осенних шкурок. Согласно его полевым данным, сезонный результат песцового промысла в арктической и южной тундре зачастую превышал 50 шкурок, в центральной тундре он был несколько ниже, но, как правило, не менее 15–20 [Головнев, 1993, с. 56–58].

Вся эта информация относится к началу XX века. В более ранние периоды, в частности в XVI–XVIII веках, промысел песца осуществлялся этими же способами, только не использовались железные капканы и ружья.

Таким образом, массовая добыча песца на севере Западной Сибири началась в XII–XIV веках, что по времени совпадает с началом экспансии новгородцев на север Урала и Западной Сибири [Щеглов, 1993]. Вероятно, это вызвало товаризацию промысла песца, которая в разных масштабах сохраняется и в настоящее время.

Лисица — *Vulpes vulpes* L., 1758. Хищник средних размеров. Длина тела 50–90 см, хвоста — 33–60 см; вес тела 2,5–10 кг. Лисица населяет всю территорию севера Западной Сибири, за исключением арктических тундр, то есть до 71° с. ш. В районе придерживается полуоткрытых ландшафтов, пойм крупных рек. Наибольшая плотность наблюдается в лесотундре и северной тайге, но численность везде низкая. Общее представление о ней дают данные о заготовке шкурок (табл. 8). Наблюдаются колебания численности, но не такого масштаба, как у песца. Так, в северной тайге на территории Березовского района ее численность колеблется от 0,08 до 0,4 особей на 1 000 га, при среднем выходе шкурок с 1 000 га — 0,03 экземпляра [Корытин, Головатин, 2002]. Выраженные миграции отсутствуют. Линька бывает два раза в год. Осенняя линька начинается с конца августа — начала сентября и заканчивается во второй половине октября; весенняя линька начинается с конца марта — начала апреля и завершается в конце мая — июле [Рахманин, 1959]. Лучшее качество шкурок бывает в ноябре — феврале. Лисица в регионе представлена несколькими цветовыми вариациями: красной, сиводушкой, крестовкой и черно-бурой. Соответственно на долю первых трех форм приходится 93,7; 6,0 и 0,3 % всех заготавливаемых шкур [Рахманин, 1959]. Черно-бурая форма встречается единично. Численность лисицы и в прошлом на севере Западной Сибири была небольшой [Косинцев, 1997а; 1997б; 2000а; Косинцев, Лобанова, 2003; 2006]. Об употреблении в пищу хантами и ненцами мяса лисицы в XIX веке сообщает И. С. Поляков [2002].

Таблица 8

Динамика заготовок шкурок лисицы (шт.) в районах Ямало-Ненецкого автономного округа
[Рахманин, 1959; Сыроечковский, 1974]

Год	Приуральский	Ямальский	Тазовский	Шурышкарский	Надымский	Пуровский	Красноселькупский
1948	202	111	122	256	46	210	111
1949	193	185	130	249	147	223	204
1950	303	145	188	316	180	261	77
1951	249	192	182	277	161	212	69
1952	591	323	251	332	247	366	57
1953	464	245	208	343	193	291	49
1954	349	143	218	416	237	222	92
1955	384	208	125	562	164	226	87
1956	221	164	111	290	136	239	48

Медведь бурый — *Ursus arctos* L., 1758. Крупный хищник, размеры тела очень изменчивы. Длина тела до 244 см, вес до 500 кг. Самки заметно меньше самцов. Ареал занимает всю таежную и лесотундровую зоны. В тундровую зону регулярно заходит до северной границы южных кустарничковых тундр [Корытин, Добринский, Данилов и др., 1995]. В последние годы на Гыданском полуострове отмечены заходы до

южной границы арктических тундр, где отдельные особи зимуют (по неопубл. полевым материалам П. А. Косинцева). Численность медведя относительно небольшая, и в настоящее время этого зверя добывается немного (табл. 9). На территории Ямало-Ненецкого округа в 1990-е годы численность колебалась в пределах 600–800 особей [Бахмутов, 2004]. В северной тайге на территории Березовского района средняя плотность медведя на 1 000 га лесопокрытой площади составляет 0,017 особи, значительно изменяясь по территории: на юге — от 0,11 до 0,54 особи, в предгорьях — 0,2–0,4 особи, а в бассейне реки Манья — 1,7–2,0 особи [Корытин, Головатин, 2002]. Характерной чертой биологии медведя является зимняя спячка в берлогах. В это время медведя легче всего найти и добыть. На севере Западной Сибири медведь залегает в берлогу обычно в сентябре, иногда в начале октября, а выходит из берлоги обычно в мае, иногда в апреле [Строганов, 1962]. Таким образом, спячка продолжается около семи месяцев.

Таблица 9

Динамика заготовок шкур бурого медведя (шт.) в районах Ямало-Ненецкого автономного округа
[Рахманин, 1959]

Район	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955	1956	1957
Приуральский	2	–	1	1	2	–	1	–	–	–
Шурышкарский	–	22	9	13	11	7	1	1	3	–
Надымский	1	1	1	1	–	–	–	–	–	–
Пуровский	2	3	10	7	9	7	–	3	–	–
Красноселькупский	2	4	2	2	1	–	–	–	–	–

Промысел наиболее эффективен зимой на берлоге. В это время добывается большая часть особей. Кроме охоты на берлоге, в летнее время ставят петли, сторожевые луки, кулемы. Ими охотятся на приваде, используя падаль в качестве приманки. В фольклоре рассказывается об охоте на медведя ненцами хантыйского происхождения с помощью луков [Головнев, 1995]. Ненцы (ненэй ненэця) в настоящее время предпочитают не охотиться на бурого медведя, считая это уделом хантов и ненцев хантыйского происхождения (хаби). Но еще в середине XIX века ненцы охотились на «черного» медведя, при этом шкуру они «в продажу русским не пускают, а употребляют на лямки для упряжи оленей, что составляет у них щегольство» [Кушелевский, 1868, с. 80]. Вероятно, ограничение охоты на бурого медведя появилось у ненцев позднее. Лесные ненцы (пян-хасово) ведут регулярную охоту на медведя [Головнев, 1995]. Но, вероятно, больше всего медведей добывали ханты. В. Белявский, путешествовавший по северу Западной Сибири в середине 1820-х годов, пишет: «В январе приходят опять в юрты [ханты] и, не медля, по замеченным уже прежде местам отправляются толпами на медведей, коих стреляют пулями из винтовок весьма искусно; многие же имеют приученных собак, с помощью которых убивают сего зверя рогатинами» [Белявский, 2004, с. 77].

В представлениях коренного населения севера Западной Сибири медведь занимает особое положение из животных. Это неоднократно отмечалось в этнографической литературе [обзоры: Головнев, 1995; Молданов, 1999; Медведь в древних и современных культурах Сибири]. Из этих данных вытекает одно важное для рассматриваемой темы следствие. В этнографических материалах указывается на особое отношение к костям медведя у всех народов этого региона. Его кости нельзя было раскалывать, и они захоранивались отдельно, в стороне от жилищ. В результате этого при археологическом изучении поселений кости медведя или не будут найдены, или — при обнаружении таковых — их количество окажется незначительным, чтобы установить реальное число добытых особей на данной территории. Это обстоятельство приводит к занижению роли охоты в хозяйстве, подтверждением чему служат имеющиеся археозоологические материалы. Так, в слое XVII века Надымского городка из почти 60 тыс. костей бурому медведю принадлежит лишь шесть. А из 20 поселений раннего и позднего железных веков в лесотундровой и северотаежной

зонах его кости найдены только на пяти [Косинцев, 1997а; 1997б; 2000а]. Несомненно, такая редкость находок костей медведя на поселениях связана с особым отношением к ним и в древности. Добывался он в таежной зоне, вероятно, в довольно большом количестве, но в культурные слои его остатки практически не попадали.

Медведь белый — *Ursus maritimus* L., 1758. Крупный хищник, длина тела до 300 см, вес до 600–800 кг. Самки меньше самцов. Ареал занимает всю акваторию Северного Ледовитого океана с островами и его побережье. В прошлом белый медведь, вероятно, был постоянным обитателем морского побережья Западной Сибири. В настоящее время бывает здесь эпизодически, заходами. Так, с 1975 по 1990 год установлено 9 появлений его на берегах полуострова Ямал [Корытин, Добринский, Данилов и др., 1995]. В берлоги залегают только беременные самки для рождения медвежат; яловые самки и самцы могут или совсем не ложиться в берлогу, или ложиться на короткий срок [Успенский, 1989]. Берлоги устраивают в основном на суше, но иногда и в дрейфующих льдах. У белого медведя не все органы съедобны. Из-за очень большого количества витамина А его печень ядовита [Строганов, 1962].

В прошлом численность его на побережье и островах Карского моря была относительно высокой. Так, в 1594–1596 годах экспедиция В. Баренца часто сталкивалась с белыми медведями [Де-Фер, 1936]. Однако промысел этого животного в историческое время, вероятно, не достигал значительных объемов. Естественно, что промысел вело население, постоянно бывавшее на побережье. Это в основном оленеводы-ненцы. Мясо добытого медведя после определенных обрядов (о них сказано ниже) употреблялось в пищу, а об использовании шкур определенных данных нет. В поздние времена большая их часть, вероятно, продавалась русским, поэтому по количеству шкур, поступавших на Обдорскую ярмарку, можно оценить объем добычи белого медведя. В 1878 году здесь было продано 10 шкур, в 1881-м — 17, в 1883-м — 8 [Силантьев, 1898], в 1908-м — 2, в 1912 году — 35 шкур [Кулагин, 1923]. В конце XIX — начале XX века на полуострове Ямал в удачные годы добывалось до 10 особей [Житков, 1913]. В целом на севере Западной Сибири в 1909 году добыто 25 животных, в 1910-м — 40, в 1912-м — 78 [Дунин-Горкавич, 1995б], в 1927 году — 29 [Терлецкий, 1931]. С. М. Успенский оценивает среднюю добычу белых медведей в XVIII — начале XX века в 20–30 особей в год. В 1930-х годах добывалось 30–40 особей [Успенский, 1969], а в 1940–1950-е — не более 2–3 особей, и не каждый год [Рахманин, 1959].

В начале XX века промысел велся в основном в марте — апреле винтовкой на ледяном припае. Медведя преследуют по льду на выезженных для этой цели оленях и стреляют с нарты [Дунин-Горкавич, 1995б]. По сообщению В. П. Евладова, в 1920-е годы ненцы для охоты на белого медведя собирались в артели. Так, одна такая артель из четырех человек добывала за зиму до 40 медведей, охотясь далеко во льдах, а один охотник добывал до 4 медведей за зиму [Евладов, 1992].

В. П. Евладов пишет:

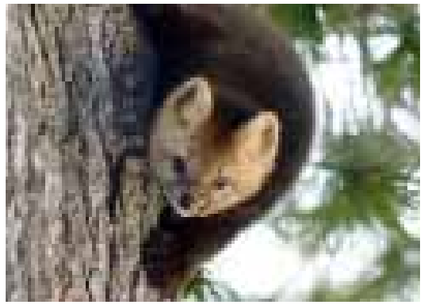
По мнению ненцев, белый медведь не злобный зверь. При охоте на медведя вдвоем или в одиночку недалеко от берега ненцы не стреляют там, где его встретили, а предварительно, с криком, на нарте, подгоняют к месту стоянки чума и только тогда стреляют. По словам Яркулоны, особенно удобно давать направление ходу медведя, когда едут на двух нартах с двух сторон невдалеке от зверя. Медведь устанет, ляжет — охотники останавливаются, дают ему отдохнуть, а там опять гонят.

Когда ненец убивает белого медведя, он ему кланяется — медведь считается священным зверем. Затем охотник обязательно проводит рукой от носа к ушам. Потом стреляют. На другой день после добычи медведя бьют в жертву оленя. С белым медведем у ненцев связан ряд ритуалов — шкура зверя считается священной, ее не может брать в руки женщина. После того как медведь убит, в чум заносят головы медведя и жертвенного оленя, ставят в «священном углу», заносят сядаев и мажут им губы кровью. Из первого котла, в котором варятся части головы, язык и проч., женщины не едят и даже не дотрагиваются до него. Голова убитого медведя считается священной — в нее нельзя стрелять, как и нельзя бросить где попало. Все медвежьи черепа обязательно сносят на священные места — «хэге».

Зуб белого медведя является талисманом, он носится на поясе для предупреждения боли в пояснице. Если заболят зубы, то, по поверью ненцев, необходимо поскоблить немножко медвежий зуб, положить это на больное место, и боль прекратится... [Евладов, 1992, с. 175–176].

Черепа добытых белых медведей складывали на святилища на морском побережье, которых было несколько десятков [Успенский, 1979; Головнев, 1995].

Кости белого медведя найдены только на одном поселении — Тиутей-Сале 1 на западном побережье Ямала, датируемом VI–XIV веками [Федорова, Косинцев, Фицхью, 1998]. Находятся кости белого медведя также в ряде средневековых поселений Большеземельской тундры. В прошлом этого зверя добывали, вероятно, в незначительном количестве, так как только небольшая часть населения в летнее время проживала в районах его обитания — на побережье.



Соболь — *Martes zibellina* L., 1758. Мелкий хищник с длиной тела у самцов 375–580 мм, у самок — 320–510 мм; длина хвоста соответственно 110–175 мм и 90–172 мм; вес тела у самцов 0,7–1,8 кг; у самок — 0,5–1,4 кг [Аристов, Барышников, 2001]. Это типично лесной вид, ведущий оседлый образ жизни. Непериодические миграции бывают вызваны сильным недостатком кормов или лесными пожарами. Гнезда и убежища устраивают в дуплах, под упавшими деревьями, под камнями и корнями деревьев. Основная пища — мышевидные грызуны, отчасти — кедровый орех, ягоды. В прошлом ареал занимал всю таежную и лесотундровую зоны Сибири. Материалы по заготовкам показывают, что сейчас в лесотундре он практически отсутствует (табл. 10). Численность его до XVIII века была высокой, но уже к концу XVIII века повсеместно резко сократилась из-за перепромысла, и он исчез из лесотундры. В настоящее время численность соболя восстанавливается, но в лесотундровой зоне он не обитает [Монахов, 1995] и населяет только таежную зону. Линяет соболь два раза в год. В январе — феврале волосяной покров тускнеет и грубеет; в марте — апреле начинается смена зимнего меха на летний и заканчивается к концу мая. Осенняя линька протекает быстрее, и в начале ноября его шкурка становится полноволосной (зимней). Таким образом, наиболее качественный мех бывает в ноябре — декабре [Тимофеев, Надеев, 1955].

Таблица 10

Динамика заготовок шкурок соболя (шт.) в районах Ямало-Ненецкого автономного округа
[Рахманин, 1959; Сыроечковский, 1974]

Год	Приуральский	Ямальский	Тазовский	Шурышкарский	Надымский	Пуровский	Красноселькупский
1948	–	–	–	32	1	113	3
1949	–	–	–	19	11	270	2
1950	–	–	–	14	9	231	–
1951	–	–	1	2	1	28	–
1952	–	–	–	–	–	–	–
1953	1	–	–	1	3	223	4
1954	–	–	4	–	5	154	8
1955	–	–	–	10	1	17	6
1956	–	–	1	–	2	82	1

Добыча соболя ведется в основном активными способами. Промышляют ружьем при помощи собаки, которая загоняет его с земли на дерево. Добывают арканом, который ставят к самой норе и выгоняют из нее зверька криком. Бьют ружьем при помощи сети. Сетью обтягивают вокруг норы, выгоняют криком или постукиванием, и когда зверек выскакивает и запутывается в сети, его стреляют. Используют и орудия давящего типа — кулемки. Кости соболя найдены на большинстве поселений раннего и позднего железного веков в лесотундровой и таежной зонах Западной Сибири [Косинцев, 2000а].

Из этнографических материалов известно об особом отношении к голове соболя. В. Н. Чернецов сообщает, что на Северной Сосьве тушки добытых соболей без голов варят для собак, а голову положили на верхушку кол пал (шалаш). По сообщению его информатора, некоторые манси едят соболя [Источники по этнографии Западной Сибири …]. Черепа добытых соболей ханты и манси приносят и хранят в охотничьих избушках (по неопубл. полевым материалам П. А. Косинцева). Из нижних челюстей делали подвески, просверливая отверстия в коронарном отростке. Такие подвески найдены в слоях XVII–XVIII веков в Надымском городке. Таким образом, какая-то часть костей соболя не попадала на поселения и, соответственно, количество его остатков в их культурных слоях будет занижено. Оценить это искажение не представляется возможным.

Куница — *Martes martes* L., 1758. Мелкий хищник, по размерам близкий к соболю. На севере Западной Сибири ее ареал захватывает южную половину северной тайги, местами заходя и в ее северную часть [Бакеев Ю. Н., Бакеев Н. Н., 1973], но численность везде небольшая. По этой причине часть куниц скрещивается с более многочисленными соболями и дает гибриды — кидусы. О численности куницы и кидусов на севере северотаежной зоны дают представления данные табл. 11 и 12. Как видим, их численность здесь крайне низка. Но уже на юге этой зоны она заметно увеличивается. В Березовском районе добывают в среднем 117 особей за сезон [Корытин, Головатин, 2002]. В прошлом численность куницы в северной тайге была еще ниже. Так, куницы отсутствовали в составе ясака из Верхотурского уезда и были единичны в составе ясака с территории Тобольского уезда [Кириков, 1960], которые находились южнее рассматриваемой территории.

Таблица 11

Динамика заготовок шкурок куницы (шт.) в районах Ямало-Ненецкого автономного округа
[Рахманин, 1959]

Район	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955	1956	1957
Приуральский	1	–	–	–			–	–	–	–
Шурышкарский	–	–	1	4			–	3	1	4
Надымский	–	–	–	–			–	–	1	–

Таблица 12

Динамика заготовок шкурок кидуса (шт.) в районах Ямало-Ненецкого автономного округа [Рахманин, 1959]

Район	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955	1956	1957
Приуральский	–	1	1	–	–	–	–	–	–	1
Шурышкарский	–	–	1	–	2	1	–	–	1	1
Надымский	–	–	–	–	–	–	–	–	2	2
Красноселькупский	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2

Росомаха — *Gulo gulo* L., 1758. Хищник средних размеров, имеющий длину тела с головой 70–105 см; длину хвоста 18–23 см и вес 12–19 кг [Строганов, 1962]. Ареал росомахи занимает всю материковую часть севера Западной Сибири, но везде численность ее относительно невелика. В северотаежной зоне и лесотундре она более многочисленна, в тундре, особенно арктической, ее мало [Корытин, Добринский, Данилов и др., 1995]. В северной тайге на территории Березовского района средняя плотность составляет 1,0–1,2 особи на 100 км^2 [Корытин, Головатин, 2002]. Поэтому и добывается ее немного (табл. 13). Промысел росомахи ведут зимой — в это время у животного лучшее качество меха.

Таблица 13

Динамика заготовок шкурок росомахи (шт.) в районах Ямало-Ненецкого автономного округа
[Рахманин, 1959]

Год	Приуральский	Ямальский	Тазовский	Шурышкарский	Надымский	Пуровский	Красноселькупский
1948	8	5	7	9	11	29	34
1949	7	6	19	11	15	22	33
1950	11	2	11	7	14	26	43
1951	5	3	11	10	22	30	26
1952	7	5	20	9	20	27	8
1953	15	6	13	15	15	26	19
1954	15	3	7	18	16	14	14
1955	16	2	19	20	11	15	17
1956	9	1	9	10	9	25	9
1957	17	3	11	9	6	24	16

В начале XX века росомаху добывали главным образом сторожевыми луками и капканами [Дунин-Горкавич, 1995б]. По сообщению С. И. Полякова [2002], в XIX веке ненцы и ханты употребляли мясо этого животного в пищу. На поселениях раннего и позднего железных веков находки костей росомахи немногочисленны [Косинцев, 1997а; 1997б; 2000а; Косинцев, Лобанова, 2003; 2006].

Горностай — *Mustela erminea* L., 1758. Мелкий хищник, длина тела с головой у самцов 187–325 мм, у самок — 170–270 мм; длина хвоста соответственно 75–120 мм и 65–106 мм; вес самцов до 258 г, самок — до 180 г. Ареал занимает всю материковую часть и часть островов (Олений, Шокальского) на севере Западной Сибири [Строганов, 1962]. Наиболее многочислен в лесотундре и северной тайге, особенно в поймах рек. Линька происходит два раза в год и сопровождается сменой окраски. Летом мех на верхней части бурый, зимой — белый. Весенняя линька протекает во второй половине апреля — мае; осенью горностай линяет во второй половине сентября — середине октября. Лучшее время для промысла — первая треть зимы, так как позднее, с выпадением более глубокого снега, горностай «уходит под снег» и возможность его добывания резко снижается [Рахманин, 1959]. Особенностями биологии горностая являются значительные колебания численности по годам: в 3–4 раза (табл. 14). Вероятно, имеет место и многолетняя динамика. Так, в Ямало-Ненецком автономном округе его заготовки с 1948 по 1989 год снизились в 5 раз [Сосин, 1992], а в Березовском районе Ханты-Мансийского автономного округа с 1931 по 1970-й — в 20 раз [Кукарцев, 1974].

Таблица 14

Динамика заготовок шкурок горностая (шт.) в районах Ямало-Ненецкого автономного округа
[Рахманин, 1959; Сыроечковский, 1974]

Год	Приуральский	Ямальский	Тазовский	Шурышкарский	Надымский	Пуровский	Красноселькупский
1948	3 351	1 015	984	5 096	876	512	351
1949	3 298	1 694	2 161	5 223	3 811	1 207	1 016
1950	3 053	7 969	3 524	7 103	1 077	2 455	1 802
1951	2 068	1 644	1 175	6 241	697	1 435	567
1952	6 042	5 105	2 039	6 614	2 765	1 571	743
1953	6 434	5 077	4 985	7 131	2 886	2 608	2 033
1954	5 053	1 281	4 538	8 683	746	2 207	3 256
1955	5 738	2 195	2 751	14 267	1 005	1 143	1 432
1956	6 705	1 008	2 061	15 647	978	1 883	279
1957	2 099	382	2 295	4 637	383	1 352	658

Основные способы добычи горностая в прошлом — пассивные: чирканами и плашками. Остатки горностая в культурных слоях поселений относительно редки [Косинцев, 1997а; 1997б; 2000а; Косинцев, Лобанова, 2003; 2006; Лобанова, 2003]. Это, скорее всего, связано с малыми размерами его костей, которые не отражают реального количества добывавшихся животных. В пищу, по крайней мере ненцами в начале XIX века, горностай не употреблялся [Белявский, 2004].

Колонок — *Mustela sibirica* Pallas, 1773. Мелкий хищник. Северная граница его ареала по рассматриваемому району проходит по реке Ляпин, среднему течению рек Полуй, Надым, Пур и Таз [Бакеев, 1977]. Численность очень низкая. Специализированная охота отсутствует. Случайно попадает в чирканы и плашки, настороженные на горностая. Вероятно, на севере Западной Сибири обитает недавно, так как в археологических памятниках и зоогенных отложениях его остатки не найдены [Косинцев, 2000а; Косинцев, Лобанова, 2006].

Выдра — *Lutra lutra* L., 1758. Хищник средних размеров: длина тела от 0,5 до 1,2 м, длина хвоста 35–50 см, вес 6–10 кг. Ареал на север доходит до границы лесотундры и тундры. Ведет полуводный образ жизни и линяет постепенно, вследствие чего качество меха круглый год постоянное. Основа питания — рыба и земноводные. Численность везде невысокая и увеличивается с севера на юг (табл. 15). В северной тайге на территории Березовского района численность выдры составляет 0,4–0,5 особи на 10 км речных пойм [Корытин, Головатин, 2002].

Таблица 15

Динамика заготовок шкурок выдры (шт.) в районах Ямало-Ненецкого автономного округа
[Рахманин, 1959]

Год	Приуральский	Ямальский	Тазовский	Шурышкарский	Надымский	Пуровский	Красноселькупский
1948	2	–	–	1	–	100	7
1949	–	–	–	2	3	59	6
1950	3	1	–	3	2	89	1
1951	1	–	–	3	1	63	6
1952	5	–	–	6	–	67	2
1953	10	–	–	11	3	55	7

Промысел возможен круглый год как активным (с собакой), так и пассивными (петлями, капканами на тропах) способами. Костные остатки в культурных слоях поселений встречаются очень редко [Косинцев, 1997а; 1997б; 2000а; Косинцев, Лобанова, 2003; 2006; Лобанова, 2003], что, несомненно, связано с ее низкой численностью в природе.

Морж — *Odobenus rosmarus* L., 1758. По-ненецки «Тиутей», по-хантыйски «Пенгмей», зыряне называют его по-русски — морж [Евладов, 1992]. Очень крупное животное. Вес самцов до 1 500 кг, самок — до 800–900 кг, вес внутренних органов может достигать: сердца — более 6 кг, печени — более 29 кг, почек — более 3,5 кг, легких — более 14 кг. Характерной особенностью является наличие сильно развитых клыков в верхней челюсти. У самцов они могут достигать длины 80 см, у самок они значительно меньше [Гептнер, Чапский, Арсеньев и др., 1976]. Морж в начале XX века встречался только у серного и западного побережья Ямала — от мыса Дровяной до Шараповых Кошек [Дунин-Горкавич, 1995б]. Здесь звери появляются во второй половине июля — августе и уходят отсюда в конце августа [Гептнер, Чапский, Арсеньев и др., 1976]. Поэтому

охота на них возможна только в это время. Моржи в основном держатся в 29–40 км от берега и только на отмелях Шараповых Кошек образуют лежбища [Клумов, 1935]. В. П. Евладов пишет:

…На Карском берегу Ямала морж начинает попадаться, по словам ненцев, «за два-три попрыска», то есть за 20–40 километров [от берега]. Промышленник Яунгад на вопрос о количестве моржа на ледяных полях так определил запасы зверя, показывая на находящееся впереди стадо оленей в 700 голов: «Может быть, половину этого стада в одном месте на льдине летом при поездках на промысел приходится встречать». А это говорит о залежках зверя в несколько сотен голов. О значительных количествах моржа можно судить из рассказов ненцев, побывавших на кораблях, «на которых никто не умеет говорить по-русски». Это, скорее всего, норвежские браконьеры. Нумеда Пуйко рассказывал, что на судне, встретившемся ему в открытом море, на котором ему удалось побывать, вся корма была завалена моржовыми клыками [Евладов, 1992, с. 95].

Охота на моржа ведется в июле — августе с лодок и на берегу. Промысел ненцы ведут с небольших лодок с использованием ружей, гарпунов и пики. Моржа стреляют из ружья, подтягивают гарпуном к лодке или льдине и, при необходимости, добивают пикой. У моржа используют шкуру, жир, клыки. Мясо моржа некоторые ненцы считают вкуснее оленьего [Источники по этнографии Западной Сибири …], но его часто не брали, так как вывозить его было очень сложно. У моржа не едят легкие и печень; голову, после того как с нее съедено мясо, бросают в воду или уносят на святилище [Там же]. Из-за опасности и трудности промысла моржа добывали его немного. В 1926–1928 годах 68 хозяйств, охотившихся на морского зверя, добыли в среднем по 10 моржей [Евладов, 1992]. В прошлом при отсутствии лодок добытого моржа могли вести только на лежбищах на побережье. Тогда лежбищ было больше. В частности, они располагались в районе устья реки Тиутей-яха. Здесь, на поселении Тиутей-Сале 1, в слоях VI–VIII и XII–XIV веков в довольно большом количестве найдены разрубленные кости молодых и взрослых моржей [Федорова, Косинцев, Фицхью, 1998]. В целом следует отметить, что моржа во все периоды коренное население добывало в небольших количествах. До появления лодок, способных выходить в моря на 30–40 км, его могли добывать только на лежбищах.

Морской заяц (лахтак) — *Erignathus barbatus* Erxleben, 1777. По-ненецки «Игорти», по-хантыйски «Хэванвэй», по-зырянски «Вакочь» [Евладов, 1992]. Крупный тюлень, длина тела от 175 до 240 см, в среднем у самцов — 234 см, у самок — 239 см; вес тела от 225 до 320 кг, максимально — до 360 кг. Ареал охватывает прибрежные воды, за исключением южной части Обской губы. Особенно многочислен в водах к западу от Ямала. Жизнь связана с кромкой льда и прибрежными мелководьями [Гептнер, Чапский, Арсеньев и др., 1976]. Вдоль западного побережья Ямала лахтак распределяется по сезонам следующим образом: зимой держится на принастном льду, весной — на плавучих льдах, летом на мелководьях и плавучих льдах, осенью — на плавучих льдах. Лежбищ на берегу практически не устраивает. В. П. Евладов сообщает:

…На Карском берегу Ямала морской заяц начинает попадаться, по словам ненцев, «за один попрыск», то есть за 10–15 километров от берега. <…> Запасы морского зайца тоже не малы; говоря о Байдарацкой губе в ее узкой части (против устья Юрибея), один из промышленников Сэротэтта так определил количество: «Зверь есть, годами много, лежит поодиночке у лунок, есть нерпа, есть и заяц. Друг от друга видны с одного места сразу 20 штук». Промышленник Ного из этих же мест так сказал о звере: «Если большая льдина — зверей 10 лежит, есть нерпа, есть и заяц [Евладов, 1992, с. 96].

С весны до осени охота может вестись в основном с лодок, так как большая часть животных находится на плавучих льдах, часто в 10–15 км от берега. Зимой добыча производится с подхода с берега. До края припая обычно доезжают на оленьих упряжках. На льду при скрадывании часто используют доску, которую охотник двигает перед собой, скрываясь за ней. Но таким образом добывают немного, так как большая часть лахтака лежит далеко от берега, ближе к открытой воде. Доехать до них с одной стороны мешают торосы, а с другой — опасность быть оторванным и унесенным на льдине в море. В 1926–1928 годах 68 хозяйств добыли в среднем по 122 морских зайца [Евладов, 1992].

Таким образом, коренное население смогло начать добывать лахтака в заметных количествах только после двух событий в его хозяйстве. Во-первых, со времени становления крупностадного оленеводства, когда часть хозяйств смогла оставаться на зиму в тундре и охотиться зимой на льду. Во-вторых, с момента появления достаточно прочных лодок, способных выходить в море, что позволяло охотиться летом. Подтверждением этому служит следующий факт. На поселении Тиутей-Сале 1 найдена только одна кость лахтака и много костей моржа [Федорова, Косинцев, Фицхью, 1998]. То есть жители этого летнего поселения не имели прочных лодок. Моржа, который образует лежбища на берегу, они добывали на этих лежбищах. А лахтака, почти не образующего лежбищ на берегу, добывали немного, что могло быть иначе при наличии лодок. Добывают лахтака для получения шкуры, жира и мяса. Не употребляют в пищу легкие, печень и голову: легкие и печень — из-за их плохого вкуса; на голове же почти нет мяса. Голову либо бросают в море, либо кладут в жертвенники [Источники по этнографии Западной Сибири …]. Наиболее выгодна охота зимой на припайном льду, так как можно вывезти всю тушу, тогда как в летнее время из-за малой грузоподъемности лодок часто берут только шкуру и сало, а мясо оставляют на месте [Евладов, 1992].

Нерпа кольчатая — *Phoca hispida* Schreber, 1775. По-ненецки «Няк» [Евладов, 1992]. Некрупный тюлень с длиной тела до 175 см и средним весом самцов 56 кг и самок 53 кг. Ареал занимает всю прибрежную зону Западной Сибири, включая Обскую губу. Придерживается дрейфующего льда и мелководий. Береговых лежбищ почти не устраивает. Явно выраженных миграций нет. В составе стад всегда есть группы местных и мигрирующих особей. Заходит в устьевые части крупных рек [Гептнер, Чапский, Арсеньев и др., 1976; Чапский, 1941]. Известны заходы нерпы в озера Ямала — Нейто, Ямбуто в верховьях Сеяхи [Добринский, Кряжимский, 1995; Житков, 1913]. Иногда вслед за рыбой может подниматься далеко вверх по течению. Так, зимой 2005/06 года нерпа была добыта в верховьях реки Ляпин, в районе поселка Саранпауль. Распределение нерпы по сезонам следующее: с весны до осени она находится на дрейфующих льдах и на мелководье; вероятно, небольшое количество особей может быть в устьевых частях крупных рек; зимой придерживается припайного льда, спускается вместе с ним, вероятно, до южного берега Обской губы. Но в южной части губы ее численность небольшая [Житков, 1913].

Добыча возможна в период с весны до осени с использованием лодок на мелководьях и дрейфующих льдах; в зимнее время — на припайном льду, выезжая на него с берега на оленьих упряжках. Наиболее эффективна охота на льду (дрейфующем и припайном), особенно в зимнее время. При этом в качестве маскировки часто используют доску, которую охотник двигает перед собой. Подкарауливание и скрадывание зверя на отмелях малоэффективно. В Обской губе зимой используют крючки-самоловы: несколько крупных крючков опускают в лунку; тюлень вылезает из лунки свободно, а когда бросается в лунку сверху, то часто попадает на эти «удочки» [Евладов, 1992]. Примитивный способ добычи нерпы, который, вероятно, уже не застали В. П. Евладов и В. Н. Чернецов, существовал в XVIII веке: «промышленники подле оной пролубки [лунки] кладут небольшую доску, а с другой стороны сами в снег зарываются; и когда тюлень выйдет из пролубки, то оне доскою на долгом ремне задерживают пролубь и тут его бьют палкой или ножем колют» [Зуев, 1947, с. 29]. Бьют зверя в голову или шею, чтобы убить наверняка, так как подранок уходит в лунку, и тогда его не достать. Промысел нерпы, как и морского зайца, ведется населением тундровой зоны. Ее добыча в значительных количествах возможна при двух условиях: при наличии достаточно крупных лодок (в летнее время) или при существовании крупностадного типа оленеводства, позволяющего жить зимой в тундре и вести охоту

на припас. Если этого нет, то жители побережья могли добывать небольшое количество нерпы на отмелях и в районе устьев рек. Подобное подтверждается материалами прибрежного поселения Тиутей-Сале 1, где найдено небольшое количество костей нерпы [Федорова, Косинцев, Фицхью, 1998]. Возможна добыча отдельных особей и жителями лесотундровой зоны, так как отдельные особи или группы нерпы, вероятно, доходили до устья Оби и других рек, впадающих в Обскую губу. Самое раннее свидетельство охоты на нерпу относится к раннему железному веку. На памятнике этого времени Усть-Полуй найдена одна ее кость [Косинцев, 1997а]. Добывали нерпу для получения шкуры, жира и мяса. Легкие и печень у нерпы не едят из-за плохого вкуса, а голову — из-за отсутствия мяса. Голову добытой нерпы бросают обратно в воду или оставляют на святилищах [Источники по этнографии Западной Сибири …].

Очень детальное описание морского зверобойного промысла на Ямале в конце 1920-х годов дает В. П. Евладов:

В Обской губе тюлени встречаются в основном в северной ее части до устья реки Тамбей. Чем дальше на юг, тем тюленей меньше, а уж у устья Се-яхи они вообще встречаются крайне редко. Это объясняется относительной людностью тех берегов. Начиная от Нового Порта стоят рыбацкие чумы на промысле осетра и нерпы. Много нерпы и в проливе Малыгина, это подтвердили все встретившиеся нам промышленники.

На охоту ненцы выезжают на больших деревянных лодках. Что они собой представляют, видно из промеров той лодки, на которой мы плыли по Карскому морю от устья Тиутей до рекиЕптармы. Длина лодки 540 см, наиболее широкая часть 230 см, высота в носу и корме 130 см. Лодка сделана из теса 2×13 см. Оснастка лодки — прямой парус 3,6×3,6 метра, сшитый из распоротых мешков. Мачта длиной 4 метра имеет диаметр внизу 9, а вверху — 5 см. Верхняя рейка (поперечница прямого паруса) длиной 4 метра, толщиной 6 см.

Разумеется, что на подобном «судне» выезжать далеко от берега, где только и можно найти лежки такого крупного зверя, как морж, рискованно. Поэтому добыча ненцев-зверобоев ограничивается в основном морскими зайцами. Да и не любят ненцы моржа за его величину. «С ним возни много», говорят они. Кроме того, кожа зайца считается пригодной для изготовления упряжи, и она ценится дороже, чем моржовая на внутриямальском рынке.

На лодке отправляется артель 5–7 человек, в зависимости от величины лодки. Обычно в такой артели еще заранее, до выхода в море, выбирается лучший стрелок. Он берет свое ружье, он и стреляет зверя. Зайцы лежат поодиночке, поэтому и стрелять приходится одному. Конечно, в лодку берут и запасную винтовку, если таковая имеется. Винтовки для морской охоты ненцы предпочитают с вертикально скользящими затворами, продольно скользящий затвор не любят. Кроме того, в лодку берут 1–2 якоря и 2–3 гарпуна («позек») разных размеров. Гарпун надевается на специальное древко. К нему привязывается тынзян или веревка. Чтобы гарпун не тупился, на его лезвие надевается специальный чехол из дерева, удерживаемый особой шпонкой, проходящей под гарпунной зазубриной. Кроме гарпуна в лодку берется еще пика (тиутей-каре). Ею добивают подтянутого к лодке или льдине моржа. При большой лодке всегда имеется маленькая, чтобы на ней быстро, с наименьшим шумом и с нужной стороны, подъезжать к льдинам, на которых замечен зверь.

Средняя добыча ненецкой лодки, не отъезжающей далеко от берега (берег виден), обычно 10–15 зайцев. Это подтверждает общие выводы о значительных запасах морзверя у берегов Ямала. Если ненцы на своих утлых лодчонках добывают за поездку по 4–5 моржей или по десятку и более зайцев (большего количества шкур и жира зверя лодка не в состоянии поднять), если при охоте с берега некоторые охотники за весну на льду добывают по 20–30 нерп и несколько зайцев, при этом винтовками, не бьющими зверя дальше 100 шагов, — это ли не гарантия значительного количества морского зверя в Карском море? Морской зверь, на которого ненцы охотятся, по утверждению промышленника Лямби Вэненга, не убывает «от сотворения мира», и это вполне объяснимо состоянием промысла.

Морской промысел ненцев имеет два резко отличающихся периода: летний — охота на лодках (сюда входит осень и весна) и зимний — охота на припае, на льду. Если тюленей на льду пытаются промышлять почти все, имеющие оружие и выходящие на Карский берег оленеводы, то летний промысел с выездом в море на лодках является уделом лишь небольшой части кочевников. Не потому, что остальные не желали бы заняться этим весьма выгодным промыслом, а потому, что большинство не в состоянии обзавестись соответствующим инвентарем: 9 лодок ежегодно выходят из устья Мороды-яхи, три лодки имеются на реке Тиутей, три выходят из Юрибея. Кроме того, в проливе Малыгина еще три лодки — они стоят на Яхады-яхе. Но последние применяются не для промысла морского зверя, а для переправы через пролив на остров Белый для охоты за дикими оленями и перевозки оттуда добычи.

До отправления в море и в процессе охоты выполняется ряд обрядов. Чтобы умилостивить бога, приносится жертва, бьется олень. Оленя убивают головой к «святому месту», обычно стоящему на мысе при впадении реки в море. Таков Тиутей-сале. Там, где имеются морские лодки, обязательно есть хотя бы небольшое «святое место» с несколькими идолами. Кровью жертвенного оленя мажут личины всем идолам, набрав в пригоршню кровь, пускают ее в море, мажут нос и руль лодки. Голову оленя всегда оставляют на «святом месте».

Временем, наиболее удобным для промысла, считается период от «Петров яле» (Петров день) и до «Илья яле» (Ильин день), то есть с середины июля до середины августа. Каждая лодка за это время выезжает обычно один раз и проводит в море 10 дней, добывая необходимое количество морзверя. С собой обычно берут продовольствие — оленье мясо, хлеб, деревянный жбан с водой. Воду запасают из вытаявших на морском льду лунок.

Сама охота, судя по рассказам ненцев и нашим наблюдениям, проходит так: лодка выезжает ко льдам, отстоящим от берега на 10–15 километров, находят большую льдину, ледяное поле, и начинают ее объезжать. Заметив на какой-либо льдине зверя, охотники — стрелок и гребец, пересаживаются на вторую, маленькую лодку и, учитывая направление ветра, начинают подъезжать к тюленю с удобной стороны. Высадив стрелка на лед так, чтобы ветер был от тюленя, лодка отъезжает в сторону или остается на месте, гребец в лодке начинает заунывное пение, завывание. В это время стрелок подкрадывается к зверю сначала согнувшись, затем ползком, толкая впереди себя подставку для ружья. Обычно это доска, обитая белым, применяемая ими для охоты на диких оленей – «илебць латта». Иногда же подкрадываются без всякого прикрытия, при этом скрадывают зверя очень медленно, с подражанием движению тюленя. По мнению ненцев, завывание и тягучие крики дают охотнику возможность подойти на более близкое расстояние. Большинство промышленников применяют этот способ. Стреляют в голову, так как иначе раненый зверь уйдет под лед в продушину, возле которой он лежит.

Добыча промысла делится строго поровну между всеми участниками. «На лодку», то есть хозяину ее, выделяется особый пай. Если количество добытого зверя не кратно числу паев, то при дележе каждый участник охоты получает примерно одинакового по величине зверя, остатки делятся — каждый зверь на число паев. Распределение производится при помощи жребия. С собой в лодку берется и вывозится только шкура и жир зверя. Мясо бросается на месте не потому, что ненцы не употребляют его в пищу, а лишь из–за того, что лодка не выдержала бы нагрузки в 8–12 зайцев и 4–5 моржей.

В зимних промыслах различаются два периода — осенний, до первых темных ночей, когда зверь начинает идти в устья рек, и зимний — «торосовый промысел» на льду. Первый период промысла продолжается короткое время — с конца августа до середины сентября, до замерзания рек, и является незначительным по добыче. Обычно подкарауливают и скрадывают зверя, вышедшего на отмель.

На время темной полярной ночи в морском промысле наступает перерыв. Но с появлением солнышка, ближе к весне, промысел начинает оживать. Организуются артели, а некоторые поодиночке подходят поближе к морю и выезжают на припай на оленях, удаляясь от берега иногда и на 20 километров. Здесь подстерегают добычу у лунок. Дальше чем на «два попрыска», по словам ненцев, по припаю Карского моря ехать затруднительно — мешают торосы. Охотятся тут на мелких тюленей, так как лахтаки лежат еще дальше от берега, ближе к открытому морю, и к ним пробираться боязно из–за риска быть оторванным и унесенным в море.

Охота зимой проводится большей частью артельно. Артели создаются на месте из всех съехавшихся на какой–либо определенный участок берега. Добыча промысла в этом случае делится между всеми участниками поровну, вне зависимости от того, кто сколько добыл лично. Временем наилучшей охоты скрадом считаются солнечные тихие весенние дни, тогда главным образом и выезжают на охоту.

Помимо скрадывания осенью и отчасти весною, ненцы используют самоловы с постановкой их в тюленьи лунки. Этот способ применяется только в Обской губе. Может быть потому, что там много ловцов осетра, у которых есть крючки–самоловы. В лунках с разных сторон опускают несколько крючков, сделанных из толстой стальной проволоки. Тюлень, вылезающий из лунки, проходит свободно, но когда он бросается в лунку сверху вниз, очень часто попадается на эти примитивные удочки. Обычно промышляют этим способом, ставя 10–12 таких самоловов. Широкого распространения этот способ не имеет.

В Карском море и Байдарацкой губе, замерзающих довольно поздно, осенний промысел незначителен, зато весенний всем участвующим дает по 10–30 нерп на пай. Зимний промысел в ненецком хозяйстве важен еще и потому, что в это время года морзверь используется полностью, без отходов. Если при летнем промысле много тюленьего мяса выбрасывается в море, то зимой тушу привозят в стойбище, и добыча вся идет в пищу.

В целом морской зверобойный промысел играет значительную роль в бюджете кочевых хозяйств Ямала. Взяв отдельные из них, «истых» морских зверобоев, и выведя доходную часть бюджета по разным отраслям, мы определили долю продукции морского промысла в 20–25 % от всех доходов.

Количество хозяйств, участвовавших в промысле в 1926–1928 годах, составило 68. Их средняя добыча зверя: мелкие тюлени — 356, морские зайцы — 122, моржи — 10 шт. Причем добывается не более четверти от всех отстреливаемых зверей, много подранков уходит.

Вся продукция морского зверобойного промысла используется для собственного потребления или обменивается на внутреннем рынке. Товарной продукции вне ненецких хозяйств этот промысел не дает. Жир морского зверя употребляют в пищу, шкуры тюленей идут на пимы и гуси, шкуры моржа и зайца — на упряжные постромки, вожжи, тынзяны. Цены внутреннего рынка Ямала выше, чем заготовительные, что способствует оседанию этой продукции на местах. Но принадлежащей организации морзверобойных артелей среди ямальских ненцев можно значительно поднять производство и товарную часть промысла [Евладов 1992, с. 95–100].

Белуха — *Delphinapterus leucas* Pallas, 1776. Кит небольших размеров: длина тела до 470 см. Населяет всю акваторию вдоль севера Западной Сибири, включая всю Обскую губу [Гептнер, Чапский, Арсеньев и др., 1976]. Летом вслед за рыбой белухи могут высоко подниматься по рекам: по реке Оби до города Березова [Дунин-Горкавич, 1995б] и выше [Поляков, 2002]; по реке Юрибей (полуостров Ямал) — до озера Ярато [Добринский, Кряжимский, 1995; Житков, 1913]. Численность стад белух, заходящих в Обь, могла быть очень большой, и находиться в ней они могли все лето. В 1857 году Н. А. Абрамов пишет: «Руном [стадом] своим дельфины занимают в поперечнике почти всю Обь, длиною около 5 и более верст, и плавают по Оби взад и вперед с июня по исход сентября; их вся рыба боится» [Абрамов, 1857, с. 410].

Сведения о промысле белухи коренным населением противоречивы. Ф. Белявский [2004] пишет в 1833 году о добыче заходивших в устье Оби белух самоедами. Н. А. Абрамов сообщает в 1850 году: «самоеды… дельфинов загоняют в морские заливы на отмели, преследуя их на лодках» [Абрамов, 1993, с. 54]. По сообщению А. А. Дунина-Горкавича [1995б], в начале XX века на белух не охотились. Ханты Нижней Оби в середине XIX века приносили скелеты и черепа белух на святилища [Поляков, 2002]. Вероятно, в районе устья Оби коренное население добывало небольшое количество белух, по крайней мере, в XIX веке. В. П. Евладов [1992] и В. Н. Чернецов [1957] также ничего не говорят о добыче ненцами белух в 1920-е годы, хотя у каждого из них есть описание морского зверобойного промысла. Единичные кости белух найдены на нескольких археологических памятниках лесотундровой зоны.

Киты. Гренландский кит — *Balaena mysticetus* L., 1758, финвал — *Balaenoptera physalus* L., 1758 и малый полосатик — *Balaenoptera acutorostrata* Lacepede, 1804. Киты крупных размеров. Ареалы этих видов охватывают Карское море [Томилин, 1957], то есть обитают в прибрежных водах Западной Сибири. На побережье Ямала [Добринский, Кряжимский, 1995] и Гыданского полуострова, в том числе и по берегам Обской губы к северу от устья Хаманельской Оби, нередки находки остатков трупов китов. Так, летом 2005 года труп молодой особи малого полосатика был найден в районе устья реки Еркутаяха, на восточном берегу Байдарцкой губы. Очевидно, что коренное население не вело их промысел. Но китовый жир от таких трупов ненцы собирали, так как он очень ценился в качестве привада в слопцы на песцов [Евладов, 1992]. В позднем железном веке (и, вероятно, ранее) кости китов иногда использовали для изготовления изделий. Так, в Надымском городке найдены два межпозвонковых диска с отверстиями и пришлифованной поверхностью.

Лось — *Alces alces* L., 1758. Крупное копытное. Длина тела 220–300 см, вес 300–500 кг, высота в холке до 216 см. Ареал занимает всю таежную и лесотундровую зоны Западной Сибири, так как веточный корм является основным в зимний период. В летнее время регулярные заходы охватывают всю зону кустарниковых тундр [Корытин, Добринский, Данилов и др., 1995]. Средняя плотность лося в лесотундровой зоне на 1 тыс. га составляет 0,24 особи, в северотаежной — 0,37 особи [Бердюгин, Большаков, Балахонов и др., 2007]. Для лося характерны сезонные миграции. Весной часть особей от северной границы ареала мигрирует на север [Бойков, 1981]. Для района Приполярного Урала есть данные о сезонной миграции лосей также с севера на юг. В середине октября — ноябре часть лосей из бассейна реки Ляпин мигрирует на юг, в бассейн реки Северная Сосьва, а летом возвращается обратно [Насимович, 1955]. Кроме того, здесь возможны еще два типа миграций по аналогии с бассейном Северной Сосьвы [Насимович, 1955]. Ландшафты этих двух районов очень похожи: с севера Северного Урала стекает река Северная Сосьва, с Приполярного Урала — река Ляпин, и оба горных района находятся от реки Оби на расстоянии 200–250 км. Поэтому можно полагать, что в бассейне реки Ляпин происходят миграции лосей, аналогичные миграциям в бассейне реки Северная Сосьва. Обе они имеют широтное направление. Один тип — это миграция через Уральские горы. В западных предгорьях Урала высота снежного покрова зимой в 1,5–2 раза выше, чем в восточных предгорьях [Долгушин, 1951]. Поэтому часть лосей осенью и в начале зимы мигрирует с западных склонов Урала на восточные, а весной возвращается обратно. Второй тип миграций — это миграции от предгорий Урала в долину реки Оби и обратно. В конце весны — начале лета значительная часть лосей с верховьев реки Ляпин и ее притоков мигрирует в ее низовья и долину реки Оби. Связано это с тем, что в низовьях Ляпина и долине Оби лучше травянистый корм и на открытых участках меньше кровососущих насекомых [Насимович, 1955]. В течение конца лета — осени лоси возвращаются обратно. Следует отметить, что все описанные выше миграции происходят при достаточно высокой численности лося. Если численность невысокая и, следовательно, имеющегося корма достаточно, лоси не мигрируют [Филонов, 1983]. Для лосей севера Западной Сибири выявлены многолетние изменения численности и связанные с этим изменения северной границы ареала [Гептнер, Насимович, Банников, 1961]. В 1771 году, по сообщению В. Зуева [1947], лоси обычны в районе города Березова, следовательно, северная граница ареала проходит значительно севернее. К середине XIX века северная граница ареала лося сдвинулась к югу от города Березова. В 1830 году в Березов для продажи поступило 300 лосиных шкур [Абрамов, 1857]. Но в этой же работе Н. А. Абрамов упоминает о наличии лосей только для самой юго-западной — Сосьвинской волости Березовского уезда. Вероятно, в остальных волостях они были редки, а лосиные шкуры поступали из этой волости и ряда юго-восточных волостей. Это подтверждает сообщение А. Регули. В 1846 году он пишет: «лоси совершенно оставили берега Сигвы [Ляпина], где прежде их было так же много, как на Сосве [Северной Сосьве]» [Перевод письма... Г-на Регули … , с. 171]. В 1876 году лоси в районе Березова практически отсутствовали [Путешествие в Западную Сибирь …]. Но уже в 1880-е годы они регулярно встречались по Уралу до 63° с. ш. [Носилов, 1890]. В конце 1920-х годов лоси на реке Северная Сосьва снова стали очень редкими [Масальский, Симонов, 1930], это позволяет полагать, что севернее они уже отсутствуют. А в начале 1950-х годов лоси постоянно встречаются почти до широты 68° с. ш. [Долгушин, 1953]. Приведенные выше данные позволяют реконструировать изменения северной границы ареала лося в Западной Сибири (рис. 25) [Гептнер, Насимович, Банников, 1961, рис. 1]. Таким образом, численность лося на севере Западной Сибири была относительно высокой в 1770-е годы; относительно низкой на протяжении почти всего XIX века; относительно высокой в конце XIX — начале XX веков; относительно низкой в 1920–1930-е годы; относительно высокой во второй половине XX века. Аналогичные колебания численности были и в более ранние периоды. Так, высокая численность лося в бассейне реки Казым, вероятно, была в VIII–IX веках; относительно высокая в VI–VII веках и начале X и середине XII века и низкая численность была в XV–XVI (XVII) веках [Косинцев, 1997б]. Все это приводило к тому, что роль лося в обеспечении мясного питания коренного населения севера Западной Сибири значительно менялась во времени.

Добытый лось утилизовался практически полностью. Кроме мяса и шкуры, использовались рога и кости для изготовления различных изделий. Шкура использовалась для получения кожи, и состояние волосяного

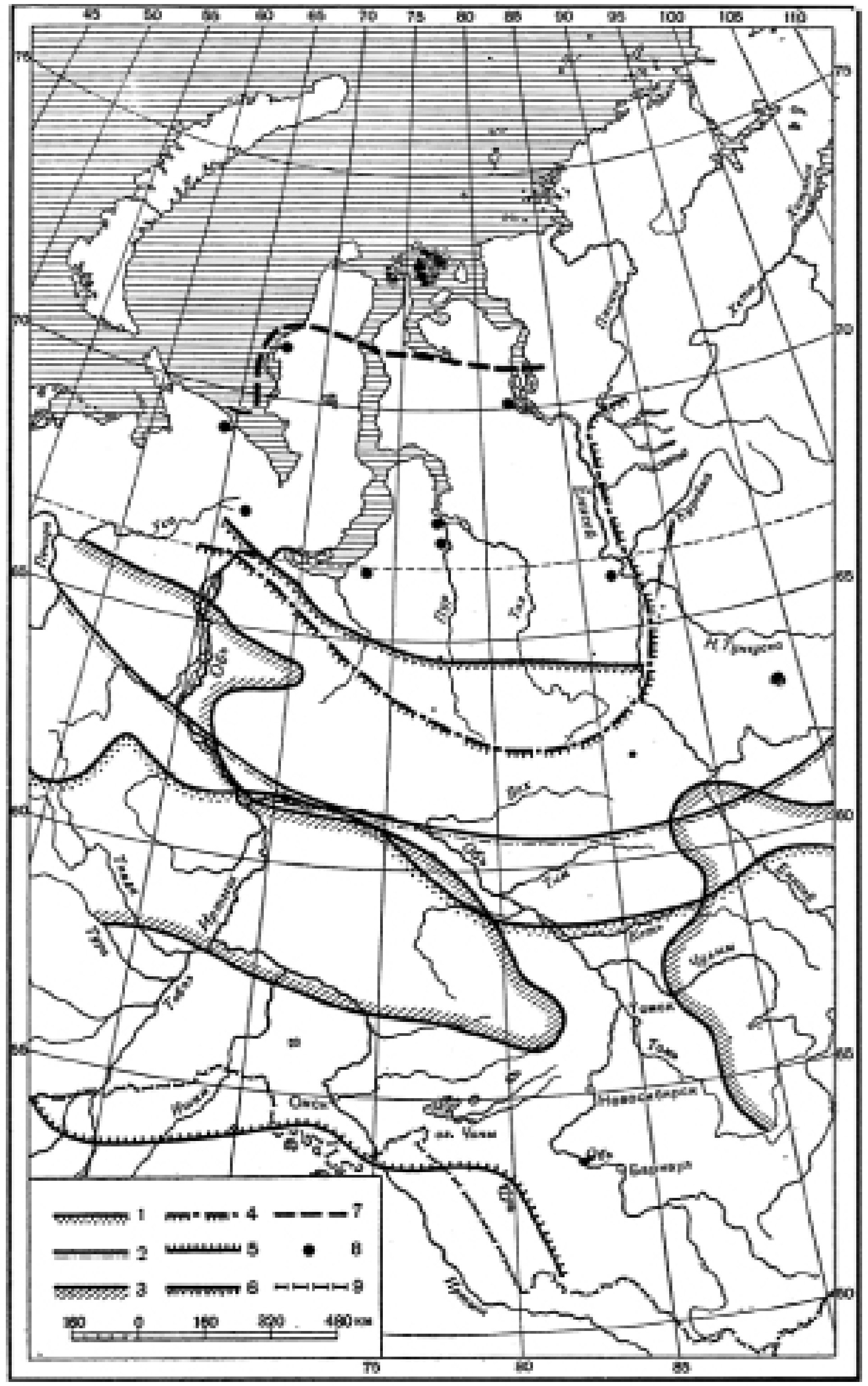


Рис. 25. Изменение границы распространения лося (*A1ces a1ces*) в Зауралье и Западной Сибири [Гептнер, Насимович, Банников, 1961]:

1 — северная граница во время наибольшей депрессии ареала в XIX веке; 2 — приблизительные очертания северной границы обитания лося в 20-х и начале 30-х годов XX века; 3 — границы областей постоянного обитания в 20-х годах и до середины 30-х; между двумя частями ареала и довольно далеко к северу и к югу от линии границ зверь в эти годы появлялся заходом; 4 — северная граница области более или менее постоянного обитания в 40-х годах и к 1951–1952 годам; 5 — южная граница на те же годы; 6 — северная граница области постоянного обитания на начало и середину 50-х годов; 7 — северный предел заходов лося в тундры; 8 — отдельные точки дальних заходов лося на север; 9 — граница Казахстана

покрова (линяет или нет) не имело особого значения. Поэтому промысел лося можно было вести круглый год. Лимитирующими его факторами могли быть локальные изменения численности вследствие сезонных миграций и сознательное запрещение промысла беременных и кормящих самок (последнее возможно только при активных способах промысла, когда охотник сам определяет объект добычи) или полное запрещение охоты на весенне-летний период. Промысел лося велся и активными и пассивными способами. Способы промысла зависят от сезона и особенностей местности. К активным способам относятся: охота с собакой путем преследования животного (проводится круглый год); охота скрадом без собаки (зимой); отдельно следует выделить наиболее эффективный способ добычи — загон по глубокому снегу зимой и по насту весной; охота со сплавляющейся по реке лодки летом. Существует два основных пассивных способа. Первый — это устройство загородей поперек направления миграции. В загородях оставляют узкие проходы, где настораживают самострелы, выкапывают ловчие ямы или ставят петли [Дунин-Горкавич, 1911; Чернецов, 1949]. Ставили аналогичные загороди и вдоль рек, на выходах к водопою. Загороди с ловчими ямами на севере Западной Сибири начали устраивать не позднее 5-го тысячелетия до н. э. Об этом говорит радиоуглеродная дата (6670 ± 90 лет назад), полученная по углю из ловчей ямы, исследованной Л. Л. Косинской в верховьях реки Пяку-Пур. Второй, менее распространенный и, вероятно, поздно возникший способ — это установка петель на тропах, ведущих к водопою и к солонцам. Более подробное описание способов охоты на лося приведено ниже в цитате из работы А. А. Дунина-Горкавича (с. 204–205 наст. изд.). Охота на лося велась населением севера Западной Сибири, несомненно, во все исторические периоды. Следует также отметить, что лось использовался как жертвенное животное. Его кости найдены в святилище середины 2-го тысячелетия н. э. Шеркалы I–2 [Косинцев, Морозов, Терехова, 1988]. На действующем святилище на мысу Ибернэл в районе устья реки Оби вместе с черепами северных оленей лежал череп самки лося (по неопубл. полевым материалам П. А. Косинцева).

Северный олень — *Rangifer tarandus* L., 1758. Относительно крупное копытное. Длина тела 150–220 см, высота в холке 80–250 см, вес 80–230 кг. Самки заметно меньше самцов, оба пола имеют рога [Колосов, Лавров, Наумов, 1965; Гептнер, Насимович, Банников, 1961; Сыроечковский, 1986]. Ареал в прошлом охватывал всю таежную, лесотундровую и тундровую зоны Западной Сибири. В Западной Сибири представлен двумя подвидами — более крупным лесным (Rangifer tarandus fennicus) и более мелким тундровым (Rangifer tarandus tarandus). Они заметно различаются по экологии. Тундровый подвид образует крупные стада, которые совершают миграции весной — из лесотундры и северных районов тайги в тундру для отела и откорма, а осенью — обратно в лесотундру и северную тайгу для зимовки. Лесной подвид также совершает сезонные миграции, но гораздо меньшей протяженности и не выходит за пределы лесной зоны. На Северном, Приполярном и Полярном Урале северные олени совершали вертикальные миграции — зимой обитали в верхней части горно-таежного пояса, а летом поднимались на вышерасположенные участки горных тундр [Бердюгин, Большаков, Балахонов и др., 2007]. Часть оленей мигрировала через Уральский хребет — весной на западный склон, осенью — на восточный [Флеров, 1933]. Основными местообитаниями северного оленя в таежной зоне являются заболоченные водоразделы с редкой древесной и кустарниковой растительностью, разреженные участки леса, гари. Зимой олени концентрируются на окраинах болот и в лишайниковых борах. Ранней весной, когда образуется наст, переходят в темнохвойную тайгу, а летом скапливаются на болотах, в поймах рек и озер [Бердюгин, Большаков, Балахонов и др., 2007]. Вероятно, уже в XIX веке некогда сплошной ареал дикого северного оленя оказался разорванным на отдельные участки в результате развития крупностадного оленеводства и интенсивной охоты. В настоящее время сохранилось от трех до четырех его популяций. Тундровые — североямальская, северо-гыданская и лесные — надым-пуровская и тазовская [Бахмутов, Азаров, 1981].

Северный олень — стадное животное, размеры стада колеблются от нескольких особей до сотен в зависимости от сезона года или количества доступного корма. Гон бывает в основном в октябре, а отел — в июне. Линька бывает раз в году — начинается в мае и заканчивается в августе. Рога отбрасывают в декабре; второгодки и трехлетки — в начале или середине зимы; взрослые самки сбрасывают рога после отела, а яловые — в феврале — апреле. Рост рогов у взрослых самцов начинается в апреле и заканчивается в августе; у взрослых самок, соответственно, начинается в июне и заканчивается в сентябре.

Для северного оленя характерны многолетние и вековые изменения численности [см. обзор: Крупник, 1989]. Археозоологические материалы свидетельствуют о существовании вековой динамики численности северного оленя и на севере Западной Сибири [Косинцев, 1997б]. Выделяются периоды, когда его добывали мало (VIII–IX века), и периоды, когда его добывали достаточно много (VI–VII века, нач. X — сер. XII века, XVIII–XIX века). Важно подчеркнуть, что динамика численности северного оленя происходит в противофазе динамики численности лося. Эти виды в некотором роде являются экологическими антагонистами, поэтому изменения их численности разнонаправлены.

Промысел оленя проводился круглый год [см. обзор: Симченко, 1976]. Способы добычи в лесной и тундровой зонах значительно различались. В тундровой зоне, в отличие от таежной, наряду с индивидуальной охотой широко практиковались коллективные способы охоты. Это загонная охота с использованием линий махавок [Зуев, 1947] и поколки на переправах [Хомич, 1966]. Оба эти способа исчезли к началу XIX века из-за сильного сокращения поголовья дикого северного оленя. Позднее сохраняются только индивидуальные способы охоты: с прирученным оленем (часто называемым просто оленем-манщиком), скрадом со специальным щитом, преследование на оленьей упряжке и иногда преследование на льдинах [Хомич, 1966]. Следует отметить, что охота с прирученным оленем имела два варианта. Вот как описывает их тунгусский князец в 1819 году:

…А с половины сентября до половины и далее октября месяца во время гоньбы зверя [в период гона у оленей] занимаются по тундрам промыслами приученными оленными порозами [самцами], навязывая слабо к рогам крепкие из жил сученые петли, и пускают на улов петлею звериным порозам, когда же ученый пороз к счастию промышленника успеет надеть петлю на рога дикого зверя, удерживает от убегу оного и промышленник убивая из лука остается с добычею; также промышляют весной и летом манчиками то есть приученными оленьми подкрадываясь ближе к зверям и тут потаенный [человек] стреляет убивая оных [диких оленей] из лука [Дъяченко, 2005, с. 68–69].

Пассивные способы охоты в тундре практически не использовались. Иногда в лесотундре осенью устанавливали ставные луки на путях миграции оленей. В таежной зоне широко использовали пассивные способы охоты. Основным способом был промысел с использованием загородей, в проемах которых ставили самострелы или выкапывали ямы-ловушки. Ставили также самострелы и, вероятно, петли на тропах. Также широко вели активную охоту скрадом с использованием «маскировки», и загон на лыжах по насту и по рыхлому снегу. Очень хорошо описан промысел оленя и лося А. А. Дуниным-Горкавичем:

Лося промышляют с осени сторожевыми луками и, кроме того, ружьем в разное время года. С наступлением первых признаков осени, как только начинает увядать лист на деревьях, что случается здесь во второй половине августа, полевой (дикий) олень и лось из мест, где они спасались в жаркое время от овода, преимущественно на чистых местах близ речек и соров, начинают двигаться к югу. К этому времени лоси очень сытые и не могут бегать быстро. Со второй половины августа и до второй половины сентября продолжается случка у лосей. В это время их бьют ружьем, преследуя собаками, и в то же время лоси хорошо попадаются на сторожевые луки; поэтому последние в половине августа приводятся в порядок. Кроме этого времени, ружьем бьют лося зимою в ветреную пору, скрадом (без собаки, и в конце зимы по насту во всякую погоду с собакой). Когда выпадает снег, лоси обыкновенно останавливаются в молодняках для кормления. Охотники, найдя их след, стараются окружить место их стоянки, для чего обходят его кругом на лыжах, возобновляя время от времени лыжницу. Лоси проживают в этих участках до весны; по первому насту охотники поднимают их и бьют ружьями. Сторожевые луки стоят всю осень и зиму; когда же начнет таять снег, их поднимают, снимают с них тетивы и убирают последние в сухое место до осени, т. к. на это время лоси уходят на север. Начало их передвижения — в марте, как только покажутся первые проталины. Лось движется только днем, ночью останавливается; спит он, опустив уши вниз, от его дыхания сильно тает снег впереди морды, которая во время сна лежит на снегу. Лось весьма чуток, и при малейшем шуме охотника вскакивает. В испуге шаг его равен трем человеческим, а нормально бежит он шагом, равным двум человеческим. В Сургутском крае полевой олень и лось летуют главным образом между реками Балыком и Юганом, по краю Оби, близ соров, а также и близ речек, на чистых местах. Загородки ставят поперек хода зверя, т. е. приблизительно с запада на восток; в одну жердь: на оленя высотою до пояса, а на лося до плеча; на большею частью городят в две жерди: нижнюю до пояса на 6 четвертей, а верхнюю до плеча на 8 четвертей. Такие загороди не пропускают ни лося, ни оленя, между тем как под высокой загородью олень пройдет свободно. В загороди оставляют промежутки, в которых настораживают луки

и замаскировывают их сосняком или ельником. По Югану загороди ставят преимущественно по краям болот и близ речек. Лук настораживается на лося на высоте 6 четвертей, а на местах мягких несколько ниже: на оленя — на 4 четверти и на медведя на три четверти, причем древко стрелы надрезается. Стрелы (беловатки) — железные кованые, по Югану же жестяные. Летом, в комариную пору, лосей и оленей бьют ружьем у речек. Для этого рано по холодку поднимаются по речке, на которую выходят олени и, дождавшись жаркого времени, самого зноя, спускаются до встречи со зверем, которого бьют в голову, т. к. туловище его все в воде.

Вогулы же промышляют так. Рано по утру плывут в лодке с собакой. Собака, заслышав зверя, гонит его; лось бежит к речке, тут его и бьют. Хорошая собака не пустит лося в реку. Убитого в реке лося белуют в воде и отрезают мясо по частям, так что в конце концов один человек управляется с этой операцией.

Для вяленья мясо режут тонкими, не толще пальца ломтями шириною от 2½ до 5 вершков, а длиною в поларшина. Ломти эти нанизывают на деревянные прутья и вешают для сушки на солнце. Скрадом охотятся в ветреный день и преимущественно во время урагана, то есть когда идет снег.

По Югану, когда найдут оленей, берут в руки небольшую мохнатую сосну или елку и подкрадываются к ним ближе. Олени в это время обыкновенно едят, и если хотя бы один поднимет голову, то охотник останавливается и выжидает, пока олень примется есть; тогда он продолжает подкрадываться к оленям на ружейный выстрел. Стреляют обыкновенно передового оленя; если убьют его, то стадо, не зная, куда бежать, кружится на месте, пока выберется из стада вожатый; за это время охотники успевают выстрелить два-три раза. Убитых оленей охотник загребает в снег, а за убежавшими гонится до самого вечера, чтобы не дать им отдыха, и где его застигнет ночь, тут и ночует. Утром, чуть свет, он опять гонится за оленями, порою дня 3–4, стреляя в них на ходу. Когда олени скроются из виду, вовсе убегут, то погоня за ними прекращается, и охотник начинает подбирать убитых. Некоторые вогулы, чтобы лучше подкрасться к оленям, надевают «гуся» и впереди себя пускают на вожже ручного оленя [Дунин-Горкавич, 1995б, с. 171–173].

Описание дано для более южной территории — средней тайги, но, несомненно, в северной тайге охотились аналогично. Следует добавить, что в «тундрах» междуречья рек Надым и Пур, весьма вероятно, охотились, как и в настоящих тундрах, загоном на оленьих упряжках.

Охота на дикого северного оленя до становления крупностадного оленеводства давала самое необходимое — шкуры и мясо. В пищу употребляется мясо и все внутренние органы, включая содержимое желудка. Позднее, когда сформировалось крупностадное оленеводство, промысел дикого оленя продолжался по нескольким причинам. Во-первых, его добывали для «экономии» домашнего оленя; во-вторых, как конкурента домашнего оленя в использовании пастбищ во время гона (как более сильный, «дикарь» уводил домашних важенок); в-третьих, качество его шкуры было выше, чем у домашнего оленя; в-четвертых, мясо дикого оленя считалось вкуснее.

Промысел дикого северного оленя велся во все исторические периоды, включая современность [Косинцев, 1997а; 1997б; 2000а; Сыроечковский, 1986]. Убедительную реконструкцию культуры охотников на северного оленя в древности дает Ю. Б. Симченко [1976]. Единственное, с чем в его реконструкции трудно согласиться, так это с утверждением, что доместикация оленя началась с приручения его как оленя-манщика. Однако дрессировка оленя-манщика достаточно сложна и могла быть создана людьми, уже имеющими опыт работы с оленем. Поэтому гораздо логичнее предположить, что оленя-манщика начали использовать оленеводы, точнее, оленеводы-охотники. В целом доместикация северного оленя является отдельной проблемой, которая выходит за рамки этой работы. Отметим только — приручение и, вероятно, одомашнивание оленя произошло не позднее 1-го тысячелетия до н. э. и, возможно, независимо в нескольких регионах.

В связи с вышесказанным при изучении костных остатков оленя из памятников раннего и позднего железных веков на севере Западной Сибири возникает проблема определения соотношения остатков его домашней и дикой форм. Теоретически это, вероятно, можно сделать на основании анализа размеров костей, так как по конституции дикий и домашний олени хорошо различаются. В. П. Евладов пишет по этому поводу: «Дикий олень стройнее домашнего, по окрасу он значительно светлее. Оленеводы при заходе дикого оленя в стадо домашних сразу узнают “дикаря” даже среди тысяч животных» [Евладов, 1992, с. 137]. Оленеводы из рода Худи с реки Юрибей (п-ов Ямал) говорили автору, что узнают дикого оленя на горизонте по силуэту. Однако в настоящее время отсутствуют данные о размерах костей дикой и домашней форм оленей с севера Западной Сибири. Поэтому определить соотношение их остатков в археозоологических материалах сейчас не представляется возможным. Можно только на основании археологических находок (элементы упряжи, детали нарт и т. д.) установить существование с 1-го тысячелетия до н. э. домашнего оленя.

2.1.2. Птицы

На севере Западной Сибири постоянно обитает или гнездится в весенне-летний период 209 видов птиц [Рябицев, 2001].

Все виды птиц относятся к потенциальным промысловым ресурсам, так как являются съедобными. Но в их составе, как и среди млекопитающих, выделяется группа промысловых видов. Промысловые птицы включают три основных группы видов, различающихся по ландшафтно-биотопической приуроченности. Это боровая дичь, белая и тундряная куропатки и водоплавающие птицы. К промысловым видам отнесены два вида журавлей, охота на которых сейчас запрещена, но в прошлом их добывали. Видовое разнообразие промысловых птиц увеличивается с севера на юг (табл. 16).

Таблица 16

Видовой состав промысловых птиц севера Западной Сибири

Виды	Северный Ямал[1]	Средний Ямал[1]	Юный Ямал[1]	Лесотундра[2]	Северная тайга[2]
Краснозобая гагара	+	+	+	+	+
Чернозобая гагара	+	+	+	+	+
Черная казарка	+	+	+	–	–
Краснозобая казарка	–	+	+	ПР[3]	ПР
Белолобый гусь	+	+	+	+	ПР
Пискулька	–	–	+	ПР	ПР
Гуменник	+	+	+	+	+
Лебедь-кликун	–	–	+	+	+
Малый лебедь	+	+	+	ПР	ПР
Кряква	–	–	–	+	+
Шилохвость	–	+	+	+	+
Свиязь	–	+	–	+	+
Широконоска	–	–	–	+	+
Чирок-свистунок	–	+	+	+	+
Чирок-трескунок	–	–	–	+	+
Хохлатая чернять	–	–	–	+	+
Морская чернять	–	+	+	+	+
Морянка	+	+	+	+	+
Гоголь	–	–	–	+	+
Турпан	–	+	+	+	+
Синьга	–	+	+	+	+
Гага-гребенушка	+	+	+	–	–
Сибирская гага	+	+	+	–	–
Луток	–	–	–	+	+
Средний крохаль	–	–	+	+	+
Большой крохаль	–	–	+	+	+
Рябчик	–	–	–	+	+
Тетерев	–	–	–	+	+
Глухарь	–	–	–	+	+
Белая куропатка	+	+	+	+	+
Тундряная куропатка	+	+	+	–	–
Серый журавль	–	–	–	+	+
Стерх	–	–	–	+	+

Примечания. [1] По: Пасхальный, Головатин, 2004.
[2] По: Рябицев, 2001.
[3] ПР — пролетные виды.

Боровая дичь на рассматриваемой территории включает три вида: рябчик, тетерев и глухарь. Все эти виды тесно связаны с древесной растительностью, поэтому их ареал к северу не выходит за границы лесотундровой зоны.

Рябчик — *Tetrastes bonasia* L., 1758. Птица средних размеров, населяет густые древесно-кустарниковые заросли. В лесотундре встречается по долинам рек. В среднем для всего севера Западной Сибири его численность составляет в лесотундре 0,1 особи на 1 км^2; в северной тайге — 2 особи на 1 км^2 [Равкин, Вартапетов, Торопов и др., 2004]. Численность рябчика имеет значительные многолетние колебания [Данилов, 1975]. В зимнее время рябчики держатся выводками или небольшими стаями.

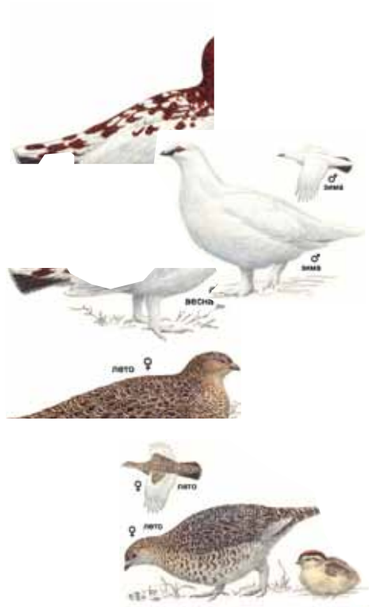
Охота ведется осенью с манком, но более проста и добычлива охота с помощью силков. Применяют и другие орудия лова: колпак, пруток, пастушок [Сабанеев, 1989а]. Следует, однако, отметить, что в литературе нет указаний на добычу рябчика коренным населением. Но на поселении позднего железного века Зеленый Яр на реке Полуй и в Надымском городке найдены единичные кости рябчика. Вероятно, отсутствие данных о его промысле коренным населением связано с небольшим объемом добычи этой птицы и, соответственно, малым значением в питании.

Тетерев — *Lyrurus tetrix* L., 1766. Птица относительно крупных размеров. Населяет окраины лесов (опушки, окраины балок, гари) и редкостойные леса. В основном ведет оседлый образ жизни. В начале периода размножения, ранней весной, взрослые особи собираются на тока, осенью выводки объединяются в стаи численностью до нескольких сот особей. Численность имеет значительные годовые колебания, достигающие десятикратных различий между годами [Данилов, 1975].

Охота ведется активная и пассивная. В первом случае весной — на токах, летом — с манком, осенью и зимой — с подхода. При пассивной — с помощью шатров, коробов, ям, и самая распространенная на севере Западной Сибири — слопцами [Сабанеев, 1989б; Дунин-Горкавич, 1911]. О промысле тетерева коренным населением в литературе упоминается очень редко. По-видимому, из-за низкой численности тетерев добывался населением севера Западной Сибири в небольших количествах, его кости редко встречаются на археологических памятниках Сибири.

Глухарь — *Tetrao urogallus* L., 1758. Птица крупных размеров. Глухари населяют леса разных типов. Живут поодиночке и небольшими группами, зимой иногда образуют стаи. В большинстве районов ведут оседлый образ жизни, но в некоторых совершают сезонные миграции — осенью из лиственничных и березовых лесов в сосновые и кедровые леса, а также из равнинных лесов на галечники. В начале периода размножения образуют тока, где могут собираться десятки, а возможно, и сотни птиц [Рябицев, 2001]. В северной тайге средняя численность глухарей на 1 км^2 составляет: на суходолах — 0,7 особи, на внепойменных болотах — 0,5 особи и в среднем по зоне — 0,5 особи [Равкин, Вартапетов, Торопов и др., 2004]. Наблюдается значительная многолетняя динамика численности, достигающая восьмикратных различий между соседними годами [Данилов, 1975]. Существует, вероятно, и вековая динамика численности. Так, в XVII веке глухарь практически отсутствовал в среднем течении реки Таз [Некрасов, 2003], тогда как сейчас он здесь многочислен.

Активная охота на глухаря ведется весной на токах, осенью и зимой — с подхода с собакой и без нее. При пассивной охоте используют разного типа ловушки (петли, ямы и др.), наиболее эффективна ловля глухарей осенью слопцами на галечниках.



Белая куропатка — *Lagopus lagopus* L., 1758; тундряная куропатка — *Lagopus mutus* L., 1758. Птицы небольшого размера. Тундряная куропатка, в отличие от белой, малочисленна и имеет ограниченный ареал (северные тундры и горные районы), поэтому подробно остановимся на добыче белой куропатки. Ареал ее охватывает всю тундровую и таежную зоны. Населяет она открытые биотопы (болота) и редколесья. На границе тундры и лесотундры куропатки совершают сезонные миграции: осенью — в лесотундру, а весной (в марте — мае) — обратно в тундру [Рябицев, 2000]. Во время кочевок могут образовываться стаи до нескольких сот особей. Осенняя плотность белой куропатки на Южном Ямале в годы нормальной численности колеблется от 12,6 до 48,7 особи на 1 км^2, в среднем 20 особей на 1 км^2 [Пиминов, 1990]. Для белой куропатки характерны очень сильные изменения численности по годам — в 10–20 раз (табл. 17), а также в один год, но в разных популяциях (табл. 18). Продолжительность депрессии составляет от одного года до трех лет [Бахмутов, 1971]. Следует подчеркнуть, что аналогичная картина наблюдается и в других частях ареала [Там же]. Существовали у куропатки, вероятно, и вековые изменения численности.

Наиболее эффективный промысел куропатки — зимой петлями. В настоящее время один охотник за сезон добывает таким способом до 3 тыс. куропаток, до 80 штук в день [Пиминов, 1990]. Использовали для добычи также сети. Куропатка была основным промысловым видом птиц у коренного населения в XVII–XVIII веках. Ее остатки доминируют на поселениях этого времени в лесотундре [Некрасов, 2003].

Таблица 17

Динамика заготовок белых куропаток в целом по Ямало-Ненецкому автономному округу (тыс. шт.)*

Год	1938	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946	1947	1948	1949	1950
Экз.	15	70	220	50	75	10	10	5	60	85	90	170	150

Год	1951	1952	1953	1954	1955	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963
Экз.	200	200	20	25	110	115	180	200	50	30	60	130	100

*Данные для 1938–1963 годов вычислены по графику из работ В. А. Бахмутова [1971, с. 100, рис. 1а].

Таблица 18

Заготовки белой куропатки по районам Ямало-Ненецкого автономного округа (тыс. шт.)*
[Бахмутов, 1971]

Район	1978	1979	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986
Приуральский	38	1	10	27	3	51	5	1	59
Ямальский	3	0,2	5	13	6	21	3	3	23
Тазовский	6	6	28	29	18	35	24	27	57
Прочие	22	9	21	24	7	25	9	10	31
Всего	69	16,2	64	93	34	131	41	41	170

* По состоянию на 1/IV 1986 г.

Водоплавающие птицы. Эта группа включает 26 основных наиболее встречаемых видов. В нее входят гагары (2 вида), гуси (4 вида), лебеди (2 вида), речные (6 видов) и нырковые (6 видов) утки. Все они перелетные, гнездящиеся в регионе виды.

Гагары: чернозобая гагара (*Gavia arctica*) и краснозобая гагара (*Gavia stellata*).

Гуси: белолобый гусь (*Anser albifrons*), гуменник (*Anser fabalis*), пискулька (*Anser erythropus*), краснозобая казарка (*Rufibrenta ruficollis*).

Лебеди: лебедь-кликун (*Cygnus cygnus*) и тундряный лебедь (*Cygnus bewickii*).

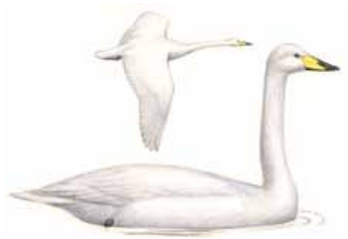
Утки: чирок-свистунок (*Anas crecca*), чирок-трескунок (*Anas querquedula*), кряква (*Anas platyrhynchos*), свиязь (*Anas penelopa*), широконоска (*Anas clypeata*), шилохвость (*Anas acuta*).

Нырковые утки: хохлатая чернять (*Aythya fuligula*), морская чернять (*Aythya marila*), морянка (*Clangula hyemalis*), гоголь (*Bucephala clangula*), турпан (*Melanitta fusca*), синьга (*Melanitta nigra*).

Гаги: гребенушка (*Somateria spectabilis*) и сибирская (*Polisticta stelleri*).

Крохали: луток (*Mergus albellus*), средний крохаль (*Mergus serrator*) и большой крохаль (*Mergus merganser*).

Чернозобая гагара — *Gavia arctica* L., 1758; краснозобая гагара — *Gavia stellata* Pontopp., 1763. Гнездовой ареал захватывает территорию от арктических тундр до тайги. Относительно обычны в настоящее время в тундре (кроме арктической тундры), лесотундре и местами в тайге. Обитают на различных внутренних водоемах (реки, речные старицы, озера); питаются рыбой, моллюсками, которых добывают, ныряя. Весенние перелеты птиц начинаются в последней декаде мая, а заканчиваются с середины сентября. Формально относятся к числу промысловых видов, однако никакой регулярной охоты на них никогда не велось. У них вполне съедобное мясо, но жир с неприятным, отдающим рыбой привкусом. Коренное население использует мясо гагар в пищу, но добывают ее по большей степени случайно. По этнографическим данным, народы севера использовали шкурки гагар для пошива верхней одежды.



Лебедь-кликун — *Cygnus cygnus* L., 1758. Крупная птица. Гнездится в северной тайге, лесотундре и южной части подзоны кустарниковой тундры до 68° с. ш. С зимовок прилетают еще при полном снежном покрове или первых проталинах, раньше всех других водоплавающих птиц. Пары у кликунов постоянны из года в год. Места обитания этого вида — большие озера, пойменные водоемы и болота. Линька птиц начинается со второй половины июля. Основная масса линяющих птиц на Ямале обнаружена в низовьях Оби и на самом юге Обской губы. Отмечаются также случаи, когда отдельные птицы или пары могут линять и на внутренних водоемах полуострова. Весенний прилет первых птиц в Обскую губу отмечается в первых числах апреля, а осенний отлет в конце сентября или в первой половине октября. Численность вида относительно высокая.

Тундряной лебедь — *Cygnus bewickii* Yarr., 1830. Очень похож на кликуна, но меньше. Прилетают парами, позднее кликунов, обычно одновременно с гусями. Гнездиться начинают в разгар снеготаяния, а если весна задерживается, то еще при сплошном снеге, и тогда выбирают возвышенные места, где есть проталины Во время миграции встречается на озерах, в речных долинах, изобилующих старицами и протоками. Гнездится во всей тундровой зоне к северу от 68° с. ш. в заболоченных и травянистых низинах. [Рябицев В. К., Рябицев А. В., 2010].

Белолобый гусь — *Anser albifrons* Scop., 1769. Широко распространен в районах тундры и лесотундры. На пролете держится по берегам рек и озер. Гнездится во всей тундровой зоне к северу от 68° с. ш. Заселяет заболоченные равнины, заросли кустарников и овраги, высокие речные берега. Прилет первых птиц в Обскую губу начинается с конца мая, осенний отлет — в конце сентября или в первой половине октября. С середины июня, когда самки садятся на гнездо, самцы — холостяки и молодые, которые не участвуют в размножении, — собираются в стаи и отлетают на север Ямала на места массовой линьки (реки Тамбей и Харасавэй), где образуют большие скопления. Небольшие стаи могут линять и на юге полуострова.

Гуменник — *Anser fabalis* L., 1758. Крупный гусь размером немного меньше домашнего. Гнездится на территории таежной, лесотундровой и тундровой зон, кроме арктических тундр. Заселяет различные ландшафты травянистой и кустарниковой тундры, главным образом по соседству с водоемами. Гнездовой период начинается с середины июня. Места линьки приурочены к рекам и озерам в основном на среднем и северном Ямале. Первые птицы прилетают в Обскую губу в конце мая, осенний отлет в конце сентябре или в первой половине октября. Важные места линьки — это долины рек Мордыяхи и Сеяхи.

Пискулька — *Anser erythropus* L., 1758. Уменьшенная копия белолобого гуся. Гнездится в лесотундре и кустарниковых тундрах, в полосе между 660 и 680 с. ш. Южнее бывает только на пролете. Весной обычно прилетают позднее других гусей, как бы в хвосте пролета. Наиболее предпочитаемые места гнездования — лишенные леса и высокого кустарника крутые и даже обрывистые берега рек и ручьев. Гнезда располагают как на задерненных, так и на голых склонах. Осенний отлет начинается раньше, чем у других гусей, но без четкого отрыва, бывают смешанные стаи. Численность низкая. [Рябицев В. К., Рябицев А. В., 2010].

Краснозобая казарка — *Branta ruficollis* Pontopp., 1763. Самый маленький из гусей. Имеет небольшой ареал: тундры и лесотундры Сибири между низовьями Оби и притоками реки Хатанги. Придерживается повышенных сухих участков на крутых склонах. Питается травой, поэтому прилет с зимовки в тундру происходит довольно поздно, когда появляется зелень. Непременным условием для гнездования краснозобой казарки является наличие гнездящейся пары соколов-сапсанов, реже — мохноногих канюков или белых сов, которые тоже с наибольшей охотой поселяются на крутых высоких берегах. Отлет из тундры происходит в сентябре, большей частью во второй его половине.

Чирок-свистунок — *Anas creeca* L., 1758. Самая маленькая и одна из наиболее обычных из наших уток. Распространена повсеместно, кроме самого крайнего Севера. Прилетают и начинают гнездиться довольно рано, одними из первых среди уток. Местообитания — самые разнообразные водоемы, в том числе совсем небольшие ручьи, канавы и болотца, с богатой растительностью, где других уток почти не бывает. [Рябицев В. К., Рябицев А. В., 2010].

Шилохвость — *Anas acuta* L., 1758. Утка средней величины. Распространена от степей до тундр Евразии повсеместно, кроме самого Крайнего Севера. Предпочитает заросшие по берегам травой озера и большие речные затоны. Птицы с севера Западной Сибири собираются на линьку в основном на сорах в пойме Оби, главным образом в ее низовьях и дельте. Осенний отлет шилохвостей происходит довольно поздно, уже при регулярных заморозках [Рябицев В. К., Рябицев А. В., 2010].

Широконоска — *Anas clypeata* L., 1758. Размеры приблизительно средние между чирками и шилохвостью. Отличается от других уток большим клювом, сильно расширяющимся от основания к концу. Распространена от таежной зоны до южной тундры включительно. Численность низкая. Для гнездования предпочитает открытые поймы рек, озера с тростниками. Небольшое число самцов линяет в низовьях Оби, большинство южнее. Из всех речных уток широконоска наиболее животноядна, хотя потребляет и растительную пищу. Основа корма — моллюски, насекомые и их личинки, черви и рачки, в том числе и мелкие — циклопы и дафнии [Рябицев В. К., Рябицев А. В., 2010].

Морянка — *Clangula hyemalis* L., 1758. Небольшая плотная утка с короткой шеей. Распространена во всей тундровой, лесотундровой и таежной зонах. В тундре очень многочисленна. Предпочитает заросшие по берегам травой озера и большие речные затоны. Прилет птиц в Обскую губу происходит с конца мая до начала июня, осенний отлет — в конце сентябре или в первой половине октября. Морянка в тундровой зоне очень обычна как охотничий трофей, хотя мясо ее трудно отнести к разряду деликатесов. Морянки чрезвычайно доверчивы, охота на них бывает столь проста, что вызывает у разборчивого охотника неприятные чувства [Рябицев В. К., Рябицев А. В., 2010].

Морская чернеть — *Aythya marila* L., 1761. Утка средних размеров. Распространена от южной границы лесотундры до северной границы типичной тундры, между 660 и 700 с. ш. Излюбленные места гнездования — заросшие травянистые озера и заросшие осокой пойменные болота. Гнезда обычно располагают в очень сырых местах среди высокой осоки, в кочкарнике, в ивняках. Прилет птиц в Обскую губу идет с конца мая до середины июня, осенний отлет — в конце сентябре или в первой половине октября.

Гоголь — *Bucephala clangula* L., 1758. . Коренастая утка средней величины. Распространена повсеместно в Обско-Тазовском междуречье. По пойменным и островным лесам гнездовой ареал заходит на юг тундровой зоны. Вне гнездового ареала — в арктических морях, в тундре и степи встречаются летующие линяющие гоголи, в основном самцы. Тесно связана с лесными водоемами, так как гнездится почти исключительно в дуплах. Гоголь — излюбленный объект охоты, особенно на пролете «северных» птиц. [Рябицев В. К., 2001].

Синьга — *Melanitta nigra* L., 1758. Распространена на севере тайги, в лесотундре и части тундровой зоны. Населяет открытые озера и медленно текущие реки, а в тайге моховые болота. В большинстве районов синьга обычна, но нигде многочисленной не бывает [Рябицев В. К., Рябицев А. В., 2010].

Турпан — *Melanitta fusca* L., 1758. Крупная нырковая утка. Населяет южную тундру, лесотундру и редколесья северной тайги. На места гнездовий турпаны прилетают довольно поздно в мае-июне, улетают в сентябре. Гнездятся у озер. На арктическом побережье, во второй половине лета, бывают тысячные скопления турпанов. Осенний пролет идет над тундрой и северной тайгой в западном направлении [Рябицев В. К., Рябицев А. В., 2010]

Средний крохаль — *Mergus serrator* L., 1758. Размером со среднюю утку, похож на шилохвость. Гнездится в северной тайге, лесотундре и кустарниковой тундрах до 680 с. ш. В равнинных районах встречается реже или отсутствует, на горных реках встречается чаще и местами представляет собой самую обычную из уток. [Рябицев В. К., Рябицев А. В., 2010]. Негнездящиеся птицы встречаются до юга арктических тундр. В долине реки Таз чаще всего встречается во второй половине лета. Предпочитает селиться на реках, но встречается и на старицах, озерах.

Луток, или белый гоголь — *Mergus albellus* L., 1758. Мелкий крохаль величиной чуть более чирка. Распространен в лесной зоне, на лесных участках лесотундры и южной тундры. Гнезда устраивает в дуплах деревьев недалеко от воды. В апреле-мае луток появляется в разных частях ареала. Линяют самцы в основном поодиночке или небольшими группами на озерах и реках в пределах гнездового ареала. В отличие от других крохалей, питается преимущественно водными беспозвоночными, меньше — рыбой [Рябицев В. К., Рябицев А. В., 2010].

Гага-гребенушка — *Somateria spectabilis* L., 1758. Крупная утка. Населяет приморские арктические районы и северную полосу тундр, больше в их прибрежных участках. Вдали от моря встречается крайне редко. Хорошо ныряет, питается пресноводными и морскими водными беспозвоночными и различными частями водных растений.

В северных тундрах и на побережьях гаги являются традиционным объектом промысла местного населения. [Рябицев В. К., Рябицев А. В., 2010].

Характерной особенностью группы водоплавающих птиц является сезонный характер ее существования на территории. Как по числу видов, так и по количеству особей и биомассе эта группа доминирует среди промысловых птиц. Весенние и осенние миграции происходят главным образом вдоль крупных рек: Оби, Надыма, Пура, Таза. Весенняя миграция идет волнами, в связи с различием в экологии разных видов. Весной первая волна состоит из лебедей, серого гуся, гуменника, кряквы, чирков, шилохвости, свиязи и широконоски. Вторая волна включает чернятей, морянку и гоголя. И в это же время продолжается массовый прилет видов первой волны. Третья волна состоит из турпана, синьги, казарок и одновременно идет массовый прилет видов второй волны [Брауде, 1992]. Таким образом, прилет идет непрерывно.

Массовый прилет видов первой волны происходит в среднем в конце апреля — начале мая, вторая волна начинается в середине мая, третья волна — в конце мая. Массовая весенняя миграция в среднем заканчивается в первой декаде июня. Но в зависимости от характера погоды в конкретный год (дата перехода среднесуточной температуры через 0° С, возвращение холодов, направление и скорость господствующих ветров) сроки начала миграции и ее продолжительность могут заметно меняться. Наиболее полно динамика миграций изучена на Нижней Оби. По данным М. И. Брауде [1992], дадим ей общую характеристику. В годы с затяжной весной миграция начинается позже на 10–20 дней и происходит в более сжатые сроки — 1–1,5 месяца вместо 2–2,5 месяца в обычные годы. При этом пролет птиц идет не по этапам, а сплошным потоком. В годы с нормальной весной миграция идет сплошным фронтом, захватывая всю пойму Оби и прилегающие таежные водоемы. При холодной и затяжной весне пролет идет вдоль русла Малой и Большой Оби, над освободившейся от льда водой. В холодные годы также сокращается число прилетающих птиц, так как часть из них оседает на гнездовье в южных районах. Аналогичные изменения в миграции происходят и в районе более мелких рек к востоку от Оби. Всего через Нижнюю Обь в настоящее время пролетает до 3 млн водоплавающих птиц. Осенняя миграция начинается в августе, длится до начала или середины октября. Первыми начинают пролет шилохвости, чирки, свиязь и заканчивают чернети, крохали и лебеди. Основное направление осенней миграции на севере Западной Сибири — южное. Проходит она также в основном вдоль долин рек. Откладка яиц начинается во второй половине мая (лебедь-кликун, серый гусь, кряква), в первой половине июня начинают откладывать яйца большая часть видов, а заканчивается откладка яиц в конце июня — начале июля (крохали, хохлатая чернять, гоголь, турпан, синьга). В целом процесс откладки яиц растянут как у разных видов, так и у отдельных особей, а также зависит от погодных условий года. Соответственно также сильно растянуты и могут смещаться сроки появления выводков [Брауде, 1992].

Особенностью биологии водоплавающих является быстро протекающая смена перьевого покрова — линька, которая бывает каждый год. Во время линьки птицы теряют способность летать. При этом утки не способны летать 2–4 недели, гуси — 4–5, а лебеди — 5–6 недель [Ильичев, Карташев, Шилов, 1982]. У всех видов перед началом линьки упитанность бывает выше средней за счет накопления подкожного и полостного жира. Линяющие птицы (самцы и не участвующие в размножении самки уток и гусей) собираются в стаи на водоемах — озерах, старицах, сорах, реках. На севере Западной Сибири линные птицы скапливаются на приморских лайдах и приустьевых частях рек Ямала и Гыдана, на крупных озерах, в долинах крупных рек и особенно многочисленны в долине и на сорах Нижней Оби [Брауде, 1992; Рябицев, Алексеева, 1995]. Численность стай может достигать нескольких тысяч особей, а плотность превышать 10 тыс. особей на 10 км^2 [Брауде, 1992]. В целом линька водоплавающих начинается в июне и заканчивается в августе, пик ее приходится на июль. Но ее сроки у разных групп видов несколько различаются. Например, на Нижней Оби селезни речных уток теряют способность к полету во второй декаде июля, а селезни нырковых уток — на 10–20 дней позже. Сроки начала линьки не зависят от погодных условий и происходят в одно и то же время. Места концентрации водоплавающих птиц во время линьки также остаются постоянными [Брауде, 1992].

Распределение водоплавающих по природным зонам неравномерное. Больше всего их в северной тайге и лесотундре и меньше — в арктических и типичных тундрах (см. табл. 16). Численность их также различна в разных районах севера Западной Сибири (табл. 19) и в пределах одного

Таблица 19

Численность водоплавающих птиц на севере Западной Сибири в годы с благоприятными условиями (1976–1986 гг.), тыс. особей [Кривенко, 1990]

Ландшафтная провинция, подпровинция	Утки		Гуси	Лебеди	Всего
	речные	нырковые			
Обско-Сосьвинская	60	80	–	–	140
Полуйская	335	115	2,5	–	459
Надым-Казымская	40	16,5	–	0,4	56,9
Пурская	300	100	3,1	0,4	403,2
Притазовская	662	353	7,5	1	1 022,5
Верхнетазовская	292	300	1,25	–	593,2
Обская	3 200	590	1,5	11	3 802,5
Сибирские Увалы	25	15	–	–	40
Салехардская	50,5	67	10	0,8	128,3
Усть-Обская	350	80	0,6	6	436,6
Надым-Пуровская	750	172,5	20,5	7	950
Нижнетазовская	225	135	18,5	0,5	379
Тамбейская	15	250	45	–	310
Нейтосская	50	350	140	0,3	540
Ярротская	60	700	140	3,3	903,3
Явайско-Мамонтовская	10	350	60	1,4	421,4
Юрибейская	80	600	70	0,6	750,6
Мессояхская	90	1 300	40	0,3	1 430,3
Тазовская	70	90	7	–	167

Таблица 20

Численность гусей в тундрах европейского северо-востока России, особей на 10 км²
[Минеев, 2003]

Год	Белолобый гусь	Пискулька	Гуменник
1973	4,0	–	11,0
1974	28,0	23,5	42,0
1975	1,7	13,0	26,0
1976	–	40,0	38,0
1977	54,0	–	78,0
1978	0,9	11,0	38,2
1979	40,0	45,0	71,0
1981	19,0	8,2	47,0
1982	78,5	8,9	1,0
1983	59,2	–	23,4
1984	41,0	40,0	18,5

региона [Молочаев, 1990]. Она меняется в течение теплого сезона даже на одном участке реки или озера вследствие миграций (весенней, летней и локальных) и появления молодняка.

Численность водоплавающих на севере Западной Сибири даже в настоящее время очень высокая. В 1976–1986 годах она оценивалась в 13 млн особей, из них 5 млн в тундровой зоне и 8 млн в лесотундре и северной тайге [Кривенко, 1990]. Численность для всех охотничье-промысловых видов оценивалась для летних периодов 1959–1986 года в лесотундре — 5 млн особей или 6 тыс. тонн биомассы; в северной тайге в первой половине лета — 25 млн особей, а во второй половине лета — 38 млн особей или 30 тыс. тонн биомассы [Равкин, Вартапетов, Миловидов и др., 1990]. Очевидно, в прошлом она была еще выше. Следует отметить, что численность водоплавающих имеет значительные изменения по годам. В качестве примера приведены данные о годовых изменениях численности гусей (табл. 20) и уток (табл. 21) в Малоземельской и Большеземельской тундрах. Из таблиц видно, что данные в зависимости от года могут отличаться в 40 раз. Аналогичная картина и на севере Западной Сибири [Молочаев, 1990]. Вероятно, имеется и вековая динамика их численности.

Таблица 21

Численность уток в тундрах европейского северо-востока России, особей на 10 км²
[Минеев, 2003]

Год	Виды								
	Чирок-свистунок	Свиязь	Шилохвость	Хохлатая чернеть	Морская чернеть	Морянка	Гага-гребенушка	Синьга	Турпан
1973	3,0	11,0	14,0	2,0	17,0	41,0	15,0	15,0	6,0
1974	6,0	25,0	32,0	1,0	21,0	63,0	17,0	13,0	18,0
1975	2,0	11,0	14,0	4,0	10,0	42,0	4,0	17,0	21,0
1976	7,0	19,0	66,0	11,0	16,0	64,0	22,0	9,0	16,0
1977	3,0	30,0	47,0	1,0	16,0	59,0	15,0	9,0	2,0
1978	–	25,0	12,0	1,0	17,0	24,0	13,0	19,0	1,0
1979	9,0	14,0	32,0	11,0	46,0	53,0	2,0	10,0	8,0
1981	–	19,6	2,0	–	2,0	18,3	7,0	8,0	6,0
1982	44,0	8,5	45,0	–	50,0	101,0	9,0	–	5,0
1983	45,0	12,0	6,0	–	12,0	6,0	9,0	0,5	0,1
1984	1,0	27,7	0,1	–	66,0	26,0	6,0	0,5	9,0

Промысел водоплавающей птицы в лесотундре и северной тайге осуществлялся всеми возможными способами. Наиболее эффективными были перевесы. Также весьма эффективно применяли и загон линной птицы в сети. Кроме этого, использовали ловлю с приманкой на чучела; петли и силки. Все эти способы, кроме перевесов, использовало и население тундры.

Хорошие описания этих способов охоты на птиц есть у авторов XIX века. Ф. Белявский пишет:

Другой важный предмет промышленности жителей есть лов птиц, которыя водятся здесь весною и осенью во множестве. Их ловят обыкновенно посредством перевесов, составленных из тонких, частых сетей с мешком наподобие невода: сеть подымается верхними концами на блоках к двум деревьям, а мешок лежит на земле. Искусные птицеловы выбирают удобные для сего места, как-то: перелет птицы с одного озера на другое и просек в лесу.

Утреннею и вечернею зарею птица, летая низко, ищет в лесах промежутков и, не примечая сети, попадает в оную. Тогда притаившийся охотник опускает верхние концы (сети) на землю и птица остается в мешке, откуда вынимают ее уже битою. Охотники искусные в отыскивании удобных мест нередко в одну летнюю ночь ловят от 25 до 50 и более пар гусей и уток. Вот другой способ сего промысла, имеющий свои выгоды на чистом ровном месте: по прибрежным пескам разбрасывают две мелковязанныя сети, одну под другой, прикрепляя один конец колышками к земле. Между сих сетей сажают гусиных чучел и немного поодаль вырывают яму и закрывают ее хворостом в виде куста, где притаившийся птицелов сторожит птицу. Гуси, обманутые чучелами, спускаются на землю, тогда две тонкие веревочки, проведеныя к охотнику, мгновенно стягивают обе сети вместе и гуси остаются в мешке, из которого, как и из перевесов, вынимают их уже убитыми. Достойно замечания до какого совершенства доведены здесь птицеловныя снасти и уловки ловцев: во-первых сеть подкрашивается под цвет того песка, на котором должна быть раскинута, потому что птица, заметив малейшую разницу между сетью и песком, не садится. Во вторых, люди сидящие при сетях, должны подкликать гусей, подражая в совершенстве их крику. Заметим при сем, что из семи родов гусей, в Сибири известных, каждый род имеет свой особенный крик и полет, и мастера, различая их издали по полету, и имея во рту свисток из бересты, прибирают на нем подражательные звуки с удивительною точностью и таким образом заманивают птицу к месту ловли. Чучелы же ставятся всегда против ветра и в таком разстоянии одна от другой, чтобы в промежутке их могли вмещаться налетающие гуси. Этот способ хотя не доставляет вдруг так много добычи как первый, но имеет перед ним то преимущество, что может быть употребляем сплошь в продолжении целаго дня, тогда как первый годен только во время утренней и вечерней зари. Кроме того употребляют для мелкой птицы силки, петли и тому подобное, обходясь без ружья. Птицу заготовляют как и рыбу: ее сушат и солят [Белявский, 2004, с. 12–15].

И. С. Поляков так описывает загонную охоту:

Преимущественно рано утром, тихо на лодке, подъезжают к какому-либо из уединенных и редко посещаемых островов, каких по Оби тысячи, и на одном конце его расставляют полукругом или несколько ломанною линею сети; хорошо, если тут есть трава, на уровне которой и должны стоять сети вверху, а внизу должны касаться земли или воды. Делается все это с чрезвычайною тишиною, так же как и люди, имеющиеся при сетях, должны тихо, на лодках, заехать потом на другой конец острова, хотя бы он имел версту или более длины. Начиная отсюда, они с криком и стуком подвигаются к сетям. Остров, на котором, до этого времени, царила гробовая тишина, который казался безжизненным и мертвым, начинает оживляться: слышится плеск воды, шлепанье по грязи, раздается гоготанье, клоктанье и проч., наконец, показываются и сами островитяне, с тревогою, беготнею, со страхом. Они возвращаются обратно, если заметят впереди кого-либо или увидят сети. Иначе — идут в сети и тут запутываются, что сопровождается иногда раздирающим криком отчаяния, особенно у гусей. Это называется промысел за линными; птицы в это время летать не могут, у них выпадают из крыльев все перья; это самцы шилохвоста (A. acuta), чирка (A. cresca), кряквы (A. boschas), соксуна (A. clypeata) и даже гуси (Ancer cinereus). Иногда в сеть попадается в один раз до 150–200 штук разных уток и до 10 и более гусей. В двух сделанных мною опытах, из которых в каждом были значительные промахи, попало до 100 шт. разных видов уток и штук до 7 гусей, с 3 детьми, притом в сети, поставленные в первый раз, попало только до 10 экземпляров птиц, масса которых возвратилась, так как сети были на месте, совершенно лишенном травы; во второй раз можно было поставить удачно только один конец сетей. И если в первый раз попала только 20-я часть всей шедшей птицы, а во второй — не больше, как одна пятая или четверть ея, то, поэтому, можно судить, какое громадное количество пернатых населяют долину реки Оби на всем протяжении в длину и ширину [Поляков, 2002, с. 37–38].

Охотились, естественно, с использованием луков и ружей. При этом использовали для приманки чучела:

Но в особенности характерен здесь промысел на гусей во время их весенняго и осенняго пролета. Весною все виды гусей летят от 10-го — 15-го апреля до 20-го — 25-го. Охотник, выставляя гусиныя чучела в том месте, где пролетные гуси охотно садятся, сам скрывается в шалаш и, смотря по виду пролетающих гусей и по их голосу, подражает им с чрезвычайною точностью; гуси, видя своих собратьев, хотя и не очень искусно сделанных, слыша их призывающий голос, спускаются к ним с высоты, где их и встречают ружейные выстрелы. Иногда вместо чучел выставляют около шалашей живых гусей, бывших диких, но вскормленных дома; такие «манщики» принимают все меры, чтоб

привлечь к шалашу пролетных собратьев, они кричат, бегают и проч. В прежние времена, когда не было ружей, гусей ловили сетями-понжами, а приманкой были те же чучела. Так убивали прежде и убивают теперь, в неделю или в несколько большее время, штук до 100–200 гусей на человека [Поляков, 2002, с. 24–25].

Оригинальным способом добывали жители тундры самцов гаги-гребенушки, отличающихся большим стремлением к спариванию. Этим пользуются ненцы: «Они делают на голом месте кочку, похожую на самку, обставляют ее петлями и спицами. В них самцы «попадаются грудами» [Евладов, 1992, с. 52].

Весной также проводился промысловый сбор яиц из гнезд.

Приведенные данные показывают, что промысел водоплавающих был одним из основных источников пищи коренного населения севера Западной Сибири в теплое время года. Кости водоплавающих доминируют среди остатков птиц из археологических памятников тундровой и лесотундровой зон. На памятниках таежной зоны их доля меньше.

Журавли. Численность их в прошлом была значительно выше, чем в настоящее время. Однако, судя по археозоологическим материалам, добывали их крайне редко. Известно несколько находок — в материалах Усть-Полуя, Надымского городка, Мангазеи. Но среди нескольких десятков тысяч костей птиц имеется единичные кости серого журавля и еще реже стерха. Впрочем, не исключено, что журавлей могли добывать только в каких-то исключительных случаях.

Серый журавль — *Grus grus* L., 1758. Гнездится в тайге и лесотундре до 67^0 с. ш. Гнездовые местообитания — различные заболоченные местности. В лесотундре и тайге это обширные верховые болота с кочкарниками и редкими деревьями либо не очень густой заболоченный лес, иногда гнездятся на полянах. Весенний пролет проходит в разгар таяния снегов.

Добывались и другие виды птиц — **различные дневные хищники (беркут, мохноногий канюк, тетеревятник), совы, кулики, чайки, синантропные виды (сорока, ворона серая)** и другие. Для добычи чаек, например, у манси Северной Сосьвы существовал специальный снаряд — лэс [Источники по этнографии Западной Сибири …]. На сов существовал специальный промысел. Осенью и зимой, когда белые совы были в районе Салехарда особенно многочисленны и жирны, местные жители их ловили и употребляли в пищу, а из крыльев делали опахала от комаров [Дерюгин, 1898]. Ненцы ловили белых сов капканами, состоящими из высокого шеста и петли [Шухов, 1915], на присаду и на гнездах [Житков, 1912]. Но значение промысла этих видов было, вероятно, очень небольшим. Об этом свидетельствуют археозоологические материалы из археологических памятников тундровой, лесотундровой и северотаежной зон. Здесь кости этих видов составляют доли процентов от количества костей куропаток и водоплавающих птиц.

Орлан-белохвост — *Haliaeetus albicilla* L., 1758. Самая крупная хищная птица Западной Сибири и Урала. В Западной Сибири орлан-белохвост распространен на севере до пойменных лесов в южной тундре Ямала и Гыданского полуострова. Прилетает еще до вскрытия рек и озер. Пары, вероятно, постоянны и не разлучаются на зиму. Гнезда устраивают на высоких деревьях, находящихся неподалеку от реки или озера. На севере это обычно отдельно стоящие деревья, хорошо видимые издалека. Редко гнездятся в кустах, на скалах или (в тундре) на высоких берегах рек. Гнездо диаметром до двух метров и высотой до метра и более строят из веток и выстилают травой, шерстью и другим мягким материалом. Его устраивают на вершине дерева, на высоте

от четырех метров и выше. Одно и то же гнездо обычно используется несколько лет подряд. Основная пища — рыба, обычно заморная и снулая, а также падаль. Кроме того, добывают гусей, уток, зайцев и даже полевок. Добычу высматривают в парении, активном полете и с присады. Иногда отбирают добычу у более мелких хищников — канюков, чаек, ворон. Улетает орлан на юг, когда начинают замерзать водоемы [Рябицев, 2001].

По экологическим причинам численность этого вида в природе самая низкая среди хищных птиц. В настоящее время выраженным отрицательным фактором является влияние человека, однако низкая численность вида установлена и в историческое время. В письменных источниках XVII–XIX веков часто упоминаются хищные птицы, но орлан-белохвост не упоминается [Кириков, 1966], что может приниматься как косвенное указание на низкую численность вида. Вместе с тем среди костных остатков хищных птиц из раскопок Усть-Полуя 1935–1936 годов его остатки составляют 79 %, а из раскопок 1993–1995 годов — 95 %. Следует подчеркнуть, что это не 1–2 скелета, а остатки от 10–12 особей. Такая аномально высокая доля остатков орлана может быть объяснена только целенаправленной добычей этого вида человеком, точнее сказать — целенаправленным принесением остатков или целых тушек птиц на данное место (Усть-Полуй).

В более позднее время эта традиция у населения севера Западной Сибири сохранилась. При раскопках Надымского городка в устье реки Надым в слое позднего Средневековья найден почти полный скелет орлана-белохвоста [Косинцев, 2005], что может отражать эту традицию.

Содержание в неволе диких птиц, в том числе хищных, широко практиковалось у многих народов. Орлов, взятых птенцами, держали селькупы, кеты, айны [Соколова, 1972; Косарев, 1981; 1991]. Последние выращивали орлов при доме для принесения их в жертву. Были и другие цели содержания хищных птиц. Михалон Литвин, путешествуя в первой половине XVI века по юго-западной Руси, записал: «Орлят запирают в клетки для перьев к стрелам» [Аристов, 1866, с. 6–7].

У многих народов, в том числе и сибирских, существовал культ орла. Орел так или иначе ассоциировался «с солнцем, то совершенно отождествляясь с ним, то представляясь его хозяином, и в качестве такового творцом, верховным божеством, либо священной птицей верховного божества, и являлся благодетелем и покровителем как отдельных людей, так и целых родов, птицей счастья» [Штернберг, 1925, с. 718]. У обских угров тотемический характер культа часто перекликался с представлением о душе-птице (четвертой душе человека), живущей на голове в волосах [Чернецов, 1959; Косарев, 1981]. Скульптурное изображение орла часто встречается на бытовых предметах и культовом оружии из Усть-Полуя: гребнях, пряжках, подвесках, ложках, рукоятке ножа, клевцах [Мошинская, 1953; Чернецов, 1953]. Девять предметов из двенадцати с изображениями птиц воспроизводят образ орла или орлов, клюющих голову лося в реалистической и стилизованной манере [Адрианов, 1936]. У целого ряда сибирских народов март называется месяцем орла.

Солнечная птица Карс (орел) являлась важнейшей частью обряда, посвященного «верхнему» небесному миру. Этот обряд очень древний, и его происхождение связывают с Индией или югом Ирана [Штернберг, 1925; Чернецов, 1947]. Небесный Карс должен сидеть на священном мировом дереве, на котором растут солнце и луна. В условиях Сибири мировое дерево заменялось березой или лиственницей.

В. Н. Чернецову [1959] удалось наблюдать обряд инициации в роде Крылатого Старика (орла) на Оби. Юношу, по достижении им определенного возраста, вели на священное родовое место, где его заставляли влезть на дерево, на котором «обитает» крылатый предок рода. В XX веке потомки обских угров вполне обходились без реальной птицы. Но в древности, когда традиции, религия, шаманство были более сильны, на дереве вполне мог сидеть живой орлан или беркут.

Являясь тотемной птицей, орел у многих сибирских народов считался неприкосновенным. У якутов мертвый орел, как сородич и покровитель, хоронился. Нечаянно убивший эту птицу должен был съесть ее всю, кроме головы, поджарив на углях [Штернберг, 1925].

Приведенные выше данные показывают, что культ орла (в конкретном случае орлана-белохвоста), хорошо известный из этнографии, сформировался у населения Западной Сибири не позднее начала раннего железного века. Объяснением особого отношения населения к орлану-белохвосту, на наш взгляд, являются его биологические особенности. На основании приведенной выше характеристики орлана-белохвоста очевидно, что это одна из самых заметных птиц в Западной Сибири — самый крупный хищник, гнездящийся на вершинах деревьев. Очевидно, что человек не мог не обратить на нее внимания. Это внимание проявлялось в разных формах: в отлове птиц и их содержании в неволе; в использовании в обрядах, как на Усть-Полуе; изображении на предметах; получении перьев для стрел и, вероятно, в других формах.

Белая сова — *Nyctea scandiaca* L., 1758. Крупная птица преимущественно или чисто белой окраски. Гнездящаяся, зимующая птица, совершающая значительные кочевки. Гнездится в тундровой зоне севернее 680 с. ш. В зимнее время откочевывает в лесотундровую зону за белой куропаткой, которая является основной пищей сов в зимнее время. Иногда сов специально ловят капканами охотники-промысловики на мясо. В литературе описываются случаи промысла белой совы (см. выше, на с. 216).

Ворон — *Corvus corax* L., 1758. Круглогодично обитает в таежных и лесотундровых районах к югу от 67-й параллели. Статус для этого вида не выяснен. В этнографической литературе указывается, что надымские и полярно-уральские ненцы апрель называют месяцем Вороны. Приобские ненцы проводят праздник «Вороний день», или «Воронье солнце». Из священных нарт извлекают скульптуры духов и угощают их кровью жертвенного оленя [Головнев, 1995, с. 135]. Мы предполагаем, что ворон мог использоваться для подобных культовых обрядов. На это указывают находки костей ворона и на нескольких поселениях в лесотундровой зоне Западной Сибири.

Археозоологические материалы из археологических памятников севера Западной Сибири показывают, что основными промысловыми видами в лесотундре были белые куропатки, в тундре — водоплавающие, а в северной тайге — и те и другие [Некрасов, 2003].

2.1.3. Рыбы

Север Западной Сибири по видовому составу рыб разделен на два района: Южная часть Обь-Тазовской губы с притоками и Приморско-Обский [Карасев, 2006]. Первый включает Нижнюю Обь, бассейны рек Надым, Пур, Таз, Тазовскую губу и южную половину Обской губы с притоками. Второй включает всю западную половину Ямала, Гыданскую и северную половину Обской губы с притоками, а также прибрежные воды [Карасев, 2006].

В пресных и опресненных водах севера Западной Сибири обитает 36 видов рыб и круглоротых (табл. 22), исключая акклиматизированных [Аннотированный каталог … ; Богданов, Богданова, Госькова и др., 2000; Карасев, 2006]. Все они являются съедобными. По распространению и особенностям экологии их можно разделить на несколько групп [Богданов, Богданова, Госькова и др., 2000]. К морским рыбам отнесены 26 видов, обитающих в прибрежных соленых и солоноватых водах (табл. 22). Из них сайка, навага, четырехрогий бычок, полярная камбала регулярно входят в устья крупных рек [Богданов, Госькова, 1995]. Промысел морских рыб возможен в прибрежных водах и дельтах рек, а некоторых и в устьях рек. Проходные рыбы — виды, обитающие в море и заходящие в реки, где возможен их промысел: голец, корюшка. Полупроходные рыбы обитают в пресных и солоноватых водах, сменяя их в ходе дальних миграций – осетр, стерлядь, сиговые рыбы, колюшка, налим, ерш. Туводные виды — пресноводные виды, которые совершают миграции в пределах одного водного бассейна. Среди них выделяются озерно-речные и озерные виды. К первым относятся щука, ерш, гольян обыкновенный, таймень, хариус; ко вторым — озерный гольян. Многие виды образуют несколько биологических форм — полупроходные и туводные; речные и озерные. Например, муксун и ряпушка представлены также малочисленной озерной формой, а щокур (чир), пыжьян, налим — озерно-речными формами. Все виды рыб являются потенциально промысловыми, но реально вылавливаются

не все. Основными промысловыми видами являются: щокур, муксун, пыжьян, пелядь, ряпушка, тугун, нельма, щука, язь, карась, елец, плотва, окунь, налим, ерш, а в прошлом — осетр, стерлядь, таймень. В табл. 22 представлены все виды рыб с описываемой территории.

Таблица 22

Видовой состав и относительная численность рыб в районах севера Западной Сибири
(сост. по: Карасев, 2006)

Вид	Районы							
	Южная часть Обь-Тазовской губы с притоками*					Приморско-Обской губы**		
	Подрайоны					Подрайоны		
	1	2	3	4	5	1	2	3
Японская минога	1	1	1	–	–	–	1	1
Сибирская минога	1	1	–	–	1	–	1	1
Сибирский осетр	+	+	+	+	1	–	1	1
Сибирская стерлядь	1	+	1	1	–	–	1	1
Сельдь восточная	–	–	–	–	–	1	+	+
Ленок	–	–	1	–	–	–	–	–
Таймень	–	1	1	1	–	–	–	–
Арктический голец	1	1	1	+	–	+	1	1
Ледовитоморский омуль	1	–	–	–	–	+	+	+
Сибирский сиг	+	+	+	+	+	+	+	+
Муксун	+	+	+	+	+	+	+	+
Чир	+	+	+	+	+	+	+	+
Пелядь	+	+	+	+	+	+	+	+
Сибирская ряпушка	+	+	+	+	+	+	+	+
Тугун	+	+	+	1	–	–	–	1
Нельма	+	+	+	+	+	1	1	1
Западносибирский хариус	–	+	+	+	–	1	1	1
Мойва	–	–	–	–	–	–	–	+
Азиатская зубатая корюшка	+	–	+	+	+	+	+	+
Обыкновенная щука	+	+	+	+	+	+	+	+
Лещ	–	–	–	–	–	1	–	–
Серебряный карась	1	+	+	+	+	–	–	–
Золотой карась	1	+	+	1	+	1	–	1
Сибирский пескарь	1	1	1	–	+	–	–	–
Язь	+	+	+	+	+	–	–	–
Сибирский елец	+	+	+	+	1	1	1	–
Гольян Чекановского	–	1	–	–	+	–	–	–
Озерный гольян	–	+	+	+	+	1	1	–
Обыкновенный гольян	–	1	1	+	–	1	–	–
Сибирская плотва	1	+	+	+	+	–	–	–
Сибирский голец	–	1	–	1	–	1	1	–
Полярная треска (сайка)	–	–	–	–	–	+	+	+
Сибирская щиповка	1	–	–	–	–	–	–	–
Навага	1	–	–	1	–	+	+	1

Вид	Районы							
	Южная часть Обь-Тазовской губы с притоками*					Приморско-Обской губы**		
	Подрайоны					Подрайоны		
	1	2	3	4	5	1	2	3
Налим	+	+	+	–	+	+	+	+
Девятииглая колюшка	+	+	+	+	–	+	+	+
Обыкновенный ерш	+	+	+	+	+	–	1	+
Обыкновенный окунь	+	+	+	+	+	+	+	1
Большой люмпенус	–	–	–	–	–	–	–	1
Средний люмпенус	–	–	–	–	–	–	–	1
Обыкновенный гимнел	–	–	–	–	–	–	–	1
Узорчатый ликод	–	–	–	–	–	–	–	1
Полярный ликод	–	–	–	–	–	1	+	1
Европейская бельдюга	–	–	–	–	–	–	–	1
Малопозвонковая песчанка	–	–	–	–	–	–	–	1
Атлантический двурогий ицел	–	–	–	–	–	–	–	1
Восточный двурогий ицел	–	–	–	–	–	–	1	1
Арктический бычок	–	–	–	–	–	1	+	+
Европейский керчак	–	–	–	–	–	–	–	1
Сибирский подкаменщик	–	1	–	–	–	–	–	–
Ледовитоморская рогатка	1	–	–	–	–	+	+	+
Остроносый триглопс	–	–	–	–	–	–	–	1
Коттункул Садко	–	–	–	–	–	–	–	1
Европейская лисичка	–	–	–	–	–	–	–	1
Ледовитоморская лисичка	–	–	–	–	–	–	–	1
Кругопер Дерюгина	–	–	–	–	–	–	–	1
Круглопер Джордана	–	–	–	–	–	–	–	1
Пинагор	–	–	–	–	–	1	1	1
Чернобрюхий липарис	–	–	–	–	–	–	–	1
Обыкновенный липарис	–	–	–	–	–	–	–	1
Северная камбала-ерш	–	–	–	–	–	1	1	1
Полярная камбала	–	–	–	–	–	+	+	+
Северная речная камбала	–	–	–	–	–	–	1	–

Примечания.

* Подрайоны Южной части Обь-Тазовской губы с притоками: 1 — Южная часть Обь-Тазовской губы; 2 — Нижне-Обской; 3 — Пур-Тазовский; 4 — Юго-Восточная часть Ямала; 5 — Надымский.

** Подрайоны Приморско-Обской губы: 1 — Байдарацко-Западноямальский; 2 — северная часть Обской губы; 3 — Гыдано-Юрацкий.

Обозначения: «1» — вид редкий; «+» — вид обычный; «–» — вид отсутствует.

В бассейнах разных рек количество видов и их численность могут заметно различаться. Так, на Ямале и в прибрежных водах обитает 32 вида [Богданов, Госькова, 1995], в бассейне Северной Сосьвы — 25 видов [Следь, Михайличенко, Лугаськов и др., 1990], а в бассейне реки Ляпин — 23 вида [Богданов, Богданова, 2002]. В реках и озерах Южного Ямала обитает 23 вида рыб, на Северном Ямале — 7–8 видов [Богданов, Богданова, Госькова и др., 2000]. Изменяется численность видов в течение года в бассейне одной реки. Это связано с различиями характеристик разных участков рек и, соответственно, с разной пригодностью их для нереста, нагула и зимовки рыб. Например, у наиболее важных промысловых сиговых рыб районы нереста находятся в основном в среднем течении притоков верховьев Северной Сосьвы, Надыма, Таза; места нагула — в низовьях Оби, Северной Сосьвы, Надыма, Пура, Таза, а места зимовки — в Обской и Тазовской губах [Богданов, 2004]. Окунь, щука, карповые и ряд других видов в весенне-летне-осеннее время населяют все русло рек, а зимой скапливаются в притоках верховий Северной Сосьвы, Надыма, Пура, Таза, Полуя и других крупных рек региона [Там же]. На Ямале также происходят сезонные миграции рыб в озерно-речных системах, связанные с размножением, нагулом и зимовкой [Богданов, Госькова, 1995]. Помимо географической и сезонной динамики существуют погодичные изменения видового состава, а главное, численности рыб. Вероятно, существует и многолетняя динамика численности рыб. Вся эта пространственно-временная динамика ихтиофауны определяет время, место, орудия и способы лова рыбы на севере Западной Сибири.

Характер рыболовства на севере Западной Сибири определяется таким явлением, как замор. Это явление связано с массовым поступлением болотных вод, в которых мало кислорода и много органических веществ. Это приводит к резкому снижению количества кислорода в воде рек и озер и вызывает уход рыбы. Начинается замор после замерзания рек и спускается сверху вниз по течению. На Нижней Оби заморные явления начинают обычно проявляться в январе. Отклонения сроков начала замора могут достигать 1,5 месяца [Дунин-Горкавич, 1995б]. Замор охватывает всю Обь и все равнинные реки на большем их протяжении. Незаморными остаются самые верховья рек и реки, текущие с Урала. На Ямале и Гыдане замора на всех крупных реках и озерах нет. Чтобы избежать гибели, рыба (сиговые, осетр, налим) из заморных районов уходит в Обскую губу, верховья рек и притоки, текущие с Урала (карповые, щука, окунь, налим). Часть рыбы (карповые, щука, окунь) остается у живунов — мест выхода подводных ключей с водой, богатой кислородом. Замор продолжается до начала таяния снега, когда свежая вода приносит кислород. С этого времени замор начинает отступать, и рыба приходит в движение. Она отходит от живунов и начинает спускаться из верховьев рек. В зависимости от состояния погоды конкретного года это может быть в марте-апреле. По мере затопления соров туводная рыба заходит в них и остается в сорах до начала спада воды. По мере спада воды местная рыба поднимается вверх по притокам на зимовку. Полупроходные рыбы начинают подниматься по рекам примерно в период ледохода или чуть раньше. В районе Салехарда первый подъем рыбы (вонзь; вонзевой ход) происходит в конце мая — середине, иногда в конце июня [Дунин-Горкавич, 1995б]. По мере поднятия по рекам скорость движения рыбы уменьшается: в устье Оби вонзь продолжается около недели, около Салехарда — около 2 недель; у Березова — 3–4 недели. По мере подъема рыба расходится по сорам и держится в них до начала спада воды. С началом спада полупроходные виды выходят из соров и тоже начинают подниматься вверх. Они спускаются обратно в Обскую губу глубокой осенью, по мере распространения замора [Поляков, 2002]. В течение лета бывает еще один подъем рыбы (хонты-хулши или морох-муксун) из губы. Он бывает обычно в начале июля и гораздо меньше, чем вонзь. В течение июля и августа могут быть еще подъемы рыбы, вызванные заходом стай белух в Обскую губу и из нее в устья крупных рек. Белухи загоняют рыбу из губы в реки и гонят ее вверх, иногда довольно далеко [Дунин-Горкавич, 1995б].

На Ямале и, вероятно, на Гыдане сезонное распределение рыбы несколько иное. В частности, на Ямале в крупных одноречных системах (Ярато-Юрибей; Нейто-Сеяха)] обитают туводные популяции сиговых, а также карповые, щука, окунь, налим [Богданов, Богданова, Госькова и др., 2000]. И так же, как на материке, здесь бывает весенний подъем рыбы (сиговых и налима) из Обской и Байдарацкой губ. Кроме того, в устьевые части рек западного побережья поднимается на зимовку омуль, в прибрежных водах и приустьевых частях рек обитают в заметных количествах сайка, навага, полярная камбала, четырехрогий бычок, колюшка девятииглая [Богданов, Госькова, 1995; Богданов, Богданова, Госькова и др., 2000]. Таким образом, естественный цикл хода рыбы определяет и рыболовный цикл.

Очевидно, что в Обской губе лов рыбы можно вести круглый год. На материковой части наиболее эффективно лов можно вести на Оби и крупных реках, впадающих в Обскую губу, во время вонзевого хода (начало лета); на сорах и крупных пойменных старицах — во время спада воды (середина лета). На крупных реках лов рыбы можно вести на всей реке с конца весны — начала лета до начала зимы, но чем меньше река, тем меньше

продолжительность этого летне-осеннего лова. На крупных озерах и верховьях рек с местами зимовок рыбы лов можно вести круглый год. Круглый год лов возможен на относительно крупных реках, стекающих с Урала. Зимой лов возможен на крупных реках на живунах, а весной — в верховьях крупных рек. На Ямале лов возможен на озерно-речных системах Ярато-Юрибей и Нейто-Сеяха, а также в приустьевых частях крупных рек.

Рыбные запасы севера Западной Сибири очень велики. В начале XX века, по расчетам А. А. Дунина-Горкавича [1995б, с. 243], на Тобольском Севере в год вылавливали 24 тыс. тонн различной рыбы. Из них на Нижней Оби выловлено примерно 15 тыс. тонн. На Ямале в 1970-е годы на Нейтинских озерах вылавливали около 100 тонн, а в районе устья реки Мордыяхи — около 95 тонн рыбы в год. В Обь-Тазовском бассейне в конце 1980-х годов ежегодно промышленно вылавливали 10–11 тыс. тонн сиговых и окуня [Корытин, Богданов, Быков и др., 1995]. С учетом других видов и рыбы, использованной населением для личного потребления, общий объем вылова был не менее 15 тыс. тонн. Однако распределение рыбных запасов по годам, бассейнам рек, а для крупных рек и по отдельным участкам реки весьма изменчиво. Оно определяется погодными условиями конкретного года, погодными условиями ряда предыдущих лет, а также видовым составом основного промыслового стада рыб. Поэтому возможны значительные колебания численности рыбы по годам и по сезонам. Так, например, вылов муксуна в Оби колебался в 1961–1970 годах от 410 до 2 481 тонны [Чупретов, Замятин, 1990], а вылов пеляди в Шурышкарском сору в 1949–1958 годах — от 102 до 2 800 пудов в год [Амстиславский, 1959]. Весьма вероятно наличие вековых колебаний численности отдельных видов и групп видов рыб.

Лов рыбы на крупных реках и озерах возможен крупными сетями и неводами. На небольших озерах и реках — небольшими сетями, а на реках, сорах — с использованием запорных орудий лова. На Ямале установка запоров практически невозможна из-за наличия многолетней мерзлоты. Повсеместно возможен лов ловушками различного типа и крючковыми орудиями. Их подробные описания и хорошие изображения приведены в ряде работ XIX–XX веков [Варпаховский, 1898; Дунин-Горкавич, 1995б; 1911; Васильев, 1962; Sirelius, 1906].

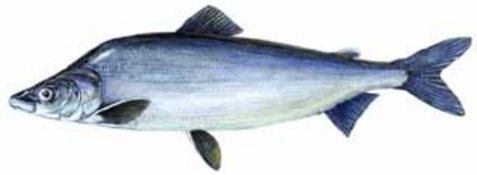
В прошлом, насколько позволяют проследить письменные и археологические источники, рыба была постоянным компонентом питания населения севера Западной Сибири. Среди видов, наиболее часто встречающихся в этнографических источниках и зооархеологических коллекциях, осетр, нельма, сиговые, щука, карповые, налим, окунь.

Сибирский осетр — *Acipenser baerii* Brand., 1869. Полупроходная рыба. Нагуливается в устьевых пространствах сибирских рек, для размножения поднимается по ним на многие сотни километров. Миграцию с мест зимовки из Обской губы в дельту и далее в Обь осетр начинает в начале июня, после вскрытия ледового покрова и насыщения воды кислородом. Некоторая часть осетра, преимущественно молодь, в реку не поднимается и нагуливается в Обской и Тазовской губах. В древности один из важных промысловых видов.

Нельма — *Stenodus leucichthys* Güldenstädt., 1772. Полупроходная рыба. Населяет все реки Северного Ледовитого океана. Нагуливается в устьевых пространствах сибирских рек, для размножения поднимается по ним на многие сотни километров. В древности один из важных промысловых видов.

Род Сиги (*Coregonus* sp.). Полупроходные рыбы. Населяют реки бассейна Обской губы. Нагуливаются в устьевых пространствах сибирских рек, для размножения поднимаются по ним на многие сотни километров. К сигам относятся: омуль, пыжьян (сиг сибирский), муксун, щокур (чир), пелядь (сырок), ряпушка, тугун. Наиболее распространенные из сиговых — муксун, щокур, пелядь, пыжьян. В древности один из основных промысловых видов.

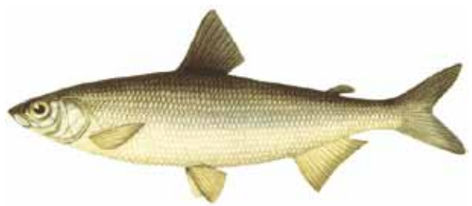
Муксун — *Coregonus muksun* Pallas., 1776. Полупроходная рыба. Обитает во всех крупных реках от Кары на западе, до Колымы на востоке. Ценный промысловый вид.



Щокур — *Coregonus nasus* Pallas., 1776. Полупроходная рыба. Обитает во всех крупных реках бассейна Северного Ледовитого океана. Ценный промысловый вид.

Пелядь — *Coregonus peled* Pallas., 1776. Обитает в озерах и реках. Представлена речными, озерно-речными и типично озерными формами.

Пыжьян — *Coregonus lavaretus* L., 1758. Сиг-пыжьян является одним из подвидов обыкновенного сига. Обыкновенный сиг представляет собой сложный вид и образует большое число экологических форм, нередко обитающих в одном и том же водоеме. Обитает в озерах и реках. Представлен полупроходной, озерно-речной формами.



Щука — *Esox lucius* L., 1758. Туводная, озерно-речная рыба. Распространена повсеместно в бассейне рек Западной Сибири. Обитает в реках с замедленным течением и озерах. В древности один из основных промысловых видов.

Карповые — Cyprinidae. Туводные виды. Населяют реки и озера бассейна Оби, Надыма, Пура и Таза. К карповым относятся караси, плотва, язь, пескарь, гольяны, елец. Некоторые из видов бывают очень многочисленными [Меньшиков, 2011].

Плотва — *Rutilus rutilus* L., 1758. Туводная, озерно-речная рыба. Распространена повсеместно в бассейнах рек Оби, Надыма, Пура и Таза. Наиболее многочисленна в озерах и небольших реках. В древности один из важных промысловых видов.

Язь — *Leuciscus idus* L., 1758. Туводная, озерно-речная рыба. Населяет реки и озера Западной Сибири. Язь многочислен в пойменных водоемах Сибири, некоторые озера из-за высокой численности в них язя называются язевыми. В древности один из основных промысловых видов.

Карась — *Carassius ex.gr. carassius — auratus* L., 1758. Туводный вид. Населяет озера Западной Сибири. Карась многочислен в пойменных водоемах Западной Сибири. В древности один из основных промысловых видов.

Налим — *Lota lota* L., 1758. Полупроходная рыба. Распространен по всему Обскому бассейну до Обской, Тазовской и Гыданской губ. Зимует в южной части Обской губы; весной, подобно осетру, нельме и сиговым, мигрирует в Обь и реки, впадающие в Обскую губу. В древности один из основных промысловых видов.

Окунь — *Perca fluviatilis* L., 1758. Туводная, озерно-речная рыба. Распространена повсеместно в Западной Сибири. Обитает в реках и озерах. В древности один из основных промысловых видов.

2.2. ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ

Домашние животные — это формы животных, которые человек разводит на протяжении многих поколений для удовлетворения своих хозяйственно-бытовых и других нужд и потребностей, в результате чего у домашних животных сформировался специфический комплекс морфофизиологических признаков, отличающих их от диких предковых видов. Домашние животные не являются самостоятельными биологическими видами, а представляют собой домашние формы диких видов. Доместикация животных могла происходить в любой части ареала дикого предкового вида, который называют центром доместикации. У каждой домашней формы могло быть несколько центров доместикации. На территории севера Западной Сибири обитают два вида, которые имеют домашние формы — волк, предок собаки, и северный олень. Никаких данных о доместикации волка на этой территории нет, и она не была одним из центров его доместикации. Доместикация дикого северного оленя в этом районе очень вероятна и регион, скорее всего, является одним из центров доместикации этого вида.

Таким образом, на рассматриваемой территории, вероятно, был доместицирован один вид. Остальные домашние формы животных были приведены сюда человеком. Первое домашнее животное здесь, несомненно, собака. Наиболее вероятное время ее появления — мезолит. Значительно позднее здесь мог быть одомашнен северный олень. О времени этого явления сейчас сказать трудно, вероятно, не позднее раннего железного века. Остальные домашние животные, возможно, попали в регион в результате проникновения сюда европейского населения. Наиболее ранние единичные находки остатков лошади происходят из слоев конца XIII — начала XIV веков городища Усть-Войкар 1 [Бачура, Некрасов, 2010] и слоев конца XV века Надымского городища. Немногочисленные находки костей свиньи постоянны во всех горизонтах Надымского городища. Массовое появление домашних животных (крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, лошади, домашней курицы, домашней кошки) в регионе связано с появлением первых русских поселений (городов Березова и Мангазеи) в XVII веке.

В данной работе не стоит задачи дать развернутую характеристику истории отдельных домашних животных и животноводства в целом. Отметим кратко следующее. Домашние животные играли заметную роль в хозяйстве русского населения и имели меньшее значение в хозяйстве коренного населения. Последнее использовало ряд домашних животных в ритуальных целях. Основным жертвенным животным у коренного населения всего региона был северный олень. Население северотаежных районов использовало как жертвенное животное также лошадь. Таким образом, остатки домашних животных являются, с одной стороны, одним из датирующих материалов, а с другой — этнокультурным маркёром археологических объектов. В зависимости от количества костных остатков домашних животных на археологических памятниках мы можем говорить о кратковременных связях либо о постоянном присутствии на этой территории русского (или североевропейского) населения.

Свинья — *Sus scrofa domestica* L., 1758. Свиньи относятся к отряду парнокопытных, семейству свинообразных. Особенностями их биологии, привлекательной для человека, являются высокие скороспелость, плодовитость и всеядность. Свиноматка может первый раз пороситься в 12–14 месяцев, дает в один год 1,5–2 опороса и приносит до 8–10 поросят за один раз. Вследствие высокой скороспелости у свиней высокий уровень оплаты корма, то есть высокий прирост веса на единицу съеденного корма. Свинья потребляет самые разнообразные корма, включая животные. Но, с другой стороны, свинья не может потреблять

относительно низкокалорийные корма типа сена. Это обусловливает специфичность условий ее содержания. Свинья полно реализует свой положительный потенциал в культурах с развитым земледелием, где отходы зернового производства служат основным кормом для нее. Вместе с тем в хозяйстве, где есть достаточное количество белковых (животных) отходов и нет земледелия, возможно содержание свиньи. Именно такая ситуация, например, складывалась в районах продуктивного рыболовства. Здесь возможно содержание свиней за счет отходов и остатков рыболовства. Так произошло на севере Западной Сибири, где именно развитое рыболовство в значительной мере обеспечивало существование свиноводства.

В Древней Руси и России разводили примитивные породы свиней. Они были малопродуктивны, но в то же время неприхотливы в содержании. Именно этих свиней привезло на север Западной Сибири русское население. Ниже приведено описание внешнего вида и особенностей содержания примитивной аборигенной породы чувашских свиней. Аналогичные характеристики имели свиньи и свиноводство в России XVI–XIX веков.

Данная форма [чувашская] должна быть отнесена к короткоухим… Это небольшое, энергичное, крепко сложенное животное. Чувашские свиньи покрыты длинной щетиной. Зимой отрастает густой нежный пух длиной около 5 см. Толщина этого пуха примерно соответствует ости овечьей шерсти. На холке и крестце щетина особенно длинна. Высота в холке от 63 до 100 см, длина от затылочного гребня до корня хвоста — 114–121 см, величина помета колеблется от 2 до 10 поросят. Обычно бывает 5–6 поросят. Вес у свиней старше 18 месяцев обыкновенно колеблется от 40 до 70 кг. Кормление чувашских свиней очень скудное; его можно назвать лишь полуголодной подкормкой. Остальное свинья добывает сама во дворах, на улицах, в оврагах, в кустарнике. …После наступления морозов начинается массовый убой свиней. Изредка в деревнях держат двухлетних самок, так как они лучше воспитывают поросят. Обычно же свинье дают опороситься и выкормить детенышей только один раз, после чего ее убивают. В виде редкого исключения свиней держат до трехлетнего возраста. Старых самцов не держат совершенно [Хавесон, 1933, с. 318–336].

Собака — *Canis familiaris* L., 1758. Домашнее животное отряда хищных, семейства псовых. По общности морфологических признаков к домашней собаке ближе всего стоит волк, который является предком собак. У собак прекрасно развито чутье (обоняние) и слух, несколько слабее — зрение. Нормальная продолжительность жизни 12–15 лет. Половозрелыми становятся в 8–9 месяцев.

На севере собак используют для охраны стад, пастьбы, охоты; ездовыми собаками пользуются всюду, где нет корма для оленей. Лучшими ездовыми собаками признаны колымские лайки. Запрягают обычно цугом от 8 до 12 в одни нарты. Средняя скорость по целине 10–12 км/ч, по ровному насту 14–16 км/ч. Гоночная скорость на коротких пробежках 20–22 км/ч. Средняя нагрузка нарт 400 кг. Кормят собак на севере обычно рыбой, которая с успехом заменяется тюленьим мясом. Вместо воды северные собаки едят снег. Летом в районах, примыкающих к рекам, собак используют для проводки лодки против течения [Сельскохозяйственная энциклопедия, 1934, т. 4]. В XIX–XX веках на территории севера Сибири, в тундровой и таежной зонах, было распространено несколько аборигенных пород собак, которые можно условно разделить на три группы: зверовые, промысловые, ездовые и оленегонные лайки [Смирнов, 1936].

Лошадь — *Equus caballus* L., 1758. Крупное непарнокопытное млекопитающее, широко использующееся человеком для передвижения верхом, перевозки тяжестей и т. п. Основной пищей служат травянистые растения, которые лошадь способна самостоятельно добывать зимой из-под достаточно глубокого снега (тебеневать).

В северной лесной полосе РСФСР распространены аборигенные породы так называемой лесной лошади. Небольшого роста (135–142 см), на коротких ногах с удлиненным туловищем. Они отличаются более легкой

головой и шеей, в сравнении с монгольской лошадью, очень выносливые, стойкие и неприхотливые к корму. К этой группе относятся следующие породы и отродья лошади: приобская, якутская, нарымская, тавдинская, обвинка, вятская, мезенская и печорская. Содержание бывает конюшенным или пастбищным. Лошадь зимой при легких хозяйственных работах содержат преимущественно на грубых кормах — соломе, мякине, сене. Из зерновых кормов наилучший для лошади — овес, не нуждающийся в подготовке для скармливания [Сельскохозяйственная энциклопедия, 1933, т. 3, с. 537–539].

Приобская лошадь характеризуется высокой работоспособностью, расстояние от станции Мужи до Березова, составляющее 270 км, обычно проезжает за 24 часа, то есть со скоростью более 10 км/ч. Пребывание в течение летнего периода на сырых пастбищах, зачастую с вязкой болотистой почвой, не приносит ущерба приобским лошадям. Плоская форма широкого копыта, характерная для них, по-видимому, является одним из признаков приспособленности к передвижению по вязкому грунту. Приобская лошадь обладает хорошей плодовитостью и долговечностью. Средняя продолжительность жизни лошадей составляет 20–25 лет [Книга о лошади, т. 1]. Именно лошади такого типа были распространены на севере Западной Сибири в XVII–XIX веках.

Мелкий рогатый скот. Мелким рогатым скотом называют **овец (*Ovis aries* L., 1758)** и **коз (*Capra hircus* L., 1758)** — парнокопытных жвачных животных. Овцы и козы питаются травой и молодыми побегами деревьев и кустарников. Козы очень неприхотливы и способны выживать в местах, где другой скот страдал бы от голода, они могут переносить сильные морозы и жару, но плохо приспособлены к сырому климату. Продолжительность жизни около 9–10 лет, максимально 17 лет; средний срок хозяйственного использования 7–8 лет. На севере Западной Сибири в XVII–XIX веках мелкий рогатый скот практически не разводился, так как природные условия региона неблагоприятны для этих видов.

Крупный рогатый скот — *Bos taurus* L., 1758. Крупные парнокопытные млекопитающие, относящиеся к жвачным животным. Половая зрелость в среднем наступает у телок и быков в 8–12 месяцев. В период Московской Руси, после свержения татарского ига и объединения отдельных княжеств в единое государство, развитие животноводства значительно активизировалось и заняло важное место в сельском хозяйстве и экономике страны. Крупный рогатый скот в большей степени использовался для получения мяса, молока и молочных продуктов, сырья для кустарной промышленности (кожевенной, свечной, маслобойной, сыродельной) и как тягловая сила. Вплоть до XVII века его совершенствованию не уделялось внимания.

Сибирский скот распространен от Уральских гор до Приморья. По типу черепа он принадлежит к типу первородного быка и ведет начало от киргизского (казанского) скота, разводившегося ранее кочевниками. В пределах Сибири местный сибирский скот заметно изменен скрещиванием с различными породами, привозившимися переселенцами из европейской части России. Наибольшего распространения достигли метисы местного скота с красным немецким, симментальским и швицким скотом. Местный сибирский скот по живому весу, молочности и скороспелости вследствие неблагоприятных условий кормления и содержания значительно отстает от других пород и от метисов этого скота с более культурными породами.

Зимой в крестьянском хозяйстве скот сильно спадает с тела, но может перезимовать в условиях, которые совершенно не выносит культурный скот. Сибирский скот может пастись и зимой, питаясь остатками прошлогодней травы и доставая ее из-под снега (тебеневать).

Сибирский скот по внешним признакам неоднороден в силу различия природных и хозяйственных условий. Основные промеры сибирского скота характеризуются следующими средними данными (см): высота в холке 95–125, косая длина туловища — 132, глубина груди — 62, обхват груди за лопатками —156, ширина груди — 31, ширина в маклаках — 42. Средний живой вес сибирской коровы 250–300 кг, быка — 320–400 кг (встречаются в 450 кг и выше). Молочная продуктивность незначительна: средний годовой удой в колхозных фермах доходит до 1 100 кг.

По жирности молока сибирский скот идет впереди всех пород крупного рогатого скота (кроме джерсейской и гернзейской), имея около 4,5–5 % жира. Сибирский скот, как правило, является молочным, и его мясные качества невысоки. Убойный вес составляет 46–47 % от живого.

На севере Западной Сибири в XVII–XIX веках, вероятно, разводились отродья сибирского скота.

Кошка домашняя — *Félis silvéstris cátus* L., 1758. Домашнее животное семейства кошачьих отряда хищных. Домашняя кошка является домашней формой дикой лесной кошки (*Felis silvestris*). Является одиночным охотником на грызунов и других мелких животных. На протяжении нескольких тысяч лет кошки ценятся человеком за способность охотиться на грызунов и других домашних вредителей. Будучи одним из самых популярных животных-компаньонов, кошка находится в постоянном общении с человеком. Согласно сохранившимся до наших дней суевериям, кошки считаются хранительницами домашнего очага и уюта. На север Западной Сибири кошек, вероятно, привозили не из практических соображений, а по традиции содержания этого животного в доме, существовавшей у населения европейской части России. Кости кошек обнаружены в русских поселениях XVII века (Березова, Мангазеи, Старотуруханска, села Обдорского) и в слоях XVI века Надымского городка.

Курица домашняя — *Gallus gallus domesticus* L., 1758. Считается, что домашние куры произошли от диких банкивских кур (*Gallus gallus*), обитающих в Азии. Это самая распространенная домашняя птица в мире.

Вес составляет от 1,5 до 5 кг в зависимости от породы. Причем петухи обычно тяжелее кур. Ярко выражен половой диморфизм.

Большинство кур довольствуется незначительным пространством для помещения и прогулок. Не будучи очень чувствительными к неблагоприятным условиям погоды, они большей частью хорошо зимуют в простых сараях и хлевах. Куры всеядны: они питаются семенами, травами и листьями, беспозвоночными животными. В домашних хозяйствах основным кормом курам служат разные виды зерновых, из которых овес, ячмень, гречиха и просо наиболее употребительны. Часто куры роют землю в поисках крупных насекомых, личинок и семян. Прибавка к зерновому корму в небольшом количестве зелени и животной пищи (в прошлом, например, конины, сушеных майских жуков), когда птицы не выгуливаются и не могут отыскивать червей и клевать травы самостоятельно, полезна: она увеличивает яйценоскость. Половая скороспелость кур (возраст ко времени снесения первого яйца) — 5–6 месяцев. Куры способны нести яйца приблизительно в течение 10 лет.

В дореволюционной России главная масса кур содержалась крестьянами. Эти куры были беспородны и содержались самым примитивным образом. В течение целого лета они фуражировали, собирая червей, семена сорных трав, и только осенью получали зерно в достаточном количестве. Зимой они довольствовались сорным зерном, отрубями, а зачастую и пареной мякиной. Кладка яиц начиналась в январе; с наступлением теплых дней, с марта, она усиливалась и делалась регулярнее; наивысшей интенсивности достигала в апреле, мае и июне; кончалась с наступлением линьки [Птицеводство России …]. На севере Западной Сибири, особенно в зимнее время, значительную часть рациона кур составляли животные корма, в основном рыба. Костные остатки домашних кур обнаружены при раскопках первых русских северных городов (Березова, Мангазеи, Старотуруханска).

ГЛАВА 3

ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Практически каждый археологический памятник содержит источники, позволяющие получить информацию о природной среде в период функционирования поселения и о хозяйственной деятельности его населения. Все подобные сведения можно отнести к историко-экологическим. Они включают два основных блока — палеогеографическую информацию о состоянии природной среды в прошлом и информацию по экологии древнего населения. Полнота этих блоков различна на разных памятниках. Связано это со многими факторами, но основных два — тип памятника и степень сохранности культурного слоя. Наиболее полную информацию содержат долговременные поселения с замороженным культурным слоем. Благодаря мерзлому состоянию в нем хорошо сохраняются органические остатки, что позволяет провести наиболее полный набор анализов и выполнить наиболее детальные реконструкции. Специфическую и небольшую по объему историко-экологическую информацию содержат древние святилища. Минимальный объем историко-экологической информации обычно содержат могильники.

Археологический памятник может включать два основных типа таких источников: археологические (в узком смысле) и археобиологические.

Археологические источники — это материальные остатки, их следы и характер их пространственного распределения в культурном слое, содержащие историко-экологическую информацию. В подавляющем большинстве случаев это предметы и их фрагменты, используемые для освоения природных ресурсов, обеспечения жизнеспособности и жизнедеятельности индивидуумов и их коллективов. Этот тип источников образуется в процессе исследования археологических памятников археологическими методами. Отметим их основные особенности.

Во-первых, археологические источники обычно сильно редуцированы и содержат историко-экологическую информацию в таком же виде. Редуцированность проявляется в том, что сохраняются не целые изделия, а их части или фрагменты. Чаще всего археологические источники представляют собой артефакты, изготовленные из прочных неорганических материалов — камня и глины, редко — металла. Из органических материалов лучше всего сохраняются артефакты из кости. Вместе с тем, как свидетельствуют этнографические данные, в хозяйственно-бытовой и промысловой деятельности населения с традиционным типом хозяйства огромную роль играют орудия из дерева и другого растительного и животного сырья [Историко-этнографический атлас Сибири]. Этот вид археологических источников до недавнего времени был практически неизвестен в Западной Сибири. В качестве примера приведем изображения пассивных орудий лова, наиболее широко распространенных на севере Западной Сибири (рис. 23). В археологических материалах они до недавнего времени не были известны. Только в последние годы, благодаря исследованиям на севере Западной Сибири поселений с мерзлым культурным слоем, были найдены детали некоторых из этих орудий.

Во-вторых, археологические источники в большинстве случаев содержат историко-экологическую информацию в опосредованном виде. Поэтому, чтобы получить ее, нужно предварительно провести операцию по интерпретации конкретного источника. Результаты ее не всегда бывают однозначными.

В целом следует отметить, что археологические источники еще в очень ограниченном объеме используются для получения историко-экологической информации. В дальнейшем они рассматриваться не будут.

Археобиологические источники представляют собой разного типа органические остатки. По происхождению среди них можно выделить: археоботанические, археозоологические и археопочвенные источники. Ниже приведена их краткая характеристика.

Археоботанические источники представляют собой остатки частей растений и их тканей. Они состоят из двух типов:

1) макроархеоботанические остатки растений, видимые невооруженным глазом: семена, плоды, листья, побеги, стебли, корни, кора и т. д.;

2) микроархеоботанические — остатки, видимые при использовании специальных приборов: пыльца, споры, отдельные клетки тканей растений; фитолиты, створки диатомовых водорослей и некоторых других одноклеточных растений.

Археозоологические источники — это разного рода остатки животных. Они состоят из двух типов и нескольких разновидностей:

1) макроархеозоологические остатки, то есть остатки почти исключительно многоклеточных организмов:

а) млекопитающие, птицы, рептилии, амфибии и рыбы, представленные главным образом костями и редко рогами, роговыми образованиями (копыта, когти и т. д.), шерстью, перьями, копролитами и некоторыми другими образованиями;

б) насекомые, ракообразные и другие членистоногие, представленные остатками наружного скелета — хитина и ему подобных веществ;

в) моллюски, представленные раковинами;

2) микроархеозоологические остатки — остатки одноклеточных организмов, а также некоторых частей и образований многоклеточных животных:

а) одноклеточные организмы: скелеты радиолярий и других групп организмов, образующих скелеты;

б) отдельные части многоклеточных организмов, например спикулы губок;

в) образования многоклеточных организмов, в частности яйцевые оболочки плоских и круглых червей.

Археопочвенные источники представлены почвами и почвоподобными образованиями. Они включают два типа:

1) культурный слой — естественные почвогрунты, преобразованные человеческой деятельностью;

2) погребенные почвы — естественные почвы на археологическом памятнике, погребенные под культурным слоем.

Строго говоря, к археобиологическим источникам относятся и антропологические материалы. Однако они издавна являются объектом изучения самостоятельной научной дисциплины — антропологии, поэтому здесь мы их не рассматриваем.

Для изучения перечисленных выше археобиологических источников применяют разные виды анализов и соответствующих методов. Перечислим наиболее часто используемые методы:

Метод	***Предмет изучения***
Археоботанический	Макроботанические остатки
Дендрохронологический	Крупные фрагменты древесных растений
Палинологический	Пыльца и споры
Биоморфный (частный вариант — фитолитный метод)	Микроботанические остатки, такие как фитолиты, клетки растений, одноклеточные водороли
Археозоологический	Остатки млекопитающих, птиц, рептилий, амфибий и рыб
Палеоэнтомологический	Насекомые
Паразитологический	Остатки паразитических червей
Археопочвоведение	Культурный слой и погребенные почвы

Степень сохранности и полноты археобиологических источников напрямую связана с почвенно-грунтовыми и климатическими условиями того района, где находится археологический памятник, а также продолжительностью существования археологического памятника. Все это определяет характеристики культурного слоя, от которых и зависит состояние археобиологических источников. На археологических памятниках севера Западной Сибири культурные слои относительно состояния археобиологических источников представлены тремя основными типами. Первый тип — это культурные слои, в которых практически полностью отсутствуют макроскопические органические остатки, но в разной степени сохраняются микроскопические. Связано это главным образом со временем существования археологического памятника. Подавляющее большинство культурных слоев археологических памятников на севере Западной Сибири сформированы на песчано-супесчаных почвогрунтах, которые имеют повышенные промывной режим и режим аэрации, в результате чего с течением времени органические остатки разрушаются. Чем более древним является археологический памятник, тем длительнее протекает процесс разрушения, и в итоге все органические макроостатки разрушаются полностью. Многолетний опыт изучения археологических памятников севера Западной Сибири показал, что в культурных слоях памятников древнее раннего железного века органические

макроостатки практически не сохраняются, если они не подверглись воздействию какого-либо консервирующего фактора (например, огня). Второй тип — это так называемые замерзшие культурные слои, которые состоят в основном из органических остатков, находящихся в условиях многолетней мерзлоты, в замороженном состоянии. Этот тип известен почти исключительно для памятников позднего железного века. Третий тип в некотором роде переходный от первого ко второму типам культурного слоя. Это незамерзший культурный слой, содержащий органические макроостатки. Этот тип характерен для памятников позднего железного века и в значительно меньшей степени для памятников раннего железного века.

Наилучшую сохранность археобиологические материалы имеют в культурных слоях второго типа. Формировались замерзшие слои следующим образом. В хозяйственно-бытовой деятельности население широко использовало древесно-кустарниковую растительность и моховой покров, что приводило к достаточно быстрому нарастанию мощности культурного слоя и придавало ему хорошие теплоизоляционные свойства. В результате культурный слой не протаивал полностью и часть его постоянно находилась в мерзлом состоянии. По мере роста культурного слоя мерзлота поднималась вместе с ним, и все большая часть слоя переходила в мерзлое состояние. Таким образом формировались археологические памятники с замороженным культурным слоем и законсервированными в них различными органическими остатками. Наличие многолетней мерзлоты обеспечивает хорошую сохранность органических остатков в слое. Ареал этих памятников охватывает тундровую, лесотундровую и северные окраины таежной зоны. Этот тип памятников позволяет привлечь для их исследований комплекс естественно-научных методов.

Археобиологические источники собираются при раскопках конкретных археологических памятников. В процессе раскопок культурного слоя изучается его структура и распределение в нем органических остатков, собираются коллекции макроостатков животных и растений и образцы культурного слоя для разных анализов [Косинцев, 2005].

В результате исследования археобиологических источников получают археобиологические данные. На основании анализа этих данных может быть получена историко-экологическая информация, объем которой зависит как от полноты археобиологических источников, так и от полноты методов их изучения. Приведем краткое описание наиболее широко использованных в этой работе методов анализа археобиологических источников и полученных археобиологических данных.

Археозоологический анализ. Археозоологические источники на изученных археологических памятниках представлены следующими типами: кость, рог, хитин, роговые образования, шерсть, перья, копролиты. Наиболее многочисленны находки костей, на отдельных поселениях — копролитов. Так, в Надымском городке они образуют в культурном слое прослои и скопления мощностью до 1 м. Остальные типы находок немногочисленны.

Костные остатки описывались по следующей схеме: элемент скелета; видовая принадлежность; целый элемент скелета или его фрагмент; если фрагмент, то какая часть; возрастные особенности кости (прирос — не прирос эпифиз; состояние зубной системы — какая смена зубов); правый — левый (не для всех элементов скелета); степень воздействия огня (от «сырой» кости до кальцинированной); наличие следов от орудий, полученных при разделке и утилизации; наличие следов погрызов и их характер; патологические изменения; любые специфические особенности [Ерохин, Бачура, 2011]. Видовое определение костных остатков проводилось с использованием эталонной коллекции скелетов. Остатки, видовую принадлежность которых определить не удалось, относились к следующим категориям: млекопитающие, ближе не определимые; птицы, ближе не определимые; рыбы, ближе не определимые. Специальные описания рогов, хитина, роговых образований, шерсти, перьев и копролитов сделаны в редких случаях.

В таблицах видового состава костных остатков (табл. 25, 26, 59) в числителе приведено количество костных остатков; в знаменателе, кроме оговоренных случаев, — минимальное количество особей, которое определялось с учетом возрастного состава костных остатков. В ряде случаев минимальное количество особей не определялось. В сводных таблицах видового состава костных остатков (табл. 25, 26, 32, 35, 41–43, 52, 54, 57, 59, 60, 66, 72, 75, 77) в строках «птица» и «рыба» приведено суммарное количество их остатков.

Часть костных остатков настолько сильно фрагментирована, что их видовую принадлежность определить не удалось. Остатки такого рода, принадлежащие млекопитающим, приведены в таблицах как «млекопитающие неопределимые». Соответственно, аналогичные остатки птиц и рыб приведены в таблицах как «птицы неопределимые» и «рыбы неопределимые». В ряде случаев остатки птиц и рыб определены до отрядов, семейств или родов: воробьиные, утки, гуси, кулики, чайки, лососевые, сиговые, карповые. Они приведены в таблицах также с указанием «неопределимые».

Археоботанический анализ. Археоботанические источники на изученных археологических памятниках представлены следующими типами: макроостатками (плодами, семенами, листьями, побегами, корнями и их фрагментами) и микроостатками (пыльцой, спорами, фитолитами). Результаты палеоботанических исследований позволяют провести реконструкцию растительности в период формирования тех слоев, в которых найдены остатки растений; охарактеризовать особенности хозяйственной деятельности человека (земледелие, собаководство, использование растений в быту, хозяйстве и торговле); в ряде случаев определить сезон накопления остатков. Особенно важны палеоботанические материалы для характеристики земледелия, так как они позволяют не только выявить состав выращиваемых культурных растений, но и реконструировать способы их возделывания.

В результате применения этих методов и анализа полученных археобиологических (археозоологических и археоботанических) данных чаще всего получают следующую историко-экологическую информацию.

1. *Характеристика промысловых видов.* Ее анализ позволяет реконструировать, какие виды и в какой сезон добывались; как производилась разделка и утилизация туш.

2. *Характеристика домашних животных.* Ее анализ позволяет реконструировать состав стада домашних животных, сезон их забоя, способы разделки и утилизации туш.

3. *Характеристика полезных растений.* Ее анализ позволяет реконструировать видовой состав культурных, съедобных, лекарственных, технических и других использовавшихся древним населением растений; технологию их заготовки, хранения и использования; сезон сбора.

4. *Характеристика опасных и потенциально опасных видов.* К этой группе видов относятся хищники, паразиты и ядовитые виды животных и растений, причем опасные и для человека, и для домашних животных. Их изучение позволяет реконструировать элементы системы безопасности, существовавшей у древнего населения; элементы структуры питания и часть болезней человека и животных.

5. *Характеристика потенциально полезных видов.* К этой группе относятся виды, которые потенциально могли использоваться человеком в хозяйстве. Их анализ позволяет оценить потенциальную широту хозяйственной деятельности (хозяйственной экологической ниши) и устойчивость хозяйства к внешним воздействиям. Например, количество потенциально съедобных видов (в частности, мелких грызунов) позволяет оценить устойчивость хозяйства к резким снижениям численности основных промысловых видов и вызванных этим голодовок населения.

6. *Структура пространственного распределения археобиологических материалов в культурном слое.* Ее анализ позволяет реконструировать типы, структуру и характер хозяйственной деятельности, ее интенсивность на территории поселения.

7. *Пространственное распределение физико-химических характеристик культурного слоя.* Его анализ позволяет реконструировать элементы функциональной структуры поселения и хозяйственной деятельности на его территории.

8. *Сезонность поселения.* Она определяется по целому ряду археобиологических данных и позволяет реконструировать элементы хозяйственного цикла древних коллективов.

9. *Время и продолжительность функционирования памятника.* Для этого используют дендрохронологический метод.

Археобиологические источники из археологических памятников рассматриваемой территории впервые были использованы для решения историко-экологических задач еще в 1930-е годы. Для характеристики хозяйства населения Ямала в позднем железном веке В. Н. Чернецов использовал данные о видовом составе костных остатков [Чернецов, 1935].

При раскопках поселения Тиутей-Сале были найдены кости моржа, тюленя, кита, белого медведя, песца, северного оленя, много костей птиц. В. Н. Чернецов отмечает, что «морской зверь, особенно морж, очевидно, был главным объектом промысла жителей; сухопутные животные и птицы играли в нем второстепенную роль». На поселении Хаэн-Сале найдены в большом количестве кости нерпы и песца; много костей белого медведя и северного оленя; встречаются кости моржа и кита; очень много костей птиц, большинство из которых принадлежит морянке. В. Н. Чернецов пишет: «Чрезвычайно интересно, что кости разных животных в землянках лежали отдельно. Около стен в разных точках встречались сложенные аккуратно кучками кости и черепа песцов; отдельно от них кости и черепа нерп и так же отдельно кости птиц. Так, в одной из землянок у стены за костром найдено было более 30 целых песцовых черепов и большое количество обломков» [Чернецов, 1957, с. 235]. На основании этих материалов В. Н. Чернецов сделал вывод о приморском типе хозяйства у населения, оставившего эти памятники [Чернецов, 1935; 1953б; 1957]. В 1946 году, при раскопках

поселения Зеленая Горка в городе Салехарде, было найдено значительное количество костей песца и северного оленя [Чернецов, 1957]. В 1961 году в ходе разведочных работ в Бухте Находка на Ямале, в отложениях сопки Харде-Седе, были найдены кости северного оленя, песца, тюленя и крупных рыб [Лашук, 1968]. На основании археозоологических и археологических находок автор сделал вывод о том, что население, оставившее этот памятник и Тиутей-Сале, занималось охотой на северного оленя и рыболовством, кочевало в зависимости от времени года от границ тайги до морского побережья, где вело также промысел морских зверей [Там же]. Эти первые результаты анализа археобиологических источников из памятников севера Западной Сибири для своего времени были достаточны, но сейчас их весьма сложно использовать для каких-либо историко-экологических реконструкций из-за крайней ограниченности приводимой в публикациях информации.

В настоящее время на рассматриваемой территории археобиологические материалы собраны из 53 археологических памятников различных хронологических периодов. Во всех случаях это костные остатки млекопитающих, а в ряде случаев также птиц и рыб. Все костные остатки млекопитающих определены. Кости птиц и рыб определены не из всех памятников. На нескольких памятниках собраны археобиологические материалы разных типов — археозоологические, археоботанические и археопочвенные. Наиболее полно эти материалы собраны на памятниках с мерзлым культурным слоем — городища Усть-Полуй, Мангазея, Старотуруханское, Надымский городок и городище Усть-Войкар 1. В течение всех лет раскопок на этих памятниках собираются все археозоологические макроостатки, собираются археоботанические образцы и образцы культурного слоя из разных объектов на поселении. В данный момент только часть собранных образцов обработана. Для их анализа были применены археозоологический, археоботанический, палеоэнтомологический, палеопочвенный, гельминтологический и дендрохронологический методы (табл. 23). Часть полученных историко-экологических данных из этих и других археологических памятников опубликована [Косинцев, 1993; 1997а; 1997б; 2000а; 2000б; Федорова, Косинцев, Фицхью, 1998; Панова, 1998; Косинцев, Лобанова, Кардаш, 2001; Косинцев, Лобанова, 2003; 2005а; 2005б; 2006; Шиятов, Хантемиров, 2000; Шиятов, Мазепа, Хантемиров и др., 2000; Горячев, Горячева, Кардаш, 2002; Лобанова, 2003; Ивасько, Лобанова, 2003; Шиятов, Хантемиров, Горячев и др., 2005; Корона, 2005; Кардаш, Лобанова, 2008; Бачура, Некрасов, 2010; Бачура, 2011а; 2011б; Косинцев, Бачура, Корона и др., 2012 и др.]. Все результаты изучения археобиологических материалов из раскопок Усть-Полуя, Надымского городка, Полуйского городка (городище Пельвож), Усть-Войкар, Мангазеи приведены в археологических отчетах.

Таблица 23

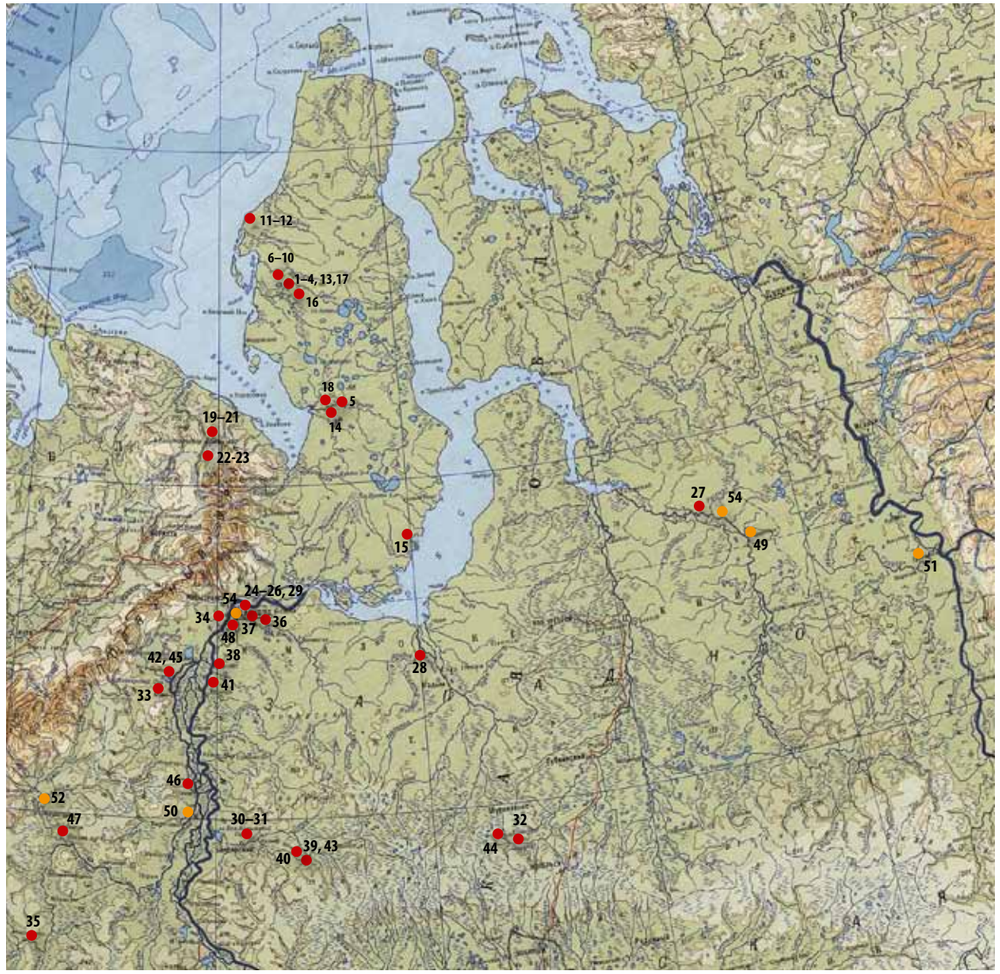
Археологические памятники с историко-экологическими данными (исследованы только археозоологическим методом)

№ п/п	Памятник	Хронологический период	Сумма костей
Тундровая зона — всего 37 723 экз.			
1	Стоянка Юнета-Яха 9	VI–VII вв.	17
2	Стоянка Юнета-Яха 3	VII в.	133
3	Стоянка Юнета-Яха 1	VI–XI вв.	93
4	Стоянка Юнета-Яха 7	VI–XI вв.	2
5	Стоянка Юр-Яха 4	VI–VII вв., X–XI вв.	12
6	Стоянка Нгури-Яха 1	VI–XI вв.	67
7	Стоянка Нгури-Яха 3	VI–XI вв.	8
8	Стоянка Нгури-Яха 5	VI–XI вв.	25
9	Стоянка Нгури-Яха 6	VI–XI вв.	10
10	Стоянка Нгури-Яха 7	VI–XI вв.	6
11	Селище Тиутей-Сале 1	VI–VIII вв.; XII–XIV вв.	5 693
12	Селище Тиутей-Сале 3	VI–XIV вв.	492
13	Стоянка Юнета-Яха 4	X в.	28
14	Городище Ярте 6	сер. XI — нач. XII вв.	19 793
15	Городище Бухта Находка	XII — нач. XIV вв.	6 504
16	Стоянка Мутная 1	VI–VIII вв.; XVII–XVIII вв.	154
17	Стоянка Юнета-Яха 5	XIII — XVIII вв.	2
18	Святилище Халято 1	кон. XVII — треть XVIII в.	101

Окончание табл. 23

№ п/п	Памятник	Хронологический период	Сумма костей
19	Стоянка Нярмаяха 3	VI–XI вв.	1 101
20	Стоянка Нярмаяха 4	VI–XI вв.	75
21	Стоянка Нярмаяха 1	VIII–IX вв.	158
22.	Стоянка Коматы 2	V–VI вв.; XIX–XX вв.	781
23	Стоянка Коматысё 2	V–XII вв.; XIX–XX вв.	2 468
Лесотундра — всего 244 650 экз.			
24	Городище (жертвенное место) Усть-Полуй	II в. до н. э. — II в. н. э.	37 785
25	Стоянка Салехард 1	I в. до н. э. — I в. н. э.	434
26	Селище Зеленая Горка	кон. XIII — нач. XIV вв.	2 065
27	Тазовская литейная мастерская	XIII–XIV вв.	4
28	Надымский городок	кон. XII — пер. треть XVIII вв.	190 360
29	Полуйский мысовой городок	кон. XVI — пер. треть XVIII вв.	14 002
Северная тайга — всего 22 098 экз.			
30	Городище Амня 1	кон. IV — нач. III тыс. до н. э., неолит	48
31	Городище Амня 2	3-е тыс. до н. э., неолит	170
32	Селище Щематн-лор	2-е тыс. до н. э., бронзовый век	183
33	Селище Войкар	IX — VIII вв. до н. э.	42
34	Селище Катравож 1	II в. до н. э. — II в. н. э., VIII — IX вв., XVII — XVIII вв.	366
35	Селище Няксимволь	II в. до н.э. — II в. н. э.	253
36	Селище Зеленый Яр	VI–VII вв.	1 285
37	Селище Горный Полуй 2	V–IX вв., XIII–XIV вв.	31
38	Городище Питляр	VIII–IX вв.	315
39	Селище Каксинская Гора 5	VIII–IX вв.	225
40	Городище Тавгор-Лор 2	VI–VII вв. X–XI вв.	5
41	Городище Вож-Пай	IX–XI вв.	8
42	Городище Вермульеган 1	X–XI вв.	168
43	Городище Каксинская Гора 1	VI–VII вв., XVII — нач. XX вв.	378
44	Селище Пяку-то 1	VIII–IX вв., XVIII — нач. XX вв.	110
45	Городище Усть-Войкар 1	кон. XIII — нач. XX вв.	18 399
46	Городище Лысая Гора	XVII — XVIII вв.	6
47	Селище Ломбовож	XVI — XVII вв.	43
48	Городище Пельвож	XVI — XVIII вв.	63
Русские памятники (лесотундра) — всего 127 955 экз.			
49	Городище Мангазея	XVII вв.	61 506
50	Городище Березовское	XVII–XIX вв.	58 281
51	Городище Старотуруханское	XVII–XIX вв.	3 586
52	Ляпинский острог	XVII–XIX вв.	101
53	Селище Церковенское	XVII–IX вв.	75
54	Село Обдорское	кон. XVIII — нач. XX вв.	4 406
Всего — 432 436			

Ниже приводятся результаты описания части археобиологических материалов, собранных на археологических памятниках тундровой, лесотундровой и севера таежной зоны. Работа проводилась на протяжении нескольких лет, и за это время произошли некоторые изменения в подходах и методиках первичного описания этих материалов. Поэтому описания материалов разных лет имеют некоторые отличия. Описание костных остатков сделано достаточно подробно для памятников, где их количество невелико. Описание больших по объему коллекций дается в обобщенном виде. В первую очередь это касается материалов из Надымского и Усть-Войкарского городков, русских городов Мангазеи и Березова.



1. Стоянка Юнета-Яха 9
2. Стоянка Юнета-Яха 3
3. Стоянка Юнета-Яха 1
4. Стоянка Юнета-Яха 7
5. Стоянка Юр-Яха 4
6. Стоянка Нгури-Яха 1
7. Стоянка Нгури-Яха 3
8. Стоянка Нгури-Яха 5
9. Стоянка Нгури-Яха 6
10. Стоянка Нгури-Яха 7
11. Селище Тиутей-Сале 1
12. Селище Тиутей-Сале 3
13. Стоянка Юнета-Яха 4
14. Городище Ярте 6
15. Городище Бухта Находка
16. Стоянка Мутная 1
17. Стоянка Юнета-Яха 5
18. Святилище Халято 1
19. Стоянка Нярмаяха 3
20. Стоянка Нярмаяха 4
21. Стоянка Нярмаяха 1
22. Стоянка Коматы 2
23. Стоянка Коматысё 2
24. Городище (жертвенное место) Усть-Полуй
25. Стоянка Салехард 1
26. Селище Зеленая Горка
27. Тазовская литейная мастерская
28. Надымский городок
29. Полуйский мысовой городок
30. Городище Амня 1
31. Городище Амня 2
32. Селище Щематн-лор
33. Селище Войкар
34. Селище Катравож 1
35. Селище Няксимволь
36. Селище Зеленый Яр
37. Селище Горный Полуй 2
38. Городище Питляр
39. Селище Каксинская Гора 5
40. Городище Тавгор-Лор 2
41. Городище Вож-Пай
42. Городище Вермульеган 1
43. Городище Каксинская Гора 1
44. Селище Пяку-то 1
45. Городище Усть-Войкар 1
46. Городище Лысая Гора
47. Селище Ломбовож
48. Городище Пельвож
49. Городище Мангазея
50. Городище Березовское
51. Городище Старотуруханское
52. Ляпинский острог
53. Селище Церковенское
54. Село Обдорское

Рис. 26. Схема расположения археологических памятников

Таблица 24

Археологические памятники с историко-экологическими данными

Памятники	Хронологический период	Природная зона	Методы историко-экологических исследований
Тиутей-Сале 1	Слои VI–VIII и XII–XIV вв.	Тундра	Археозоологический, палинологический
Ярте 6	XI–XII вв.	Тундра	Археозоологический, археоботанический, палеоэнтомологический, палеопочвовенный, гельминтологический, дендрохронологический
Бухта Находка	XII–XIV вв.	Тундра	Археозоологический, дендрохронологический
Городище (жертвенное место) Усть-Полуй	2-е тыс. до н. э. — 2-е тыс. н. э.	Лесотундра	Археозоологический, археоботанический, палинологический, дендрохронологический
Зеленый Яр	VI–VII вв.	Лесотундра	Археозоологический, археоботанический, дендрохронологический
Надымский городок	Кон. XV — нач. XVIII в.	Лесотундра	Археозоологический, археоботанический, палеоэнтомологический, гельминтологический, дендрохронологический
Мангазея	XVII в.	Лесотундра	Археозоологический, археоботанический, палеоэнтомологический, гельминтологический, дендрохронологический
Зеленая Горка	XII–XIV вв.	Северная тайга	Дендрохронологический
Усть-Войкар	XIII — нач. XIX в.	Северная тайга	Археозоологический, археоботанический, гельминтологический, дендрохронологический

Археологические датировки и культурная принадлежность археологических памятников, материалы которых были изучены, приведены по данным археологов [Археологическая карта … ; Брусницына, Ощепков, 2000; Косинская, Федорова, 1994].

Определения млекопитающих из раскопок Надымского городка 1999–2002 годов выполнены младшим научным сотрудником Института экологии растений и животных УрО РАН Т. В. Лобановой при участии старшего научного сотрудника Института экологии растений и животных УрО РАН П. А. Косинцева; из раскопок Надымского городка 2003–2011 годов, Усть-Войкарского городка 2003 года, ст. Салехард 1, Полуйского городка, села Обдорского, городища Бухта Находка, стоянка Мутная 1, тундровых памятников Полярного Урала, городища Мангазея в 2000–2004 и 2011 годах, городища Старотуруханского, поселка Церковенского — Т. В. Лобановой. Определения млекопитающих из раскопок Усть-Войкарского городка 2004–2008 годов и памятника Усть-Полуй в 2006, 2009–2011 годах осуществила кандидат биологических наук, научный сотрудник Института экологии растений и животных УрО РАН О. П. Бачура, из раскопок городищ Березово и Мангазея в 2005–2009 годах — Н. Е. Бобковская (в то время младший научный сотрудник Института экологии растений и животных УрО РАН). Определения остатков млекопитающих из раскопок остальных памятников выполнены П. А. Косинцевым. Кости птиц из раскопок Березовского городища и Мангазеи в 2005–2009 годах описал сотрудник Красноярского областного краеведческого музея кандидат биологических наук Н. В. Мартынович, кости птиц из раскопок Усть-Полуя — младший научный сотрудник Зоологического института

РАН А. В. Пантелеев. Описания остатков рыб из раскопок Полуйского городка 2005 года выполнил кандидат исторических наук Д. О. Плахута. Все остальные определения костей птиц и рыб принадлежат научному сотруднику Института экологии растений и животных УрО РАН А. Е. Некрасову.

Палинологический анализ выполнен кандидатом биологических наук, старшим научным сотрудником Ботанического сада УрО РАН Н. К. Пановой при участии В. А. Хижняк. Археоботанический анализ выполнен младшим научным сотрудником Института экологии растений и животных УрО РАН О. М. Короной. Дендрохронологические анализы выполнили: доктор биологических наук Института экологии растений и животных УрО РАН С. Г. Шиятов (Мангазея, Ярте 6, Зеленая горка, Зеленый Яр; доктор биологических наук Института экологии растений и животных УрО РАН Р. М. Хантемиров (Ярте 6); кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института экологии растений и животных УрО РАН В. М. Горячев (Мангазея, Надымский городок); кандидат биологических наук, научный сотрудник Института экологии растений и животных УрО РАН М. В. Гурская (Усть-Войкар). Палеоэнтомологический анализ проводил кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института экологии растений и животных УрО РАН Е. В. Зиновьев. Гельминтологический анализ выполнен врачом-лаборантом А. В. Лобановой.

Археозоологические и археоботанические коллекции из всех описанных ниже археологических памятников хранятся в музее Института экологии растений и животных УрО РАН.

3.1. МАТЕРИАЛЫ ПАМЯТНИКОВ АБОРИГЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ с 4-го тысячелетия до н. э. по XIX век

3.1.1. Памятники зоны тундры

Стоянка Юнета-Яха 9. Памятник расположен в среднем течении реки Юнета-Яха (70°29′ с. ш. 68°04′ в. д., рис. 26). Исследован Н. В. Федоровой в 2006 году [Федорова, И-2006]. Кости происходят из разрушенного культурного слоя VI–VII веков. Археозоологическая коллекция состоит из 17 костных остатков (табл. 25).

Северный олень представлен фрагментами бедра (1 экз.), большеберцовой кости (4 экз.), плечевой кости (3 экз.), плюсны (1 экз.), фаланги II (1 экз.).

Млекопитающие неопределимые. Кости, вероятно, принадлежат северному оленю.

Птица представлена одной костью утки.

Таблица 25

Видовой состав и количество костных остатков из памятников тундровой зоны

Вид	Памятники*															
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Собака	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	15/3 + скел.	–
Северный олень	78	33	34	10	9	2	2	9	59/3	7/2	12/2	2/1	3	96/20	16 011/135	1/1
Волк	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1/1	–
Песец	4	5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	218/15	–
Заяц-беляк	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1/1	–
Бобр	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1/1	–
Млекопитающие, ближе не определимые	40	30	45	43	17	–	–	7	8	1	13	5	3	3	3 284	1
Птицы (все)	30	19	1	–	2	–	-	1	–	–	–	3	–	2	238	10
Рыбы (все)	–	6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	23	–

Примечание. * Памятники: 1 — Мутная 1; 2 — Юнета-Яха 1; 3 — Юнета-Яха 3, культ. слой; 4 — Юнета-Яха 3, выдув; 5 — Юнета-Яха 4; 6 — Юнета-Яха 5; 7 — Юнета-Яха 7; 8 — Юнета-Яха 9; 9 — Нгурияха 1; 10 — Нгурияха 3; 11 — Нгурияха 5; 12 — Нгурияха 6; 13 — Нгурияха 7; 14 — Халято 1; 15 — Ярте 6; 16 — Юр-Яха 4.

Стоянка Юнета-Яха 3. Памятник расположен в среднем течении реки Юнета-Яха (70°27′ с. ш. 68°12′ в. д., рис. 26). Исследован Н. В. Федоровой в 2006 году. Археозоологическая коллекция состоит из 133 костных остатков. Часть костей была собрана на поверхности выдува, часть костей происходит из культурного слоя VII в. [Федорова, И-2006] (табл. 25). Оба комплекса имеют один тип сохранности.

Северный олень представлен фрагментами костей от всех элементов скелета: рога (1), бедра (12), плечевой (14), лучевой (2) костей (1 фрагмент принадлежал молодой особи), лопатки (11), ребра (1), позвонка (1), фаланги I (1).

Млекопитающие неопределимые. Кости, вероятно, принадлежат северному оленю.

Птица представлена одной бедренной костью гуся.

Стоянка Юнета-Яха 1. Памятник расположен в среднем течении реки Юнета-Яха (70°28′ с. ш. 68°12′ в. д., рис. 26). Исследован Н. В. Федоровой в 2006 году [Федорова, И-2006]. По археологическим материалам датируется VI–XI веками. Археозоологическая коллекция состоит из 93 костных остатков (табл. 25).

Северный олень представлен костями от всех элементов скелета: зубной ряд от нижней челюсти, фрагменты рога (1 экз.), бедра (6 экз.), большеберцовой (5 экз.), плечевой (3 экз.) костей, лопатки (2 экз.), таза (1 экз.), ребра (3 экз., из них 2 горелые), целая таранная и карпальная кость заплюсны. Целые лопатка и плечевая кость принадлежали новорожденной особи. Еще 7 костей этого вида не удалось определить ближе.

Песец представлен 2 фрагментами черепа, 1 фрагментом плечевой кости, бедром от молодой особи и кальцинированным хвостовым позвонком.

Млекопитающие неопределимые. Из 30 фрагментов костей 16 горелые, 9 — кальцинированные.

Птицы представлены исключительно перелетными видами: 14 костей принадлежат гусям (13 горелые), 5 костей — утке (2 кальцинированы, 2 горелые).

Рыбы представлены 6 костями налима.

Стоянка Юнета-Яха 7. Памятник расположен в среднем течении реки Юнета-Яха (70°28′ с. ш. 68°08′ в. д., рис. 26). Исследован Н. В. Федоровой в 2006 году [Федорова, И-2006]. По археологическим материалам датируется VI–XI веками.

На поверхности выдува обнаружены фрагмент плечевой и большеберцовой костей *северного оленя*.

Стоянка Юр-Яха 4 находится в районе нижнего течения реки Юрибей (68°55′ с. ш. 70°06′ в. д., рис. 26). Исследована А. Г. Брусницыной и К. А. Ощепковым в 1996 году [Брусницына, Ощепков, 2000]. По археологическим материалам датируется VI–VII веками н. э. (тиутей-салинский тип) и X–XI веками н. э. (кинтусовский этап Обь-Иртышской КИО). Все кости «сырые». Видовой состав приведен в табл. 29.

Северный олень представлен фрагментом берцовой кости молодой особи.

Гусь, ближе не определимый, представлен фрагментами нижней челюсти, 3 плечевых и 3 локтевых костей, 2 цевок и фаланги I.

Судя по наличию остатков гуся, поселение было обитаемо в теплый период года.

Стоянка Нгури-Яха 1 находится в среднем течении реки Харасавэй (68°05′ с. ш. 70°45′ в. д., рис. 26). Исследована А. В. Брусниционой и Н. В. Федоровой в 2004 году [Брусницина, И-2005]. По археологическим материалам датируется VI–XI веками. Археозоологическая коллекция состоит из 67 костных остатков (табл. 25). Все кости «сырые».

Северный олень. Все костные остатки принадлежат этому виду. Найдены целыми: шейный, грудной, 9 поясничных позвонков, крестец, пяточная и пястная кости с приросшими эпифизами. Фрагментами представлены: позвонки (5 экз.), крестец (2 экз.), плечевая кость (11 экз.), таз (10 экз.), бедро (17 экз.), пяточная кость. На ряде костей есть следы орудий. У одного поясничного позвонка отрублена передняя часть тела, у второго позвонка отрублены задние суставные отростки. У одного правого и одного левого нижних концов бедренных костей отрублены латеральные (наружные) суставные мыщелки, и одно левое бедро представлено отрубленным латеральным мыщелком. Таз разрублен поперек по суставной впадине. При разделке у плечевой и бедренной костей отбивали верхние и нижние концы. Два из пяти верхних концов плечевой кости имеют не приросшие верхние эпифизы, у всех остальных костей эпифизы приросли.

Млекопитающие неопределимые. Кости, вероятно, принадлежат северному оленю.

Стоянка Нгури-Яха 3 находится в среднем течении реки Харасавэй (68°05′ с. ш. 70°45′ в. д., рис. 26). Исследована А. В. Брусниционой и Н. В. Федоровой в 2004 году [Брусницина, И-2005]. По археологическим материалам датируется VI–XI веками. Археозоологическая коллекция состоит из 8 костных остатков (табл. 25).

Северный олень представлен 3 фрагментами бедренной кости и по 1 фрагменту плечевой, пяточной, пястной и плюсневой костей. У одного из двух верхних концов бедренной и у плюсневой костей не приросли эпифизы.

Стоянка Нгури-Яха 5 находится в среднем течении реки Харасавэй (68°05′ с. ш. 70°45′ в. д., рис. 26). Исследована А. В. Брусниciной и Н. В. Федоровой в 2004 году [Брусницина, И-2005]. По археологическим материалам датируется VI–XI веками. Археозоологическая коллекция состоит из 25 костных остатков (табл. 25).

Северный олень представлен 2 целыми зубами и 2 таранными костями и фрагментами нижней челюсти, подъязычной, плечевой (3 экз.), берцовой, пяточной и пястной костями. У двух нижних концов плечевой кости эпифизы приросли, у пястной кости эпифиз не прирос.

Млекопитающие неопределимые. Кости, вероятно, принадлежат северному оленю.

Стоянка Нгури-Яха 6 находится в среднем течении реки Харасавэй (68°06′ с. ш. 70°46′ в. д., рис. 26). Исследована А. В. Брусниciной и Н. В. Федоровой в 2004 году [Брусницина, И-2005]. По археологическим материалам датируется VI–XI веками. Археозоологическая коллекция состоит из 10 костных остатков (табл. 25).

Северному оленю принадлежат фрагменты диафизов плечевой и лучевой костей.

Млекопитающие неопределимые. Кости, вероятно, принадлежат северному оленю.

Птицы представлены одной костью гуся и двумя костями белой куропатки.

Стоянка Нгури-Яха 7 находится в среднем течении реки Харасавэй (68°06′ с. ш. 70°46′ в. д., рис. 26). Исследована А. В. Брусниciной и Н. В. Федоровой в 2004 году [Брусницина, И-2005]. По археологическим материалам датируется VI–XI веками. Археозоологическая коллекция состоит из 6 костных остатков (табл. 25).

Северный олень представлен 2 фрагментами диафиза бедренной кости и целой таранной костью.

Млекопитающие неопределимые. Кости, вероятно, принадлежат северному оленю.

Селище Тиутей-Сале 1 находится на северо-западе побережья Ямала, в районе устья реки Тиутейяха (71°25′ с. ш. 67°45′ в. д., рис. 26). Впервые было исследовано и описано В. Н. Чернецовым в 1935 году в статье «Древняя приморская культура на полуострове Я-мал»:

Обнаружены были кости морских зверей, осколки глиняных сосудов и пр. Среди костных остатков преобладают кости моржей и в несколько меньшей степени — тюленей. Кости оленей и песцов попадаются как исключение [Чернецов, 1935, с. 110–111].

Подведя итог изложенному, можем составить заключение, что землянки на Тиутей-Сале представляют из себя место более или менее длительного поселения. За это говорит и капитальность постройки, и мощность культурного слоя, и большое количество костных остатков. Последние, в свою очередь, состоят в основном из костей морского зверя, а в особенности моржа, который, очевидно, являлся главным объектом промысла. Сухопутные животные и птицы играли в промысле второстепенную роль [Там же, с. 116].

Раскопки на Тиутей-Сале 1 проведены Н. В. Федоровой в 1995 году [Федорова, Косинцев, Фицхью, 1998].

По археологическим материалам и радиоуглеродным датам этот участок заселялся неоднократно — в VI–VIII и XII–XIV веках.

Археозоологическая коллекция состоит из 5 693 костных остатков (табл. 26), описание ее опубликовано [Федорова, Косинцев, Фицхью, 1998]. Она была разбита на три различные группы, согласно залеганию в слоях. Две группы происходят из датированных слоев: VI–VIII века и XII–XIV века, третья группа представляет собой смешанный комплекс, так как собрана из разрушенных участков культурного слоя первых двух периодов (табл. 26). Характеристики этого смешанного комплекса не противоречат данным, полученным по «чистым» комплексам. Окрашенность почти всех костей колеблется от светло-коричневой до темно-коричневой, немного костей коричневато-желтого цвета. Последние связаны с линзами опесчаненного культурного слоя. Исключение составляют кости грызунов, которые имеют светлую окраску и все происходят из верхнего слоя, куда попали относительно недавно. Остальной материал в целом имеет одинаковый тип сохранности и не содержит поздних материалов.

Собака. Найдено 4 кости: из смешанного комплекса — целая нижняя челюсть полувзрослой особи и фрагмент ребра, из слоя XII–XIV веков — целый верхний клык и диафиз большой берцовой кости. Они принадлежат двум особям — взрослой и полувзрослой среднего размера.

Волк. Остатки волка найдены во всех слоях. В слое VI–VIII веков найден верхний конец с диафизом метакарпальной кости. В слое XII–XIV веков найдены: целая лучевая, нижние концы плечевой и большеберцовой костей, верхний конец метатарса, целые первая и вторая фаланги. В смешанном комплексе найдены: нижняя челюсть с отломленным концом коронарного отростка, целый C/1, фрагмент ребра, целая берцовая без верхнего и нижнего эпифизов и диафиз локтевой кости. Метатарзальная кость подверглась действию пищеварительных ферментов; плечевая, локтевая кости и вторая фаланга погрызены. Берцовая кость принадлежит особи в возрасте нескольких месяцев, то есть добытой летом или осенью.

Таблица 26

Видовой состав и количество костных остатков из селищ Тиутей-Сале 1 и 3

Виды	Тиутей-Сале 1			Тиутей-Сале 3
	VI–VIII вв.	XII–XIV вв.	Смешанные слои	VI–XI вв.
Собака	–	2/1	2/1	–
Северный олень	45/5	417/11	538/12	38/3
Песец	25/5	1 254/71	445/29	94/7
Волк	1/1	6/2	5/2	2/1
Белый медведь	42/5	89/6	166/10	16/2
Морж	44/3	127/6	185/9	36/3
Морской заяц	–	–	1/1	–
Нерпа кольчатая	2/1	33/5	16/3	12/2
Мамонт	–	–	1	–
Копытный лемминг	–	3/3	–	–
Сибирский лемминг	–	–	4/3	–
Грызуны	–	9	8	–
Млекопитающие неопр.	34	436	256	66
Птицы (все)	115	1 092	264	228
Рыбы (все)	–	19	7	–

Песец. Этому виду принадлежит наибольшее количество костных остатков (табл. 27). Подавляющее большинство их происходит из слоя XII–XIV веков. Из всех слоев кости имеют одинаковый тип сохранности.

В слое VI–VIII веков не найдено остатков осевого скелета (табл. 28), что, вероятно, связано с малым объемом выборки. Имеются кости задней лапы щенка 1–2 месяцев и передней лапы щенка 3–4 месяцев; у одной нижней челюсти начинают прорезаться C/1 и M/1, у другой — начинается смена D/1–4, у двух челюстей эта смена только что произошла. Кости слабо раздроблены: все нижние челюсти, таз, одна лучевая, одна локтевая, бедренная, берцовая и метаподия — целые, остальные — или половинки костей, или целые эпифизы. Следы погрызов на трех костях. Эти данные позволяют заключить, что добывались звери с первой возрастной стадии, у которой шкурку уже можно использовать (слепушонка или копанец), и промысел велся все лето и осень [Гептнер, Наумов, Юргенсон и др., 1967]. Тушки добытых зверей приносили на поселение и здесь обдирали.

Таблица 27

Соотношение костных остатков основных видов и групп животных из селищ Тиутей-Сале 1 и Тиутей-Сале 3

Виды	Тиутей-Сале 1						Тиутей-Сале 3	
	VI–VIII вв.		XII–XIV вв.		Смешанные слои		VI–XI вв.	
	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%
Песец	25	8,5	1 254	41,8	445	27,6	67	19,3
Белый медведь	42	14,3	89	3,0	166	10,3	15	4,3
Тюлень	2	0,6	33	1,1	17	1,0	5	1,4
Морж	44	15,0	127	4,2	185	11,5	23	6,6
Северный олень	45	15,4	417	13,8	538	33,3	31	8,9
Птица	115	39,2	1 092	36,3	264	16,3	222	63,8

Таблица 28

Соотношение отделов скелета песца, белого медведя, моржа и северного оленя из раскопок селища Тиутей-Сале 1

Отделы скелета	VI–VIII вв.		XII–XIV вв.		Смешанные слои	
	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%
Песец						
1. Череп*	7	30	340	30	142	37
2. Осевой скелет	0	0	242	22	27	6
3. Пояса и прокс. отделы конечностей	15	65	435	39	185	48
4. Дист. отделы конечностей	1	5	104	9	36	9
Белый медведь						
1. Череп*	4	12	13	18	24	18
2. Осевой скелет	3	9	22	31	30	23
3. Пояса и прокс. отделы конечностей	9	26	4	6	15	11
4. Дист. отделы конечностей	18	53	32	45	66	49
Морж						
1. Череп*	7	21	28	26	37	26
2. Осевой скелет	6	18	20	18	33	21
3. Пояса и прокс. отделы конечностей	3	9	25	23	26	17
4. Дист. отделы конечностей	18	53	36	33	52	36
Северный олень						
1. Череп*, **	6	18	29	8	45	9
2. Осевой скелет	10	29	112	29	141	29
3. Пояса и прокс. отделы конечностей	14	41	192	49	243	49
4. Дист. отделы конечностей	4	12	55	14	67	14

Примечания. * Без учета изолированных зубов.
** Без учета рогов.

В табл. 29 приведены данные о соотношении костей разной степени раздробленности из слоя XII–XIV веков. Большая часть костей целые или представлены крупными фрагментами. Причем, судя по характеру их разрушения, они сломались уже в слое или были обгрызены хищниками. То же относится и к мелким фрагментам. Следов разделки на костях не обнаружено. Без сомнения, почти все кости первоначально были выброшены в виде тушек, а затем уже происходила их фрагментация под действием естественных факторов. Раскопом было вскрыто место, куда выбрасывали тушки после снятия шкурок. При этом хвостовая часть позвоночника вытаскивалась из хвоста, а фаланги оставлялись на тушке, так как на нижних суставах метаподий следов их отрезания нет. Очень малое количество фаланг среди костей, вероятно, связано с тем, что из-за мелких размеров их трудно было обнаружить во время раскопок.

Характер раздробленности костей из смешанного комплекса

Таблица 29

Степень целостности костей песца из слоя XII–XIV веков селища Тиутей-Сале 1

Элемент скелета	Целые		Крупные фрагменты		Мелкие фрагменты	
	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%
Верхняя челюсть	11	24	34	76	0	0
Нижняя челюсть	59	40	43	30	42	30
Позвонки	28	83	0	0	5	17
Ребра	0	0	211	100	0	0
Лопатка	9	18	8	16	34	66
Плечевая	8	11	51	78	7	11
Лучевая	27	32	53	67	1	1
Локтевая	25	36	31	47	11	17
Таз	3	9	14	41	17	50
Бедренная	9	19	24	50	15	31
Большая берцовая	8	10	54	70	15	20
Метаподии	93	94	3	3	3	3

Примечание. Крупные фрагменты: у верхней и нижней челюсти это целые зубные ряды; у трубчатых костей — целые диафизы или эпифизы; у лопатки и таза — целые суставные впадины; у всех ребер обломаны концы; у части позвонков, отнесенных к целым, отломаны некоторые отростки.

аналогичен таковому из слоя XII–XIV веков. В материалах из обоих слоев есть единичные кости щенков в возрасте от одного до нескольких месяцев, а также отдельные челюсти с D/1–4. Однако почти все челюсти имеют уже постоянные премоляры. Таким образом, промысел песца в XII–XIV веках также начинали очень рано (стадия слепушонка или копанца), но подавляющее большинство среди добытых составляют взрослые особи и небольшое количество молодых с только что сменившимися зубами (стадия синяка). Это подтверждают и результаты изучения слоистых структур в корне клыков [Клевезаль, 1988]. У пяти клыков определен возраст 1+, но сезон добычи определить не удалось. Один клык принадлежал взрослой особи, добытой летом или осенью. Все эти данные позволяют полагать, что пик промысла приходился на сентябрь-октябрь и он имел товарный характер.

Белый медведь. По количеству остатков этот вид на четвертом месте среди млекопитающих (табл. 27).

В комплексе VI–VIII веков представлены все элементы скелета, среди которых преобладают кости дистальных отделов конечностей (табл. 28). Следов погрызов немного. На целой нижней челюсти и фрагментах черепа следов разделки нет. На первом шейном позвонке имеется глубокий порез на вентральной дуге, переходящий на правую краниальную суставную поверхность, и след сильного удара сверху вниз по правой каудальной суставной поверхности, отрубивший ее латеральный край. На одном ребре след отрубания на верхнем и нижнем концах. Лопатка представлена отбитой остью и суставной впадиной с отбитой нижней половиной. Плечевой кости принадлежит фрагмент отбитого нижнего конца, разрубленного поперек длинной оси блока. Неприросшая головка бедра разрублена сбоку. У лучевой кости разрублен вдоль неприросший эпифиз. У большой берцовой кости разрублен саггитально неприросший верхний эпифиз. На нижнем конце малой берцовой кости два параллельно идущих спереди назад пореза на фасетке для сочленения с астрагалом. Пяточная кость представлена отрубленной нижней половиной. У одной из дистальных карпальных костей срублена часть верхней фасетки. Три метаподии из четырех сломаны посередине диафиза. Один нижний конец расколот вдоль; у одного верхнего конца срублена сбоку часть верхнего сустава. На фалангах следов разделки не найдено.

Кости принадлежат как минимум одной молодой, одной полувзрослой и трем взрослым особям, из которых по крайней мере одна была самкой.

Находки комплекса XII–XIV веков включают кости всех отделов скелета, но существенно преобладают здесь остатки дистальных отделов конечностей (табл. 28). Среди костей черепа есть подъязычная кость. У одной нижней челюсти на внешней стороне коронарного отростка имеются порезы. Головки отрублены у двух и отломлены у трех ребер; одно ребро разрублено посередине; у двух ребер имеются порезы у верхнего конца и посередине. У одной малой берцовой кости на нижнем конце срублен сустав для сочленения с астрагалом. На дистальной и проксимальной карпальных костях порезы на боковых сторонах; одна карпальная разрублена. Среди метаподий у одной отбита часть нижнего конца. У одной сесамоидной кости имеются порезы на задней поверхности. На двух первых фалангах частично отрублены нижние концы и у одной — верхний конец. Одна метаподия и четыре первые фаланги кальцинированы. У одной второй фаланги отрублена большая часть нижнего конца, и у одной третьей фаланги частично отрублен сустав. Погрызы хищниками немногочисленны. Сохранились два роговых чехла когтевой фаланги.

Кости принадлежат минимум одной полувзрослой и пяти взрослым особям, из которых большая часть самки.

Смешанный комплекс предоставил самую многочисленную выборку, включающую все элементы всех отделов скелета с преобладанием, как и везде, части дистальных отделов конечностей (табл. 28). Следы разрубания имеются на теле затылочной кости около основания левого мыщелка. Одна нижняя челюсть имеет вертикальный порез немного кзади от челюстного отверстия, и одна представлена фрагментами зубного ряда со следами ударов вдоль по телу челюсти. У двух атлантов имеются порезы на поверхности краниальных суставов; у третьего — на поверхности вентральной и дорсальной дуг и на краю краниального сустава. Два шейных позвонка представлены фрагментами тела, разрубленными вдоль. Грудному позвонку принадлежит остистый отросток с дугой, отрубленные параллельно плоскости каудальных суставов. Один фрагмент ребра с отрубленной головкой; четыре — со следами разрубания посередине и один разрублен посередине и отрублен от грудины. Грудина представлена рукояткой с отрубленной боковой частью верхнего конца и пореза на передней стороне. У лопатки отбита ость и отрублена нижняя часть суставной впадины. Один фрагмент плечевой кости имеет след удара посередине диафиза, второй является нижней половиной кости с отрубленными в саггитальной плоскости медиальным мыщелком. Бедру принадлежит отрубленный в поперечной плоскости фрагмент блока. Один фрагмент диафиза лучевой кости имеет многочисленные следы поперечных

ударов по передней стенке, а второй является отрубленным медиальным краем нижнего конца. Один фрагмент большой берцовой кости является бугром, срубленным в поперечной плоскости. На нижней стороне держателя астрагала левой пяточной кости след сильного удара. У правой таранной кости сколоты медиальная половина головки и почти весь медиальный гребень, верхний край блока и нижний край наружной пяточной фасетки и латерального гребня. На третьей запястной кости сколота часть медиальной стороны; у четвертой запястной кости имеются порезы на дистальном суставе; у четвертой заплюсневой кости отбита медиальная половина и порез на задней поверхности; у центральной кости заплюсны косые порезы на медиальной фасетке. У четвертого метатарса порезы на переднем и заднем краях верхнего сустава; у первого метатарса сколот передний край верхнего конца с частью стенки диафиза. Две метаподии представлены сколотыми фрагментами верхних концов с частью стенок диафиза; пять метаподий представлены сколотыми фрагментами нижних концов. У одной метаподии сколот верхний конец и часть нижнего, и шесть метаподий представлены отбитыми дистальными половинами. У трех первых фаланг отбиты фрагменты с боковой стороны, у двух — дистальные края нижнего сустава. У одной второй фаланги отбит передний край верхнего конца. У одной третьей фаланги отбит боковой край верхнего конца и порез на его нижней стороне. Погрызы хищниками относительно немногочисленны, но имеются даже на когтевой фаланге. Одна карпальная и два фрагмента метаподии кальцинированы и один обгорелый.

Кости принадлежат как минимум двум молодым, двум полувзрослым и шести взрослым (из них 2 самца и 4 самки) особям.

Промысел велся, естественно, на том или ином расстоянии от поселения, на которое приносили части туши и шкуру (табл. 28). На основании анализа полового и возрастного состава добытых животных можно полагать, что охота велась на активных, а не спящих в берлоге особей. В противном случае при весомой доле в добыче самок можно было бы с большой долей вероятности ожидать находок костей подсосных медвежат. Имеющиеся остатки молодых особей принадлежат животным в возрасте нескольких месяцев, то есть уже покинувших берлогу и добытых весной — осенью.

Анализ следов разделки на костях показывает, что ее технология была одинаковой во все периоды. Шкура могла сниматься как с головой и лапами, так и без них. Голова отрубалась или, чаще, отрезалась вместе с первым шейным позвонком. Ребра отрубались от позвонков, а позвоночник разрубался на части. Отрезались передние конечности с лопаткой и отрубались от таза задние конечности. Вероятно, эти крупные части и доставлялись на поселение. Здесь происходила дальнейшая разделка: отрубалась лопатка от плечевой кости, разрубался локтевой сустав, разрубался коленный сустав. Затем разбивались в области диафиза трубчатые кости, ребра отрубались от грудины и разрубались на части, иногда отрезалась нижняя челюсть от черепа. Лапы, независимо от того, оставлялись на шкуре или нет, отделялись от конечностей одинаково. Чаще всего они отрубались и (или) отрезались в запястном и заплюсневом суставе целиком; реже отрезались или отрубались только фаланги без метаподий, причем довольно часто при этом у метаподий отламывали нижние концы; иногда отрубались вместе с метаподиями и первые фаланги и очень редко отрубались и вторые фаланги и оставлялись только когти. В последнем случае можно говорить и обратное — что от лап отрубались когти. Разнообразие способов отделения лап свидетельствует о том, что устойчивая традиция этих действий в то время еще не сформировалась.

Среди остатков преобладают дистальные отделы конечностей (метаподий и фаланги). Такое количество указывает на то, что лапы специально хранились в одном месте, и это место, вероятно, было в районе раскопа. Костей головы относительно немного, но среди них большинство составляют целые нижние челюсти и имеются подъязычные кости. Это говорит о том, что в слой они попали от целых голов, которые, вероятно, хранились в специальном месте неподалеку от места раскопа. Таким образом, имелись места на поселении, где хранились головы и лапы медведей. Скорее всего, это было одно место и, возможно, здесь же хранились шкуры. Но последнее предположение наименее обоснованно. Когда жители поселения последний раз покидали его, головы и лапы остались на своем месте. Возможно, люди думали еще вернуться, но, скорее всего, головы и лапы медведей были оставлены преднамеренно, так как это произошло в оба периода заселения мыса, то есть люди дважды оставляли их. Надо думать, это были стационарные жертвенники типа избушек или помостов, где хранились головы и лапы (со шкурами?). В случае открытых жертвенников свежие кости после ухода осенью людей привлекали бы хищников (волк, песец, росомаха), и те растащили или изгрызли бы их. Следов погрызов немного, то есть когда кости стали доступны для хищников, они уже мало интересовали их. Это стало возможным через значительное время после того, как люди навсегда покинули поселение и стационарные жертвенники разрушились. Вероятно, только самые поздние жертвоприношения привлекли хищников.

Найдено 5 изолированных клыков и 2 клыка в нижних челюстях. Никаких следов обработки или использования на них не обнаружено. Имеются следы преднамеренного, по нашему мнению, сжигания лап медведя. В двух случаях были найдены скопления кальцинированных костей, среди которых определены только фрагменты фаланг и метаподий. Все единичные обгорелые или кальцинированные кости медведя также представляют собой элементы лап, причем как передних, так и задних. Мелкая фрагментация кальцинированных костей указывает на то, что они попадали в огонь с мягкими тканями. Кальцинация костей наступает при длительном нахождении в огне. Случайное попадание в огонь одновременно нескольких фаланг и метаподий с мягкими тканями, длительное их там нахождение, а затем сохранение в одном скоплении крайне маловероятно. Это возможно только как результат преднамеренных действий человека и позволяет считать, что у обитателей поселения существовали обряды, включавшие сжигание лапы белого медведя.

Мясо белого медведя использовали в пищу. Кости при этом разрубали и затем выбрасывали. Часть из них, вероятно, попадала собакам. Это указывает на отсутствие особого отношения к костям туловища и конечностей (кроме лап). Соотношения остатков разных отделов скелета близки в материалах обоих периодов существования поселения (табл. 28); сходны половой и возрастной состав добычи и способы разделки, что делает возможным предположение об однотипных приемах промысла, транспортировки и утилизации добытых животных. Имеющиеся материалы позволяют говорить о существовании определенного медвежьего культа у населения древнего Тиутей-Сале 1, но не в таком развитом виде, как это имеет место у современных угров.

Морж. Остатки этого вида наиболее многочисленны в слое VI–VIII веков (16,9 %), а в остальных комплексах его доля ниже (табл. 27). Среди частей скелета везде преобладают дистальные отделы конечностей (табл. 28). Следы разделки на костях не имеют какой-либо специфики в разновременных комплексах, поэтому они описываются для всей выборки. Три крупных фрагмента черепа имеют следы разрубания перед глазницами или между ними. Остальные фрагменты являются отрубленными частями разных отделов. Из 57 клыков только два целых, остальные — отщепы. У одного первого шейного позвонка порезы на краниальном суставе, и один шейный позвонок представлен отрубленным суставным отростком. У одного ребра отрублена головка, три ребра разрублено посередине и у одного — следы резания посередине тела. Две лопатки разрублены вдоль, у четырех отрублены нижние края суставной, впадины и одна разрублена поперек. Два таза представлены отрубленными лонными костями. Следы разрубания на диафизе и у верхнего конца одной плечевой кости, и два фрагмента диафиза отбиты. Среди бедренных три отрубленных фрагмента нижнего эпифиза. У всех локтевых отрублены верхние концы по блоковой вырезке. У пяти лучевых костей отрублены верхние концы. Две большеберцовые представлены отрубленными фрагментами верхнего конца. Среди тарзальных костей две разрублены, на одной след удара, отрублен бугор пяточной кости. У четырех метаподий следы отрубания и отрезания на нижних концах и у четырех — на верхних. На диафизах двух первых фаланг следы разрубания. Большая часть фаланг и метаподий и многие другие кости погрызены хищниками. По этим данным разделку туши моржа можно реконструировать следующим образом. Голова отрубалась и (или) отрезалась от первого шейного позвонка, затем разрубалась поперек, вырубались клыки, и она разрубалась на части. Передняя конечность отрезалась с лопаткой, которая отрубалась в плечевом суставе и разрубалась вдоль и поперек; затем конечность разрубалась в плечевом суставе и отрубались или отрезались ласты. Ребра отрезались или отрубались от позвонков. Найдено всего 11 позвонков туловища, что позволяет предполагать, что позвоночник оставляли на месте первичной разделки. Таз отрубался от крестца и разрубался. Задняя конечность разрубалась в коленном и тарзальном суставах. Крупные части туши, в том числе и ласты, разрезались и разрубались на более мелкие куски.

Судя по размеру клыков, добывались и самцы и самки. Имеется относительно много костей детенышей в возрасте 1–2 месяцев, тушки которых, вероятно, целиком приносили на поселение и здесь разделывали, разрезая по суставам. Добыча животных велась в июле и августе на береговых лежбищах.

Морской заяц. Этому виду принадлежит плечевая кость от особи в возрасте нескольких месяцев, то есть добытой летом.

Нерпа кольчатая. Кости этого вида немногочисленны, но найдены во всех слоях (табл. 26). Среди остатков имеются кости всех отделов скелета. Почти все они принадлежат взрослым особям, но есть несколько костей полувзрослых особей. Кости слабо раздроблены, погрызов собаками немного. Позвонки, ребра, локтевые, бедренные кости и череп представлены фрагментами; все карпальные, тарзальные кости и фаланги целые; целые также пять из восьми метаподий, две из трех плечевых костей, одна из двух лопаток и две из семи лучевых костей.

Разделка туши реконструируется следующим образом: ребра отрубались, позвоночник разрубался на куски; передняя конечность отрезалась с лопаткой, а затем разрубалась по лопатке или плечевой кости посередине лучевой и локтевой костей и по метаподиям; задняя конечность отрубалась по бедренной кости и, вероятно, по берцовой и по метаподиям.

Целенаправленный промысел этого вида не проводился. Добывались, по всей видимости, отдельные особи, заходившие в устье реки.

Северный олень. Этот вид по количеству остатков занимает второе место среди млекопитающих (табл. 27). Характерной особенностью его остатков является практически одинаковое соотношение частей скелета во всех трех комплексах (табл. 28). Следует отметить, что погрызов и следов разделки на костях относительно мало. Анализ показал один и тот же характер их расположения на костях во всех выборках. Поэтому реконструкция утилизации туши приводится для обобщенной выборки.

Рога представлены только фрагментами, причем большая часть их имеет следы обработки. От черепа и нижней челюсти также имеются только фрагменты. На фрагментах черепа следы разделки, указывающие на вырубание рогов вместе с частью черепа и отрубание верхней челюсти. Нижняя челюсть представлена почти исключительно диастемно-резцовыми отделами, зубными рядами и их фрагментами и восходящими ветвями. Единичные позвонки, в том числе атланты, целые, а большая часть — фрагменты. У ребер отрублены или отломлены головки, и большая их часть разбита на части. Лопатки разбиты на части, причем почти у всех суставных впадин отрублены верхняя или нижняя части. У тазовых костей отрублены крылья подвздошной кости; большая часть суставных впадин разрублена в поперечной плоскости; разрублены тела седалищной и лонной костей. У трубчатых костей обычно разрублены в дорсальной или медиальной плоскостях верхние и нижние эпифизы; отбиты верхние и нижние концы; почти все диафизы разбиты на фрагменты. У пяточных костей отбиты бугры; отбиты держатель астрагала или разбито тело. Часть карпальных, таранных и центротарзальных костей разрублены, у метаподий отбиты и (или) разбиты верхние и нижние концы и почти у всех — диафизы. Все первые и вторые фаланги главных пальцев разбиты; обычно ударом скалывалась часть верхнего конца и стенка диафиза. Третьи фаланги главных пальцев отсутствуют.

Несомненно, вначале снималась шкура. Голова отделялась за вторым шейным позвонком или отрубалась по нему. У части черепов вырубались рога; нижние челюсти иногда отрезали, но чаще отбивали (отрубали?) по основанию восходящей ветви. Тело нижней челюсти разбивалось для извлечения содержимого. Позвоночник разрубался на части. Ребра отрубались от позвонков и от грудины и разрубались. Передняя конечность отрубалась с лопаткой, затем разрубалась (редко — ломалась) в плечевом суставе, разрубалась по локтевому суставу или над ним и разрубалась в запястном суставе. Задняя конечность отрубалась от крестца с частью таза, затем разрубалась по тазобедренному суставу или под ним, разрубалась по коленному суставу или над ним и разрубалась в скакательном суставе. Все трубчатые кости разбиты в области диафиза. Очень небольшая доля костей дистальных отделов конечностей (табл. 28) позволяет сказать, что они снимались вместе со шкурой, и дальнейшая их утилизация происходила вне исследованной части поселения. Они отделялись от шкуры и метаподий, первые и вторые фаланги разбивались для извлечения костного мозга.

Среди отделов скелета фрагменты черепа составляют небольшую часть, и их меньше, чем у какого-либо другого вида (табл. 28). Рога представлены 46 фрагментами, причем почти все они имеют следы обработки орудиями. Это позволяет полагать, что большая часть рогов оставалась на головах, а головы разделывались или хранились в каком-то определенном месте. Вероятно, часть их была использована для жертвоприношений, но не вместе с головами белого медведя (см. выше), так как в этом случае они должны были быть тоже в большом количестве.

Можно полагать, что добыча оленей производилась на озерно-пойменных низинах к северу и северо-востоку от поселения. Добывались почти исключительно особи старше 2–3 лет. На месте добычи снимали шкуру с ног и разделывали тушу на крупные части. Все это транспортировали на поселение, где и происходила окончательная утилизация. Вероятно, имелось специальное место по обработке шкур, где отделялись метаподии и фаланги и происходило их потребление. Головы частью, возможно, попадали на специализированное святилище. Судя по малочисленности находок отходов отработки рогов, для этого на поселении тоже было определенное место.

Сезон забоя можно установить по нескольким признакам. Имеются рога самок, которые были отломлены от черепа, то есть чуть раньше их естественной потери. Сброс рогов у них бывает в первые дни после отела [Гептнер, Насимович, Банников, 1961], значит, эти рога принадлежат самкам, добытым сразу после отела — в начале июня. Имеются нижние челюсти с прорезающимся M/1 и лучевые кости с едва приросшим

верхним эпифизом. Такое состояние зубной системы нижней челюсти и верхнего эпифиза лучевой кости бывает в возрасте 3–4 месяцев [Акаевский, 1939; Млекопитающие Якутии], то есть в сентябре или октябре. Таким образом, промысел северного оленя велся с июня по октябрь.

Жители поселения Тиутей-Сале 1 держали в хозяйстве домашних оленей, на что указывают находки полоза нарты и оленьего налобника. Однако по имеющимся костным остаткам невозможно определить, есть ли среди них кости домашней формы. Если и есть, то очень немного, так как крупностадное оленеводство сформировалось много позже, и вряд ли забивали на еду немногочисленных домашних особей. Возможные остатки могут принадлежать случайно погибшим особям домашнего оленя, которых съедали по необходимости.

Птицы. Всего определена 1 471 кость птиц, из них до вида определено 112 костей, как минимум 11 видов (табл. 30). Все виды являются обычными для Ямала [Данилов, Рыжановский, Рябицев, 1984]. Все кости относятся к кухонным остаткам, на части костей есть порезы от орудия типа ножа, некоторые кости имеют следы погрызов хищниками (собака, песец). Интересно отметить, что при употреблении крупных гусей у длинных трубчатых костей обламывались оба конца. В настоящее время так же делают ненцы.

В изученной выборке представлены все отделы скелета и почти все кости, за исключением шейных позвонков. Фрагменты черепа и фаланги пальцев найдены в единичных экземплярах. Среди костей плечевого пояса и верхнего отдела нижних конечностей соотношение правых и левых близко к 1:1. Соотношение костей нижнего отдела ног отличается от соотношения 1:1 — дистальных костей найдено очень небольшое количество [Федорова, Косинцев, Фицхью, 1998].

Таблица 30

Видовой состав и количество костных остатков птиц из тундровых памятников

Вид	Памятники *				
	1	**2**	**3**	**4**	**5**
Краснозобая гагара	–	–	–	6	1
Чернозобая гагара	–	–	–	5	2
Белоклювая гагара	–	–	–	3	–
Гагара неопределимая	2	2	2	–	–
Краснозобая казарка	–	–	–	2	–
Пискулька	–	–	–	9	–
Гуменник	3	23	6	5	4
Белолобый гусь	2	11	–	9	16
Гусь неопределимый	6	696	177	–	91
Лебедь-кликун	1	10	2	25	6
Тундряной лебедь	–	1	–	6	7
Шилохвость	–	–	–	1	–
Морянка	1	12	1	4	3
Гага-гребенушка	–	4	–	–	3
Морская чернеть	–	2	–	–	–
Утка неопределимая	3	54	12	4	9
Белая куропатка	–	3	–	-	1
Тундряная куропатка	–	1	–	16	1
Белая сова	–	1	–	4	–
Длиннохвостый поморник	–	–	–	–	1
Серебристая чайка	16	9	5	–	8
Чайки неопределимые	–	–	–	–	3
Турухтан	–	–	–	6	–
Кулик неопределимый	–	2	–	–	–
Птицы неопределимые	21	260	59	56	82
Всего	**115**	**1 092**	**264**	**161**	**238**

Примечание. * Памятники: 1 — Тиутей-Сале 1, VI–VIII вв.; 2 — Тиутей-Сале 1, смешанные слои; 3 — Тиутей Сале 1, XII–XIV вв.; 4 — Бухта Находка; 5 — Ярте 6.

Большая часть костей — более 60 % (табл. 30) — принадлежат гусеобразным. Северо-западное побережье Ямала является одним из основных районов скопления водоплавающих птиц во время линьки в июле — августе [Рябицев, Алексеева, 1995]. Вероятно, в это время и добыто подавляющее большинство птиц.

Рыбы. Все кости принадлежат лососеобразным, вероятно, омулю и сиговым. Они ловились в единичных экземплярах и не играли какой-либо роли в питании населения поселения. Связано это с отсутствием эффективных орудий лова. В условиях многолетней мерзлоты невозможно использовать традиционные для таежной зоны и очень производительные запорные сооружения. Ловушки типа морд без запоров малоэффективны. Для ловли рыбы в больших количествах в реках и озерах Ямала нужны сети большого размера, каковых в то время не было. Вероятно, ловля рыбы жителями поселения производилась индивидуальными (удочки, остроги, лук) и (или) небольшими стационарными (морды, маленькие сети) орудиями.

Анализ археозоологического материала. Мы более подробно остановимся на млекопитающих, хотя наряду с ними одним из источников мясной пищи и в VI–VIII и в XII–XIV веках были гусеобразные птицы. Среди млекопитающих основными промысловыми животными в оба периода были белый медведь, морж и северный олень (табл. 27). Соотношение остатков основных отделов скелета можно считать одинаковыми (табл. 28). Это свидетельствует о том, что и в тот и в другой период на поселение приносили одни и те же

части туши и, соответственно, значение каждого вида в мясном рационе оставалось неизменным. Количество остатков из слоя VI–VIII веков невелико, поэтому оно может быть случайным. Если же оно отражает реальное соотношение остатков, то можно говорить о равных долях белого медведя, моржа и северного оленя. В слое XII–XIV веков соотношение другое (табл. 27). Здесь, несомненно, основу мясного рациона составляло мясо северного оленя, а роль моржа и особенно белого медведя была ниже. В оба периода было велико значение птицы и очень мало — тюленей и рыбы.

В XII–XIV веках резко увеличивается промысел песца, и его остатки составляют большинство (табл. 27). При этом, возможно, меняется способ доставки шкурок на поселение. В материалах VI–VIII веков нет костей осевого скелета, тогда как в слое XII–XIV веков их много (табл. 28). Возможно, в более ранний период на поселение приносили в основном шкуру с головой и ногами, а позднее в большом количестве приносили тушки целиком. Такое большое количество остатков в слое XII–XIV веков, большая часть из которых целые (табл. 29) или разрушены естественными факторами, указывает, что добывались они не в пищу. Несомненно, это свидетельство товарного характера промысла песца.

Археологические и археозоологические данные, особенности экологии промысловых видов и использование этнографических параллелей позволяют реконструировать методы охоты. Щенков песца начинали добывать еще на норовищах. Для этого могли использовать петли, ловушки давящего типа и лук. Позднее (в сентябре — октябре), после того как щенки покидали норовища, добычу могли вести ловушками давящего типа или луком. Взрослых моржей добывали оружием типа копий или топорами; сеголеток могли убить даже палкой. Добыча белых медведей велась также оружием типа копья и стрелами с хорошими наконечниками. Северного оленя добывали, скорее всего, с помощью лука. Линных гусей, вероятно, на берегу забивали палками.

Промысел велся с помощью собак средних размеров. В обоих слоях много костей, особенно моржа и северного оленя, со следами погрызов собакой. То есть и в VI–VIII веках использовалась собака, а отсутствие ее остатков связано с малым объемом выборки (табл. 26). Именно малое количество остатков собак свидетельствует, что они были охотничьими, а не транспортными животными.

Норовища песца располагались по периметру в высоких террасах, то есть к югу и востоку от поселения. Белый медведь и морж обитали на побережье, а северный олень и гуси концентрировались в озерно-пойменных низинах, то есть к северу и северо-востоку от поселения. Из-за действия фактора беспокойства они вряд ли приближались к поселению ближе, чем на 1–2 км. Таким образом, промышляли животных вдали от поселения и первичную разделку, за исключением птиц и песца, производили на месте добычи.

Технология первичной разделки была одинакова для всех видов в оба периода. У туш отрубалась голова, ребра, передние и задние конечности. Последние и позвоночник еще разрубались, причем конечности по суставам. Первичная разделка, судя по следам, велась с помощью топора. Разделка кусков при приготовлении пищи производилась топором и ножом. Топором разрубались трубчатые, тазовые, лопаточные кости и части позвоночника моржа и белого медведя. Вторичная разделка частей северного оленя вполне могла производиться и ножом. Части туш тюленей и совсем молодых моржей готовились целиком, и их кости не разбивались для извлечения костного мозга. Нижние челюсти, метаподии, первая и вторая фаланги северного оленя и трубчатые кости его, белого медведя и моржа разбивались для извлечения костного мозга. На основании большого количества фрагментов черепа, метаподий и фаланг моржа и меньшего количества других частей скелета можно полагать, что от добытых животных всегда приносили головы (для получения клыков) и ласты, а с большей части туши срезали только мясо.

Соотношение остатков отделов скелета северного оленя и белого медведя имеет ряд особенностей. Они позволяют допустить существование особого места хранения (или разделки?) голов северного оленя вне исследованной части поселения и особого места хранения голов и лап (шкур?) белого медведя вблизи этой части. Часть лап была предварительно сожжена. Следует подчеркнуть, что техника отрезания лап медведя, вероятно, еще не устоялась, а особого отношения к другим его костям не отмечено. Все это с большой долей вероятности позволяет предположить существование у населения обрядов, производимых с головой северного оленя и лапами (шкурой?) белого медведя.

Следы специальной обработки для изготовления орудий имеют только кости моржа. Отсутствуют специально подготовленные заготовки для стрел из метаподий северного оленя, распространенные в это время в лесной зоне.

В целом археозоологические материалы позволяют характеризовать жителей поселения в оба периода как типичных охотников, сезон их обитания — с июня по сентябрь.

Палинологический анализ проведен кандидатом биологических наук, старшим научным сотрудником Ботанического сада УрО РАН Н. К. Пановой при участии В. А. Хижняк [Панова, 1998].

Образцы отобраны из южной стенки раскопа на участке, не подвергшемся мерзлотной инверсии. Всего взято 12 образцов сплошной колонкой, примерно через 5 см, с учетом границ видимых слоев. В разрезе глубиной 54 см выделены следующие слои:

1) 0–4 см — дерновый (образец № 1);

2) 4–12 см — светло-коричневый рыхлый корнеобитаемый (образцы № 2–3);

3) 12–22 см — более плотный, песчанистый, светло-коричневый, с меньшим количеством корней (образцы № 4-5);

4) 22–27 см — верхний культурный слой с большим количеством древесной щепы и углем (образец № 6);

5) 27–32 см — серовато-коричневый уплотненный песчаный (образец № 7);

6) 32–42 см — темно-коричневый почвенный с прослойками угля и остатками мха (образцы № 8–9);

7) 42–45 см — нижний культурный слой — серый песчано-глинистый со щепой и растительными остатками (образец № 10);

8) 45–50 см — плотный коричневый с растительными остатками (образец № 11);

9) 50–54 см — плотный серый песчано-глинистый слой подстилающей породы (образец № 12).

По археологическим находкам и результатам радиоуглеродного анализа (см. выше) нижний культурный слой датируется VI–VIII веками н. э., верхний — XII–XIV веками н. э.; результаты представлены в табл. 31.

Слой 9 (образец № 12) соответствует «материку», вероятно плейстоценового возраста; слой 8 (образец № 11) — нижняя погребенная почва; слой 5 (образцы № 7–8) — верхняя погребенная почва, сформировавшаяся над нижним культурным слоем; слои 3–1 (образцы № 1–5) — современная почва, образовавшаяся над верхним культурным слоем.

Состав спорово-пыльцевых спектров из всех образцов соответствует растительности тундровой зоны [Гричук, 1950] с преобладанием разнотравно-злаковых, осоково-злаковых, осоково-пушицевых, мохово-кустарничковых и кустарниковых сообществ. Пыльца древесных растений здесь, по-видимому, вся заносная.

Однако можно проследить некоторые изменения в составе растительности на протяжении времени формирования осадков (табл. 31). Спорово-пыльцевой спектр образца материнской породы (образец № 12) выделяется по максимальному содержанию пыльцы вересковых кустарничков и кустарниковых березок. Спектр характеризует растительность ерниково-кустарничковой тундры.

Пыльцевой спектр образца вышележащего слоя погребенной почвы (образец № 11) отличается максимальным содержанием пыльцы ив и травянистых растений, последних — не только в количественном отношении, но и по видовому разнообразию. Рассмотренный спорово-пыльцевой спектр соответствует растительности травяно-кустарниковых тундр.

В первом культурном (образец № 10) и следующем за ним слое (образец № 9) содержание пыльцы и спор бедное. Особенности рассмотренных пыльцевых спектров, в частности резкое увеличение содержания пыльцы злаков, которое в посткультурном слое достигает максимума (73 %), явно несут на себе отпечаток антропогенного влияния.

Аналогичный пыльцевой спектр выделен и из второго культурного слоя (образец № 6). Кривая пыльцы злаков на диаграмме образует на этом уровне второй максимум (64 %). В группе деревьев и кустарников также преобладает пыльца сосны. Близкий по составу спектр выявлен и в образце (№ 5) из нижнего горизонта почвы, покрывающей этот культурный слой. Обращает на себя внимание максимум пыльцы гвоздичных в этом слое (43 %).

Спорово-пыльцевые спектры из образцов верхней погребенной почвы, разделяющей культурные слои (образцы № 7–8), близки по составу к спектру из образца (№ 11) нижней погребенной почвы (преобладает пыльца ив и разнотравья) и отражают растительность травяно-кустарничковой тундры.

Количество пыльцы злаков заметно повышается еще в образце 2. В целом же спорово-пыльцевые спектры верхних образцов современной почвы характеризуют растительность мохово-травяной тундры с участием вересковых кустарничков, ив, карликовой березки.

Таким образом, накопление отложений, вскрытых в раскопе Тиутей-Сале 1, происходило в условиях тундры. Следует отметить, что состав и соотношение травянистых и споровых растений в споро-пыльцевых спектрах в значительной степени определяется локальной растительностью, а она в данном случае несет на себе отпечаток антропогенного воздействия. Это выразилось в доминировании пыльцы злаков

Таблица 31

Результаты спорово-пыльцевого анализа образцов из отложений памятника Тиутей-Сале 1

Виды	Глубина слоя, см									
	0–4	**4–8**	**8–12**	**12–17**	**17–22**	**22–27**	**27–32**	**32–37**	**37–42**	**42–45**	**45–50**	**50–54**
Пыльца деревьев и кустарников	300/57	200/66	200/51	200/64	100/52	100/61	200/49	200/68	50/64	50/56	200/40	300/73
Duschekia fruticjsa	–	2/1	–	2/1	–	–	5/2,5	–	–	–	3/1,5	12/4
Betula sect. *Betula*	15/5	22/11	16/8	11/5,5	3/3	7/7	21/10,5	4/2	2/4	2/4	5/2,5	42/14
Betula sect. *Nanae*	64/21	70/35	68/34	62/31	24/24	28/28	64/32	23/11,5	12/24	20/40	44/22	166/55,3
Larix	–	1/0,5	–	1/0,5	1/1	3/3	–	2/4	–	–	–	1/03
Picea	18/64	12/6	15/7,5	13/6,5	6/6	2/2	8/4	8/4	–	1/2	6/3	6/2
Pinus sylvestris	183/61	82/41	69/34,5	91/45	60/60	56/56	60/30	96/48	28/56	25/50	60/30	21/7
Salix	20/7	11/5,5	32/16	20/10	6/6	4/4	42/21	69/34,5	6/12	2/4	76/38	48/16
Пыльца трав и кустарничков	188/36	87/29	175/45	100/32	77/40	55/33	180/44	91/27	26/33	35/39	291/58	76/18
Apiaceae	1/0,5	–	–	–	–	–	3/2,8	–	–	–	–	–
Artemisia	8/4	–	3/1,7	1/1	–	–	2/1	–	–	–	27/9,3	–
Asteraceae	13/7	9/10	3/1,7	5/5	6/8	1/2	35/19	5/0,6	–	1/3	28/10	2/2,6
Caryophyllaceae	49/26	10/12	25/14	21/21	33/43	8/15	33/18	18/20	3/12	–	33/11	1/1,3
Chamaenerion (Onagraceae)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1/0,3	1/1,3
Chenopodiaceae	–	–	1/0,6	–	–	–	–	–	–	–	1/0,3	–
Cyperaceae	29/15	10/12	6/3	12/12	2/3	9/16	9/5	16/18	2/8	4/11	83/29	12/16
Ericales	2/1	–	1/0,6	–	–	–	–	–	–	–	–	52/68
Poaceae	63/34	49/56	52/30	36/36	33/43	35/64	30/17	39/43	19/73	15/43	81/28	1/1,3
Polemoniaceae	1/0,5	–	–	1/1	–	–	5/2,7	1/1	–	–	3/1	1/1,3
Polygonaceae	–	–	–	2/2	–	–	1/0,6	1/1	–	–	–	1/1,3
Ranunculaceae	1/0,5	1/1	–	–	–	–	–	–	–	–	4/1,3	–
Rosaceae	–	–	1/0,6	–	–	–	–	–	–	–	1/0,3	–
Saxifragaceae	–	–	–	2/2	–	–	2/1	–	–	–	1/0,3	–
Valeriana	5/3	1/1	12/7	9/9	–	2/4	6/3,3	1/1	–	7/20	16/5	1/1,3
Hydrophyta	–	–	–	1/1	–	–	2/1	–	–	–	1/0,3	2/26
Varia	16/9	7/8	71/41	13/13	3/4	–	54/30	–	2/7	8/23	13/4,5	1/1,3
Споры высших споровых растений	35/7	10/5	16/4	13/4	15/8	10/6	28/7	14/5	3/3	4/5	11/2	35/9
Lycopodium	–	–	1/0.3	–	–	–	–	–	2/26	–	1/0,2	12/29
Polipodiaceae	9/1,7	3/1,0	2/0,5	1/0,3	7/3,6	2/1,2	9/2,2	3/1,0	–	–	1/0,2	12/29
Pteridium	1/0,2	1/0,3	–	–	–	–	–	–	–	–	1/0,2	3/0,7
Sphagnum	25/4,8	10/3,3	12/3,1	12/3,8	8/4,2	8/4,8	19/4,7	11/3,6	1/1,3	4/4,5	8/1,6	18/4,4
Сумма пыльцы и спор	524/100	301/100	391/100	313/100	192/100	165/100	408/100	304/100	78/100	89/100	502/100	411/100

Примечание. В числителе указано количество пыльцы и спор, в знаменателе обозначены проценты.

почти во всем разрезе, за исключением подстилающего грунта. В силу ограниченных возможностей метода не удалось по пыльце выделить характерные синантропные виды. Современные виды-индикаторы антропогенной нагрузки в тундровой зоне относятся к семействам злаковых, лютиковых, астровых (в том числе полыни). Пыльца этих семейств присутствует в отложениях проанализированного разреза, возможно, в ее составе есть и синантропные виды.

Выявленные по спорово-пыльцевым спектрам изменения в соотношении компонентов тундровой растительности в течение рассматриваемого времени от ерниково-кустарничковой и травяно-кустарничковой до мохово-травяной свидетельствуют о направленном поэтапном похолодании. Однако этот процесс не был прямолинейным. На фоне общей тенденции к похолоданию можно отметить периоды относительного потепления. Если предположить существование зависимости увеличения количества пыльцы древесных растений в спектрах от продвижения границы их распространения к северу, а это, в свою очередь, должно обусловливаться благоприятными климатическими условиями, то можно считать, что периоды заселения стоянки человеком были более теплыми и, вероятно, более сухими, судя по увеличению в культурных горизонтах количества пыльцы сосны и уменьшению влаголюбивых ив. В образце (№ 5) почвы непосредственно над вторым культурным слоем найдено даже пыльцевое зерно теплолюбивой липы. Его присутствие в этой пробе весьма показательно, хотя и трудно объяснимо.

Потепления сменялись более холодными и влажными периодами, которым соответствуют спектры из образцов 11, 7–8 и 3–4 с повышенным содержанием пыльцы ив и трав и меньшим количеством пыльцы сосны. Возможно, по этой причине люди покидали стоянку. Последнее похолодание, видимо, соответствует так называемому «малому ледниковому периоду», который датируется, по различным данным, примерно XIV–XVII веками нашей эры [Волкова, Бахарева, Левина, 1989; Гриббин, Лэм, 1980].

В отдельные периоды субатлантического периода происходила регрессия моря, климат становился более сухим и теплым, леса продвигались на север по долинам рек [Васильчук, Петрова, Серова, 1983]. Вероятно, в эти периоды и происходило заселение мыса Моржового.

Палеоэкологические реконструкции. Основой для них послужили четыре источника: палинологические данные [Панова, 1998], макроостатки растений, фаунистические данные и дендроклиматические реконструкции [Хантемиров, Шиятов, 1999; Шиятов, Хантемиров, Горячев и др., 2005]. Данные споро-пыльцевого анализа указывают на существование кустарниковых типов тундр во время функционирования поселений, то есть сдвиг природных комплексов на одну подзону к северу — существование субарктических тундр на месте арктических. Об этом же свидетельствуют макроостатки растений. В обоих слоях найдены ветки кустарниковой березы. В настоящее время она растет почти на сто километров южнее. Несомненно, жители поселения не ходили за ней за десятки километров, а собирали около жилищ. Дендроклиматические реконструкции дают более конкретную характеристику климата прошлого. По этим данным климат в VII и XII веках был более теплым и, вероятно, более сухим, чем средний климат нашей эры, в том числе и современный. Такой климат не вызывал существенных изменений в жизненных циклах основных промысловых видов животных, а, скорее всего, только раздвигал сроки вскрытия и замерзания рек и моря, схода и формирования снежного покрова. Вследствие этого, возможно, несколько раньше начинались кочевки северного оленя в тундру и позднее — из тундры, а также, вероятно, раньше формировались лежбища моржей. Видовой состав костных остатков (табл. 26) не отличается от состава современной фауны, однако не вызывает сомнений, что в то время численность промысловых видов была значительно выше, чем сейчас. Ландшафт остался неизменным, и распределение промысловых видов соответствует современному. Вследствие термокарстовых явлений и абразии берега изменился микрорельеф, в результате чего значительная часть поселения исчезла.

Таким образом, природно-климатические условия жизни населения в VI–VIII и XII–XIV веках на поселении Тиутей-Сале 1 были несколько более благоприятными, чем в среднем в течение нашей эры. Вследствие климатических изменений сроки обитания на поселении могут быть определены как конец мая — октябрь.

Селище Тиутей-Сале 3 находится на северо-западе побережья Ямала, в районе устья реки Тиутейяха (71°23′ с. ш. 67°44′ в. д., рис. 26). Раскопки проведены Н. В. Федоровой в 1995 году [Федорова, Косинцев, Фицхью, 1998]. По археологическим материалам соответствует широкой датировке Тиутей-Сале 1 VI–XIV веков. Археозоологическая коллекция состоит из 492 костных остатков. Почти все найденные кости — «сырые». Видовой состав приведен в табл. 26.

Северный олень представлен костями всех частей скелета: рога, череп, нижняя челюсть, позвонки, ребра, лопатка, таз, трубчатые кости, мелкие кости, метаподии, фаланги. Среди них целыми являются только мелкие кости. У части трубчатых костей эпифизы не приросли. Одна кость со следами погрызов хищником.

Медведь белый представлен фрагментами позвонков, ребер и трубчатых костей. Несколько костей разрублены.

Волку принадлежат фрагменты ребра и нижней челюсти.

Песец представлен всеми костями скелета, кроме фаланг. Целые кости черепа отсутствуют; целых костей немного; на 6 костях следы погрызов хищником (собака?), и 1 кость прошла через желудочно-кишечный тракт. Некоторые трубчатые кости с неприросшими эпифизами.

Морж представлен костями всех отделов скелета. Все кости сильно фрагментированы. На 8 костях следы погрызов хищниками (собакой?), на 4 костях следы разрубания орудием типа топора. Имеются трубчатые кости с неприросшими эпифизами.

Нерпа кольчатая представлена фрагментами трубчатых костей, позвонков и ребер. Среди последних есть 2 целых ребра, у одного из которых головка не приросла.

Млекопитающие неопределимые представлены мелкими фрагментами костей от животных разного размера. Среди них 4 кальцинированных кости, 4 погрызенных хищниками (собакой?) и 10 прошедших через желудочно-кишечный тракт.

Птицам принадлежат в основном трубчатые кости. Среди них определено 5 костей, принадлежащих разным видам гусей, 22 кости — разным видам уток, 1 кость — дневному хищнику.

Видовой состав костных остатков и характер их раздробленности на поселении Тиутей-Сале 3 очень близки к материалам из поселения Тиутей-Сале 1. Судя по наличию костей гусей и уток, поселение существовало в теплое время года.

Стоянка Юнета-Яха 4. Памятник расположен в среднем течении реки Юнета-Яха (70°28′ с. ш. 68°07′ в. д., рис. 26). Исследован Н. В. Федоровой в 2006 году [Федорова, И-2006]. Кости происходят из разрушенного культурного слоя X века. Археозоологическая коллекция состоит из 12 «сырых» костных остатков (табл. 25).

Северный олень представлен 2 целыми зубами, фрагментами бедра (2 экз.), большеберцовой (1 экз.) и лучевой (2 экз.) костей, плюсны (1 экз.) и целой центральной костью заплюсны.

Млекопитающие неопределимые. Кости, вероятно, принадлежат северному оленю.

Птица представлена двумя костями крупных водоплавающих (возможно, гусей).

Стоянка Мутная 1 находится в районе нижнего течения реки Сеяхи (70°22′ с. ш. 68°34′ в. д.), на поверхности коренной террасы высотой 16–18 м (рис. 26, 27). Исследована О. В. Кардашем в 2006 году [Кардаш, И-2006в]. В раскопе представлены два комплекса, которые по археологическим материалам датируются VI–VIII и XVII–XVIII веками. Костный комплекс состоит из 154 экз. «сырых» костных остатков, собранных в раскопах 1 и 2 и на выдувах (табл. 25).

Северный олень. Среди элементов скелета фрагментами представлены следующие кости: рога (2 экз.), нижняя челюсть, зуб, позвонки (4 экз.), ребра (6), лопатка (2), таз (1), плечевая (6), лучевая (2), локтевая (2), бедро (5), большеберцовая (7), метаподии (11), пяточная (целая), мелкие кости запястья (1), фаланга I (2). Молодым особям принадлежат 2 кости, и 2 кости со следами обработки (рог и лопатка).

Песцу принадлежат целые тазовая, большеберцовая кости (от молодой особи) и фрагменты большеберцовой и локтевой (со следами огня) костей.

Заяц представлен фрагментом бедренной кости и целой мелкой костью заплюсны со следами огня.

Млекопитающие неопределимые. Всего не удалось определить около 40 экз. костей, но можно сказать, что 19 костей принадлежат мелким видам (зайцу или песцу), из них 15 обожжены; остальные, в том числе 13 обожженных, принадлежат северному оленю.

Птицы. Из 30 костей птиц 3 принадлежат белой куропатке, остальные — водоплавающим птицам семейства гусеобразных, 7 из них, вероятно, от одной особи.

Стоянка Юнета-Яха 5. Памятник расположен в среднем течении реки Юнета-Яха (70°28′ с. ш. 68°06′ в. д., рис. 26). Исследован Н. В. Федоровой в 2006 году [Федорова, И-2006]. По археологическим материалам датируется XIII–XVIII веками. Археозоологическая коллекция состоит из двух костных остатков (табл. 25).

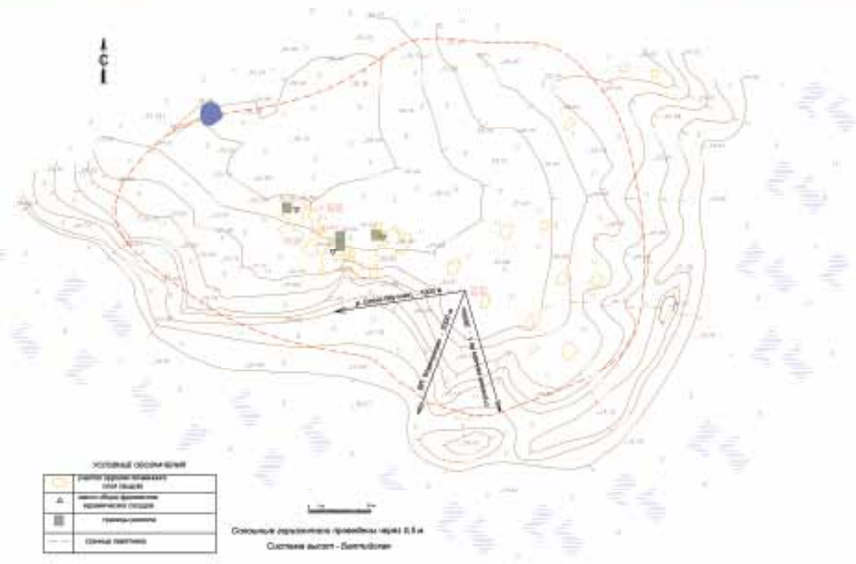


Рис 27. Стоянка Мутная 1. Общий вид и план памятника. Кости в слое

На поверхности выдува обнаружены фрагмент лучевой кости от молодой особи и фрагмент плюсны *северного оленя*.

Святилище Халято 1 находится в нижнем течении реки Ясавэй (69°01′ с. ш. 69°55′ в. д., рис. 26). Исследовано А. В. Соколковым в 1989 году [Соколков, 1992; Kardash, 2012]. Жертвенное место датируется концом XVII — первой третью XVIII века. Археозоологическая коллекция состоит из 101 экз. костных остатков. Все кости «сырые», их видовой состав приведен в табл. 25.

Северный олень представлен следующими элементами скелета: целый череп; 23 фрагмента рогов; 7 — мозговых коробок; 10 — верхних челюстей (4 целых зубных ряда и 6 фрагментов); 3 фрагмента лицевого отдела черепа; 27 — нижних челюстей (15 целых зубных рядов и 12 фрагментов), 5 изолированных зубов; 1 позвонок; 1 фрагмент лопатки; 2 фрагмента бедренной кости; 5 фрагментов берцовой и 2 — лучевой костей; 3 кости запястья, 1 фрагмент пястной кости, 2 фрагмента плюсневых костей, 2 — фаланги I, целая фаланга II. Все кости, кроме одной берцовой, костей запястья и фаланги II, представлены фрагментами. Среди нижних челюстей — 14 правых и 13 левых, из них 7 принадлежало самкам и 8 — самцам.

Возраст забитых животных по состоянию зубной системы нижней челюсти (в числителе — количество челюстей, в знаменателе — вероятное количество особей): 4 мес. — 3/2; 6 мес. — 3/3; 9 мес. — 2/1; 12–18 мес. — 2/2; около 3 лет — 1/1; старше 3 лет, взрослые — 10/7; старые — 2/2. По состоянию зубной системы верхней челюсти, кроме этих возрастных групп, имеется одна челюсть от особи в возрасте 24–28 мес. Среди костей посткраниального скелета определена одна берцовая кость от новорожденной особи, 6 фрагментов лобной кости с приросшими основаниями рогов, сами рога обрублены острым орудием. Среди костей посткраниального скелета имеются части правых и левых конечностей.

Млекопитающие неопределимые. Кости, вероятно, принадлежат северному оленю.

Анализ костных остатков указывает, что для жертвоприношения обычно использовались целые головы и гораздо реже — части туловища. Возможно, на святилище приносились шкуры с головами и дистальными частями ног. Почти все черепа и кости скелета представлены фрагментами — это, видимо, связано как с разрушением в процессе обрядовых действий, так и с действиями естественных факторов после завершения обряда. Самки и самцы использовались с равной частотой. Судя по возрасту забитых животных, обрядовые действия совершались в течение всего года. Современный уровень изученности морфологии северного оленя не позволяет определить, домашняя или дикая форма использовалась для жертвоприношения.

По видовому составу святилище Халято 1 значительно отличается от крупных священных мест ненцев. Для последних характерно большое видовое разнообразие жертвенных животных. Состав элементов скелета, найденных здесь, отличается от составов, представленных в данных по современным святилищам, где указываются только черепа и рога. По соотношению элементов скелета (преобладание костей черепа над костями туловища) это святилище близко к остаткам после погребального обряда [Грачева, 1980]. Однако анализ возрастного состава показал, что жертвоприношения совершались неоднократно; это не позволяет относить его к остаткам поминального обряда. Судя по небольшому количеству остатков и неоднократному совершению жертвоприношений, это святилище, по нашему мнению, следует отнести к типу жертвенных мест, которые почитались небольшими группами населения [Косинцев, 1993].

Городище Ярте 6 находится в районе нижнего течения реки Юрибей (68°54′ с. ш. 69°57′ в. д., рис. 26). Исследовано А. В. Соколковым в 1990–1992 годах и Н. В. Федоровой в 1995–1996 годах [Брусницина, Ощепков, 2000]. По 16 образцам древесины сделана дендрохронологическая датировка поселения — середина XI — начало XII века [Шиятов, Хантемиров, 2000]. По материалам поселения, кроме описания археозоологического материала, были выполнены гельминтологический и палеоэнтомологический анализы. Археозоологическая коллекция состоит из 19 793 экз. костных остатков. Практически все костные остатки «сырые». Видовой состав приведен в табл. 25.

Собака представлена костями всех частей скелета. Найден полный скелет щенка в возрасте нескольких месяцев. Многие кости имеют следы погрызов хищниками. Кроме костных остатков найдено несколько десятков копролитов.

Северный олень представлен всеми костями. Большая часть костей фрагментирована, часть костей имеет следы погрызов хищниками (собаками?) и следы от орудий. Большая часть костей принадлежит взрослым особям, меньше костей — особям 1–3-го года, и немногочисленные кости принадлежат особям в возрасте нескольких месяцев. Кроме костных остатков найдены роговые копыта и один копролит.

Волку принадлежит одна плечевая кость от взрослой особи.

Песец представлен костями всех частей скелета. Большая часть костей целые, есть кости со следами погрызов хищниками (собаками?).

Зайцу принадлежит фрагмент берцовой кости.

Бобру принадлежит целый нижний резец. Несомненно, он принесен жителями поселения из лесотундровой зоны, где проходила северная граница ареала бобра.

Млекопитающие неопределимые. Кости, вероятно, принадлежат северному оленю.

Птицы представлены почти исключительно перелетными видами. Коллекция костей птиц насчитывает 238 костей и их фрагментов от взрослых особей (табл. 30). Из них до вида и рода определено 156 костей, принадлежащих 12 видам из 4 отрядов. К группам «утки» и «чайки» были отнесены небольшие фрагменты трубчатых костей (диафизы) птиц, расколовшиеся вдоль оси, размеры которых не превышали 3 см.

Краснозобая гагара. Материал представлен только одной костью посткраниального скелета (крыла), которая принадлежала взрослой особи.

Чернозобая гагара. Материал представлен только двумя костями посткраниального скелета, кости принадлежали взрослой особи. На фрагменте грудины отчетливо видны следы от ножа. Мы предполагаем, что в древности от грудины был отсечен с помощью ножа киль, после чего киль стал напоминать ложку.

Гуменник. Материал представлен только отделами посткраниального скелета — 4 кости крыла.

Белолобый гусь. Материал представлен только отделами посткраниального скелета (10 костей скелета крыла, 4 кости плечевого пояса и 2 — задних конечностей).

Гуси, ближе не определимые. Материал представлен несколькими отделами краниального и посткраниального скелета. Кости последнего преобладают (63 кости скелета крыла, 7 костей плечевого пояса, 5 — задних конечностей и 14 — осевого скелета).

Лебедь-кликун. Всего найдено 6 костей. Материал представлен несколькими отделами краниального и посткраниального скелета. Кости последнего преобладают (2 кости скелета крыла, 1 кость плечевого пояса и 1 — осевого скелета).

Малый лебедь. Материал представлен только отделами посткраниального скелета (2 кости скелета крыла, 3 — плечевого пояса и 2 — задних конечностей).

Морянка. Материал представлен только отделами посткраниального скелета (по 1 кости плечевого пояса, осевого скелета и задних конечностей).

Гага-гребенушка. Материал представлен только отделами посткраниального скелета (по 1 кости скелета крыла, плечевого пояса и задних конечностей).

Утки. Материал представлен несколькими отделами посткраниального скелета (5 костей осевого скелета, 1 кость крыла и 3 кости задних конечностей).

Белая куропатка. Материал представлен лучевой костью крыла, принадлежавшей взрослой особи.

Тундряная куропатка. Материал представлен бедренной костью задней конечности, принадлежавшей взрослой особи.

Длиннохвостый поморник. Материал представлен лучевой костью крыла, принадлежавшей взрослой особи.

Серебристая чайка. Материал представлен отделами краниального (3 фрагмента черепа) и посткраниального скелета (по 1 кости скелета крыла и задних конечностей и 3 кости осевого скелета).

Чайки. Материал представлен 3 костями крыла.

Все кости птиц, найденные на поселении Ярте 6, представляют собой кухонные остатки людей, проживавших на этом поселении. Кости птиц из культурных слоев поселения Ярте 6 принадлежат видам, обычным для данной территории, постоянно (куропатки) или сезонно (остальные виды) здесь обитающим [Данилов, Рыжановский, Рябицев, 1984].

Рыбы представлены 2 костями щуки и 1 костью тайменя (?). Остальные остатки неопределимы.

На этом поселении для **палеоэнтомологического анализа** был взят образец выстилки пола жилища. Изучение его показало, что в нем отсутствуют макроостатки каких-либо животных, в том числе и паразитических насекомых.

Гельминтологический анализ был сделан по одному копролиту собаки. В нем найдено значительное количество яйцевых оболочек описторха *(Opistorchis felineus* Rvolta*)*. На территории Ямала этот гельминт не обитает, нет его и в бассейне Печоры, но он заселяет весь Обь-Иртышский бассейн [Подъяпольская,

Капустин, 1958]. Таким образом, очевидно, что собака заразилась описторхозом на Оби и оттуда была приведена людьми на Ямал.

Реконструкция палеорастительности городища Ярте 6 по данным спорово-пыльцевого анализа [Панова, 2008].

В настоящее время памятник расположен в подзоне южных субарктических тундр, его поверхность покрыта густым травостоем. В окружающей современной растительности преобладают ивняково-ерниково-кустарничково-лишайниково-моховые тундры; в прирусловой части распространены ивняки кустарничково-травяно-моховые и ольшаники травяные и травяно-моховые [Андреяшкина, Пешкова, 1995].

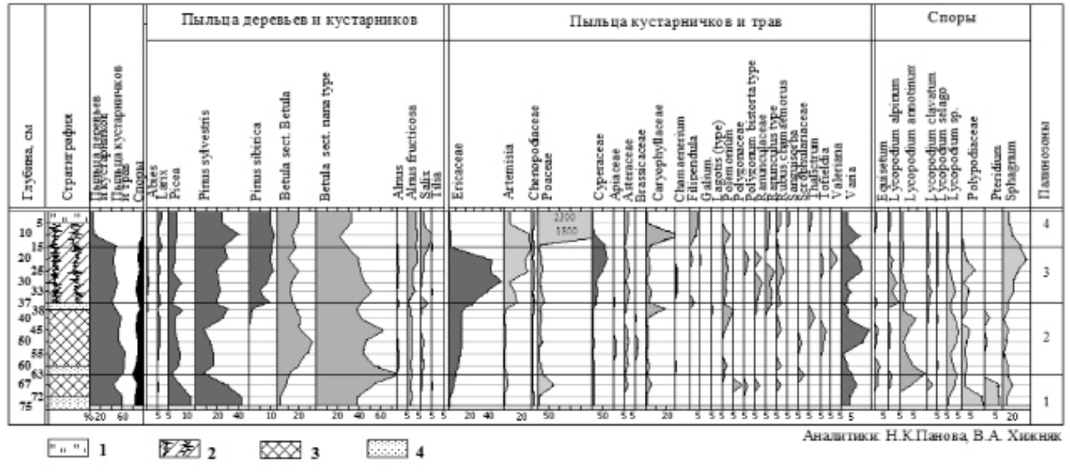
Отобрано 17 образцов для спорово-пыльцевого (палинологического) анализа сплошной колонкой из южной стенки раскопа в квадрате Л/5. Отбор образцов и описание стратиграфия разреза выполнены М. Ю. Шершневым. Разрез имеет следующее строение:

0–5 см — дернина;
5–37 см — темно-бурая почва;
37–38 см — песчаная прослойка;
38–60 см — буро-черный культурный слой со мхом и шкурами;
60–63 см — песчаная прослойка;
63–72 см — культурный слой со мхом и углями;
72–80 см — материковый песок.

Образцы для анализа обрабатывались щелочным методом Поста и обогащались тяжелой кадмиевой жидкостью [Гричук, Заклинская, 1948]. Выделенная органическая фракция содержала достаточное количество пыльцы и спор для выявления репрезентативного процентного соотношения таксонов.

Результаты послойного палинологического анализа дают представление о характере растительности и ее изменениях за время формирования осадков. По количественному соотношению групп пыльцы древесных, кустарниковых, травянистых растений и спор спектры всех образцов соответствуют растительности тундровой зоны [Гричук, 1950]. Пыльца древесных растений здесь, очевидно, заносная.

Динамика количественного соотношения отдельных компонентов спектров на протяжении разреза позволяет проследить некоторые изменения в физиономичности растительного покрова во времени. На спорово-пыльцевой диаграмме выделяются 4 палинозоны.



Спорово-пыльцевая диаграмма отложений археологического памятника Ярте 6.
(Условные обозначения: 1 — дернина; 2 — почва; 3 — культурный слой; 4 — песок)

1. Спорово-пыльцевой спектр из основания разреза (материковый песок) беднее остальных в качественном и количественном отношении. Спектр отражает растительность мохово-травяно-ерниковой тундры.

2. В отложениях, содержащих культурные слои (на глубине 37–72 см), спорово-пыльцевые спектры характеризуют растительность травяно-кустарничково-ерниковой тундры и свидетельствуют о произрастании

в этот период в пойме реки не только ив и ольховника, но, вероятно, и древесной растительности — березы, лиственницы.

3. Спектры почвенного слоя на глубине 15–37 см характеризуют растительность времени его формирования как мохово-травяно-ерниково-кустарничковую тундру с ивняками и ольшаниками в пойме, возможно, с лиственницей и березой. Появление заносной пыльцы сибирского кедра, вероятно, связано с приближением северной границы его ареала.

Растительность времени формирования посткультурного слоя несет на себе явный отпечаток антропогенного воздействия. Это вполне объяснимо относительной устойчивостью экосистем и более поздней реакцией растительности на изменение экологических условий.

Пыльцевые спектры 2-й и 3-й палинозон свидетельствуют о более теплых климатических условиях по сравнению с современными. Это подтверждается и наличием в них единичной, хотя и явно заносной, пыльцы пихты, ольхи, липы, что может быть связано с более широким распространением этих растений на сопредельных территориях.

4. Спектры двух верхних образцов соответствует пыльцевым спектрам современной тундры.

По результатам спорово-пыльцевого анализа отложений из раскопа городища Ярте 6, в течение всего времени формирования осадков на плакорах преобладала тундровая травяно-кустарничково-ерниковая растительность. В период существования городища климатические условия были более теплыми, в долине реки произрастали не только ивы и ольховник, но также лиственница и береза. Влияние жизнедеятельности человека на растительность проявилось в резком увеличении в напочвенном покрове злаков, полыней, появлении сорных синантропных растений.

Городище Бухта Находка находится на восточном берегу Обской губы близ устья реки Хардэ-Яха (67°19′ с. ш. 72°10′ в. д., рис. 26). Исследовано О. В. Кардашем в 2006–2008 годах. По дендрохронологическим данным датируется XII — началом XIV века [Кардаш, И-2008б; Кардаш, 2008].

В процессе раскопок собрана коллекция остеологического материала, состоящая из 6 504 экз. костных остатков (табл. 32). Все кости животных происходят из одного хронологического горизонта. По площади раскопа они расположены равномерно, за исключением скопления связанного с ритуальным комплексом. Помимо костных остатков обнаружено 2 фрагмента китового уса.

Собака. Найдено 28 экз. костей этого вида от всех отделов скелета (табл. 32).

Северный олень. Более половины общего числа костных остатков (65 %) принадлежит северному оленю, из них 498 экз. не удалось определить полностью, но можно сказать, что 474 экз. — фрагменты трубчатых костей ног. Большая часть костей этого вида является кухонными остатками, а также заготовками или отходами от производства различных орудий. Судя по соотношению частей скелета (табл. 33), на поселении разделывали и использовали всю тушу животного, но небольшое количество частей головы и первых шейных позвонков (при большом количестве рогов) говорит о том, что головы утилизировали отдельно, 3 % костей принадлежат молодым особям.

Лось. Среди костей лося — фрагмент резца, разрубленный вдоль атлант, по

Таблица 32

Видовой состав и количество костных остатков из раскопок тундровых памятников

Вид	Памятники*						
	1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**
Собака	28	1	–	–	–	–	–
Северный олень	2 465	747	26	134	762	220	2 209
Лось	10	–	–	–	–	–	–
Волк	3	–	–	–	–	–	–
Песец	1 775	30	49**	–	3	7	2
Лисица	6	–	–	–	–	–	–
Росомаха	2	–	–	–	–	–	–
Соболь	2	–	–	–	–	–	–
Заяц-беляк	24	52	–	–	–	–	27
Бобр	1	–	–	–	–	–	–
Нерпа кольчатая	251	1	–	–	–	–	–
Лахтак	5	–	–	–	–	–	–
Млекопитающие неопр.	1 195***	84	–	5	8	503***	109
Птица вся	161	185	–	–	8	7	124
Рыба вся	575	–	–	19	–	–	4

Примечания. * Памятники: 1 — городище Бухта Находка; 2 — стоянка Нярмаяха 3; 3 — стоянка Нярмаяха 4; 4 — стоянка Нярмаяха 1; 5 — стоянка Коматы 2; 6 — стоянка Коматысё 2 (VIII–XII вв.); 7 — стоянка Коматысё 2 (XIX–XX вв.)

** Все кости принадлежат двум особям.

*** В основном очень мелкие обожженные фрагменты рогов и костей северного оленя.

Таблица 33

Состав элементов скелета собаки, северного оленя, песца, нерпы, зайца из городища Бухта Находка

Элемент скелета	Собака	Олень сев.	Песец	Песец (5)*	Нерпа	Заяц-беляк
Рог	–	412	–	–	–	–
Череп	2	11	517	66	5	1
Нижняя челюсть	3	34	463	40	1	–
Зубы	1	29	–	–	2	–
Подъязычная	–	3	–	–	–	–
Атлант	–	5	8	–	–	–
Эпистрофей	2	6	6	1	–	–
Позвонки	6	80	69	1	65	–
Позвонки хвостовые	–	–	–	14	–	–
Крестец	–	7	2	–	–	–
Ребра	1	170	64	5	46	1
Лопатка	1	148	58	3	8	1
Таз	–	40	16	–	3	2
Плечевая	–	199	84	2	16	1
Локтевая	2	27	62	7	7	–
Лучевая	4	77	77	7	3	1
Бедренная	1	171	94	5	11	–
Большеберцовая	3	136	115	6	6	3
Малая берцовая	1	–	7	–	2	–
Коленная чашечка	–	5	–	–	1	–
Метаподии	1	249	102	1	24	4
Пяточная	–	25	14	1	3	3
Таранная	1	24	12	1	4	3
Запястье, предплюсна	1	76	7	1	12	–
Сесамовидные	–	6	3	–	–	–
Фаланга I	–	49	22	–	10	1
Фаланга II	–	31	7	–	4	1
Фаланга III	–	2	6	–	–	–
Фаланги	–	7	2	–	10	–
Передняя лапа **	–	–	–	1	–	–
Задняя лапа**	–	–	–	–	–	1
Фрагмент скелета	–	–	–	2	–	–

Примечания.
* Кости песца из ритуального комплекса постройки № 5.
** Нижняя часть лапы с шерстью.

1 фрагменту диафиза плечевой кости и фаланги. Кроме того, обнаружено 6 экз. орудий для обработки кожи, изготовленных из лопаток лося.

Волк. Найден один зуб и два первых шейных позвонка (возможно, они принадлежали очень крупной собаке).

Песец. Число фрагментов его костей составляет 27 % от общего количества костных остатков. Половина из них — кости головы, причем в основном это нижние челюсти (табл. 33). В постройке 5 голов песца хранились в домашней кумирне, и, очевидно, все найденные в жилищах черепа имели аналогичную принадлежность. Молодым особям принадлежит 7,5 % костных остатков, следовательно, промысел этого вида велся и в летне-осенний период на территории в окрестностях городка.

Лисица представлена нижней челюстью, фрагментом большеберцовой кости, двумя — локтевой кости и двумя целыми метаподиями. Одна кость от молодого животного.

Росомаха. Найден фрагмент плечевой кости молодого животного и поясничный позвонок со следами переваривания.

Соболь представлен целой нижней челюстью и большеберцовой костью.

Нерпа кольчатая занимает третью позицию по количеству костей среди млекопитающих — 251 экз. (табл. 32), из них 14 костей не удалось определить ближе. Нерпа и лахтак (морской заяц) — морские млекопитающие, которые периодически заходят в Обскую губу и крупные реки за рыбой. Среди костных остатков нерпы есть все элементы скелета (табл. 33), но в отличие от предыдущих видов 63 % (159 экз.) костей нерпы принадлежат молодым животным. Возможно, это животное добывали попутно с рыбной ловлей для получения нерпичьего жира.

Лахтак представлен фрагментами бедренной кости, грудины и малой берцовой кости.

Заяц. Костей этого вида немного, от всех элементов скелета (табл. 32). Преобладают кости нижних частей лап. Одна кость от молодого животного.

Млекопитающие неопределимые. Из-за пожара около 20 % остеологической коллекции представлено фрагментами сильно раздробленных кальцинированных костей, которые отнесены нами к категории неопределимых (табл. 32). Преимущественно это фрагменты костей и рогов северного оленя.

Птица. Костных остатков птиц при значительном видовом разнообразии крайне мало. Они составляют немногим более 2 % (табл. 30). Большая их часть принадлежит водоплавающей птице (гуси, утки и др.), лишь несколько костей — тундряной куропатке. Этот факт говорит о том, что в зимнее время промысел птицы

практически не велся, а в летнее время, когда в окрестностях городка появляются перелетные птицы, основное число жителей покидало городок.

Рыба. От общего числа костных остатков доля рыбы составляет около 9 %, причем 70–80 % — это кости осетровых, сравнимых по массе с крупными млекопитающими. Интересен факт небольшого количества крупных лососевых (нельмы) и небольшое количество костей таких сиговых, как щекур и муксун, — видов, которые в изобилии водятся в реке Хардэ-Яха и Обской губе в настоящее время.

Ритуальный комплекс. В постройке № 5 были обнаружены остатки почти целого по составу ритуального комплекса. Он находился у южной наружной стены, то есть в обходной галерее дома. При раскопках он представлял собой хаотичное нагромождение костей животных (в основном частей головы песца) и предметов. В центральной части этого комплекса находилось антропоморфное изображение древнего божества [Кардаш, 2008].

Всего в жилище № 5 с участка Е/45 собраны 207 отдельных костей и частей скелетов животных. Кости песца составляют 80 % этого массива, в том числе 66 целых черепов и их фрагментов и два почти полных скелета (табл. 33). В небольшом количестве представлены кости зайца-беляка (череп и задняя лапа), а также кости посткраниального скелета северного оленя, нерпы и птиц. В числе последних 5 костей, очевидно, одной куропатке принадлежат череп, позвонок, таз, кости ноги и крыла.

Анализ костного материала позволяет реконструировать хозяйственную и промысловую деятельность жителей городка и в первую очередь определить основной сезон его функционирования [Кардаш, Лобанова, 2008]. Отсутствие таких массовых промысловых видов, как заяц-беляк и белая куропатка, говорит об осенне-зимнем периоде функционирования городка, времени, когда происходят массовые зимние миграции этих видов из тундры в лесотундру. Небольшое количество костей перелетных птиц позволяет утверждать, что жители покидали городок на летний период — с мая по октябрь.

Основным промыслом населения городка была охота на дикого северного оленя. Это подтверждается большим количеством фрагментов клееных луков и наконечников стрел с высокой проникающей способностью. Очевидно, дикий северный олень был главным пищевым видом, охота на него велась круглогодично — осенью и зимой в окрестностях городка, а весной и летом население откочевывало вслед за ним на север полуострова Ямал. Домашнее оленеводство у жителей городка отсутствовало.

Следующим по значимости занятием населения была пушная охота на песца. Судя по большому количеству добываемых особей, охота продолжалась весь осенне-зимний период. Основной целью этой охоты было получение шкурок для меновой торговли.

Находки единичных костей таких промысловых видов, как заяц, лисица, волк, росомаха, соболь, лось, позволяют судить о том, что данные виды не имели специализированной промысловой направленности и часть из них могла попасть в слой относительно случайно.

Третьим основным занятием был лов рыбы (осетровых) и связанный с ним промысел морских млекопитающих. Это подтверждается находками рыболовных принадлежностей (грузил, игл для вязания сетей, больших крючьев). Осетров зимой жители могли добывать в осетровой яме, о наличии которой в бухте Находка известно по сей день. Массовый целенаправленный промысел осетра, видимо, был связан не только с получением пищевого продукта, но и с необходимостью получения осетрового клея. Этот клей был особенно необходим для изготовления клееных охотничьих луков, также он мог быть предметом меновой торговли.

Стоянка Нярмаяха 3 находится в среднем течении реки Нярмаяха близ горного хребта Няргала-хой, расположена на песчаной гриве между двумя старичными озерами (68°28′ с. ш. 66°06′ в. д., рис. 26). Исследована С. С. Александровым и В. Э. Чибиряком в 2008 году [Чибиряк, И-2008]. По археологическим материалам датируется VI–XI веками. Археозоологическая коллекция состоит из 1 101 экз. костных остатков (табл. 32). Часть костей, найденных в поддерновом слое, сильно корродирована (130 экз.). Обнаружен фрагмент бивня мамонта.

Собака. Обнаружен фрагмент ребра.

Северный олень. Этому виду принадлежит наибольшее количество костей (табл. 32), однако 224 из них не удалось определить полностью. Можно сказать, что 212 экз. относятся к трубчатым костям верхних частей ног, а 12 — к другим частям скелета. Представлены все элементы скелета (табл. 34), но обнаружен всего один фрагмент черепа, нет также целых рогов. Рога, обнаруженные при раскопках, — или очень мелкие

обожженные фрагменты, или заготовки для изделий. Это свидетельствует о том, что головы утилизировались отдельно. Кости в основном принадлежат взрослым животным, только 19 костей — молодым, 3 кости имеют следы погрызов (собаками?), 21 кость со следами обработки: 16 рогов, 3 лопатки, 2 метаподии.

Песец. Среди костей песца обнаружены кости головы и лап, практически полностью (за исключением 3 костей) отсутствуют кости осевого скелета и поясов конечностей (табл. 34). Большая часть костей песца обнаружена в секторах Ю-1-Ю-3/В-2-В-4 — 15 костей (4 нижние челюсти, кости лап, ребро) и С-7/В-4 — 9 костей (череп и нижняя челюсть, кости задней лапы), в этом скоплении кости сильно корродированы. В очаге № 4 обнаружены кости двух передних лап (лучевые и локтевые). Три кости принадлежат молодым животным.

Таблица 34

Состав элементов скелета многочисленных видов млекопитающих из раскопок памятников тундровой зоны предгорий Полярного Урала

Кость	Олень северный		Песец		Заяц	
	Коматы 2	Коматысё 2	Нярмаяха 1	Нярмаяха 3	Нярмаяха 3	Нярмаяха 3
Рог	12	154	2	52*	–	–
Череп	7	33	–	1	3	–
Нижняя челюсть	27	82	1	17	5	7
Зубы	5	32	–	1	2	1
Подъязычная кость	1	–	–	–	–	–
Атлант	2	18	2	1	–	–
Эпистрофей	2	8	1	–	–	–
Позвонки	46	231	–	6	1	1
Грудина	–	–	–	10	–	–
Крестец	3	2	–	–	–	–
Ребра	76	135	7	82	2	13
Лопатка	32	80	2	6	–	4
Таз	25	91	–	4	–	–
Плечевая	42	140	11	55	1	4
Локтевая	15	21	–	7	1	2
Лучевая	49	101	1	34	3	2
Бедренная	62	137	8	51	2	–
Большеберцовая	67	146	9	48	1	6
Коленная чашечка	1	2	1	1	–	–
Метаподии	19	89	9	30	7	8
Пясть	33	74	–	17	–	–
Плюсна	56	107	–	20	–	–
Грифельная	–	4	–	3	–	–
Пяточная	8	17	2	2	–	2
Таранная	8	21	–	5	–	1
Запястье, предплюсна	5	43	–	18	–	–
Сесамоидные	–	3	1	2	–	–
Фаланга I	14	64	8	29	2	1
Фаланга II	5	22	5	13	–	–
Фаланга III	2	5	–	5	–	–
Добавочные фаланги	–	6	–	3	–	–
Трубчатые**	133	482	60	–	–	–
Нетрубчатые***	5	33	4	–	–	–

Примечания. * Большая часть из них в виде мелких обожженных фрагментов.
** Трубчатые кости ног.
*** Фрагменты осевого скелета или костей головы.

Нерпа кольчатая. В очаге № 4 обнаружен фрагмент фаланги I.

Заяц-беляк. Практически все кости зайца сосредоточены в квадрате Ю-1-Ю-3/В-2-В-4 и 4 кости в очаге № 4. Кости зайца слабо раздроблены, практически все принадлежат взрослым животным. Представлены все части скелета (табл. 34), но из костей головы есть только нижние челюсти и полностью отсутствуют кости черепа и шеи, отсутствуют также кости позвоночника, таза и бедра.

Млекопитающие неопределимые. Из 84 костей 11 экз. принадлежат мелким видам, вероятно зайцу и песцу (6 из них обожжены); 59 экз. — мелкие фрагменты сильно обожженных костей, происходящие из очага № 4.

Птицы. В собранной коллекции насчитывается 185 костей и их фрагментов. Большое количество их сосредоточено в квадрате Ю-1-Ю-3/В-2-В-4 (148 экз.) и в очаге № 4 (19 экз.). Большая часть костей принадлежит крупным водоплавающим птицам (отряд гусеобразные), 38 костей — молодым крупным птицам, возможно, птенцам из одного гнезда. Встречаются также кости уток. Кости куропатки единичны.

Стоянка Нярмаяха 4 находится в среднем течении реки Нярмаяха близ горного хребта Няргала-хой, расположена на песчаной гриве между озерами (68°28′ с. ш. и 66°06′ в. д., рис. 26).

Исследована С. С. Александровым и В. Э. Чибиряком в 2008 году [Чибиряк, И-2008]. По археологическим материалам датируется VI–XI веками. Археозоологическая коллекция состоит из 75 экз. костных остатков (табл. 32). Все кости «сырые».

Северный олень. Кости северного оленя сильно раздроблены, в основном это фрагменты диафизов трубчатых костей верхних частей ног (бедра, большеберцовой, лучевой, метаподий), пяточная кость, таранная кость, 3 фрагмента ребер, 3 фрагмента рогов. Все рога имеют следы обработки.

Песец. Все кости песца принадлежат двум молодым особям. Части двух скелетов состоят из костей головы, шеи, плечевого пояса и верхних частей передних и задних конечностей. Отсутствуют кости нижних отделов передних и задних лап (метаподии, фаланги), кости грудного, поясничного и хвостового отделов позвоночника, ребра и таз.

Стоянка Нярмаяха 1 расположена в среднем течении реки Нярмаяха близ горного хребта Няргала-хой, на песчаной гриве (68°29′ с. ш. 66°07′ в. д., рис. 26) [Визгалов, И-2008г]. Исследовано Г. П. Визгаловым в 2007 году. По археологическим материалам датируется VIII–IX веками. Археозоологическая коллекция состоит из 158 экз. костных остатков (табл. 32).

Северный олень. Среди найденных костей 11 обожжены, остальные сильно корродированы. Кости сильно раздроблены, в основном это фрагменты диафизов трубчатых костей верхних частей ног (бедра, большеберцовой и плечевой костей, метаподий). Расколоты даже все фаланги. Почти отсутствуют кости осевого скелета, нет костей черепа (табл. 34).

Млекопитающие неопределимые. Кости, вероятно, принадлежат северному оленю.

Рыбы. Кости рыб (19 экз.) сосредоточены в очаге, определение их не проводилось.

Стоянка Коматы 2 находится в среднем течении реки Кара близ горного хребта Оченырд. Расположена на останце террасы коренного берега озера Коматы (68°09′ с. ш. 65°22′ в. д., рис. 26). Исследована О. В. Кардашем в 2007–2008 годах [Кардаш, И-2007б, И-2008г]. По археологическим материалам датируется V–VI, XIX–XX веками. Археозоологическая коллекция состоит из 781 экз. костных остатков. Ко времени функционирования более ранней стоянки можно отнести однозначно только 12 экз. кальцинированных костей из очага (2 экз. — песца, 7 экз. — северного оленя и 5 экз. — неопределимых костей млекопитающих). Большая часть «сырых» костей, обнаруженных при раскопках, вероятно, относится к поздним слоям XIX–XX веков (табл. 32).

Северный олень. Этому виду принадлежит наибольшее количество найденных костей, которыми представлены все элементы скелета (табл. 34). Молодым животным принадлежит 121 кость (16 %), из них 10 экз. имеют следы погрызов (собаками?), 30 костей представляют собой изделия или заготовки — рога, лопатки, метаподии (рис. 28).

Песец представлен 3 костями: фрагментом нижней челюсти и обожженными фрагментами бедренной и плечевой костей.

Млекопитающие неопределимые. Кости, вероятно, принадлежат северному оленю.

Птицы. Определено 2 кости от крыла крупной птицы, возможно, лебедя; остальные кости не определены.

Судя по довольно большому количеству молодых особей среди всех видов животных, стоянка посещалась жителями в теплое время года.

Рис. 28. Стоянка Коматы 2. Кости северного оленя

Рис. 29. Стоянка Коматысё 2. Кости в слое

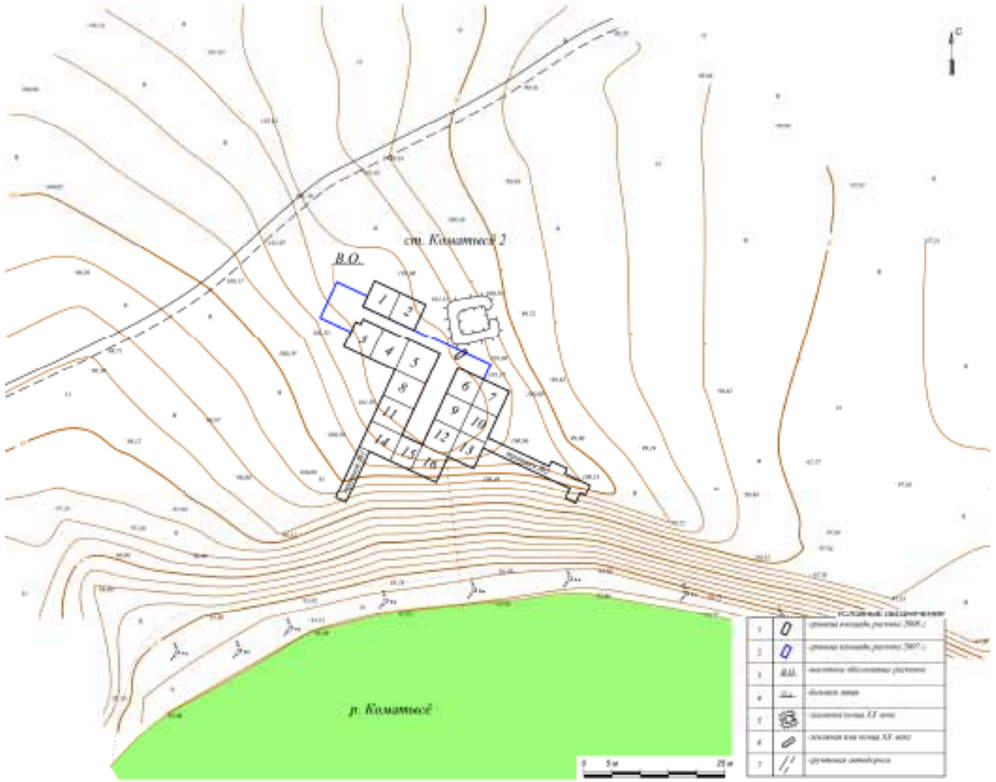


Рис. 30. Стоянка Коматысё 2. Общий вид и план памятника

Стоянка Коматысё 2 расположена на участке террасы коренного берега ручья Коматысё (68°07′ с. ш. 65°20′ в. д.), вытекающего из озера Коматы и впадающего в реку Кара (рис. 26, 29, 30). Исследована О. В. Кардашем в 2007–2008 годах. По археологическим материалам стоянка функционировала в V–XII, XIX–XX веках [Кардаш, И-2008г]. Археозоологическая коллекция состоит из 2 468 экз. костных остатков. Костные остатки представлены двумя типами сохранности — кальцинированными и «сырыми». Ко времени VIII–XII веков можно отнести только кальцинированные кости из очагов, большая часть «сырых» костей, вероятно, относится к поздним слоям XIX–XX веков (табл. 32).

Северный олень. Этому виду принадлежит наибольшее количество найденных костных остатков, которые представляют все отделы скелета (табл. 34), однако 44 фрагмента не удалось определить полностью. Кости сильно раздроблены (за исключением мелких костей запястья, предплюсны и фаланг) и представляют собой кухонные отходы. Молодым животным принадлежали 383 костных остатка, новорожденным особям или эмбрионам — 4, старым животным — 6. Следы погрызов (собаками?) имеют 20 костей, 4 кости — следы переваривания; 89 костей были обработаны, как правило, это рога, лопатки и метаподии.

Песец. Среди костей песца обнаружены нижняя челюсть, 2 плечевые кости, фрагмент большеберцовой кости, пяточная кость, мелкая кость заплюсны, метаподия. Все кости почти целые, 3 кости принадлежат молодым животным.

Заяц-беляк представлен главным образом фрагментами трубчатых костей и поясов конечностей: 4 плечевых, 3 лучевых, 5 локтевых, 4 лопатки, 3 большеберцовых, 2 бедренных, 3 тазовых кости и 2 фрагмента ребра. Почти целые лучевые и локтевые кости, остальные раздроблены. Молодым особям принадлежат 6 костных остатков.

Млекопитающие неопределимые. Кости, вероятно, принадлежат северному оленю.

Птицы. Большая часть костей принадлежит водоплавающим птицам (уткам и гусям), 7 костей — куропатке, 1 кость — молодой крупной птице.

3.1.2. Памятники зоны лесотундры

Городище (жертвенное место) Усть-Полуй находится в черте современного города Салехарда и расположен на коренном правом берегу реки Полуй недалеко от ее впадения в Обь (66°30′ с. ш. 66°38′ в. д., рис. 26). Первые раскопки были произведены В. С. Адриановым в 1935–1936 годах [Адрианов, 1936]. В 1946 году В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская заложили несколько шурфов. В 1991 году В. М. Морозов заложил небольшой раскоп [Малоземова, Морозов, 1997]. С 1993 по 1995 год раскопки памятника проводились под руководством Н. В. Федоровой, а с 2006 года по настоящее время ими руководит А. В. Гусев [Федорова, Гусев, 2008]. По радиоуглеродным и дендрохронологическим датировкам [Шиятов, Мазепа, Хантемиров и др., 2000, с. 55] в широких пределах памятник можно отнести к периоду II века до н. э. — II века н. э. Описания части археозоологических и археоботанических материалов из раскопок Усть-Полуя опубликованы [Бачура, 2010; 2011а; 2011б; Косинцев, 1995, 1997а, 2009; Косинцев, Бачура, Корона и др., 2012; Некрасов, Косинцев, 2011; Пантелеев, Косинцев, 2010; Пантелеев, Потапова, 1996; 2000].

Таблица 35

Видовой состав и количество костных остатков из раскопок памятника Усть-Полуй

Вид	Год раскопок				
	1993	2006	2009	2010	2011
Собака	232	259	450	1 059	766
Северный олень	939	976	515	911	1 455
Лось	9	4	–	2	7
Песец	12	21	15	3	4
Лисица	32	7	1	9	–
Волк	2	–	–	1	–
Соболь	22	5	1	4	–
Горностай	–	1	1	–	–
Заяц-беляк	167	122	51	37	38
Белка	10	1	1	4	–
Бобр	108	91	63	89	41
Нерпа кольчатая	–	–	–	1	1
Морж	–	–	–	1	–
Млекопитающие неопр.	994	1 380	1 830	200	169
Птица вся	710	1 032	806	687	972
Рыба вся	1 707	2 655	7 978	2 661	2 356

из которых 4 573 не удалось определить ближе, но можно сказать, что большую часть из них представляют мелкие фрагменты костей северного оленя.

Собака. Кости собаки занимают второе место по числу остатков после северного оленя и составляют от 15 до 50 % от общего числа костей млекопитающих на разных участках памятника. Присутствуют все элементы скелета (табл. 36). Кроме костей собак на памятнике встречаются скопления отдельных элементов и находки частей скелетов в анатомическом порядке. Так, в раскопе 5 В. С. Андрианова 1935 года «на глубине 15–17 см от поверхности встречено большое скопление костей, главным образом собак. Черепа были сосредоточены в одном месте. На участке квадрата площадью 80 см^2, при мощности слоя до 20 см, собрано 15 черепов. Ни у одного из них нет целой черепной коробки, нижние челюсти лежат отдельно» [Мошинская, 1953, с. 84]. В 2006–2009 годах найдены два скелета без черепов и кости двух передних лап от разных взрослых особей; посткраниальный скелет, одна передняя и одна задняя лапа от молодых животных. Найдены два целых черепа, один из которых разломлен на две половины. Несколько нижних челюстей, преимущественно целых. Раздробленность костей собаки невелика, целы почти все найденные позвонки, часть трубчатых костей метаподии, некоторые трубчатые кости ног разбиты на три части.

Большая часть костей принадлежала взрослым особям. Есть также кости от молодых и полувзрослых животных. Найден фрагмент бедра от новорожденной особи и несколько костей от маленьких щенков. Это может свидетельствовать о том, что собак, скорее всего, содержали и разводили на территории памятника.

Северный олень. Относительное количество костей северного оленя среди определимых остатков млекопитающих колеблется от 43 до 63 % на разных участках памятника, что, вероятно, связано с различным использованием населением территории памятника. Присутствуют все элементы скелета (табл. 36). Рога все фрагментированы, часть из них (26 %) несет на себе следы обработки в виде порезов, зашлифовки и т. п. Большая часть позвонков — это фрагменты (преимущественно тело или диск). Причем преобладают фрагменты грудных позвонков. Заметную долю среди остатков составляют фрагменты ребер. Ребра раздроблены на несколько частей. Скорее всего, такая большая доля данных элементов скелета среди

Таблица 36

Количество элементов скелета северного оленя, собаки, песца, бобра, зайца из раскопок городища Усть-Полуй

Элемент скелета	Заяц	Бобр	Песец	Северный олень		Собака	
	2006 г.	2006 г.	2006 г.	2006 г.	2009 г.	2006 г.	2009 г.
Рог	–	–	–	85	38	–	–
Череп	2	4	1	9	5	7	13
Нижняя челюсть	2	9	3	12	5	13	14
Зубы	1	8	1	13	3	9	9
Подъязычная	–	–	–	3	–	–	–
Атлант	–	–	–	7	2	4	8
Эпистрофей	–	–	–	3	–	6	5
Позвонки	9	20	4	38	25	49	88
Грудина	1	–	–	6	5	5	1
Крестец	–	–	–	2	1	1	3
Ребра	5	21	1	240	101	26	79
Ключица	–	1	–	–	–	–	–
Лопатка	–	3	–	36	21	8	19
Таз	–	6	–	23	14	14	18
Плечевая	5	5	3	59	36	15	17
Локтевая	3	1	–	7	3	14	17
Лучевая	5	4	1	34	19	14	22
Бедренная	3	4	1	56	35	16	23
Большая берцовая	1	–	–	51	46	16	20
Малая берцовая	–	–	–	–	–	5	11
Коленная чашечка	–	–	–	10	5	–	–
Пясть	14	–	2	31	14	5	12
Плюсна	39	3	2	103	66	7	35
Грифельный	–	–	–	–	7	–	–
Метаподии	–	–	2	12	7	2	5
Пяточная	12	–	–	8	9	5	5
Таранная	3	1	–	11	6	2	3
Запястье, предплюсна	–	–	–	23	12	3	4
Фаланга I	10	1	–	38	15	5	12
Фаланга II	1	–	–	32	8	1	–
Фаланга III	–	–	–	5	–	–	–
Добавочные фаланги	–	–	–	16	3	–	–
Сесамовидные	–	–	–	3	1	–	–

остатков обусловлена очень сильной их раздробленностью. Вероятно, с этим же обстоятельством связано и преобладание фрагментов грудных позвонков среди одноименных элементов. У большей части ребер отломлена головка вместе с шейкой, и оценить степень прирастания эпифизов очень сложно. У лопатки отломлена верхняя часть с суставной впадиной. Среди лопаток найдено три обработанных кости. У лучевых костей присутствуют в основном верхний конец или диафиз. На одной лучевой кости имеются признаки обработки.

У больших берцовых и плечевых костей сохранились преимущественно фрагменты диафизов. Это связано, вероятно, с большей степенью дробления этих частей кости, чем верхнего или нижнего конца. У тазовых костей практически нет целых вертлужных впадин. От бедренных костей сохранились преимущественно фрагменты головки и диафизов. Часть головок бедра происходят от полувзрослых особей. Большая часть верхних и нижних эпифизов приросли. У метаподий сохранились преимущественно фрагменты верхних концов и диафизов. Нижние концы, как правило, целые, вероятно, поэтому их значительно меньше, чем других частей данной кости. Имеется лишь одна кость без нижнего эпифиза. Три плюсневых кости несут следы обработки. Пяточные, таранные кости, добавочные фаланги преимущественно целые. Первые и вторые фаланги разбиты на две части примерно посередине. Верхние эпифизы почти у всех костей приросли. Большая часть костей принадлежали взрослым животным. Лишь небольшая их часть происходит от полувзрослых особей. Анализ соотношения отделов северного оленя показывает, что кости черепа и рога составляют наименьшую долю среди остатков, доли всех остальных отделов скелета практически равны (табл. 36), что говорит о том, что, скорее всего, туши северного оленя разделывались на территории памятника. Вероятно, головы отрубались и хранились в другом месте.

По регистрирующим структурам [Клевезаль, 1988] определен сезон забоя 14 особей северного оленя: осенью забито 3 особи, осенью — зимой забито 4 особи и зимой забито 7 особей [Косинцев, Бачура, Корона и др., 2012].

Заяц-беляк. Кости зайца составляют от 2 до 11 % от числа костей млекопитающих в разных частях памятника. Найдены фактически все элементы скелета, но подавляющее большинство остатков зайца — это целые метаподии и фаланги пальцев (43 %). Остальные элементы скелета представлены единичными экземплярами (табл. 36). Трубчатые кости разломаны на две половины. Скорее всего, разделка тушек зайца производилась преимущественно за пределами поселения. От тушек отрубались конечности, и их в основном и приносили на территорию поселения.

Бобр. Остатки бобра составляют от 2 до 7 % от числа костей млекопитающих. Присутствуют все кости скелета (табл. 36). Подавляющее большинство из них — это позвонки и ребра. У нижних челюстей найдены преимущественно резцово-диастемные области. Позвонки целые. Ребра разломаны на три части. Никаких следов обработки на костях не отмечено. Изделий из костей бобра нет. Молодым животным принадлежит 18 % костей.

Морж. Найден один фрагмент клыка моржа. Этот вид обитает на западном побережье Ямала и далее к западу [Гептнер, Чапский, Арсеньев и др., 1976]. Очевидно, этот фрагмент клыка мог попасть в устье Полуя или в результате обменных операций, или в результате прямых походов на побережье Байдарацкой губы или западное побережье Ямала.

Кости остальных промысловых видов: *лося*, *волка*, *песца*, *лисицы*, *соболя, горностая*, *белки* и *нерпы* в небольшом количестве найдены во все годы раскопок (табл. 35). В целом среди остатков представлены все промысловые виды региона (см. раздел «Промысловые животные» наст. изд.).

Птицы. В структуре костного комплекса значительную долю составляют остатки птиц, общая коллекция составила 7 304 экз. В коллекции из раскопок В. С. Адрианова 1935–1936 годов определено 2 013 костей птиц [Пантелеев, Потапова, 2000]. В остеологической коллекции из раскопок Н. В. Федоровой 1993–1995 годов — 1 794 кости, 2009 года — 736 костей. Всего было определено 4 565 костных остатков, принадлежащих 51 виду птиц из 9 отрядов (табл. 37). Представлены все промысловые и условно непромысловые виды крупных и средних размеров, которые обитают в регионе (см. раздел «Промысловые животные»).

Более 50 % костей принадлежит белой и тундряной куропаткам, промысел которых в лесотундре ведется в зимний период времени. Многочисленны гуси (от 10 до 15 % в материалах разных лет), утки (от 11 до 19 %), различные водоплавающие (от 3 до 7 %) и дневные хищники (от 4 до 9 %). Остатки других групп видов: ржанкообразные, журавли, совы, куриные, врановые — составляют от 4 % и менее. Всего водоплавающим птицам, добываемым в весенне-летний период, принадлежит 29 % костей. Помимо промысловых видов, используемых в пищу, определены 20 видов птиц, мясо которых в пищу, как правило, не используют

(дневные хищники, совообразные и др.). Кости хищных птиц в материалах 1935–1936 годов составляют 9 %, в коллекции 1993–1995 годов они составляют около 5,5 % от всех остатков птиц, притом что на других памятниках в лесотундре кости хищных птиц единичны и представлены, как правило, двумя-тремя видами. При анализе этого материала обращает на себя внимание, что среди остатков хищных птиц в обеих коллекциях доминируют кости орлана-белохвоста — 244 кости; вероятно, принадлежат 10–12 особям (табл. 37). Кости орлана представлены практически всеми основными элементами скелета. Еще на предварительном этапе изучения костей птиц из памятника Усть-Полуй была отмечена патология двух костей орлана-белохвоста [Пантелеев, Потапова, 1996; 2000]. Предполагалось, что это связано со срастанием переломов. При последующих раскопках среди остеологического материала были еще найдены остатки этого вида с патологией. Всего с патологией встречены 5 костей: нижняя челюсть (mandibula), локтевая кость (ulna), две голени (tibiotarsus) и цевка (tarsometatarsus) Все описанные патологии, вероятно, связаны с травматическим повреждением от ударов. В трех случаях из пяти это сопровождалось переломом кости. После переломов у всех особей кости полностью срослись без образования ложных суставов. Это косвенно указывает на то, что птицы после получения травмы мало двигались. Две особи из пяти, оставаясь после получения травмы в природе, погибли бы, однако они выжили — очевидно, не без помощи человека. Полученные данные, несомненно, указывают на существование в раннем железном веке у населения района устья реки Оби, а возможно, и более широкого региона, обычая содержания орланов-белохвостов в неволе и использования этого вида в обрядовой практике [Пантелеев, Косинцев, 2010].

Таблица 37

Видовой состав и количество костных остатков птиц из раскопок памятников лесотундры в разные годы

Вид	У-П	У-П	У-П	НГ	НГ	НГ	НГ	НГ	НГ	НГ	ПГ
	1930	1993	2009	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2004–2005
Краснозобая гагара	25	56	9	–	4	–	2	–	1	2	1
Чернозобая гагара	48	39	4	3	–	1	–	–	–	–	–
Поганка (*Cristatus* sp.)	8	3	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Белощекая казарка	–	–	3	–	–	–	–	–	–	–	–
Черная казарка	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Краснозобая казарка	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Серый гусь	–	–	–	–	2	4	–	–	–	–	1
Белолобый гусь	133	94	75	13	5	23	32	2	43	38	17
Пискулька	–	3	2	1	–	4	12	5	7	6	5
Гуменник	90	62	20	6	5	9	13	4	8	6	13
Гусь неопр.	3	6	4	22	18	4	47	2	24	14	14
Лебедь-кликун	28	12	7	–	–	2	1	–	–	1	11
Тундряный лебедь	10	1	–	–	1	–	1	–	–	–	–
Кряква	12	14	–	3	–	–	5	–	–	2	3
Чирок-свистунок	50	48	55	6	2	2	7	2	2	3	1
Свиязь	40	20	14	3	–	–	5	–	1	5	4
Шилохвость	24	66	26	1	8	9	8	3	9	7	13
Чирок-трескунок	6	7	3	–	–	–	–	–	–	–	–
Широконоска	12	5	11	1	3	2	5	–	5	2	1
Хохлатая чернять	4	15	1	–	–	–	–	–	6	1	–
Морская чернять	1	1	1	1	–	4	–	–	–	–	–
Морянка	14	14	4	2	2	2	1	1	1	2	–
Гоголь	7	3	–	–	–	–	–	–	–	–	3
Гага-гребенушка	–	1	1	–	–	–	–	–	–	1	–
Синьга	2	4	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Турпан	1	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Луток	1	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–
Средний крохаль	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–
Большой крохаль	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Окончание табл. 37

Вид	У-П 1930	У-П 1993	У-П 2009	НГ 1999	НГ 2000	НГ 2001	НГ 2002	НГ 2003	НГ 2004	НГ 2005	ПГ 2004–2005
Утка неопр.	51	17	16	3	1	1	7	7	6	4	11
Скопа	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Полевой лунь	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Тетеревятник	4	1	–	–	–	6	–	–	9	3	–
Мохноногий канюк	1	–	–	–	–	7	–	–	–	–	–
Беркут	28	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–
Орлан белохвост	146	98	17	28	4	1	12	–	11	9	5
Сапсан	2	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Дербник	–	–	1	–	–	–	2	–	–	–	–
Белая куропатка	664	916	346	1 668	4 162	7 001	7 328	2 692	7 418	7 444	417
Тундряная куропатка	134	71	19	42	237	591	60	3	3	2	–
Куропатка неопр.	318	22	7	–	–	–	–	–	–	–	–
Тетерев	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Глухарь	16	4	1	–	–	–	–	–	1	1	7
Рябчик	–	1	–	–	–	–	–	–	1	–	–
Курица домашняя	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3
Стерх	6	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Серый журавль	1	–	–	–	–	–	–	–	1	1	–
Турухтан	–	–	1	–	–	–	–	–	–	5	–
Кулик неопр.	–	–	–	–	2	–	3	–	–	4	–
Средний поморник	–	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–
Серебристая чайка	67	57	16	1	–	1	5	–	1	2	1
Белая сова	12	2	–	–	8	2	16	–	5	5	1
Филин	4		–	–	–	–	–	–	–	–	–
Болотная сова	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–
Ястребиная сова	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–
Бородатая неясыть	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Сорока	–	7	10	–	–	–	–	–	2	–	2
Кедровка	–	–	–	1	–	2	–	–	–	–	–
Серая ворона	11	10	3	–	–	–	–	–	–	1	1
Ворон	11	–	4	1	–	3	11	–	7	12	39
Дрозд-рябинник	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–
Птица неопределимая	13	143	50	234	524	–	–	15	300	642	22

Примечание. У-П — городище Усть-Полуй; НГ — Надымский городок; ПГ — Полуйский мысовой городок.

Рыба. За период с 1993 по 2011 год коллекция костных остатков рыб составила 17 357 экз. (табл. 38). Определены 10 633 экз. костных остатков из раскопок 2006, 2009 годов, принадлежащие 12 видам рыб. Представлены практически все промысловые виды, которые обитают в регионе (см. раздел «Промысловые и домашние животные»). В 2009 году, помимо сборов костей при раскопках, проводилось просеивание культурного слоя, в результате чего было получено две выборки костей рыб. Первая выборка собрана в ходе раскопок при разборке культурного слоя ножами и шпателями. Вторая выборка получена при просеивании через сито образцов культурного слоя из разных участков раскопа 2009 года. В дальнейшем в тексте и в таблицах первая выборка будет называться «раскоп», вторая — «просев». Объемы всех выборок репрезентативны. Общий состав костных комплексов из раскопов одинаков (табл. 38), однако структура улова по материалам раскопов 2006 и 2009 годов различается. В выборке из раскопа 2006 года доминируют два вида — налим (51 %) и нельма (31 %), в выборке же из раскопа 2009 года доминирует налим (82 %), а доля нельмы значительно меньше — 12 %. Различаются доли и ряда других видов: щуки — 4,8 и 0,6 %; карповых — 1,5 и 0,3 %; суммарно сиговых — 5,2 и 3,1 % (табл. 38). В материалах раскопа 2009 года отсутствует целый ряд редких в уловах видов:

елец, ерш, окунь — и нет не определимых до вида остатков (табл. 38). Учитывая большие объемы выборок, эти различия существенны. Причин этих различий может быть две — разная методика сбора материала или действительное различие структуры костных комплексов рыб на разных участках памятника. Методика сбора материала в представленные годы была одинакова, поэтому причина заключается в различии структуры костных комплексов на разных участках памятника.

Эти различия могут быть связаны с разным функциональным использованием участков древним населением или с разным временем накопления культурного слоя на участках. В последнем случае различия в соотношении остатков могут отражать изменения структуры улова. Изменение структуры улова, в свою очередь, может быть связано с изменением численности видов в природе или с изменением орудий и способов лова. Сейчас однозначно объяснить причины различий в структуре улова, реконструированного по материалам раскопов 2006 и 2009 годов, невозможно. Совершенно иная структура костного комплекса, полученного из просеивания. Здесь доминируют сиговые — 45 % и не определимые до вида остатки — 41 % (табл. 38). Реконструированная структура улова принципиально отличается от структуры улова, полученной по материалам из раскопов. В улове доминируют сиговые — 95 %, среди прочих наиболее многочисленны карповые — 1,4 %, а доля остальных видов очень мала (табл. 38). Очевидно, эти различия связаны с разной методикой сбора костей. При просеивании собраны хрупкие кости сиговых, которые разрушаются при обычной методике сбора. Об этом же говорит относительно высокая доля карповых, мелкие кости которых при обычной методике выбираются не полностью.

Таблица 38

Видовой состав и количество костных остатков рыб из раскопок городища Усть-Полуй

Виды	2006 г.		2009 г.				
	Раскоп		Раскоп		Просев		Современность
	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%	
Сибирский осетр	20	0,7	18	0,9	9	0,1	+
Стерлядь	7	0,3	2	0,1	12	0,2	+
Муксун	10	0,4	24	1,2	3	0,1	+
Щокур	49	1,9	15	0,7	7	0,1	+
Сиги неопределимые	76	2,9	24	1,2	2 658	44,8 (95,4*)	+
Нельма	816	30,7	245	11,9	131	2,2 (0,5)	+
Щука	128	4,8	13	0,6	68	1,1	+
Язь	24	0,9	18	0,9	7	0,1	+
Елец	7	0,3	–	–	3	0,1	+
Карповые неопределимые	41	1,5	6	0,3	387	6,5 (1,4)	+
Налим	1 351	50,9	1 684	82,2	158	2,7 (0,6)	+
Окунь	7	0,3	–	–	37	0,6	+
Ерш	4	0,1	–	–	6	0,1	+
Рыба неопределимая	115	4,3	–	–	2 443	41,2	+
Всего	**2 655**	**100**	**2 049**	**100**	**5 929**	**100**	

Примечания. * В скобках указан процент от числа определимых остатков.

Таким образом, материалы, собранные в процессе раскопок, не характеризуют структуру улова. Структуру улова наиболее адекватно характеризует материал из просеивания. Вместе с тем материал из раскопов, собранный по одной методике, позволяет оценить однородность разных участков памятника по такому показателю, как распределение костей рыб. Поэтому сделанный выше вывод о неоднородности участков памятника, раскопанных в 2006 и 2009 годах, остается в силе.

Анализ размеров рыб показывает разную избирательность вылова разных видов (табл. 39). Наибольшие размеры выловленных особей таких крупных видов, как осетр, нельма и щука, не превышали 1 м, а подавляющее большинство выловленных особей имели длину от 40 до 65 см [Некрасов, Косинцев, 2011]. Размерная структура всех видов, кроме осетра, нельмы и щуки, близка к естественной. Древнее население не вылавливало рыб крупных размеров. Эти данные указывают на ограниченные возможности рыболовного промысла. На наш взгляд, это связано с отсутствием соответствующих рыболовных снастей, позволявших ловить крупную рыбу.

При раскопках городища Усть-Полуй 2009–2010 годов были взяты образцы культурного слоя для **карпологического анализа**. В ходе анализа отобраны и определены плоды и семена 23 таксонов растений [Корона, 2010; 2011]. Обнаружены макроостатки 8 видов деревьев и кустарников (лиственница, кедр сибирский, ель, можжевельник, береза, ольха, ива, черемуха), 6 видов кустарничков (княженика, брусника, толокнянка, арктоус, морошка, водяника) и 9 видов травянистых растений (хвощ, злаки, осока, горец птичий, звездчатка болотная, бобовые, вахта трехлистная, крапива двудомная, яснотка белая). Все обнаруженные макроостатки

Таблица 39

Восстановленная длина субфоссильных рыб из раскопок городища Усть-Полуй

Вид	10–15 см	15–20 см	20–25 см	25–30 см	30–35 см	35–40 см	40–45 см	50–55 см	55–60 см	60–65 см	65–70 см	70–75 см	75–80 см	80–85 см	100 см
Осетр сибирский	–	–	–	–	–	–	–	1	1	3	3	1	–	–	1
Стерлядь	–	–	–	–	1	1	1	1	–	–	–	–	–	–	–
Нельма	–	–	–	–	1	1	3	5	4	1	1	–	–	–	–
Муксун	–	–	–	–	–	1	3	3	2	–	–	–	–	–	–
Щокур	–	–	–	1	1	1	3	5	2	–	–	–	–	–	–
Щука	1	1	1	2	4	3	7	5	1	1	2	1	1	–	–
Щука «просев»	1	1	1	1	3	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Язь	1	2	5	3	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Елец	1	1	2	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Налим	–	–	–	1	2	9	18	37	51	28	6	5	5	1	–
Окунь	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Ерш	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

принадлежат растениям, которые и в настоящее время произрастают на данной территории.

Макроостатки большинства растений немногочисленны (5 видов) либо встречаются единично (14 видов), и только семена и плоды 4 видов (морошка, водяника, крапива, яснотка) обнаружены в большом количестве. Обилие плодов и семян этих растений в семенных комплексах связано, вероятно, не только с их значительным участием в растительных сообществах, но и с использованием человеком. Плоды водяники (шикши) использовались людьми для пищевых, лекарственных и технических нужд (как красильное растение). Ягоды морошки также люди издавна употребляли в пищу.

Большое количество семян крапивы может быть связано не только с ее широким распространением на территории памятника Усть-Полуй как сорно-рудерального вида, но и с использованием крапивы как самого холодостойкого прядильного растения. Яснотка белая (глухая крапива) является своеобразным спутником крапивы. Естественные местообитания обоих видов — тенистые поймы лесной зоны, причем яснотка тяготеет к более южным районам, хотя Говорухин [1937] отмечает, что яснотка белая занесена и в тундру. Возможно, яснотка вместе с крапивой была занесена людьми в район Усть-Полуя, где широко распространилась, судя по большому количеству найденных семян.

Таким образом, в культурном слое археологического памятника Усть-Полуй встречаются макроостатки различных групп растений: деревьев, кустарников и трав, характеризующих местную растительность, сорно-рудеральных (горец птичий, яснотка белая), а также используемых людьми пищевых (брусника, морошка) и технических (водяника, крапива) растений.

Анализ археобиологических материалов. Наибольшее значение для населения, которое проживало или временно находилось на территории памятника, играли северный олень и собака. Этих животных забивали на территории памятника. У северного оленя отрубалась голова, которая, вероятно, хранилась в другом месте. Возможно, головы использовали для ритуальных целей. Добывали преимущественно взрослых животных. Кости скелета сильно раздроблены, — скорее всего, северных оленей употребляли в пищу.

Собак содержали и разводили на территории памятника. Собак, скорее всего, в пищу не употребляли, поскольку их кости очень мало раздроблены. Убивали как взрослых, так и молодых животных, возможно, в ритуальных целях. По регистрирующим структурам [Клевезаль, 1988] определен сезон гибели 11 особей собак: 6 особей погибли весной-летом и 5 — осенью-зимой [Косинцев, Бачура, Корона и др., 2012].

Среди других животных заметную роль для населения играли заяц и бобр. От зайца на территорию памятника приносили преимущественно конечности. Тушки бобра разделывали на территории памятника и, возможно, использовали в пищу. Конечности отрубались и оставались на шкуре либо утилизировались отдельно. Добывалось довольно много молодых животных. Кроме этого, найдены кости белки, песца, лисицы, соболя, горностая. Доли этих видов в коллекции остатков составляют менее 1 %.

Судя по обилию костей птиц, промысел которых ведется как в зимний (куропатка), так и в весенне-летний (утки гуси) периоды, население обитало на Усть-Полуе круглый год.

Рыболовство играло важную роль в жизни древнего населения. Наиболее вероятное время лова — период открытой воды с конца мая по конец октября. Вылавливались рыбы только мелкого и среднего размера. Для ловли рыб крупного размера, вероятно, не было снастей. Структура костных комплексов рыб на разных участках памятника была разной, что может отражать их разное функциональное использование или разное время использования.

Анализ историко-экологических данных показал следующее. Соотношение остатков разных видов млекопитающих, птиц и рыб из раскопов разных лет существенно различаются. Так как в разные годы раскапывались разные части памятника, то это указывает на различия в функциональном использовании разных участков памятника. Среди остатков наиболее массовых видов (северный олень и собака) все элементы скелета представлены в достаточно больших количествах. Следовательно, в слой попадали остатки полных скелетов. Население добывало и ловило все промысловые виды млекопитающих, птиц и рыб, обитающих в регионе. В культурный слой попадали остатки всех добываемых видов, без избирательности. Характер раздробленности позволяет полагать, что животных съедали на изученной территории памятника. Данные анализа археоботанической коллекции показывают, что население городища, возможно, специально выращивало крапиву для получения волокна. Результаты определения сезонности показало, что люди обитали здесь круглый год.

Стоянка Салехард 1. Памятник расположен в историческом центре города Салехарда, на юго-восточной оконечности большого мыса, на правом коренном берегу реки Полуй, близ устья реки Шайтанка (66°32′ с. ш. 66°34′ в. д., рис. 26). Первая коллекция предметов, собранная археологом М. И. Штекелисом, поступила в 1926 году в Музей антропологии и этнографии (МАЭ), но не была документирована. В 1928–1929 году Салехардскую стоянку обследовал и описал археолог Д. Н. Редриков, а стационарные раскопки впервые были предприняты в 1946 году под руководством В. Н. Чернецова. Широкомасштабные раскопки памятника состоялись в 2004 и 2005 годах под руководством О. В. Кардаша [Кардаш, И-2005б, И-2006б; Кардаш, 2005]. Памятник объединяет под своим названием археологические слои нескольких разновременных поселенческих комплексов середины 1-го тысячелетия н. э. — 3-го тысячелетия н. э. Слои не отделены друг от друга какими бы то ни было стерильными прослойками и зачастую перемешаны. В верхней части слоя большинство фрагментов керамических сосудов и костяных изделий принадлежало периоду VI–VII веков н. э. (керамика зеленогорского типа). Средневековый слой подстилается слоями раннего железного века и насыщен фрагментами керамических сосудов периода V–I веков до н. э. Помимо керамики в слое встречались изделия из кости (в основном это наконечники стрел) и кости животных. Определенная часть костных останков животных и изделий из кости связывается нами с этими периодами. Все эти слои перекрыты слоями Полуйского мысового городка конца XVI — начала XVIII века и села Обдорского XVIII–XIX веков, которые рассматриваются нами отдельно.

Состав археозоологической коллекции, собранной при раскопках многослойного памятника, неоднороден. При равных условиях залегания среди костей встречались два типа сохранности. Кости первого типа имеют хорошую сохранность, схожую с сохранностью материалов средневековых памятников с замороженным культурным слоем (Надымское городище, Мангазея и др.), и соотносятся с материалами Полуйского городка и села Обдорского. Костные остатки второго типа имеют плохую сохранность, схожую с сохранностью материалов из памятников раннего железного века.

Ниже приведено описание материалов этого хронологического периода. Всего определена коллекция, состоящая из 434 костных остатков (табл. 40). Среди них только 1 кость принадлежит птице. Остальные — кости млекопитающих, из которых 40 экз. не удалось определить ближе, но можно сказать, что все они принадлежат животному размером с северного оленя и 90 % из них — фрагменты трубчатых костей ног.

Северный олень. Этому виду принадлежит 415 экз. костей, представляющих все элементы скелета (табл. 40). Основная часть — кости верхних и нижних частей ног при почти полном отсутствии костей черепа и очень малом количестве костей осевого скелета.

Такие виды, как *лось, собака, песец, лисица, волк, заяц-беляк, бобр,* представлены единичными костями (табл. 40).

Таблица 40

Состав элементов скелета млекопитающих из раскопок стоянки Салехард 1 в 2004–2005 годах

Элемент скелета	Собака	Северный олень	Лось	Песец	Волк	Лисица	Заяц-беляк	Бобр
Рог	–	34	–	–	–	–	–	–
Череп	–	1	–	–	–	–	–	–
Нижняя челюсть	2	6	–	1	–	–	2	2
Зубы	–	1	–	–	–	–	–	–
Атлант	–	2	–	–	–	–	–	–
Позвонки	–	7	–	–	–	–	–	–

Окончание табл. 40

Элемент скелета	Собака	Северный олень	Лось	Песец	Волк	Лисица	Заяц-беляк	Бобр
Ребра	–	26	2	–	–	–	–	–
Лопатка	–	35	–	–	–	1	–	–
Таз	–	8	–	1	–	–	–	–
Плечевая	1	34	–	2	–	–	1	–
Локтевая	–	21	–	–	–	–	–	1
Лучевая	–	48	–	–	–	–	–	–
Бедренная	–	32	–	–	–	–	–	–
Большая берцовая	–	51	–	1	–	–	2	1
Коленная чашечка	–	2	–	–	–	–	–	–
Пясть	–	15	–	–	–	–	–	–
Плюсна	–	34	–	–	–	–	–	–
Метаподии	–	8	1	–	–	–	1	–
Пяточная	–	6	–	–	–	–	–	–
Таранная	–	11	–	–	–	–	–	–
Запястье, предплюсна	–	8	–	–	–	–	–	–
Фаланга I	–	11	–	–	–	–	–	–
Фаланга II	–	5	–	–	1	–	–	–
Фаланга III	–	2	–	–	–	–	–	–
Трубчатые	–	–	2	–	–	–	–	–

Селище Зеленая Горка находится в устье реки Полуй, в черте города Салехарда (66°33′ с. ш. 66°35′ в. д., рис. 26). Исследовано О. В. Малоземовой, А. Г. Брусниciной в 1996–1997 годах [Брусницина, И-1999]. По двум образцам древесины лиственницы из культурного слоя получены дендрохронологические даты [Шиятов, Мазепа, Хантемиров и др., 2000]: самый конец XIII века и конец XIII — первые годы XIV века. Археозоологическая коллекция состоит из 2 065 экз. костных остатков. Видовой состав приведен в табл. 41. Помимо костей животных на памятнике были обнаружены 8 раковин моллюсков.

Собака представлена только костями туловища (позвонки, ребра) и конечностей (трубчатые кости, метаподии, фаланги). Одна фаланга I кальцинированная, 9 костей сломаны в древности, 1 кость погрызена (собакой?). Размеры костей некрупные.

Северный олень представлен костями всех частей скелета: рогами, черепом, нижней челюстью, позвонками и ребрами, трубчатыми костями, метаподиями, мелкими костями и фалангами. Все кости, кроме мелких костей и единичных фаланг, фрагментированны. Фрагменты черепа единичны, но рога многочисленны, и многие имеют следы от орудий. Один рог в приросшем состоянии. Следы погрызов имеют 67 костей, следы прохождения через желудочно-кишечный тракт — 4 кости.

По материалам раскопок 1997 года была проведена реконструкция фрагментации костей оленя. Ниже, в скобках, указано число костей с описанным типом фрагментации из общего количества одноименных костей, на которых возможно было провести реконструкцию. Указанные направления разрубания: для позвонков — вдоль, соответствует плоскости по направлению вдоль позвоночника; для концов трубчатых костей — поперек, соответствует плоскости, перпендикулярной длинной оси сустава (саггитальная плоскость), а для коленной чашечки, локтевой и пяточной костей — плоскости, перпендикулярной переднезаднему направлению (фронтальная плоскость).

Единственный первый шейный позвонок разрублен вдоль. Один из вторых шейных позвонков (3 экз.) разрублен вдоль, второй — поперек, у третьего отбит зубовидный отросток. Позвонки шейные обычно разрубались поперек (4 из 4); позвонки грудные также поперек (5 из 5), у некоторых отрубался спинной отросток; позвонки поясничные разрубались поперек (3 из 4), у многих отрубались поперечные отростки (4 из 4); крестец обычно разрубался вдоль (2 из 2). У ребер отрублены головки (4 из 4), и почти все разбиты на мелкие кусочки. Грудина обычно разрубалась вдоль (4 из 6). У лопатки отрубались суставная впадина (8 из 8) или ее верхняя часть (1 из 1), оставшаяся часть лопатки разбита на небольшие фрагменты. У тазовой кости отрубались от суставной впадины все части, иногда суставная впадина и крыло таза разрубались вдоль. У плечевой кости отбивались верхний и нижний концы; верхний конец разрубался несколькими способами — отрубался задний край сустава, или сустав разрубался вдоль или поперек; нижний конец раскалывался поперек (22 из 23); диафиз разбивался (41 из 45). У лучевой кости отбивались верхний и нижний концы; верхний конец обычно разрубался поперек (6 из 8); нижний конец так же (9 из 11); диафиз разбивался. У локтевой кости разрубался поперек верхний конец. На бедренной кости отрубалась головка; верхний и нижний концы отбивались, и нижний конец разрубался вдоль между мыщелками (18 из 20); диафиз разбивался (63 из 65). У берцовой верхний конец отбивался и иногда разрубался поперек. Все таранные (10 экз.), центротарзальные (5 экз.) и карпальные (13 экз.) кости целые. У пяточной кости верхний конец иногда отбивался или срубался наискось поперек. Пястная кость обычно раскалывалась ударами по верхнему концу и по нижнему концу между суставными блоками; иногда отбивался верхний конец. Плюсневая кость раскалывалась как пястная, но у нее иногда отбивался и нижний конец. Коленная чашечка иногда разрубалась поперек (3 из 8). Фаланга I обычно раскалывалась вдоль ударом по верхнему концу, в редких случаях — ударами вдоль с обоих концов. Фаланга II раскалывалась вдоль ударом по нижнему концу, иногда — ударом поперек тоже по нижнему концу.

Лосю принадлежит верхний конец с эпифизом фаланги I.

Медведю принадлежит фрагмент бедренной кости, отбитый в древности.

Волку принадлежит фрагмент локтевой кости.

Лисица представлена в основном целыми костями всех отделов скелета.

Песец представлен черепом, костями туловища (позвонки, ребра, лопатки, таз), трубчатыми костями (метаподиями и фалангами). Найден один копролит. Почти все кости или целые, или представлены крупными фрагментами. Эпифизы приросли у всех костей, кроме одной из 10 берцовых костей. Следы погрызов хищниками (собакой?) имеют 7 костей.

Соболь представлен черепами, нижними челюстями, позвонками, тазовыми и трубчатыми костями. Метаподии и фаланги не найдены. Эпифизы на всех костях приросли. У всех шести черепов разбиты мозговые коробки, все остальные кости целые. На наружной стороне головки одной из бедренных костей имеется косой порез острым орудием.

Таблица 41

Видовой состав и количество костных остатков животных из памятников зоны лесотундры (1) и подзоны северной тайги (2–11)

Вид	Памятники *										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Лошадь	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Собака	30	–	–	–	1	59	3	–	–	1	–
Северный олень	880	1	5	12	34	107	15	29	3	33	2
Лось	1	1	3	–	–	1	7	14	–	15	3
Песец	316	–	–	–	–	5	–	–	–	–	–
Лисица	5	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–
Медведь бурый	–	–	–	–	–	–	–	7	–	4	–
Соболь или куница	33	–	–	–	–	–	6	–	2	–	–
Заяц-беляк	457	–	–	–	–	10	3	–	–	2	–
Бобр	34	1	–	–	–	–	2	3	1	1	–
Морж	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Грызуны (все)	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–
Млекопитающие, ближе не определимые	171	45	160	171	3	47	27	101	25	62	–
Птица (вся)	88	–	1	–	1	21	–	–	–	159	–
Рыба (вся)	41	–	1	–	3	115	33	0	–	36	–

Примечание. * Памятники: 1 — Зеленая Горка; 2 — Амня 1; 3 — Амня 2; 4 — Щематн-лор; 5 — Войкар; 6 — Катравож; 7 — Няксимволь (раскоп); 8 — Няксимволь (сборы); 9 — Горный Полуй; 10 — Питляр; 11 — Тавгор-Лор 2.

Моржу принадлежит фрагмент клыка со следами обработки.

Бобр представлен фрагментами черепа, нижней челюсти, ребра, таза, плечевой, лучевой, локтевой, бедренной и берцовой костей и целые позвонки, таранные и ряд трубчатых костей и фаланга I. У части костей (позвонки, лучевые, берцовые, фаланга I) эпифизы не приросли. Одна кость имеет следы погрызов хищником (собакой?), и на одной тазовой кости след отрубания от крестца.

Заяц представлен всеми костями скелета, включая фаланги. Это по большей части крупные фрагменты. Найдено 48 черепов, из них 22 почти целых, и кости задней лапы в анатомическом порядке. Эпифизы приросли у всех костей, кроме нескольких позвонков, и у 2 большеберцовых костей (из 23) виден шов у верхнего эпифиза. Один грудной позвонок разрублен, одна кость со следами погрызов хищником и одна кость со следами прохождения через желудочно-кишечный тракт. У бедренной кости обычно отламывали нижний конец, плечевая и берцовая ломались посредине.

Млекопитающие неопределимые представлены в основном фрагментами костей животных размером с северного оленя. Среди них есть 4 кальцинированные кости и 2 кости со следами нахождения в желудочно-кишечном тракте.

Птицы. Кости по большей части целые или крупные фрагменты; найден целый череп с нижней челюстью. Среди остатков определены 13 костей белой куропатки и 8 костей разных видов гусей.

Рыбы. Почти все кости целые. Среди них определены 4 кости осетра, 2 кости нельмы, 30 костей разных видов сиговых (чешуя, позвонки), 12 костей щуки и 8 костей налима. На чешуе карповых крайняя полоса узкая.

Моллюски. Найдены 2 целые и 6 фрагментов раковин двустворчатых моллюсков.

На поселении жили по крайне мере с осени до весны. На это указывают находки приросшего рога оленя, узкая полоса по периметру чешуи рыб, многочисленность костей куропатки, песца, северного оленя и зайца, отсутствие костей молодых особей зайца. На обитание здесь весной или осенью указывает наличие костей гусей; об осеннем пребывании людей на поселении говорят находки берцовых костей зайца, на которых виден шов у верхнего эпифиза.

Находка фрагмента клыка моржа свидетельствует о миграциях жителей поселения на западное побережье Ямала или на контакты с группами населения, совершавшими туда миграции.

Тазовская литейная мастерская. Памятник расположен на правом берегу реки Таз, занимает гребень коренного берега, его мысовую часть, устье безымянного притока реки Таз, сливающегося в этом месте с безымянным ручьем (66°58′ с. ш. 81°29′ в. д., рис. 26). В 2005 году был обследован Г. П. Визгаловым [Визгалов, И-2006г]. По археологическим находкам датирована X–XIII веками. Обнаружены 4 экз. костных остатков.

Северный олень представлен нижней частью плечевой кости, фрагментом пястной кости и фрагментом зубного ряда нижней челюсти.

Песец представлен нижней челюстью.

Надымский городок расположен в нижнем течении реки Надым, в 25 км от его устья (66°03′ с. ш. 72°00′ в. д., рис. 26, 31). Он находится на западном берегу протоки Городская, практически на острове, образованном протокой и пойменными озерами. Городок исследовался раскопками О. В. Кардаша в 1998–2012 годах [Кардаш, 2009; Кардаш, И-2007а; И-2008а; И-2008в; И-2010; И-2011]. Массовые дендрохронологические исследования образцов древесины из построек городка показали, что территория городка заселялась с середины XII до первой трети XVIII века. В настоящее время, судя по дендрохронологическим датировкам, вскрыты отложения с рубежа XV–XVI веков и до 1730 года, когда его оставили жители [Кардаш, 2009]. Эти отложения накопились примерно за 230–250 лет. Анализ этих материалов позволяет выявить возможные изменения в хозяйственно-бытовой деятельности населения городка на протяжении периода формирования исследованного культурного слоя.

Культурный слой городка содержит большое количество костных остатков самого разного типа сохранности. Их изучение позволяет провести полную реконструкцию промысловой деятельности населения. Возможно выявление полного видового состава промысловых животных, определение вероятных способов добычи, способов разделки и утилизации добытых животных, определение сезона их добычи. Сбор и описание археозоологического материала производились по объектам, выявленным в процессе раскопок: верхний и нижний горизонты дерна, жилые и хозяйственные постройки, межжилищное пространство на разных участках городка, производственные площадки и т. д. Анализ состава и структуры костных комплексов

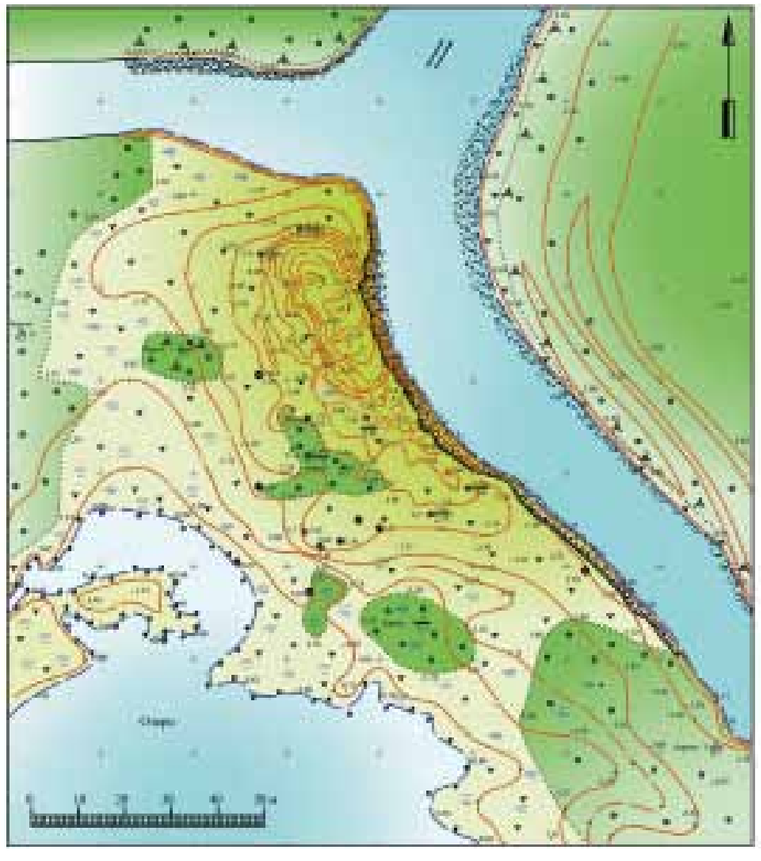


Рис. 31. Надымский городок. Общий вид и план памятника

1

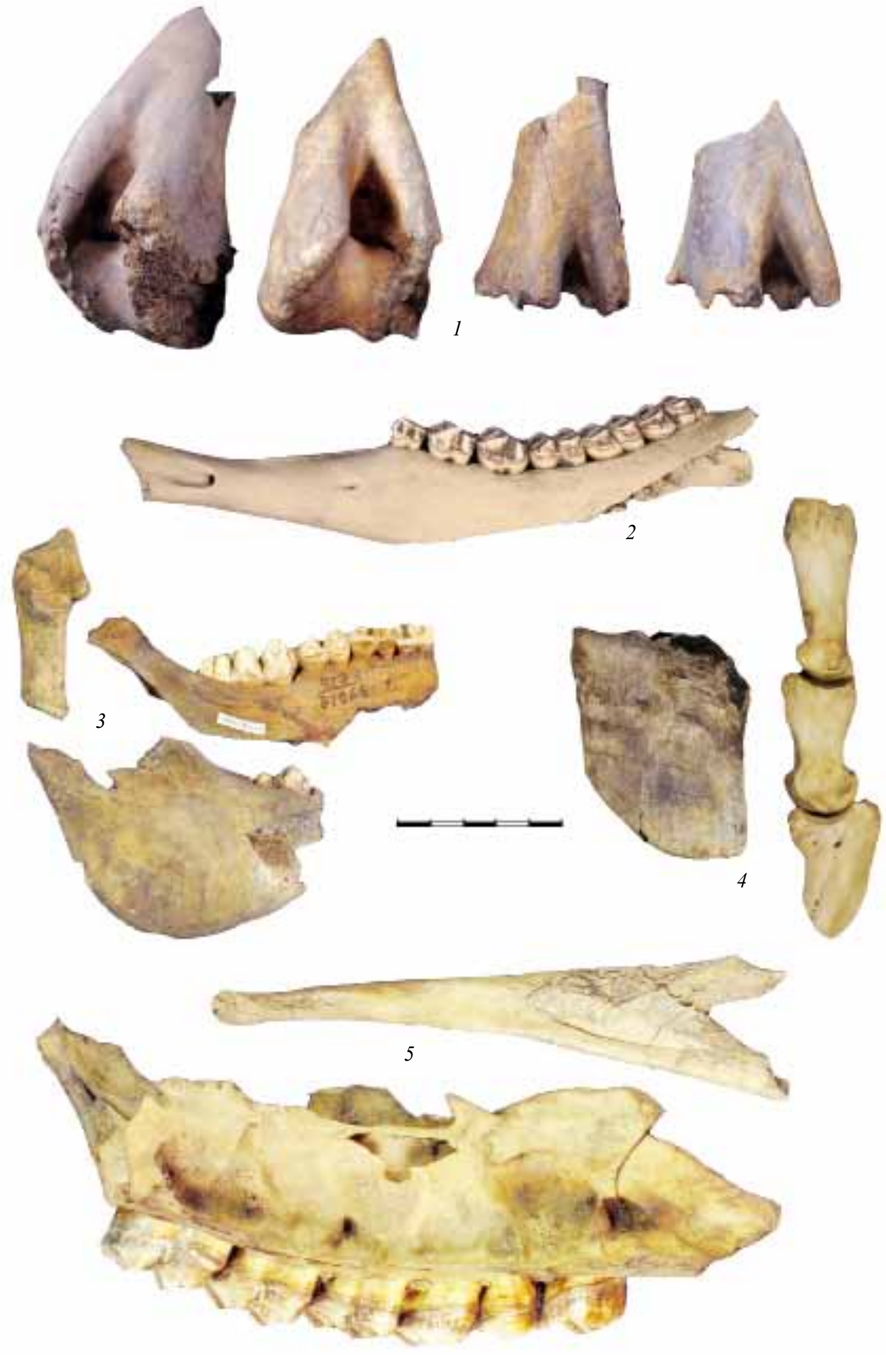
2

3

4

5

Рис.32. Надымский городок. Кости в слое: *1* — скопление костей зайца и куропатки; *2* — скелет орлана-белохвоста; *3* — скопление костей северного оленя; *4* — скопление костей песца и зайца; *5* — череп северного оленя на ритуальной площадке



1

2

3

4

5

Рис. 33. Надымский городок. Костные остатки: *1* — плечевые кости северного оленя; *2* — нижняя челюсть северного оленя; *3* — фрагменты нижней челюсти и пяточная кость свиньи; *4* — фаланги северного оленя; *5* — фрагменты черепа лося

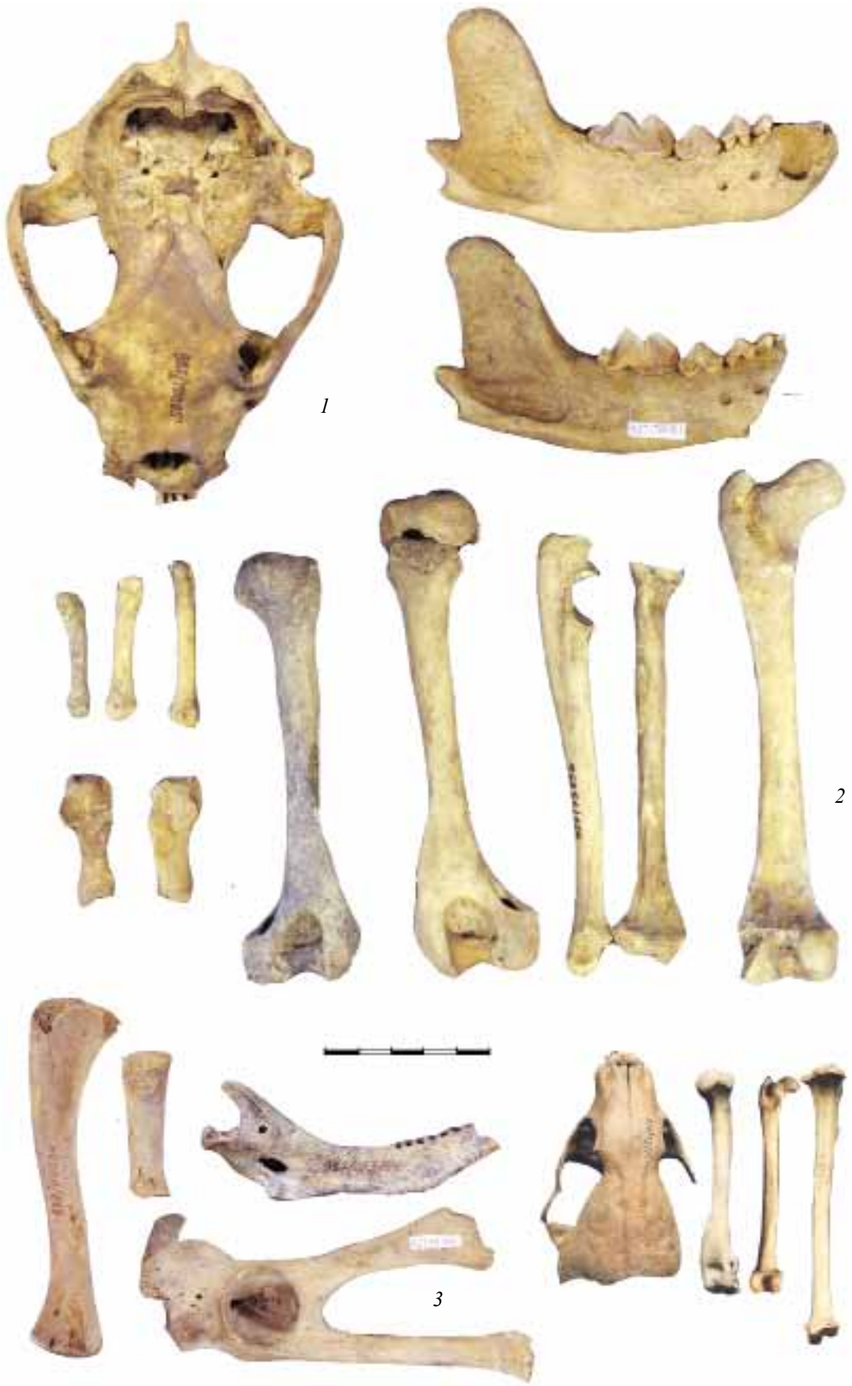


Рис. 34. Надымский городок. Костные остатки: *1* — череп и нижние челюсти росомахи; *2* — кости ног росомахи; *3* — кости кольчатой нерпы; *4* — череп и кости ног соболя

Рис. 35. Надымский городок. Костные остатки: *1* — череп и кости тела собаки; *2* — череп и кости тела лисицы; *3* — кости ноги волка; *4* — кости бобра

из разных функциональных участков позволяет охарактеризовать особенности хозяйственно-бытовой деятельности его населения в разных частях городка. Проводилось описание возрастных и размерных особенностей костей отдельных видов; характера и степени их раздробленности; особенностей сохранности и т. д.

В результате раскопок было установлено, что городок представлял собой населенный пункт с укрепленной оборонительно-жилой зоной сегментного типа. Ее планировочная композиция представляет собой овал, сформированный наружной стеной, рассеченный по длинной оси на две равные половины улицей — центральным проходом. Внутреннее пространство каждого сегмента дополнительно разграничено перегородками на секторы — кварталы, каждый из которых заполняли прямоугольные постройки разных размеров и функционального назначения — жилые и хозяйственные. Каждый из кварталов был пронумерован римскими цифрами по мере выявления в процессе раскопок. Постройки, расположенные внутри кварталов, нумеровались по ходу выявления арабскими цифрами [Кардаш, 2009]. На основании анализа материальных остатков отдельные части поселения были соотнесены с этническими группами. Кварталы I и II — остяцкие, III и V — самоедские, практически весь слой квартала IV был смыт протокой.

Археозоологический материал также ежегодно собирался с осыпи берега, куда он попадал из размывавшегося рекой культурного слоя. В осыпь костные остатки попадали из всей толщи культурного слоя городка, поэтому он характеризует состав костного комплекса за весь период обитания людей в городке. В приводимые ниже описания этот материал не включен.

Общая коллекция остеологического материала в настоящее время насчитывает 190 360 экз. костных остатков. Они принадлежат 24 видам млекопитающих, 29 видам птиц и 11 видам рыб. В слое также найдены кости полевок, которые погибли по естественным причинам, две кости лягушки, несколько фрагментов раковин моллюсков. Интересной находкой является подвеска, изготовленная из раковины каури. Кроме этого в культурном слое найдено несколько фрагментов бивня мамонта. Все они имеют плейстоценовый тип фоссилизации и были принесены жителями городка, вероятно, для изготовления поделок. Из раскопов были собраны образцы культурного слоя (81 экз.), содержащие копролиты животных и семена растений, 43 образца шерсти и меховых изделий, 32 образца волос человека, 170 копролитов собак, 3 фрагмента китового уса, 26 образцов чешуи и скелетов рыб, 15 образцов древесных грибов.

В береговом обрыве на линиях квадратов 46–48 была взята сплошная колонка образцов культурного слоя. Также отбирались образцы культурного слоя на участках поселения разного функционального назначения: из хозяйственных и жилых построек, с многофункциональных площадок. В лабораторных условиях образцы были просушены и проведен копрологический анализ.

Кроме этого, важным палеоэкологическим источником являются образцы древесины, взятые из элементов построек городка и проанализированные дендрохронологическим методом. Сбор и датировку образцов осуществлял сотрудник лаборатории дендрохронологии Института экологии растений и животных УрО РАН В. М. Горячев. Из слоев конца XVI — начала XVIII века взято около 1 350 поперечных спилов с бревен, досок, элементов строений Надымского городка, предметов быта и других остатков древесины, собранных из культурного слоя. Анализ древесных остатков показал, что для строительства в основном использовалась древесина лиственницы, ели и в меньшей степени кедра.

Результаты комплексных исследований Надымского городка, в частности археозоологические и дендрохронологические, отражены в археологических отчетах и публикациях [Кардаш, И-1999; И-2000; И-2001; И-2002; И-2003; И-2004; И-2005а; И-2006а; И-2007а; И-2008а; И-2008в; И-2010; И-2011; Кардаш, 2009 и др.].

Описание культурного слоя. Дерновый слой представляет собой древесную труху, которая густо пронизана, особенно в верхнем горизонте, корнями травянистых растений и является по сути более разложившимся культурным слоем. По всей толще дерн насыщен многочисленными костями млекопитающих, птиц и в гораздо меньшем количестве рыб. Кости имеют серо-коричневый цвет и выветрелую поверхность. Весь культурный слой городка состоит главным образом из древесных остатков — трухи, щепы, обрубков и обломков древесины, веток, травы и других органических остатков жизнедеятельности человека и животных. Весьма многочисленны деревянные изделия и особенно их фрагменты. Слой насыщен костными остатками млекопитающих, птиц и рыб. По всей площади раскопок в слое встречаются семена ягод и гастролиты из зобов птиц. Минеральные материалы представлены камнями разного размера и минералогического состава (все они принесены человеком), единичными гастролитами, глиняной обмазкой нижних венцов некоторых построек и скоплениями глины на месте чувалов в жилищах.

Значительной составляющей частью культурного слоя являются остатки строений. Постройки, расположенные внутри оборонительно-жилого комплекса, на протяжении всего исследованного раскопками

периода, неоднократно реконструировались. Причем перестройка происходила без извлечения не только основания строения, но и настила пола и нар. Каждое новое здание строили поверх остатков предшествующего, используя его в качестве фундамента. Таким образом был сформирован культурный слой, содержащий остатки всех этапов реконструкции жилого комплекса городка.

Структура культурного слоя оставалась в целом постоянной во всех хронологических горизонтах городища. В 1975 году поверхность памятника выгорела в результате пожара, от которого наиболее пострадала южная и юго-западная периферии южной и западной многофункциональных площадок, а также юго-восточный угол постройки № 8. Температура горения местами была выше 600° С — на это указывает часть костей, которая кальцинировалась.

Расположение костей в культурном слое памятника имело планиграфическую и стратиграфическую специфику, связанную с особенностями архитектуры и функционального назначения сооружений городка.

В оборонительно-жилом комплексе наибольшее количество костных остатков сосредоточено в межжилищном пространстве кварталов I, II, III. В остяцких **кварталах I и II** расчищены жилые постройки № 2, 6, 7. Культурный слой их состоит из щепы и растительной трухи с небольшим количеством костных остатков (в основном кости зайца, песца и куропатки) и включениями чешуи и мелких костей рыб.

Постройка № 2 находилась в квартале II и функционировала с середины XV по первую треть XVIII века. Пространство между уровнями пола заполнено мусором: кости млекопитающих, птиц, рыб, скопление чешуи, куски шкур, копролиты собак. Между нарами и чувалом чешуи значительно больше. Из интересных находок в постройке № 2 можно отметить: три кости свиньи, фрагмент черепа северного оленя с рогами, а также фрагмент нижней челюсти северного оленя.

Постройка № 6 располагалась в квартале I. В период XVII — начала XVIII века функционировала как хозяйственное помещение. В слоях этого периода здесь обнаружено довольно много костей животных. Представлены почти все промысловые виды, преобладают песец и куропатка; найдены целое крыло гуся, две лапы зайца, целый череп собаки. В слоях XV–XVI веков постройка функционировала как жилая, в ней обнаружены кости задней лапы собаки, несколько черепов соболя и грудной позвонок человека.

Постройка № 7 располагалась в квартале I. В период конца XVI — начала XVIII века обнаружены два очага — один в центре, другой в юго-восточном углу. Угловой очаг покрыт шкурой оленя, в основании его чешуя и кости рыб. В северо-западной части постройки, между очагом и северной стеной, обнаружено большое количество костей и чешуи рыб, много их также вдоль стен постройки. У северо-восточной стены, рядом с входом, найдена целая голова рыбы. Нары расположены вдоль юго-западной стены постройки и на всем протяжении застелены вейником. Большая часть костей, обнаруженных в заполнении постройки, принадлежит зайцу, песцу, куропатке, единично встречаются кости пушных видов (белка, горностай, соболь, росомаха). Часть из них происходит из копролитов собак, которые в большом количестве найдены в постройке. Немногие крупные кости северного оленя, как правило, находятся вдоль стен. Судя по найденным остаткам, стены жилища были утеплены мхом и шерстью животных. Из постройки взяты 2 образца культурного слоя и 21 образец копролитов собак.

В слое XV–XVI веков при разборке центрального чувала постройки № 7 под слоем угля обнаружена берестяная крышка от короба, на которой лежало скопление чешуи рыб. В юго-восточном углу постройки обнаружены обломки черепа молодого оленя. В слое встречаются копролиты собак. Пол одного из строительных горизонтов в постройке был полностью застелен плетеными циновками из травы и берестой. Выше этого горизонта по всей площади постройки лежал толстый слой (около 10 см) копролитов человека.

Постройки кварталов I и II разделялись улицей, которая начиналась за центральным северо-западным входом в оборонительно-жилой комплекс и ограничивалась внутренними перегородками городища. В слоях XVII–XVIII веков по всей длине улицы культурный слой содержал большое количество костей животных. В квадратах Н-О/51 обнаружены скопления костей зайца, песца, соболя и куропатки. В слоях XV–XVI веков культурный слой улицы содержит массу копролитов человека и животных, с включениями переваренных фрагментов костей мелких млекопитающих и куропатки. В раскопках 2006 года найден полный скелет орлана-белохвоста (рис. 32-*2*). Перед северной стеной постройки № 11 обнаружено скопление костей и чешуи рыб.

В конце XVI века в южной части остяцкого квартала I поверх шести небольших построек жилого и хозяйственного назначения (постройки № 10, 11, 13, 14, 15, 16) были сооружены один большой дом каркасно-столбовой конструкции с центральным очагом (постройка № 8) и хозяйственная пристройка к нему, которые сформировали пространство самоедского квартала III.

Постройка № 8 занимала практически все пространство **квартала III** и заселялась в период конца XVI — начала XVIII века. Заполнение постройки состоит из щепы и остатков органики и содержит большое количество костных остатков [Косинцев, Лобанова, Кардаш, 2001], среди которых в большом количестве обнаружены кости всех промысловых животных. Здесь сконцентрировано довольно много костей северного оленя, чего нет в других жилых постройках. В заполнении очага много костей и чешуи рыб. Возле одной из лаг пола обнаружен череп оленя, интерпретированный как строительная жертва. В юго-восточном углу у наружной стены постройки обнаружен почти целый череп росомахи, а под южной стеной скопление костей, состоящее в основном из костей песца, поверх которого лежал фрагмент верхней челюсти северного оленя и кости передних лап собаки. Пристрой с северо-западной стороны постройки неоднократно застилался травой (стебли вейника – *Calamagrostis sp.*). Внутри одного из слоев травы найдена бедренная кость полувзрослой особи зайца. Это позволяет предполагать, что трава была положена осенью, примерно в сентябре-октябре. Слои травы относительно слабо утоптаны, в них найдены целые копролиты собак; костей мало, местами лежат пятна золы. Вдоль основания северо-западной стены пристроя слой очень рыхлый и состоит почти исключительно из вейника. Здесь сравнительно много костей, есть целые копролиты собак, зайца и копролиты или содержимое желудков куропаток. Возможно, это место, куда эпизодически выбрасывали (собакам?) внутренности зайцев и куропаток.

Культурный слой всех **хозяйственных построек** состоит из щепы, большого количества органики и содержит довольно большое количество костных остатков.

Постройка для содержания животных располагалась южнее постройки № 7 в квартале I и функционировала в период конца XVI — начала XVIII века. Она представляла собой вытянутое с востока на запад сооружение, разделенное поперечными стенками на небольшие клети. Пол в восточной части был выстлан травой. По всей территории постройки разбросано большое количество костей млекопитающих, особенно зайца и песца. В постройке найдено несколько скелетов лап этих видов, у восточной торцевой стены несколько пар костей предплечья (лучевая и локтевая) зайца. Часто встречаются кости птиц (в основном куропатки) и рыб. Наиболее интересными находками являются почти полный скелет самки собаки с остатками 3 скелетов только что родившихся щенят, скелеты еще 2 щенков разного возраста и часть скелета молодого волка.

Постройка № 3 располагалась в квартале I и функционировала в период конца XVI — начала XVIII века. Культурный слой постройки состоит из щепы и растительной трухи с многочисленными костными остатками почти всех видов животных. В центре у северной стенки небольшие количества чешуи, около южной стенки найдены три лапы зайца. Пол следующего уровня постройки покрыт частично берестой, частично слоем стеблей вейника, местами трава лежит на бересте, около юго-восточного угла найдено скопление костей зайца — 7 черепов и 4 лапы. У черепов отсутствует затылочная кость и нет нижних челюстей. В заполнении много костей рыбы, часть из них представляют собой позвонки кости плавников в анатомическом порядке, найдены копролиты собак в форме кучек и часть тушки лисицы. В слое около входа в постройку найдено большое количество фрагментов костей со следами пищеварительных ферментов. В заполнении постройки найдена часть скелета росомахи (39 костей), фрагмент другого скелета обнаружен рядом с постройкой. Около юго-восточного угла постройки найдена нижняя часть задней ноги собаки, которая была отрублена ниже колена и по нижним частям метаподий. Около стены постройки найдено 4 трутовика.

К востоку от постройки № 3 обнаружен угол постройки хозяйственного назначения. Постройка заполнена щепой и растительной трухой. В заполнении постройки найдено большое количество костей зайца. У южной стены найдены части тушек зайца с шерстью, содержащие в основном кости ног и позвонки. Всего в постройке сохранились целиком 4 задние и 2 передние лапы. Кроме того, возле стены постройки на улице обнаружены еще 2 задние и 2 передние лапы зайца.

В слое XV–XVI веков в квартале II был расчищен культурный слой, связанный с постройкой № 3, которая была разобрана в 2005 году, конструкций следующего уровня не выявлено. В слое, как и в предыдущие годы, находилось большое количество костей, особенно зайца и куропатки. Интересной находкой можно считать фрагмент локтевой кости домашней кошки — вида, ранее не обнаруженного на городке.

Шесть небольших построек жилого и хозяйственного назначения (постройки № 10, 11, 13, 14, 15, 16), между которыми размещались три погреба для хранения продуктов, функционировали до конца XVI века. Культурный слой этих построек и пространства вокруг них насыщены костями животных и другими органическими остатками. Преобладают кости зайца, куропатки и пушных животных, совсем немного костей северного оленя. В межжилищном пространстве снаружи от восточных стен построек № 13 и 16 обнаружено скопление копролитов собак и шерсти животных, между постройками № 13 и 14 найден череп росомахи.

В хозяйственной **постройке № 10** много костей млекопитающих, а также птицы и рыбы. У северной стены постройки обнаружена хорошо сохранившаяся целая тушка щенка собаки с шерстью.

В заполнении хозяйственной **постройки № 11** много травы и костей — главным образом зайца, куропатки и песца. Найдена часть скелета лисицы с черепом, части скелетов песца, большое количество костей соболя. И трава и кости перемешаны с неперегнившими остатками органики. По всей вероятности, здесь хранились части тушек животных, которые не успели полностью сгнить к моменту консервации — заполнения постройки мерзлотой. Костей северного оленя немного, преобладают кости дистальных отделов ног. Интересными находками являются части копыт северного оленя с роговыми чехлами и лапки куропатки с перьями, целые лапы зайца (2 задние и 2 передние). Повсюду разбросано большое количество чешуи и частей скелетов рыб.

Культурный слой **постройки № 14** содержал большое количество обломков деревянных конструкций, щепы, много травы и костей — главным образом куропатки, зайца (рис. 32-*1*) и песца, а также соболя, бобра и собаки. Обнаружен фрагмент черепа лося.

Скопления костей куропатки, зайца и песца обнаружены и в слое **постройки № 15**, и рядом с ней, на территории квартала I. В заполнении постройки было обнаружено берестяное корытце, заполненное костями (в основном кости зайца, немного рыбы и птицы).

В южном углу **постройки № 16** между досками стены и кусками бересты обнаружено скопление копролитов человека и собак, чешуи и костей рыб, костей лап песца и зайца и др. В копромассе встречаются семена черемухи. У северо-западной стены, видимо, была брошена тушка песца.

Квартал V был частью уничтожен осыпью берега протоки. Верхний слой на его территории выгорел в результате пожара. Сохранились конструкция перегородки, отделявшей его от третьего квартала, элементы наружных стен и половина большой жилой постройки № 12, по архитектуре сходной с постройкой № 8 [Кардаш, 2009]. На территории квартала была разобрана часть обрыва в квадрате М-Н/69–70. Это кочка, отрывающаяся от берега и уходящая в осыпь. Содержимое кочки представляло собой скопление костей, состоящее из частей скелетов песца, зайца, лисицы и соболя, перемежаемых большим количеством рыбьей чешуи. Скопление располагалось под дерном и небольшим слоем трухи, который был очень насыщен чешуей рыб и копролитами (видимо, человека).

Культурный слой **постройки № 12** содержал довольно большое количество костных остатков, среди которых преобладают кости северного оленя (рис. 32-*3*). Кроме того, здесь обнаружены скопления костей зайца, песца (рис. 32-*4*), лисицы и соболя, большую часть которых составляют кости головы (черепа и нижние челюсти). В постройке найдена часть осевого скелета песца, а под бревнами северо-западной стены постройки, открывшейся при зачистке стратиграфического разреза, — скопление черепов соболя. В слое, относящемся к периоду XV–XVI веков, под лагой пола был обнаружен приклад из костей, включающий в себя подвески из таранных костей бобра, а также кости зайца, песца и соболя.

Оборонительно жилой комплекс отделяет **наружная стена**, состоящая из каркасно-стеновой конструкции. Вдоль западной стороны стены найдено несколько фрагментов скелетов собак. В заполнении стены, в слое конца XV века, найдены остатки 4 яиц птиц, которые принадлежат одному виду: свиязь (*Anas penelope*). Судя по характеру скорлупы (строению пор, пигменту) и некоторым деталям строения сохранившихся подскорлуповых оболочек, все яйца имеют слабую насиженность. Возможно, все яйца происходят из одной кладки. Характер деформации яиц говорит о механическом сдавливании их каким-то тяжелым предметом (определение яиц было выполнено И. В. Аскеевым).

Терраса, опоясывавшая жилую зону, была искусственно сформирована культурным слоем, состоящим из фрагментов досок и бревен, отдельных веток, щепы, стружки и коры, травы, костей животных и птиц, гумусированных органических соединений, артефактов, линз суглинка и прочих различных отходов жизнедеятельности населения городка. На ней не были зафиксированы остатки каких-либо построек или сооружений (кольев, столбов, загородок). В связи с этим терраса условно разделена на отдельные площадки, которые имели приблизительно одинаковые размеры — 30 × 20 м, за исключением северо-восточного склона, обращенного к протоке.

Северо-западная многофункциональная площадка (СЗМФП). На площадке было выявлено несколько кострищ на аморфных глиняных основаниях. На всех изученных раскопками уровнях культурного слоя за хронологический интервал с конца XVI по первую треть XVIII века какая-либо закономерность в их расположении не прослеживается. На разных уровнях количество очагов и место их расположения меняется. Зафиксированы уровни (слои) мощностью от 10 до 20 см, на которых по всей территории площадки очаги

отсутствуют. Культурный слой здесь состоит в основном из щепы и опилок, с включениями гумусированных прослоек, и содержит большое количество костей животных, а также другие органические остатки (семена растений, плодовые тела трутовиков, клочки шерсти животных, пряди волос человека). Присутствуют кости практически всех видов животных, но особенно много здесь сосредоточено костей северного оленя и куропатки. Участки дерна на северном и западном склоне состоят из оторфованной массы с примесью щепы и содержат большое количество костей песца, представляющих собой остатки от целых тушек животных. В слоях XV–XVI веков очагов нет. Содержание костных остатков в культурном слое неодинаково, на линии квадратов Л-О/28-35 костных остатков практически нет, слой состоит преимущественно из довольно крупной щепы иногда с примесью опила, зато в квадратах Е-З/25–29 и З-К/31–32, где в слое много гумусированных элементов, обнаружено особенно много костей зайца, куропатки, песца и северного оленя. На линии квадратов З-И слой состоит из щепы, в которой очень много костей куропаток. В квадрате З/28, найдена лапа белки, в квадрате Е/37-38 обнаружена задняя часть скелета собаки. В квадратах, примыкающих к стене оборонительно-жилого комплекса и северо-западному входу, резко увеличивается содержание костных остатков в культурном слое. Здесь обнаружено особенно много костей северного оленя, зайца, куропатки, рыбы. В слоях XV–XVI веков увеличивается количество костей свиньи, из интересных находок здесь можно отметить метаподию моржа, таранную кость овцы и резец лошади, остатки видов ранее не встреченных на городке.

Под дерном **западной многофункциональной площадки (ЗМФП)** культурный слой представляет собой гумусированную, торфообразную, довольно однородную массу, содержащую большое количество костей куропатки — немного меньше костей зайца, песца и северного оленя. Ниже слой состоит из оторфованной, частью горелой массы с примесью щепы. На территории площадки сосредоточено почти 20 % всех костных остатков, половина которых обожжена. Здесь найдены кости практически всех видов животных, обнаруженных на городке, и сосредоточено наибольшее количество костей северного оленя, а также собрано относительно большое количество костей соболя и лисицы. В квадрате А/63 найден берестяной плетеный короб с семенами черемухи.

Южная многофункциональная площадка (ЮМФП) расположена в южной части городка. Площадка относится к последнему периоду функционирования городища, в настоящее время большая часть площадки уничтожена руслом протоки, и от нее сохранился лишь участок размером 20 × 12 м. Судя по всему, формирование слоя здесь не сопровождалось процессом активной хозяйственно-бытовой деятельности людей, как это происходило в остальных частях городка. Под задерненным верхним слоем находился оторфованный слой с небольшим количеством щепы и содержащий большое количество костных остатков северного оленя, а также мелких животных и птиц. В южной части площадки обнаружены следы большого кострища на глиняном основании общим размером 2,0 × 2,0 м. По периметру кострища располагались остатки 15 черепов северного оленя с рогами. К северу, между кострищем и южным углом жилого комплекса, расположенные полукругом, находились остатки еще 11 черепов оленя (рис. 32-*5*). Остатки еще четырех были расположены непосредственно у южного угла жилого комплекса. Рядом с большинством оленьих черепов находились фрагменты черепов хищников (песца, собаки, волка), в некоторых случаях заячьи. Один почти целый череп песца лежал отдельно. Кроме того, по территории площадки были разбросаны немногочисленные фрагменты костей ног северного оленя. Эти находки с большой уверенностью можно интерпретировать как свидетельства ритуального жертвоприношения, что подтверждается и характером обнаруженных здесь артефактов [Кардаш, 2009]. Черепа с рогами явно оставлялись на месте жертвоприношения, причем 5 черепов с сохранившейся верхней частью мозговой коробки имеют прямоугольное отверстие в ней.

Помимо костей северного оленя на этой территории обнаружены костные остатки практически всех видов животных, обитавших в то время в районе городища, а также кости птиц и рыб. Большая часть костей птицы (29 % от общего количества костей) сосредоточена в верхних, поддерновых слоях в северной части площадки около жилого комплекса и немногим меньше (23 %) — в южной части; в жилой части доля птицы составляет 36 %.

Костных остатков северного оленя традиционно находится больше в нежилой части городка, где, по-видимому, разделывались и частично утилизировались туши крупных животных. На территории южной многофункциональной площадки кроме костей головы сосредоточена и большая часть костей тела и ног северного оленя (табл. 46). Доля костей северного оленя здесь составляет 34 и 38 % (от общего количества костных остатков) вблизи жилого комплекса и на ритуальной площадке соответственно против 9 % в жилой зоне городка.

Описание археозоологического комплекса. Костные остатки млекопитающих наиболее многочисленны и составляют 59 % от общего числа костных остатков в период с конца XVI по начало XVIII века и 50 % в XV–XVI веках.

Свинья. Материал представлен в табл. 42, 43, 45. Кости свиньи равномерно расположены на территории городка. Среди костных остатков этого вида определены все части скелета (табл. 45, рис. 33-*3*), за исключением самых нижних частей ног (почти отсутствуют метаподии и фаланги), при этом почти треть составляют кости головы (череп, нижние челюсти и зубы), и это соотношение сохраняется в течение всего периода исследований. Около 30 % составляют молодые животные, не достигшие полутора лет, но есть и остатки новорожденных особей. При изучении Надымского городка прослеживается интересная тенденция увеличения количества костных остатков свиньи в слоях конца XV–XVI века по сравнению с более поздними периодами. На период конца XVI — начала XVIII века (раскопки 1999–2005 годов) приходится 35 экз., что составляет менее 0,1 % от общего количества млекопитающих (табл. 47). В последующие годы раскопок, когда вскрываются слои XV–XVI веков, количество костных остатков свиньи увеличивается до 0,2 % (77 экз.) и большая их часть сосредоточена на северо-западной многофункциональной площадке.

Таким образом, по имеющимся данным у аборигенного населения Надымского городка, свинья появляется уже в XV веке, то есть до установления Мангазейского морского хода. Нет сомнения в том, что свинья попала в этот регион исключительно с населением северо-восточной Европы.

Крупный рогатый скот. Найден 1 роговой чехол. В XVI–XVIII веках роговые чехлы коров широко использовались для изготовления пороховниц, поэтому не исключено, что эта находка является остатком такого изделия и вряд ли может свидетельствовать о содержании крупного рогатого скота населением городка.

Мелкий рогатый скот представлен одной таранной костью из слоев XV–XVI веков. Подобные находки есть и на других северных памятниках (Усть-Войкарское городище, городище Мангазея).

Лошадь. В слое XV–XVI веков обнаружена подвеска, изготовленная из просверленного резца лошади.

Собака. Кости собак обнаружены на всей территории городища (табл. 42, 43), представлены все элементы скелета (табл. 45, рис. 35-*1*). Кроме отдельных костей встречаются почти целые скелеты или их фрагменты в анатомическом порядке, например, в основании задней стены постройки № 8. Особенно интересно «захоронение» самки с тремя щенками: скелеты найдены в южной части остяцкого квартала I, в пространстве, разделенном дополнительными перегородками на отдельные помещения, с дощатым полом, выстланным соломой. Помимо этого, полный скелет щенка с шерстью обнаружен в постройке № 10, в постройке № 6 найден целый череп, а также кости лап от взрослой особи. Несколько фрагментов скелетов обнаружены у западной наружной стены около квартала III. Следует отметить, что часть костей имеет следы разделки: порезы, отрубленные концы, разбитые кости. Часто после этого кости выбрасывались, так как многие костные остатки имеют следы погрызов собаками. Встречаются кости собак с патологиями. Часть нижних эпифизов плечевых костей и верхних эпифизов локтевых от разных особей имеет сходные патологии в виде разрастания надкостницы.

Были промерены 4 экз. черепов собак. По размерам черепа их можно разделить на две размерные группы. Первую группу составляют относительно некрупные собаки (черепа 1 и 4), которых можно по размерам соотнести с оленегонными лайками. Вторая группа (черепа 2 и 3) — более крупные собаки, которых предварительно можно соотнести со зверовыми лайками. Обе эти группы отличаются от собак из Мангазеи относительно более узким межглазничным расстоянием. Размеры костей посткраниального скелета подтверждают это. Так, ширина нижнего конца большой берцовой кости из постройки № 6 составляет 24,8 мм, а из постройки № 3 — 20,8 мм, то есть на 16 % меньше [Кардаш, И-2003].

Содержание и разведение собак, несомненно, было одним из важных направлений хозяйственной деятельности населения городка. На северо-западной многофункциональной площадке, в ее средней и северной частях, выявлены большие скопления разрушившегося помета. Вероятно, здесь было одно из мест содержания собак на привязи. В целом находки копролитов собак идут по всей территории городка, включая жилища и даже нары.

Кошка домашняя представлена фрагментом локтевой кости. Домашняя кошка в городке могла оказаться в результате контактов с североевропейским населением. Отсутствие других костей, возможно, связано с тем, что это животное не было знакомо местному населению и к нему не было особого отношения и связанных с ним ритуалов, как то было в отношении пушных или священных животных. Поэтому труп погибшего животного, скорее всего, был просто брошен и растащен собаками.

Северный олень. Материал представлен в табл. 42–44, 46, 47. Количество костных остатков северного оленя в различные хронологические периоды изменяется очень мало (табл. 47). Остатки найдены по всей площади раскопа, но наибольшее их количество сосредоточено на многофункциональных площадках за пределами оборонительного жилого комплекса (ОЖК). Это позволяет полагать, что разделка туш оленей производилась не в жилой части поселения. Внутри ОЖК скопления костей северного оленя обнаружены в постройках № 8 и 12. На территории ОЖК, северо-западной и западной площадок преобладают фрагменты костей проксимальных частей конечностей (трубчатых костей) и осевого скелета (позвонков и ребер) (табл. 46), которые представляют собой кухонные остатки, здесь непропорционально мало костей головы и дистальных отделов конечностей. Среди последних очень мало фаланг. Большое количество костей нижних отделов конечностей (метаподий, фаланг, мелких костей запястья) находилось в хозяйственной постройке № 11. Здесь они составляют 42 % от числа остатков оленя, тогда как обычно их немногим более 20 %.

По-видимому, черепа северного оленя использовались в ритуальной практике жителей городка. Так, в основании постройки № 8 был найден фрагмент черепа старого оленя. Около 30 черепов оленя обнаружены на южной многофункциональной площадке, которую автор раскопок интерпретирует как ритуальную [Кардаш, 2009].

Раздробленность костей северного оленя высокая, целыми являются только мелкие кости запястья, предплюсны и часть фаланг пальцев. Следы орудий на костях позволяют в общих чертах реконструировать приемы разделки туш. Судя по следам на первом шейном позвонке, голова отчленялась двумя способами — она отрубалась или отрезалась от атланта. После этого шея разрубалась вдоль. Дистальные части ног отрезались в скакательном и запястном суставах. Конечности обычно разрубались в плечевом, локтевом, тазобедренном и коленном суставах. Расчленение в локтевом суставе производилось следующим образом: диафиз плечевой кости разбивался около нижнего конца (рис. 33-*1*), а диафиз лучевой — около верхнего. После этого иногда сустав разрубали вдоль. Позвоночник разрезался или разрубался на части; таз отрубался от крестца; ребра отрубались от позвонков. Трубчатые кости, нижние челюсти, а часто и первые и вторые фаланги разбивались для извлечения костного мозга. Ребра разрубались на 2–3 части. Нередко встречаются трубчатые кости и метаподии, расколотые вдоль по всей длине кости.

Большая часть эпифизов трубчатых костей (как самой мягкой части), позвонков, ребер, тазовых костей погрызена собаками. Часть костных остатков носит следы обработки. Для изготовления различных изделий использовались рога, лопатки (из них изготавливаются ножи для чистки рыбы и другие изделия), реже трубчатые кости и таранные. Из всех трубчатых костей, нижних челюстей и большинства фаланг доставался костный мозг.

Сейчас определенно можно говорить о том, что подавляющее большинство животных забито или добыто в возрасте старше полутора лет. Молодым и полувзрослым животным принадлежит не более 3 % костей, среди костных остатков единично встречаются кости новорожденных особей (возможно, эмбрионов) и старых животных.

Внутривидовая систематика северного оленя, несмотря на многочисленные исследования как морфологических, так и биохимических и генетических признаков, окончательно не установлена. В последнее время всех северных оленей Западной Сибири относят к одному подвиду — *Rangifer tarandus sibiricus*. Насколько обоснованно данное заключение, сейчас трудно сказать, так как морфология и генетика северного оленя таежной зоны Западной Сибири практически не изучены. Причем не изучены как дикая, так и домашняя формы. Поэтому любые материалы по морфологии северного оленя Западной Сибири представляют чрезвычайную важность. В этом отношении крайне интересны материалы по северному оленю из Надымского городка. Но их интерпретация на сегодняшний день очень затруднена. Дело в том, что теоретически в выборке из городка могут присутствовать остатки особей из четырех разных популяций: тундровая популяция дикой формы, тундровая популяция домашней формы, лесная популяция дикой формы и лесная популяция домашней формы. Исходя из биологических особенностей точно определить, особи какой из популяций принадлежит конкретная кость, невозможно. В лучшем случае можно выяснить соотношение остатков особей из разных популяций. Но сегодня это также невозможно. Связанно это с двумя причинами. Во-первых, в настоящее время неизвестны характеристики размеров костей и черепа ни одной из перечисленных популяций. Косвенно эти характеристики можно получить на основании общих размеров тела, но они имеются только для тундровой домашней формы. Во-вторых, несмотря на большое количество костей оленя, полученное за годы раскопок городка, из-за сильной раздробленности для промеров пригодно малое их число. Поэтому сейчас невозможно оценить даже масштаб изменчивости размеров костей. Можно только

констатировать, что есть кости крупных и мелких особей. Но определить, что за этим стоит — различие размеров тела у самцов и самок или различие размеров особей из разных популяций, сказать пока нельзя.

Надымский городок находится в лесотундровой зоне, в которой обитает тундровый подвид северного оленя. Однако вместе с человеком сюда могли попадать и особи лесного подвида. Последний имеет более крупные размеры тела и, соответственно, более крупные размеры костей. В случае наличия в материале костей лесного подвида по размерам они должны выделиться в отдельную группу. Для проверки этого был проведен анализ размеров наиболее многочисленной кости — лопаточной. У нее рассматривалась изменчивость единого признака — минимальной высоты шейки. Всего для промеров было пригодно 11 экз. Значения этого признака по убывающей распределились следующим образом: 28,8; 30,8; 31,5; 31,9; 32,8; 34,2; 34,6; 37,7; 41,9; 44,5; 49,2 мм. Сопоставление значений соседних членов ряда выявляет два скачка их разностей — между значениями 37,7 и 41,9 мм (разница 4,2 мм) и между 44,5 и 49,2 мм (разница 4,7 мм). Соответственно можно выделить три размерные группы, внутри которых разница между соседними значениями заметно меньше. Это группа от 28,8 до 37,7 мм, где наибольшая разница между соседними значениями — 3,1 мм; группа 41,9 и 44,5 мм (разница 2,6 мм) и группа из одного экземпляра — 49,2 мм. Можно предположить, что первая размерная группа соответствует самкам тундрового подвида, вторая — самцам тундрового подвида и третья — лесному подвиду. Возможно и другое деление этого ряда на размерные группы, но в любом случае выделяется небольшая группа очень крупных костей, которые, вероятно, происходят от особей лесного подвида. Появление остатков этого подвида возможно объяснить двумя причинами — эпизодические миграции из лесной зоны небольших стад этого подвида или привод домашней формы лесного подвида человеком. Более определенно о причинах появления здесь лесного подвида сейчас пока сказать нельзя.

При раскопках городка найдены многочисленные части оленьих нарт и оленьей упряжи [Кардаш, 2009]. Это указывает на наличие у населения городка домашнего северного оленя. О существовании оленеводства у населения севера Западной Сибири в XVI–XVIII веках свидетельствуют письменные источники (см. главу 1 наст. изд.). Несомненно, население употребляло в пищу домашнего оленя. Это были домашние олени тундровой популяции и таежной популяции.

В лесотундровой зоне, где расположен городок, существует дикая популяция тундрового северного оленя. Он обитает в лесотундре круглый год, но наибольшая численность его бывает с конца осени до начала весны, когда здесь скапливаются стада, мигрировавшие из тундровой зоны. Очевидно, население городка вело промысел дикого северного оленя тундровой популяции.

Из всего вышесказанного можно сделать предварительные выводы. Среди остатков оленя представлены как минимум три популяции: тундровая популяция дикой формы, тундровая популяция домашней формы, лесная популяция домашней формы. Весьма вероятно также наличие остатков особей лесной популяции дикой формы. Соотношение остатков этих популяций сейчас оценить невозможно.

Заяц. Материал представлен в табл. 42–44. Костей зайца во все хронологические периоды находится больше, чем костей других промысловых видов млекопитающих практически во всех частях городка, что говорит о большом значении этого вида в хозяйственной деятельности населения. Наибольшее их количество сосредоточено в межжилищном пространстве кварталов I и III, на улице, на западной и северо-западной многофункциональных площадках, а также в хозяйственных постройках, особенно в постройках № 3 и 11. Среди костей в большом количестве представлены все элементы скелета (табл. 44), то есть можно заключить, что добытых зверьков целиком приносили на поселение. Элементов головы (черепов и нижних челюстей) относительно больше, чем элементов осевого скелета (позвонков, ребер). Возможно, это объясняется тем, что головы не использовали в пищу, а сохраняли, в то время как ребра и позвонки могли съедать почти полностью люди или собаки. Фрагментов костей верхних частей конечностей традиционно находится больше, чем костей туловища; объяснением здесь может служить, возможно, то, что трубчатые кости, как правило, расколоты на несколько фрагментов, в то время как позвонки, ребра и мелкие кости лап остаются целыми. Кроме того, лапки (нижние части лап) зайцев не шли в пищу, а собирались и, видимо, использовались в хозяйстве, а может быть, в детских играх; из таранных костей зайца изготавливались подвески для украшения костюма.

Почти все найденные кости принадлежат взрослым особям в возрасте старше 3 мес., лишь 0,3 % костей — молодым особям. Практически все животные добыты позднее октября, то есть в конце осени, зимой и весной.

Белка. Материал представлен в табл. 42–43, 45. Кости этого вида обнаружены во всех объектах городища. Среди костных остатков белки преобладают кости головы (череп, нижние челюсти) и трубчатые кости ног. Большая часть костей, за исключением костей черепа, — целые. Молодым животным принадлежит 5 % костей.

Численность белки в лесотундре относительно невысокая. Охота возможна круглый год, но ценность имеет осенне-зимний мех. Тушки добытых зверьков иногда целиком приносились на поселение, но большая их часть могла съедаться на месте добычи.

Бобр. Материал представлен в табл. 42, 43, 45. Кости бобра находили во всех частях городка, среди костных остатков этого вида представлены все отделы скелета (табл. 45, рис. 35-*4*). В период XV–XVI веков количество костей бобра увеличивается (табл. 47), а в более позднее время, видимо, численность этого вида была значительно подорвана перепромыслом. Молодым и полувзрослым животным принадлежит 30 % костей. Большая часть костей целые, лишь на некоторых видны следы разделки, 20 % со следами погрызов. Наиболее часты находки таранных костей бобра, так как они использовались жителями городка для изготовления подвесок. В основании постройки № 12 был обнаружен клад из 56 таких подвесок. Кроме таранных, среди обработанных костей обнаружены ключица, плечевая и локтевая кости.

В лесотундре численность бобра всегда была невелика. Его промысел возможен круглый год, так как мех круглогодично имеет высокое качество. Добытые звери целиком приносились на поселение. На протяжении XVII–XVIII веков шкурки бобра входили в состав ясака, который платило аборигенное население лесотундровой зоны Западной Сибири [Кириков, 1966, с. 211].

Волк. Материал представлен в табл. 42, 43, 45. Обнаружены все отделы скелета волка, но преобладают кости нижних частей конечностей. Объяснение, возможно, состоит в том, что на поселение иногда приносили шкуры с конечностями, без туловища. Часть добытых животных на поселение была доставлена целиком. Судя по следам ударов, фаланги отрубались от метаподий и разделялись между собой. Почти все кости целые (рис. 35-*3*).

В заполнении постройки № 8 и около нее обнаружено 92 экз. костей волка — в основном обрубленные нижние части передних и задних ног молодой особи, в пространстве квартала V — череп, атлант и эпистрофей от полувзрослого животного. В заполнении хозяйственной постройки № 13 найдена целая нижняя челюсть от очень старой особи; две нижние челюсти обнаружены в нижних горизонтах квартала В-Е/61–63 — одна от молодого волка (недавно сменились зубы), вторая от взрослой особи, имеет следы погрызов; 3 экз. таранных костей и один клык волка использовались для изготовления подвесок.

Волк является постоянным обитателем лесотундровой зоны, численность которого изменяется в зависимости от численности северного оленя. Добыча возможна круглый год, но целенаправленный промысел этого вида не велся. Единичные особи, вероятно, добывались попутно с другими видами.

Лисица. Кости лисицы были найдены во всех частях городка, но наибольшее скопление обнаружено в постройке № 3 (54 костных остатка — часть скелета одной особи). Также фрагменты скелетов лисицы были обнаружены в хозяйственных постройках № 11 и 13. В постройке № 12 найдены 5 черепов лисиц, которые вероятно сохранялись в ритуальных целях.

Почти все кости лисиц целые, принадлежат взрослым особям, молодым животным — менее 1 % костей. Представлены все отделы скелета (рис. 35-*2*), но количество костей головы заметно превышает количество элементов посткраниального скелета (табл. 45). Судя по всему, тушки добытых животных лишь иногда приносились на поселение и частично использовались в пищу либо сохранялись в хозяйственных постройках на случай голода. Нижние челюсти и клыки лисиц использовались для изготовления подвесок.

Песец. Это второй по числу остатков вид млекопитающих, доля его костей составляет от 19 до 29 % от общего количества костей млекопитающих в разные периоды (табл. 47). Материал представлен в табл. 42–44. Кости песца были найдены во всех частях городка. В материалах XVII–XVIII веков доля костей песца ниже, чем в материалах XV–XVI веках (табл. 47), это может быть связано с естественной динамикой численности вида или с увеличением антропогенной нагрузки в XVI–XVII веках. Кости принадлежат взрослым особям и представляют все отделы скелета. Раздробленность костей незначительная. Судя по количеству парных элементов головы (нижних челюстей) и наиболее многочисленного элемента ног (плечевой кости), менее половины тушек добытых зверей приносили на поселение. Специально сохранялись кости головы, количество нижних челюстей песца превышает количество других костей этого вида (табл. 44, рис. 32-*4*). По ним можно довольно точно определить минимальное количество особей, добытых и принесенных на поселение. Кости молодых животных составляют менее 0,5 %, небольшая часть костей имеет следы погрызов. Нижние челюсти, клыки и таранные кости песцов использовались для изготовления подвесок.

В лесотундре песец появляется осенью, мигрируя из тундры, и весной возвращается обратно в тундру. Поэтому его промысел возможен здесь с поздней осени до ранней весны. Количество остатков очень велико, что указывает на высокую интенсивность промысла. Промысел в таком объеме возможен только с использованием пассивных орудий лова — слопцов.

Соболь. Материал представлен в табл. 42, 43, 45. Среди остатков соболя присутствуют элементы всех частей тела (рис. 34-*4*), но количество элементов головы (черепов и нижних челюстей) значительно превышает количество других элементов скелета, то есть часть тушек оставляли на местах промысла или скармливали собакам. Скопления черепов соболя обнаружены в постройке № 12, хозяйственных постройках № 11 и 14. Совсем небольшое количество элементов осевого скелета и нижних частей конечностей может быть связано с их небольшими размерами. Большая часть костей целые. Количество остатков этого вида в слое XVII–XVIII веков меньше, чем в слое XV–XVI веков, что, видимо, связано с подорванной перепромыслом численностью особей в XVII веке (табл. 47). Около 20 % нижних челюстей и единичные таранные кости использовались для изготовления подвесок.

Горностай. Материал представлен в табл. 42, 43, 45. Большинство находок костей этого вида связано с межжилищным пространством ОЖК, а также с северо-западной многофункциональной площадкой. В хозяйственной постройке № 11 найден скелет без нижних частей ног, и 2 фрагмента скелета обнаружены в межжилищном пространстве квартала III. Среди костей горностая преобладают элементы головы (табл. 45). Количество черепов более чем в 4 раза превышает количество наиболее многочисленных трубчатых костей (бедренных) в пересчете на одну особь. Таким образом, можно сказать, что лишь четвертая часть тушек добытых животных приносилась на поселение. Практически все кости горностая целые, принадлежат взрослым животным. Неполный набор элементов скелета, возможно, связан с малым размером его костей.

Вид широко распространенный в лесотундровой зоне, численность которого зависит от численности мышевидных грызунов. Промысел ведется в зимнее время, когда шкурка имеет наибольшую ценность, пассивными методами охоты (петли, кулемы).

Росомаха. Материал представлен в табл. 42, 43, 45. Среди находок представлены элементы всех отделов скелета. Почти все они целые и принадлежат взрослым особям. Кости росомахи были найдены во всех частях городка, но наибольшее скопление обнаружено в постройке № 3 (39 костных остатков — кости туловища (ребра и позвонки) и лап) и в пространстве квартала рядом с ней (найдено 11 костей от скелета одной взрослой особи); в квадрате 3/49 найден целый череп росомахи с искусственно вскрытой мозговой коробкой (рис. 34-*1*). В постройке № 8 были найдены два фрагмента черепа и часть осевого скелета, вероятно, от одной особи. Кроме того, обнаружено 10 экз. таранных костей, которые, видимо, специально собирались и, так же как и клыки, использовались для изготовления подвесок.

Росомаха — постоянный обитатель лесотундры с относительно невысокой численностью. Промысел наиболее рационален зимой. Добыча ведется как активными, так и пассивными способами охоты. Охота велась ради шкуры, которыми отделывалась верхняя зимняя одежда.

Лось. Материал представлен в табл. 42, 43, 45, рис. 33-*3*. Представлены все элементы скелета, все кости сильно раздроблены и происходят от взрослых особей. Очень малое количество остатков лося в материалах свидетельствует о постоянно низкой его численности на протяжении всего времени функционирования поселения. Промысел этого вида в лесотундре возможен круглый год.

Выдра. Найдено два фрагмента черепа (полный зубной ряд верхней челюсти и задняя часть с затылочным мыщелком), фрагмент нижней челюсти и 2 целых нижних клыка, фрагмент лучевой кости от взрослых особей и фрагмент плечевой кости молодого животного. Крайняя малочисленность находок выдры связана с тем, что это северный край ее ареала, где численность популяции очень низка. Промысел этого вида возможен круглый год, так как качество меха не изменяется в течение года.

Медведь бурый. Всего в слое периода конца XVI — начала XVIII века обнаружено 6 костей бурого медведя. На ритуальной площадке найдены фрагмент нижней челюсти, диафиз малой берцовой кости и подвеска из клыка. Кроме того в ОЖК были найдены фрагмент метаподии, целые зуб и таранная кость медведя. Следует отметить, что из 190 тыс. костей, собранных в слое городка, медведю принадлежит лишь шесть. Это крайне редкая находка, что прежде всего можно связать с особым почтительным (культовым) отношением к животному, бытующем в среде аборигенного населения по настоящее время. Голова, как и лапа, медведя имела особое, сакральное значение и использовалась в различных ритуалах, в том числе для принесения клятвы.

Нерпа кольчатая. Материал представлен в табл. 42, 43, 45. Находки нерпы немногочисленны (рис. 34-*3*). Среди элементов скелета очень мало позвонков и дистальных отделов конечностей. Кости слабо раздроблены, почти половина костей принадлежат молодым животным. Находки этого вида встречаются во всех частях городка. Основная цель добычи нерпы — получение шкуры для изготовления ремней, а также для получения жира — одного из основных источников жиров в условиях лесотундры Западной Сибири. Взрослые особи часто заходят в крупные реки [Гептнер, Чапский, Арсеньев и др., 1976], поэтому, возможно, насе-

Таблица 42

Количество костных остатков разных видов и групп животных из слоя конца XVI — первой трети XVIII века Надымского городка

Виды	Годы раскопок							Всего
	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	
Крупный рогатый скот	–	–	–	1	–	–	–	1
Свинья	2	3	9	2	–	9	10	35
Собака	26	234	55	72	17	89	121	614
Северный олень	916	1 753	1 716	2 096	898	2 620	2 390	12 389
Лось	–	6	5	6	8	17	4	47
Песец	1 000	2 079	1 515	1 776	745	2 298	3 207	12 620
Лисица	37	103	79	126	36	117	79	577
Волк	13	55	81	22	7	15	11	204
Медведь бурый	–	2	–	2	–	–	1	5
Соболь	15	39	67	94	14	165	171	515
Росомаха	29	72	75	79	20	54	69	398
Горностай	33	57	43	51	12	48	76	320
Выдра речная	–	1	–	3	–	–	2	6
Заяц-беляк	2 267	5 053	3 554	4 552	1 169	4 314	5 314	26 223
Бобр	5	34	37	43	21	47	58	245
Белка	54	109	46	33	28	22	13	305
Нерпа кольчатая	12	41	15	15	8	11	5	107
Кит гренландский	–	1	–	3	–	1	1	6
Млекопитающие, не определимые до вида	608	579	2 727	1 974	802	1 744	1 522	9 956
Птица (вся)	1 806	3 473	7 681	7 583	2 721	7 885	8 219	39 368
Рыба (вся)	285	1 176	1 007	909	507	466	1 009	5 359

ление Надымского городка могло их добывать летом на реке Надым. Наличие костей молодых особей указывает на их добычу весной-летом в Обской губе.

Морской заяц (лахтак). Обнаружены две целые мелкие кости заплюсны морского млекопитающего, предположительно лахтака.

Морж. На северо-западной многофункциональной площадке в слоях XV–XVI веков обнаружены фрагмент клыка и целая метаподия взрослого животного.

Тюлень обыкновенный (ларга). В пространстве квартала II, около постройки № 2, в слоях XV–XVI веков обнаружен слуховой барабан взрослого обыкновенного тюленя (или ларги), имеющий вырезанное отверстие для подвешивания. Поверхность кости была заглажена. Кости этого вида ранее не встречались в культурном слое городища. Находка интересна тем, что этот вид тюленей не водится в местных водах. Тюлень обыкновенный водится только в морях бассейнов Атлантического и Тихого океанов, поэтому можно с уверенностью говорить о том, что этот экземпляр был завезен в городок издалека [Гептнер, Чапский, Арсеньев и др., 1976].

Гренландский кит. Обнаружены 5 фрагментов китового уса и 8 фрагментов неприросших позвоночных дисков, которые принадлежали молодым животным. Два диска, по-видимому, использовались населением городка, так как диск, найденный в постройке № 3, имеет ровное отверстие диаметром около 1 см в центре, другой, из раскопа 5, — заглаженную внутреннюю поверхность. Маловероятно, что население городка занималось китобойным промыслом, диски и китовый ус собирались на побережье, куда попадали от погибших животных.

Гренландские киты, многочисленные до начала промысла в XVII веке в западном и восточном секторах Арктики, сейчас на грани исчезновения. Вблизи Ямала есть данные о заходах отдельных особей в Карское море. Известны случаи гибели животных в Обской губе [Природа Ямала].

Млекопитающие неопределимые. Часть костей млекопитающих не удалось определить ближе, но можно сказать, что они делятся на две почти равные количественные группы: кости мелких видов (зайца и песца) и кости северного оленя. В обеих размерных группах преобладают небольшие фрагменты трубчатых костей ног и в небольшом количестве — фрагменты тел позвонков. Кости остальных видов животных единичны.

Птицы. Коллекция костей птиц насчитывает 66 486 костей и их фрагментов. До вида определено 39 368 экз. костей, принадлежащих 29 видам из 8 отрядов (табл. 37), еще 19 903 экз. — до рода *Lagopus sp*. Кости птиц (за исключением костей куропаток) из раскопок 2006–2011 годов определены не были. Доля костных остатков птиц увеличилась с 36 % в конце XVI — начале XVIII века до 44 % в XV–XVI веках. В структуре комплекса резко доминируют кости белой куропатки — 98 % (рис. 32-*1*). Кости остальных видов единичны. По площади раскопа кости птиц распределены не вполне равномерно — они чаще встречаются на территории многофункциональных площадок. Около 30 % костей куропатки сосредоточено на северо-западной многофункциональной площадке.

Большая часть костей целые, степень и характер раздробленности птичьих костей обычен для археозоологического материала. Следы разделки на костях птиц не найдены, следы от погрызов на поверхности костей очень редки, но довольно много фрагментов костей куропатки со следами пищеварительных ферментов сосредоточено в заполнении улицы. Культурный слой здесь, особенно XV–XVI веков, содержит большое количество копролитов человека. На северо-западной многофункциональной площадке найдена подвеска, изготовленная из кости белолобого гуся; проксимальный эпифиз этой кости просверлен. Подобные подвески из костей белой совы, гусей, лебедя, куропатки были найдены в постройке № 8 и хозяйственной постройке № 11. Диафизы плечевых костей лебедя использовались для изготовления игольников.

Абсолютное доминирование количества костей белой куропатки среди остатков птиц, а также других видов животных говорит о том, что велась постоянная промысловая охота в зимнее время на куропаток. Они добывались для получения прежде всего мяса, пера, пуха и пр. Охота на куропатку могла проводиться с начала зимы, когда недостаток корма в зимний период времени вызывает массовые кочевки. Большая масса птиц откочевывает из зоны северной тундры на юг поймы тундровых и лесотундровых речек в поисках корма. Птицы массами скапливаются в прибрежных ивняках и кустарниках. Это лучшее время для промысла куропатки.

Таблица 43

Количество костных остатков разных видов и групп животных из слоя XV–XVI веков Надымского городка

Виды	Годы раскопок						
	2006	2007	2008	2009	2010	2011	Всего
Овца	–	–	–	–	1	–	1
Лошадь	–	–	–	–	1	–	1
Свинья	7	6	29	14	19	4	77
Собака	61	53	45	38	41	149	387
Кошка домашняя	1	–	–	–	–	–	1
Северный олень	1 191	1 376	1 529	919	978	767	6 760
Лось	6	1	2	–	3	4	16
Песец	2 892	2 117	1 110	999	1 067	1 264	9 449
Лисица	161	62	26	38	30	32	349
Волк	11	2	5	6	2	1	27
Соболь	357	238	59	66	118	184	1 022
Росомаха	38	47	23	16	15	10	149
Горностай	29	15	25	35	39	25	168
Выдра речная	1	–	–	–	–	–	1
Заяц-беляк	3 640	2 559	1 477	1 070	1 338	1 576	11 660
Бобр	123	60	57	25	43	52	360
Белка	6	19	4	3	10	2	44
Нерпа кольчатая	11	15	5	10	13	4	58
Тюлень обыкновенный	–	–	–	1	–	–	1
Морской заяц	–	1	–	1	–	–	2
Морж	–	1	–	1	–	–	2
Кит гренландский	1	1	–	-	–	–	2
Млекопитающие, не определимые до вида	358	322	174	293	250	204	1 534
Птица (вся)	6 532	5 390	4 656	3 345	3 819	3 152	27 118
Рыба (вся)	750	1134	292	468	440	453	3 537

Среди элементов скелета белой куропатки меньше всего костей конечностей (пряжка, цевка), головы, ребер и позвонков, а фаланги пальцев почти совсем отсутствуют (табл. 44). Связано это, вероятно, с двумя причинами: часть костей малочисленна, так как не найдена при разборке слоя из-за мелких размеров (позвонки, ребра, фаланги пальцев); другие — из-за их большой хрупкости (череп, отчасти таз). Среди элементов скелета выделяется четыре наиболее многочисленных элемента: киль, плечевая, локтевая и бедренная кости. Судя по большому количеству костей куропатки, кости птиц не отдавались собакам.

Небольшое количество добываемой охотниками водоплавающей птицы в весенне-летнее время, на наш взгляд, может объясняться отсутствием значительного скопления линных птиц в этом районе, а также с тем, что к началу массового пролета водоплавающих птиц почти все население городка уходило в тундру.

Кроме промысловых видов встречаются единичные кости синантропных видов, которые можно наблюдать вблизи человеческого жилья. К ним относятся ворона, серебристая чайка, сорока, кулики. Статус остальных видов птиц (ворон, орлан-белохвост, дербник, белая сова и др.), кости которых были найдены на городище, не установлен. В заполнении улицы был обнаружен целый скелет взрослой особи орлана-белохвоста (рис. 32-*2*). Птица лежала на боку, голова обращена на запад. Судя по сохранности (сохранились маховые перья, мелкие кости и когти ног, на костях не обнаружено повреждений или следов болезней), птица была захоронена. Мы предполагаем, что эти виды могли быть использованы для проведения культовых обрядов.

Таблица 44

Количество элементов скелета многочисленных видов животных из раскопок Надымского городка в период XV — первой трети XVIII века

Элемент скелета	Северный олень		Песец		Заяц-беляк		Белая куропатка	
	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%
Рог	754	**4**	0	**0**	0	**0**	0	**0**
Череп с рогами	22	**0**	0	**0**	0	**0**	0	**0**
Череп	288	**2**	3 028	**14**	2 301	**6**	122	**1**
Нижняя челюсть	304	**2**	3 221	**15**	3 223	**8**	92	**1**
Зубы	252	**1**	0	**0**	0	**0**	0	**0**
Подъязычная кость	41	**0**	0	**0**	0	**0**	0	**0**
Атлант	249	**1**	218	**1**	167	**0**	0	**0**
Эпистрофей	140	**1**	153	**1**	101	**0**	0	**0**
Позвонки	1 582	**8**	1 668	**8**	2 548	**7**	70	**0**
Ключица	0	**0**	0	**0**	0	**0**	36	**0**
Грудина	109	**1**	23	**0**	90	**0**	2 361	**13**
Крестец	31	**0**	86	**0**	232	**1**	53	**0**
Ребра	2 732	**14**	2 535	**12**	5 078	**13**	63	**0**
Лопатка	1 678	**9**	1 014	**5**	2 211	**6**	1 328	**7**
Таз	280	**1**	724	**3**	2 095	**5**	1 198	**7**
Плечевая	1 871	**10**	1 483	**7**	2 687	**7**	3 909	**22**
Локтевая	176	**1**	894	**4**	1 365	**4**	2 125	**12**
Лучевая	683	**4**	1 208	**5**	2 097	**5**	907	**5**
Коракоид	0	**0**	0	**0**	0	**0**	1 395	**8**
Бедренная	1 704	**9**	1 307	**6**	3 792	**10**	2 420	**14**
Большая берцовая	1 172	**6**	1 561	**7**	4 581	**12**	1 477	**8**
Малая берцовая	0	**0**	141	**1**	68	**0**	6	**0**
Коленная чашечка	138	**1**	11	**0**	36	**0**	0	**0**
Трубчатые *	1 711	**9**	0	**0**	0	**0**	0	**0**
Метаподии	668	**4**	1 830	**8**	2 753	**7**	0	**0**
Пясть	499	**3**	0	**0**	0	**0**	58	**0**
Плюсна	850	**4**	0	**0**	0	**0**	225	**1**
Грифельная	38	**0**	0	**0**	0	**0**	0	**0**
Пяточная	230	**1**	209	**1**	471	**1**	0	**0**
Таранная	182	**1**	178	**1**	268	**1**	0	**0**
Запястье, предплюсна	582	**3**	115	**1**	229	**1**	0	**0**
Фаланга I	339	**2**	269	**1**	890	**2**	11	**0**
Фаланга II	178	**1**	99	**0**	222	**1**	0	**0**
Фаланга III	56	**0**	8	**0**	1 133	**3**	0	**0**
Добавочные фаланги	62	**0**	5	**0**	0	**0**	0	**0**
Сесамовидные	21	**0**	0	**0**	198	**1**	0	**0**
Коготь (копыто)	3	**0**	2	**0**	43	**0**	0	**0**
Лапа (передняя, задняя)	0	**0**	4	**0**	42	**0**	0	**0**
Бакулюм	0	**0**	10	**0**	0	**0**	0	**0**
Не определимые ближе	124	**1**	0	**0**	0	**0**	0	**0**
Всего	**18 973**	**100**	**22 004**	**100**	**38 921**	**100**	**17 856**	**100**

Примечание. * Ближе не определимые фрагменты трубчатых костей ног.

Анализируя полученные данные, можно с уверенностью сказать, что люди, проживавшие в городище Надым, занимались в основном зимним промыслом куропаток, кости которых преобладают в данной коллекции. Время промысла, вероятно, с ноября по декабрь — наиболее удобное для охоты на куропаток. Другие виды могли быть предметом случайной добычи раненых, больных или прилетавших к человеческому жилью в поисках кухонных отбросов птиц или, возможно, добытых для проведения культовых обрядов.

Все определенные по костям субфоссильные птицы являются обычными гнездящимися, перелетными или кочующими видами для территории Ямало-Ненецкого автономного округа.

Рыбы. Коллекция костей рыб из описываемых хронологических периодов насчитывает 8 896 костей и их фрагментов. Из них определено до вида 2 376 костей (табл. 48), принадлежащих 11 видам из 6 семейств, еще 526 экз. удалось определить до рода и 7 экз. до семейства. К сиговым (род *Coregonus)* были отнесены следующие виды: муксун, чир (щокур), пелядь, сиг (пыжьян). Кости рыб из раскопок 2003 года и 2006–2011 годов определены не были. Общее количество костей рыб не превышает 5,5 % от всего количества костных остатков во все хронологические периоды.

Целыми костями являются только позвонки и крупные экземпляры костей висцерального черепа cleitrum, dentale, frontale, кости таза, а также первый луч от грудного плавника у осетра. Следы разделки и погрызов на поверхности костей и позвонков отсутствуют. По 1 079 костям были восстановлены размеры выловленных рыб (табл. 49).

Исследованный остеологический материал показывает, что объектом промысла населения городища Надым были не менее 11 видов рыб, которые и теперь обитают в бассейне реки Надым. Размеры субфоссильных

Таблица 45

Количество элементов скелета малочисленных видов животных из раскопок Надымского городка

Элементы скелета	Виды животных*										
	1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**	**10**	**11**
Скелет	–	3	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Череп	11	46	3	231	83	7	120	18	28	25	12
Нижняя челюсть	6	46	2	260	90	7	111	17	15	83	3
Зубы	13	34	7	18	11	14	–	23	27	9	5
Атлант	–	9	–	10	14	7	5	6	2	–	1
Эпистрофей	–	8	–	5	14	2	2	3	0	–	–
Крестец	–	5	–	5	2	–	1	2	3	–	–
Позвонки	3	166	18	87	111	10	29	69	57	2	6
Грудина	–	4	1	–	6	1	2	1	–	–	4
Ключица	–	–	–	–	–	–	–	–	12	2	–
Ребра	21	114	17	67	44	15	10	101	41	–	33
Лопатка	4	15	0	64	42	2	4	20	11	5	5
Таз	3	24	1	109	32	4	17	12	14	12	2
Плечевая	9	58	2	203	66	7	55	25	94	50	16
Локтевая	7	32	1	56	31	7	10	24	34	20	11
Лучевая	5	43	1	39	50	10	8	32	10	17	16
Бедренная	5	50	1	178	59	7	58	17	43	58	10
Большая берцовая	7	47	–	168	46	4	45	16	43	63	7
Малая берцовая	6	9	–	11	3	–	3	5	4	1	7
Коленная чашечка	1	4	–	–	–	–	–	2	1	–	–
Метаподии	–	91	7	36	140	32	7	76	25	–	11
Грифельная	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–
Пяточная	7	15	–	11	24	5	-	16	5	1	3
Таранная	4	13	–	6	8	7	1	40	131	–	–
Запястье, предплюсна	1	45	4	1	5	19	–	15	3	2	4
Сесамовидные	–	22	–	–	–	9	–	–	–	–	–
Фаланга I	1	42	–	9	30	26	–	30	2	–	7
Фаланга II	–	17	–	3	17	12	–	5	-	–	1
Фаланга III	–	17	–	–	–	12	–	1	1	–	1
Добавочные фаланги	–	3	–	–	–	1	–	–	–	–	–
Роговой чехол	–	2	–	–	–	9	–	–	1	–	–
Трубчатые**	–	4	2	2	–	–	–	–	–	–	1
Бакулюм	–	4	–	1	–	–	–	–	–	–	–
Лапа задняя	–	5	–	1	–	–	–	–	–	–	–

Примечания. * Виды животных: 1 — свинья, 2 — собака, 3 — лось, 4 — соболь, 5 — лисица, 6 — волк, 7 — горностай, 8 — росомаха, 9 — бобр, 10 — белка, 11 — нерпа.

** Трубчатые кости верхних частей ног.

Таблица 46

Соотношение отделов скелета северного оленя в различных объектах Надымского городка
(по результатам раскопок 2005 года)

Отдел скелета		Оборонительно-жилой комплекс	Раскоп 7 (ЗМФП)*	Раскоп 1 (ЮМФП)**
Голова (зубы, рога, череп, нижние челюсти)	Экз.	45	55	122
	%	**7**	**10**	**20,5**
Туловище (лопатка, таз, позвонки, ребра, грудина)	Экз.	245	253	270
	%	**41**	**45**	**45**
Верхние части ног (проксимальные части конечностей)	Экз.	177	144	117
	%	**29**	**25**	**19,5**
Нижние части ног (метаподии, фаланги, мелкие кости)	Экз.	138	114	90
	%	**23**	**20**	**15**
Всего	Экз.	605	566	599

Примечания. * ЗМФП — западная многофункциональная площадка.
** ЮМФП — южная многофункциональная площадка (ритуальный комплекс).

Таблица 47

Доля костей разных видов животных Надымского городка в различные хронологические периоды

Виды	Конец XVI — первая треть XVIII века		XV–XVI века	
	Экз.	%	Экз.	%
Северный олень	12 389	19,2	6 406	21
Песец	12 620	19,5	9 386	29,4
Заяц-беляк	26 223	40,6	11 616	36,3
Бобр	245	0,4	389	1,1
Соболь	515	0,8	1 094	3,2
Свинья	35	0,1	77	0,2

Таблица 48

Видовой состав и количество костных остатков рыб Надымского и Полуйского мысового городков конца XVI — первой трети XVIII века в разные годы раскопок

Виды	Надымский городок						Полуйский мысовой городок	
	1999	2000	2001	2002	2004	2005	2004	2005
Сибирский осетр	10	16	23	87	17	185	4	18
Стерлядь	–	–	–	–	–	–	1	–
Осетровые	–	–	–	–	–	–	–	6
Нельма	97	59	192	261	7	8	26	6
Таймень	1	–	–	–	–	–	–	–
Таймень-нельма	7	–	–	–	–	–	–	–
Муксун	-	–	–	–	–	122	14	6
Щокур	-	–	–	–	5	49	7	3
Сиговые	48	25	100	266	20	67	97	81
Окунь	5	–	14	1	–	–	–	5
Щука	60	143	75	174	44	375	10	16
Чебак	–	–	–	–	–	6	–	–
Язь	3	6	3	6	–	–	2	1
Карповые	–	1	2	–	–	4	2	3
Налим	4	5	7	11	–	286	23	221
Ерш	–	1	–	1	–	–	1	–
Рыба неопределимая	50	920	591	102	373	7	–	–

Таблица 49

Восстановленная длина субфоссильных рыб из раскопок Надымского городка

Виды	Длина рыб, см											
	15–20	20–30	30–40	40–50	50–60	60–70	70–80	80–90	90–100	100–120	120–150	150–200
Сибирский осетр	–	–	–	–	–	12	5	–	2	21	24	9
Щука	–	–	4	21	53	45	37	72	45	39	10	2
Нельма	1	–	–	9	27	27	3	24	30	35	5	–
Муксун	–	2	10	19	2	6	3	–	–	–	–	–
Щокур	1	1	19	28	6	4	–	–	–	–	–	–
Сиги (*Coregonus* sp.)	–	3	23	97	60	32	32	27	59	33	10	–
Налим	–	–	–	–	1	9	6	–	1	–	–	–
Чебак	–	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Карповые (язь, карась, чебак)	–	8	4	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Окунь	–	3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Язь	–	5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Ерш	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

рыб, восстановленные по 1 079 костям (табл. 49), колебались от 20 до 200 см. Полученные данные по ископаемым рыбам выявили их размеры, близкие к размерам современных рыб, в соответствии с литературными данными.

В коллекции субфоссильных костей рыб из Надыма преобладают кости рыб из семейства лососевых (нельма, сиги), они составляют 53,6 % от общего количества костей. Это может свидетельствовать о факторе селективного отлова этих рыб. Нужно отметить, что доля костей из других семейств составляет 46,4 %.

Все определенные по костям рыбы являются обычными видами для рек бассейна Обской губы. Эти виды традиционно добывались с древних времен и считались промысловыми видами для человека в водоемах и реках Западной Сибири.

Добывали рыбу в прошлом, несомненно, различными способами и в разное время года в зависимости от биологии конкретного вида. Среди находок на памятнике зафиксированы остатки орудий рыбной ловли и сопутствующих им принадлежностей: поплавки и грузила-кибасы для сетей, иглы и челноки для их плетения, составные части деревянных ловушек для рыб [Кардаш, 2009]. Прежде всего отлавливали полупроходную рыбу, жирующую в старично-соровой системе реки Надым в течение всего теплого времени года и поднимающуюся осенью в верховья рек для нереста (сиги, нельма, сибирский осетр). Кроме того, добывали жилую рыбу, которая постоянно обитает в реках и могла добываться круглогодично (щука, язь, окунь, ерш, налим). Щуку, особенно крупных особей, видимо, добывали весной, в период нереста, когда рыба выходит на мелководье. В данном случае применялись активные, охотничьи способы лова.

Палеоэнтомологический анализ. В ходе лабораторных исследований было изучено более 20 образцов волос человека. Все образцы просмотрены под бинокуляром — на волосах двух из трех образцов, найденных в 1999 году в самых поздних хронологических слоях, были обнаружены гниды головной вши (*Pediculus humanus capitis* De Geer). Волосы, найденные в 1999 году на территории СЗМФП, были с кожей. На остальных образцах остатков насекомых не обнаружено. Таким образом, можно фиксировать наличие педикулеза у жителей городка — заболевания, довольно распространенного у аборигенного населения этого региона.

Карпологический анализ в Надымском городке был проведен для двух серий образцов. Одна серия была взята из обнажения культурного слоя в обрыве берега. Вторая серия взята из монолита, представляющего собой дерн и поддерновую часть культурного слоя.

Культурный слой в обнажении берега. Северо-восточная сторона городка была размыта протокой, в результате чего обнажилась верхняя часть культурного слоя. Можно полагать, что хронологически эта часть слоя соответствует периоду конца XVI — первой трети XVIII века. В этом обнажении в квадрате Н/53 из каждых 20 см отложений была взята колонка из 9 образцов для карпологического анализа. Его результаты приведены в табл. 50. Они характеризуют состав и соотношение растений, которые росли на территории городка или были принесены на его территорию людьми во время его функционирования.

Таблица 50

Видовой состав и количество остатков растений из культурного слоя Надымского городка

Вид	Номер образца и глубина (см), с которой он взят								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
	0–20	20–40	40–60	60–80	80–100	100–120	120–140	140–160	160–180
Мхи	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Плаунок (*Selaginella* sp.)	–	–	–	–	–	–	1	–	–
Ель сибирская	1 хв.	4 хв.	1 хв.	3 хв.	2 хв.	3 хв.	2 хв.	–	5 хв.
Кедр сибирский	–	1+1*	–	–	–	–	–	–	–
Злаки (Poaceae g.indet.)	~70	–	–	3	3	1	–	–	–
Осоки (*Carex* spp.)	11	1	6	25	11	9	14	15	17
Камыш (*Scirpus* sp.)	–	–	–	–	–	–	1	–	–
Осоковые (Cyperaceae gen. indet.)	–	–	–	–	–	2	–	–	–
Береза древесная	1+1 ч.	2	соцв.*	9	2	2	3+соцв.*	3	–
Ольховник кустарниковый	~10 ч.	1 ч.	–	2 ч.	–	1+1 ч.	6 ч.	–	6 ч.
Крапива двудомная	15	18	10	128	2	5	–	1	3
Щавель (*Rumex* sp.)	–	–	1	–	–	–	–	–	–
Марь белая	9	–	3	1	6	~3	–	–	6
Марь (*Chenopodium* sp.)	4	1	–	–	–	–	–	–	–
Лебеда (*Atriplex* sp.)	1	–	–	–	–	–	–	–	–
Гвоздичные (Caryophyllaceaegen. indet.)	–	–	–	1	–	–	–	–	–
Лютики (*Ranunculus* spp.)	2	–	–	1	–	–	–	–	–
Жерушник болотный	–	1	–	–	–	–	–	–	–
Капустные (Brassicaceae gen.indet.)	2	1	–	–	–	–	–	–	–
Сабельник болотный	–	–	–	–	–	–	1	–	–
Княженика	–	–	–	1	1	–	–	–	–
Морошка	74+51*	40+38*	15+4*	23+2*	167+17*	174+31*	81+6*	51+2*	30+2*
Лобазник вязолистный	–	1+1*	–	–	–	–	–	–	–
Черемуха	4+75*	6+216*	85*	1+14*	7+19*	3	2+1*	7*	6*
Рябина	5	5	–	2	5	2	37	–	–
Водяника	4+36 л.	4+11 л.	2+10 л.	4+5 л.	1+22 л.	6 л.	1+19 л.	1+13 л.	1+4 л.
Уруть мутовчатая	–	–	–	–	–	–	–	1	–
Хвостник обыкновенный	2	–	–	–	1	–	–	–	1
Брусника	3	–	–	–	–	–	–	–	–
Голубика	1	–	–	–	–	–	–	4	–
Вакциниум (*Vaccinium* sp.)	–	1	–	–	2	–	1	4	–
Вахта трехлистная	3*	1+2*	1+1*	–	1	–	–	1	1
Яснотковые (Lamiaceae gen.indet.)	–	–	–	–	–	–	–	1	4
Паслен (*Solanum* sp.)	2	–	–	4	2	–	–	–	2
Адокса мускусная	–	–	–	1	–	–	–	–	–
Астровые (Asteraceae gen.indet.)	1	–	–	–	1	–	–	–	–
Прочие	3	1	–	3	4	–	1	1	–

Примечание. Число в ячейках таблицы обозначает количество целых плодов или семян; число со звездочкой (*) — количество их фрагментов; *хв.* — хвоинки; *ч.* — чешуи; *соцв.** — фрагменты соцветий; *л.* — листья.

Во всех образцах не обнаружено семян и плодов культурных растений. В целом состав найденных плодов и семян характерен для пойменной растительности таежной зоны. Из остатков древесных растений обнаружены единичные хвоинки ели (*Picea obovata* Ledeb.), в одном образце семена сосны сибирской или кедра (*Pinus sibirica* Mair.), а также крылатки и чешуи древесной березы (*Betula* sp.) и ольховника (*Duschekia fruticosa* Pouzar.).

Обращает на себя внимание слишком малое число плодов и семян некоторых дикорастущих растений. Например, семена и чешуи березы единичны, хотя остатки ее древесины и бересты в больших количествах встречены во всех образцах и в целом в культурном слое. Многочисленны только семена ряда съедобных дикорастущих растений: морошки (*Rubus chamaemorus* L.), черемухи (*Padus avium* Mill.), рябины (*Sorbus aucuparia* L.) Семена других съедобных растений: княженики (*Rubus arcticus* L.), брусники *(Vaccinium vitis-idaea* L.), голубики (*Vaccinium uliginosum* L.) — встречаются единично. На глубине 20–40 см (образец № 2) обнаружены остатки орешков кедра (*Pinus sibirica* Mayr.). Во всех образцах встречаются листья и семена водяники (*Empetrum nigrum* L.). Из других дикорастущих растений в больших количествах присутствуют семена крапивы (*Urtica dioica* L.), неизменного спутника поселений человека. Следует отметить, что их количество увеличивается снизу вверх по разрезу и на глубине 60–80 см (образец № 4) достигает максимума, а затем уменьшается. Остатки других травянистых единичны и принадлежат к различным экологическим группам растений. Это семена водных растений — хвостника и урути (*Hippuris vulgaris* L., *Myriophyllum verticillatum* L.); семена и плоды растений, характерных для влажных мест обитания — различных осок, камыша, жерушника болотного, таволги вязолистной, вахты трехлистной, паслена, адоксы и сабельника болотного (*Carex* spp., *Scirpus* sp., *Roripa palustris* Bess., *Filipendula ulmaria* Maxim., *Menyanthes trifoliata* L., *Solanum* sp., *Adoxa moschatellina* L., *Comarum palustre* L.), а также луговых растений и растений нарушенных мест обитания — различных дикорастущих злаков, марей, лебеды, гвоздичных, лютиков, крестоцветных, губоцветных, сложноцветных, щавеля (*Poaceae* gen. indet., *Chenopodium* spp., *Atriplex* sp., *Caryophyllaceae* gen. indet., *Ranunculus* spp., *Brassicaceae* gen. indet., *Lamiaceae* gen. indet., *Asteraceae* gen. indet., *Rumex* sp.).

Анализ полученных данных позволяет сделать следующие выводы.

1. Исходя из большого количества древесины и бересты в образцах, следовало бы ожидать большего количества крылаток и чешуй березы, чего не наблюдается. Это позволяет полагать, что образцы, скорее всего, были отобраны в месте, которое долгое время оставалось закрытым от свободного доступа семян, например внутри помещения, построенного из стволов березы.

2. Большое количество семян крапивы, а также присутствие семян паслена, марей, полыни и других сорняков связано с длительным пребыванием в этом месте человека. В результате вокруг городка сформировался комплекс рудеральной растительности.

3. Найдены семена большей части съедобных растений, произрастающих в этом регионе: морошки, рябины, черемухи, брусники, голубики княженики, кедра. Однако их количество, кроме семян морошки, невелико. Не найдены семена таких распространенных здесь видов, как смородина и жимолость. Это позволяет предварительно сделать вывод о небольшой роли собирательства в питании населения городка во второй половине времени его существования. Следует отметить, что большая часть семян черемухи представлена фрагментами. Можно предположить, что плоды перед употреблением измельчали, как это часто делают с сушеными ягодами.

Почвенный монолит. В нераскопанной жилой части городка, над остатками построек (квадрат Л/50), был взят монолит дерна с подстилающей частью культурного слоя, его размеры: длина 27,5 см, ширина 16 см, высота 20 см. Результаты анализа (табл. 51) позволяют охарактеризовать растительность, которая была на крышах последних функционировавших построек и позднее сформировалась на руинах городка.

Описание образцов:

Образец № 1 включает в себя остатки растений и самый верхний слой дерна (до 1 см).

Образец № 2 — дерн мощностью около 3 см.

Образец № 3 — оподзоленный слой, серо-коричневый рыхлый тонкозернистый, мощностью около 4 см.

Образец № 4 — зольник серый зернистый с остатками угля в основании, вклинивающийся в оподзоленный слой.

Образцы № 5 и 6 относятся к иллювиальному горизонту (коричневый с большим количеством древесной трухи) мощностью около 11 см, при отборе образцов он был разделен на две равные части.

В образцах были обнаружены остатки 20 таксонов растений: из них 11 определены до вида, 5 — до рода и 4 — до семейства. Во всех образцах содержатся остатки корней растений.

В двух верхних образцах (№ 1 и 2) много остатков стеблей и листьев растений, в основном злаков; фрагментов бересты и древесины не обнаружено. В образцах № 3 и 4 много угольков, фрагментов бересты и древесины не обнаружено. В нижних образцах (№ 5 и 6) содержится значительное количество небольших фрагментов бересты и мелкой древесной щепы, самые крупные фрагменты которой не превышают 7 см в длину.

Таблица 51

Видовой состав и количество остатков растений из образцов почвенного монолита Надымского городка

Название таксона	Номер образца					
	1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**
Вейник (*Calamagrostis* sp.)	11	–	–	–	–	–
Мятлики (*Poa* spp.)	300	9	6	10	1	4
Мятликовые (Poaceae gen.indet.)	40	20	–	–	–	–
Осоки (*Carex* spp.)	4	1	5	–	5	13
Осоковые (Cyperaceae gen.indet.)	1	–	1	–	–	–
Береза древесная (*Betula* sect. *Betula*)	260+115 ч.	470+90 ч.	55+3 ч.	6+1 ч.	1	4
Крапива двудомная (*Urtica dioica*)	220	82	178	4	3	13
Василистник малый (*Thalictrum minus*)	23	170	7	–	–	–
Марь белая (*Chenopodium album*)	2	2	6	–	50	40
Желтушник левкойный (*Erysimum cheiranthoides*)	9	2	6	1	–	–
Черемуха (*Padus avium*)	13*	1*	–	–	5*	17*
Княженика (*Rubus arcticus*)	1*	–	2	–	–	–
Морошка (*Rubus chamaemorus*)	1+1*	3	–	–	1	–
Рябина (*Sorbus aucuparia*)	1	1	–	–	–	–
Водяника (*Empetrum nigrum*)	4	1	–	–	4 л.	25 л.
Зонтичные (Apiaceae gen.indet.)	–	1	–	–	–	–
Подбел обыкновенный (*Andromeda polifolia*)	2	–	–	–	–	–
Яснотка (*Lamium* sp.)	1	–	–	–	–	6
Жимолость (*Lonicera* sp.)	–	1	–	–	–	4
Астровые (Asteraceae gen.indet.)	–	1	–	–	–	–
Неопределимые остатки	4	1	1	–	–	1
Всего остатков	1 013	856	270	22	70	127

Примечание. Число в ячейках таблицы — количество целых плодов или семян; число со звездочкой (*) — количество их фрагментов; *ч.* — чешуи; *л.* — листья.

Характер состава и структуры остатков в образцах № 1 и 2, № 3 и 4, № 5 и 6 очень близки, поэтому для анализа и интерпретации они были, соответственно, объединены в три группы — верхние, средние и нижние.

Нижние образцы — самые бедные по количественному и качественному составу растительных остатков. Здесь обнаружены единичные крылатки древесной березы (*Betula betula*), а также фрагменты семян черемухи (*Padus avium* Mill.). Среди травянистых растений преобладают семена мари белой (*Chenopodium album* L.), значительно меньше крапивы (*Urtica dioica* L.), единичны остатки плодов и семян осок и злаков. В этих образцах встречаются листья водяники (*Empetrum nigrum* L.). В образце 6 обнаружены также семена жимолости (*Lonicera* sp.) и пустырника (*Leonurus cf. quinquelobatus* Gilib.). Таким образом, в нижних образцах очень мало семян и плодов, при этом большая их часть принадлежит сорным растениям.

Средние слои также бедны семенами, но здесь уже значительно больше семян березы и довольно много крапивы. Обнаружены семена сорняков — мари белой и желтушника левкойного (*Erysimun cheiranthoides* L.) — и луговых растений: василистника (*Thalictrum minus* L.) и различных мятликов (*Poa* spp.).

Верхние образцы наиболее богаты растительными остатками качественно и количественно. Из древесных растений встречаются многочисленные остатки берез (крылатки и чешуи), а также единичные семена рябины (*Sorbus aucuparia* L.) и фрагменты косточек черемухи. Среди травянистых преобладают злаки, в основном мятлики; много семян крапивы и василистника. Единично встречаются семена осок (*Carex* spp.), мари, желтушника, водяники, подбела (*Andromeda polifolia* L.), пустырника, морошки (*Rubus chamaemorus* L.) и княженики (*Rubus arcticus* L.). Таким образом, состав растительных остатков достаточно пестрый: есть луговые, сорные и болотные растения.

При переходе от нижних слоев к верхним наблюдается увеличение количества и разнообразия остатков плодов и семян. В нижних образцах обращает на себя внимание противоречие между большим количеством бересты и древесины и очень малым количеством семян березы. Вероятно, на пути крылаток и чешуй березы

было препятствие, не позволявшее упасть на исследуемую поверхность. Эта поверхность находилась под крышей, и найденные здесь семена были принесены человеком на обуви, одежде и в качестве пищи, а также собаками на шерсти. Это подтверждает и состав семян — большая их часть принадлежит сорным и съедобным растениям. Аналогичная картина наблюдается и в приведенных выше материалах из колонки в обрыве.

Средние слои являются переходными от закрытого состояния поверхности к открытому. Вероятно, они представляют собой часть крыши, перекрывавшей городок. К сожалению, об этих слоях сказать можно немного, так как они сильно пострадали от огня.

Верхние слои формировались под открытым небом и являются частью крыши, перекрывавшей городок. Достоверных следов погребенного дерна не обнаружено.

В изученных образцах семян и плодов культурных растений не обнаружено. Общее количество семян уменьшается от верхних образцов к нижним. Разнообразие семян невелико: среди древесных преобладает береза, среди травянистых — дикорастущие злаки (различные мятлики), довольно много семян крапивы и мари, другие сорняки встречаются единично, единичны также семена съедобных растений — морошки, рябины, черемухи, княженики.

По соотношению количества остатков древесины и семян, исследованный монолит состоит из двух частей: верхней, сформировавшейся под открытым небом, и нижней, образовавшейся под крышей. Это подтверждает и отсутствие погребенного дерна, который формируется на открытом воздухе.

Остатков крупных деревянных конструкций крыши не обнаружено. Найденные фрагменты древесины и бересты могут быть элементами конструкции каркаса крыши, которая была закрыта пластами дерна.

Результаты анализа состава заполнения между настилами нар постройки № 2 (XVII в.) Надымского городка (из раскопок 2003 г.). Основную массу заполнения между настилами нар составляют частицы почвы, фрагменты древесины различной величины (часть из них обуглена), листья злаков и осок. Кроме того, найдены два плодовых тела грибов трутовиков (размером около 5 см). После отсева почвенных частиц были обнаружены небольшое количество мелких кусочков угля, единично веточки мхов, семена осок и злаков (8 экз.), фрагменты косточек черемухи (5 экз.), одно семя водяники, единично дафнии (зимние яйца с выводковой камерой — эфиппиум), единично панцирные клещи, единично пупарии мух и надкрылья жуков, единично экскременты грызунов и насекомых, многочисленная чешуя рыб, единичные позвонки и кости рыб, многочисленные мелкие фрагменты шерсти северного оленя, один волос человека (с головы).

Таким образом, заполнение между настилами нар образовалось в процессе жизнедеятельности человека. По всей видимости, нары застилали травой и шкурами северных оленей. Травянистые растения использовали после их цветения и плодоношения, иначе плодов и семян было бы значительно больше. Косточки черемухи, кости и чешуя рыб — пищевые остатки, следовательно, в этом помещении не только спали, но и питались жители Надымского городка. В образце обнаружены остатки двукрылых (мух) и жуков (определил Е. В. Зиновьев). Двукрылые (представлены пупариями и ложнококонами) относятся к настоящим мухам. Эти насекомые непосредственно связаны с людьми и встречаются как в жилье, так и в кухонных отбросах. Наличие остатков ложнококонов и пупариев свидетельствует о том, что пищевых остатков на нарах было достаточно много.

Среди жуков обнаружены остатки стафилинов, обитающих в моховой дернине и не связанных непосредственно с жильем человека. Единственный фрагмент жужелиц (стернит брюшка) не позволяет идентифицировать его до уровня вида, но, скорее всего, это представитель рода птеростикус (Pterostichus), обитающего в природных сообществах этой территории. Стафилины и жужелицы попали в слой случайно.

Дафнии — микроскопические ветвистоусые рачки, которыми питается молодь рыб, их зимние яйца плавают на поверхности воды и могли случайно попасть в жилище с рыбой. Панцирные клещи — микроскопические паукообразные, живущие в почве и на ее поверхности, некоторые из видов являются промежуточными хозяевами ленточных червей — возбудителей гельминтоза жвачных животных. Панцирные клещи могли попасть в заполнение между нар вместе с частицами почвы.

Общая характеристика хозяйственной деятельности населения Надымского городка. Среди млекопитающих доминируют кости зайца-беляка, песца и северного оленя. Остатки *северного оленя*, вероятно, принадлежат трем группам: домашнему тундровому, домашнему таежному и дикому тундровому оленям. В городке и его ближайших окрестностях из-за ограниченности кормовой базы и нехватки места большое домашнее стадо содержать было невозможно. Вероятно, в зимнее время в городке было несколько оленьих упряжек, которые формировались из стад, живущих на удалении от городка. Подавляющее большинство

особей северного оленя убито в возрасте старше года и с конца осени до начала весны. Разделка и утилизация забитых и добытых оленей производилась на территории городка и около него. Кости отдавали собакам, а большая часть голов, вероятно, использовалась в ритуальной практике.

К безусловно домашним видам относится свинья, чьи кости были найдены в единичных экземплярах. Эти находки, как и находки единичных костей других домашних животных (коровы, лошади, овцы, кошки), свидетельствуют о связях жителей городка с североевропейским населением. Интересен тот факт, что количество костей домашних животных увеличивается в XV–XVI веках, то есть до периода колонизации этой территории русскими.

О *собаководстве* свидетельствует целая серия разнообразных фактов. Во-первых, это помещения и участки пространства внутри кварталов, заполненные большим количеством собачьих копролитов. Кроме этого, находки отдельных костей собак различного возраста, начиная от новорожденных щенков и заканчивая очень старыми особями, а также почти полных скелетов (например, в основании задней стены постройки № 8) связаны, как отмечено нами, с ритуальной деятельностью. Особенно интересно захоронение самки с щенками в специальном помещении, разделенном дополнительными перегородками. Судя по наличию таких помещений, очевидно, существовали пространства кварталов, которые использовали не просто для содержания собак, но и для их разведения.

Наличие ездовых упряжек косвенно подтверждает тот факт, что большая часть найденных в городке деталей нарт относится к таежному типу косокопыльных нарт, которые в традиционной культуре аборигенов севера именуются собачьими и в случае применения для запряжения оленей изготавливаются с копыльями значительно большей длины, чем те, которые были найдены в городке. Наличие собачьих погрызов на предметах, копролитов на нарах в жилых помещениях позволяет предполагать, что имелась категория собак, которые достаточно свободно перемещались по жилой зоне городка. Возможно, эти же собаки спали с людьми, согревая детей. Очевидно, что помимо ездовых существовала и другая категория собак — охотничьи (промысловые). Наличие специальных промысловых собак малодоказуемо, но вполне вероятно, поскольку пушной промысел был важной частью экономики. Все эти факты свидетельствуют о достаточно развитом и активном собаководстве. Обнаруженные кости собак принадлежат небольшому числу особей среднего и малого размеров.

Охота составляла основную часть занятий в зимнее время. Шкурки пушных видов были главным предметом меновой торговли. Население городка добывало все виды промысловых млекопитающих и птиц, которые обитали в его окрестностях. Только для промысла нерпы совершали весной специальные выходы в Обскую губу. Добытых животных, в том числе и часть пушных, целыми тушками доставляли на поселение. Здесь проводилась их разделка и утилизация. Охота, составлявшая основной компонент хозяйственной системы надымцев, имела два направления, или специализации. Первая, и наиболее важная, удовлетворяла потребность населения в пище. Условно ее можно назвать *пищевой охотой* на северного оленя, зайца и белую куропатку. В общей массе костных останков животных и птиц, попавших в культурный слой, перечисленные виды составляют 70 % (табл. 42, 43). Кроме питания, при утилизации этих животных население получало много другого сырья — заячий мех, оленьи шкуры, сухожилия, кость и рог, крайне необходимые для жизнеобеспечения, изготовления одежды и орудий. Еще одним продуктом был корм для собак. Первостепенная важность охоты на северного оленя не вызывает сомнений, поскольку именно она была круглогодичной, и это во многом определяло периоды и направления перемещений населения городка. Доля костных останков северного оленя среди видов, добывавшихся в зимний период, составила 12 %. Это меньше, чем доля костей добытого зайца (24 %) или куропатки (34 %), но гораздо больше по объему биомассы.

Вторая специализация охоты позволяла получить продукт для торговли — пушнину. Такую охоту можно охарактеризовать как *товарную, или пушную*. Судя по огромному количеству остатков песца, его промысел имел товарный характер, в меньших количествах добывались соболь, лисица, горностай, белка (табл. 42, 43). Надо отметить, что доля основных пушных видов (песец, соболь, бобр) в конце XVI века уменьшается (табл. 47), что вероятно связано с их перепромыслом. Промысел зайца, песца и куропатки в таких больших количествах мог производиться только с использованием пассивных орудий лова — разного рода давилок, петель, сетей. Промысел этих видов в таких количествах возможен только с конца осени до весны, когда их численность в лесотундре максимальна и возможно массовое применение пассивных орудий промысла. В это же время вслед за северным оленем, зайцем и белой куропаткой в лесотундре концентрируются хищники — волк, росомаха и лисица. Таким образом, максимальная промысловая активность населения городка была с конца осени по середину весны. В теплое время года в небольшом количестве добывались бобр, нерпа

и водоплавающие птицы. Небольшое количество остатков последних указывает на то, что население городка не вело активного промысла на весеннем пролете и линной птицы. Связано это с тем, что к началу массового пролета водоплавающих птиц почти все население городка уходило с оленями в тундру. Характер раздробленности и сохранности костей во всех исследованных горизонтах культурного слоя очень сходен, что позволяет полагать неизменность способов разделки и утилизации добытых животных. Разнообразие добывавшихся видов свидетельствует о разнообразии орудий, приемов и способов охоты, применявшихся населением Надымского городка.

Рыболовство. Населением городка вылавливались все виды промысловых рыб, обитающих в пресных водоемах севера Западной Сибири (табл. 48). Лов рыбы проводился в близлежащих реке Надым и ее протоках и в озерах. Многие вылавливавшиеся виды (карповые, окунь, ерш) имеют мелкие размеры костей и извлекались из культурного слоя далеко не полностью. Поэтому оценить общий объем вылавливавшейся рыбы и соотношение видов в уловах в абсолютных значениях невозможно. Однако возможно оценить устойчивость соотношения вылавливавшихся групп видов. Во всех исследованных горизонтах доминируют остатки сиговых, нельмы, щуки и осетра (табл. 48). Это свидетельствует о сходных орудиях, способах и сезонах лова рыбы в период накопления этих горизонтов. Очевидно, лов рыбы проводился в незаморное время (с весны до начала зимы), с использованием сетей, запорных сооружений и разного рода ловушек, остатки от которых найдены в городке [Кардаш, 2005]. Кости рыб найдены в копролитах собак и по всей толще культурного слоя, в том числе скопления чешуи и костей и анатомически сочлененные части (плавники, позвоночник) в жилищах (на полу и на нарах). Это указывает на то, что не все остатки рыбы скармливали собакам. Несмотря на то что прямые оценки объема вылавливавшейся рыбы сделать невозможно, очевидно, что ее роль в питании населения городка была весьма значительна.

Собирательство. Во всей толще культурного слоя найдены остатки плодов черемухи, морошки, кедра. Количество их невелико, что может быть связано как с их мелкими размерами, так и с небольшой ролью в питании. Сейчас оценить роль собирательства даже приблизительно невозможно.

В завершение следует отметить особенности отношения к остаткам некоторых видов. Так, в составе костных остатков зайца, песца, соболя и горностая непропорционально много костей головы. Это свидетельствует о том, что специально отдельно сохранялись только головы этих видов. Также специально хранилась часть лап зайцев. Среди остатков всех видов, кроме костей северного оленя, много целых костей. Создается впечатление, что не все кости, например зайца, песца, лисицы, соболя, нерпы, белки, волка, росомахи, отдавали собакам. Причины этого пока неясны. Найдены также кости птиц — орлана-белохвоста, тетеревятника, мохноногого канюка, ворона и некоторых других (табл. 37), которые не относятся к промысловым видам, и причины их добычи не совсем понятны. Среди них особенно выделяются находки остатков скелетов орлана-белохвоста [Пантелеев, Косинцев, 2010]. Их, а также остатки ворона с большой долей вероятности можно связывать с какими-то обрядами.

Следует отметить весьма стабильный характер собирательства, промысловой, животноводческой и в целом хозяйственной деятельности населения Надымского городка в XV — первой трети XVIII века. Видовой состав основных промысловых животных практически не менялся (табл. 42, 43). Главными промысловыми видами среди млекопитающих были: из мясных — заяц и северный олень; из пушных — песец; среди птиц — белая куропатка; среди рыбы — нельма, сиги и щука. В период с XV к началу XVII века можно отметить уменьшение роли птицы и рыбы в питании жителей и увеличение доли зайца и северного оленя. Товарный промысел песца и наличие костей домашних животных (свиньи) свидетельствуют о стабильном характере хозяйственных связей с русским населением. Отмечается особое отношение к головам песца и зайца и к лапам последнего, а также к орлану-белохвосту и ворону.

Судя по видовому составу костных остатков, промысел животных и птиц проводился главным образом в холодное время года, ориентировочно с середины осени (октябрь) до середины весны (апрель). Почти полное отсутствие или незначительное число видов, добыча которых ведется летом, свидетельствует о том, что в этот период население в городке практически отсутствовало. Полученные результаты позволяют полагать, что хозяйственная деятельность населения Надымского городка была типичной для населения аналогичного типа поселений в лесотундровой зоне Западной Сибири в начале русской колонизации.

Полуйский мысовой городок находится в черте современного города Салехарда на правом коренном берегу реки Полуй (66° 32′ с. ш. 66° 34′ в. д., рис. 26). Исследован О. В. Кардашем в 2004 и 2005 годах [Кардаш, И-2005б, И-2006б; Кардаш, 2005]. Слой XVI — первой трети XVIII века сформировался в результате функ-

Таблица 52

Видовой состав и количество костных остатков в различных объектах Полуйского мысового городка из раскопок 2004–2005 годов

Вид	Оборонительно-жилой комплекс*			Посад**			
	1	2	3	4	5	6	7
Крупный рогатый скот	–	1	–	–	2	–	–
Мелкий рогатый скот	–	–	–	1	–	–	–
Свинья	5	–	–	12	–	–	7
Собака	8+1ск	15	18	41+4ск	9	–	67+1ск
Северный олень	1 082	751	1 121	2 133	133	34	1 857
Лось	1	–	5	9	2	–	7
Песец	491	32	85	235	31	3	153
Лисица	9	–	–	2	–	1	7
Волк	1	–	1	6	1	–	13
Медведь бурый	-	–	-	–	–	–	1
Росомаха	8	–	13	8	5	–	13
Соболь	-	–	–	2	–	–	4
Горностай	7	3	–	1	–	–	–
Заяц-беляк	625 + 54 л	32	53+2 л	211	68	1	360
Бобр	5	2	–	11	1	–	3
Белка	–	–	–	2	–	–	–
Нерпа кольчатая	–	–	1	–	–	–	–
Морж	1	–	–	–	2	–	–
Белуха	–	1	–	2	–	–	1
Кит гренладский	2	–	–	–	–	–	1
Млекопитающие неопр.	335	169	142	227	21	11	438
Птица (вся)	159	11	137	229	32	1	431
Рыба (вся)	304	45	–	408	12	–	929

Примечания. * Оборонительно-жилой комплекс: 1 — постройка № 1; 2 — постройка № 3; 3 — пространство между постройками.

** Посад: 4 — раскоп 2004 г.; 5 — постройка № 7; 6 — постройка № 9; 7 — раскоп 2005 г.

Условные обозначения: *ск* — полный скелет или его фрагмент, *л* — целая задняя или передняя лапка.

ционирования Полуйского городка, места жизни коренного населения региона. Археозоологическая коллекция состоит из 14 002 экз. костных остатков (табл. 52).

Кости млекопитающих наиболее многочисленны в городке и составляют 80 % от общего количества костных остатков. Определимые кости принадлежат 20 видам как диких, так и домашних животных.

Крупный рогатый скот. Найдены два фрагмента таза и фрагмент лопатки со следом от наконечника стрелы в посадской части поселения.

Свинья. Общее количество костей этого вида в раскопе невелико. В раскопе 11Б (2005 г.) найдены, возможно, части одной ноги молодого животного (берцовая кость и две метаподии), в раскопе 11А — нижняя челюсть взрослого животного и зуб, принадлежащий молодой особи.

Собака. Костей собак обнаружено довольно много как в постройках, так и на территории городка (табл. 52). В раскопе 1, 2 найдены два почти полных скелета в анатомическом порядке от взрослых особей и один скелет от молодого животного. Очевидно, эти собаки были специально захоронены и, вероятно, в ритуальных целях.

Среди одиночных костей представлены все элементы скелета (табл. 53), среди них относительно много целых черепов и нижних челюстей. В раскопе 11Б найдены два черепа, принадлежащих крупным особям, и кости целой головы — череп и нижние челюсти. У северной стенки раскопа 11Б сохранилась часть осевого скелета и кости конечностей, принадлежавшие одной взрослой собаке, но сейчас нельзя сказать, принадлежал ли этой же особи один из найденных черепов. В раскопе 11А, помимо костей осевого скелета и ног, находились 6 нижних челюстей, принадлежавших собакам некрупных размеров. В постройке № 7 обнаружены фрагмент черепа, две нижние челюсти, кости передних лап и шеи собак. Кроме того, в этой постройке найден таз собаки, имеющий след от бронебойного наконечника стрелы и следы погрызов.

Большая часть костей собак целые, наиболее раздроблены трубчатые кости ног. Они, как правило, представлены только диафизами или половиной кости с сохранившимся верхним или нижним эпифизом. 25 костей погрызены, 20 костей принадлежат молодым особям и 2 новорожденным щенкам.

Северный олень. Кости этого вида встречаются наиболее часто и составляют 63 % (7 168 экз.) от общего количества костных остатков млекопитающих, а с учетом неопределимых остатков этот процент еще выше. Они происходят от как минимум 130 особей. Кости оленя многочисленны во всех объектах городка (табл. 52). Они представлены всеми элементами скелета, но чаще всего в слое находятся фрагменты трубчатых костей верхних частей ног и элементы поясов конечностей, они составляют 50 % от общего числа костей оленя

(табл. 53). Значительно меньше сохранилось костей осевого скелета (позвонков и ребер), они составляют лишь 17 % от общего числа, в то время как в Надымском городке это процент вдвое больше. Это говорит о том, что, возможно, в городке использовали не целые туши животных. Около 12 % костных остатков приходится на долю элементов головы, но практически половина из них это фрагменты рогов. Треть сохранившихся фрагментов черепов (46 экз.) несут основания рогов. Концы рога часто обрезаны или обрублены, в нескольких случаях и рога и черепа погрызены собаками. Большая часть эпифизов трубчатых костей (как самой мягкой части), позвонков, ребер, тазовых костей и др. погрызена собаками, такие кости составляют 10 % (744 экз.) от общего количества. Следы переваривания имеют 92 кости, это в большинстве своем мелкие кости запястья и предплюсны, а также фаланги пальцев.

Большую часть костных остатков северного оленя, не несущих возрастных маркеров, мы относим к взрослым животным. Исследуя фрагменты нижних челюстей, на основании состояния зубной системы мы можем сказать, что не менее 40 % из них принадлежит молодым животным, в возрасте 1–2 лет. Шесть нижних челюстей принадлежит очень старым животным. Таким образом, можно говорить о том, что больше трети забитых животных были в возрасте от одного до двух лет, такая избирательность вряд ли возможна при охоте на дикого оленя.

Следы от бронебойных наконечников стрел имеют 11 костей северного оленя, все они происходят от различных частей скелета — череп, рога, локтевая, тазовая, таранная кости, ребро. Не совсем понятно происхождение такого отверстия на внутренней суставной поверхности таза, поскольку в теле животного она закрыта головкой бедра.

Большинство костей северного оленя сильно раздроблены. Целые кости составляют не более 7 %, это преимущественно мелкие кости нижних частей конечностей и изолированные зубы. Такая раздробленность костей характерна для кухонных отходов. Из всех трубчатых костей, нижних челюстей, большинства фаланг, доставался костный мозг. Кости северного оленя использовали для изготовления различных изделий, 259 костей несут следы обработки (преимущественно рога, лопатки, метаподии, реже встречаются ребра и диафизы трубчатых костей). Большая часть рогов имеет следы обработки

Песец. Это третий по числу остатков вид (табл. 52). Кости его составляют 9 % от общего числа костных остатков млекопитающих. Судя по количеству нижних челюстей можно предположить, что на городке сохранились остатки не менее 110 особей. Среди остатков представлены все элементы скелета (табл. 53), но преобладают элементы головы (черепа и нижние челюсти). Большое количество нижних челюстей сосредоточено в посадской части городка, но черепов там сохранилось меньше, а наибольшая часть остатков черепов сосредоточена в постройке № 1 оборонительно-жилого комплекса и рядом с ней. В северном углу постройки № 1, в слоях середины XVII века обнаружено скопление костей песца, содержащее 39 % от общего количества костей этого вида на памятнике. Здесь сосредоточено большое количество элементов осевого скелета (позвонков и ребер), а также остатки 4 передних и 2 задних лап песца с шерстью (табл. 53). Возможно, там были запасены несколько целых тушек. Судя по соотношению частей скелета, можно сказать, что лишь треть тушек песца попадала на городок. Остальные оставлялись на месте промысла или скармливались собакам. Вероятно, головы сохранялись в ритуальных целях. Из шести таранных костей песца изготовлены подвески.

Кости песца слабо раздроблены, за исключением костей черепа, 13 костей имеют следы погрызов, 3 — следы переваривания. Лишь 3 кости принадлежат полувзрослым животным, остальные вполне взрослым особям. В этом районе песец не норится, а бывает здесь только зимой, мигрируя из тундровой зоны [Штро, 1997]. Все это говорит о том, что промысел песца осуществлялся в зимнее время.

Заяц-беляк. Кости этого вида составляют 14 % (2 460 экз.) от общего количества костных остатков (табл. 52) и принадлежат как минимум 56 особям. Кости зайца встречаются на всей территории городка, представлены все элементы скелета (табл. 53). Но надо отметить, что наибольшее скопление костей зайца сосредоточено в северном углу постройки № 1 оборонительного жилого комплекса, в слоях середины — конца XVII века. Здесь помимо других частей скелета найдены остатки 56 нижних концов передних и задних лап с шерстью, здесь же сосредоточено и наибольшее количество остатков черепов этого вида. Вероятно, это скопление связано с ритуальной деятельностью жителей городка.

Раздробленность костей зайца незначительная, наиболее раздроблены черепа и трубчатые кости ног, особенно бедренные и большеберцовые. Большая часть костей принадлежит взрослым особям, но довольно высок процент костей молодых животных — от 20 до 28 % среди разных элементов скелета. Это говорит о том, что промысел зайца велся и в теплое время года — в конце лета и осенью, когда подрастают зайчата-сеголетки. Судя по составу элементов скелета, тушки добытых зайцев целиком приносили на поселение.

Таблица 53

Состав элементов скелета млекопитающих из раскопов Полуйского мысового городка

Кость	Свинья	Собака	Олень сев.	Лось	Песец	Волк	Лисица	Росомаха	Соболь	Горностай	Заяц-беляк	Бобр
Рог	–	–	408	1	–	–	–	–	–	–	–	–
Зуб	5	2	45	2	1	1	1	3	–	–	–	2
Череп с рогами	–	–	46	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Череп	2	11	92	3	112	1	1	8	1	4	80	–
Нижняя челюсть	2	16	227	2	217	1	4	6	1	1	79	2
Подъязычная	–	–	16	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Атлант	–	2	77	–	9	–	–	3	–	–	5	–
Эпистрофей	–	2	28	–	7	1	–	–	–	–	3	–
Позвонки	1	10	266	1	109	–	3	1	–	–	131	–
Грудина	–	2	21	–	–	–	–	–	–	–	5	–
Крестец	–	–	8	–	6	–	–	–	–	–	9	–
Ребра	2	21	789	7	86	–	–	3	–	3*	204	1
Лопатка	2	8	622	–	39	–	1	2	–	1*	105	–
Таз	–	8	163	1	28	–	–	3	1	–	78	–
Плечевая	1	14	738	1	91	–	1	2	–	1	77	6
Локтевая	–	10	140	–	22	1	–	1	–	–	47	2
Лучевая	–	17	498	1	43	1	–	–	1	–	67	1
Бедренная	1	4	573	2	52	–	2	–	1	–	136	4
Большеберцовая	3	15	774	–	60	1	1	2	1	1	182	1
Малая берцовая	1	2	–	–	4	–	1	2	–	–	–	–
Коленная чашечка	–	–	12	–	1	–	–	–	–	–	1	–
Метаподии	3	9	250	1	68	5*	4	6	–	–	74	–
Пясть	–	–	245	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Плюсна	–	–	397	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Пяточная	–	1	107	–	9	2	–	–	–	–	14	–
Таранная	–	–	124	–	16	2	1	5	–	–	9	11***
Запястье, предплюсна	–	–	113	–	4	3*	–	–	–	–	13	–
Сезамовидные	–	–	11	–	7	–	–	–	–	–	–	–
Фаланга I	–	1	144	1	6	3*	–	–	–	–	19	–
Фаланга II	–	1	64	1	5	–	–	–	–	–	5	–
Фаланга III	–	1	9	–	5	–	–	–	–	–	2	–
Фаланга доп.	–	–	13	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Передняя лапа	–	–	–	–	4	–	–	–	–	–	21	–
Задняя лапа	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–	35	–
Скелет ***	–	6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Примечания. * Целые скелеты или фрагменты скелетов одной особи.
** Кости принадлежат одной особи.
*** Изделия.

Бобр. Костей бобра обнаружено немного. Сохранились только кости головы и верхних частей конечностей (табл. 52). Практически отсутствуют кости нижних частей конечностей, за исключением одной таранной кости, из которой изготовлена подвеска. Молодым животным принадлежат 3 из 8 костей. Добывали как взрослых, так и молодых особей бобра.

Остатки остальных видов очень немногочисленны (табл. 52). Остатки *лося* найдены в основном в верхних горизонтах и, вероятно, большинство из них относится к концу XIX — началу XX веков. *Росомаха и волк* добывались в небольшом количестве. Численность *лисицы, соболя, бобра, белки* в лесотундровой зоне небольшая, поэтому и их остатков немного (табл. 52, 53). Кроме того, соболя и бобра к концу XVIII века практически полностью выбили на севере Западной Сибири [Кириков, 1960; 1966].

Рассматривая находки костей морских млекопитающих, следует отметить, что *нерпа* могла самостоятельно подниматься из губы до городка по реке Оби. Кости *кита* могли быть доставлены только с морского побережья или побережья Обской губы.

Млекопитающие неопределимые. 1 343 кости млекопитающих не удалось определить ближе, но можно сказать, что лишь 3 % из них принадлежит мелким млекопитающим (зайцу, песцу), а преимущественно это кости северного оленя (около 95 %). Среди них 86 % это небольшие фрагменты трубчатых костей ног. Кальцинированы 4 фрагмента неопределимых костей, 15 фрагментов костей имеют следы нахождения в желудочно-кишечном тракте.

Птица. Костей птиц относительно немного, они составляют 7 % (1 084 экз.) от общего числа костных остатков. Определены 596 костных остатков, принадлежащих 22 видам птиц. Среди них преобладают остатки белой куропатки (табл. 37). Этот вид весьма многочислен в лесотундровой зоне, особенно в поймах рек, в том числе и реки Полуй. Здесь она концентрируется главным образом в зимнее время [Бойков, 1981]. Промысел ее наиболее эффективен зимой и весной. Из птиц добывались также глухарь, различные виды уток и гусей, но кости водоплавающих немногочисленны. Это сейчас трудно объяснить, так как данный район находится на центральном пути весенней и осенней миграции водоплавающих [Брауде, 1992], когда их разными способами добывали в очень большом количестве.

Среди видов, не употребляемых в пищу, определены кости орла, белой совы, ворона, вороны серой, сороки, чайки (табл. 37). Мы предполагаем, что, возможно, эти виды использовали для проведения культовых обрядов. Наибольший интерес в этой связи представляют находки почти целого скелета ворона из постройки № 1 и части скелета ворона из посадской постройки № 7.

Рыба. Кости рыб составляют 14 % (1 698 экз.) от общего числа костных остатков. Всего определены 1 097 экз. костей, принадлежащих 11 видам рыб (табл. 48). Кроме того, скопления мелких костей и чешуи рыбы обнаружены почти во всех образцах культурного слоя. Наибольшее количество костей рыб сосредоточено в посадской части городка (табл. 52). Основными промысловыми видами рыб были налим, сиговые и нельма. Добывались также осетровые, щука, язь, чебак, окунь, ерш. Природные условия района позволяют заниматься рыболовством с марта или апреля по январь. Только в конце зимы — начале весны рыба отсутствует из-за замора. Возможно, количество остатков рыбы занижено, поскольку мелкие кости рыб зачастую не выбираются из культурного слоя [Некрасов, Косинцев, 2011]. Это может быть связано еще и с тем, что практически вся она использовалась — человеком и собаками, и в слой попадало очень мало отходов.

О том, что активный лов и обработка рыбы производились в летнее время, свидетельствуют многочисленные пупарии мух, которые были обнаружены в образцах культурного слоя, содержащих значительное количество чешуи и мелких костей рыб.

Общая характеристика хозяйственной деятельности населения Полуйского мысового городка. В результате археологических раскопок Полуйского городка было установлено, что местным населением велся промысел зверя, птицы и рыбы. Основными промысловыми видами млекопитающих были северный олень, заяц, песец; птиц — белая куропатка; рыб — сиговые, нельма и щука. Домашние животные представлены такими видами, как северный олень, собака, свинья, крупный рогатый скот, курица. В целом промысловая деятельность населения Полуйского мысового городка по археозоологическим данным отличается от таковой населения Надымского городка, несмотря на общность природной среды (лесотундра, район поймы крупной реки) и культурную общностью их населения. Отличие заключается в том, что основу промысла, видимо, составлял дикий северный олень, в меньших количествах заяц и песец. Из млекопитающих добывались также бобр, волк, лисица, росомаха, соболь, лось, из птиц — белая куропатка, различные виды уток и гусей, из рыб — осетровые, чебак, налим, ерш. Такие виды млекопитающих, как медведь, добывались, видимо, очень редко. Численность лося во время функционирования городка была очень низкой. Анализ полученных данных указывает на сходное состояние природного окружения городка во время его функционирования и в настоящее время. Различие в фауне заключается только в обитании в то время соболя и бобра в окрестностях городка, позднее они были полностью истреблены здесь людьми. На основании экологии основных промысловых видов можно сказать, что промысел здесь велся как в холодное, так и в теплое время года.

Основу белковой пищи составляло мясо северного оленя, как домашнего, так и дикого. Дополнительным источником пищи, очевидно, была рыба, в меньшей степени мясо зайца и птицы. Разделка и утилизация большей части забитых животных, используемых в пищу (северный олень, заяц), производилась на поселении, но, судя по небольшому количеству остатков осевого скелета (ребер и позвонков), можно говорить о том, что частично в городок попадали только мясные части туши, вероятно, домашнего северного оленя.

Немногочисленные найденные остатки домашних копытных (коровы, свиньи, овцы) свидетельствуют о связях местных жителей с русским населением, активно прибывающим в регион в конце XVII — начале XVIII века.

Судя по большому количеству костных остатков, в городке содержали и разводили собак. Среди собак явно прослеживаются две размерные группы — довольно рослые, крупные особи, возможно используемые для формирования упряжек, и собаки, по размерам близкие к оленегонным лайкам. Кроме того, собак использовали в обрядах жертвоприношения.

Пушной промысел производился недалеко от поселения. Пик его пришелся на середину — конец XVII века, добывался главным образом песец. Помимо песца в небольшом количестве добывались росомаха и волк. Остальные пушные виды (лисица, соболь, горностай, бобр, белка) добывались, вероятно, попутно. Тушки добытых пушных зверей не всегда приносили на городок. Большую часть их, видимо, утилизировали на месте промысла. Головы промысловых животных, а также лапы зайца и песца специально собирали и хранили для обеспечения успешного промысла. Для изготовления изделий использовались рога, лопатки, метаподии северного оленя, а также таранные кости, клыки и нижние челюсти хищных животных и бобра.

Рассматривая единичные находки костей морских млекопитающих, следует отметить, что никакой целенаправленной охоты жителями городка на эти виды не велось.

Видимо, существовал постоянный промысел — охота на птиц: в зимнее время на куропатку, и сравнительно небольшой — в весенне-летнее — на водоплавающую птицу (гуси и утки). Небольшое количество добываемой птицы в весенне-летнее время охотниками, на наш взгляд, может объясняться откочевкой местного населения летом в тундру вслед за северным оленем.

Мы предполагаем, что, возможно, некоторые виды птиц использовалсь для проведения культовых обрядов (ворон, орлан-белохвост).

Рыболовство играло заметную роль в жизнеобеспечении жителей Полуйского мысового городка. Рыба служила дополнительным источником пищи для жителей городка и основным кормом для собак.

3.1.3. Памятники зоны северной тайги

Городище Амня 1 находится на правом берегу реки Амни, притока реки Казым (64°41′ с. ш. 67°21′ в. д., рис. 26). Исследовано В. И. Стефановым и В. М. Морозовым [Стефанов, И-1994] и по археологическим материалам отнесено к эпохе неолита: конец 4 — начало 3-го тысячелетия до н. э. Археозоологическая коллекция состоит из 48 экз. костных остатков (табл. 41). Все кости кальцинированы.

Северный олень представлен фрагментом фаланги II.

Лось представлен фрагментом фаланги I.

Бобр представлен фрагментом плечевой кости.

Городище Амня 2 находится на правом берегу реки Амни, притока реки Казым (64°41′ с. ш. 67°21′ в. д., рис. 26). Исследовано В. И. Стефановым [Стефанов, И-1994] и на основании археологических материалов датировано эпохой неолита: конец 4 — начало 3-го тысячелетия до н. э. Археозоологическая коллекция состоит из 170 экз. костных остатков (табл. 41). Все кости кальцинированы.

Лосю принадлежат фрагменты грифельной кости и двух фаланг I.

Северный олень представлен фрагментами лопатки, лучевой, берцовой, грифельной костей и фаланги II.

Селище Щематн-лор находится на реке Сугмутен-ягун, притоке реки Пяку-Пур (63°40′ с. ш. 73°30′ в. д., рис. 26). Исследовано Л. Л. Косинской [Косинская, И-1992] и по археологическим данным датируется 2-м тысячелетием до н. э. — эпохой развитой бронзы. Археозоологическая коллекция состоит из 183 экз. костных остатков (табл. 41). Все кости кальцинированные.

Северному оленю принадлежат фрагменты зуба, лучевой кости, метаподии, 2 фрагмента костей заплюсны и фрагменты двух первых и двух вторых фаланг.

Селище Войкар расположено на левом берегу реки Горной Оби, выше устья озера Войкарский Сор (66°05′ с. ш. 64°45′ в. д., рис. 26). Исследовано Н. В. Федоровой в 2006 году (устное сообщение Н. В. Федоровой), из разведочного шурфа собрано 42 экз. «сырых» костей. По кости северного оленя получена радиоуглеродная дата: 2800 ± 80, СОАН-7914. Предварительно собранный материал можно датировать периодом IX–VIII веков до н. э. Археозоологическая коллекция состоит из 42 экз. костных остатков (табл. 41).

Собака представлена фрагментом бедренной кости.

Северному оленю принадлежат обработанный фрагмент рога, 1 целый зуб, фрагменты нижней челюсти (2 экз.), лопатки (4 экз.), плечевой (5 экз.), лучевой (4 экз.), локтевой (1 экз.), большеберцовой костей (10 экз.); 2 целые таранные кости, 3 целые пяточные кости и 1 центральная кость запястья. Все кости принадлежат взрослым особям, две кости со следами погрызов (собаками?).

Млекопитающие неопределимые. Три фрагмента костей, вероятно принадлежащие северному оленю.

Птица представлена 1 костью утки.

Рыба представлена 2 позвонками сиговых (щокур-пыжьян) и 1 костью налима.

Селище Няксимволь находится на территории современного одноименного поселка (62°26′ с. ш. 60°52′ в. д., рис. 26). Культурный слой в значительной мере разрушен, и с его поверхности неоднократно проводили сборы как артефактов, так и костных остатков. Часть этих сборов поступила в фонды Свердловского государственного краеведческого музея и Ханты-Мансийского государственного музея «Человек и Природа». В 2003 году на территории поселения были проведены раскопки Д. О. Стародумовым [Стародумов, 2012]. По археологическим материалам основной слой поселения датируется II веком до н. э. — II веком н. э. По углю из раскопа 2003 года получена углеродная дата — 2240 ± 75 лет назад, СОАН-5714. Археозоологическая коллекция состоит из 253 экз. костных остатков (табл. 41).

Лошадь. Остатки этого вида представлены только в сборах и включают три зуба от взрослых особей.

Собака. В раскопе найдены нижняя челюсть, второй и четвертый целые шейные позвонки. Нижняя челюсть имеет следы погрызов собакой.

Северный олень. В материалах из сборов доминируют изделия (табл. 41), среди которых преобладают изделия из рога (13 экз.) и плюсневой кости (10 экз.). Необработанными являются фрагменты локтевой и плюсневой костей. В выборке из раскопа есть фрагменты рога (3 экз.), позвонков (3 экз.), ребер (4 экз.), лопатки, таза, бедренной (2 экз.) и лучевой костей.

Лось. В материалах сборов представлены только изделия из рога (9 экз.), локтевой (1 экз.), грифельной (1 экз.) и плюсневой (2 экз.) костей. В материале из раскопа найдены целый зуб (1 экз.), фрагменты позвонков (3 экз.), плечевой (1 экз.), бедренной (1 экз.) и пястной костей (1 экз.).

Медведь бурый. Есть только в материалах сборов. Найдено три подвески: одна из нижнего клыка взрослого самца, одна из нижнего первого коренного зуба и одна из нижнего второго коренного зуба. Четыре клыка не имеют следов обработки — два верхних (один принадлежал молодой особи и один самке) и два нижних (оба принадлежали взрослым самцам).

Соболь или куница. В раскопе найдены целые: хвостовой позвонок, ребро, плечевая и берцовая кости, метаподия и фаланга I.

Заяц-беляк. В материалах из раскопа найдены целые метаподии (2 экз.) и фаланга I (1 экз.).

Белка. В материалах из раскопа найден фрагмент большой берцовой кости, у которой отломлен нижний конец.

Бобр. В материалах сборов представлены 3 фрагмента нижней челюсти и один резец. В раскопе найдены фрагмент нижней челюсти и целая большая берцовая кость от молодой особи.

Млекопитающие неопределимые. Все фрагменты принадлежат крупным животным размером с северного оленя (преобладают) и лося.

Рыба. Остатки найдены только в раскопе и представлены разными видами. Из них определены: нельма (9 экз.), промысел которой возможен только в реках, щука (1 экз.), карповые (2 экз.) — их промысел возможен как в реках, так и в озерах.

Все кости, кроме костей лошади, имеют темный цвет. Это позволяет полагать, что кости лошади имеют более поздний возраст по сравнению с остальными. Вероятно, лошадь здесь появляется вместе с русским

населением. Принадлежность костей северного оленя дикой или домашней формам определить невозможно. Найдены кости пушных видов (белка, соболь или куница), добыча которых наиболее рациональна в холодный период года.

Селище Катравож 1 находится на левом берегу реки Соби, в поселке Катравож (66°19′ с. ш. 66°05′ в. д., рис. 26). Исследовано в 1997 году А. Г. Брусницыной [Брусницина, И-1999] и в 2008 году П. С. Шульгой и Г. П. Визгаловым [Шульга, И-2009]. По археологическим материалам выделены несколько хронологических периодов: II век до н. э. — II век н. э., VIII–IX века, XVII–XVIII века. По костям собаки получена радиоуглеродная дата 2710 ± 95, СОАН-7915. Археозоологическая коллекция состоит из 366 экз. костных остатков (табл. 41).

Собака. Представлены все элементы скелета: нижняя челюсть (1 экз.), атлант (1 экз.), эпистрофей (1 экз.), позвонки (11 экз.), ребра (9 экз.), лопатка (1 экз.), таз (2 экз.), плечевая (3 экз.), локтевая (4 экз.), лучевая (4 экз.), бедренная (2 экз.), большеберцовая (4 экз.), малая берцовая (1 экз.), метаподии (10 экз.), пяточная (1 экз.), таранная (1 экз.), запястье (1 экз.).

Кости происходят от взрослых особей, за исключением черепа и фаланг. Почти все кости собаки целые, кроме большеберцовых, 1 бедренной и 1 локтевой кости. Погрызены 9 экз.

Северный олень. Этому виду принадлежит наибольшее количество костей (табл. 41). Представлены все части скелета: нижняя челюсть (1 экз.), позвонки (2 экз.), грудина (1 экз.), ребра (9 экз.), лопатка (5 экз.), таз (4 экз.), плечевая (19 экз.), локтевая (2 экз.), лучевая (5 экз.), бедренная (18 экз.), большеберцовая (12 экз.), пясть (4 экз.), плюсна (17 экз.), пяточная (1 экз.), запястье (1 экз.), фаланга I (5 экз.), фаланга II (1 экз.). Наиболее многочисленны фрагменты трубчатых костей ног и метаподий. Отсутствуют кости черепа и рога, мало элементов осевого скелета. Кости принадлежат взрослым животным, сильно раздроблены, 14 костей имеют следы погрызов (собаками?).

Лось представлен 1 целой грифельной костью.

Песец. Представлен 1 целым зубом, 2 позвонками и фрагментом плечевой кости.

Заяц-беляк. Обнаружены 2 целые метаподии и фаланга, 3 фрагмента большеберцовой, по 1 фрагменту бедренной и лучевой костей и 1 фрагмент ребра.

Птицы. Коллекция костей птиц насчитывает 21 кость.

Селище Зеленый Яр находится в нижнем течении реки Полуй (66°19′ с. ш. 67°22′ в. д., рис. 26), практически на границе лесотундровой зоны и северотаежной подзоны таежной зоны. Исследовано Н. В. Федоровой в 1999–2002 годах [Алексашенко, Брусницына, Литвиненко и др., 2005]. Костные остатки связаны с металлургическим комплексом (см. ниже), который датируется VI–VII вв.

Костные остатки животных происходят не со всей раскопанной площади, а из нескольких квадратов, которые вскрывают остатки построек № 1 и 2, из углистого пятна (квадрат З/7–8) и одного участка культурного слоя (квадрат И/7). На остальной площади раскопа костей животных не найдено. В целом объем археозоологической коллекции относительно небольшой — 1 285 экз. Из них до вида определено 668 экз. — 286 кости млекопитающих, 52 кости птиц и 330 костей рыб. Видовой состав млекопитающих, птиц и рыб приведен в табл. 54. Подробный анализ археозоологического комплекса был проведен ранее [Алексашенко, Брусницына, Литвиненко и др., 2005].

Археозоологический материал представлен двумя типами сохранности — «сырой» костью и кальцинированной костью. Кальцинированные кости есть среди остатков всех видов. Только самые малочисленные виды — соболь, лось, полевка (по 1 кости), белка (2 кости) и собака представлены «сырыми» костями. Преобладают кальцинированные кости. Так, среди не определенных до вида костей они составляют 450 экз. из 528.

Кости сильно фрагментированы, вероятно, в результате процесса кальцинации. Единичные кости имеют следы ударов острым орудием, одна кость имеет следы действия пищеварительных ферментов, и найдено около 10 костных стружек. В целом характер раздробленности костей такой, какой типичен для поселенческих археозоологических комплексов таежной зоны Западной Сибири — относительно целые кости пушных видов (лисица, песец, соболь, горностай, белка) и сильно фрагментированные кости («кухонные остатки») копытных.

Исследованный памятник включает поселенческий и погребальный комплексы. В связи с этим встает проблема: к какому из этих комплексов относятся кости животных? В настоящее время в таежной зоне Западной Сибири раскопано несколько могильников рассматриваемого периода: Усть-Балык, Киняминские 1 и 2,

Частухинский Урий [Семенова, 2001], Барсовские 1, 4 и 5; Сайтатинские 1, 3, 4, 5, 6; Кинтусовский [Чемякин, Карачаров, 1999; Чемякин, Зыков, 2004]. Из них единичные кости животных, связанные с погребениями, найдены только в могильниках Усть-Балык, Киняминский 2 и, возможно, в Сайгатинском 4 и Частухинском Урье. Традиция оставлять кости животных около могил появляется значительно позднее, вероятно, с XVII–XVIII веков. Это подтверждает планиграфическое распределение остатков. Они приурочены к небольшому участку в пределах раскопа. Если бы у населения, оставившего могильники, была традиция оставлять кости около могил, то кости были бы найдены и на других участках. На основании вышесказанного мы все найденные в раскопе кости животных связываем с функционированием металлургического комплекса. Косвенно на это указывает и бытовой («кухонный») характер их раздробленности. Исключением является нижняя челюсть серой полевки, которая, видимо, попала в слой в результате естественной гибели зверька.

Млекопитающие. Всего найдено 816 костных остатков, из них до вида определено 287 экз. Видовой состав фауны млекопитающих включает почти все промысловые виды Нижней Оби (табл. 54). Среди них нет остатков волка, росомахи и выдры. Эти виды, особенно два первых, обычны для териофауны лесотундровой зоны [Косинцев, 1997а; Косинцев, Лобанова, 2006]. Поэтому их отсутствие, несомненно, связано с небольшим объемом выборки.

Таблица 54

Видовой состав и количество костных остатков из разных участков памятника Зеленый Яр

Вид	Шурф	Постройка № 1	Постройка № 2	Квадрат З/7–8	Квадрат И/7
Собака	–	5/2	–	–	4/1
Северный олень	3/1	55/3	11/2	8/2	13/2
Лось	–	–	–	–	1/1
Песец	–	10/1	2/1	1/1	1/1
Лисица	–	20/1	1/1	–	–
Медведь	–	–	–	1/1	1/1
Соболь	–	1/1	–	–	–
Горностай	–	7/2	–	–	–
Заяц-беляк	2/1	74/4	4/2	3/2	5/1
Бобр	1/1	41/3	2/1	4/1	3/2
Белка	–	2/1	–	–	–
Грызуны неопределимые	–	–	1	–	–
Гуменник	–	1	-	–	–
Кряква	1	1	2	–	–
Чирок-свистунок	2	21	4	1	1
Свиязь	–	–	–	1	–
Шилохвость	–	4	–	–	1
Широконоска	–	2	–	–	–
Утки неопределимые	1	24	–	3	2
Рябчик	–	7	2	–	–
Ворон	–	2	–	–	–
Птицы неопределимые	–	9	–	1	–
Сибирский осетр	–	4	–	1	–
Нельма	5	51	–	17	4
Чир	10	17	–	63	1
Сиговые неопределимые	–	8	–	–	–
Язь	–	29	–	3	–
Карповые	4	–	–	–	–
Щука обыкновенная	8	23	1	42	9
Налим	–	9	–	1	–
Окунь	–	14	–	15	–
Рыбы неопределимые	1	4	–	27	3

Примечание. В знаменателе минимальное количество особей.

Собака. Найдены целые фаланги I и II; три фрагмента ребер; целые левые лопатка, плечевая, бедренная и берцовая кости. Последние четыре кости найдены на одном участке и, вероятно, принадлежат одной особи некрупных размеров. У фаланги I эпифиз прирос, а у фаланги II не прирос. Это позволяет полагать, что они происходят от разных особей некрупных размеров. Остатки собаки достаточно обычны на памятниках позднего железного века севера Западной Сибири [Косинцев, 2000а; Косинцев, Лобанова, 2003; 2006]. Все эти собаки относятся к одному размерному классу, соответствующему современным промысловым и оленегонным лайкам.

Северный олень. Остатки этого вида представлены костями всех основных отделов скелета (табл. 55). Доминируют остатки нижних частей ног; костей остальных частей тела, особенно головы, немного. Кости, за исключением самых мелких, представлены фрагментами. Остатки могут принадлежать как дикой, так и домашней форме. Можно с большой долей вероятности отнести подавляющее большинство этих остатков к дикой форме, поскольку в период функционирования металлургического комплекса крупностадное оленеводство еще не сформировалось [Крупник, 1976]. В это время в тундровой и лесотундровой зонах доминировал по численности дикий олень. Поэтому крайне маловероятно, что население предпочитало забивать домашних оленей, а не добывать диких. Тем более что домашних оленей, вероятно, разводили исключительно в транспортных (и жертвенных?) целях и забивать их для использования в пищу было крайне нерационально.

Таблица 55

Соотношение (%) отделов скелета северного оленя, зайца, бобра и лисицы из разных участков памятника Зеленый Яр

Отделы скелета	Северный олень		Заяц		Бобр		Лисица
	Постройка № 1	Прочее	Постройка № 1	Прочее	Постройка № 1	Прочее	Все
Голова (череп, нижняя челюсть, зубы)	4	9	13	0	0	0	62
Туловище (позвонки, ребра)	7	29	3	0	7	20	0
Верхние части ног (лопатка, таз, плечо, лучевая, локтевая, бедро, берцовая)	12	18	26	92	22	80	0
Нижние части ног (мелкие кости, метаподии, фаланги)	77	44	58	8	71	0	38
Количество остатков (экз.)	56	34	74	12	41	10	21

По состоянию эпифизов [Егоров, 1965] можно выделить следующие возрастные группы: 20 костей принадлежат особям старше 2 лет, из них 5 — особям старше 4 лет; 3 кости — особям моложе 3 лет и 6 костей — особям моложе 2 лет. Таким образом, забивались в основном полувзрослые и взрослые особи. Судя по наличию остатков всех отделов скелета, по крайней мере часть забитых особей разделывалась на месте.

Лось. Найден фрагмент ребра.

Медведь. Этому виду принадлежат две целые кальцинированные когтевые фаланги. Находки костей этого вида на поселениях севера Западной Сибири крайне редки [Косинцев, 1997а; 2000а; Косинцев, Лобанова, 2003]. В данном случае обращает на себя внимание находка только когтевых фаланг, которые обычно остаются внутри пальцев лап при снятии шкуры. Весьма вероятно, что эти фаланги были сожжены с лапой или шкурой.

Лисица. Вид представлен фрагментами черепа и концами ног (табл. 55). Кости от взрослой особи. Скорее всего, все фрагменты черепа принадлежат одной особи, как и все кости лап. Не исключено, что все они от одной особи и были принесены на место памятника в виде шкуры с головой и лапами.

Песец. Вид представлен 14 костями: фрагментами черепа (3), нижних челюстей (2), плечевой (2) и лучевой (1) костей, 1 пяточной костью, 3 метаподиями и 2 фалангами. Кости от взрослых особей. Костных остатков, по сравнению с другими памятниками этого района, немного [Косинцев, 2000а; Косинцев, Лобанова, 2003].

Соболь. Найден череп с разбитой затылочно-мозговой частью. Соболь был достаточно многочислен в этих районах до XVIII века [Кириков, 1960]. Позднее он был полностью истреблен. Судя по характеру разрушения черепа, можно допустить, что соболь был добыт орудием давящего типа.

Горностай. Найдены целые или почти целые: таз, плечевая, 2 бедренных и 3 берцовых кости, вероятно, от 2 особей. В слой попали части тушек.

Заяц-беляк. Остатки многочисленны, и среди них есть все отделы скелета (табл. 55). Судя по составу элементов скелета, в раскопе найдены остатки не менее 3 лап. У всех костей эпифизы приросли, поэтому, вероятно, добыты все или почти все зайцы были в период с конца осени до конца весны.

Бобр. Этому виду принадлежит весьма значительное количество остатков (табл. 54), но среди них нет костей черепа, и преобладают кости лап (табл. 55). Возможно, последнее связано с тем, что в пределы раскопа попали две лапы двух бобров — молодого (эпифизы на метаподиях и фалангах не приросли) и относительно взрослого (эпифизы приросли). Судя по состоянию эпифизов и размерам костей, добывали бобров разного возраста: нескольких месяцев, молодых, полувзрослых. Кости последних преобладают.

Белка. Представлена тазовой и берцовой костью с неприросшим верхним эпифизом. Рассматриваемый район находится на границе ареала вида, поэтому численность белки здесь невысокая.

Млекопитающие неопределимые. Среди них есть кости от животных всех размеров, но преобладают фрагменты от животных, размером с северного оленя.

Птицы. Найдено 94 кости и их фрагментов. Из них определено до вида 54, принадлежащих 8 видам (табл. 54). К группам «утки» и «птицы» отнесены небольшие фрагменты трубчатых костей (диафизы) а также грудины, таза, лопатки, размеры которых не превышали 2–5 см, всего 40 фрагментов. Следы разделки и погрызов на поверхности костей отсутствуют. Степень и характер раздробленности птичьих костей обычен для археозоологических сборов.

Все определенные птицы являются обычными видами для этой территории, и почти все они являются промысловыми. Исключение составляет ворон. Эта птица упоминается в фольклоре, есть праздник Вороний день, или Воронье солнце [Головнев, 1995]. Возможно, остатки ворона отражают какой-то культ, связанный с этой птицей. Находки костей ворона известны и на других археологических памятниках, расположенных на севере Западной Сибири [Пантелеев, Потапова, 1996; 2000; Некрасов, 2003].

Рыбы. Видовой состав по объектам и участкам приведен в табл. 54. Среди остатков целыми являются только позвонки и крупные экземпляры костей висцерального черепа, а также первый луч от грудного плавника у осетра. Следы разделки и погрызы на поверхности костей и позвонков отсутствуют. К сиговым и карповым отнесены небольшие фрагменты костей и позвонки. По 68 костям были восстановлены размеры пойманных рыб (табл. 56).

Среди остатков есть как полупроходные (осетр, нельма, чир, налим), так и туводные (окунь, язь, щука). Река Полуй заморная, поэтому ловля всех рыб возможна с начала весны и до середины зимы, причем раньше начинают ловиться туводные виды. При наличии на реке в окрестностях поселения живунов (что, впрочем, маловероятно) туводные виды могли ловить и всю зиму. Ловля могла производиться разными орудиями и способами — сеткой, запорами, разными ловушками.

Тафономические особенности. Почти весь костный комплекс может быть отнесен к категории кухонных остатков. Вместе с тем есть некоторые особенности видового состава и состава элементов скелета ряда видов. Обращает на себя внимание находка костей ворона. Это не промысловый вид, и добывать его могли для каких-то непищевых целей, возможно, обрядовых. Как уже отмечалось, остатки медведя представлены кальцинированными когтевыми фалангами. Это с большой долей вероятности указывает на осуществление обряда сжигания лапы (шкуры?) медведя. Среди остатков зайца представлены части 3 лап. Вероятно, они специально хранились в каком-то недоступном для собак месте. Обычай хранить отдельные части тела некоторых видов, в том числе и лап зайцев, существует у современных хантов, в частности у хантов реки Юган (полевые материалы П. А. Косинцева). Видимо, такой обычай был и у кого-то из обитателей Зеленого Яра. Находка 4 костей, вероятно, от одной особи собаки, с большой вероятностью указывает на наличие ее погребения.

Особо следует остановиться на кальцинированных костях. Кальцинированными кости становятся при нагревании выше 600° С. В данном случае это возможно только при длительном нахождении в открытом огне-костре, очаге. Отсутствуют обгорелые (карбонатизированные) и частично обгорелые кости, то есть кости, находившиеся в огне непродолжительное

Таблица 56

Восстановленная длина рыб из памятника Зеленый Яр

Виды	Длина, см				
	20–25	35–40	45–50	55–60	65–70
Осетр сибирский	–	–	–	–	1
Нельма	–	–	–	8	3
Чир	–	7	18	–	–
Щука обыкновенная	–	–	5	11	–
Язь	3	–	–	–	–
Налим	–	–	1	2	–
Окунь	9	–	–	–	–

время или при температуре менее 600° С. Отсутствие таких костей также указывает на то, что кальцинированные кости образовались не в результате разведения огня на культурном слое, содержащем кости, так как в этом случае были бы кости, обгоревшие в разной степени. Все это позволяет полагать, что кости специально бросали в огонь, где они находились длительное время. Сжигались кости почти всех видов, что позволяет полагать использование подавляющего большинства костей в качестве топлива. Наиболее вероятно, это было в зимнее время. Исключение составляют когтевые фаланги медведя. Учитывая особое отношение древнего и современного населения Сибири к этому животному (см.: Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири / Инс-т археологии и этнографии Сиб. отд-ния РАН. Новосибирск, 2003), без сомнения, можно полагать, что его когти (в лапе или шкуре) были сожжены в результате особого обряда. Сжигание костей медведя отмечено на Ендырском городке [Косинцев, 2001].

Фаунистический анализ. Видовой состав костных остатков имеет ряд особенностей: доминирование остатков водоплавающих птиц, редкость остатков боровой дичи, отсутствие костей белой куропатки, наличие остатков полупроходных и туводных видов рыб.

Карпологические исследования. В ходе исследования могильника Зеленый Яр в двух погребениях XIII века были найдены растительные макроостатки [Корона, 2005].

Погребение 24. В области живота было найдено скопление семян морошки (*Rubus chamaemorus* L.), включавшее 143 целых семени и более 80 их фрагментов. На многих косточках сохранились остатки мякоти, следов действия пищеварительных ферментов не отмечено. По этим находкам можно с большой долей вероятности определить время погребения. В рассматриваемом районе плоды у морошки созревают в июле. Они без специальной консервации долго не хранятся. Наличие остатков мякоти указывает на то, что ягоды были собраны незадолго до погребения, которое могло быть совершено не ранее июля и позднее августа.

Погребение 25. Под верхним деревянным перекрытием погребения был найден растительный опад. Он включал: веточки различных зеленых мхов (*Bryales*); фрагменты листьев ивы (*Salix sp.*) и брусники (*Vaccinium vitis idaea*); веточки, фрагменты листьев, 2 крылатки и 2 чешуйки березы пушистой (*Betula pubescens*); 1 косточку княженики (*Rubus arcticus*). На основании этих находок можно определить два периода создания погребения: более надежный — широкий и менее надежный — узкий. Широкий период — бесснежный период года, когда эти растительные остатки по разным причинам могли попасть в погребение. Узкий период может быть определен по времени созревания плодов княженики: июль — август.

Изучение археобиологической коллекции показало, что почти все костные остатки являются «кухонными отходами». Значительная часть костей использовалась, вероятно, в зимнее время как топливо. Люди обитали на этом поселении и в зимнее, и в весенне-летне-осеннее время. Одна часть населения могла совершать сезонные миграции на Ямал (весной) и обратно (осенью) вслед за стадами дикого оленя, другая могла жить оседло круглый год. Основными промысловыми видами были северный олень, заяц, а также рыба и водоплавающие птицы. Возможно, население имело домашнего северного оленя. Во время обитания здесь людей, вероятно, была многолетняя (вековая) депрессия численности белой куропатки. Разнообразие промысловых видов (26) указывает на разнообразие орудий и способов их промысла. Выявлены следы некоторых обрядов: сжигание лапы (шкуры?) медведя; хранение лап зайца; специальная добыча ворона; захоронение (?) собаки. В целом полученная картина типична для хозяйства и деятельности населения лесотундры и северной тайги Западной Сибири в начале Средневековья.

Селище Горный Полуй 2 находится в нижнем течении реки Полуй (66°20′ с. ш. 67°45′ в. д., рис. 26). Обследовано А. Г. Брусницыной в 1997 году [Брусницина, И-1999]. По археологическим данным датируется V–IX, XIII–XIV веками. Археозоологическая коллекция состоит из 31 экз. костных остатков. Видовой состав приведен в табл. 41. В шурфе прослежено два слоя.

Слой 1. Найдено: фрагмент нижнего конца метаподии с эпифизом северного оленя; фрагменты бедренной кости северного оленя, метаподии бобра, нижней челюсти соболя и 12 экз. костей млекопитающих, ближе не определимых («сырая» кость).

Слой 2. Найдено: фрагменты пясти северного оленя и нижней челюсти соболя («сырые» кости) и 13 кальцинированных костей млекопитающих, неопределимых.

Городище Питляр находится в районе устья реки Питляр (65°50′ с. ш. 65°55′ в. д., рис. 26). Исследовано А. Г. Брусницыной в 2001 году [Брусницына, 2002]. По археологическим данным датируется VIII–IX веками Археозоологическая коллекция состоит из 315 экз. костных остатков. Они представлены двумя типами

сохранности — кальцинированными и «сырыми». Доминирует последний тип, кальцинированные кости единичны. Следы орудий труда (рубленные, строганные) имеют 9 костей лося и северного оленя; следы прохождения через желудочно-кишечный тракт имеют 2 кости и 2 кости — следы погрызов крупными хищниками (собакой?). Почти все кости млекопитающих представлены фрагментами, целые среди них — зубы и мелкие кости. Большая часть костей птиц и рыб — целые. Видовой состав приведен в табл. 41.

Собаке принадлежит грудной позвонок с приросшим эпифизом и копролит.

Северный олень представлен главным образом фрагментами трубчатых костей (плечевая, берцовая и метаподии) и фрагментами ребер, отдельных позвонков, фаланг, рогов, мелкими костями и 2 зубами.

Лосю принадлежат единичные фрагменты костей всех отделов скелета, кроме туловища.

Лисица представлена позвонком и фрагментом нижней челюсти.

Медведю принадлежат только целые кости передней лапы — карпальные, метаподия и фаланга II.

Заяц представлен двумя фрагментами берцовых костей.

Бобр представлен фрагментом нижней челюсти.

Млекопитающие неопределимые. Среди неопределимых костей доминируют остатки животных, имеющих размеры северного оленя или лося.

Птицы. Кости принадлежат видам разного размера — от куропатки до глухаря.

Найдена кость новорожденной особи северного оленя, что указывает на обитание здесь людей в конце весны — начале лета.

Селище Каксинская Гора 5 расположено на реке Амне, притоке реки Казым (63°41′ с. ш. 67°21′ в. д., рис. 26). Исследовано В. М. Морозовым [Морозов, И-1987]. По археологическим данным датировано VIII–IX веками. Археозоологическая коллекция состоит из 225 экз. костных остатков (табл. 57). Все кости «сырые».

Лось. Найдены почти все кости скелета (табл. 57). Все они являются кухонными отбросами. Количество относительно целых костей весьма велико — 52 %, что связано с большим количеством целых зубов (табл. 58). Если определить долю целых костей без них, то она будет значительно ниже — 39 %, но по сравнению

Таблица 57

Видовой состав и количество костных остатков из памятников зоны северной тайги (в знаменателе минимальное количество особей)

Вид	Памятники*										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Лошадь	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Свинья	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1/1	–
Собака	–	–	–	–	–	–	–	1/1	–	3/1	1/1
Северный олень	–	3/1	126/6	40/6	192/6	4/1	9/1	5/1	4/1	13/2	39/4
Лось	147/6	–	–	42/6	–	12/2	–	–	1/1	12/2	1/1
Песец	–	–	1/1	–	–	–	–	–	–	–	–
Лисица	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	4/2
Волк	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Медведь бурый	–	–	–	1/1	–	–	–	–	–	9/2	–
Соболь	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3/2
Росомаха	–	1/1	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Заяц-беляк	1/1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	4/2
Бобр	12/3	–	–	1/1	–	–	7/1	1/1	–	–	1/1
Морж	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Млекопитающие, ближе не определимые	65	4	5	75	11	–	78	9	–	5	8
Птица (вся)	–	–	1	–	–	–	–	–	1	1	1
Рыба (вся)	–	–	35	–	–	–	–	–	–	–	1

Примечание. * Памятники: 1 — Каксинская Гора 5; 2 — Вож-Пай; 3 — Вермульеган 1; 4 — Каксинская Гора 1 (VI–VII вв.); 5 — Каксинская Гора 1 (XVII–XVIII вв.); 6 — Каксинская Гора 1 (XIX — нач. XX в.); 7 — Пяку-То 1 (кальцинированные кости); 8 — Пяку-То 1 (кость «сырая»); 9 — Лысая Гора; 10 — Ломбовож; 11 — Пельвож.

Таблица 58

Состав и количество элементов скелета (экз.) и степень раздробленности (%) северного оленя и лося

Элемент скелета	Северный олень			Лось	
	А*	Б*	В*	Г*	Д*
Рога	–/1	–/2	–/2	–/1	–/5
Череп	1/–	3/11	–/2	–	–/3
Нижняя челюсть	2/–	4/1	–	–/2	1/10
Зубы	1/–	–	–	1/м	30/2
Позвонки	–/2	2/26	21/6	–/1	–/3
Ребра	–/3	–/11	1/16	–/3	–/2
Лопатка	1/2	3/–	2/1	–/1	1/1
Таз	–/1	–/3	2/2	1/2	–/2
Плечевая	–/3	5/5	–/1	1/2	2/7
Локтевая	–	3/–	2/4	–/1	1/3
Лучевая	–/1	5/12	7/4	–/4	1/7
Бедренная	1/5	2/10	–/3	–/4	–/4
Большая берцовая	–/6	7/15	3/1	–/5	5/8
Таранная	1/–	1/–	4/–	–	9/1
Пяточная	3/1	–	4/–	–	1/3
Запястье и предплюсна	–	7/2	3/–	1/–	11/–
Пястная	–	3/7	5/2	–/1	6/1
Плюсневая	1/1	5/10	1/9	–/3	4/3
Метаподии	–	–/8	–	–/2	2/1
Фаланга I	1/1	2/8	8/–	–/2	–/4
Фаланга II	–	5/–	7/–	1/3	2/1
Фаланга III	–	4/–	3/–	–	–
Всего, экз.	12/28	61/131	73/53	5/37	76/71
Доли, %	30/70	32/68	58/42	12/88	52/48

Примечания. * А — Каксинская Гора 1 (VI–VII вв.); Б — Каксинская Гора 1 (XVII–XVIII вв.); В — Вермульеган 1; Г — Каксинская Гора 1 (VI–VII вв.); Д — Каксинская Гора 5.

В числителе — количество условно целых костей, т. е. собственно целых и крупных фрагментов (см. примеч. к табл. 29); в знаменателе — количество фрагментов.

с другими поселениями она достаточно велика. Почти все кости имеют приросшие эпифизы. Только у берцовой кости один из 5 нижних концов без эпифиза и у метаподий так же. Таким образом, основой хозяйства населения этого поселения был промысел лося, в основном взрослых особей.

Заяц-беляк представлен поясничным позвонком.

Бобру принадлежат фрагменты нижней челюсти и позвонков, тазовой кости, целая и фрагмент плечевой кости, фрагменты двух локтевых и бедренной кости, одна целая большая берцовая кость без эпифизов.

Городище Тавгор-Лор 2 находится на берегу озера Тавгор-Лор, в районе среднего течения реки Казым (63°48′ с. ш. 67°33′ в. д., рис. 26). Исследовано В. М. Морозовым [Морозов, И-1987]. По археологическим данным датируется периодами VI–VII и X–XI веков. Археозоологическая коллекция состоит из 5 экз. костных остатков (табл. 41), которые, скорее всего, относятся к последнему, более позднему периоду, так как они имеют хорошую сохранность. Если бы они относились к раннему периоду, они были бы сильно выветренными, как это имеет место в раннем слое поселения Каксинская гора 1, которое расположено на аналогичных песчаных почвах. Все кости «сырые».

Северный олень представлен нижним концом с эпифизом плечевой кости и половиной диафиза плюсневой кости. Последний является заготовкой для изготовления какого-то орудия, так как у него были сначала обрублены верхний и нижний концы, а затем полученный диафиз был расколот вдоль.

Лосю принадлежит фрагмент диафиза плечевой, верхний конец пястной и целая фаланга II с эпифизом.

Население этого поселения использовало в пищу лося и северного оленя.

Городище Вож-Пай находится на правом берегу реки Оби, около поселка Кушеват (65°02′ с. ш. 65°25′ в. д., рис. 26). Обследовано А. Г. Брусницыной в 1997 году [Брусницина, И-1999]. По археологическим данным датируется IX–XI веками. Археозоологическая коллекция состоит из 8 экз. костных остатков. Видовой состав приведен в табл. 57.

На поверхности городища были найдены 2 фрагмента бедренной кости и фрагмент метаподии (кость кальцинированная) *северного оленя*; фрагмент бедренной кости *росомахи* и 4 неопределимых фрагмента костей млекопитающих (одна кальцинированная). Все кости, кроме отмеченных, «сырые».

Городище Вермульеган 1 находится в низовьях реки Войкар, около поселка Вершина Войкара (65°47′ с. ш. 64°04′ в. д., рис. 26). Костные остатки были собраны Е. И. Кочеговым [Кочегов, Федорова, И-1993] во время разведочного маршрута из разрушенного культурного слоя, датированного X–XI веками. Были отобраны только крупные, относительно целые кости, поэтому степень их раздробленности невелика (табл. 58). Археозоологическая коллекция состоит из 168 экз. костных остатков (табл. 57). Все кости «сырые».

Северному оленю принадлежат почти все остатки (табл. 57), и среди них есть кости всех отделов скелета (табл. 58). Следы погрызов собакой имеют 4 кости; среди позвонков 3 разрублены поперек и 1 вдоль тела; у 13 из 15 ребер отрублены головки, а у 7 из них — нижние концы; разрублены в латеро-медиальном направлении нижний конец плечевой и верхний конец лучевой костей и в кранио-каудальном — 1 нижний конец бедренной кости; 1 карпальная кость имеет порез сбоку; 1 таранная кость имеет следы воздействия пищеварительных ферментов, и 3 фрагмента плюсневой кости являются расколотыми вдоль диафизами-заготовками; 4 плюсневых, 1 лучевая и локтевая — обработаны в качестве заготовок для изделий.

При разделке тушки отбивались верхние и нижние концы лучевых, бедренных и берцовых костей и метаподий. Последние иногда раскалывались ударами в саггитальной плоскости по верхним и нижним концам. Первый шейный позвонок, вероятно, отрубался с частью черепа. Ребра отрубались у позвонков и у грудины. Тазовые кости разрубались по симфизу, суставной впадине или телу подвздошной кости. Дистальные части конечностей отрезались по запястному и скакательному суставам. При изготовке изделия из диафиза трубчатой (бедренная, лучевая, метаподии) кости у последней подрубался по периметру диафиз около концов и затем он обламывался.

Состояние эпифизов: не имеют дисков 14 позвонков из 21; без бугра 2 из 5 верхних концов лучевой кости; с бугром 4 из 4 пяточных кости; с эпифизами: единственный нижний конец плечевой кости, единственный верхний конец и 2 из 2 нижних конца бедренной кости, 15 из 15 фаланг I и II, 3 из 3 нижних концов берцовой кости; без эпифизов: 1 из 4 верхних концов и 5 из 5 нижних концов лучевой кости, 1 из 5 нижних концов метаподии.

Среди остатков только 1 кость принадлежит особи моложе 2 лет. Особям заведомо старше 2 лет принадлежат 33 кости из 41 (80 %), для которых определен возраст. Несомненно, что населением этого городища в X–XI веках использовались в пищу исключительно взрослые особи северного оленя, который был основой хозяйства.

Песцу принадлежит целая плечевая кость с эпифизами. Находка остатков этого вида указывает на проживание людей в городище в зимнее время.

Млекопитающие неопределимые. По указанной выше причине им принадлежит всего 5 экз. Все они, судя по толщине стенок, принадлежат северному оленю. Следует подчеркнуть отсутствие костей лося. Это не связано с избирательностью сбора, так как они крупнее оленьих и в случае достаточно большого количества их в слое они были бы в сборах. Вероятно, их концетрация в слое поселения очень небольшая.

Рыба. Костей рыб, несмотря на их мелкие размеры, собрано относительно много (табл. 57), что указывает на интенсивное занятие рыболовством населения городища.

Городище Каксинская Гора 1 расположено на реке Амне, притоке реки Казым (63°41′ с. ш. 67°21′ в. д., рис. 26). Исследовано В. М. Морозовым [Морозов, И-1987]. На городище выявлено три разновременных слоя: VI–VII, XVII–XVIII веков, XIX — начала XX века. Археозоологическая коллекция состоит из 378 экз. костных остатков.

Слой VI–VII веков. *Лось* и *северный олень* представлены всеми элементами скелета (табл. 58). Следует отметить примерно равное количество костей этих видов животных. Степень раздробленности костей лося выше, чем костей северного оленя. Доли фрагментов среди их остатков составляют соответственно 88 и 70 % (табл. 58).

Около очага была вскрыта ямка, в которой находился комплекс костей *северного оленя*, включавший череп с рогами и нижними челюстями от особи в возрасте 16–18 месяцев (М/3 не стерт) и целые левые лопатка и пяточная с неприросшим бугром, вероятно, от одной особи.

Медведю принадлежит целая локтевая кость с приросшими эпифизами.

Бобру принадлежит крупный фрагмент черепа.

Можно полагать, что комплекс около очага является культовым и был создан в конце осени или зимой.

Слой XVII–XVIII веков. Найдены только кости *северного оленя* (табл. 57) от всех отделов скелета (табл. 58). Две верхние и две нижние челюсти имеют сильно стертые постоянные зубы, в двух нижних челюстях М/3 прорезался, но не стерт, и две верхние челюсти имеют слабо стертые М/2.

Плечевые кости: 2 из 3 имеют верхний эпифиз, 1 — отпавший верхний эпифиз и 3 из 3 имеют нижний эпифиз. Лучевые кости: 5 из 5 имеют верхний эпифиз, 3 из 6 — нижний эпифиз, 2 отпавших нижних эпифиза. Локтевые кости: 3 из 3 имеют верхний эпифиз. Пястные кости: 4 из 5 не имеют нижнего эпифиза. Бедренные кости: 3 из 4 имеют верхний эпифиз, 2 из 2 имеют нижний эпифиз, 2 отпавших нижних эпифиза. Берцовые кости: 2 из 4 верхних конца имеют эпифиз, 2 отпавших верхних эпифиза, 2 из 4 имеют нижний эпифиз, 1 отпавший нижний эпифиз. Пяточные кости: 3 из 4 имеют бугор, 1 отпавший бугор. Плюсневые кости:

2 из 6 имеют нижний эпифиз. Фаланга I представлена 4 экз. с эпифизом и 3 отпавшими эпифизами. Фаланга II представлена 5 экз. с эпифизом.

Анализ этих данных [Млекопитающие Якутии] показывает, что среди них нет костей, бесспорно принадлежащих особям моложе 1 года. Особям точно моложе 2 лет принадлежит 7 костей и особям старше 2 лет — 36 из 63 (57 %) костей, для которых определен возраст. Есть остатки старых особей.

Таким образом, в XVII–XVIII веках население городища использовало в пищу в основном взрослых особей, а не телят северного оленя. Степень раздробленности костей такая же, как и в предыдущем слое (табл. 58). Судя по состоянию зубной системы [Акаевский, 1939], две особи забиты в возрасте 10–12 месяцев и две особи — в возрасте 16–18 месяцев, то есть в начале весны и в конце осени или зимой.

Слой XIX — начала XX века. Найдены в небольшом количестве кости северного оленя и лося (табл. 57). Они происходят от всех отделов скелета и весьма сильно раздроблены (табл. 58).

Северному оленю принадлежат фрагменты рога, лопатки, метаподии и целая пяточная кость.

Лось представлен фрагментами рога, позвонков, таза, лучевой, локтевой, берцовой, метаподии, фаланги и эпифизом лучевой.

Все костные остатки, кроме явно культового комплекса у очага, являются кухонными отбросами. На памятнике фиксируется три этапа его заселения. В начале позднего железного века (VI–VII вв.) и в этнографическое время (XIX — нач. XX в.) основой питания населения были лось и северный олень, а в конце позднего железного века (XVII–XVIII в.) — северный олень.

Селище Пяку-то 1 находится на берегу озера Пяку-то (63°40′ с. ш. 73°55′ в. д., рис. 26). Исследовано Л. Л. Косинской в 2001 году [Косинская, И-2001]. На памятнике представлены археологические материалы двух эпох — VIII–IX веков, XVIII — начала XX века. Костные остатки представлены двумя типами сохранности — кальцинированными и «сырыми». Первые связаны с очагами кучиминского времени VIII–IX веков, вторые, вероятно, с этнографическим временем VIII–IX веков. Археозоологическая коллекция состоит из 110 экз. костных остатков. Видовой состав приведен в табл. 57.

Очаг 3. *Северный олень* — 6 фрагментов рога, *млекопитающие неопределимые* — 8 экз.

Очаг 4. *Северный олень* — 2 фрагмента рога; *бобр* — по 1 фрагменту ребра, плечевой, берцовой костей и 2 фрагмента хвостового позвонка (эпифизы приросли); *млекопитающие неопределимые* — 55 экз. (есть от животных размером с северного оленя и бобра).

Очаг 4А. *Бобр* — фрагмент нижней челюсти; *млекопитающие неопределимые* — 11 экз. (1 кость от животного размером с лося).

Очаг 6. *Северный олень* — фрагмент фаланги II (эпифиз прирос); *млекопитающие неопределимые* — 4 экз.

Яма 8 (кости «сырые»): *северный олень* — фрагмент бедренной кости (верхний эпифиз прирос) и фрагмент фаланги I; *млекопитающие неопределимые* — 2 фрагмента.

В культурном слое: *собака* — фрагмент ребра (кость «сырая»); *северный олень* (кости «сырые») — фрагменты пяточной, пястной костей и фаланги I (эпифиз прирос); *бобр* — фрагмент хвостового позвонка (эпифиз не прирос), кость кальцинированная; *млекопитающие неопределимые* — 7 фрагментов (кость «сырая»).

В изученном комплексе примечательно большое количество костей бобра в очагах. Возможно, это специфическая традиция жителей этого поселения.

Городище Усть-Войкар 1 расположено на левом берегу реки Горной Оби, чуть выше устья озера Войкарский Сор (65°10′ с. ш. 64°40′ в. д., рис. 26, 36) и представляет собой холм, сложенный остатками хозяйственно-бытовой деятельности человека [Брусницына, 2003; 2005]. Раскопки проведены Ямальской археологической экспедицией под руководством Н. В. Федоровой [Федорова, И-2004, И-2005а, -2; И-2006, И-2007]. По дендрохронологическим данным исследованная часть городка датируется от конца XIII до начала XX века [Федорова, И-2005б]. Культурный слой сложен главным образом остатками древесины (фрагменты деревянных построек, щепа, опилки, ветки и т. д.), что привело к формированию мерзлого культурного слоя. В слое находятся кости млекопитающих, птиц и рыб; встречаются скопления сфагнума, копролиты, шерсть животных, перья птиц, трутовики, семена морошки и других растений. Кроме этого были найдены единичные фрагменты бивней мамонта. Археозоологическая коллекция состоит из 18 399 экз. костных остатков.

В 2003 года были заложены небольшие раскопы на вершине и вниз по склону до подножия. Вскрытая часть слоя этого года датируется по дендрохронологии от начала XV до начала XVIII веков. В 2004 году на вершине холма (верхняя площадка) были вскрыты несколько построек, датированных от начала XVII

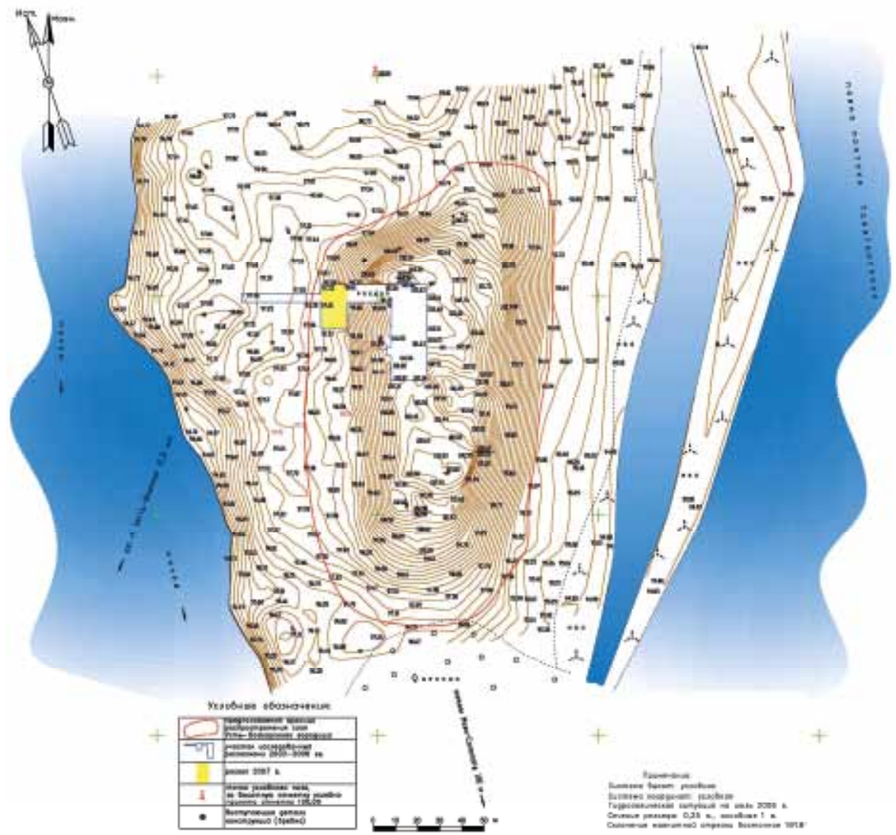


Рис. 36. Городище Усть-Войкарское. Вид холма с СЗ и план памятника

Таблица 59

Видовой состав и количество костных остатков из разных построек городища Усть-Войкар 1

Вид	Кон. XVII — нач. XVIII в.		XVII в.		XIV в.	
	№ 2	№ 6	№ 7	№ 8	№ 10	№ 11
Лошадь	–	–	–	–	3	2
Свинья	1	–	–	6	–	2
Собака	23	1	–	16	–	10
Северный олень	784	123	1	375	26	119
Лось	12	3	–	3	–	2
Волк	2	–	–	3	–	–
Песец	38	–	1	36	2	13
Лисица	11	–	–	5	–	9
Соболь	1	1	–	2	–	1
Росомаха	4	–	–	–	–	–
Горностай	4	–	–	1	–	–
Заяц-беляк	50	7	–	37	7	17
Бобр	9	2	–	5	3	11
Нерпа кольчатая	5	–	–	–	–	–
Млекопитающие неопределимые	174	6	–	97	–	9

до начала XIX века. В 2005–2008 годах было продолжено их изучение, как верхней площадки, так и слоя на склоне, а раскоп у подножия холма (нижняя площадка) вскрыл постройки конца XIII — начала XIV века. Таким образом, на верхней площадке вскрыты отложения начала XVII — начала XIX века; на нижней площадке — отложения начала XIV — конца XVIII века и на склоне — отложения XV–XVIII веков. Общие результаты определения костных остатков из раскопов на этих участках приведены в табл. 59, 60. Результаты комплексных исследований Усть-Войкарского городка отражены в публикациях [Лобанова, 2003; Федорова, 2004; Брусницина, 2005; Гурская, 2008; Бачура, 2008; Бачура, Некрасов, 2010 и др.].

Млекопитающие. Всего было собрано 14 891 экз. костей млекопитающих. Обращают на себя внимание находки единичных костей лошади в материалах XIV–XV веков (табл. 59). По типу сохранности они не отличаются от остальных костей из данного горизонта, что с большой долей вероятности позволяет полагать, что они синхронны. В таком случае это самые ранние находки лошади на севере Западной Сибири. Они могут свидетельствовать о достаточно устойчивых контактах коренного населения региона с русскими и/или коми, так как в Северном Приуралье к этому времени уже разводили крупный и мелкий рогатый скот, свинью и лошадь [Косинцев, 1992]. Население городка начиная с XVI–XVII веков, возможно, разводило свиней, на что указывают находки в этом слое костей от эмбриона свиньи. В течение всего периода существования на поселении содержали собак. Значительная часть костей северного оленя, несомненно, принадлежит домашней форме.

Крупный рогатый скот. Фрагмент большой берцовой кости найден под дерном в раскопе основания холма; фрагмент ребра и фрагмент большой берцовой кости — в раскопе на вершине холма; одна целая фаланга I — в раскопе в основании холма (табл. 60). Все кости найдены в материалах, которые датируются концом XVIII — началом XIX века.

Мелкий рогатый скот. Найдены две целые таранные кости в раскопе на вершине и в основании холма. Эти находки происходят из материалов, которые датируются концом XVIII — началом XIX века (табл. 60).

Вероятно, крупный и мелкий рогатый скот появляются на территории городища только в XIX веке.

Лошадь. Найдены единичные кости лошади (табл. 59, 60). В материалах на верхней площадке определены фрагмент лопатки, ребра и бедренной кости и целая таранная кость. В материалах в основании холма определены 2 фрагмента лопаток, черепа, тазовой кости, 2 целых зуба и тарзальная кость. В материалах на склоне холма найдены целый резец, p4/ и целая тарзальная кость. В материалах из постройки № 11 определены целый p2/, а также фрагмент ребра; из постройки № 10 — фрагменты черепа, лучевой кости, резца. В итоге, кости лошади присутствуют в отложениях XIV, XV и конца XVIII века. Доля остатков лошади незначительна, не более 0,2 % (табл. 63).

Свинья. Единичные кости свиньи найдены почти по всей площади раскопа, всего — 38 экз. В постройке № 2 найдена целая таранная кость, а в том же слое на верхней площадке — целый клык свиньи (табл. 59, 60). Большая часть костей происходит с участка верхней площадки вокруг постройки № 8. Среди них присутствуют в основном фрагменты черепов, нижних челюстей и зубов. Найдены отдельные фрагменты бедренных и плечевых костей. Состояние зубной системы свидетельствует о том, что большая часть животных была забита в возрасте 1,5 лет. Найдены плечевая и лучевая кости эмбриона свиньи в раскопе на склоне холма, это может указывать на то, что ее разводили на территории поселения в период существования данных отложений (XVI век), а не привозили из другого места. Один из двух фрагментов черепа найден на вершине холма, второй — в основании холма. В постройке № 11 были найдены фрагмент диафиза бедренной кости и нижний конец плечевой кости.

Собака. Всего собрано 309 экз. Остатки собаки найдены во всех слоях и по всей площади раскопа (табл. 59, 60). Среди остатков представлены все элементы скелета, большая часть костей — целые. Найдено 5 почти полных скелетов (в том числе новорожденной особи). Кости принадлежат в основном взрослым животным. Есть остатки новорожденных и молодых животных. На отдельных костях имеются погрызы и следы пребывания в желудочно-кишечном тракте. Остатки собаки составляют очень малую долю от числа всех остатков млекопитающих. Небольшое количество и незначительная фрагментация костей собаки свидетельствует о том, что остатки происходят от павших животных. Собак, скорее всего, не употребляли в пищу, и они не были культовыми животными.

Северный олень. Этому виду принадлежит подавляющее большинство костных остатков. Северный олень играл важную роль в хозяйстве населения городка в течение всего периода времени (табл. 59, 60). Среди остатков представлены все элементы скелета (табл. 61). Почти все кости раздроблены.

Таблица 60

Видовой состав и количество костных остатков млекопитающих на участках вне построек городища Усть-Войкар 1

Вид	Вершина		Склон		Подошва холма
	XVIII — нач. XIX в.	Кон. XVI — XVII в.	XVIII в.	Нач. XV в.	XIV–XV вв.
Крупный рогатый скот	3	–	1	–	–
Мелкий рогатый скот	–	–	1	–	–
Лошадь	4	–	1	–	8
Свинья	3	18	5	2	1
Собака	36	32	43	4	30
Северный олень	2 393	975	1 337	231	665
Лось	28	32	36	26	79
Песец	106	68	114	36	63
Волк	1	2	5	–	–
Лисица	62	25	23	5	14
Медведь бурый	1	–	1	–	1
Соболь	6	18	34	10	24
Росомаха	4	3	2	2	2
Горностай	24	4	3	–	2
Ласка	–	1	–	–	–
Заяц-беляк	198	146	61	18	62
Белка	8	1	2	1	1
Бобр	15	13	32	13	47
Морж	–	1	–	–	–
Лахтак	1	–	–	–	–
Млекопитающие неопределимые	737	448	267	133	271

В материалах Усть-Войкарского городка найдено довольно много фрагментов рогов. Они составляют до 7 % от всех остатков северного оленя. Большая часть рогов несет следы обработки. На них имеются многочисленные порезы, у части зашлифована поверхность.

Черепа представлены мелкими фрагментами и зубными рядами. Остатки черепа немногочисленны. Нижних челюстей довольно много и сохранились в основном фрагменты резцово-диастемной области и зубные ряды.

Позвонков, в том числе и атлантов, относительно других отделов тела очень мало. Часть из них разбита или разрублена вдоль на две части. Есть некрупные фрагменты. Небольшое количество позвонков целые. У ребер отломлена или отрублена головка и присутствует преимущественно средняя часть кости. Ребра составляют значительную долю от костей северного оленя.

У лопаток отрублены или отломлены суставные области. Часть лопаток северного оленя обработаны или представляют собой фрагменты изделий с одной сильно заточенной стороной (вероятно, нож). Почти все они найдены в материалах 2008 года (XIX век). На многих из них имеются погрызы собак.

Тазовые кости представлены преимущественно фрагментами вертлужной впадины или подвздошной кости. В редких случаях имеются фрагменты седалищной кости. Следов обработки или каких-либо других повреждений на этих костях не отмечено.

На трубчатых костях имеются отдельные погрызы собак. Плечевые кости представлены преимущественно фрагментами диафиза или дистального конца; лучевые — в основном фрагментами диафизов, проксимальный и дистальный конец присутствуют в равном количестве. Локтевых костей относительно немного и в основном это фрагменты сустава.

Бедренные кости представлены преимущественно фрагментами диафизов. Большие берцовые кости присутствуют также преимущественно в виде фрагментов диафизов, но имеется и довольно значительное количество дистальных концов. Количество фрагментов бедренных и больших берцовых костей в большинстве случаев совпадает с количеством фрагментов плечевых и лучевых костей.

Метаподии, пястные и плюсневые кости раздроблены на три части (проксимальный конец, диафиз и дистальный конец). Все три части присутствуют примерно в равной степени. Фрагментов диафизов несколько больше, вероятно, в силу того, что их дробили сильнее, чем другие части метаподий. Количество пястных костей в большинстве случаев соответствует количеству плюсневых. Найдены фрагменты изделий из метаподий. В целом количество метаподий заметно меньше, чем количество трубчатых костей, хотя степень раздробленности одинаковая.

Пяточные кости немногочисленны. Часть из них целые, часть фрагменты. При этом, как правило, отбит верхний конец. Таранные кости преимущественно целые, кости запясти и заплюсны — также. Фрагменты встречаются в основном среди центральных костей заплюсны.

Почти все первые и вторые фаланги пальцев разбиты. Третьи фаланги очень малочисленны и преимущественно целые. Сесамовидные кости целые, многие из них несут следы пребывания в пищеварительном тракте (возможно, из желудка собак).

Следы разрубания несут 2 грудных позвонка и фрагмент лучевой кости из раскопа на склоне холма, 7 шейных позвонков, фрагмент крестца, коленной чашечки и фрагмент лучевой, а также большой берцовой кости из раскопа на верхней площадке и фрагмент плечевой кости из постройки № 8.

Анализ соотношения отделов скелета показывает, что наименьшую долю в остатках составляют кости головы и максимально представлены проксимальные отделы конечностей (табл. 61). Доли фрагментов головы и рогов практически одинаковые (табл. 61), это может свидетельствовать о том, что рога отрубались уже непосредственно на поселении. Вероятно, часть голов отчленялась от туловища за пределами городища, хранилась где-то в другом месте и использовалась, возможно, в ритуальных целях. Вероятно, за пределами поселения отрубалась и часть нижних частей ног (голень и стопа). Остальная часть туши северного оленя разделывалась непосредственно на поселении. Соотношение отделов скелета со временем изменяется незначительно (табл. 61). Все время существования городка преобладают кости проксимального отдела конечностей. Несколько выше доля туловищного отдела тела в XIV и XVI веках. Но это, скорее всего, связано с более маленькой выборкой материалов этих веков по сравнению с материалами других веков.

Состав и характер раздробленности костей скелета северного оленя в данном памятнике в целом не отличается от таковых в других памятниках тундровой и лесотундровой зоны [Косинцев, 2006].

С помощью методики Г. А. Клевезаль [Клавезаль, 1988] был определен возраст и сезон забоя северного оленя [Бачура, 2008]. Были получены следующие результаты. Северных оленей на городище Усть-Войкар 1 в период с XV по XIX век забивали в возрасте от 0,5 до 6 лет. Наибольшее количество особей забивалось в возрасте 1,5 лет (41 %) и не достигших одного года (34 %). Небольшая часть остатков приходится на особей в возрасте 2,5–3 лет (20 %). Особям 5–6 лет принадлежит лишь 5 % остатков. Преобладание практически одной возрастной группы среди остатков оленя, тем более молодых особей, может служить косвенным показателем того, что население городища Усть-Войкар 1 имело дело с домашней формой северного оленя. Наиболее вероятно, что северного оленя забивали с сентября по декабрь. Лишь четыре зуба принадлежали особям, которых забили летом. Возможно, эти кости происходят от павших животных. Такая сезонная структура забоя животных может указывать на существование у населения городка начиная с XV века традиции массового осеннего забоя оленей. Это также может отражать и добычу диких оленей, приходящих на зимовку в северную тайгу. Возможно, присутствовали оба эти процесса. Наличие развитого оленеводства и отсутствие особей, забитых в зимне-весеннее время, указывают на то, что домашних оленей зимой и весной практически не забивали. Дикий олень мог мигрировать около городка осенью, а зимой и весной отсутствовал здесь, иначе он был бы в составе добычи. Вероятно, осенью в окрестностях городища численность дикого северного оленя была небольшой. Все это с большой вероятностью указывает на то, что почти все остатки северного оленя из городища Усть-Войкар 1 принадлежат домашней форме.

Таблица 61

Соотношение отделов скелета северного оленя в остатках в различные периоды существования городища Усть-Войкар 1 (%)

Отдел скелета	Века					
	XIX	XVIII	XVII	XVI	XV	XIV
Рога	7	6	5	6	7	4
Голова	5	4	5	0	4	3
Туловище	20	20	28	41	28	32
Проксимальный отдел конечностей	45	41	42	34	46	38
Дистальный отдел конечностей	23	16	20	19	16	23
Количество остатков (экз.)	2 787	2 518	1 288	67	410	117

Среди остатков присутствуют кости от животных очень крупных размеров и относительно мелких. Это говорит о том, что здесь обитали две формы северного оленя — лесная и тундровая.

Видовой состав костных остатков диких млекопитающих типичен для северотаежной зоны Западной Сибири (табл. 60). В настоящее время здесь отсутствует бобр, истребленный в XIX веке. В материалах конца XIII — начала XIV века среди остатков довольно большое количество костей лося, которое уменьшается в более поздние периоды. Вероятно, это связано с вековой динамикой численности вида в позднем голоцене [Косинцев, 1997б]. В заметных количествах добывались заяц и пушные виды: песец, лисица, соболь, волк, росомаха, горностай (табл. 60).

В течение всего периода существования городища важную роль в питании населения принадлежала северному оленю, так как большая часть костей животных принадлежит этому виду. Жители городка, несомненно, и добывали дикого северного оленя, и содержали домашнего. Из-за невозможности различить дикую и домашнюю формы сложно оценить соотношение охоты и оленеводства. Среди остатков северного оленя, лося присутствуют все элементы скелета — свидетельство того, что туши этих животных разделывали и утилизировали на территории городища.

Среди диких животных наиболее многочисленны остатки зайца-беляка и песца. Наличие остатков песца указывает на зимнюю охоту, так как песец заходит на данную территорию только в зимний период. Об этом же говорит и большое количество костей зайца.

Структура промысла млекопитающих была одинакова во все рассмотренные периоды существования городища — всегда преобладали «мясные» виды, а доли остальных групп были примерно равны (табл. 64).

Лось. Остатки лося найдены по всей площади раскопа, кроме постройки № 10 (табл. 59, 60). Среди остатков представлены все элементы скелета. Все кости фрагментированы, кроме отдельных костей запястья, заплюсны и фаланг пальцев. На отдельных костях имеются порезы, погрызы и следы пребывания в желудочно-кишечном тракте. Две кости (лопатка и плечевая) содержат следы разрубания. Две кости (лопатка и грифельная) обработаны. Соотношение костей одноименных элементов скелета, найденных в материалах городища, пропорционально соотношению этих элементов в одном целом скелете. Это может свидетельствовать, что лосей, скорее всего, разделывали на территории городища.

Наиболее заметная роль лося в хозяйстве населения Усть-Войкарского городка была в XV–XVI веках (табл. 63). В другие периоды существования городка доля лося в промысловой деятельности была очень низкая.

Песец. Остатки песца довольно многочисленны и найдены по всей площади раскопа и во всех слоях (табл. 59, 60). Постепенно от слоев XIV века к слоям XVI века доля остатков песца растет, а затем снова падает (табл. 63).

Среди остатков представлены все элементы скелета. Целыми являются нижние челюсти, позвонки, часть тазовых костей, лопатки, ребра, зубы и дистальные отделы конечностей. Все остальные кости фрагментированы. Часть клыков и нижних челюстей имеют отверстия и, вероятно, использовались как подвески. Количество костей головы (черепа и нижние челюсти) примерно в два раза больше, чем костей в других отдельно взятых отделах скелета. Вероятно, часть тушек разделывалась за пределами поселения, а часть — на территории городища.

Волк. Единичные кости волка происходят из слоев 1–2 и 3 на склоне холма, то есть остатки волка присутствуют только в отложениях XVII и XVIII веков. Найдены целые коренные зубы, один резец, фрагменты черепа, лучевой и локтевой костей, целые атлант, ребро, метаподии, таранная и первая фаланга.

Лисица. Кости лисицы найдены по всей площади раскопа (табл. 59, 60). Наибольшее количество происходит из 3-го слоя на вершине холма. Среди остатков присутствуют все элементы скелета. Большая часть костей целая. Раздробленными являются лишь небольшое количество трубчатых костей. Судя по малочисленности остатков в течение всего периода существования вскрытых отложений и малой степени раздробленности, лисица не имела заметного промыслового значения для населения городища.

Две таранные кости и одна нижняя челюсть служили подвесками.

Бурый медведь. Найден фрагмент ребра на вершине холма и один фрагмент лопатки бурого медведя у подножья холма (табл. 59, 60). Нижний конец плечевой кости и вертлужная впадина тазовой кости в основании холма. Таким образом, остатки медведя найдены только в материалах XVIII и XIX веков.

Соболь. Остатки соболя найдены по всей площади раскопа (табл. 59, 60). Среди остатков представлены целые трубчатые кости, тазовые кости, лопатки, фрагменты черепов и целые нижние челюсти. Подавляющее большинство остатков (50 %) — нижние челюсти. Многие из них (27 %) имеют отверстие у основания венечного отростка. Эти кости, вероятно, использовали как подвески. Соболя добывали весь период существования городища, но в небольшом количестве. Вероятно, соболь не имел большого промыслового значения. Скорее всего, судя по составу элементов скелета, найденных в раскопках, тушки соболя разделывали за пределами поселения, отделяя шкуру вместе с головой от туловища, последние и приносили на поселение.

Горностай. Остатки горностая найдены преимущественно на верхней площадке в 3-м слое и в постройках № 2 и 8 (табл. 59). Среди остатков преобладают целые черепа и нижние челюсти, присутствуют также целые плечевые, бедренные, большие берцовые и тазовые кости. В хронологическом отношении остатки горностая найдены только в материалах XVII и XVIII века. Доля остатков этого вида менее 1 %. Вероятно, специально промысел на этот вид не вели.

Ласка. Найден один целый клык ласки. Скорее всего, остатки этого вида попали на поселение случайно.

Росомаха. Единичные остатки росомахи присутствуют преимущественно в материалах XVIII века (табл. 60). Найдены отдельные целые трубчатые кости, метаподии, тазовые кости и лопатки.

Таблица 62

Видовой состав и количество костных остатков птиц и рыб из городища Усть-Войкар 1 в разные хронологические периоды

Вид	Нач. XIX в.	XVI–XVII вв.	XV в.	Кон. XIII — нач. XIV в.
Птицы				
Краснозобая гагара	–	1	–	1
Лебедь-кликун	3	2	–	4
Серый гусь	1	–	1	3
Белолобый гусь	1	1	1	1
Гуменник	2	–	–	19
Чирок свистунок	–	–	–	2
Кряква	1	–	–	2
Шилохвость	1	–	–	2
Широконоска	–	–	1	1
Хохлатая чернеть	–	–	–	1
Белая куропатка	32	17	11	14
Глухарь	16	3	–	4
Орлан белохвост	–	–	–	6
Тетеревятник	1	–	–	1
Белая сова	1	1	–	–
Серый журавль	–	–	–	1
Серебристая чайка	–	–	–	1
Рыбы				
Сибирский осетр	10	2	1	–
Стерлядь	–	–	–	1
Нельма	9	29	3	17
Щокур	1	–	–	–
Щука	22	10	3	21
Язь	1	–	3	3
Карповые неопр.	–	–	3	1
Налим	50	9	3	15
Окунь	–	–	–	2

Заяц-беляк. Остатки зайца найдены практически везде (табл. 59, 60), что может свидетельствовать о том, что промысел на него велся весь период формирования исследованных отложений. Среди остатков представлены все элементы скелета. Соотношение элементов скелета зайца в пределах нескольких объектов (построек № 2 и 8, верхняя площадка 2004 и 2005 годов раскопок) соответствует соотношению костей в одном скелете. Это свидетельствует о том, что приносили целые тушки зайцев на поселение и здесь их разделывали. Остатки принадлежат новорожденным, молодым и взрослым особям.

Целыми найдены нижние челюсти, ребра, позвонки и дистальные отделы конечностей. Черепа и проксимальные отделы конечностей сильно фрагментированы. На нескольких костях имеются следы воздействия пищеварительных соков. Скоплений черепов и лап зайца-беляка не выявлено.

Белка. В материалах 1–2-го горизонта найдены фрагмент черепа, 4 целые нижние челюсти, целая плечевая и лучевая кости, фрагменты плечевой, большой берцовой и тазовой костей (табл. 60). Ее остатки присутствуют в материалах начиная с XVII века и позднее.

Бобр. Остатки бобра найдены практически во всех стратиграфических единицах. С глубиной увеличивается как абсолютное, так и относительное количество остатков бобра (табл. 59, 60). Остатки представлены всеми элементами скелета, среди которых 27 % составляют целые таранные кости; и 20 экз. таранных костей представляют собой изделия (подвески). Найдено довольно большое количество плечевых костей (13 % от общего числа), все в основном целые. Много также больших берцовых костей (10 %), у которых отбита верхняя половина. Остальных костей очень мало: 3 фрагмента черепа (зубные ряды), 2 фрагмента зубных рядов нижней челюсти, 3 нижние челюсти с отбитой резцовой областью, 2 челюсти с отбитыми венечными отростками. Позвонки, ключицы, фаланги пальцев, большая часть ребер целые. Количество их очень небольшое. Скорее всего, тушки бобра разделывались преимущественно за пределами поселения. На территорию городища приносили в основном конечности бобра.

Нерпа кольчатая. Остатки этого вида найдены в постройке № 2: фрагмент тазовой кости от молодой особи, фрагмент тазовой кости от взрослой особи, фрагмент крестца и 2 поясничных позвонка.

Лахтак представлен фрагментом черепа.

Морж. Была найдена целая центральная кость заплюсны.

Три последних описанных вида животных были привезены, вероятно, с берега Карского моря.

Птицы. Костные остатки птиц во все исследованные хронологические периоды составляют в среднем не более 7 % (996 экз.) от общего количества костей (табл. 62). В основном представлены охотничье-промысловые виды — 94 % от общего количества костей птиц. Это говорит о том, что велась охота на птиц: в зимнее время на глухарей и куропаток, а в весенне-летний период — на водоплавающую и околоводную птицу. Доля остатков первых составляет 63 % (табл. 65), то есть основной промысел птицы проводился в зимнее время. Небольшое количество водоплавающей и околоводной птицы может быть связано с небольшим числом охотников, проживавших летом в городке. Наиболее вероятно, что весной большая часть населения городка мигрировала с оленями в тундру. Среди остальных видов обращает на себя внимание относительно большое количество костей орлана-белохвоста в слое конца XIII — начала XIV века (табл. 62).

Рыбы. Находки костей рыб также немногочисленны, всего собрано 2 504 экз. костных остатков, из них определено 219 экз. По видовому составу ихтиофауны можно сказать, что она речная и старичная.

Таблица 63

Соотношение костных остатков млекопитающих в различные периоды существования городища Усть-Войкар 1 (%)

Вид	Кон. XVIII — нач. XIX в.	Нач. XVIII в.	XVII в.	XVI в.	XV в.	XIV в.
Крупный рогатый скот	0,03	–	–	–	–	–
Мелкий рогатый скот	0,1	–	–	–	–	–
Лошадь	0,2	–	–	–	1	1
Свинья	0,1	0,2	1	2	–	1
Собака	3	1	3	1	2	2
Северный олень	84	82	74	56	66	65
Лось	2	1	2	10	10	1
Песец	3	5	6	12	9	7
Волк	0,1	0,2	0,3	–	0,1	–
Лисица	1	2	2	2	0,5	4
Медведь бурый	0,1	0,03	–	–	–	–
Соболь	1	–	1	3	3	1
Горностай	0,2	0,6	0,3	–	–	–
Росомаха	0,2	0,1	-	1	0,3	–
Заяц-беляк	3	6	10	10	4	11
Белка	0,2	0,1	0,1	–	–	–
Бобр	1	1	1	6	4	6
Морж	–	–	0,1	–	–	–
Лахтак	–	–	0,1	–	–	–
Нерпа	–	0,2	–	–	–	–
Количество остатков	3 936	3 197	1 818	121	763	178

Таблица 64

Соотношение остатков различных групп млекопитающих в разные периоды существования городища (%)

Группы	Века					
	XIX	XVIII	XVII	XVI	XV	XIV
«Пушные»	4	7	12	16	9	17
«Мясо-пушные»	5	8	9	18	13	13
«Мясные»	90	85	79	66	78	70
Количество остатков (экз.)	3 785	3 144	1 745	119	743	169

Примечания. * «Пушные» — песец, лисица, волк, соболь, росомаха, горностай; «мясо-пушные» — заяц-беляк и бобр; «мясные» — северный олень и лось.

Исследованный остеологический материал показывает, что объектом промысла были как минимум восемь видов рыб, которые и сейчас встречаются в Обско-Иртышском бассейне (табл. 62). Вылов основной массы рыбы мог производиться с весны до начала зимы, то есть в незаморное время. В зимнее время небольшое количество рыбы могли вылавливать в зимовальных ямах.

Анализ археозоологического материала. В целом состав фауны типичен для лесотундровой зоны Западной Сибири, но в настоящее время здесь отсутствуют бобр и соболь, истребленные в конце XVIII — начале XIX века. Часть бивня мамонта, видимо, была найдена и принесена на поселение для изготовления поделок. Наличие единичных костей домашних животных говорит о связях местного населения с русскими или комизырянами, разводившими этих животных. На территорию поселения, скорее всего, привозились части туш этих животных или изделия из их костей. Например, найденная в слое подвеска, изготовленная из таранной кости овцы. На этом этапе раскопок недостаточно материала, чтобы говорить о содержании местным населением, по крайней мере, в поздний период существования городка, домашних животных (например, свиней). Жители городка содержали собак, о чем свидетельствует наличие костей и копролитов, принадлежащих этому виду, а также большого количества костей северного оленя со следами погрызов.

На данном этапе раскопок можно сказать, что северный олень играл важную роль в питании населения городка, так как большая часть костей животных принадлежит этому виду. Наличие всех элементов скелета северного оленя (табл. 61) говорит о том, что туши оленей разделывались и утилизировались на месте. Среди его остатков доминируют кости верхних частей ног, а костей головы меньше всего.

Рыба также являлась важной частью пищевого рациона жителей. Костей и чешуи рыб довольно много в культурном слое вскрытой части холма, кроме того, было отмечено скопление рыбьих костей, обнажившееся при осыпании верхнего слоя в юго-восточной части холма.

Трудно сказать сейчас о направлении промысловой деятельности местных жителей (помимо добычи северного оленя). Очевидно, добывались все пушные виды млекопитающих, но нельзя говорить сейчас об объеме промысла тех или иных видов. Небольшое количество костей таких традиционно промысловых видов для севера Западной Сибири, как заяц, песец и белая куропатка, возможно, связано с тем, что была вскрыта лишь малая часть территории городища (табл. 65). А возможно, причина в том, что Усть-Войкар находится на границе лесотундры и северной тайги, и массовые зимние миграции этих видов могли не доходить до этой территории.

Анализ костного материала из последних раскопок (2007 г.) говорит о том, что основу пищевого рациона жителей составляли северный олень и рыба.

Состав промысловых видов и их соотношение с очевидностью указывают на то, что основной промысел проводился с конца осени до весны. Структура промысла млекопитающих оставалась постоянной на протяжении всего изученного отрезка времени. Об устойчивости структуры промысла птиц и рыб судить сейчас трудно из-за небольшого объема материала.

Таблица 65

Соотношение остатков разных промысловых групп животных в разные периоды существования городища Усть-Войкар 1

Группа	Нач. XIX в.		XVI–XVII вв.		Нач. XV в.		Кон. XIII — нач. XIV в.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Птицы								
Водоплавающие и околоводные*	9	**16**	4	**15**	0	**0**	43	**70**
Глухарь	16	**28**	3	**13**	0	**0**	4	**7**
Белая куропатка	32	**56**	17	**71**	11	**100**	14	**23**
Всего	59	**100**	25	**100**	11	**100**	68	**100**
Рыбы**								
«Ценные породы»	20	**22**	31	**62**	4	**25**	18	**32**
«Неценные породы»	73	**78**	19	**38**	12	**75**	42	**68**
Всего	93	**100**	50	**100**	16	**100**	60	**100**

Примечания. * Водоплавающие и околоводные птицы — краснозобая гагара, лебедь-кликун, серый гусь, белолобый гусь, гуменник, чирок-свистунок, кряква, шилохвость, широконоска, хохлатая чернеть, серый журавль, серебристая чайка.

** «Ценные породы» — осетровые и лососевые виды рыб; «неценные» — все остальные виды рыб.

Городище Лысая Гора расположено в нижнем течении реки Сыни, около поселка Ямгорт (65°10′ с. ш. 64°45′ в. д., рис. 26). Материал собран Е. И. Кочеговым [Кочегов, Федорова, И-1993] из разрушенного слоя эпохи позднего железного века (табл. 57). Археозоологическая коллекция состоит из 6 экз. костных остатков. Все кости «сырые».

Северному оленю принадлежат фрагменты ребра, берцовой кости и фаланги II, а также нижний конец пястной кости с эпифизом.

Лось представлен фрагментом грифельной кости.

Селище Ломбовож находится на реке Ляпин (63°40′ с. ш. 61°00′ в. д., рис. 26). Сбор костного материала с поверхности разрушенного культурного слоя проведен Е. А. Жирных в 2003 году [Жирных, 2004]. Датируется XVI–XVII веками. Археозоологическая коллекция состоит из 43 экз. костных остатков. Все кости «сырые». Видовой состав приведен в табл. 57.

Свинье принадлежит фрагмент клыка.

Собака представлена целой нижней челюстью и фрагментами двух плечевых костей.

Северному оленю принадлежат фрагменты ребер, метаподий, бедренной, берцовой, пяточной костей и целая копытная фаланга.

Лось представлен целым молочным зубом; фрагментами ребер, лучевых, локтевых, бедренных, берцовых костей и фаланги I (верхние эпифизы у лучевой, бедренной и фаланги приросли).

Медведю принадлежат три целых нижних челюсти; фрагменты черепа, двух ребер, плечевой, большой и малой берцовых костей. Кости медведя разбиты в древности, на берцовой кости следы погрызов хищниками (собакой?).

Городище Пельвож (Полуйский городок) находится на протоке около поселка Пельвож (66°15′ с. ш. 66°40′ в. д., рис. 26). Исследовано А. Г. Брусницыной в 1997 году [Брусницина, И-1999]. Это исторический остяцкий городок XVI–XVIII веков. Археозоологическая коллекция состоит из 63 экз. костных остатков из шурфов и поверхностных сборов (табл. 59). Сохранность костей одинаковая — это «сырые» кости. Подавляющее большинство костей представлено фрагментами; на 3 костях следы погрызов хищниками (собакой?); на 3 костях следы орудий труда (рубленые, резанные).

Собака представлена пяточной костью, испытавшей воздействие огня.

Северному оленю принадлежат: кости от всех отделов скелета — череп, позвонки, ребра, лопатки, трубчатые кости, метаподий, карпальных и тарзальных костей, фаланг. Целые среди них только пяточная, таранная, две фаланги и ребро.

Лось представлен только фрагментом лопатки.

Песец представлен целой и фрагментом нижних челюстей, клыком и фрагментом лопатки.

Соболю принадлежат почти целые череп и две нижние челюсти.

Заяц представлен фрагментами ребер, лопатки, плечевой и локтевой костей.

Бобру принадлежит погрызенный фрагмент бедренной кости.

Млекопитающие неопределимые. Фрагменты костей принадлежат животным размером с северного оленя.

Рыба представлена нижней челюстью щуки.

***

В завершение представления палеоэкологических источников с аборигенных памятников археологии мы попытались сделать анализ исторических источников и археозоологических данных о промысловой деятельности коренного населения севера Западной Сибири.

Тундровая зона. Данных о промысловой деятельности населения тундровой зоны очень мало. Основным типом археологических памятников в тундре являются кратковременные стоянки периода VI–XI веков. На данный момент на этой территории исследованы лишь три более долговременных сезонных поселения XII–XIV веков — Тиутей-Сале 1, Ярте 6 и Бухта Находка (табл. 23). Следует заметить, что малое число памятников других периодов возможно, связано не с их отсутствием, а со сложностью их идентификации. В памятниках более позднего времени отсутствует такой индикатор, каким являются фрагменты керамических сосудов. Это может являться следствием либо радикальной трансформацией культуры, и материальной в частности, аборигенного населения, либо сменой древнего населения, приходом иноэтничного населения с другим хозяйственным укладом. А возможно, одновременным развитием двух этих процессов. Кроме того, широко

известны случаи совпадения ненецких стоянок XIX–XX веков с местами стоянок древнего населения (как это зафиксировано на стоянке Мутная 1 и на памятниках Полярного Урала и др.). Возможно, часть материалов с подобных памятников периода XIV–XVIII веков исследователями не дифференцирована, и часть археозоологических материалов может принадлежать и стоянкам более позднего времени.

Судя по палеоэкологическим источникам, видовой состав промысловых видов животных не менялся во все хронологические периоды, и основным промысловым видом являлся северный олень (табл. 25). На сегодняшний день определить принадлежность его костных остатков к дикой или домашней форме невозможно. Никаких достоверных археологических данных о наличии домашнего оленеводства в период до XVI века на сегодняшний день нет. Все найденные при раскопках археологических памятников детали нарт относятся к таежному типу косопыльных нарт, которые изначально и до настоящего времени являлись и именовались собачьими. Интерпретация костяных изделий (Ярте, Тиутей-Сале 1), отдаленно напоминающих детали недоуздка упряжи оленя, является предположительной. Ни одно из таких изделий не имеет прямых аналогий с деталями оленьей упряжи, бытовавшей в традиционной культуре оленеводов в XVI–XX веках и хорошо известной как по материалам раскопок позднесредневековых памятников (Надымское городище), так и по этнографическим данным [Кардаш, 2009; Хомич, 1966; Историко-этнографический атлас Сибирии др.]. В большей степени эти детали находят аналогии с деталями упряжи оленя-манщика [Попов, 1948]. Все это позволяет определить близость хозяйства аборигенного населения тундры Ямала до XVI века к культуре аборигенов-охотников на дикого северного оленя. На сегодняшний день данных для окончательного решения этой проблемы недостаточно.

Все археологические памятники на Ямале приурочены к морским побережьям либо берегам крупных рек с развитой сетью притоков и озер. Огромные пространства внутренних тундр не были заселены и практически не посещались вплоть до XIX века, судя по отсутствию там археологических памятников. Это является свидетельством либо отсутствия транспорта, либо отсутствия промысловых ресурсов. По-видимому, к XVI–XVII векам в тундре уже обосновалось постоянное население, которое осуществляло сезонные миграции в ее пределах. Оно должно было иметь активные связи с жителями лесотундровой и таежной зон, а вероятно, и шире, поскольку природные ресурсы тундровой зоны ограничены отсутствием природных материалов, необходимых для изготовления орудий и других предметов жизнеобеспечения. Это подтверждается археологическими материалами, в частности, городища Бухта Находка.

В 1928 году тундровое население только на полуострове Ямал составляло на севере 24 хозяйства, на западном побережье — 330 хозяйств и на восточном побережье — 284 хозяйства [Евладов, 1992]. В XVII–XVIII веках число хозяйств в тундре, вероятно, было значительно меньше. Несомненно, они вели промысел тех же видов, что и население тундры в XX веке: дикого северного оленя, песца, нерпы, лахтака, моржа, белого медведя, а летом — птицы [Евладов, 1992; Чернецов, 1935].

Вопрос о степени развития у них рыболовства остается открытым. Костных остатков рыб мало, но эта особенность может быть связана со способами утилизации и особенностями нахождения в культурном слое. Выявленная ранее связь мест расселения жителей тундры с морским побережьем и крупными реками и озерами неслучайна и, вероятно, обусловлена не только наличием транспортных путей, но и возможностью рыбного промысла. Тем более что даже у современных жителей Ямальской тундры, несмотря на наличие оленьих стад, в летнее время места стоянок привязываются к местам промысла рыбы.

Судя по находкам довольно большого количества костей рыб и рыболовных снастей (поплавков и грузил) на зимнем сезонном поселении городища Бухта Находка, можно говорить о значительной роли рыболовства для населения не только в летнее, но и в зимнее время.

Лесотундровая зона. Археологических памятников лесотундровой зоны выявлено и изучено раскопками относительно немного, тем не менее объем палеоэкологических данных с них достаточно велик (табл. 23, 24). Большинство этих памятников представляют собой сезонные поселения, функционирующие длительный хронологический период.

Данный факт, по нашему мнению, является отражением особой экологической ситуации, сложившейся в бассейнах больших рек, таких как Надым, Полуй, Пур. Это наличие природных материалов для изготовления жилищ и орудий для охоты, рыболовства и хозяйственной деятельности, а также большое число промысловых ресурсов, сосредоточенных на этой территории, особенно в зимнее время, когда происходят массовые миграции в эту зону основных промысловых животных (северного оленя, зайца, песца, куропатки).

Следует отметить еще одну особенность этих материалов. Практически все они происходят с городищ, являющихся вождескими центрами территориальных общин, где помимо промысловой деятельности жителей городков осуществлялись торгово-меновая и ритуальная практика с участием общинного населения территорий. Но среди памятников лесотундровой зоны практически нет небольших поселений и промысловых сезонных стоянок общинного населения, что связано со слабой изученностью территории, которая вызвана ее труднодоступностью даже в настоящее время. Это является характерной особенностью лесотундровой зоны, передвижение по которой, в отличие от передвижения по тундре, ограниченно.

Промысловую деятельность населения этой зоны достаточно полно освещают археозоологические данные. Значительная часть древнего населения лесотундры вела кочевой образ жизни, связанный с сезонными миграциями промысловых животных. Зимой в лесотундре в основном добывали дикого северного оленя, зайца, белую куропатку, песца, а также все промысловые виды животных, обитавшие в лесотундровой зоне: лося, лисицу, волка, медведя, росомаху, бобра, соболя, выдру, белку, горностая. Охотились на боровую дичь, ловили рыбу (кроме периода замора). В летний период основным добываемым видом был северный олень, кроме того, охотились на бобра и перелетную птицу.

Судя по имеющимся археозоологическим материалам, в разные хронологические периоды на этой территории можно констатировать различия в количественном и качественном составе добываемых видов. Эти различия связаны как с естественными причинами (динамикой численности различных видов), так и с антропогенным воздействием (перепромыслом бобра и соболя). Таким образом, промысловая и хозяйственная деятельность в разные хронологические периоды на памятниках, функционировавших в разные сезоны, имела свои специфические особенности.

Северная тайга. Немногочисленность выявленных памятников и костного материала с них (табл. 23) не позволяет в данный момент говорить о полноценных исследованиях северо-таежных территорий. Мы можем лишь представить имеющийся материал и сформулировать выводы, которые носят предварительный характер.

Накопление костного материала на поселениях происходит при их длительном функционировании, что связано с удачным природным расположением. Большая часть исследованных археологических объектов сосредоточена на реке Оби и в районах нижнего течения ее крупных притоков (Казыма, Амни, Войкаре и др.). Базовым памятником этой зоны является городище Усть-Войкар. Судя по особенностям палеоэкологической коллекции и характеру культурного слоя и артефактов, мы можем говорить о близости палеоэкологического окружения и системы хозяйства населения этого региона к памятникам лесотундровой зоны.

Тем не менее ландшафтная ситуация зоны северной тайги имеет свои особенности. Это территория таежных лесов и лесистых болот с редкими открытыми пространствами, что не могло не сказаться на системе расселения древнего населения.

Тайга является основным местообитанием многих видов животных. Из пушных видов это в первую очередь соболь, куница, бобр, белка. Среди копытных это прежде всего лось. Здесь же обитает таежный подвид северного оленя, который отличается от тундрового тем, что не совершает дальних откочевок. В тайге много боровой дичи, добыча ее возможна во все сезоны. Такие особенности вкупе с труднопроходимыми пространствами ведут, с одной стороны, к большей обеспеченности ресурсами, с другой — исключают необходимость дальних сезонных миграций. На этом основании можно было бы ожидать большей плотности населения в северной тайге, однако памятников выявлено крайне мало, что отражает слабую изученность региона. Отметим следующие особенности исследованных памятников.

Основным промысловым копытным был северный олень. Остатки лося преобладают на некоторых памятниках (Каксинская Гора 1, 5), но по причине небольших выборок говорить о массовой добыче этого вида невозможно. Все пушные виды добывались в небольшом количестве. Основными пушными видами были песец и лисица (городище на Усть-Войкар 1), в меньшей степени бобр и соболь, однако оценить характер пушной охоты не представляется возможным. Из птиц добывалась в основном боровая дичь. Производился лов рыбы, причем население верховьев рек ловило ее на местах зимовок всю зиму. Видовой состав и соотношение видов с памятников северной тайги не имеет резких отличий таковых с памятников других ландшафтных зон. Это подчеркивает близость системы жизнеобеспечения и промыслово-хозяйственной деятельности населения всех этих зон.

Несмотря на малочисленность памятников в таежной зоне, здесь есть самые ранние памятники в регионе, относящиеся к эпохе неолита, каменному веку. Но видовой состав животных здесь схож с более поздними, что позволяет говорить о неизменности системы хозяйства и промысла на протяжении довольно длительного времени.

В свою очередь, возникает вопрос: в чем причина малого количества добываемого лося и пушных видов? Возможно, лось не был важным промысловым объектом, поскольку численность его в этой зоне значительно колеблется, и, в отличие от северного оленя, охота на него не была важным элементом хозяйства. Промысел пушных видов также не играл значительной роли в экономике, по крайней мере до XVI–XVII веков. Таким образом, можно сказать, что населением использовались не все пищевые и пушные ресурсы территории. Либо часть этих животных не была включена в хозяйственный цикл, и не было соответствующих традиций и орудий лова, либо промысел этих видов имел определенную специфику и осуществлялся в специальных местах добычи и утилизации. В этой связи возникает вопрос: откуда происходило заселение таежной зоны? Возможно, из регионов, где эти виды активно не добывались, аналогично тому, как наличие китов в Байдарацкой и Обской губах не спровоцировало развитие китобойного промысла на Ямале.

Таким образом, на территории всех ландшафтных зон мы видим близкий видовой состав промысловых животных и, соответственно, схожую систему промыслово-хозяйственной деятельности. Главным промысловым животным всех выделенных ландшафтных зон является северный олень, среди пушных видов это песец. Добыча пушных видов значительно увеличивается и достигает наибольшего развития в XVI–XVII веках с приходом в регион североевропейского населения, когда появляется спрос на все виды мехов. Тогда же в культуру входят специфические орудия лова на этих животных. В этот период происходят заметные динамические изменения в количественном и качественном составе промысловых животных, промысел приобретает товарную направленность. Появляется такая отрасль, как оленеводство.

Исходя из археологических и палеоэкологических данных, полученных на территории Ямала и сопредельных лесотундровой и северо-таежной зон, мы можем говорить о наличии комплексного промыслово-оленеводческого хозяйственного уклада аборигенного населения в период с XVI века. Раньше хозяйство местного населения было ориентировано на промысел дикого северного оленя и в гораздо меньшей степени пушных животных. Не следует исключать и сосуществование различных этнических групп с разной системой хозяйства на одной территории, как это описывал Ламартиньер для XVI века Большеземельской тундры.

3.2. МАТЕРИАЛЫ ПАМЯТНИКОВ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ XVI–XIX веков

Содержащиеся в ряде документальных источников данные о новгородских и московских военных походах XI–XV веков на север Сибири [Щеглов, 1993] в настоящее время не нашли своего отражения в археологических источниках. Сегодня довольно хорошо известны и изучены археологические памятники последнего этапа освоения и колонизации региона государством Московским с конца XVI века, но неизвестно ни одного археологического объекта, созданного североевропейским населением до этого времени. Присутствие этого населения на севере Сибири до конца XVI века не является достаточно обоснованным. О. В. Кардаш предпринял попытку обосновать непосредственные торговые контакты аборигенного населения севера Западной Сибири с европейским населением в XIII–XIV веках и связать один из периодов создания части сооружений Надымского городка второй половины XV века с московскими походами на Югру и Самоядь [Кардаш, 2011а, б]. Надо признать, что это первая попытка, и она требует дополнительной доказательной базы для введения ее в научный оборот.

В конце XVI века за удивительно короткие сроки — пятьдесят лет — на Севере Сибири были построены первые русские города и остроги. Это свидетельствовало о появлении постоянного русского населения, которое быстро адаптировалось и сформировало приемлемое для себя хозяйство в суровых условиях севера. Однако система жизнеобеспечения первых русских поселений изучена пока поверхностно и в основном по письменным источникам. Причиной этого является недостаточная археологическая исследованность памятников обозначенного периода. Пока на всем протяжении севера Западной Сибири стационарные раскопки проводились только на шести памятниках, в числе которых три уездных города: Мангазея, Старотуруханск, или Новая Мангазея, Березов; остроги Казымский и Ляпинский; село Обдорское.

Русское население городов состояло из административного, служилого, промышленного, купеческого, духовного, ремесленного и посадского люда [Миненко, 1975]. В северных городах постоянно проживала определенная группа населения, которая, кроме торговли, ремесла и службы, занималась скотоводством, рыбным промыслом и в меньшей степени охотой. Основой питания этого населения были привозные товары, главным образом мука, и местные продукты животноводства, охоты и рыболовства.

Наибольший интерес представляет животноводство как один из традиционных видов хозяйства русского населения. До прихода русских аборигенное население имело из домашних животных собаку и, возможно, северного оленя. Поэтому местных основ для формирования типичного животноводства у пришлого населения не было, и оно перенесло весь комплекс животноводства из исходных регионов. Заселение севера Западной Сибири происходило преимущественно из русских поселений северо-восточных территорий государства Московского [Буцинский, 1999б; Шунков, 1946]. Эти районы характеризуются достаточно суровым климатом, к которому были адаптированы как отдельные виды домашних животных (крупный и мелкий рогатый скот, лошадь, свинья, домашняя птица), так и вся система животноводства. Поэтому адаптация к новым условиям была облегчена. Тем не менее она, вероятно, была достаточно тяжелой, так как природа севера Западной Сибири заметно отличается от севера России не только большей суровостью климата, но и специфическими природными условиями. Полученные в ходе археозоологических исследований данные по начальному этапу животноводства на севере Западной Сибири позволяют выявить особенности его адаптации к новым условиям.

Материалы археологических раскопок позволили получить некоторые данные о номенклатуре привозных продуктов, но основную часть полученных в ходе археологических раскопок материалов составляют новые данные, позволяющие реконструировать жизнеобеспечивающие отрасли хозяйства русских северных городов.

Городище Мангазея. Памятник расположен в северной части Западно-Сибирской равнины на правом берегу реки Таз (66°42′ с. ш. 82°16′ в. д., рис. 26, 37), на мысу, образованном руслом реки и правым берегом ее притока — реки Мангазейки, в 8,5 км к северу от поселка Сидоровска. Мангазея — первый русский город Сибирского Заполярья, основанный в 1601 году и оставленный жителями в 1672 году. Археологические исследования осуществлялись в 1946 году В. Н. Чернецовым и в 1968–1970 и 1973 годах экспедицией Арктического и Антарктического научно-исследовательского института под руководством М. И. Белова. Стационарные комплексные археологические раскопки возобновились в 2001 году Г. П. Визгаловым и С. Г. Пархимовичем [Визгалов, Пархимович, 2008].

В период с 2001 по 2011 год была собрана археозоологическая коллекция, состоящая из 61 506 экз. костных остатков. В культурном слое также найдено 7 фрагментов бивня мамонта, они имеют плейстоценовый тип фоссилизации и использовались жителями городка для изготовления поделок. Кроме того, за период с 2001 по 2004 год было собрано: 137 образцов культурного слоя; 143 образца волос человека; 67 образцов шерсти животных; 4 образца перьев птиц; 71 копролит; скелеты и чешуя 28 особей рыб шести видов; 13 палеоэнтомологических образцов; 38 образцов семян и скорлупы орехов.

В лабораторных условиях были проведены карпологический, палеоэнтомологический, гельминтологический анализы.

Результаты комплексных исследований городища Мангазея отражены в археологических отчетах и публикациях [Визгалов, И-2000; И-2001; И-2002; И-2003; И-2004; И-2005; И-2006а; И-2006б; И-2008а; И-2009а; И-2010-1; Пархимович, И-2012; Косинцев, 2001; 2002; Косинцев, Лобанова, 2005а; Визгалов, 2005; Визгалов, Пархимович, 2008 и др.].

Анализ состава культурного слоя городища позволяет выделить ряд факторов его формирования: плотницкая деятельность; разделка рыбы, боровой и, вероятно, водоплавающей птицы; очистка хлева; место содержания собак; свалки бытового мусора и кухонных отбросов. Использование отдельных участков исследованной территории мало менялось во времени. Некоторые найденные комплексы, например скопление костей и щепы под развалом печи в кочевой постройке, указывают на изменение в использовании части территории: сначала было место для мусора, позднее на нем поставили постройку.

Культурный слой по своей природе очень разнороден. На большей части вскрытой площади основу его составляют отходы деревообработки. Вероятно, они целенаправленно использовались для замостки проходов между домами. В ряде случаев зафиксированы концентрации бытового мусора и навоза. До настоящего времени русское население в деревнях сваливает их в одну кучу. Заметных концентраций костных остатков не выявлено. Они дисперсно распределены по слою, но их количество и состав заметно различаются по раскопу. Возможно, кроме различия в функциональном использовании разных участков территории существовали различия по сезонам использования (жилой в один сезон и нежилой — в другой), а также по уровню (богатые — бедные) или образу (туземцы — русские) жизни людей на них.

Млекопитающим принадлежит наибольшее количество костных остатков — 21 611 экз. Из них 4 159 экз. не удалось определить полностью. При этом можно сказать, что это преимущественно небольшие фрагменты трубчатых костей крупных животных (свиньи, северного оленя, крупного рогатого скота).

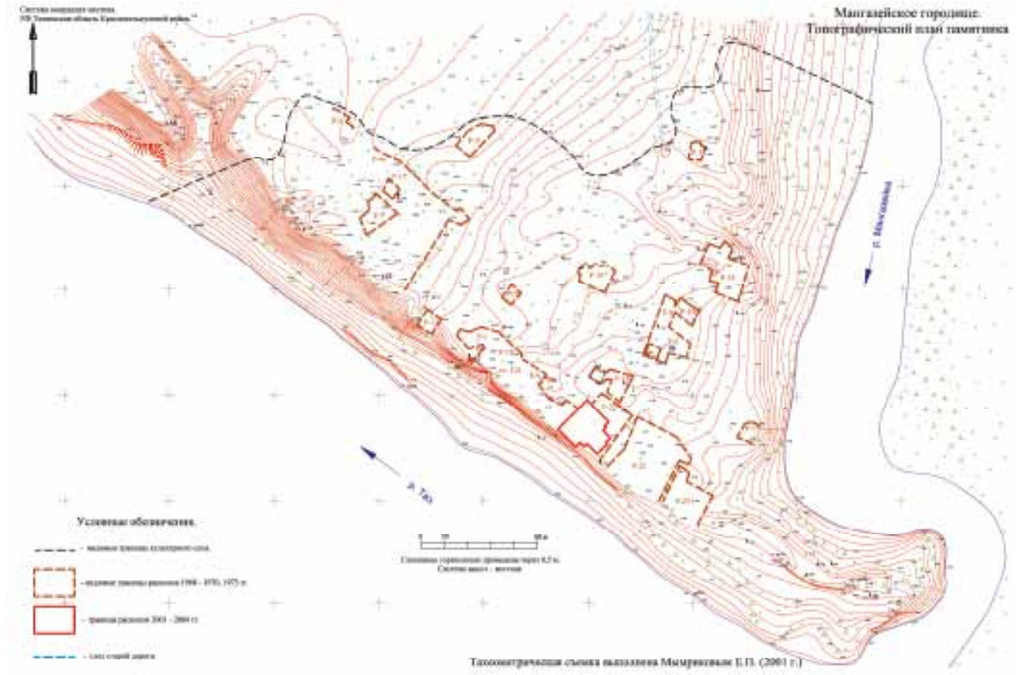


Рис. 37. Городище Мангазея. Общий вид и топографический план памятника

1

2

3

4

5

6

Рис. 38. Городище Мангазея. Костные остатки: *1* — часть скелета кошки; *2* — череп собаки; *3* — шкура медведя; *4* — скелет птицы; *5* — захоронение собаки; *6* — скелет кошки

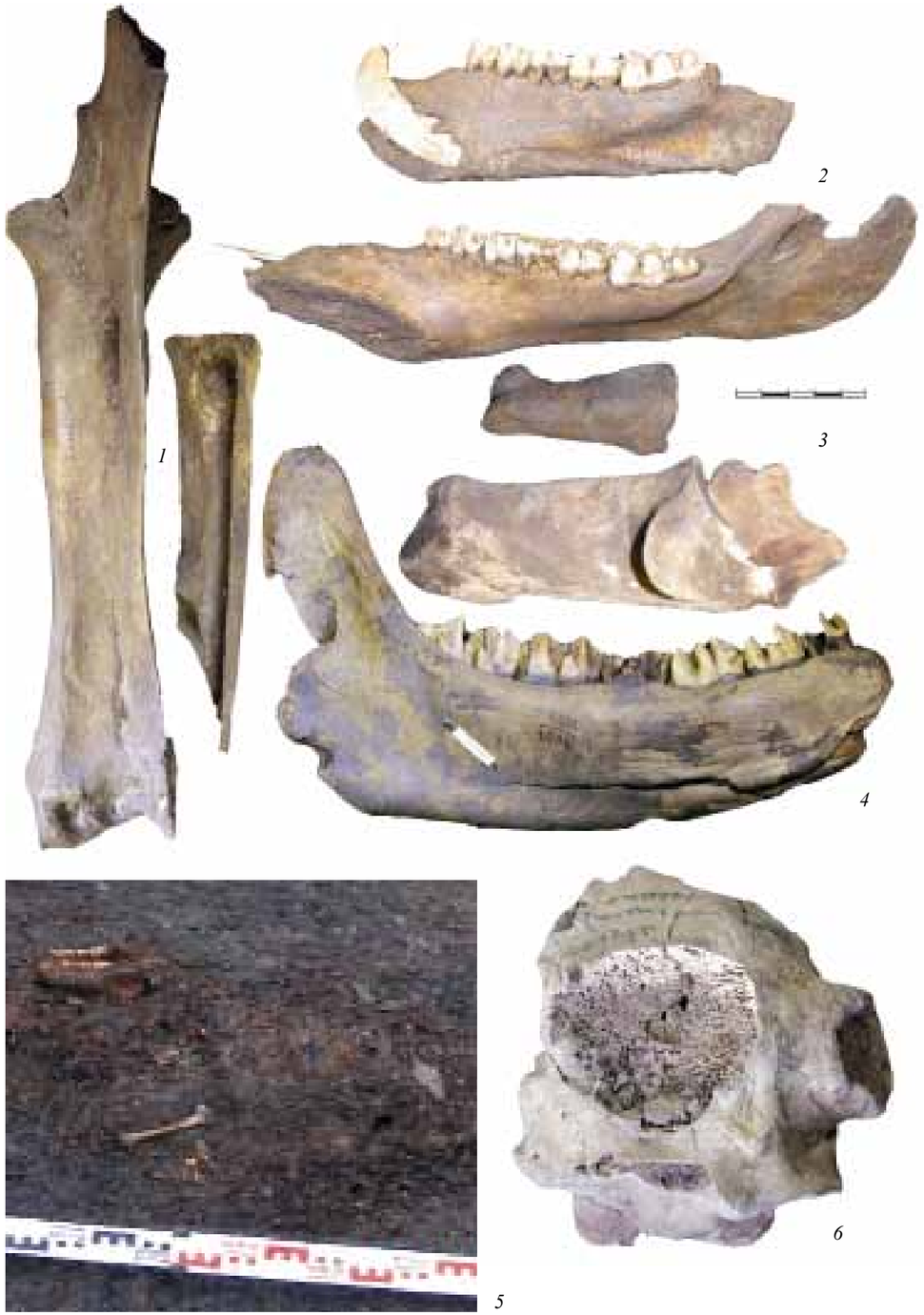


Рис. 39. Городище Мангазея. Костные остатки: *1* — трубчатые кости коровы; *2* — нижние челюсти свиньи; *3* — фаланга I и пяточная кость лося; *4* — нижняя челюсть коровы; *5* — челюсти коровы в слое; *6* — череп северного оленя

Крупный рогатый скот. Материал приведен в табл. 66, рис. 39-*1*, *-4*, *-5*. Этому виду принадлежит 5 % костей от всех остатков млекопитающих. Кости крупного рогатого скота обнаружены во всех частях раскопа, при этом их относительно больше в верхних (4 и 5) строительных ярусах (рис. 39-*5*) и совсем немного в нижних, хронологически более ранних. Раздробленность костей довольно велика, целые составляют около 18 %, но, как правило, это изолированные зубы или мелкие кости дистальных отделов конечностей — кости запястья и заплюсны, фаланги пальцев, реже метаподии. Практически все трубчатые кости, ребра, позвонки, фрагменты черепа, нижние челюсти носят следы разделки; большое число костей погрызено собаками (как правило, это эпифизы трубчатых костей и позвонки). Часть костей отличается крупными размерами, и, возможно, они принадлежали быкам. Около 10 % костей принадлежит молодым и полувзрослым животным, но встречаются и кости новорожденных особей. Представлены все отделы скелета (табл. 67).

Лошадь. В Мангазее найдено всего 7 костей лошади — резец, тазовая кость, фрагмент большеберцовой кости, пясть, плюсна со следами обработки, фаланги I и II. Все кости происходят от вполне взрослых особей. Эти находки указывают на наличие лошадей в Мангазее, но не позволяют даже приблизительно оценить их численность.

Свинья. Материал представлен в табл. 66, 68. Этот вид доминирует среди крупных млекопитающих. Кости свиньи обнаружены во всех частях раскопа, представлены все элементы скелета (табл. 68), но относительно больше частей головы — черепов, нижних челюстей, зубов (рис. 39-*2*) и осевого скелета (ребер и позвонков). Среди костных остатков встречаются кости новорожденных особей — около 1 % и полувзрослых животных — около 10 %. Раздробленность костей довольно велика; целые в основном изолированные зубы, мелкие кости дистальных отделов конечностей и фаланги пальцев. Остальные кости являются фрагментами, носящими следы разделки и погрызов собак.

Таблица 66

Видовой состав и количество костных остатков млекопитающих из раскопок городища Мангазея в 2000–2011 годах

Вид	Год раскопок										
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2011
Свинья	108	228	512	232	526	362	208	150	353	317	69
Крупный рогатый скот	30	100	82	60	97	120	115	123	202	152	32
Мелкий рогатый скот	–	–	1	2	–	–	–	1	2	–	1
Лошадь	–	1	–	–	1	–	–	1	1	3	–
Собака	2	45	59	56	134	118	39	29	85	84	16
Кошка домашняя	–	–	–	1	–	–	–	2	2	6	1
Северный олень	257	180	196	112	233	300	328	199	437	427	99
Лось	2	6	32	24	18	28	12	4	20	12	19
Песец	9	5	2	3	11	15	16	13	21	23	1
Лисица	–	–	–	–	3	2	3	–	2	–	–
Волк	–	–	–	1	1	–	1	1	–	1	–
Медведь бурый	–	1	3	1	1	4	3	–	3	6	2
Росомаха	1	–	5	–	19	1	–	1	–	–	–
Соболь	–	–	1	–	1	–	–	–	1	–	–
Горностай	–	–	2	–	–	3	4	1	7	8	–
Заяц-беляк	276	648	2 433	896	1 011	1 164	580	429	799	1 025	139
Бобр	–	–	1	–	1	1	1	–	1	5	–
Белка	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–
Грызуны (все)	–	2	1	–	–	–	–	–	–	–	–
Морж	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–
Кит гренландский	–	–	–	–	–	–	1	3	5	–	–
Млекопитающие неопределимые	32	217	431	152	335	649	592	172	890	665	24

Таблица 67

Видовой состав и количество костных остатков птиц из раскопок городища Мангазея в 2000–2009 годах

Вид	Год раскопок									
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Чернозобая гагара	–	–	–	8	–	–	–	–	1	–
Черная казарка	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Краснозобая казарка	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–
Серый гусь	2	65	87	11	–	–	–	–	–	–
Белолобый гусь	30	131	40	36	12	11	1	17	18	27
Гуменник	37	25	63	82	–	1 091	1 081	747	1 327	1 548
Пискулька	3	82	94	13	–	197	431	272	417	535
Гусь неопределимый	13	641	1 356	363	1 127	212	26	75	98	145
Гусь домашний(?)	7	–	–	–	–	36	2	43	17	32
Лебедь-кликун	–	3	26	2	4	9	21	7	10	2
Тундряной лебедь	2	1	–	–	–	–	–	–	–	–
Кряква	1	21	59	5	–	6	–	–	5	6
Чирок-свистунок, чирок-трескунок	1	3	18	4	–	2	2	4	–	1
Чирок-клоктун	–	–	–	–	–	–	–	–	2	2
Свиязь	1	4	10	7	–	29	6	42	39	21
Шилохвость	7	34	35	31	–	235	321	320	104	208
Шилохвость-свиязь	–	–	–	–	–	127	–	40	28	89
Широконоска	1	5	30	1	–	4	–	8	23	8
Хохлатая чернеть	–	–	–	–	–	–	5	5	1	3
Морская чернеть	1	3	9	–	–	–	4	–	–	–
Морянка	1	2	11	–	–	–	–	–	–	–
Морские утки (Mergini sp.)	–	–	–	–	–	2	6	–	2	3
Гоголь	–	1	3	1	–	4	3	3	8	1
Гага-гребенушка	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Синьга-турпан	–	–	–	–	–	7	–	10	4	8
Луток	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–
Средний крохаль	–	2	7	1	–	1	–	9	1	–
Большой крохаль	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–
Утки неопределемые	6	94	869	74	221	31	23	19	14	7
Белая куропатка	98	1 347	3 074	1 248	952	2 124	691	465	1 369	820
Тундряная куропатка	–	–	–	2	–	1	–	–	2	–
Рябчик	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–
Тетерев	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–
Глухарь	2	2	12	5	7	10	5	1	10	10
Курица домашняя	1	9	4	4	26	1	6	2	2	7
Серый журавль	–	–	–	1	–	–	1	–	–	–
Орлан-белохвост	–	–	–	–	–	–	12	–	1	2
Чайка озерная	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–
Кулики	–	–	–	1	3	–	–	–	–	–
Чибис	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–
Ворон	–	–	–	–	–	1	–	17	–	–
Птицы неопределимые	–	–	–	8	–	283	–	13	45	39

Овца. Найдены фрагмент рога, нижняя челюсть молодого животного в возрасте около года и 4 таранные кости (альчика). Аналогичные находки известны из других русских и аборигенных памятников севера Западной Сибири этого времени. Часть из них имеет просверленные отверстия. Вероятно, отдельные таранные кости овец имели какое-то значение для населения севера Западной Сибири этого времени и не связаны с овцеводством.

Собака. Материал представлен в табл. 66, 68. Кроме отдельных костей в различных частях раскопа обнаружены несколько почти целых или фрагментов скелетов собак разного возраста от щенков до старых особей (судя по состоянию зубной системы). Эти особи, видимо, были прихоронены на территории городища

Таблица 68

Состав и количество элементов скелета многочисленных видов животных из раскопок городища Мангазея в 2001–2009 годах

Кость	Свинья	КРС*	Собака	Северный олень	Лось	Заяц
Скелет (полный или фрагмент)	1	–	8	–	–	–
Рог	–	12	–	120	2	–
Череп	350	76	20	72	3	317
Нижняя челюсть	247	70	25	63	6	735
Зубы	306	81	11	54	8	138
Подъязычная кость	–	–	–	2	1	–
Атлант	16	6	6	12	1	17
Эпистрофей	1	8	3	7	–	8
Позвонки	250	57	45	120	5	529
Крестец	4	1	1	4	–	12
Ребра	478	144	52	277	24	1 118
Грудина	–	–	1	14	–	9
Лопатка	122	39	9	162	7	576
Плечевая	178	49	16	196	4	535
Лучевая	72	27	13	117	6	534
Локтевая	82	16	17	34	4	407
Тазовая	89	65	13	55	3	427
Бедренная	162	60	15	143	5	634
Большеберцовая	201	46	19	99	10	768
Малая берцовая	51	–	4	–	–	4
Коленная чашечка	0	2	1	4	–	–
Пясть	1	28	–	50	2	29
Плюсна	6	37	8	130	6	77
Метаподии	48	26	27	115	7	672
Грифельная	–	–	–	3	–	–
Пяточная	41	15	5	49	4	185
Таранная	64	11	3	48	2	50
Запястье и предплюсна	29	30	20	93	15	84
Фаланга I	27	36	15	101	8	203
Фаланга II	21	23	8	47	3	48
Фаланга III	11	10	16	11	1	27
Фаланга	2	6	–	28	5	17
Лапа задняя**	–	–	–	–	–	16
Лапа передняя**	–	–	–	–	–	7
Копыто (коготь)	–	–	12	–	1	23
Бакулюм	–	–	2	–	–	–

Примечания. * Крупный рогатый скот.
** Нижняя часть лапы с шерстью.

(рис. 38-*5*). Вместе с тем часть костей собаки имеют следы разделки: обнаружен череп взрослой собаки с нижними челюстями и атлантом, который был отрублен от туловища, а также череп взрослой особи (с разрушенными скуловыми дугами и слуховыми капсулами, левый затылочный мыщелок отбит), голова которой, вероятно, была отрублена. Сохранилось довольно много целых черепов и нижних челюстей (рис. 38-*2*), однако среди абсолютно целых костей в основном позвонки и отдельные зубы, подавляющее большинство трубчатых костей представлено диафизами и фрагментами эпифиза. По абсолютным размерам и пропорциям найденные в Мангазее черепа собак можно разделить на три размерные группы, что свидетельствует о большом разнообразии собак в Мангазее; на это же указывает весьма значительная изменчивость размеров и пропорций верхней челюсти. Часть костей собак погрызена, то есть тела погибших животных не всегда хоронились.

Кошка домашняя. Необычной находкой является практически полный скелет кошки, найденный в нижнем слое дерна (рис. 38-*1*, -*6*). Череп был деформирован, таз и бедро сильно повреждены. На костях остались фрагменты шерсти. Труп был, вероятно, присыпан землей, так как на костях отсутствуют следы погрызов собаками. Кроме того, найдены 3 нижние челюсти, принадлежащие разным взрослым особям и бедренная кость молодого животного.

Северный олень. Материал представлен в табл. 66, 68, рис. 39-*6*. Это второй по численности вид крупных животных. Кости оленя обнаружены в разных частях раскопа, представлены все отделы скелета (табл. 68). Все крупные кости сильно раздроблены, встречаются кости молодых и даже новорожденных особей, но не более 3 % от общего числа. Часть костей погрызена, некоторые рога и лопатки имеют следы обработки. Северный олень, несомненно, широко использовался жителями города не только как пищевой ресурс, но и как транспортное животное. Его рога широко использовались для изготовления различных предметов, о чем свидетельствуют находки роговой «стружки» и рогов со следами обработки. Также использовалась и шкура, о чем свидетельствуют многочисленные находки фрагментов меха.

Лось. Всего обнаружено 143 экз. костей этого вида. Представлены все элементы скелета (табл. 68). За исключением мелких (рис. 39-*3*), все кости представлены небольшими фрагментами и рассредоточены по площади раскопа случайным образом. На костях есть следы порубов и погрызов животными; 1 пястная кость и фрагмент рога имеют следы обработки, 5 костей принадлежали полувзрослым животным.

Заяц-беляк. Материал представлен в табл. 66, 68. Кости зайца встречаются во всех частях раскопа; кроме собственно костных остатков, встречены также когти и клочки шерсти. По количеству костных остатков заяц является самым многочисленным видом на территории Мангазейского городища. Состав элементов скелета представлен в табл. 68. Как видно из таблицы, все элементы скелета довольно многочисленны, помимо отдельных костей сохранилось 16 задних и 7 передних целых лап с шерстью, которые, возможно, использовали в хозяйстве. Степень раздробленности костей сравнительно невелика: практически треть костей целая; трубчатые кости представлены в основном целыми верхними и нижними эпифизами; исключение составляют черепа, количество мелких фрагментов которых достаточно велико. Молодым особям принадлежат 3 % костей. Следы погрызов на костях отсутствуют. По характеру раздробленности трудно однозначно судить о характере использования этого вида, но, скорее всего, заяц использовался одновременно и как источник мяса, и как объект пушного промысла.

Белка представлена фрагментом плечевой кости.

Бобр. Найдены целая и фрагмент нижней челюсти, фрагмент резца, фрагменты плечевой и локтевой костей взрослой особи бобра, а также 4 целые таранные кости.

Песец. Всего обнаружено 95 экз. костей этого вида: 21 фрагмент черепа, 23 нижние челюсти (часть из них лежала вместе с черепами), 8 изолированных зубов, 1 атлант, 1 хвостовой позвонок, 12 ребер, 4 лопатки, 1 таз, 10 плечевых, 5 лучевых костей, 2 локтевых, 2 бедренных, 2 большеберцовых кости и 3 метаподии. Кости слабо раздроблены. Лишь 1 кость принадлежит молодой особи. Преобладают кости головы, остальные элементы скелета малочисленны.

Лисица. Обнаружены 2 фрагмента черепа, нижняя челюсть, клык, фрагменты плечевой и лучевой костей, когтевая фаланга с роговым чехлом. Все кости принадлежат взрослым животным.

Волк. Обнаружен фрагмент хищного зуба, атлант, диафиз большеберцовой кости и фрагмент неприросшего эпифиза молодого животного.

Медведь бурый. Найдены кусок медвежьей шкуры с 4 когтями (фаланги и роговые чехлы, рис. 38-*3*) и еще 12 когтевых фаланг (6 из них с когтями), принадлежащих взрослым животным. Кроме того, в слое обнаружен целый клык взрослого медведя. Все эти находки говорят о том, что кости медведя использовали исключительно в ритуальных целях.

Росомаха. Найдены нижняя челюсть, шейный позвонок, принадлежащие молодой особи, фрагмент лучевой и локтевой костей, целые плечевая, 2 метаподии, фаланги I, II, III.

Соболь представлен фрагментом черепа, фрагментом бедренной кости и поясничным позвонком взрослых особей.

Горностай. Под окладным венцом одной из построек найден неполный скелет взрослого животного, кроме того, обнаружены фрагменты 2 черепов, плечевая и тазовая кости.

Морж представлен одним целым зубом.

Кит (гренландский?). Обнаружен фрагмент межпозвоночного диска молодого кита. Кроме того, в культурном слое найдены фрагменты китового уса.

Птицы. Коллекция костей птиц насчитывает 30 480 костей и их фрагментов. Из них определено до вида 29 029 костей, принадлежащих 38 видам из 4 отрядов; определены до рода 5 711 экз. костей (табл. 67). Все определенные по костям субфоссильные птицы являются обычными видами для этой территории [Некрасов, 2003; Мартынович, 2013].

Комплекс костных остатков птиц из городища Мангазея отличает наличие костей домашние птицы. Основную долю костных остатков представляют кости промыслово-охотничьих видов из отряда гусеобразных (*Anseriformes*) и отряда курообразных (*Galliformes*). Промыслово-охотничьих птиц можно разделить, в свою очередь, на две подгруппы по времени их промысла. К первой подгруппе относятся птицы из отряда гусеобразных — лебедь-кликун, серый гусь, белолобая казарка, гуменник, пискулька, кряква, чирок-свистунок, свиязь, шилохвость, морская чернеть, морянка, средний крохаль, гоголь, широконоска и др., промысел которых ведется в весенне-летний период. Во вторую подгруппу отнесены птицы из отряда курообразных — белая куропатка, глухарь и др., промысел которых ведется в осенне-зимнее время.

На памятнике преобладают кости птиц весенне-летнего периода промысла (особенно гусей — белолобого, гуменника и др.), их процентная доля составляет 57 % от общего числа костей птиц. Основная промысловая птица, добываемая жителями городища зимой, была белая куропатка, доля костей этого вида в разные годы колеблется от 15 до 35 %.

Ко второй группе относится домашняя курица, кости которой найдены на городище при раскопках. Среди определенных костей курицы была найдена бедренная кость (постройка № 2), принадлежащая молодой птице, и цевка, принадлежащая петуху (постройка № 1), и еще 20 костей на всей площади раскопа, принадлежащих несушкам.

Среди видов, не употребляемых в пищу, определены кости орлана-белохвоста, ворона, чайки озерной и куликов (табл. 67). Мы предполагаем, что, кулики и чайки добывались случайно, а добыча хищных птиц связана с проведением культовых обрядов. Наибольший интерес в этой связи представляют находки почти целого скелета ворона в квадрате Н/9.

Рыбы. Коллекция костей рыб насчитывает 9 478 костей и их фрагментов. Из них 3 774 экз. определено до семейства, 1 695 экз. — до рода (род Сиговых — *Coregonus* sp.), 1 761 экз. — до вида. Кости принадлежат 8 видам из 6 семейств рыб (табл. 69). Кости рыб из сборов 2004–2011 годов определены не были.

Кости рыб найдены во всех археологических раскопах (объектах). Все определенные по костям субфоссильные рыбы являются обычными видами для Обско-Тазовского бассейна. С древних времен они были промысловыми видами на водоемах Западной Сибири. Восстановлены размеры ископаемых рыб по классической методике, используемой в таких случаях. Для этой цели исследовали 58 костей рыб (табл. 70). Размер их колебался от 15 до 80 см. Кроме этого, была проведена ретроспективная оценка внутригодовых сроков вылова рыб по 12 586 чешуйкам и их фрагментам. Исследования ископаемой чешуи показали, что массовый вылов рыбы проводился

Таблица 69

Видовой состав костных остатков рыб из раскопок русских поселений

Вид	Памятник*			
	1	**2**	**3**	**4**
Сибирский осетр	230	20	193	2
Стерлядь	–	1	25	–
Нельма	505	11	236	1
Таймень	–	–	5	–
Сиговые (неопределимые)	1 690	–	–	6
Муксун	–	–	5	–
Щука обыкновенная	819	1	75	142
Язь	100	–	4	–
Карась	8	–	–	–
Карповые (неопределимые)	323	–	8	–
Налим	38	10	102	60
Окунь	61	–	4	–
Рыба (ближе не определимая)	371	–	8	117

Примечание. * Памятники: 1 — Мангазея 2001–2003 гг.; 2 — городище Старотуруханское 2009 г.; 3 — городище Старотуруханское 2010 г.; 4 — село Обдорское 2005 г.

в осенние месяцы. Это объясняется биологией лососевых рыб, поднимающихся в этот период года в верховья рек для нереста.

Насекомые (Insecta). В культурном слое Мангазеи были обнаружены немногочисленные остатки насекомых. Эти фрагменты оказались так называемыми пупариями мух, обитавших рядом с человеком. Пупарии — это внешние покровы куколок мух, именно они сохраняются лучше всего.

Таблица 70

Восстановленная длина (см) рыбы из городища Мангазея в 2002 году

Вид	15–20	20–25	40–45	45–50	50–55	55–60	60–65	65–70	75–80	Более 80
Осетр	–	–	–	–	–	–	6	10	11	8
Нельма	–	–	3	5	7	12	10	6	3	–
Щука	–	–	3	7	17	11	7	4	2	–
Карась	2	1	–	–	–	–	–	–	–	–
Язь	3	4	–	–	–	–	–	–	–	–
Налим	–	–	–	–	2	3	4	3	–	–
Окунь	18	7	–	–	–	–	–	–	–	–

По размерным характеристикам и особенностям морфологии они были отнесены к семейству Muscidae, являясь, скорее всего, фрагментами синих падальных мух (род *Calliphora*). Эти насекомые всегда сопутствуют человеку, встречаясь в городах, сельской местности, в окрестностях небольших поселений, стойбищ, мест скопления домашних животных, в том числе оленей. В ряде случаев они могут являться разносчиками инфекционных заболеваний — дизентерии, туляремии и других, особенно когда поблизости есть соответствующие очаги.

Паразитологические исследования. Проведен гельминтологический анализ 31 образца культурного слоя и копролитов. А также изучены 56 образцов волос человека. Проведенные исследования не выявили случаев педикулеза, но показали широкое распространение паразитических червей.

Образец 1. Копролит собаки. Найдено 14 яиц трематоды — *Opisthorchis felineus* и по 1 яйцу *Diphillobathrium latum и Trichocephalus* sp.

Образец 2. Копролит собаки. Найдено 35 яиц трематоды — *Opisthorchis felineus.*

Образец 3. Копролит собаки. Найдено 47 яиц *Diphillobathrium latum.*

Образец 4. Копролит собаки. Найдено 39 яиц трематоды — *Opisthorchis felineus,* 43 яйца *Diphillobathrium latum*, 1 яйцо *Toxocara canis.*

Образец 5. Культурный слой. Квадрат И/4 — 501 см. Найдено 99 яиц *Diphillobathrium latum* и 1 яйцо *Fasciola hepatica*.

Образец 6. Культурный слой. Квадрат В/3–4, щепа. Найдено 14 яиц *Diphillobathrium latum*.

Кошачья, или сибирская, двуустка (Opisthorchis felineus) — паразитическая трематода из класса плоских червей. Паразитирует в желчных ходах печени, желчном пузыре и протоках поджелудочной железы человека, хищных млекопитающих (собака, кошка, лисица, песец, соболь) и свиньи. Промежуточные хозяева: моллюски, рыбы семейства карповых (карась, язь), Человек и животные заражаются, съедая рыбу. Продолжительность жизни описторха — до 20 лет. При большом количестве описторхов в человеке или животном последние могут погибнуть. Описторхоз широко распространен в бассейне рек Обь и Иртыш.

Широкий лентец (Diphillobathrium latum) — паразитическая цестода из класса плоских червей. Паразитирует в тонком кишечнике собак, кошек, лисиц, песцов, соболя, человека и свиньи. Промежуточные хозяева: мелкие рачки — циклопы, рыба (окунь, щука, налим, сиговые). Животные заражаются при поедании рыбы. В них личинка развивается во взрослого червя, достигающего длины до 10 м и имеющего продолжительность жизни (в человеке) до 29 лет.

Токсокара (Toxocara canis) — паразитическая нематода из типа круглых червей. Паразитирует в тонком кишечнике или печени псовых; может заражать человека. Яйца попадают в почву, откуда с пищей попадают в организм животного. Заражение может происходить личинками при каннибализме. Паразит распространяется вместе с собаками.

Фасциола (Fasciola hepatica) — паразитическая трематода из типа плоских червей. Паразитирует в желчных ходах печени коров, овец, свиней, лошадей, диких копытных и человека. Промежуточные хозяева — моллюски. Животные заражаются, съедая личинок вместе с водными растениями. Паразит распространен везде, где есть копытные.

Трихоцефалюс (Trichocephalus sp.*)* — паразитическая нематода из типа круглых червей. Паразитирует в тонком кишечнике собак, лисиц, коров, овец, свиней, лошадей, северного оленя и человека. Яйца попадают на почву, где из них начинает развиваться личинка. Животные съедают их с травой. Паразиты распространены повсеместно, где есть копытные, лисы, собаки.

Изученный материал показывает высокую степень зараженности собак и в целом культурного слоя яйцами гельминтов, прежде всего описторхозом. Очевидно, паразитическими червями были заражены не только собаки, но и коровы, свиньи, северные олени и человек. Однако судить о степени их зараженности сейчас пока невозможно.

Палеоботанические данные. Изучено 39 образцов культурного слоя. Отобранный материал представляет собой либо отдельные находки крупных растительных остатков (орехи, косточки), либо скопления растительных остатков, либо почвенные колонки, отобранные послойно, состоящие из нескольких образцов. Всего выделены семена 42 видов растений, произраставших или завезенных в город.

В девяти образцах из разных участков культурного слоя были обнаружены: 8 целых орехов лещины *(Corylus avellana),* 24 половинки ореха (из них 6 с трещинами и погрызами) и 69 фрагментов скорлупы. Сохранность плодов хорошая, так что видовая принадлежность не подлежит сомнению. Окраска от светло- до темно-коричневой. Скорлупа одного целого ореха имеет повреждения (возможно, от погрызов). Кроме того, в образцах присутствует 9 косточек рода слива *(Prunus*). Вероятнее всего, это косточка сливы домашней — *Prunus domestica*. Косточка светло-коричневая, довольно хорошей сохранности, боковые поверхности потерты, но на них заметны продольные ребра. Можно предположить, что плоды сливы попали в Мангазею в виде сухофруктов.

Таким образом, все рассмотренные выше образцы содержат остатки только двух видов растений: сливы домашней и лесного ореха, которые ни сейчас, ни в исследуемый период не произрастали в данной местности. Это культурные растения, плоды которых издавна использовались в пищу, для этого они и были завезены в Мангазею.

Остатки растений из еще семи образцов культурного слоя приведены в табл. 71.

Пять первых образцов сходны по составу входящих в них остатков растений: здесь есть единичные остатки деревьев — ели, березы и рябины, а в образце № 3 даже фрагмент скорлупы лесного ореха. Много фрагментов семян различных сорных растений (фаллопии, мари белой, гвоздичных, пикульника двунадрезанного, ярутки полевой). Единичны остатки водяники. Встречаются семена дикорастущего злака — полевицы. В трех последних образцах довольно много тегменов злаков, но, к сожалению, точно определить их не представляется возможным. Таким образом, присутствие разнообразных сорных растений указывает на то, что рассмотренные семенные комплексы формировались под влиянием человека. В образце № 6 преобладают семена дикорастущих съедобных растений.

В образце № 7, в отличие от предыдущих, обнаружены остатки культурных злаков, хотя возможно, крупные тегмены злаков из предыдущих образцов тоже принадлежат культурным растениям. Здесь также разнообразнее остатки сорных растений; появляются семена липучки, василька, неслии.

Все многообразие обнаруженных растительных остатков можно разделить на 4 группы.

1. *Остатки культурных растений*, прежде всего это злаки (в основном овес, ячмень встречается единично), кроме того, остатки лещины (орехи), сливы и вишни (косточки).

Овес посевной, *Avena sativa* L., — и в этом его основная ценность — используется как корм для крупного рогатого скота, но его зерно и зеленая масса представляют собой полезный и вкусный корм для всех животных. Благодаря высокому содержанию жира зерно овса очень богато энергией, и поэтому его скармливают лошадям, которые выполняют тяжелую работу. Солома овса бедна кремнеземом, и скот охотно ее поедает.

Ячмень обыкновенный, *Hordeum vulgare* L. Зерно содержит в среднем 12 % белка, 65 % углеводов, 2,1 % жира и идет на приготовление перловой и ячневой круп, суррогата кофе, муки для выпечки лепешек, реже — хлеба, который получается низким, слабопористым, быстро черствеющим из-за невысоких качеств клейковины. Зерно является основным сырьем для пивоваренной промышленности, а также концентрированным кормом для животных, особенно для откорма свиней. Ячменная солома — грубый корм для скота.

2. *Плоды и семена сорных растений*, причем в этой группе встречаются как остатки местных видов (пикульник, фаллопия, марь, ярутка, спорыш, щавель, грыжник, крапива и др.), так и завезенных из более южных районов (неслия, куколь, конопля, овсюг).

3. Многочисленны и разнообразны *остатки местных видов растений, плоды и семена которых человек использует в пищу* (морошка, клюква, черника, голубика, брусника, рябина, черемуха, княженика, кедр сибирский).

4. *Группа остатков* (плоды, семена, хвоя), *характеризующая местную растительность, не связанную непосредственно с человеческой деятельностью* (это различные болотные и околоводные растения, деревья).

Таблица 71

Видовой состав и количество остатков растений из образцов культурного слоя городища Мангазея

Таксон	Номер образца						
	1	2	3	4	5	6	7
Овес посевной	–	–	–	–	–	–	1+45* ч.
Ячмень обыкновенный	–	–	–	–	–	–	1
Злаки (культурные)	–	–	13	40+5*ч.	73+25*ч.	–	85
Лещина обыкновенная	–	–	1*	–	–	–	
Конопля	–	–	–	1*	–	–	23*
Ель сибирская	1 хв.	–	2 в.	1 хв.	-	3 хв.	2 хв.
Береза	–	–	2* соцв.	–	–	–	–
Рябина	–	–	–	–	1	–	–
Голубика	–	–	–	–	–	13	–
Клюква	–	–	–	–	–	7	–
Княженика	–	–	–	–	–	5	–
Морошка	–	–	–	–	–	560	–
Василек	–	–	–	–	–	–	1
Вахта трехлистная	–	–	–	–	–	1	–
Водяника	–	1 л.	2 л.	1 л.	–	–	–
Полевица	1	2	–	2	3	–	39
Гвоздичные	5*	4*	3*	8+18*	1+16*	–	17+32*
Горец развесистый	–	–	–	–	–	–	1*
Гречишка вьюнковая	12*	14*	5+9*	160*	200*	–	5+400*
Гречишка кустарниковая	–	–	–	3*	3*	–	3*
Пикульник двунадрезаный	8*	–	–	1+3*	3+6*	–	4+3*
Зонтичные	–	–	1	–	–	–	1
Капустные	–	–	–	–	1	–	–
Липучка	–	–	–	–	–	–	1
Лук	–	–	–	–	–	–	2
Марь белая	7*	3*	2+6*	46+40*	28+30*	–	73+20*
Марь	–	–	1	–	1	–	4
Мятликовые	1	–	–	–	–	–	–
Неслия метельчатая	–	–	–	1*	–	–	3*
Спорыш птичий	–	–	–	–	–	–	1
Щавель	–	–	–	–	–	–	1+1*
Ярутка полевая	1*	1*	–	1*	–	–	–
Яснотковые	–	1*	–	–	–	–	–
Прочие	1	1	1	4	1	10	12

Примечание. Число обозначает количество целых плодов или семян; число со звездочкой (*) — количество их фрагментов; *хв.* — хвоинки; *ч.* — чешуи; *соцв.** — фрагменты соцветий; *л.* — листья.

Растительные остатки из первых трех групп представляют семенной комплекс, который сформировался в период жизни людей в городе. Он характеризуется наличием остатков культурных злаков, большим количеством сорных растений (18 видов), последние включают аборигенные виды и 2 вида, завезенных вместе с культурными злаками. Овес завозился на корм животным, ячмень — для питания людей. Вместе с зерном были завезены и семена некоторых сорных растений (куколь, неслия, конопля, овсюг). Кроме злаков обнаружены остатки плодов и семян культурных растений: орехи лещины, вяленые сливы и вишни завозились из европейской части России. Особенно много, судя по количеству остатков, привозили орехов лещины. Также здесь встречаются остатки местных дикорастущих растений, плоды и семена которых люди употребляли в пищу. Дикорастущие пищевые растения жители города собирали в его окрестностях.

Четвертая группа остатков представляет семенной комплекс, который сформировался после ухода людей. Эта группа отражает возврат растительности к естественному состоянию: исчезают остатки культурных растений и сопутствующих им заносных сорняков. Резко сокращается общее количество семян сорных растений. Появляется большое количество семян болотных и водолюбивых растений (различные осоки, сабельник болотный, лютик ползучий, калужница болотная, канареечник тростниковидный, лабазник вязолистный), что свидетельствует об активизации процесса заболачивания, после того как люди покинули город.

Анализ видового состава костных остатков показал, что среди копытных доминируют свинья и северный олень, в меньшем количестве встречается крупный рогатый скот, малочисленны лось и лошадь. Среди диких млекопитающих наиболее многочислен заяц, все остальные виды — песец, лисица, волк, медведь, росомаха, бобр, белка, горностай, соболь довольно редки.

Основным объектом разведения являлась свинья. Этот вид отличается двумя ценными качествами — всеяден и плодовит. В условиях севера, при отсутствии корнеплодов и зерна, основным кормом для свиней в зимний период могли быть животные корма — рыба и отходы охотничьей деятельности.

В Заполярной Мангазее природные условия ограничивали возможности содержания коров. В условиях Мангазеи скот более половины года (7–8 мес.) находится в стойловом содержании, и на это время необходим запас кормов, в то время как на Тазу, вблизи городища, очень мало пастбищ и заливных лугов. Судя по количеству костных остатков коровы, объем стада был небольшой. Население разводило крупный рогатый скот, о чем говорят находки костей взрослых особей быков и новорожденных телят. Очевидно основной целью содержания и разведения крупного рогатого скота было получение молока, так как белковой пищей население вполне могло быть обеспечено за счет свиноводства, птицы, рыбы и охоты.

Находки большого количества всех элементов скелета северного оленя, а также практически всех компонентов, связанных с упряжным оленеводством (элементы упряжи, нарт, тынзяна), свидетельствуют о его большой роли в хозяйстве населения Мангазеи. Костные остатки не позволяют оценить соотношение дикой и домашней форм, но по результатам исследований зубной системы можно сказать, что все олени были забиты одновременно — осенью. То есть это либо домашние животные из стад местных северных народов — ненцев и энцев, либо эти олени были добыты во время осенних массовых миграций, возможно, теми же ненцами и энцами. Причем домашние стада могли принадлежать и богатым жителям Мангазеи, а аборигены только пасли их, как работники. Подобная ситуация хорошо известна на примере села Обдорского на реке Оби в XIX веке [Бартенев, 1998].

Коневодство как самостоятельное направление отсутствовало. Вероятно, привозились единичные особи, но разведения их не было.

Найденные кости овец не являются кухонными отходами. Завоза овец не было.

Анализ костей собаки показал, что в городе были разнопородные собаки, которые, возможно, предназначались для разной специализации — тяглово-ездовые, для охоты на соболя и лисицу, на крупных копытных животных и на медведя. Несомненно, эти собаки приняли участие в формировании современных пород сибирских лаек, а навыки по обучению этих собак были усвоены современными народами сибирского севера.

Жители Мангазеи держали кошек, возможно, для защиты привозного зерна от мышевидных грызунов (полевок).

В Мангазее самое большое разнообразие костей диких видов животных, добываемых для питания, что говорит о затруднениях в стабильном снабжении мясом населения города (табл. 66). Основным промысловым видом, добывавшимся в окрестностях города, был заяц. В течение холодного периода производился их массовый отлов петлями, который (исключая годы депрессии численности) был весьма эффективен. Охота в окрестностях города на пушные виды носила эпизодический характер из-за их низкой численности. Очевидно, по времени застройки этой части города, пушные виды и лось были уже выбиты в округе. Не исключено, что тушки пушных видов (соболь, белка) могли отдавать на корм свиньям. Единственный вид, который мог добываться регулярно в зимнее время кроме зайца — дикий северный олень. В конце осени в лесотундру, в том числе и в район Мангазеи, откочевывали стада диких оленей с Гыданского полуострова. В целом можно сказать, что жители Мангазеи тратили на охоту немного времени, так как ловля зайцев велась петлями (в основном, вероятно, детьми), а других видов добывали мало. Анализ состава элементов скелета и их отделов показывает, что разделка и утилизация туш северного оленя и зайца производилась на территории города. Добытые животные целиком доставлялись в город. Возможно, только часть голов северного оленя утилизировалась вне раскопанного участка.

Птица и рыба служили дополнительным источником белка для жителей городища. Существовал постоянный промысел — охота на птиц: весной и осенью во время пролета на водоплавающих (гуси, утки), а зимой на куропатку. Жители держали небольшое количество домашних куриц.

Исследованный остеологический материал показывает, что объектом промысла населения городища Мангазея были не менее 8 видов рыб, которые и теперь обитают в бассейне реки Таз. Добывали рыбу в прошлом различными способами и в разное время года. Об этом свидетельствует разнообразие видового состава в находках из городища Мангазея: кости рыб, относящиеся к различным экологическим группам, как живущим в реках и озерах (щука, окунь, налим, карась, язь), так и полупроходным (нельма, сиги, осетр), которые кормятся в приустьевых участках моря, а для нереста заходят в реки. Располагая данным материалом, можно сказать, что добыча полупроходных рыб (осетра, нельмы и рыб из рода сиговых) была одним из основных занятий древних людей. Несомненно, жирное и вкусное мясо осетровых и лососевых рыб высоко ценилось жителями Мангазеи. На это указывает большое количество костей и чешуи, найденных при раскопках города.

Анализ археобиологических источников показывает, что основой белкового питания населения города были: рыба, птица, северный олень, заяц, свинья и в некоторой степени крупный рогатый скот. Мангазея в XVII веке была самым северным (в мировом масштабе) районом свиноводства и скотоводства. Имелись в городе лошади. Растительные продукты: пшеница, овес, лещина, слива — завозились из России. Овес, вероятно, предназначался для лошадей. В окрестностях города велась добыча птицы: водоплавающей — главным образом на весеннем и осеннем пролетах, боровой — круглый год, куропатки — зимой.

Большое видовое разнообразие млекопитающих, птиц и рыб свидетельствует о большом разнообразии применявшихся для их добычи приемов и способов промысла. Были распространены активные и пассивные способы добычи; индивидуальные и коллективные методы охоты и рыболовства. Очевидно, в город приносили только шкурки от добытых пушных видов. Ясно также, что промысел велся круглый год, но в разные сезоны добывались разные группы видов. Сейчас пока трудно сказать, ограничивалась ли охота в весенне-летний период выращивания молодняка.

Городище Березовское. Городище конца XVI–XVIII веков, находится в исторической части поселка Березово (63°55′60″ с. ш. 65°02′60″ в. д., рис. 26) — административного центра района ХМАО, — расположенного в левобережье Оби, на левом коренном берегу реки Северной Сосьвы. Исследования 2007–2009 годов под руководством Г. П. Визгалова включали раскопки собственно кремля городища (раскоп 1), а также разрушенные участки культурного слоя в посадской части (раскоп 2) [Визгалов, И-2007б, И-2009б, И-2010в].

Археозоологический материал представлен коллекцией, состоящей из 58 281 экз. костных остатков. Костные остатки, собранные в кремле, относятся к трем временным интервалам: конец XVI — XVII век, XVIII век и смешанные слои XVI–XIX веков. В посадской части (раскоп 2) весь материал был объединен в одну выборку. Кости рыб не определялись.

Распределение костных остатков по территории раскопа неравномерно. В постройках, датированных первой половиной XVII века и концом XVIII века, костные остатки единичны, основная масса костей происходит с территории, расположенной между постройками. Совершенно иная картина наблюдается в слое, датированном второй половиной XVII века: хотя количество костных остатков на межжилищном пространстве преобладает, число костей на площади построек также довольно велико. Среди них преобладают кости птиц и рыб, из млекопитающих наиболее многочисленны крупный рогатый скот и свинья. В целом костные остатки на территории построек всех временных интервалов представляют собой типичные кухонные отбросы, никакой избирательности ни в видовом составе, ни в составе элементов скелета на территории построек ни одного временного интервала не обнаружено.

В общей сложности определены кости 14 видов млекопитающих (табл. 72), из них 6 видов домашних животных — крупный рогатый скот, свинья, мелкий рогатый скот (овца), лошадь, собака и домашняя кошка. Предположительно к домашним отнесен также северный олень. Среди диких животных присутствуют заяц, лисица, лось, медведь, росомаха и морж. Все перечисленные виды диких животных, кроме зайца (который также не очень многочислен), представлены единичными костями. Кроме этого, при раскопках обнаружены 8 фрагментов бивней мамонта и единичные кости человека. Следует отметить также обилие костных остатков птиц и рыб, явно составлявших существенную часть рациона населения Березовского городка. 11 451 экз. костей млекопитающих не удалось определить ближе. Среди неопределимых остатков (число их довольно велико

на всех рассматриваемых временных интервалах) присутствует значительное число фрагментов раздробленных ребер и позвонков, по своим размерным характеристикам относимых к крупным животным. Исходя из количественного соотношения разных видов очевидно, что большая их доля является ребрами и позвонками крупного рогатого скота. (То же самое можно сказать и о раздробленных ребрах и позвонках свиньи — хотя формально эти костные остатки отнесены к неопределимым, можно с уверенностью утверждать, что фрагменты средней размерной группы в большинстве принадлежат свиньям).

Таблица 72

Видовой состав и количество костных остатков из раскопок городища Березовского в 2007–2009 годах

Вид	Кремль XVI–XVII вв.		Кремль XVIII в.		Кремль XVII–XX вв.		Посад XVIII–XX вв.	
	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%
Крупный рогатый скот	2 666	**7**	119	**12**	788	**8**	694	**13**
Мелкий рогатый скот	121	–	1	–	79	**1**	13	–
Лошадь	5	–	–	–	1	–	30	**1**
Свинья	2 176	**6**	66	**7**	756	**7**	104	**2**
Собака	10	–	2	–	16	–	30	**1**
Кошка	1	–	–	–	1	–	–	–
Северный олень	266	**1**	20	**2**	115	**1**	512	**10**
Лось	3	–	–	–	1	–	29	–
Песец	4	–	–	–	2	–	–	–
Лисица	2	–	–	–	–	–	–	–
Росомаха	–	–	–	–	–	–	1	–
Медведь бурый	1	–	–	–	–	–		–
Заяц-беляк	180	–	1	–	47	–	2	–
Морж	6	–	–	–	2	–	–	–
Мамонт	6	–	–	–	1	–	–	–
Млекопитающие неопределимые	6 804	**19**	181	**19**	1 887	**18**	1 883	**35**
Птица (вся)	17 526	**48**	410	**42**	4 510	**44**	1 619	**30**
Рыба (вся)	6 741	**18**	170	**18**	2 102	**20**	407	**8**
Всего	36 514	**100**	970	**100**	10 307	**100**	5 317	**100**

Крупный рогатый скот. Всего собрано 5 021 экз. костей и их фрагментов, принадлежащих этому виду (табл. 72). Представлены практически все отделы скелета (табл. 73). Раздробленность костей довольно велика: почти все трубчатые кости, ребра, позвонки, фрагменты черепа, нижние челюсти носят следы разделки. Фрагмент плечевой кости, плюсны, 2 экз. таранной кости и 3 экз. первых фаланг имеют следы обработки (зашлифовки), в 2 нижних эпифизах бедренной кости и 4 первых фалангах просверлены отверстия. Почти все кости принадлежат взрослым и полувзрослым особям, кости молодых особей немногочисленны: 2 кости новорожденного теленка, 13 костей молодых животных и 301 кость полувзрослых коров. Такой возрастной состав (преобладание в стаде взрослых особей, небольшое количество полувзрослых и совсем немного молодняка) свидетельствует о преимущественно молочном направлении скотоводства, что неудивительно — основным источником белковой пищи служили свиньи, а также птицы и рыбы, добывавшиеся в старом Березове в очень больших количествах. Кроме того, по материалам раскопок 2007 года можно предположить существование на территории поселения кожевенного производства, в котором также использовались шкуры взрослых животных (более толстые и, соответственно, более прочные).

Свинья. Всего найдено 3 102 костей свиньи (табл. 72), во всех слоях присутствуют все элементы скелета (табл. 73). Среди костных остатков свиньи представлены все возрастные группы — от новорожденных до взрослых животных — 123 кости новорожденных (эмбрионов?), 139 костей поросят, 661 полувзрослых особей.

Раздробленность костей свиньи, как и крупного рогатого скота, довольно велика, в основном целы изолированные зубы, мелкие кости дистальных отделов конечностей и фаланги пальцев. Остальные кости являются фрагментами, носящими следы разделки. Следы обработки (зашлифованы) имеют 2 фрагмента нижней челюсти, в 4 метаподиях просверлены отверстия. В целом остатки свиней являются типичными кухонными отбросами, и никакой избирательности в их накоплении не обнаружено.

Мелкий рогатый скот (сюда отнесены кости двух видов — козы и овцы). Обнаружено 227 костей мелкого рогатого скота, из них 5 костей от новорожденных особей и 43 кости от полувзрослых животных. Раздробленность костей мелкого рогатого скота несколько ниже, чем у двух предыдущих видов; один рог и фрагмент бедра имеют следы обработки.

Хозяйственное использование мелкого рогатого скота трудно определить однозначно. Скорее всего, козы и овцы разводились для комплексного использования: как источник шерсти (овцы) и молочных продуктов (козы).

Лошадь. Всего найдено 26 отдельных костей лошади от взрослых животных и фрагмент плечевой кости от полувзрослой особи (табл. 72, 73). Кроме того, в раскопе 2 обнаружены полный скелет нижней части задней ноги и часть костей передней ноги. В смешанном слое найден фрагмент метаподии со следами обработки.

Несмотря на малое количество найденных костей, можно с уверенностью говорить о том, что лошадей содержали на территории Березовского городка, правда, число их было невелико. Скорее всего, в качестве транспортного животного лошадей использовали на территории самого поселка, а за его пределами пользовались водным и оленным транспортом.

Таблица 73

Количество и состав элементов скелета животных из раскопок городища Березовского

Кость	Свинья	КРС*	МРС*	Лошадь	Собака	Северный олень	Лось	Заяц
Рог	–	23	2	–	–	37	–	–
Череп	420	286	16	2	10	33	4	5
Нижняя челюсть	249	191	20	1	12	39	6	26
Зубы	320	354	6	4	12	60	5	9
Подъязычная кость	–	24	–	–	–	4	–	–
Атлант	51	36	5	–	2	8	–	–
Эпистрофей	–	22		–	–	17	–	1
Позвонки	171	289	40	–	–	78	–	20
Крестец	–	12	–	–	–	4	–	1
Ребра	214	404	2	–	–	76	–	8
Грудина	2	14	–	–	–	10	–	–
Лопатка	60	68	5	–	5	–	–	–
Плечевая	214	139	28	2	7	104	4	13
Лучевая	181	152	10	2	3	55	–	32
Локтевая	345	279	12	2	2	92	2	42
Тазовая	121	286	8	–	6	39	–	23
Бедренная	281	218	13	1	2	65	3	12
Большеберцовая	223	239	14	–	7	59	1	21
Малая берцовая	120	–	–	–	–	–	–	–
Коленная чашечка	–	33	–	–	–	4	–	–
Метаподии	157	36	3	2	2	3	–	16
Пясть	–	127	5	1	–	10	2	–
Плюсна	9	117	8	2	–	47	4	–
Грифельная	–	–	–	3	–	–	–	–
Пяточная	35	151	4	–	2	14	–	4
Таранная	48	112	4	–	2	50	–	–
Запястье и предплюсна	53	240	2	5	–	40	1	–
Сесамовидные	15	54	–	–	–	11	–	–
Фаланга I	42	440	18	–	3	23	–	3
Фаланга II	65	397	2	–	–	5	–	–
Фаланга III	20	277	–	–	–	–	–	–
Нога задняя**	–	–	–	1	–	–	–	–
Нога передняя**	–	–	–	1фр	–	–	–	–
Копыто (коготь)	–	–	–	–	3	–	–	–

Примечания. * КРС — крупный рогатый скот, МРС — мелкий рогатый скот.
** Дистальные отделы конечности (метаподии, кости запястья или предплюсны, фаланги пальцев).

Собака. Общее количество найденных костных остатков — 42 экз. (табл. 72). В слое конца XVI — начала XVII века обнаружено 9 костей как минимум от 1 особи (клык, коренной зуб, плечевая, лучевая, тазовая кости, 2 фрагмента большеберцовых костей, 1 фаланга и коготь); в слое XVIII века — 2 кости (фрагмент нижней челюсти и 1 фаланга). Все кости принадлежат взрослым животным.

Кошка домашняя. Обнаружены 2 целые нижние челюсти от взрослых животных.

Северный олень. Всего собрано 987 костей северного оленя. Наибольшее их количество сосредоточено в посадской части городища, где предположительно находились жилища аборигенного населения региона [Визгалов, Кардаш, 2011].

Представлены практически все элементы скелета (табл. 73). Раздробленность костей очень велика: как и в случае с костными остатками крупного рогатого скота и свиньи, целыми сохранились только мелкие кости запястья и заплюсны; все остальные кости носят следы разделки, погрызов собак и механических повреждений в слое. Подавляющее большинство костных остатков принадлежало взрослым животным, лишь 65 экз. от полувзрослых особей.

Как известно, определить по костным остаткам принадлежность оленя к дикой и домашней формам довольно затруднительно; поэтому отнесение северного оленя к домашним животным носит условный характер.

Лось. Всего найдено 33 кости лося от взрослых животных (табл. 72). Практически все они (за исключением 4 экз.) происходят из ранних слоев конца XVI — первой половины XVII века посадской части городища. Представлены элементы головы и проксимальных отделов конечностей (табл. 73). Немногочисленность находок отражает низкую интенсивность промысла лося, что, в свою очередь, является следствием низкой численности лосей в этом регионе.

Заяц. Всего найдено 236 экз. костей (табл. 72). Молодым животным принадлежат 13 костей. Судя по небольшому количеству найденных остатков, промысел зайца носил эпизодический характер.

Песец. В слое XVII века найдены два фрагмента черепа и два атланта от взрослых особей. Две целые нижние челюсти взрослых животных найдены в смешанных слоях раскопа 1.

Таблица 74

Видовой состав костных остатков птиц из раскопок русских поселений

Вид	Памятник*				
	1	2	3	4	5
Поганка (*Podiceps* sp.)	1	–	–	–	–
Краснозобая гагара	–	–	1	–	–
Чернозобая гагара	–	–	1	–	–
Белолобый гусь	–	–	–	1	–
Гусь пискулька	–	–	2	3	–
Гуменник	5 031	443	8	15	1
Гусь (ближе не определимый)	357	27	1	13	9
Гусь домашний?	102	3	–	–	–
Лебедь-кликун	611	23	4	6	–
Кряква	156	194	1	2	–
Чирок-свистунок	226	148	1	1	–
Чирок-трескунок	51	42	–	3	–
Красноголовый нырок	12	–	–	–	–
Свиязь	958	210	2	12	4
Шилохвость	1 033	134	10	31	9
Шилохвость-свиязь	901	54	–	–	–
Широконоска	310	87	1	13	2
Хохлатая чернеть	71	13	–	13	1
Морская чернеть	–	–	–	2	-
Морянка	–	–	–	–	1
Гоголь	11	–	2	2	–
Морские утки (*Mergini* sp.)	8	–	–	–	–
Синьга	3	–	–	–	–
Средний крохаль	6	4	–	–	–
Гага	–	–	–	–	1
Турпан	–	–	–	1	–
Луток	–	–	–	3	–
Большой крохаль	–	–	–	2	–
Утка (ближе не определимаяо)	994	130	6	41	3
Белая куропатка	316	33	8	70	44
Тундряная куропатка	–	–	1	1	1
Серая куропатка	1	–	–	–	–
Тетерев	57	2	–	–	–
Глухарь	1 685	160	1	6	3
Рябчик	15	–	–	–	–
Курица домашняя	1 902	26	5	7	1
Серый журавль	150	2	–	–	–
Орлан-белохвост	2	–	–	–	–
Сизая чайка	6	–	–	–	–
Чайка серебристая	14	–	–	–	–
Ворона серая	3	1	–	–	-
Сорока	2	2	–	–	5
Тулес	1	3	–	–	–
Птицы неопределимые	5 275	107	–	12	–

Примечание. * Памятники: 1 — городище Березовское, кремль XVII–XX вв.; 2 — городище Березовское, посад XVIII–XX вв.; 3 — городище Старотуруханское 2009 г.; 4 — городище Старотуруханское 2010 г.; 5 — село Обдорское 2005 г.

Лисица. Всего собрано 2 кости этого вида (коренной зуб и фрагмент нижней челюсти); обе происходят из слоя конца XVI — первой половины XVII века. Костей посткраниального скелета не найдено.

Росомаха. В слое конца XVI века обнаружен диафиз плечевой кости росомахи.

Медведь. В слое конца XVI — первой половины XVII века обнаружена целая фаланга III взрослой особи.

Морж. В слое XVII века найдено 5 коренных зубов и фрагмент бивня моржа, еще 2 зуба обнаружено в смешанных слоях.

Птицы. Коллекция костей птиц насчитывает 24 065 экз. костей и их фрагментов. Из них определено до вида 14 158 костей, принадлежащих 29 видам из 6 отрядов; определены до рода 1 288 экз. костей, до семейства — 1 293 экз. костных остатков (табл. 74), еще 5 380 костных остатков определить не удалось, но можно сказать, что 11 экз. принадлежат очень крупным птицам (журавль или лебедь), 26 экз. — птицам размером с гуся. Все определенные по костям субфоссильные птицы являются обычными видами для этой территории. Видовой состав орнитокомплекса из Березова представлен в основном промысловыми видами птиц, они добывались для получения прежде всего мяса, пера, пуха и пр.

Первая группа птиц — промысловые водоплавающие виды из отряда гусеобразных (собственно гуси и речные утки), доля последних составляет 56 % от общего числа определенных остатков, вторая по численности группа — боровая дичь (глухарь, тетерев и др.), ее доля — 9 % костных остатков. Столь же многочисленны кости домашней курицы.

Еще одну группу птиц мы условно назвали синантропной, в нее включили малочисленные виды птиц, которые можно наблюдать вблизи человеческого жилья. К ним относятся ворона, сорока, чайки.

Следы разделки на костях птиц не найдены, следы от погрызов на поверхности костей также отсутствуют. Степень и характер раздробленности птичьих костей обычен для археозоологического материала с подобных памятников.

Анализ археозоологического материала. Таким образом, на территории Березовского городища найдены кости преимущественно домашних животных, среди которых преобладают крупный рогатый скот и свинья. Кости остальных видов (как домашних, так и диких) крайне немногочисленны; однако, несмотря на немногочисленность остатков диких животных, следует отметить, что все они (за исключением зайца, присутствующего во всех временных горизонтах, и моржа, найденного только в слое второй половины XVII века) обнаружены в слое конца XVI — первой половины XVII века.

Крупный рогатый скот, судя по возрастному составу, разводился преимущественно для получения молочной продукции (и, возможно, для кожевенного производства). Свинья, наравне с птицей и рыбой, служила источником белковой пищи. Мелкий рогатый скот, скорее всего, содержался для получения шерсти (и, возможно, козьего молока).

Среди костей крупных диких животных, используемых в пищу, преобладают кости северного оленя. Наибольший процент костей северного оленя в посадской части городища, где был частично раскопан двор — резиденция одного из северных хантыйских князей [Визгалов, Кардаш, 2011]. Разведение и содержание северного оленя, требующего кочевого образа жизни, на территории населенного пункта невозможно, поэтому в город попадали, как правило, взрослые особи (скорее всего, либо купленные у туземцев, либо выпасающиеся с их стадами).

Рыболовство и охота на пернатую дичь (как боровую, так и водоплавающую), наряду со скотоводством и свиноводством, являлись существенными отраслями хозяйственной деятельности населения Березовского городка. Жители городища прежде всего ориентировались в своей охотничьей деятельности на промысел водоплавающих птиц из отряда гусеобразных и боровой дичи (глухаря). Судя по количеству костей домашних кур, существенным подспорьем в жизнеобеспечении играло птицеводство.

Никакой избирательности в накоплении костных остатков, связанной со спецификой хозяйственной деятельности человека, не обнаружено. Все костные остатки являются типичными кухонными отбросами.

Городище Старотуруханское. Памятник расположен в деревне Старо-Туруханск, на левом коренном берегу реки Турухан, левого притока Енисея (65°55′ с. ш. 87°34′ в. д., рис. 26). Памятник датируется началом XVII — серединой XX века. Археологическое исследование Старотуруханского городища начато в 1972 году В. Ф. Старковым. Им проведена первая археологическая разведка, выполнена зачистка слоя, составлен план, собран подъемный материал XVII–XIX веков [Старков, 1970; 1973]. Комплексные археологические исследования осуществлялись экспедицией под руководством Г. П. Визгалова в 2007–2011 годах, результаты их отражены в отчетах и публикациях [Визгалов, И-2008в; И-2009в; И-2010б; И-2011; Визгалов, Рудковская, 2011 и др.].

В результате раскопок Старотуруханского городища в 2007–2011 годах была собрана археозоологическая коллекция, состоящая из 3 586 костных остатков; кроме того, были собраны 1 фрагмент бивня мамонта, 15 образцов культурного слоя, 55 образцов шерсти, 15 образцов перьев, 12 образцов волос человека, 11 образцов семян растений и скорлупы орехов. Видовые определения образцов перьев птиц и меха млекопитающих были выполнены сотрудником областного краеведческого музея города Екатеринбурга А. В. Калужниковым.

Млекопитающим принадлежит наибольшее количество костных остатков — 1 939 экз. Из них 358 экз. не удалось определить полностью. При этом можно сказать, что это преимущественно кости от крупных животных (крупного рогатого скота, северного оленя), из них 95 экз. — фрагменты трубчатых костей ног, 22 фрагмента ребер, 46 фрагментов костей осевого скелета, 4 фрагмента черепа. Следы погрызов собаками имеют 15 костей, 10 — следы переваривания (из желудка собаки).

Крупный рогатый скот. Материал приведен в табл. 75, 76. Этому виду принадлежит наибольшее количество костей: от 53 % от всех млекопитающих в поздних слоях памятника до 21 % в ранних хронологических периодах, а с учетом того, что большая часть неопределимых крупных остатков принадлежит также корове, этот процент еще выше. Кости крупного рогатого скота обнаружены во всех частях раскопа, но их практически нет в постройках XVII века № 7 и 8. Кости коровы сильно раздроблены и представляют собой кухонные отходы. Целыми сохраняются только мелкие кости дистальных отделов конечностей. Молодым животным принадлежит 85 экз. (10 %) костей. Следы погрызов (как правило, это эпифизы трубчатых костей и позвонки) имеют 170 костей, следы переваривания (из желудков собак) — 16. Большое количество костей имеют следы обрубания. Представлены все отделы скелета (табл. 76), то есть тушу животного использовали полностью, и разделка велась прямо на городище.

Лошадь. Материал представлен в табл. 75, 76. Полувзрослым особям принадлежат 4 позвонка, остальные кости — взрослым животным. Среди костного материала 12 костей со следами погрызов, мелкие кости ног преимущественно целые, крупные кости имеют следы разрубания.

Свинья. Материал представлен в табл. 75, 76. Кости свиньи обнаружены в различных частях раскопа, представлены все части тела, но относительно больше частей головы (череп, нижняя челюсть, зубы) и осевого скелета (ребра и позвонки), 10 костей принадлежит молодым животным, 5 костей погрызены, 1 кость — из желудка.

Мелкий рогатый скот (коза домашняя, овца). Костных остатков этого вида традиционно немного на северных памятниках (табл. 75). Среди костных остатков представлены все части скелета (табл. 76), но основная часть костей мелкого рогатого скота сосредоточена в поздних хронологических горизонтах. Молодым животным принадлежат 6 костей, остальные — взрослым, 2 кости со следами погрызов. Трубчатые кости раздроблены.

Собака. Материал представлен в табл. 75, 76. В нижних хронологических горизонтах обнаружены часть скелета взрослой особи собаки (часть осевого скелета — позвонки, ребра, лопатки, кости передних конечностей, нижние челюсти) и часть скелета молодой собаки. Кроме того, под полом постройки № 1а обнаружены парные нижние челюсти взрослой собаки со следами обрубания и погрызов. Фрагмент черепа щенка, а также фрагмент черепа, принадлежащий либо очень крупной собаке, либо волку, найдены в поздних хронологических горизонтах.

Кошка домашняя. Обнаружены целая лучевая кость в постройке № 1 и фрагмент правой нижней челюсти от взрослой особи.

Северный олень. Материал представлен в табл. 75, 76. Кости оленя обнаружены в разных частях раскопа, наибольшее их количество сосредоточено в нижних, более ранних слоях памятника (табл. 75). Представлены все отделы скелета

Таблица 75

Видовой состав и количество костных остатков из раскопок городища Старотуруханского

Вид	Год раскопок				
	2007	2008	2009	2010	2011
Крупный рогатый скот	25	140	232	278	102
Мелкий рогатый скот	–	8	8	13	1
Лошадь	–	3	25	13	2
Свинья	–	19	18	18	10
Собака	–	3	8	52	1
Кошка домашняя	–	1	–	2	–
Северный олень	5	19	22	91	111
Лось	1	1	–	–	3
Песец	–	1	–	–	-
Волк	–	–	–	–	1
Медведь бурый	–	–	–	–	1
Заяц-беляк	1	13	16	179	175
Бобр	–	–	–	–	1
Млекопитающие неопр.	12	52	84	143	67
Птица (вся)	–	89	55	260	145
Рыба (вся)	–	26	43	665	322

Таблица 76

Состав и количество элементов скелета крупного и мелкого рогатого скота, лошади, свиньи, северного оленя и зайца из раскопок городища Старотуруханского в 2009–2011 годах

Кость	КРС*	Свинья	Лошадь	МРС**	Северный олень	Заяц
Рог	9	–	–	–	1	–
Череп	31	7	1	–	2	22
Нижняя челюсть	39	4	–	1	8	34
Отдельные зубы	43	6	–	4	1	–
Подъязычная кость	3	–	1	–	3	–
Атлант	5	–	–	–	–	1
Эпистрофей	2	–	–	–	1	–
Позвонки	35	2	6	1	13	12
Крестец	–	–	–	–	1	2
Грудина	2	–	–	–	–	–
Ребра	130	1	5	2	71	19
Лопатка	32	1	2	–	27	28
Таз	27	1	4	–	102	15
Плечевая	33	4	4	–	15	27
Локтевая	11	–	–	1	2	16
Лучевая	23	–	–	1	6	23
Бедренная	26	–	3	–	21	44
Большеберцовая	34	4	1	–	5	49
Малая берцовая	–	1	–	–	–	1
Коленная чашечка	2	–	–	–	1	–
Метаподии	5	2	–	1	–	36
Пясть	19	–	–	–	–	–
Плюсна	9	–	1	–	–	–
Грифельная	–	–	1	–	1	–
Пяточная	9	1	–	–	–	3
Таранная	7	–	–	–	1	3
Запястье, предплюсна	17	1	6	2	7	1
Фаланга I	19	–	3	–	1	9
Фаланга II	15	–	–	–	–	4
Фаланга III	7	1	–	–	–	1
Роговой чехол (копыто)	–	–	–	–	4	–
Трубчатые***	14	–	1	1	16	4

Примечания. * Крупный рогатый скот.
** Мелкий рогатый скот.
*** Фрагменты трубчатых костей ног, ближе не определимые.

(табл. 76), но единичны кости черепа, позвонки и мелкие кости нижних отделов конечностей, практически полностью отсутствуют метаподии. Все крупные кости сильно раздроблены, целые только мелкие кости ног. Следы обработки имеют 4 лопатки, следы погрызов — 33 кости, следы воздействия пищеварительных ферментов (из желудка собак) — 6.

Лось представлен фрагментом лопатки и 3 фрагментами ребер из постройки № 9а. Одно из них принадлежит молодой особи, на другом видны следы обрезания ножом.

Заяц-беляк. Материал представлен в табл. 75, 76. Кости зайца встречаются во всех частях раскопа, но в более поздних хронологических слоях они единичны. Большая их часть находилась в слоях XVII века в постройках № 7 и 9а и вокруг них, здесь же обнаружены скопления костей головы и нижних частей задних лап, передние лапы отсутствуют, то есть задние лапы собирались специально. Представлены все отделы скелета, но костей осевого скелета (позвонков и ребер) непропорционально мало. Кости черепа и трубчатые кости ног раздроблены. Большая часть костей принадлежит взрослым животным, лишь 11 экз. — молодым особям.

Бобр. Единственный резец бобра обнаружен в слоях XVII века.

Песец. Обнаружен 1 фрагмент черепа.

Волк представлен фрагментом затылочного мыщелка черепа.

Медведь бурый. Фрагмент мозгового отдела черепа молодой особи медведя обнаружен в слоях XVII века.

Птицы. Коллекция костей птиц насчитывает 549 целых экз. и их фрагментов (табл. 74), это 15 % от общего количества костных остатков. Наибольшее количество костных остатков (около 70 %) принадлежит водоплавающим видам — уткам, гусям и др., то есть видам, добывающимся в летний период времени; 27 % — это птицы семейства тетеревиных: белая куропатка и глухарь — виды, добыча которых возможна в зимний период. Кости птиц равномерно распределены по территории раскопа, но надо отметить, что большее количество костей птицы сосредоточено в постройках XVII века. Около 3 % костей принадлежит домашней курице.

На территории постройки № 7 и в пространстве вокруг нее в нижнем хронологическом горизонте были собраны образцы перьев и скорлупы яиц птиц. Практически все образцы перьев принадлежат промысловым видам птиц, костные остатки которых встречаются в остеологической коллекции памятника (глухаря, уток и гусей). Исключение составляют перья хвоста дрозда, найденные у печного развала. Дрозд — птица отряда воробьеобразных, не являющаяся промысловой.

Рыбы. Коллекция костей рыб насчитывает 1 056 экз. костных остатков (табл. 69), что составляет от 30 до 38 % общего количества костных остатков в разные годы раскопок. Основными добываемыми видами были нельма (35 %) и сибирский осетр (30 %), в меньшей степени налим и щука (16 и 10 % соответственно). Наибольшее количество остатков рыбы сосредоточено в нижних слоях памятника.

Определения образцов меха млекопитающих. Были определены 50 образцов шерсти животных: северный олень — 7, заяц — 2, песец — 6, заяц или песец — 5, соболь — 13, медведь — 11, росомаха — 3, колонок — 1, овчина — 1. Один из фрагментов меха, возможно, представляет собой часть выделанной шкурки домашней кошки.

Почти все образцы меха животных представляют собой фрагменты обработанных шкур, содержащие помимо непосредственно волос и остатки кожи. Большая часть этих фрагментов, возможно, являлась частью меховой одежды жителей городища. Обнаружены три довольно хорошо сохранившихся фрагмента шкуры медведя.

Анализ археозоологического материала. В результате проведенных работ по изучению коллекций, собранных при раскопках городища Старотуруханское, установлено, что среди остатков млекопитающих в верхних, более поздних горизонтах преобладают кости крупного рогатого скота, в ранних слоях возрастает количество костей северного оленя и зайца. Среди домашних видов животных встречаются также свинья, мелкий рогатый скот, лошадь, собака и домашняя кошка. Среди остатков птиц доминируют дикие виды: куропатка, водоплавающая и боровая дичь, но встречаются и кости домашней курицы. Жители городища держали собак и кошек.

Основой белкового питания населения города было мясо крупного рогатого скота и северного оленя. Также в пищу использовали тушки зайца, птицу и рыбу. В Старотуруханском городище слои, относящиеся к периоду ясачного зимовья — первая половина XVII века, существенно отличаются от слоев периода уездного города — второй половины XVII — XIX века, в соотношении костей видов животных. В раннем слое значительно меньше костей коровы и много костей северного оленя, зайца и белой куропатки. Дикие промысловые виды животных (северный олень, заяц, птица, рыба), по-видимому, играли заметную роль в питании в первоначальный период освоения городка. Позднее, с увеличением численности домашних животных, их роль в питании стала не столь заметна.

Старотуруханское городище периода XVIII–XIX веков по соотношению костей млекопитающих ближе всего стоит к «пашенным» городам Урала и Сибири, где доля костей домашних видов (особенно крупного рогатого скота) значительно превышает долю диких мясных видов [Косинцев, Подопригора, 1998; Бачура, Лобанова, Бобковская, 2011]. Вероятно, это связано с тем, что в низовьях реки Турухан образовались благоприятные природные условия для скотоводства. Вода в Енисее, в отличие от рек Оби и Таза, резко поднимается и быстро спадает. Во время паводка в пойме откладывается слой плодородного «мусора». Паводковая вода быстро уходит, и благодаря длительному приполярному дню в течение июля в пойме реки Турухан вырастает богатое злаковыми разнотравье.

Масштабы промысловой деятельности населения (охота, рыболовство) сейчас оценить сложно, но можно сказать, что в окрестностях города его жители охотились главным образом на зайца и пернатую дичь. По определениям фрагментов меха можно заключить, что населением городка использовались шкуры соболя, песца, росомахи и бурого медведя. Эти виды обычны для данного региона, но полное отсутствие костного материала свидетельствует о том, что добычей пушнины жители городка уже не занимались, а на поселения привозили готовые шкурки, и тушки этих животных не использовались в пищу.

Велась ли охота на дикого северного оленя, или мясо оленя (как и шкуры пушных животных) поступало в результате меновой торговли с аборигенным населением — сказать трудно, но, судя по составу элементов скелета, целые туши на городище не разделывались, а использовались только «мясные» части тела.

Жители в небольшом количестве содержали домашних кур, возможно, для получения яиц.

Рыба была одним из главных источников питания населения Старотуруханска. Притом что кости рыбы более мелкие и сохраняются значительно хуже костей млекопитающих, тем не менее они составляют треть

от всех костных остатков в Старотуруханске (табл. 69). При этом надо учитывать, что кости рыбы в прошлом использовались для приготовления муки — порсы — на корм собакам.

Судя по находкам скорлупы, орехов и семян, жители городища собирали и использовали в пищу кедровые орехи, морошку.

Селище Церковенское. Памятник расположен в поселке Церковенское, на реке Таз (65°3′ с. ш. 82°1′ в. д., рис. 26). В 2006 году был обследован А. Е. Тарасовым и Е. Н. Петровой [Петрова, И-2007]. Все обнаруженные кости «сырые», происходят из четырех разведочных шурфов (табл. 77), датированных XVII–XIX веками. Археозоологическая коллекция состоит из 75 экз. костных остатков. Кости из шурфа 1 (13 экз.) сильно корродированы. Кости птиц (11 экз.) определены не были.

Северный олень представлен костными остатками от всех элементов скелета за исключением головы. Обнаружены лишь 2 фрагмента рогов со следами обработки. Другие части тела представлены следующими костями: фрагментами бедра (6), большеберцовой кости (3), плечевой (4), лучевой (3), лопатки (2), таза (4), метаподий (6), ребра (13), грудины (1), диафизов трубчатых костей ног (6), целой таранной и 2 пяточными костями, 7 позвонками, 1 целой и 2 разрубленными фалангами. Два шейных позвонка принадлежат полувзрослой особи, остальные кости — взрослым животным.

Ляпинский острог расположен в районе устья реки Ляпин (64°00′ с. ш. 61°00′ в. д.; рис. 26). Обследовался Е. А. Курлаевым в 1981 и 1991 годах и Е. А. Жирных в 2003 году. В 2007 году исследования были продолжены Г. П. Визгаловым [Жирных, 2004; Визгалов, И-2008б]. По археологическим материалам исследованный участок памятника датируется XVII (XVI?) — XVIII веками и был заселен, вероятно, аборигенным населением. В ходе последней шурфовки и сборов из разрушений берега получены археологические находки, датируемые XVIII–XIX веками, которые можно связать с местом стоянки аборигенного населения во время сдачи ясака и меновой торговли. Все кости «сырые». Видовой состав приведен в табл. 77.

Лошадь представлена целым резцом и фрагментом ребра.

Собаке принадлежат целый череп и его фрагмент, 4 целые нижние челюсти, 3 позвонка, ребро, целые плечевая (эпифизы приросли), локтевая и большеберцовая (эпифизы не приросли) кости. Кости принадлежат молодой и взрослой особям.

Таблица 77

Видовой состав и количество костных остатков из раскопок русских поселений

Вид	Памятники*			
	1	2	3	4
Крупный рогатый скот	–	–	248	120
Мелкий рогатый скот	–	–	–	19
Лошадь	–	2	8	5
Свинья	–	–	78	33
Собака	–	13	69	6
Кошка домашняя	–	–	–	2
Северный олень	64	45	1 053	1 513
Лось	–	4	20	10
Песец	–	4	10	3
Волк	–	–	3	3
Росомаха	–	3	1	2
Заяц-беляк	–	–	13	9
Кит гренландский	–	–	–	1
Млекопитающие неопр.	–	25	357	243
Птица (вся)	11	5	86	85
Рыба (вся)	–	много	79	328

Примечание. * Памятники: 1 — поселение Церковенское; 2 — Ляпинский острог; 3 — село Обдорское (раскоп 2004 г.); 4 — село Обдорское (шурфы 2005–2007 гг.).

Северный олень представлен костями всех частей скелета: 5 фрагментов рогов, верхняя челюсть, 4 нижние челюсти, подъязычная кость, второй шейный позвонок, 7 позвонков (1 целый), 5 ребер, 5 фрагментов лопатки, 2 тазовые кости, 3 плечевые кости, 1 лучевая, 2 бедренные кости, 3 фрагмента берцовой кости, фрагмент пяточной кости, целые таранная и тарзальная кость, 2 фрагмента плюсневой кости. Большая часть костей (кроме отмеченных) фрагментированная. Один фрагмент рога со следами обработки, 3 кости имеют следы погрызов (собаками?). Эпифизы приросли у 3 позвонков, верхнего и нижнего концов плечевой кости и не приросли у 1 позвонка и нижнего конца бедренной кости.

Лосю принадлежит 4 кости: фрагменты лопатки со следами обрезания ножом, метаподии и верхних концов фаланг I и II с приросшими эпифизами.

Песец представлен нижней челюстью, плечевой, лучевой и локтевой костями (целыми).

Росомахе принадлежит целый череп с нижними челюстями от взрослой особи.

Млекопитающие, ближе не определимые, представлены 24 костями, которые принадлежат животным размером с северного оленя.

Птица представлена 5 костями. Три из них принадлежат гусям.

Рыбы найдено очень много. На исследованном участке была вскрыта яма, в которой слой чешуи и костей имел мощность около 70 см.

Судя по наличию остатков песца, поселение, несомненно, заселялось в зимнее время.

Село Обдорское. Памятник расположен в исторической части города, в районе речного порта, по улицам Республики, Пермякова и Ленина. В 2004–2007 годах экспедициями под руководством О. В. Кардаша и Г. П. Визгалова проводились исследования по археологическому изучению культурного слоя села Обдорского конца XVIII — начала XX века [Визгалов, И-2006в; И-2007а; Кардаш, И-2005б; И-2006б]. В результате раскопок 2004 года и шурфовки 2005–2007 годов получена представительная археозоологическая коллекция, состоящая из 4 406 экз. костных остатков. 600 костей млекопитающих не удалось определить ближе, но можно сказать, что почти все они представляют сильно раздробленные кости преимущественно северного оленя, в меньшей степени крупного рогатого скота.

Большая часть костных остатков (58 %) принадлежит северному оленю (табл. 77) и лишь 10 % — домашним копытным. Помимо северного оленя в небольшом количестве встречаются кости лося. Среди домашних животных наиболее многочисленны кости крупного рогатого скота и свиньи. Кости мелкого рогатого скота и лошади встречаются редко, как и на других памятниках севера Западной Сибири. Крупные кости копытных довольно сильно раздроблены, многие погрызены собаками. Из домашних животных встречаются также кости собак и домашних кошек. В раскопе 2004 года найден посткраниальный скелет взрослой особи собаки, предположительно таксы. В шурфах обнаружены целый скелет взрослой особи кошки и целая нижняя челюсть полувзрослой особи.

Кости пушных животных довольно редки, встречаются единичные кости *песца, зайца-беляка, росомахи, волка*. Интересна находка костей головы (черепа с нижними челюстями) молодой особи волка.

Птицы. Коллекция насчитывает 190 костей птиц и их фрагментов (табл. 74). Определены были 85 экз. костей из шурфов 2005 года. Представлены 12 видов птиц, которые являются обычными для этой территории. Наибольшее количество костных остатков принадлежит белой куропатке, добыча которой в лесотундре возможна в зимний период, и водоплавающим видам — уткам, гусям и др., то есть видам, добывающимся в летний период времени; единично встречаются кости синантропных видов (сорока) и домашней курицы.

Рыбы. Коллекция костей рыб насчитывает 407 экз. костных остатков (табл. 69). Основными добываемыми видами были щука и налим, в небольшом количестве добывались также сибирский осетр и сиговые.

* * *

В завершение представления палеоэкологических источников с русских памятников севера Западной Сибири попытаемся сделать анализ промысловой и хозяйственной деятельности жителей этой территории.

В северных русских городах постоянно проживала определенная группа населения, которая кроме торговли, ремесла и службы занималась скотоводством, рыбным промыслом и в меньшей степени охотой. Причем скотоводством занимались даже в самых удаленных поселениях Заполярья. Мангазея являлась самым северным (в XVII веке) в мировом масштабе пунктом по разведению свиней, коров и птиц. Из домашних животных для получения продуктов питания разводили корову, свинью, немного овец, кур и — возможно, в Березове — даже гусей. Везде завозили лошадей, разводили собак для охоты и в качестве транспорта, кошек держали для ловли мышей.

Содержание животных на крайнем севере Сибири, особенно коров, птиц, лошадей, требует огромных трудозатрат и привозного корма, который, как показывают данные карпологического анализа культурного слоя и записи в таможенных книгах, в Мангазею доставлялся.

Таким образом, русское население первых городов на севере Сибири старалось создать в экстремальных климатических условиях привычный ему хозяйственный уклад, быт, обеспечить себя необходимой пищей, то есть стремилось вести то хозяйство, которым оно занималось на Европейском Севере. Результаты паразитологического анализа показали, что население Мангазеи было очень чистоплотным для своего времени и не страдало заболеваниями педикулеза. Это обстоятельство удивительно для севера.

Первые русские поселения создавались в местах, где находились рыболовные угодья, прежде всего неводные пески. Количество промышляемых для мяса животных напрямую зависело от возможности заниматься разведением крупного рогатого скота и свиней. Постоянные поселения, имеющие перспективу дальнейшего существования как города, находились в природно-ландшафтных условиях, пригодных для содержания и разведения крупного рогатого скота. Эти условия стали одной из причин переноса центра мангазейского

уезда с реки Таз на реку Туруханн. Если сравнить соотношение костей млекопитающих из северных памятников с раскопками «пашенных» городов Урала и Сибири, то ближе всего к ним стоит Старотуруханское городище периода XVIII–XIX веков, где преобладают кости крупного рогатого скота. В Мангазее и Березове, в отличие от Старо-Туруханска, больше держали свиней и больше поедали диких животных — северного оленя, водоплавающую и боровую птицу, куропатку, зайца.

Добыча пушного зверя осуществлялась вдалеке от городов и острогов на промысловых зимовьях, а в городах проживало постоянное население, не занимавшееся пушной охотой. Население же острогов и ясачных зимовий в большей степени обеспечивало себя мясом за счет охоты и меньше занималось скотоводством. Пока невозможно определить долю оленеводства — им непосредственно городское население не занималось, но могло иметь собственные стада на выпасе у аборигенных народов севера.

В основе адаптации русского населения на севере Сибири было комплексное многоотраслевое хозяйство, которое включало в себя максимальное использование ресурсов территории, привнесение и адаптацию к условиям севера элементов хозяйства из традиционной среды, а также использование привозных продуктов.

Материалы исследований русских северных городов дают возможность изучить и реконструировать культуру русского населения XVI–XVII веков, которая до сих пор является для нас довольно слабо изученной, так как письменные источники в основном представляют культуру высшего сословия, а материалы иностранных путешественников зачастую фантастичны и не соответствуют действительности.

Кроме того, материалы исследований русских городов, как никаких других археологических памятников, дают возможность оценить и определить влияние и значение русской культуры в формировании культуры народов севера. Вопрос о русском влиянии на формирование культуры современных народов севера является очень своевременным, так как в последние годы исследователи культуры народов севера Западной Сибири либо вообще не учитывают значение влияния русского старожильческого населения на культуру аборигенов Западной Сибири, либо смешивают его с отрицательным влиянием многонациональной (правильнее сказать, безнациональной) культуры индустриального общества периода освоения месторождений нефти и газа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе представлены разноплановые исторические и палеоэкологические источники, освещающие систему хозяйства и природопользования населения севера Сибири в разные исторические эпохи, от каменного века до начала XX столетия.

Различные типы этих источников были сгруппированы в соответствии с тремя частями, или главами, книги. В первой главе представлены около ста документальных источников, включающих сведения иностранных авторов XIII–XVII веков, делопроизводственные документы XVII–XVIII веков, материалы российских и иностранных исследователей XVIII — начала XX века, а также фольклорные и этнографические источники. Содержание исторических документов дополняют изобразительные источники.

Указанные материалы достаточно полно освещают экологические и социальные аспекты (расселение, миграцию, промысловую и хозяйственную деятельность) жизни аборигенного и пришлого населения региона. Однако они охватывают узкий хронологический интервал, связанный с периодом освоения севера Московским государством, при этом представляя довольно пеструю этническую картину, где не всегда можно выявить этнические особенности и способы адаптаций к довольно суровым экологическим условиям региона. Из документов XVI–XIX веков, периода, когда аборигенные и пришлые этносы уже довольно продолжительное время живут на этой территории в непосредственном взаимодействии, сложно вычленить пути заимствования способов адаптаций разных народов. Более же ранние документальные источники, которые могли бы осветить особенности жизнедеятельности тех или иных народов по отдельности, отсутствуют.

На основании имеющихся исторических материалов мы не можем полностью реконструировать природную среду, где происходили формирование и адаптация местных культур, успешное выживание которых полностью зависело от особенностей биологии и экологии видов животных, населявших эту территорию.

Во второй главе книги описаны 21 вид промысловых млекопитающих, 29 видов птиц и 12 видов рыб, а также 7 видов домашних животных, составляющих основу жизнеобеспечения населения региона. Этот видовой состав характерен для данной территории с начала голоцена, и его изменения были связаны либо с динамикой численности отдельных видов (например, довольно значительные изменения ареала лося), либо с антропогенной нагрузкой (сокращение ареалов соболя, бобра). Значительные изменения в хозяйственном укладе жизни местного населения произошли с момента доместикации северного оленя. На сегодня нет точных данных о времени перехода от транспортного к крупностадному оленеводству, но существуют гипотезы, которые сильно разнятся. Еще одной вехой в смене приоритетов жизнеобеспечения стало появление на этой территории с пришлым (славяно-финским, русским) населением домашних животных и становлением животноводства у аборигенных этносов.

В третьей главе представлены палеоэкологические источники из 54 археологических памятников Сибири. Всего представлены описания археозоологических коллекций, включающих 304 471 экземпляр костных остатков с 48 аборигенных памятников зоны тундры, лесотундры и северной тайги и 127 955 экземпляров костных остатков с 6 памятников русского населения. До XV века видовой состав костных остатков практически не менялся, основным массовым видом на протяжении почти двух тысячелетий оставался северный олень, лишь с рубежа XV–XVI веков произошли заметные изменения как количественного, так и качественного состава видов. Доля пушных животных (песец, соболь, бобр) количественно увеличилась к XVI–XVII векам, а затем снова упала в XVIII веке. Одновременно с этим сначала эпизодически (Надымский городок), затем постоянно на этой территории появлялись домашние животные (крупный и мелкий рогатый скот, свинья, лошадь). Оба эти процесса непосредственно связаны с проникновением в регион русского населения, а появление и становление в XVII–XVIII веках животноводства как жизнеобеспечивающей отрасли хозяйства на севере Сибири — с появлением стационарных русских населенных пунктов (Мангазея, Березов, Старотуруханск и др.). И если увеличение доли пушных животных знаменует появление и укрепление торгово-меновых отношений в регионе, то появление животноводства связано с изменением системы питания.

В этом контексте домашние животные могут стать этнически определяющим признаком на рассматриваемой территории в конкретном хронологическом периоде.

Изучение исторической экологии древнего населения севера Западной Сибири только начинается, и потребуются усилия многих специалистов, чтобы получить достаточно детальную картину. В настоящее время основной задачей является накопление фактического материала, и, как показывает опыт, вполне реально получить его в объеме, необходимом для полноценных реконструкций. Материал, которым мы располагаем, позволяет сделать принципиально важные выводы и сформулировать основные проблемы.

Проведенный обзор выявил несколько нерешенных проблем, часть из них связана с отсутствием материалов. Это касается в первую очередь сезонного населения тундровой зоны — промысловая деятельность на территории севера Западной Сибири в настоящее время может быть реконструирована только теоретически, на основе этнографических данных. В определенной степени это относится также и к северо-таежной зоне. Другая проблема, касающаяся главным образом северного оленя, носит скорее методический характер. С одной стороны, речь идет о поиске признаков, на основании которых стало бы возможно разделить остатки дикой и домашней форм и таким образом оценить роль охоты на дикого оленя в хозяйстве коренного населения. С другой — о точной дифференциации лесного и тундрового подвидов на территории Западной Сибири. Решить описанную проблему значило бы оценить масштабы миграций населения в пределах тайги — лесотундры — тундры; таким образом, мы смогли бы реконструировать хозяйственный и промысловый циклы. Имеющиеся в настоящее время материалы позволяют приблизиться к этому.

Еще одна проблема — комплексная, историко-биологическая: определение времени перехода коренного населения к использованию в рыболовстве крупных сетей и неводов русского производства. Данный вопрос представляется крайне важным, так как наряду с товарным пушным промыслом товарное рыболовство было основным фактором изменения уклада и образа жизни коренного населения севера Западной Сибири. Помимо этого существует ряд более частных актуальных проблем, решение которых видится вполне реальным.

Сейчас может быть дана общая характеристика хозяйственной деятельности коренного населения лесотундровой и северо-таежной зон севера Западной Сибири с древности и до этнографического времени. Тундровая зона в обозначенный период заселяется людьми только в теплые сезоны, когда население лесотундровой и отчасти северо-таежной зон совершало миграции в тундру, на зиму возвращаясь назад. Никаких следов «приморской культуры» не найдено — в силу объективных причин она не могла здесь в это время существовать. В XVI–XVIII веках нововведения в культуре коренного населения, появившиеся в результате тесных контактов с русским этносом, привели к значительным изменениям как характера и структуры промысловой деятельности, так и всего образа жизни коренного населения. Положено начало крупностадному оленеводству; товарному промыслу пушных видов. Сформировалась группа оседлого населения, живущего в основном за счет рыболовства. Изменились санитарно-эпидемиологическая обстановка и структура питания.

На сегодняшний день нами получен полноценный материал для историко-экологической реконструкции системы расселения и адаптации населения на северных территориях Урала и Сибири. На первый взгляд, без углубленного анализа всех источников, можно выявить общие принципы и закономерности этого процесса.

Расселение и адаптация аборигенных этносов находились в прямой зависимости от экологии видов животных (их биологии и динамики численности). Население кочевало вслед за промысловыми видами, и сезонность поселений зависела от сезонных миграций животных. Даже после доместикации северного оленя сохраняется эта система связей. Хотя доместикация оленя и ослабила зависимость населения от численности и сезонного территориального распределения основных промысловых видов, но одновременно сделала хозяйство менее устойчивым, так как оно стало ориентироваться на один вид.

Прибывающее в этот регион североевропейское население привносит новый тип адаптации к экологическим условиям региона. В первую очередь он связан с доставкой продуктов сельского хозяйства и животноводства из других регионов. Для европейского, оседлого, населения одних местных продуктов было недостаточно. Жители Мангазеи, занимавшиеся промыслом (добывая пушнину, т. е. товар, а не пищу), не могли в полной мере обеспечивать себя продуктами питания и потому потребляли как местные продукты (оленину, мясо птицы и рыбу), так и привозные (зерно, муку и т. п.). Кроме того, они разводили домашних животных. Русские поселенцы усвоили и использовали навыки местного населения (в различных аспектах жизни), но зависели от привозных ресурсов, так как своей задачей видели в первую очередь товарный (пушной) промысел.

В суровых природных условиях региона аборигенное население периодически попадало в кризисное состояние, связанное с естественными условиями (климатическими изменениями, динамикой численности промысловых видов, эпизоотиями среди оленей и др.). Результатами этих кризисов могло стать полное исчезновение тех или иных групп населения. Даже жители Мангазеи, судя по документальным источникам, несмотря на дополнительное снабжение, переживали несколько голодных периодов. И в конце концов город оказался брошенным, когда в окрестностях были выбиты все пушные звери, то есть исчерпался экологический ресурс, благодаря которому здесь обосновались люди.

На протяжении всего рассматриваемого периода, вплоть до XIX века, все население региона (как аборигенное, так и пришлое) находилось в прямой зависимости от состояния популяций основных промысловых видов и всей экологической системы региона. Лишь к XIX веку ситуация с продовольственным обеспечением начала стабилизироваться. Животноводство, сформировавшееся здесь в XVII веке с появлением оседлого русского населения, развивается и перенимается местными народами (коми, вогулами и др.). В регионе растет поголовье крупного рогатого скота, появляются племенные породы крупного и мелкого рогатого скота, свиней, развивается крупностадное оленеводство.

SUMMARY

This paper presents the diverse historical and paleoecologic sources covering the economic system and the environmental system of the population of northern Siberia in different historical periods, from the Stone Age to the beginning of the XX century.

Various types of these sources were grouped according to the three parts of the book. The first part presents about a hundred documentary sources, including information of foreign authors of XIII–XVII centuries, clerical documents of XVII-XVIII centuries, materials of Russian and foreign researchers of XVIII – beginning of XX century, folkloric and ethnographic sources. The contents of historical documents are completed by the graphic sources.

These materials completely illustrate the ecological and social aspects (settlement, migration, trade and business activities) of life of aboriginal and alien population of the region. However, they cover a narrow chronological interval associated with the period of opening of the north by Moscow State, while presenting a rather motley ethnic picture, where it is not always possible to identify the ethnic characteristics and methods of adaptation to rather harsh environmental conditions of the region. It is very difficult to isolate the way of borrowing of adaptation methods of different nations from the documents of XVI–XIX centuries, a period when the indigenous and alien ethnic groups for quite a long time have lived in this area in direct interaction. Earlier documentary sources that could illustrate the peculiarities of living of some nations individually are absent.

Based on the available historical materials, we can not fully reconstruct the natural environment, where the formation and adaptation of local cultures took place. Their successful survival was totally dependent on the aspects of biology and ecology of the animal species that inhabited the area.

In the second part of the book are described 21 species of game mammals, 29 species of birds and 12 species of fish, as well as 7 species of domestic animals that formed the basis of life necessities of the population in the region. This species composition has been typical for this area since the beginning of the Holocene, and its changes were associated with either the population dynamics of individual species (for example, a fairly significant change in the range of elk), or with anthropogenic load (reduction of ranges of sable, beaver). Significant changes in the economic structure of life of the local population have occurred since the domestication of reindeer. For today there is no accurate data on the transition time from the transport reindeer herding to the large-scale one, but there are hypotheses that are very different. Another milestone in the change of emphasis of life necessities was the emergence in this area of domestic animals with the advent of alien (Slavic-Finnish, Russian) population and establishment of cattle breeding of indigenous ethnic groups.

The third part presents the paleoecologic sources from 54 archaeological sites in Siberia. In total, there are descriptions of archaeozoological collections, including 304 471 samples of fossil bones from 48 aboriginal sites of tundra, forest-tundra and northern taiga and 127 955 samples of fossil bones from 6 sites of Russian population. Before the XV century the species composition of the fossil bones remained virtually unchanged, the dominant species for nearly two millennia was reindeer. Only at the turn of the XV–XVI centuries a distinct change occurred in both quantitative and qualitative composition of species. The part of fur-bearing animals (fox, sable, beaver) quantitatively increased in XVI–XVII centuries, and then dropped again in the XVIII century. Simultaneously, at first occasionally (Nadym town) and then permanently in this territory domestic animals (beef and small cattle, pig, horse) appeared. Both of these processes are directly related to the penetration of the Russian population in the region. The emergence and establishment of livestock breeding as life-supporting industry in the north of Siberia in XVII–XVIII centuries is attributed to the advent of stationary Russian settlements (Mangazeya, Berezov, Staroturuhansk, etc.). And if the increase in the proportion of fur-bearing animals marks the emergence and strengthening of trade and barter relations in the region, the occurrence of livestock breeding is related to the changes in the food patterns. In this context, domestic animals can become ethnically defining feature of the studied area in a specific time period.

The study of the historical ecology of the ancient population of the north of Western Siberia is just beginning and it will take the efforts of many professionals to get sufficient comprehensive picture. For today, the main task is to accumulate factual material, and, as experience shows, it is possible to get it to the extent necessary for full reconstruction. Material, that we have, allows us to make the most important findings and formulate the basic problems.

Conducted review identified a number of unresolved issues, some of them are related to the lack of materials. It primarily refers to the seasonal population of tundra - the trade activity in the north of Western Siberia can now be reconstructed only in theory, on the basis of ethnographic data. To some extent, this also refers to the north-taiga zone. Another problem relating mainly reindeer is more of a methodical nature. On the one hand, it's about finding of signs, on the basis of which it would be possible to separate the remains of wild and domestic forms of reindeer and thus to evaluate the role of hunting wild reindeer in the economy of the indigenous population. On the other hand, it's about the precise differentiation of forest and tundra subspecies in Western Siberia. To tackle an issue would mean to evaluate the extent of migration of the population within the taiga – forest tundra – tundra. In such a way we could reconstruct the economic and trade cycles. Available materials allow to come close to it.

Another problem is a comprehensive one, historical and biological: the timing of transition of the indigenous population to the use in fishing of large nets and seines of Russian production. This issue is extremely important, because along with the fur trade the trade fishing was the main factor in changing way of life of the indigenous population of the north of Western Siberia. In addition, there is a number of more specific topical issues which solution seems quite real.

Now may be given the general characteristics of economic activities of the indigenous population of the forest-tundra and northern taiga zones of north of Western Siberia, from ancient times to the ethnographic time. Tundra zone in this period was populated by people only during the warm seasons, when the population of the forest-tundra and partly north-taiga zone migrated to the tundra and in the winter went back. No trace of «maritime culture» was found. Due to external factors, it could not exist there at that time. In the XVI–XVIII centuries, innovations in the culture of the indigenous population, resulting from close contact with the Russian ethnic group, have led to significant changes in both the nature and structure of trade activities and the whole way of life of the indigenous population. Large-scale reindeer herding and trade activity of fur game were introduced. Was formed a group of sedentary population living mainly by means of fishing. Sanitary and epidemiological situations and the structure of food patterns were changed.

For today, we have received a complete material for historical and ecological reconstruction of the settlement and adaptation systems of the population in the northern regions of the Urals and Siberia. At first glance, without in-depth analysis of all the sources, it is possible to identify the general principles and common factors of this process.

Resettlement and adaptation of indigenous ethnic groups were directly related to the ecology of animals (their biology and population dynamics). The population roamed after the target species. Seasonality of settlements depended on the seasonal migrations of animals. Even after the domestication of reindeer this correlation continued. Although the domestication of reindeer weakened the population's dependence on abundance and seasonal spatial distribution of target species, at the same time it made the economy less stable, as it began to focus on a single species.

Coming into this region North European population brought a new type of adaptation to the environmental conditions of the region. First of all, it was associated with the delivery of agricultural products and livestock produce from other regions. For the European settled population only local products were not enough. Residents of Mangazeya, engaged in trade activity (getting furs, in other words, the goods, not the food) were not able to provide themselves with food entirely and therefore consumed as local products (venison, poultry and fish) as imported ones (grain, flour, etc.). Furthermore, they diluted domestic animals. Russian settlers learned and used the skills of the local population (in various aspects of life), but they depended on imported resources, because the most important for them was trade (fur) activity.

In the harsh environment of the region aboriginal population periodically fell into crisis due to natural conditions (climate change, population dynamics of target species, epizootic diseases among reindeer, etc.). The results of these crises could be the extinction of certain groups of the population. Even residents of Mangazeya, according to documentary sources, in spite of the additional supply, experienced several periods of famine. In the end, the town was abandoned, when in the neighborhood all fur-bearing animals were killed off. It means that environmental resource due to which people settled here has been depleted.

During the period under review up to the XIX century, the entire population of the region (both aboriginal and alien) was in direct relation to the population status of target species and the entire ecological system of the region. Only in the XIX century the situation with the food supply began to stabilize. Livestock breeding, which was formed here in the XVII century, with the advent of settled Russian population evolved and was taken over by local people (Komi, Voguls, etc.). In the region the number of cattle stock was increasing, original stock of beef, small cattle and pigs emerged, large-scale reindeer herding was developing.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

Археологические источники

Брусницина А. В., И-1999. Отчет об археологических разведках в Приуральском и Ямальском районах Ямало-Ненецкого автономного округа в 1997 году. Салехард, 1999 // Арх. Ин-та археологии РАН Ф. 1. Р. 1. Д. 22241. 195 с.

Брусницина А. В., И-2005. Историко-культурное обследование трассы проектируемой автодороги «Харасавэй-Бованенково» в Ямальском районе ЯНАО летом 2004 года Екатеринбург — Салехард, 2005.

Визгалов Г. П., И-2000. Отчет об археологических исследованиях городища Мангазея в 1999 году. Нефтеюганск, 2000 // Арх. НПО «Северная археология — 1» (СА-1). Р-I. Д. 41.

Визгалов Г. П., И-2001. Археологические исследования городища Мангазея в 2000 году. Нефтеюганск, 2001 // Арх. СА-1. Р-I. Д. 53.

Визгалов Г. П., И-2002. Раскопки городища Мангазея в 2001 году. Нефтеюганск, 2002 // Арх. СА-1. Р-I. Д. 70.

Визгалов Г. П., И-2003. Раскопки городища Мангазея в 2002 году. Нефтеюганск, 2003 // Арх. СА-1. Р-I. Д. 86.

Визгалов Г. П., И-2004. Раскопки городища Мангазея в 2003 году. Т. 1. Нефтеюганск, 2004 // Арх. СА-1. Р-I. Д. 109/1.

Визгалов. Г. П., И-2005. Раскопки городища Мангазея в 2004 году. Кн. 1. Нефтеюганск, 2005 // Арх. СА-1. Ф. I. Р-I. Д. 130/1.

Визгалов. Г. П., И-2006а. Отчет о НИР. Раскопки городища Мангазея в 2005 году. В 2 кн. Кн. 1. Нефтеюганск, 2006 // Арх. СА-1. Ф. I. Д. 161/1.

Визгалов. Г. П., И-2006б. Отчет о НИР. Комплексные научные исследования по археологическим раскопкам городища Мангазея в 2006 году. Кн. 1. Нефтеюганск, 2006 // Арх. СА-1. Ф. I. Д. 187/1.

Визгалов Г. П., И-2006в. Отчет о НИР. Выявление и обследование объектов культурного наследия в черте города Салехард и его окрестностях в 2005 году. Нефтеюганск, 2006 // Арх. СА-1. Ф. I. Д. 172

Визгалов Г. П., И-2006г. Отчет о НИР. Археологическое обследование бассейна р. Таз в Тазовском районе ЯНАО, проведенное летом 2005 года. Нефтеюганск 2006 // Арх. СА-1. Ф. I. Д. 141.

Визгалов Г. П., И-2007а. Отчет о НИР. Археологические исследования в городе Салехард и его окрестностях в 2006 году. Нефтеюганск, 2007 // Арх. СА-1. Ф. I. Д. 195.

Визгалов Г. П., И-2007б. Отчет о НИР. Комплексные научные исследования по археологическим раскопкам Березовского городища в Березовском районе ХМАО в 2007 году. Нефтеюганск, 2007 // Арх. СА-1. Ф. I. Д. 200.

Визгалов Г. П., И-2008а. Отчет о НИР. Комплексные научные исследования по археологическим раскопкам городища Мангазея в 2007 году. В 2 кн. Нефтеюганск, 2008 // Арх. СА-1. Ф. I. Д. 231/1, 2.

Визгалов Г. П., И-2008б. Отчет о НИР. Аварийно-спасательные работы на Ляпинском остроге в Березовском районе ХМАО-Югры. Нефтеюганск, 2008 // Арх. СА-1. Ф. I. Д. 255.

Визгалов Г. П., И-2008в. Отчет о НИР. Археологическая разведка в бассейне р. Турухан в Туруханском районе Красноярского края. Старотуруханское городище XVII — сер. XX вв. Нефтеюганск, 2008 // Арх. СА-1. Ф. I. Д. 213.

Визгалов Г. П., И-2008г. Отчет о НИР. Аварийные раскопки поселения Нярмаяха 1 на территории Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа летом 2007 года. Нефтеюганск, 2008.

Визгалов Г. П., И-2009а. Отчет о НИР. Комплексные археологические исследования города Мангазея XVII века в 2008 году. В 2 кн. Нефтеюганск, 2009 // Арх. СА-1. Ф. I. Д. 280/1–2.

Визгалов Г. П., И-2009б. Отчет о НИР. Проведение аварийно-спасательных археологических работ на культурном слое исторического поселения Березово в 2008 году. В 2 кн. Нефтеюганск, 2009 // Арх. СА-1. Ф. I. Д. 279/1–2.

Визгалов Г. П., И-2009в. Отчет о НИР. Комплексные археологические исследования Старотуруханского городища в Туруханском районе Красноярского края в 2008 году. В 2 кн. Нефтеюганск, 2009 // Арх. СА-1. Ф. I. Д. 263/1–2.

Визаглов Г. П., И-2010а. Отчет о НИР. Комплексные археологические исследования города Мангазея XVII века в 2009 году. Нефтеюганск, 2010. Кн. 1 // Арх. СА-1. Ф. I. Д. 292/1.

Визгалов Г. П., И-2010б. Отчет о НИР. Комплексные археологические исследования Старотуруханского городища в Туруханском районе Красноярского края в 2009 году. В 2 кн. Нефтеюганск, 2010 // Арх. СА-1. Ф. I. Д. 294/1–2.

Визгалов Г. П., И-2010в. Отчет о НИР. Проведение аварийно-спасательных археологических работ на культурном слое исторического поселения Березово. Нефтеюганск, 2010. Т. 1, 2 // Арх. СА-1. Ф. I. Д. 302/1–3.

Визгалов Г. П., И-2011. Отчет о НИР. Комплексные археологические исследования Старотуруханского городища в Туруханском районе Красноярского края в 2010 году. В 2 кн. Нефтеюганск, 2011 // Арх. СА-1. Ф. I. Д. 314/1–2.

Кардаш О. В., И-1999. Отчет о НИР. Археологические исследования Надымского городища летом 1998 года. Нефтеюганск, 1999. Т. 1–2.

Кардаш О. В., И-2000. Отчет о НИР. Комплексное изучение Надымского городища в 1999 году. Нефтеюганск, 2000. Т. 3. Дендрохронологические исследования. Т. 4. Археозоологические исследования // Арх. СА-1. Ф. I. Д. 38/3, 4.

Кардаш О. В., И-2001. Отчет о НИР. Комплексное изучение Надымского городища в 2000 году. Нефтеюганск, 2001. Т. 3. Дендрохронологические исследования. Т. 4. Археозоологические исследования // Арх. СА-1. Ф. I. Д. 52/3, 4 .

Кардаш О. В., И-2002. Отчет о НИР. Комплексное изучение Надымского городища в 2001 году. Нефтеюганск, 2002. Т. 2. Дендрохронологические исследования. Т. 3. Археозоологические исследования // Арх. СА-1. Ф. I. Д. 68/2, 3.

Кардаш О. В., И-2003. Отчет о НИР. Комплексное изучение Надымского городища в 2002 году. Нефтеюганск, 2003. Т. 2. Дендрохронологические исследования. Т. 3. Археозоологические исследования // Арх. СА-1. Ф. I. Д 85/2, 3.

Кардаш О. В., И-2004. Отчет о НИР. Комплексное изучение Надымского городища в 2003 году. Нефтеюганск, 2004. Т. 2. Дендрохронологические исследования. Т. 3. Археозоологические исследования // Арх. СА-1. Ф. I. Д. 99/2, 3.

Кардаш О. В., И-2005а. Отчет о НИР. Комплексное изучение Надымского городища в 2004 году. Нефтеюганск, 2005. Т. 2. Дендрохронологические исследования. Т. 3. Археозоологические исследования // Арх. СА-1. Ф. I. Д. 136/3.

Кардаш О. В., И-2005б. Отчет о НИР. Археологические раскопки территории стоянки Салехард 1 (Обдорский городок) планируемой под строительство архитектурного ансамбля «Город мастеров» в 2004 году. Нефтеюганск, 2005 // Арх. СА-1. Ф. I. Д. 135.

Кардаш О. В., И-2006а. Отчет о НИР. Комплексное изучение Надымского городища в 2005 году. Т. 2. Дендрохронологические исследования. Т. 3. Археозоологические исследования. Нефтеюганск, 2006 // Арх. СА-1. Ф. I. Д. 162/2, 3.

Кардаш О. В., И-2006б. Отчет о НИР. Аварийные археологические раскопки стоянки Салехард 1 (Обдорский городок) летом 2005 года. Нефтеюганск 2006 // Арх. СА-1. Ф. I. Д. 159.

Кардаш О. В., И-2006в. Отчет о НИР. Проведение полевых исследований в зоне обустройства Бованенковского месторождения на территории Ямало-Ненецкого автономного округа. Нефтеюганск, 2006.

Кардаш О. В., И-2007а. Отчет о НИР. Комплексные исследования Надымского городища в 2006 году. Нефтеюганск, 2007. Т. 3. Археозоологические исследования // Арх. СА-1. Ф. I. Д. 182/3.

Кардаш О. В., И-2007б. Отчет о НИР. Аварийные раскопки стоянок Коматы 2 и Коматы 3 на оси системы магистральных газопроводов «Бованенково-Ухта» в Приуральском районе Ямало-Ненецкого автономного округа. Нефтеюганск, 2007.

Кардаш О. В., И-2008а. Отчет о НИР. Комплексное изучение Надымского городища в 2007 году. Археологические исследования. Нефтеюганск, 2008 // Арх. СА-1. Ф. I. Д. 234.

Кардаш О. В., И-2008б. Отчет о НИР. Комплексное изучение городища Бухта Находка в 2007 году. Нефтеюганск, 2008 // Арх. СА-1. Ф. I. Д. 225.

Кардаш О. В., И-2008в. Отчет о НИР. Комплексные археологические исследования Надымского городка XV–XVI вв. в 2008 году. Нефтеюганск, 2008 // Арх. СА-1. Ф. I. Д. 273.

Кардаш О. В., И-2008г. Отчет о НИР. Проведение полевых исследований по аварийным раскопкам археологических памятников на трассе объекта «Линейная часть, 1-ая нитка. Участок км 186,7–526,7» системы магистральных газопроводов «Бованенково-Ухта» в пределах Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа (в границах км 284 — км 287)» летом 2008 г. Москва — Нефтеюганск, 2008.

Кардаш О. В., И-2010. Отчет о НИР. Комплексные археологические исследования Надымского городка XV–XVI вв. в 2009 году. Нефтеюганск, 2010 // Арх. СА-1. Ф. I. Д. 303.

Кардаш О. В., И-2011. Отчет о НИР. Комплексные археологические исследования Надымского городка XV–XVI вв. в 2011 году. Нефтеюганск, 2011. Кн. 1. Аварийные археологические раскопки Надымского городища в Надымском районе Ямало-Ненецкого АО летом 2011 г. // Арх. СА-1. Ф. I. Д. 340.

Косинская Л. Л., И-1992. Отчет о разведке в зоне Сугутского нефтяного месторождения // Надымский и Пуровский районы Тюменской обл. в 1991 г. Екатеринбург, 1992 // Арх. каб. археол. УрГУ. Ф. II. Д. 502.

Косинская Л. Л., И-2001. Отчет об археологических исследованиях на оз. Пякуто в Пуровском р-не Ямало-Ненецкого автономного округа. Екатеринбург, 2001 // Арх. каб. археол. УрГУ. Ф. II. Д. 626.

Кочегов Е. И, Федорова Н. В., И-1993. Отчет об археологической разведке в Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого автономного округа (р. Войкар — оз. Войкарский сор). Екатеринбург, 1993 // Арх. каб. археол. УрГУ. Ф. II. Д. 326.

Морозов В. М., И-1987. Отчет о раскопках на трассах газопроводов в районе д. Низямы и Хуллор и пос. Комсомольский Тюменской области. Свердловск, 1987 // Арх. каб. археол. УрГУ. Ф. II. Д. 443.

Пархимович С. Ю., И-2012. Отчет о НИР. Комплексное археологическое исследование города Мангазея XVII века в 2011 г. Нефтеюганск, 2012. Кн. 1, 2 // Арх. СА-1. Ф. I. Д. 333/1–2.

Петрова Е. Н., И–2007. Отчет о НИР. Археологические исследования в Красноселькупском районе Ямало-Ненецкого автономного округа, проведенные летом 2006 года. Нефтеюганск, 2007 // Арх. СА-1. Ф. I. Д. 251.

Старков В. Ф., И-1970. Отчет о работах Мангазейской экспедиции арктического и антарктического НИИ в 1970 г. // Арх. Ин-та археол. РАН. Р-1. Д. 4402.

Старков В. Ф., И-1973. Отчет о работе мангазейской экспедиции арктического и антарктического института. 1973 г. // Арх. Ин-та археол. РАН. Р-1. Д. 5173.

Стефанов В. И., И-1994. Отчет о раскопках поселений Амня I и Амня II в Белоярском районе Ханты-Мансийского автономного округа (1993 г.). Екатеринбург, 1994 // Арх. каб. археол. УрГУ. Ф. II. Д. 543.

Федорова Н. В., И-2004. Отчет о НИР. Археологические раскопки городища Усть-Войкарского в Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого автономного округа в 2003 году. Екатеринбург — Салехард, 2004.

Федорова Н. В., И-2005а. Отчет о НИР. Археологические раскопки городища Усть-Войкарского в Шурышкарском районе ЯНАО в 2004 году. Екатеринбург — Салехард, 2005.

Федорова Н. В., И-2005б. Отчет о НИР. Археологические раскопки городища Усть-Войкарского в Шурышкарском районе ЯНАО в 2005 году. Екатеринбург — Салехард, 2005.

Федорова Н. В., И-2006. Отчет о НИР. Археологические раскопки городища Усть-Войкарского (Войкарский городок) в Шурышкарском районе ЯНАО в 2006 году. Нефтеюганск, 2006.

Федорова Н. В., И-2007. Отчет о НИР. Археологические раскопки городища Усть-Войкарского (Войкарский городок) в Шурышкарском районе ЯНАО в 2007 году. Нефтеюганск — Салехард, 2007.

Чибиряк В. Э., И-2008. Отчет о НИР. Аварийные археологические раскопки стоянок Нярмаяха 3 и Нярмаяха 4 в зоне строительства магистрального газопровода «Бованенково-Ухта» по территории Приуральского района ЯНАО в 2008 году. Нефтеюганск, 2008.

Шульга П. С., И-2009. Отчет о НИР. Проведение полевых исследований в бассейне реки Собь и окрестностях поселка Катравож Приуральского района ЯНАО в 2008 году. Нефтеюганск, 2009 // Арх. СА-1. Ф. I. Д. 274.

Литература

Абрамов Н. А. 1857. Описание Березового края // Зап. Рус. Географ. о-ва. Кн. 12. СПб., 1857. С. 327–448.

Абрамов Н. А., 1993. Описание Березовского края. Шадринск: Исеть, 1993. 84 с. (Библиотечка журнала «Югра»)

Адаев В. И., 2007. Традиционная экологическая культура хантов и ненцев. Тюмень: Вектор Бук, 2007. 240 с.

Адрианов В. С., 1936. Археологические раскопки в районе Сале-Харда // Красный Север. 1936. № 122 (7420). 24 сент.

Адрианов В. С., 1936. Материалы нижне-обской археологической экспедиции Института археологии и этнографии СССР в 1935 и 1936 гг. Раскопки у устья реки Полуй. Фотографии, карты, записи (к коллекциям N 5331 и N 5455) // Архив Музея антропологии и этнографии (МАЭ) РАН. С. 728–729. К-I. Оп. 2.

Акаевский А. И., 1939. Анатомия северного оленя. Л.: Главсевморпути, 1939. 328 с.

Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Описи копийных книг. В 2 т. / под ред. А. Х. Элерта, Н. С. Гурьяновой, Д. Я. Резуна. Новосибирск: Сибирский хронограф.

Т. I. 1993. 250 с.

Т. II. 1995. 303 с.

Алексашенко Н. А., Брусницына А. Г., Литвиненко М. Н. и др., 2005. Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье / под ред. Н. В. Федоровой. Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2005. 368 с.

Алексеев М. П., 1941. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1941. 612 с.

Алешков А. Н., 1929. Ляпинский край // Северный Урал. Мат. Комиссии экспедиционных исследований. 1929. Вып. 7. С. 33–75.

Алквист А., 1999. Среди хантов и манси: Путевые записи и этнографические заметки / пер. с нем. Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 179 с.

Амстиславский А. З., 1959. Наблюдения над экологией пеляди в Шурышкарском сору (бассейн Нижней Оби) // Материалы по фауне Приобского Севера. Тр. Салехард. стационара. 1959. Вып. 1. С. 81–100.

Андреев А. И., 1947. Описания о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясачных иноверцах // Совет. этнография. 1947. № 1. С. 84–103.

[*Андреев А., Сыромятников А.*], *1895.* Поездка на Северный Урал летом 1892 года. Сост. по дневникам гг. Сыромятникова и Андреева Н. Подревский. М.: Изд-во А. А. Сыромятникова, 1895.

Андреев В. Н., Игошина К. Н., Лесков А. И., 1935. Оленьи пастбища и растительный покров полярного Приуралья // Совет. оленеводство. 1935. Вып. 5. С. 171–406.

Андреяшкина Н. И., Пешкова Н. В., 1995. Субарктические тундры // Природа Ямала. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1995. С. 188–201.

Аннотированный каталог круглоротых и рыб континентальных вод России / под ред. Ю. С. Решетникова. М.: Наука, 1998. 220 с.

Анучин В. И., 1906. Предварительный отчет по поездке к енисейским остякам в 1905 г. // Изв. Рус. комитета по изучению Средней и Восточной Азии. 1906. Т. 6. С. 38–50.

Анучин В. И., 1916. В стране черных дней и белых ночей (Туруханский край) // Знание для всех. № 8. Петроград, 1916. 33 с.

Аристов А. А., Барышников Г. Ф., 2001. Млекопитающие фауны России и сопредельных территорий. СПб.: Зоолог. ин-т, 2001. 560 с.

Аристов Н., 1866. Промышленность древней Руси. СПб, 1866. 324 с.

Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. Информационный справочник «Наследие». Екатеринбург, 2011. 128 с.

Атлас Ямало-Ненецкого автономного округа [Карты] / администрация ЯНАО, экол.-географ. ф-т Тюмен. гос. ун-та; [сост. и подгот. к изд. ФГУП «Омская картографическая фабрика»; гл. ред. С. И. Ларин]. Омск: Омская картограф. ф-ка, 2004. С. 299–303.

Бакеев Ю. Н., 1977. Бассейн Средней Волги, Урал и прилегающая часть Западной Сибири // Колонок, горностай, выдра. М., 1977. С. 17–31.

Бакеев Ю. Н., Бакеев Н. Н., 1973. Урал и Западная Сибирь // Соболь, куницы, харза. М., 1973. С. 172–185.

Бартенев В. В., 1998. На крайнем северо-западе Сибири. Очерки Обдорского края // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века / сост. Л. П. Рощевская, В. К. Белобородов. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. С. 114–217.

Бахмутов В. А., 1971. К изучению численности белой куропатки в Большеземельской тундре, на Ямале и Таймыре // Экология. 1971. № 3. С. 100–101.

Бахмутов В. А., 2004. Бурый медведь // Ямал: энцикл. Ямало-Ненецкого автономного округа. Салехард, 2004. С. 157–158.

Бахмутов В. А., Азаров В. И., 1981. Распределение, численность и миграции дикого северного оленя на севере Тюменской области // Численность и распределение наземных позвоночных Ямала и прилегающих территорий. Свердловск, 1981. С. 19–26.

Бахрушин С. В., 1955а. Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII вв. // Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 86–152.

Бахрушин С. В., 1955б. Самоеды в XVII в. // Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 5–12.

Бахрушин С., 1955в. В. Ясак в Сибири в XVII в. // Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 49–85.

Бачура О. П., 2008. Сезон и возраст забоя северных оленей из городища Усть-Войкарское 1 // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. Т. III. М., 2008. С. 325–327.

Бачура О. П., 2010. Остатки млекопитающих из археологического памятника Усть-Полуй (раскопки 2009 года) // Динамика экосистем в голоцене. Екатеринбург, 2010. С. 40–44.

Бачура О. П., 2011а. Остатки млекопитающих из археологического памятника Усть-Полуй (раскопки 2006 года) // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 4. Тюмень, 2011. С. 145–149.

Бачура О. П., 2011б. Остатки северного оленя и собаки в коллекции с археологического памятника Усть-Полуй // VI Берсовские чтения. Екатеринбург, 2011. С. 223–226.

Бачура О. П., Лобанова Т. В., Бобковская Н. Е., 2011. Животноводство русского населения в городах на севере Урала и Сибири в XVII-XIX веках // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: сб. науч. ст. / под ред. Л. В. Татауровой. Омск, 2011.

Бачура О. П., Некрасов А. Е., 2010. Промысловые и домашние животные в хозяйственной деятельности населения городища Усть-Войкарский (XIV–XIX вв.) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2 (13). С. 206.

Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф., 1980. Мангазея. Мангазейский морской ход. Ч. 1. Л., 1980. 164 с.

Белявский Ф. М., 2004. Поездка к Ледовитому морю. Тюмень: Мандр и Ко, 2004. 296 с., [1] ил.

Бердюгин К. И., Большаков В. Н., Балахонов В. С. и др., *2007*. Млекопитающие Полярного Урала. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. 384 с.

Богданов В. Д., 2004. Рыбные ресурсы // Атлас Ямало-Ненецкого автономного округа. Салехард, 2004. С. 211.

Богданов В. Д., Богданова Е. Н., 2002. Рыбы бассейна р. Северная Сосьва // Экологические проблемы индустрии туризма на Приполярном Урале. Екатеринбург, 2002. С. 74–94.

Богданов В. Д., Богданова Е. Н., Госькова О. А. и др., *2000*. Ретроспектива ихтиологических и гидробиологических исследований на Ямале. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 2000. 88 с.

Богданов В. Д., Госькова О. А., 1995. Морские и анадромные рыболовные ресурсы // Природа Ямала. Екатеринбург, 1995. С. 374–382.

Бойков В. Н., 1981. Видовой состав и распределение млекопитающих и птиц в биотопах лесотундрового Приобья // Численность и распределение наземных позвоночных Ямала и прилегающих территорий. Свердловск, 1981. С. 38–62.

Большаков В. Н., Васильев А. Г., Шарова Л. П., 1996. Фауна и популяционная экология землероек Урала (Mammalia, Soricidae). Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1996. 268 с.

Брауде М. И., 1992. Экология водоплавающих птиц, охрана и рациональное использование их ресурсов // Природа поймы Нижней Оби. Наземные экосистемы. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. С. 153–173.

Брусницына А. Г., 2002. Нижнее Приобье в конце I тысячелетия н. э. (по материалам раскопок Питлярского городища в 2001 г.) // Науч. вестн. Вып. 11. Салехард, 2002. С. 14–18.

Брусницына А. Г., 2003. Городище Усть-Войкарское. Начало изучения // Угры. Материалы VI Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2003. С. 45–52.

Брусницына А. Г., 2005. Войкарский городок в XV–XIX вв. (по результатам раскопок 2003 и 2004 гг.) // Ямал между прошлым и будущим: приоритеты развития. Екатеринбург — Салехард, 2005. С. 22–32.

Брусницына А. Г., Ощепков К. А., 2000. Памятники археологии Среднего Ямала (левобережье нижнего течения р. Юрибей) // Древности Ямала. Вып. 1. Екатеринбург — Салехард, 2000. С. 79–111.

Буцинский П. Н., 1999а. Заселение Сибири и быт первых ее насельников // Соч. в 2 т. Т. 1. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 328 с.

Буцинский П. Н., 1999б. Мангазея, Сургут, Нарым и Кетск // Соч. в 2 т. Т. 2. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 328 с.

Бушевич А., 1914. Экскурсия в бухту Находка летом 1912 г. // Ежегодник Тобол. губерн. музея. 1914. Вып. 22. С. 1–86.

Бушен А., 1855. Опыт исследования о древней Югре // Вестн. Императ. Рус. Географ. общества. Ч. 14. СПб., 1855. С. 167–190.

Вавилов М. П., 1873. Охота в России во всех ее видах. В 7 отд. Отд. 4. М.: Тип. Ф. Иогансон, 1873. 192 с.

Вагнер И. Л., 1978. …Собственные описания с 1759 по 1763 год, содержащие сообщения и наблюдения о Сибири… // З. Д. Титова. Сообщения пленных иностранцев о народах Сибири (XVIII в.). Ч. II. // Вопр. археол. и этногр. Сибири. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1978. С. 91–103.

Варпаховский Н. А., 1898. Рыболовство в бассейне реки Оби. Т. I. Орудия рыболовства и продукты промысла. СПб.: Тип. С.-Петерб. Градоначальства, 1898. 143 с.

Василенко Б. И., 1997. Народная медицина ненцев Ямала. Салехард: Красный Север, 1997. 99 с.

Васильев В. И., 1979. Проблема формирования северосамодийских народностей. М.: Наука, 1979. 243 с.

Васильев В. И., 1962. Проблемы происхождения орудий запорного рыболовства обских угров // Сиб. этнограф: сб. Т. IV. М., 1962. С. 137–152.

Васильчук Ю. К., Петрова Е. А., Серова А. К., 1983. Некоторые черты палеогеографии голоцена Ямала // Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода, 1983. № 52. С. 73–89.

Вербов Г. Д., 1936. Лесные ненцы // Совет. этнография. 1936. № 2. С. 57–70.

Вершинин Е. В., 2001. Обдорские самоеды и экспедиция лейтенанта Д. Л. Овцына // Самодийцы : мат. IV Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 дек. 2001 г., Тобольск). Тобольск — Омск, 2001. С. 96–99.

Визгалов Г. П., 2005. Хозяйство и занятия посадского населения Мангазеи (По материалам раскопок 2001–2004 гг.) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005. С. 97–105.

Визгалов Г. П., Кардаш О. В., 2011. «Остяцкая усадьба» в посаде города Березова XVIII в. (по материалам археологических исследований 2008 г.) // Вестн. археол. антропол. и этногр. 2001. № 1 (14). С. 87–97.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., 2008. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург — Нефтеюганск: Магеллан, 2008. 296 с.

Визгалов Г. П., Рудковская М. А., 2011. Первые результаты археологических раскопок Старотуруханского городища (Новой Мангазеи) // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: сб. науч. ст. / под ред. Л. В. Татауровой. Омск, 2011. С. 180–188.

Вилков О. Н., 1967. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М.: Наука, 1967. 324 с.

Волжанина Е. А., 2011. Население и оленеводство Ямала в материалах переписи 1932–1933 гг. // Вестн. археол., антропол. и этногр. 2011. № 2(15).

Волкова В. С., Бахарева В. А., Левина Т. П. Растительность и климат голоцена Западной Сибири // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена: сб. М.: Наука, 1989. С. 90–95.

Встречь солнцу. История отечества в романах, повестях, документах // Из «Записок о русском посольстве в Китай (1692–1695) Избранта Идеса». М.: Мол. Гвардия, 1987. С. 481–529.

Гайдук В. Е., 1981. Сезонная и географическая изменчивость сроков линьки белки (*Sciurus vulgaris*) // Зоолог. журн. 1981. Т. 60. Вып. 1. С. 126–134.

Гашев С. Н., 1996. Териофауна Тюменской области и ее охрана // Состояние териофауны в России и ближайшем зарубежье. М., 1996. С. 83–90.

Георги И., 1799. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. В 4 ч. Ч. III. СПб., 1799. 168 с.: ил.

Гептнер В. Г., Насимович А. А., Банников А. Г., 1961. Млекопитающие Советского Союза, 1961. Т. 1. М.: Высш. шк. 776 с.

Гептнер В. Г., Наумов Н. П., Юргенсон П. Б. и др., *1967*. Млекопитающие Советского Союза. Т. 2. Ч. 1. М.: Высш. шк., 1967. 1004 с.

Гептнер В. Г., Чапский К. К., Арсеньев В. А. и др., *1976*. Млекопитающие Советского Союза. Т. 2. Ч 3. М.: Высш. шк., 1976. 720 с.

Главацкая Е. М., 2005. Религиозные традиции хантов 17–20 вв. Екатеринбург — Салехард: РА АРТмедиа, 2005. 360 с.

Главацкая Е. М., 2010. Население Обдорского района. По материалам переписи 1926–27 гг.: Этнокультурные характеристики // Науч. вестн. ЯНАО. Вып. 2(65): Ямал в панораме Российской истории. Салехард, 2010. С. 30–46.

Говорухин В. С., 1937. Флора Урала. Свердловск: Свердлгиз, 1937. 536 с.

Головнев А. В., 1993. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. 204 с.

Головнев А. В., 1995. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.

Головнев А. В., 2004. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 344 с.

Гололобов Е. И., 2009. Человек и природа на Обь-Иртышском Севере (1917–1930): исторические корни современных экологических проблем. Ханты-Мансийск: Ред.-изд. отдел БУ «Институт развития образования». 2009. 224 с.

Гондатти Л. Н., 1888. Предварительный отчет о поездке в Северо-Западную Сибирь. М.: Тип. А. А. Кариева, Комиссионера Имп. о-ва любителей естествозн., антропол. и этногр, 1888. 125 с.

Городков Б. Н., 1926. Краткий очерк населения крайнего северо-востока Западной Сибири // Изв. Рус. Географ. о-ва. 1926. Т. LVIII. Вып. 2. С. 56–76.

Городков Б. Н., 1929. Полярный Урал в верховьях рек Войкара, Сыни и Ляпина // Северный Урал: Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 7. 1929. С. 1–32.

Горячев В. М., Горячева Т. Д., Кардаш О. В., 2002. Хронология «Надымского городища» с помощью древесно-кольцевого анализа // Хронология и стратиграфия археологических памятников голоцена Западной Сибири и сопредельных территорий. Тюмень, 2002. С. 22–24.

Гофман Э., 1856. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. Исследования экспедиции, снаряженной Императорским Русским географических обществом в 1847, 1848 и 1850 годах. Т. II. СПб., 1856. 376 с.

Грачева Г. Н., 1980. Похоронная обрядность: Ненцы // Семейная обрядность народов Сибири. М.: Наука, 1980. С. 144–147.

Гриббин Дж., Лэм Х., 1980. Изменение климата за исторический период // Изменения климата. Л., 1980. С. 102–120.

Гричук В. П., 1950. Растительность Русской равнины в нижне- и средне-четвертичное время // Тр. ИГ АН СССР Т. XLVI. Вып. 3. Материалы по геоморфологии и палеогеографии СССР. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 5–202.

Гричук В. П., Заклинская Е. Д., 1948. Анализ ископаемых пыльцы и спор и его применение в палеогеографии. М.: Географгиз, 1948. 224 с.

Громов И. М., Ербаева М. А., 1995. Млекопитающие фауны России и сопредельных территорий. Зайцеобразные и грызуны. СПб.: Зоолог. ин-т., 1995. 522 с.

Гурская М. А., 2008. Дендрохронологическая датировка археологических образцов древесины городища Усть-Войкарского (Северо-Западная Сибирь) // Фауна и флора Северной Евразии в позднем кайнозое. Екатеринбург — Челябинск, 2008. С. 212–231.

Данилов Н. Н., 1975. Урал и Зауралье // Тетеревиные птицы. М., 1975. С. 59–82.

Данилов Н. Н., Рыжановский В. Н., Рябицев В. К., 1984. Птицы Ямала. М.: Наука, 1984. 134 с.

Дежкин В. В., Дьяков Ю. В., Сафонов В. Г., 1986. Бобр. М.: Агропромиздат, 1986. 256 с.

Дерюгин К. М., 1898. Путешествие в долину среднего и нижнего течения реки Оби и фауна этой области // Тр. Императ. С.-Петерб. о-ва естествоиспытателей. Отд. зоол. и физиол. 1898. Т. 29. Вып. 2. С. 47–140.

Де-Фер Г., 1936. Плавания Баренца (Diarium Nauticum) 1594–1597 / под ред. проф. В. Ю. Визе; пер. с лат. А. И. Малеина. Л.: Главсевморпути, 1936. 308 с.

Дмитриев-Садовников Г. М., 1917. Река Надым // Ежегодник Тобол. губерн. музея. Вып. 26. Тобольск: Тип. епархиального братства, 1917.

Добринский Н. Л., Кряжимский Ф. В., 1995. Морские млекопитающие // Природа Ямала: сб. ст. / отв. ред. Н. Л. Добринский. Екатеринбург: Наука, 1995. С. 368–373.

Доброва-Ядринцева Л. Н., 1925. Туземцы Туруханского края : Опыт исследования экономического положения / под ред. В. Лаврова. Новониколаевск: Сиб. рев. ком., 1925. 81 с.

Долгих Б. О., 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 621 с.

Долгих Б. О., 1970. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.: Наука, 1970. 269 с.

Долгушин Л. Д., 1951. Некоторые особенности рельефа, климата и современной денудации в Приполярном Урале. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 208 с.

Долгушин Л. Д., 1953. Расселение лося на севере Урала // Изв. АН СССР. Сер. «Географ». 1953. № 5. С. 55–57.

Доннер К. Р., 2007. К Оби через пустынную тундру // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. статей / отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2007. Вып. 5. 204 с.

Дунин-Горкавич А. А., 1897. Север Тобольской губернии: Опыт описания страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности ее населения // Ежегодник Тобол. губерн. музея. 1897. Вып. 8. 156 с.

Дунин-Горкавич А. А., 1904. Очерк народностей Тобольского Севера. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1904. 48 с.

Дунин-Горкавич А. А., 1910. Тобольский Север. Т. 2. Тобольск: Губерн. тип., 1910. 353 с. Прил. 57 с.

Дунин-Горкавич А. А., 1911. Тобольский Север. Т. 3. Тобольск: Губерн. тип., 1911. 140 с. Прил. 51 с.

Дунин-Горкавич А. А., 1918. Сведения о самоедах Тобольского Севера. Тобольск, 1918. 12 с.

Дунин-Горкавич А. А., 1995а. Тобольский Север. Т. 1. М.: Либерия, 1995. 376 с.

Дунин-Горкавич А. А., 1995б. Систематический обзор звероловного промысла (промысловой охоты) на Тобольском Севере // Исследователь Севера Александр Дунин-Горкавич. М.: Галарт, 1995. С. 161–179.

Дъяченко В. И., 2005. Охотники высоких широт: долганы и северные якуты. СПб.: Европейский дом, 2005. 272 с.

Евладов В. П., 1930. В тундрах Ямала. М., 1930. 68 с.

Евладов В. П., 1992. По тундрам Ямала к Белому острову. Тюмень: Ин-т проблем освоения Севера СО РАН, 1992. 281 с.

Егоров О. В., 1965. Дикие копытные Якутии. М.: Наука, 1965. 259 с.

Ерохин Н. Г., Бачура О. П., 2011. Новый подход к компьютерной формализации раздробленности костных остатков млекопитающих в археозоологических исследованиях // Методика междисциплинарных исследований: сб. науч. статей и метод. рекомендаций. Омск: Изд. дом «Наука», 2011. С. 62–69.

Ёсида А., 1997. Культура питания Гыданских ненцев (интерпретация и социальная адаптация) / отв. ред. З. П. Соколова; РАН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1997. 252 с.: ил.

Жирных Е. А., 2004. Археологические обследования в окрестностях п. Саранпауль // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. статей / отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2004. Вып. 2. С. 382–385.

Житков Б. М., 1912. Птицы полуострова Ямал // Ежегодник Зоол. музея Императ. Акад. Наук. Т. 17. 1912. С. 311–369.

Житков Б. М., 1913. Полуостров Ямал // Зап. Имп. Рус. Географ. о-ва по общей географии. Т. XLIX. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1913. 350 с.

Земля Ямал: Альбом ямальских экспедиций В. П. Евладова. М.: Советский спорт, 1998. 184 с.: ил.

Зибарев В. А., 1990. Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). Томск: Том. гос. ун-т, 1990. 207 с.

Зиннер Э. П., 1968. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 247 с.

Зуев В.Ф., 1947. Материалы по этнографии XVIII века (1771–1772). М.-Л.: АН СССР, 1947. 96 с. (Тр. Ин-та этнографии. Т. 5.)

Ивасько Л. В., Лобанова Т. В., 2003. Отражение некоторых ритуалов промысловых культов северных остяков в остеологических материалах Надымского городища (по данным комплексных исследований 1999–2003 гг.) // Угры: Материалы VI Сибир. симп. «Культурное наследие народов Сибири». Тобольск, 2003. С. 69–71.

Ильичев В. Д., Карташев Н. Н., Шилов И. А., 1982. Общая орнитология. М.: Высш. шк., 1982. 464 с.

Историко-этнографический атлас Сибири. М.-Л.: АН СССР, 1961. 498 с.

История Ямала: в 2 т. / Урал. отд-ние РАН, Ин-т ист. и археол.; гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург: Баско, 2010.

Источники по этнографии Западной Сибири: (полевые экспедиционные материалы, собранные в 1925–1938 гг. В. Н. Чернецовым) / ред. Г. Е. Марков, Н. В. Лукина; вступ. ст. Н. В. Лукиной. Томск: Том. гос. ун-т, 1987. 279 с.

Карасев Г. Л., 2006. Зоогеографическое районирование территории Западно-Сибирского региона по фауне рыб // Экология рыб Обь-Иртышского бассейна: кол. монография / ред. Д. Павлов, А. Мочек. М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2006. С. 37–70.

Кардаш О. В., 2005. Раскопки стоянки Салехард 1 в 1946 и 2004 гг. // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий // Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. С. 17–20.

Кардаш О. В., 2008. Оборонительно-жилые комплексы аборигенного населения субарктических районов Западной Сибири (по материалам комплексного изучения укрепленных поселений) // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда (Суздаль 20–25 октября 2008 г.). Т. II. М.: Изд-во ИА РАН. 2008. С. 460–463.

Кардаш О. В., 2009. Надымский городок. История и материальная культура конца XVI — первой трети XVIII вв. Нефтеюганск — Екатеринбург: Магеллан, 2009. 320 с.

Кардаш О. В., 2011а. Надымский городок в XV–XVI вв.: по результатам полевых исследований 2006–2008 гг. Археологические вести № 17 (2010–2011). СПб.: Изд. «Дмитрий Буланин», 2011. С. 193–202.

Кардаш О. В., 2011б. Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследований). Екатеринбург — Нефтеюганск: Изд-во АМБ, 2011.60 с.

Кардаш О. В., Лобанова Т. В., 2008. Опыт реконструкции хозяйства населения городища Бухта Находка XIV–XV вв. (по материалам археозоологических исследований) // Тр. II(XVIII) Всерос. археол. съезда (Суздаль 20–25 октября 2008 г.). Т. III. М.: Изд-во ИА РАН, 2008. С. 360–363.

Кастрен М. А., 1999а. Лапландия, Карелия, Россия // Соч. в 2 т. Т. 1 / под ред. С. Г. Пархимовича; сост. Ю. Л. Мандрика. Тюмень: Изд-во Юрия Мандрики, 1999. 256 с.

Кастрен М. А., 1999б. Путешествие в Сибирь (1845–1849) // Соч. в 2 т. Т. 2. / под ред. С. Г. Пархимовича; сост. Ю. Л. Мандрика; коммент. А. П. Зенько и С. Г. Пархимовича. Тюмень: Изд-во Юрия Мандрики, 1999. 352 с.

Касум-Ёх. Материалы для обоснования проекта этнической статусной территории. Шадринск: ПО «Исеть», 1993. 111 с.

Кириков С. В., 1960. Изменение животного мира в природных зонах СССР (XIII–XIX вв.): Лесная зона и лесотундра. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 156 с.

Кириков С. В., 1966. Промысловые животные, природная среда и человек. М.: Наука, 1966. 348 с.

Кирис И. Д., 1947. Закономерности и причины изменения численности белки в СССР // Тр. Всесоюз. науч.-исслед. ин-та охоты. Вып. 7. М., 1947. С. 30–66.

Клевезаль Г. А., 1988. Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. М.: Наука, 1988. 285 с.

Клумов С. К., 1935. Остров Вайгач, его промысловая фауна и промысловые возможности // Совет. Арктика. 1935. № 2. С. 54–57.

Книга о лошади. Т. 1 / сост. под рук. С. М. Буденного. М.: Гос. изд-во сельскохоз. лит-ры, 1952. С. 537–539.

Книга отцов: Материалы Приполярной переписи 1926–1927 гг. Полуостров Ямал / сост. С. Лёзова. Тобольск — Салехард, 1996. 123 с.

Козьмин В. А., 2003. Оленеводческая культура народов Западной Сибири. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 236 с.

Колосов А. М., Лавров Н. П., Наумов С. П., 1965. Биология промысловых зверей СССР. М.: Высш. шк., 1965. 510 с.

Кольс Р. Е., 1930. Река Таз (Тасу-Ям). Л.: Рус. географ. о-во, 1930. 27 с.

Конев А. Ю., 1995. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII — нач. XX в.). М., 1995. 217 с.

Корона О. М., 2005. Результаты палеокарпологического анализа // Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье / под ред. Н. В. Федоровой. Екатеринбург: Салехард: УрО РАН, 2005. С. 321–325.

Корона О. М., 2010. Макроостатки растений из археологических памятников позднего голоцена в лесотундре Западной Сибири. Динамика экосистем в голоцене. Екатеринбург — Челябинск: ООО «ЦИКР «Рифей», 2010. С. 110–112.

Корона О. М., 2011. Макроостатки растений из культурного слоя археологического памятника Усть-Полуй (Западная Сибирь) // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда, Великий Новгород — Старая Руса / РАН. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. 2. С. 39

Корытин Н. С., Богданов В. Д., Быков В. В. и др., *1995.* Традиционное использование биологических ресурсов // Природа Ямала / отв. ред. Л. Н. Добринский. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1995. С. 383–406.

Корытин Н. С., Головатин М. Г., 2002. Птицы и млекопитающие Березовского района // Экологические проблемы индустрии туризма на Приполярном Урале / Ин-т экологии растений и животных Уро РАН; сост. В. С. Дедков. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 94–101.

Корытин Н. С., Добринский Л. Н., Данилов А. Н. и др., *1995.* Млекопитающие // Природа Ямала / отв. ред. Л. Н. Добринский. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1995. С. 226–270

Косарев М. Ф., 1981. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. 279 с.

Косарев М. Ф., 1991. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М., 1991. 302 с.

Косинская Л. Л., Федорова Н. В., 1994. Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. Екатеринбург: УрО РАН, 1994.

Косинцев П. А., 1988. Голоценовые остатки крупных млекопитающих Западной Сибири // Современное состояние и история животного мира Западно-Сибирской низменности: сб. науч. трудов / отв. ред. А. В. Бородин. Свердловск: УрО РАН СССР, 1988. С. 32–51.

Косинцев П. А., 1992. Скотоводство средневекового населения Приуралья // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья: материалы 11-го Урал. археолог. совещан. Сыктывкар, 1992. С. 148–154.

Косинцев П. А., 1993. Жертвенные животные из святилища Халято I // Проблемы культурогенеза и культурное наследие: материалы к конф. Ч. 2. Археология и изучение культурных процессов и явлений. СПб., 1993. С. 141–143.

Косинцев П. А., 1995. Хозяйство населения Усть-Полуя // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Тез. докл. 10-го Зап.-Сиб. археолого-этногр. совещ. памяти В. Н. Чернецова. Томск, 1995. С. 89–91.

Косинцев П. А., 1997а. Крупные млекопитающие лесотундровой зоны Западной Сибири в начале позднего голоцена // Материалы по истории и современному состоянию фауны севера Западной Сибири / сост. П. А. Косинцев. Челябинск: Рифей, 1997. С. 133–164.

Косинцев П. А., 1997б. Крупные млекопитающие и охота населения севера таежной зоны Западной Сибири в голоцене // Материалы по истории и современному состоянию фауны севера Западной Сибири / сост. П. А. Косинцев.. Челябинск: Рифей, 1997. С. 165–177.

Косинцев П. А., 2000а. Промысловая деятельность населения и млекопитающие севера Западной Сибири в голоцене // Науч. вестн. Вып. 3. Салехард, 2000. С. 57–65.

Косинцев П. А., 2000б. Хозяйственные комплексы населения р. Казым в позднем железном веке // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы IV Сиб. чтений, 12–14 окт. 1998 г., Санкт-Петербург / отв. ред. Е. Г. Федорова. СПб.: МАЭ РАН, 2000. С. 69–73.

Косинцев П. А., 2001. Домашние и дикие млекопитающие из раскопок города Эмдер (Приложение 3) // А. П. Зыков, С. Ф. Кокшаров. Древний Эмдер. Екатеринбург: Волот, 2001. С. 248–263.

Косинцев П. А., 2002. Историческая динамика хозяйственных типов на севере Западной Сибири // Север. археолог. конгр. Тез. докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002. С. 292–294.

Косинцев П. А., 2005. Историко-экологическое изучение археологических памятников // Методика археологических исследований Западной Сибири: сб. статей и метод. рекомендаций. Омск: Фаворит, 2005. С. 76–95.

Косинцев П. А., 2006. Экология средневекового населения севера Западной Сибири. Источники. Екатеринбург — Салехард: Изд-во Урал. ун-та. 2006. 272 с.

Косинцев П. А., Бачура О. П., Корона О. М. и др., *2012.* Историко-экологические исследования археологического памятника Усть-Полуй // Археология Арктики. Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». Салехард, 27–30 ноября 2012 г. Екатеринбург: Деловая пресса, 2012. С. 80–85.

Косинцев П. А., Лобанова Т. В., 2003. Крупные млекопитающие лесотундровой зоны Западной Сибири в конце позднего голоцена // Четвертичная палеозоология на Урале: сб. / сост. Н. Г. Смирнов. Екатеринбург, 2003. С. 171–176.

Косинцев П. А., Лобанова Т. В., 2005а. Животноводство в хозяйстве населения Мангазеи // Культура русских в археологических исследованиях: Материалы Всерос. науч. конф., 2005 г. Омск, 2005. С. 105–112.

Косинцев П. А., Лобанова Т. В., 2005б. Охота населения Надымского городка на млекопитающих в XVII–XVIII веках // Историческое краеведение Ямала: сб. Омск, 2005. С. 12–22.

Косинцев П. А., Лобанова Т. В., 2006. Крупные млекопитающие лесотундровой зоны Западной Сибири в позднем голоцене // Динамика современных экосистем в голоцене: Материалы Рос. науч. конф. М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2006. С. 113–116.

Косинцев П. А., Лобанова Т. В., Кардаш О. В., 2001. Костные остатки из постройки 8 Надымского городка // Самодийцы: Материалы IV Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири», 10–12 дек. 2001 г., Тобольск. Тобольск; Омск, 2001. С. 129–131.

Косинцев П. А., Морозов В. М., Терехова Л. М., 1988. Млекопитающие в системе природопользования средневекового населения Западной Сибири // Современное состояние и история животного мира Западно-Сибирской низменности: сб. / отв. ред. А. В. Бородин. Свердловск: УрО РАН СССР, 1988. С. 52–64.

Косинцев П. А., Подопригора И. Н., 1998. Домашние животные Верхотурья // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья: сб. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. С. 81–91.

Костров Н. А., 1857. Очерки Туруханского Края // Записки Сиб. Отд. Имп. Рус. Географ. о-ва. 1857. Кн. IV. С. 61–75.

Кривенко В. Г., 1990. Современное размещение и тенденции изменения численности водоплавающих птиц Западно-Сибирской равнины и севера Средней Сибири // Ресурсы животного мира Сибири. Охотничье-промысловые звери и птицы: сб. науч. тр. Новосибирск: Наука (Сиб. отд-ние), 1990. С. 52–54.

Крупник И. И., 1976. Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев // Совет. этнография. 1976. № 2. С. 57–69.

Крупник И. И., 1989. Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989. 272 с.

Кузнецов Н. И., 1888. Природа и жители восточного склона Северного Урала (Предварительное сообщение. Чит. в Общ. собр. ИРГО 7 окт. 1887 г.) // Изв. Императ. Рус. Географ. о-ва. 1887–1888. Т. XXIII. С. 726–749.

Кукарцев В. А., 1974. Влияние весенних паводков на численность горностая в пойме Нижней Оби // Биологические проблемы Севера: Тез. докл. IV симп. Вып. 1: Териология. Орнитология. Физиология животных. Якутск, 1974. С. 34–39.

Кулагин Н. М., 1923. Русский пушной промысел. Петроград, 1923. С. 46–54. (Богатства России. Т. 8.)

Курилович А., 1934. Гыданский полуостров и его обитатели // Совет. Север. 1934. № 1. С. 129–140.

Кушелевский Ю. И., 1868. Северный полюс и земля Ямал. Путевые записки. СПб., 1868. 156 с.

Лаптев И. П., 1958. Млекопитающие таежной зоны Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1958. 285 с.

Лашук Л. П., 1968. «Сиртя» — древние обители Субарктики // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968. С. 178–193.

Лобанова Т. В., 2003. Анализ остеологических материалов из раскопок Усть-Войкарского городища // Угры: Материалы VI Сибир. симп. «Культурное наследие народов Сибири», 9–11 дек. 2003 г. Тобольск, 2003. С. 110–112.

Лукина Н. В., 1985. Формирование материальной культуры хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. 365 с.

Макридин В. П., 1956. Стаи беляков в тундре // Охота и охотничье хозяйство. 1956. № 10. С. 14–15.

Макридин В.П., Железнов Н.К., Громов Е.И. и др., *1985.* Крайний Север // Волк / отв. ред. Д. И. Бибиков. М.: Наука, 1985. С. 467–476.

Малоземова О. В., Морозов В. М., 1997. Разведочные раскопки 1991 г. и коллекция случайных сборов на городище Усть-Полуй // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1997. С. 190–203.

Мартынова Е. П., 1998. Очерки истории и культуры хантов. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1998. 235 с.

Мартынович Н. В., 2013. Птицы «Златокипящей» Мангазеи // Зоолог. журн. 2013. Т 92. № 6. (В печати.)

Масальский Н. Г., Симонов В. А., 1930. В стране манси // Урал. охотник. 1930. № 9. С. 212–214.

Материалы экспедиции Ж.-Н. Делиля в Березов в 1740 г.: Дневник Т. Кёнигфельса и переписка Ж.-Н. Делиля / вступ. ст. и сост. Н. В. Кирющенко, П. А. Кротов; отв. ред. С. А. Козлов. СПб.: Историческая иллюстрация, 2008. 544 с.: ил. Вып. 1.

Материалы приполярной переписи 1926–1927 гг. в Сибирском крае / Центр. стат. упр., Сиб. край, Стат. отд. Новосибирск: тип. «Советская Сибирь», 1929. Вып. 2: Территориальные итоги хозяйственной переписи. 200 с.

Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. 104 с.

Меньшиков М. И., 2011. Рыбы бассейна реки Оби. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2011. 216 с.

Миддендорф А. Ф., 2006. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. 2. Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. Репринт. воспроизв. изд. 1869 и 1878 гг. СПб.: ГеоГраф, 2006. 850 с.: ил.

Миллер Г.Ф., 1999. История Сибири. Т. 1. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 1999. 630 с.

Миллер Г.Ф., 2000. История Сибири. Т. 2. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2000. 796 с.

Минеев Ю.Н., 2003. Гусеобразные птицы восточноевропейских тундр. Екатеринбург: УрО РАН, 2003. С. 166–196.

Миненко Н. А., 1975. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX века: историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1975. 308 с.

Митусова Р. П., 1925. Материалы по бюджетам крестьянских, самоедских и остяцких хозяйств // Статистика Урала: Труды Урал. обл. стат. бюро. Сер. V. Т. I. Свердловск, 1925. С. 104–137, 170–171.

Митусова Р. П., 1929. Год среди лесного народа. Из путевого дневника // Вокруг света. 1929. № 9. С. 6–9; № 11. С. 10–13; № 12. С. 14–17; № 14. С. 13–14; № 15. С. 13–14.

Мифы и предания ненцев Ямала / авт.-сост. Л. А. Лар; ил. Л. А. Лар. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. 294 с., 16 цв. ил.

Мифы, предания, сказки хантов и манси / пер. с хант., манс., нем.; сост. предисл. и примеч. Н. В. Лукиной. М.: Наука, 1990. 568 с.

Мифы, сказки, предания манси (вогулов) / подг. текстов, перев., вступ. статья, коммент., указатели, словари, сост. компакт-диска Е. И. Ромбандеевой; сверка национ. текстов Т. Д. Слинкиной. Новосибирск: Наука, 2005. 475 с.

Млекопитающие Якутии / под ред. В. А. Тавровского. М.: Наука, 1971. 660 с.

Молданов Т., 1999. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 141 с.

Молочаев А. В., 1990. Особенности динамики численности водоплавающих птиц в низовьях Оби // Биологические основы учета численности охотничьих животных: сб. науч. тр. ЦНИЛ Главохоты РСФСР. М., 1990. С. 138–152.

Монахов В. Г., 1995. Соболь Урала, Приобья и енисейской Сибири. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. 154 с.

Мордвинов А. А., 1860. Инородцы, обитающие в Туруханском крае // Вестн. Имп. Географ. о-ва. 1860. № 2. С. 25–64.

Мошинская В. И., 1953. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. Т. 35: Древняя история нижнего Приобья: сб. С. 72–106.

Мыглан В. С., Ваганов Е. А., 2005. Эпидемии и эпизоотии в Сибири в XVII — первой половине XIX века и длительные изменения климата // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 4(24). С. 136–144.

Насимович А. А., 1955. Роль режима снежного покрова в жизни копытных животных на территории СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 404 с.

Некрасов А. Е., 2003. Костные остатки птиц из голоценовых местонахождений Урала и Западной Сибири // Четвертичная палеозоология на Урале: сб / сост. Н. Г. Смирнов. Екатеринбург, 2003. С. 158–170.

Некрасов А. Е., 2005. Ихтиологический и орнитологический материал // Н. В. Федорова [и др.]. Зеленый Яр. Екатеринбург — Салехард, 2005. С. 321–325.

Некрасов А. Е., Косинцев П. А., 2011. Остатки рыб из археологического памятника Усть-Полуй // Экология древних и традиционных сообществ: сб. докладов конф. Вып. 4. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. С. 210.

Новицкий Г. И., 1989. Краткое описание о народе остяцком // Колумбы земли Русской: Сб. документ. описаний об открытиях и изучении Сибири, Дальнего Востока и Севера в XVII–XVIII вв. / сост., предисл., коммент., слов. К. В. Цеханской. Хабаровск: Хабаров. кн. изд-во, 1989. С. 97–121.

Носилов К. Д., 1890. Лоси на Северном Урале // Природа и охота: ежемес. иллюстр. журн. 1890, окт. С. 39–40.

Носилов К. Д., 1903. На Новой Земле. Очерки и наброски. СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1903. 328 с.

Носилов К. Д., 1904. У вогулов. Очерки и наброски. СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1904. 257 с.

Носилов К. Д., 1937. Северные рассказы. Свердловск: Свердл. обл. изд-во, 1937. 272 с.

Обдорский край и Мангазея в XVII веке: сб. документов / авт.-сост. Е. В. Вершинин, Г. П. Визгалов; науч. ред. О. В. Кардаш. Екатеринбург: Тезис, 2004. 200 с.

Оглоблин Н. Н., 1900. Обозрение столбцов и книг Сибирского Приказа. Т. III. М., 1900. 380 с.

Огнев С. И., 1947. Звери СССР и прилежащих стран (звери Восточной Европы и Северной Азии). Т. V. Грызуны (продолжение). М.-Л.: АН СССР, 1947. 809 с.

Огрызко И. И., 1941. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 196 с.

Оксенов А. М., 1887. Слухи и вести о Сибири до Ермака // Сибирский сборник. Кн. IV. СПб., 1887. С. 90–130.

Оленеводство // Ежегодник Тобол. губерн. музея, 1897. С. 66–78.

Оленеводство Тобольского севера в цифрах / О-во изучения Русского Севера. 1909. № 2. 6 с.

Описание Тобольского наместничества / сост. д-р ист. наук А. Д. Колесников. Новосибирск: Наука, 1982. 309 с.

О существовании Великой Венгрии, обнаруженной братом Рихардом во время господина папы Григория IX // В. И. Мошинская. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // Материалы и исследования по археологии СССР. 1953. Вып. 35. С. 72–106.

Павлинин В. В., 1971. Особенности экологии зайца-беляка (Lepus timidus L., 1758) // Млекопитающие Ямала и Полярного Урала. Т. 1. Свердловск, 1971. С. 75–107.

Павлинин В. В., 1997. Особенности экологии зайца-беляка (Lepus timidus L., 1758) на Ямале // Материалы по истории и современному состоянию фауны севера Западной Сибири. Челябинск, 1997. С. 31–42.

Павлов П. Н., 1972. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1972. 320 с.

Паллас П. С., 1786. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской Императорской Академии наук / пер. Федор Томанский. Ч. II. Кн. I. СПб.: Имп. Акад. наук, 1786.

Паллас П. С., 1788. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Часть третия, Половина первая 1772 и 1773 годов / пер. Зуев. СПб.: Имп. Акад. наук, 1788.

Панова Н. К., 1998. Палеоэкология поселения Тиутей-Сале 1 по результатам споро-пыльцевого анализа // Н. В. Федорова, П. А. Косинцев, В. В. Фицхью «Ушедшие в холмы»: культура населения побережий северо-западного Ямала в железном веке. Екатеринбург, 1998. С. 91–98.

Панова Н. К., 2008. Реконструкция палеорастительности городища Ярте 6 на полуострове Ямал (по данным спорово-пыльцевого анализа) // Фауны и флоры Северной Евразии в позднем кайнозое: сб. науч. трудов. Екатеринбург — Челябинск: ООО «ЦИКР «Рифей», 2008. С. 244–248.

Пантелеев А. В., Косинцев П. А., 2010. Орлан-белохвост *(Haliaeetus albicilla)* из археологического памятника Усть-Полуй // Вестн. археол., антропол. и этногр. 2010. № 2. С. 214–218.

Пантелеев А. В., Потапова О. Р., 1996. Птицы в культуре жителей Усть-Полуйского городища // Животные и растения в мифоритуальных системах. Материалы науч. конф. СПб, 1996. С. 102–104.

Пантелеев А. В., Потапова О. Р., 2000. Позднеголоценовые птицы из археологической стоянки окрестностей г. Салехарда (север Западной Сибири) // Рус. орнитол. журн. 2000. Экспресс-выпуск. № 106. С. 3–31.

Пасхальный С. П., Головатин М. Г., 2004. Ландшафтно-зональная характеристика населения птиц полуострова Ямал. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. 79 с.

Патканов С. К., 1911. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) // Зап. Имп. Рус. Географ. о-ва по отд-нию статистики. Т. XI. Вып. 2. СПб., 1911. 432 с.

Перевалова Е. В., 2004. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2004. 414 с.

Перевод письма венгерского путешественника Г-на Регули к члену Русского Географического Общества, Академику П. И. Кеппену, от 21 Января 1847 года // Зап. Рус. Географ. о-ва. Кн. 3. СПб., 1849. С. 157–175.

Пика А. И., 1981. Биологические ресурсы сосьвинского Приобья и их использование аборигенным населением в XVIII–XIX вв. // Методологические аспекты археолог. и этнограф. исследований в Зап. Сибири: сб. науч. трудов. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1981. С. 160–162.

Пиминов В. Н., 1990. Освоение ресурсов белой куропатки на севере Тюменской области // Ресурсы животного мира Сибири. Звери и птицы: сб. Новосибирск, 1990. С. 85–87.

Плигузов А. И., 1993. Текст-кентавр о сибирских самоедах. Москва; Ньютонвиль: Археографический центр, 1993. 160 с.

Повесть временных лет / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 1999. 668 с.

Подъяпольская В. П., Капустин В. Ф., 1958. Глистные болезни человека. М.: Медгиз, 1958. 664 с.

Поляков И. С., 2002. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии наук / предисл. С. Г. Пархимовича. Тюмень: Изд-во Юрия Мандрики, 2002. 200 с.

Попов А. А., 1948. Нганасаны: материальная культура. М.-Л., 1948. 122 с.

Похозяйственная перепись Приполярного севера СССР. 1926/1927 годы: Территориальные и групповые итоги похозяйственной переписи / Центр. стат. упр. М.: Статиздат ЦСУ СССР, 1929. 256 с.

Природа Ямала / отв. ред. Л. Н. Добринский. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1995. 436 с.: ил.

Прокофьев Г. Н., 1928. Остяко-самоеды Туруханского края // Этнография. 1928. № 2. М.: Л.: Главнаука, Госиздат. С. 96–103.

Птицеводство России. История. Основные направления. Перспективы развития / М. Г. Петраш, И. И. Кочиш, И. А. Егоров и др. М.: Колос, 2004. 297 с.

Путешествие в Западную Сибирь Д-ра О. Финша и А. Брэма. М.: Тип. М. Н. Лаврова и К⁰, 1882. 578 с.

Равкин Ю. С., Вартапетов Л. Г., Миловидов С. П. и др., *1990.* Летние запасы охотничье-промысловых птиц Западно-Сибирской равнины // Ресурсы животного мира Сибири. Звери и птицы: сб. Новосибирск, 1990. С. 41–47.

Равкин Ю. С., Вартапетов Л. Г., Торопов К. В. и др., *2004.* Промысловая численность и распределение глухаря и рябчика на Западно-Сибирской равнине // Сиб. эколог. журн. 2004. № 4. С. 563–566.

Рахманин Г. Е., 1959. Пушной промысел Ямало-Ненецкого национального округа и мероприятия по его рационализации. Сообщение первое: Материалы по фауне Приобского Севера и ее использование // Тр. Салехард. стационара УФАН СССР. Вып. 1. Тюмень, 1959. С. 101–176.

Руденко С. М., 1914. Инородцы нижней Оби (этнографический очерк). СПб., 1914. (Отдельный оттиск). 16 с.

Рябицев В. К., 2001. Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири: справочник-определитель. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 608 с.

Рябицев В. К., Алексеева Н. С., 1995. Птицы // Природа Ямала / отв. ред. Л. Н. Добринский. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1995. С. 271–298.

Рябицев В. К., Рябицев А. В., 2010. Птицы Ямало-Ненецкого автономного округа: справочник-определитель. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. 448 с.: ил.

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической Комиссией. Т. 2. СПб., 1875.

Сабанеев Л. П., 1989а. Рябчик // Охотничьи птицы. Труды по охоте. М., 1989. С. 224–270.

Сабанеев Л. П., 1989б. Тетерев-косач // Охотничьи птицы. Труды по охоте. М., 1989. С. 11–154.

Северная Сосьва (исторические и современные проблемы развития коренного населения). Шадринск: ПО «Исеть», 1992. 75 с.

Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера / пер. и подгот. текста, предисл., коммент. А. Х. Элерта. Екатеринбург: НПМП «Волот», 2006. 416 с.: ил.

Сельскохозяйственная энциклопедия. Т. 3. [Лошадь] / Изд. Гос. слов.-энцикл. изд-ва «Советская энциклопедия». М.: ОГИЗ РСФСР, 1933. С. 452–464.

Сельскохозяйственная энциклопедия. Т. 4. [Собаки] / Изд. Гос. слов.-энцикл. изд-ва «Советская энциклопедия». М.: ОГИЗ РСФСР, 1934. С. 477–479.

Семенова В. И., 2001. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск: Наука, 2001. 296 с.

Сибирские летописи. СПб., 1907. 432 с.

Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / изд. подг. А. Х. Элертом. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 310 с.

Силантьев А. А., 1898. Обзор промысловых охот в России. СПб.: Изд-во Департамента Земледелия, 1898. 226 с.

Симченко Ю. Б., 1976. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М.: Наука, 1976. 312 с.

Скалозубов Н. Л., 1907. От Тобольска до Обдорска (Из путевого журнала) // Ежегодник Тобол. губерн. музея, 1907. Вып. 16. С. 1–28.

Скалон В. Н., 1951. Речные бобры Северной Азии. М.: Изд-во Моск. о-ва испытателей природы, 1951. 208 с.

Следь Т. В., Михайличенко Л. В., Лугаськов А. В. и др., *1990.* Характеристика ихтиофауны бассейна р. Северной Сосьвы // Характеристика экосистемы реки Северной Сосьвы: сб. Свердловск: УрО АН СССР, 1990. С. 94–178.

Смирнов Н. А., 1936. Основы стандартизации собак и стандарт ездовых по сравнению с другими лайками // Стандарты лаек СССР. Труды Арктического Института. Т. LVI. Биология. Л.: Изд-во Глав. упр. сев. мор. пути, 1936. С. 101–177.

Современный взгляд на народную медицину Севера / В. И. Хаснулин [и др.]; под ред. акад. РАМН, проф. Л. Д. Сидоровой, акад. АПМ и ЭЭЧ Е. А. Гаер. Новосибирск: СО РАМН, 1999. 281 с.

Соколков А. В., 1992. Некоторые аспекты методики обнаружения и исследования археологических памятников в зоне Ямальской тундры // Экспериментальная археология. Вып. 2. Тобольск, 1992. С. 113–118.

Соколов В. Е., Россолимо О. Л., 1985. Систематика и изменчивость // Волк. М., 1985. С. 21–50.

Соколова З. П., 1972. Культ животных в религиях. М., 1972. 216 с.

Соколова З. П., 1983. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. Проблема фратрии и рода. М.: Наука, 1983. 326 с.

Сосин В. Ф., 1992. Промысловые млекопитающие Нижней Оби // Природа поймы Нижней Оби. Наземные экосистемы. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. С. 174–196.

Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI — начало XX века): сб. правовых актов и документов / ред.-сост. А. Ю. Конев. Тюмень: Ин-т проблем освоения Севера СО РАН, 1999. 238 с.

Стародумов Д. О., 2012. Результаты спасательных археологических работ на городище Няксимволь 1 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. статей / отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск: Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. Вып. 10. С. 137–154.

Старцев Г. А., 1930. Самоеды (ненча): историко-этнографическое исследование. Л., 1930. 170 с.: ил.

Строганов С. У., 1962. Звери Сибири. Хищные. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 459 с.

Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.): сб. док. Тюмень, 1994. 319 с.

Сыроечковский Е. Е., 1974. Биологические ресурсы Сибирского Севера. М.: Наука, 1974. 367 с.

Сыроечковский Е. Е., 1986. Северный олень. М.: Агропромиздат, 1986. 256 с.

Татищев В. Н., 1950. Избранные труды по географии России. М.: Гос. изд-во Географ. лит-ры, 1950. С. 143–197.

Теплоухов А. Ф., 1922. По Ямалу: Путевые заметки // Сибирская природа. № 2. Омск: Изд-во Рус. Географ. о-ва, 1922. С. 114–128.

Терлецкий П. Е., 1931. Пушной и охотничий промысел на Крайнем Севере (по материалам Приполярной переписи 1926/27 г.) // Совет. Север. 1931. № 7–8. С. 9–14.

Тимофеев В. В., Надеев В. Н., 1955. Соболь. М.: Изд-во техн. и экон. лит. по вопросам заготовок, 1955. 404 с.

Титов А., 1890. Сибирь в XVII веке. М.: Издатель Г. Юдин, 1890. 237 с.

Титова З. Д., 1978. Сообщения пленных иностранцев о народах Сибири (XVIII в.). Ч. 2. // Вопр. археол. и этногр. Сибири. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1978. С. 91–103.

Тоболяков В. К., 1930а. К верховьям исчезнувшей реки. М.: Работник просвещения, 1930. 120 с.

Тоболяков В. К., 1930б. Путешествие на Полярный Урал. М.: Работник просвещения, 1930. 63 с.

Томилин А. Г., 1957. Звери СССР и прилежащих стран. Китообразные. Т. IX. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 756 с.

Третьяков П. И., 1871. Туруханский край, его природа и жители // Зап. Рус. Географ. о-ва (по общей географии). Т. 2. СПб., 1871. 242 с.

Туров С. В., 2005. Традиционное скотоводство на крайнем северо-западе Сибири (XVIII — I треть XX вв.) // Ямал между прошлым и будущим: приоритеты развития: Материалы Всерос. науч. конф. «Ямал: история, историография, краеведение», Салехард, апрель 2005 г. Екатеринбург — Салехард: РА АРТмедиа, 2005. 256 с.

Туров С. В., 2006. Описание охоты русских в с. Мужи Шурышкарского района ЯНАО в 1930-е годы (Записано от В. А. Рочева 1928 г.р., с. Мужи, ЯНАО) // Русское Северное Зауралье. Церковно-исторические и этнологические очерки // Науч. вест. № 7(44). Салехард, 2006.

Туров С. В., 2007. Природопользование русских старожилов Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX века): очерки этнической экологии. Екатеринбург: Баско, 2007. 184 с.: ил.

Туруханская экспедиция Приполярной переписи: этнография и демография малочисленных народов Севера: сб. науч. тр. / отв. ред. Д. Дж. Андерсон. Красноярск: Поликор, 2005. 448 с.

Успенский С. М., 1969. Добыча белого медведя на севере Евразии в XVIII–XX веках // Белый медведь и его охрана в Советской Арктике: сб. Л., 1969. С. 122–141.

Успенский С. М., 1979. Гибидеи — ритуальные жертвенники ненцев // Природа. 1979. № 7. С. 36–39.

Успенский С. М., 1989. Белый медведь. М.: Агропромиздат, 1989. 191 с.

Федорова Е. Г., 2000. Рыболовы и охотники бассейна Оби: Проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб.: Европейский дом, 2000. 368 с.

Федорова Н. В., 2004. Городище Усть-Войкарское (Войкарский городок) // Проблемы межэтнического действия в Сибири. Вып. 2. Новосибирск, 2004.

Федорова Н. В. Гусев А. В., 2008. Древнее святилище Усть-Полуй: результаты исследований 2006–2008 гг. // Усть-Полуй — древнее святилище на Полярном круге . Науч. вест. ЯНАО. Вып. № 9 (61). Салехард, 2008. С. 3–36.

Федорова Н. В., Косинцев П. А., Фицхью В. В., 1998. «Ушедшие в холмы»: культура населения побережий северо-западного Ямала в железном веке. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1998. 132 с.

Филонов К. П., 1983. Лось. М.: Лесная промышленность, 1983. 248 с.

Флеров К. К., 1933. Очерки по млекопитающим Полярного Урала и Западной Сибири // Известия АН СССР. Сер. VII. Отд-ние математики и естественных наук. 1933. № 3. С. 65–115.

Фольклор ненцев / сост. Е. Т. Пушкарева, Л. В. Хомич. Новосибирск: Наука, 2001. 504 с.

Формозов А. Н., 1935. Колебания численности промысловых животных. М.: ВКОИЗ, 1935. 108 с.

Хавесон Я. И., 1933. Аборигенные свиньи Чувашии // Проблема происхождения домашних животных. Тр. лаб. генетики. Вып. I. Л.: Изд-во АН СССР, 1933. С. 313–373.

Хантемиров Р. М., Шиятов С. Г., 1999. Радиоуглеродные и дендрохронологические датировки полуископаемой древесины на Ямале и их использование для изучения динамики лесотундровых экосистем // Биота Приуральской Субарктики в позднем плейстоцене и голоцене. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1999. С. 3–22.

Хаснулин В. И., Вильгельм В. Д., Скосырева Г. А. и др., 1999. Современный взгляд на народную медицину Севера. Новосибирск: СО РАМН, 1999. 281 с.

Хомич Л. В., 1966. Ненцы. М.-Л.: Наука, 1966. 330 с.

Хомич Л. В., 1972. Некоторые особенности хозяйства и культуры лесных ненцев // Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе / Академия наук СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; [отв. ред. А. М. Решетов]. Л. : Наука, 1972. С. 199–214.

Хондажевский Н. К., 1880. Зимнее исследование нагорного берега Иртыша от Тобольска до Самарова и северных тундр между Обской губой и Сургутом // Зап. Западно-Сибирского отд-я изв. Рус. Географ. о-ва. Кн. 2. 1880. С. 1–32.

Чапский К. К., 1941. Морские звери Советской Арктики. М.-Л.: Главсевморпути, 1941. 186 с.

Чемякин Ю. П., Зыков А. П., 2004. Барсова Гора. Археологическая карта. Сургут; Омск, 2004. 208 с.

Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г., 1999. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу): сб. ст. Екатеринбург: Тезис, 1999. С. 9–66.

Чернецов В. Н., 1935. Древняя приморская культура на полуострове Я-мал // Совет. этнография. 1935. № 4–5. С. 109–133.

Чернецов В. Н., 1947. К вопросу о происхождении восточного серебра в Приобье // Тр. Ин-та этнографии. 1947. Вып. 1. С. 113–134.

Чернецов В. Н., 1949. Быт хантов и манси по рисункам XIX века // Сб. МАЭ / Акад. наук СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Т. X. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 7–33.

Чернецов В. Н., 1953а. Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья: матер. и исслед. по археол. СССР. 1953. Вып. 35. С. 121–178.

Чернецов В. Н., 1953б. Усть-Полуйское время в Приобье // Древняя история Нижнего Приобья: матер. и исслед. по археол. СССР. Вып. 35. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 221–241.

Чернецов В. Н., 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири: Матер. и исслед. по археол. СССР. № 58. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 136–245.

Чернецов В. Н., 1959. Представление о душе у обских угров // Тр. Ин-та этнографии. 1959. Вып. 51. С. 114–156.

Чугунов С. М., 1917. От Тобольска до Обдорска летом 1915 года // Ежегодник Тобол. губерн. музея. Вып. 26. Тобольск: Тип. епархиального братства, 1917.

Чупретов В. М., Замятин В. А., 1990. К оценке запасов муксуна в Оби // Ресурсы животного мира Сибири. Рыбы: сб. ст. / отв. ред. Е. И. Евсиков. Новосибирск, 1990. С. 36–38.

Шавров В. Н., 1871. Краткие записки о жителях Березовского уезда // Чтения в обществе по истории и древностей российских. Кн. 2. СПб., 1871. С. 1–21.

Шемановский И. С., 2005. Избранные труды. М.: Советский спорт, 2005. 304 с.

Шиятов С. Г., Мазепа В. С., Хантемиров Р. М. и др., *2000.* Итоги и перспективы использования дендрохронологического метода для датировки археологических, исторических и этнографических памятников на территории ЯНАО: матер. научно-иссл. конф. по итогам полевых исследований 1999 г. // Науч. вестн. ЯНАО. Вып. 3: Археология и этнография. Салехард, 2000. С. 49–56.

Шиятов С. Г., Хантемиров Р. М., 2000. Дендрохронологические датировки древесины кустарников из археологического поселения Ярте-VI на полуострове Ямал // Древности Ямала: сб. ст. Вып. 1. Екатеринбург — Салехард, 2000. С. 112–120.

Шиятов С. Г., Хантемиров Р. М., Горячев В. М. и др., *2005.* Дендрохронологические датировки археологических, исторических и этнографических памятников Западной Сибири // Археология и естественнонаучные методы: сб. науч. ст. по итогам конф. М., 2005. С. 43–57.

Шренк А. И., 2009. Путешествие к северо-востоку Европейской России / пер. с нем. М.: Объед. гуманит. изд-во, 2009. 496 с.

Штернберг Л. Я., 1925. Культ орла у сибирских народов // Сб. МАЭ. 1925. Т. 2. С. 717–740.

Штро В. Г., 1997. Экология песца (Alopex lagopus L., 1758) Ямала // Материалы по истории и современному состоянию фауны севера Западной Сибири / сост. П. А. Косинцев. Челябинск: Рифей, 1997. С. 16–30.

Шунков В. Н., 1946. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII веков. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1946. 228 с.

Шухов И. Н., 1913. Поездка в низовья р. Оби и Обскую губу // Изв. Зап.-Сиб. отд. Рус. Географ. о-ва. 1913. Т. I. Вып. 2. С. 1–5.

Шухов И. Н., 1914. Река Щучья // Ежегодник Тобол. губерн. музея. 1914. Вып. 22. С. 1–31.

Шухов И. Н., 1915. Птицы Обдорского края // Ежегодник Зоол. Музея Императ. Акад. Наук. 1915. Т. 20. С. 167–238.

Шухов И. Н., 1916. Река Казым и ее обитатели // Ежегодник Тобол. губерн. музея. 1916. Вып. 26. С. 1–51.

Щеглов И. В., 1993. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут: Северный дом, 1993. 463 с.

Эйрие Ж. Б.-Б., 1839. Живописное путешествие по Азии: в 6 т. / пер. с фр. Е. Ф. Корша. Т. 1. М.: Тип. Николая Степанова, 1839. 260 с.

Элерт А. Х., 1990. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск: Наука, 1990. 247 с.

Элерт А. Х., 1999. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. Новосибирск: Наука, 1999. 220 с.

Юданов И. Г., 1928. Тазовский район // Научно-промысловые исследования Сибири. Сер. А, вып. 4. Красноярск, 1928. 74 с.

Ядринцев М. Н., 1891. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891. 308 с.

Якобий А. И., 1895. Остяки северной части Тобольской губернии // Ежегодник Тобол. губерн. музея. 1895. Вып. 4. С. 1–25.

Якобий А. И., 1900. Угасание инородческих племен Тобольского Севера. СПб., 1900. 18 с.

Яковлев А. И., 1950. Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 286 с.

Яковлев А. И., 1951. Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. II. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 312 с.

Яковлев (Богучарский) В. Я., 1998. Очерки промысловой охоты в северных округах Тобольской губернии // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века / сост. Л. П. Рощевская, В. К. Белобородов. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. С. 333–357.

Ямал традиционный: в 2 кн. // История Ямала: в 2 т. / Урал. отд-ние РАН, Ин-т ист. и археол.; гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург: Баско, 2010. Т. 1. Кн. 1 / под ред. Н. В. Федоровой [и др.]. 416 с.

Dobbeler von de, 1886a. Eine Reise nachdem Tass-Busen // Globus. 1886. Bd. XLIX. № 8–9.

Dobbeler von de, 1886в. Die Samojeden // Globus. 1886. Bd. XLIX. № 11–14.

Donner K., 1926. Bei den Samojeden in Sibirien. Stuttgart. 1926. 196 s.

Kardash O., 2012. Ritual complexes of North-West Siberia in XVII–XVIII centuries (according to archeological data) // Rituals: Types, Efficacy and Myths. Nova Science Publishers, Hauppauge N.Y., 2012.

Sirelius U. T., 1906. Uber die Sperrfishcerei bei deu finnisch — ugrischen völkern. Sociefe finno-ougrienne. Travaux ethnographiques III. Helsingfors, 1906. 486 s.

Sommier S. Sirieni, 1877. Ostiacchie e Samoiedi dell'Ob: Prime Parte // Archivio per l'Antropologia e la Etnologia. Vol. 17, fasc. 1–2. Firence, 1877. P. 20—70.

Sommier S., 1885. Un Estate in Siberia fra, ostiacchi, samoiedi, sirieni, tatari, kirgisi e baskiri. Torino; Roma, 1885.

Sommier S. Sirieni, 1887. Ostiacchie e Samoiedi dell'Ob: Prime Parte // Archivio per l'Antropologia e la Etnologia. Vol. 18, fasc. 1–2. Firence, 1887.

Sthralenberg Ph. J. Von, 1730. Das Nord-und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730. 258 s.

ВИЗГАЛОВ
Георгий Петрович

VIZGALOV
Georgiy Petrovich

Археологией Урала и Северо-Западной Сибири начал заниматься в 1978 году. В 1983 году окончил исторический факультет Уральского государственного университета имени А. М. Горького.

В настоящее время является директором ООО «НПО “Северная археология”».

Научные интересы: изучение истории освоения Сибири Московским государством и Российской империей.

В 2007 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Мангазея — первый русский город в Сибирском Заполярье».

Автор 40 научных статей и 4 монографий. Наиболее значительные исследования — раскопки русских городов и острогов XVI–XVIII веков на Крайнем Севере и изучение памятников арктического мореплавания.

A doctor of History. He has been studying archaeology of the Urals and North-Western Siberia since 1978; in 1983 graduated the Ural State University after A. M. Gorkiy in history. He is currently a director of “RPA Nortern archeology” OOO (LLC). The area of expertise is history of land invasion of Siberia by Muscovy and the Russian Empire. In 2007 he defended a doctoral theses “Mangazeya – the first Russian city in Siberian High Arctic”. His previous publications number 40 scientific articles and 4 personal and coathored books. Among his researches the most significant are archeological excavations of Russian cities and Ostrogs (fortresses) of 16th — 18th centuries in the Extreme North and investigation of Arctic navigation sites.

КАРДАШ
Олег Викторович

KARDASH
Oleg Victorovich

Археологией Урала и Северо-Западной Сибири занимается с 1979 года. В 1991 году окончил исторический факультет Уральского государственного университета имени А. М. Горького.

В настоящее время работает в должности заместителя директора по науке в ООО «НПО “Северная археология”».

Научные интересы сосредоточены в сфере изучения древней истории аборигенного населения Сибири.

В 2007 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Культура аборигенного населения бассейна реки Надым конца XVI — первой трети XVIII вв.».

Автор 50 научных статей и 5 монографий. Наиболее значительные полевые работы — комплексное исследование археологических памятников в арктических районах Крайнего Севера.

A doctor of History. He has been studying archaeology of the Urals and North-Western Siberia since 1979; in 1991 graduated the Ural State University after A. M. Gorkiy in history. He is currently a vicedirector of “RPA Nortern archeology” OOO (LLC). The area of expertise is ancient history of indigenes population of Siberia. In 2007 he defended a doctoral theses “The culture of aboriginal population of the Nadym basin from the end of 16th century to the first half of 18th century”. His previous publications number 50 scientific articles and 5 personal and coathored books. The most significant fieldworks are comprehensive studies of archeological sites in the Extreme North.

КОСИНЦЕВ
Павел Андреевич

KOSINTSEV
Pavel Andreevich

Кандидат биологических наук, исполняющий обязанности заведующего лабораторией палеоэкологии Института экологии растений и животных УрО РАН.

Область научных интересов — история млекопитающих Европы и Северной Азии в плейстоцене и голоцене; история хозяйства населения Северной Евразии с палеолита до этнографического времени; историческая экология человека.

Автор и соавтор более 400 научных работ, в том числе 12 монографий, изданных в России и за рубежом.

A doctor of Biological Sciences, Acting Head of the Paleoecological Laboratory of the Institute of Plant and Animal Ecology of the Ural division of the Russian Academy of sciences. Area of expertise – the history of mammals in Europe and Northern Asia in the Pleistocene and Holocene, the history of the economy of the population of North Eurasia from the Paleolithic to the ethnographic time, historical human ecology.

Author and co-author of over 300 scientific papers, including 12 monographs published in Russia and abroad.

ЛОБАНОВА
Татьяна Владимировна

LOBANOVA
Tatyana Vladimirovna

В 1986 году окончила биологический факультет Уральского государственного университета имени А. М. Горького.

С 2001 года работает в лаборатории палеоэкологии Института экологии растений и животных УрО РАН (ранее — зоологический музей).

Научные интересы сосредоточены в области зооархеологии и исторической экологии. Исследования посвящены историко-экологическим исследованиям археологических памятников, реконструкции хозяйственной и промысловой деятельности человека в условиях Крайнего Севера, изучению состава, структуры и динамики фаун крупных млекопитающих севера Западной и Восточной Сибири в позднем голоцене.

Автор 19 научных работ.

In 1986 she graduated from the Faculty of Biology of the Ural State University named after A. M. Gorky. In 2001 she began working in Paleoecological Laboratory of the Institute of Plant and Animal Ecology of the Ural division of the Russian Academy of sciences (previously known as the Museum of Zoology) .

Area of expertise of T. V. Lobanova is in the field of zooarchaeology and historical ecology. Her researches focus on the historical and ecological studies of archaeological sites, reconstruction of economic and trade activity of the people in the Far North, the study of the composition, structure and dynamics of large mammal faunas of the North of West and East Siberia in the late Holocene.

T. V. Lobanova is author 19 scientific papers.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5
Глава 1. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ В ПИСЬМЕННЫХ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ 15
1.1. Письменные источники 15
1.1.1. Сведения иностранных авторов XIII–XVII веков 16
1.1.2. Русские делопроизводственные документы XVII–XVIII веков 21
1.1.3. Материалы российских и иностранных исследователей XVIII — начала XX века 28
1.1.4. Фольклорные источники 131
1.1.5. Этнографические источники XX века 133
1.2. Изобразительные источники 155
Глава 2. ПРОМЫСЛОВЫЕ И ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ 172
2.1. Промысловые животные 172
2.1.1. Млекопитающие 172
2.1.2. Птицы 206
2.1.3. Рыбы 218
2.2. Домашние животные 224
Глава 3. ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ 228
3.1. Материалы памятников аборигенного населения с 4 тыс. до н. э. по XIX век 236
3.1.1. Памятники зоны тундры 236
3.1.2. Памятники зоны лесотундры 262
3.1.3. Памятники зоны северной тайги 304
3.2. Материалы памятников русского населения XVI–XIX веков 326
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 351
SUMMARY 354

Библиографические ссылки 356
Сведения об авторах 372

CONTENTS

INTRODUCTION 5
Chapter 1. HISTORICAL ECOLOGY IN THE WRITTEN AND GRAPHIC SOURCES 15
1.1. Written sources 15
1.1.1. Information of foreign authors of XIII–XVII centuries 16
1.1.2. Russian clerical documents of XVII–XVIII centuries 21
1.1.3. Materials of Russian and foreign researchers of XVIII — beginning of XX century 28
1.1.4. Folklore sources 131
1.1.5. Ethnographic sources of XX century 133
1.2. Graphic sources 155
Chapter 2. GAME AND DOMESTIC ANIMALS 172
2.1. Wild animals 172
2.1.1. Mammals 172
2.1.2. Birds 206
2.1.3. Fish 218
2.2. Domestic animals 224
Chapter 3. PALEOECOLOGIC SOURCES 228
3.1. Materials from the sites of the aboriginal population of IV millennium B.C. – XIX century 236
3.1.1. Sites of the tundra area 236
3.1.2. Sites of the forest-tundra area 262
3.1.3. Sites of the northern taiga area 304
3.2. Materials from the sites of Russian population of XVI–XIX centuries 326
CONCLUSION 351
SUMMARY 354

Reference list 356
Authors information 372

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»

Создан в 2010 году с целью объединения ресурсных кластерных научно-производственных организаций для развития и совершенствования гуманитарной научно-исследовательской деятельности в сфере изучения, сохранения и популяризации культурного и природного наследия Севера России.

Юридический адрес: 628300, Тюменская обл., Ханты-Мансийский АО – Югра, г. Нефтеюганск, ул. Мира, пром. зона Пионерная, стр. 8/1

Почтовый адрес: ХМАО-Югра, г. Нефтеюганск 5, а/я 304, тел. +7 (3463)-23-49-56, 25-13-93, +7-922-43-60-089, e-mail: archaeonord@yandex.ru archaeonord-buch@yandex.ru

Директор Кардаш Олег Викторович

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «НПО «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ»

Юридический адрес: 628305, Российская Федерация, Ханты-Мансийский АО – Югра, г. Нефтеюганск, промышленная зона Пионерная, ул. Сургутская, строение 18

Почтовый адрес: 628305, Тюменская обл., Ханты-Мансийский автономный округ, г. Нефтеюганск-5, а/я 304, тел. +7 (3463) 250-273, +7 (3463) 296-386, 296-886, факс +7 (3463)294-623, e-mail: chistery@mail.ru; nv-chistery@rambler.ru

Директор Николаев Георгий Петрович

МАУ СУРГУТСКОГО РАЙОНА «ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЦЕНТР «БАРСОВА ГОРА»

Юридический адрес: 628400, ХМАО-Югра, Тюменская область, г. Сургут, Энергетиков, 22

Почтовый адрес: 628405, ХМАО-Югра, Тюменская область, г. Сургут, ОПС-5, а/я № 243, тел. +7 (3462) 77-43-25, +7 (3462) 77-43-24, +7 (3462) 77-43-26, e-mail: Barsova-gora-05@yandex.ru

Директор Бочкарев Дмитрий Викторович

ООО «ГИПЕРБОРЕЯ»

Юридический адрес: 628405, ХМАО-Югра, г. Сургут, пр. Производственный, 10/1

Почтовый адрес: 628405, а/я 240 ОСП 5, г. Сургут. Тел. +7 (3462) 25-52-91, +7(3462) 25-52-80, e-mail: Giperboreja-05@rambler.ru

Директор Шатунов Николай Владимирович

Научное издание

Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири
Выпуск 4

Визгалов Георгий Петрович, **Кардаш** Олег Викторович,
Косинцев Павел Андреевич, **Лобанова** Татьяна Владимировна

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Издательство АМБ
620026, г. Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, 59
Тел.: (343) 251-65-91, 251-65-95

Редактор *Марта Шарлай*
Верстка *Светлана Наймушина*
Макет, дизайн обложки *Марина Горбунова*

Президент АМБ *Владимир Лобок*

Подписано в печать 10.06.2013. Формат 60×90/8
Усл. печ. л. 45,6. Тираж 300 экз. Заказ № 1735

Отпечатано в Типографии АМБ
620144, г. Екатеринбург, ул. Щорса, 7